This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

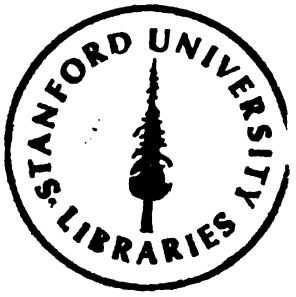
О программе Поиск кпиг Google

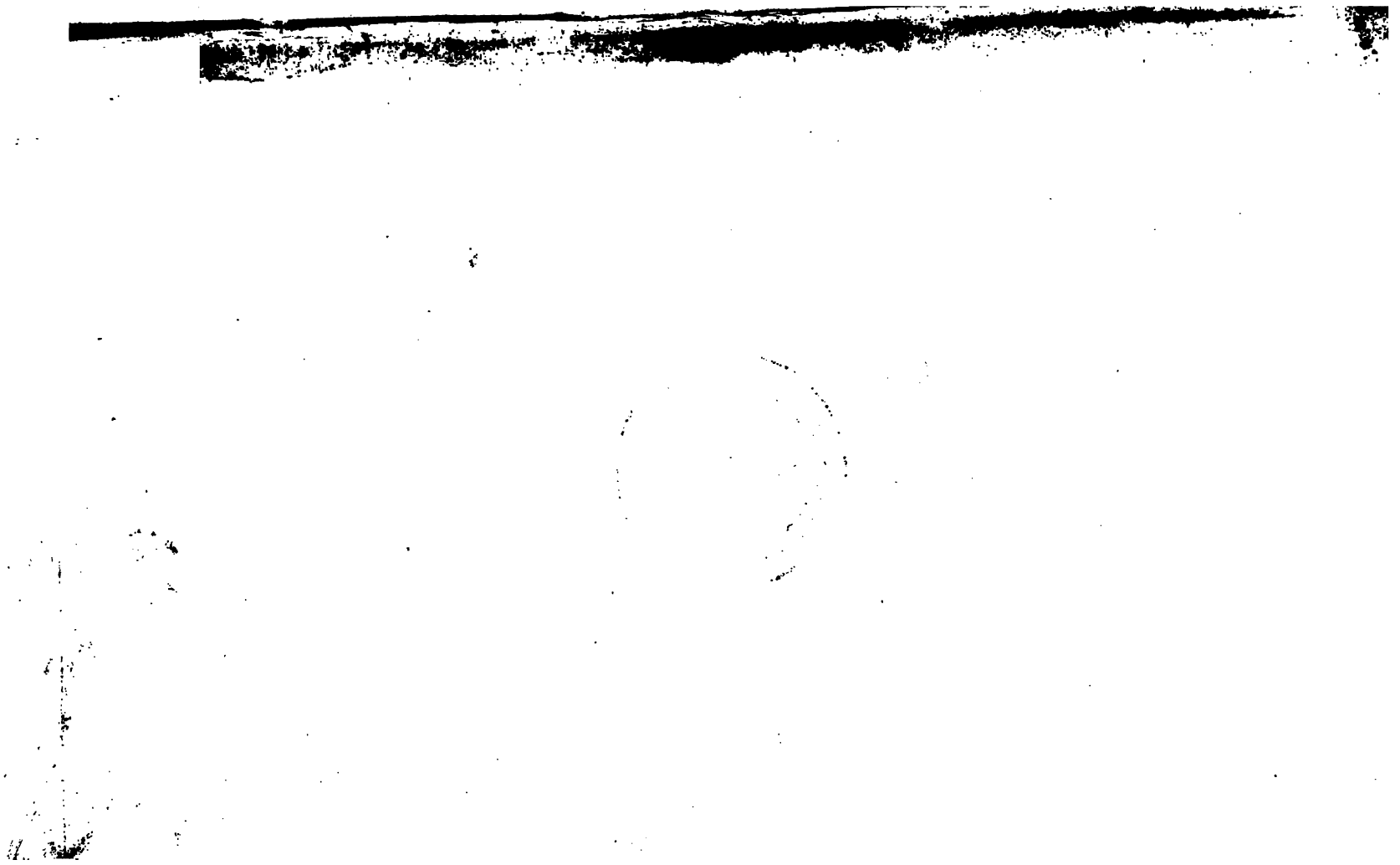
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Наблюдатель

№ 12.

1890.


STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES



STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS
NOV

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

№ 12. ДЕКАБРЬ.

015244

Библиотека г. Свердловск

Библиотека Инв. № при Совете Министров

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція и главная контора помѣщаются на углу Стремянной и Владимірской ул., № д. 1—6, кв. 14.

1890.

ТИПОГРАФІЯ С. ДОБРОДѢЕВА, КОВЕНСКІЙ ПЕР., СОБСТВ. ДОМЪ, № 14.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1891 ГОДУ (ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, **безъ предварительной цензуры.**

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: **Я. В. Абрамовъ, проф. И. Е. Андреевскій, И. Д. Ахшарумовъ, Н. Ѳ. Бажинъ, К. С. Баранцевичъ, П. В. Безобразовъ, В. И. Вибиковъ, П. Д. Боборыкинъ, графъ П. Д. Бутурлинъ, Максимъ Бѣлинскій, П. В. Быковъ, В. В., И. Ф. Василевскій (Буква), П. И. Вейнбергъ, В. Л. Величко, Вологдинъ, Г. А. Мачтетъ (Г*), проф. В. П. Даневскій, Ю. Г. Зависѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, В. Р. Зотовъ, проф. А. А. Исаевъ, П. Ѳ. Каптеревъ, С. Я. Капустинъ, А. В. Кругловъ, В. А. Крыловъ, проф. Ѳ. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, К. В. Назарьева, Вас. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Л. И. Пальминъ, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, Ѳ. Э. Ромеръ, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. И. Скребицкій, А. В. Старчевскій, Д. И. Стахѣевъ, Н. Северинъ, Л. Н. Трефолевъ, проф. А. С. Трачевскій, Н. Флеровскій, К. М. Фофановъ, В. В. Чуйко, О. Н. Чюмина, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ) и др.**

«Наблюдатель» *возвратился къ прежнему сроку выпуска нумеровъ* и выходитъ ежемѣсячно, *1-го числа*, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода:	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	6 р.
Съ доставкою въ Спб.	13 р.	Съ доставкою въ Спб. .	6 р. 50 к.
Съ пер. въ др. мѣста имперіи	14 р.	Съ пер. въ др. мѣста Россіи	7 р.
Съ пересылкою за границу. .	17 р.	Съ пересылкою за границу	9 р.

Иногородные годовые подписчики **„Наблюдателя“**, желающіе получить **второе** изданіе монографій редактора: **„Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія“**, высылаютъ **16 р.** Городскіе и заграничные приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 рубля.

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Разсрочка платы *допускается исключительно при подпискѣ черезъ Главную Контору*, причемъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки. . . .	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою . . .	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за границу .	8 р.	5 р.	4 р.

Библіотеки и кабинеты для чтенія (а также и книжные магазины, при которыхъ они состоятъ) *пользуются разсрочкою платы подъ тѣмъ лишь условіемъ, если выписываютъ не менѣе 15-ти годовыхъ экземпляровъ.*

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. 1—6). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на почту только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Редакторъ-издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ газетная экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. При жалобѣ должно быть приложено удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книга, дѣйствительно, не доставлена по адресу. Утраченный не по винѣ редакціи экземпляръ высылается вторично подписчику за 1 р. 50 к. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ, и при каждомъ заявленіи прилагать *пять* семикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается *2 р.*; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—*1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока,—если не будутъ вытребованы обратно,—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 50 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными или оплачиваются по усмотрѣнію редакціи. Рукописи должны быть присылаемы въ редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами и бандеролями*. Рукописи, принятыя *безъ указанія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по назначенію редакціи. Статьи неизвѣстныхъ редакціи авторовъ, за которыя гонораръ не былъ потребованъ *въ теченіе полугода со времени напечатанія*, признаются безплатными. 7) Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4 час. попол., *кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи—по четвергамъ, отъ часу до двухъ.* 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу 15 руб. и за ½ стр.—8 руб. 9) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ:* **5 числа, отъ часу до 3-хъ пополудни.** Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ НОВАЯ КНИГА:

«ИЗЪ ИСТОРІИ НАШЕГО ЛИТЕРАТУРНАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ».

Второе, дополненное, изданіе монографій и критическихъ статей **А. П. ПЯТКОВСКАГО**, въ двухъ частяхъ (свыше *сорока* печатныхъ листовъ).

Содержаніе 1-ой части: 1) О жизни и сочиненіяхъ Д. И. Фонъ-Визина; 2) Осьмнадцатый вѣкъ въ русской исторіи; 3) Наши классики въ характеристикахъ г. Галахова; 4) О новѣйшемъ преподаваніи русской литературы и др. предметовъ; 5) Новая передѣлка карамзинской теоріи; 6) Опытъ философской разработки русской исторіи; 7) Идея гражданскаго брака въ русскомъ расколѣ; 8) Цензурный проэктъ Магницкаго; 9) Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ.

Содержаніе 2-ой части: 1) Очерки изъ исторіи русской журналистики (отъ Петра I-го до Александра I-го, съ 1703 г. до 20-хъ годовъ текущаго столѣтія); 2) Журнальный тріумвиратъ (Сенковскій, Гречъ и Булгаринъ); 3) князь В. Ѳ. Одоевскій (литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями); 4) О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова.

См. отзывы: «*Историческій Вѣстникъ*», 1889 г. № 4, «*Русская Старина*», 1889 г. № 7, «*Новое Время*», № 4634, «*Русскія Вѣдомости*», 1888 г. № 343, «*Правит. Вѣстникъ*», 1888 г. № 270, «*Всемірная Иллюстрація*» и проч.

Цѣна **2 р. 50 к.**, съ пересылкою **3 рубля**. Складъ въ главной конторѣ журнала **«НАБЛЮДАТЕЛЬ»** (Спб., Владимірская, № 6). Годовые и полугодовые подписчики журнала, желающіе получить эту книгу, добавляютъ къ подписной цѣнѣ **2 р.**

Кромѣ того, въ конторѣ журнала продаются послѣдніе экземпляры историческаго романа **Георга Эберса: СЕРАПИСЪ**. Цѣна 1 р., перес. за одинъ фунтъ. Романъ одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для библіотекъ старшихъ классовъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

ВОСТОЧНОСКОЙ
СВѢТСКОЙ БИБЛІОТЕКИ

ОТКРОВЕННЫЙ.

Очеркъ.

Рано утромъ я пріѣхалъ въ городъ Трясинскъ, черезъ который проходитъ желѣзная дорога. Вокзалъ въ Трясинскѣ—маленькій. Кромѣ меня и двухъ евреевъ, никто не высадился здѣсь. Сторожъ въ аломъ потертомъ кушакѣ и барашковой шапочкѣ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, не надо ли лошадей. На станціонномъ дворѣ не было ни одного извощика, и сторожъ предложилъ сходить за нимъ въ городъ. Я попросилъ поторопиться, а самъ отправился въ уборную, переодѣлся и долго потомъ ходилъ по платформѣ, поглядывая на широкую шоссейную дорогу, отдѣляющую городъ отъ вокзала. Мои спутники-евреи со своими пожитками ухитрились сами найти подводу, и я видѣлъ, какъ они пересѣкли желѣзнодорожный путь, оживленно между собою разговаривая. Городъ лежалъ предо мною въ полуверстѣ на совершенно плоской равнинѣ и почти весь состоялъ изъ одноэтажныхъ домиковъ. Только возвышались церкви да желтое зданіе острога. Солнце уже взошло, но облака закрывали его, и унылая мѣстность освѣщалась матовымъ, блѣднымъ свѣтомъ.

Наконецъ, сторожъ прикатилъ. Я сѣлъ въ фаэтончикъ съ изорванной обивкой, поручилъ сторожу поберечь мой чемоданъ и поѣхалъ. Дорогой я спросилъ у извощика, почему фаэтоны не выѣзжаютъ къ поѣзду.

— Да помилуйте, не стоитъ!—вскричалъ онъ:—у насъ такса—сорокъ копѣекъ. Вы же только подумайте: туда и назадъ добрыхъ полторы версты. Пріѣдешь—стоишь, стоишь, да

порожнякомъ и повернешь. Въ день три съ половиною пассажира, а фаэтоновъ въ городѣ тридцать. На шоссе двѣ заставы—пять копѣекъ подай. Дума и земство со всякаго лычка берутъ по ремешку.

Мы минули заставу, и фаэтонъ задребезжалъ по узкимъ, грязнымъ улицамъ Трясинска.

— Куда васъ везти?

— Знаешь домъ Обабкина?

— А, Никиты Виссаріоновича? Знаю. Кто же его въ городѣ не знаетъ? Онъ первый у насъ человѣкъ. Обстоятельный человѣкъ!

— Въ самомъ дѣлѣ, онъ пользуется у васъ въ городѣ такой извѣстностью и, можетъ быть... любовью?

— Да, ужь точно любятъ его! Главное: душа у него прямая. Ну, а въ руки ему не попадайся.

— Не попадайся?

— Возьмешь рогожу, отдашь кожу. Акуратный человѣкъ! А вы по какому дѣлу къ нему?

— Онъ мнѣ родственникъ.

— А! По своему, значитъ. Дѣйствительно, что мы его любимъ, — началъ опять извощикъ. — Можно сказать, безъ него не обойдешься. Благополучный человѣкъ! Денегъ у него—руками и ногами забирай. Доступный человѣкъ! Ласковъ, до чего ласковъ!

— Да?

— Дай ему Богъ здоровья! Жилъ тутъ у насъ отставной, дворянскаго званія, поручикъ Бѣлоусовичъ. Ну и пьяница же, я вамъ скажу! Такъ Никита Виссаріоновичъ давай его умасливать, умасливать, и черезъ годъ миролюбно домъ отъ него отобралъ. Деньги онъ, положимъ, заплатилъ, такъ пустыя деньги—когда три рубля, когда пять, рѣдко сотню, а больше счета представлялъ. На что пьяницѣ деньги? По міру пустилъ, а все же по праздникамъ, бывало, гривенникъ ему даетъ. Какъ собака, околѣлъ этотъ Бѣлоусовичъ!

Извощикъ замолчалъ, а я не сталъ его разспрашивать. То представленіе, которое у меня давно сложилось о Никитѣ Виссаріоновичѣ, было и безъ того довольно полное. Правда, я видѣлъ его только мелькомъ, ни о чемъ подробно съ нимъ не разговаривалъ, но хорошо помнилъ дурное впечатлѣніе

произведенное имъ на всю нашу семью, когда онъ мимоѣздомъ пожаловалъ къ намъ въ гости со своей второй женой. Безъ особенной надобности я никогда не поѣхалъ бы къ Никитѣ Виссаріоновичу. Къ сожалѣнію, мнѣ необходимо было покончить съ нимъ одинъ денежный вопросъ.

Извощикъ остановилъ лошадей на главной улицѣ города, у подъѣзда двухъэтажнаго, подъ желѣзной крышей, деревяннаго дома. Высокіе тополи стройнымъ рядомъ возвышались передъ его фронтономъ и бросали на него сумрачную тѣнь.

Я позвонилъ. Послышались тяжеловѣсные шаги, громыхнулъ желѣзный крюкъ, и дверь отворилъ самъ Обабкинъ.

— Кого я вижу!—вскричалъ онъ радостнымъ голосомъ, между тѣмъ какъ въ глазахъ его сверкнулъ тревожный огонекъ.—Здравствуйте. Давно пожаловали? Только что? А я, признаться, и ждать васъ пересталъ. Написалъ, думаю, письмо, да и забылъ, потому что литераторъ! Литераторы—народъ легкомысленный. Извините меня, — говорилъ онъ, идя со мной по коридору:—я въ многотрудность вашихъ занятій не вѣрю. Я полагаю, на свѣтѣ нѣтъ ничего легче, какъ писать романы. Сѣлъ за столъ, задумался, набрался смѣлости — и готово! Стихи труднѣе — терпѣнія надо много, чтобъ риѳму уловить. Я пробовалъ, но едва десятокъ риѳмъ набросалъ. А романъ, хотите, я вамъ подарю — изъ духовнаго быта? Онъ у меня въ столѣ валяется. Еще когда я былъ семинаристомъ, сочинилъ его, да не кончилъ. Рано же вы пріѣхали! Какъ разъ къ чаю; мы только что за чай сѣли.

Никита Виссаріоновичъ ввелъ меня въ темноватую гостинную, убранную дрянной мягкой мебелью, съ круглымъ столомъ передъ диваномъ и съ лампой подъ абажуромъ на столѣ, съ простѣночными зеркалами въ орѣховыхъ рамахъ, съ пеньковыми драпировками и стриженымъ аляповатымъ ковромъ на полу. Онъ обошелъ коверъ, чтобы не ступить на него, и, обернувшись, посмотрѣлъ на меня, иду ли я вслѣдъ за нимъ.

— На террасу пожалуйте. Мы—на лѣтнемъ положеніи.

Пройдя еще комнату, гдѣ стояли вдоль стѣнъ кровати и было грязно и душно, Никита Виссаріоновичъ привелъ меня на полуоткрытую террасу. Посреди террасы стоялъ покрытый розовою скатертью столъ съ ярко вычищеннымъ самоваромъ, предъ которымъ сидѣла хозяйка дома—третья жена Никиты

Виссаріоновича. Столъ окружали его дѣти разныхъ возрастовъ отъ перваго и втораго браковъ. Тутъ были взрослые молодые люди и крохотные карапузики. Самый младшій возсѣдалъ на высокомъ плетеномъ стулѣ.

— Рекомендую вамъ мою супругу, Дарью Николаевну, а этихъ молодцовъ (онъ указалъ на старшихъ сыновей) вы должны помнить. Какими Каинами повыростали!

Дарья Николаевна и молодые люди встали изъ-за стола и начали жать мнѣ руку. Одинъ изъ нихъ былъ въ студенческой формѣ, другой — въ гимназической блузѣ. Дарья Николаевна была миловидная, хорошенькая дама въ свѣжемъ ситцевомъ платьѣ и съ пухлыми бѣлыми руками.

— Очень пріятно,—сказала она:—я давно желала познакомиться съ вами и все спрашивала, когда же вы пріѣдете. Ваня, уступи имъ мѣсто. Прошу покорно. Не хотите ли молока? А, можетъ быть, вамъ яичницу изжарить?

— Конечно, яичницу съ зеленымъ лукомъ!—сказалъ Обабкинъ.—Я самъ давно хочу яичницы съ зеленымъ лукомъ.

Дарья Николаевна налила мнѣ стаканъ чаю, извинилась, что чай не крѣпкій—„Кронштадтъ виденъ“, замѣтилъ Никита Виссаріоновичъ—и торопливо ушла. Младшія дѣти поздоровались со мной и все время, широко раскрытыми глазами, смотрѣли на меня.

Я сѣлъ на указанное мѣсто. Видъ съ террасы нельзя было назвать чарующимъ. Она выходила на огородъ, и недалеко отъ ея нижней ступеньки лежала куча перегнившей соломы, въ которой, клохча, копошились куры и цыплята, руководимые старыми насѣдками. Поодаль красовалась постройка, похожая на собачью кануру. Гряды капусты уходили до самаго забора, и блѣдная зелень мѣстами разнообразилась темными зонтиками укропа, высокими стрѣлками лука и низенькими фруктовыми деревьями, которыхъ на всемъ пространствѣ было не больше двадцати. Длинные усы тыквъ доползали до самаго крыльца. На огородѣ росли мальвы; ихъ темнокрасные и розовые цвѣты придавали идиллическій характеръ этому мало привлекательному виду.

Никита Виссаріоновичъ сильно пополнѣлъ со времени нашего послѣдняго свиданія. Его щоки раздулись и стали похожи на крупныя румяныя яблоки, а носъ напоминалъ со-

бою хорошую сливу. Маленькіе глаза блестѣли, какъ двѣ черныя спѣлыя вишни, а станъ его походилъ на огромную удлиненную тыкву. Вообще, чувствовалась какая-то связь между почтеннымъ родственникомъ моимъ и разстилающимся передъ нами хорошо удобреннымъ огородомъ. Обабкинъ разспросилъ меня о родныхъ и моемъ житьѣ-бытьѣ. Видя, что я неохотно отвѣчаю, онъ вскричалъ:

— Да, похвастать нечѣмъ—и помалкиваете! Э, господа, господа!

Онъ хлебнулъ чаю, съѣлъ кусокъ булки и началъ, окидывая меня зоркимъ взглядомъ.

— По столицамъ рыщете, здоровье тратите, а добра не наживаете! Посмотрѣть на васъ, мужчина вы солидный. Пожили бы въ деревнѣ—черезъ годъ смѣло кулакомъ быка убили бы! А теперь лицо у васъ блѣдное, глаза—то заснутъ, то словно горячешные—видно, что жизнью недовольны, и Богъ васъ знаетъ, чего вамъ хочется! Мы же,—благодареніе Создателю,—жирѣемъ въ жизни благодатной и помаленьку обростаемъ мохомъ.

Онъ указалъ рукой на кучу соломы, на цыплятъ и на дѣтей.

— Потребности у насъ небольшія, —яичница съ лукомъ для насъ лакомство, а все же сыты, одѣты, обуты и—главное—удовлетворены. Эхъ, сэры, эхъ, милорды!

Уставивъ на меня свои темные самодовольные глазки, онъ послѣ паузы сказалъ, жуя булку:

— Я васъ мало встрѣчалъ, а знаю; а вотъ я для васъ, навѣрно, вопросительный знакъ. Вы, можетъ быть, обо мнѣ думаете несправедливо. Смотрите на меня и считаете человѣкомъ, которому счастье привалило, а счастье я собственными руками создалъ. Давайте—я вамъ разскажу свою жизнь. Я уваженія хочу! Обо мнѣ разныя басни ходятъ — будто я, напримѣръ, нашелъ кладъ и будто я богомолку зарѣзалъ. Если что слыхали, не вѣрьте. Люди такъ ничтожны, что никакъ не могутъ себѣ представить Никиту Вассаріоновича Обабкина исключительно обязаннаго своимъ душевнымъ качествамъ тѣмъ, что у него домъ—полная чаша и что у него не будетъ чернаго дня. Суевѣріе

проклятое. Вѣра въ чудеса до сихъ поръ распространена! Яйцо Колумба почти для всѣхъ еще секретъ.

Онъ помолчалъ и началъ:

— Когда я вышелъ изъ семинаріи, у меня въ карманѣ лежалъ кожаный мѣшочекъ, а въ мѣшочкѣ было только рубль семьдесятъ копѣекъ. Отецъ былъ противъ свѣтскаго званія и отрекся отъ меня. Я пѣшкомъ пришелъ въ университетъ. Товарищи играли на бильярдахъ, носили франтовскія жакетки, десятирублевыя шляпы, а я въ смазныхъ сапогахъ бѣгалъ по урокамъ. Трактировъ не посѣщалъ, чаевъ не пилъ, но зато каждый день уже ѣлъ кашу съ саломъ. Думали, что я демократъ, и стали меня залучать въ соціалистическіе кружки. Тогда только что зачинался соціализмъ. Я изъ любопытства пошелъ, и въ то время, какъ всѣхъ соціологовъ разсѣяли, яко дымъ, — одинъ я извлекъ пользу изъ печальнаго заблужденія. Здравый смыслъ и русская смѣтка подсказали мнѣ, что̀ хорошаго было въ этомъ пресловутомъ соціализмѣ. Я изучилъ политическую экономію и научился отдѣлять личное благо отъ общаго, т. е. реальное отъ фантастическаго. За мой разумъ и смазные сапоги избрали меня распорядителемъ студенческой столовой. Обѣдало у насъ двѣсти человѣкъ—по шести рублей съ физіи въ мѣсяцъ, причемъ полтинничекъ перепадалъ въ мою пользу, и это дало мнѣ возможность за два года съ небольшимъ скопить тысячу. Кончилъ я университетъ, протекцій у меня никакихъ не было. Но я и безъ протекціи пробился. Пріѣхалъ въ Трясинскъ, поступилъ на маленькое жалованье въ мировой съѣздъ, потрудился и черезъ полгода сдѣлался секретаремъ. Взятокъ я не бралъ—я всегда былъ честенъ. Вы скажите—а полтинничекъ? А полтинничекъ я имѣлъ полное право прикарманить, потому что на пять съ половиной рублей я кормилъ на убой и впослѣдствіи, безъ меня, никогда студенты ужь такъ не ѣли, даже за болѣе высокую плату. Полтинничекъ былъ естественною преміей, которою воспользовался бы всякій благоразумный экономистъ на моемъ мѣстѣ. Секретарство въ мировомъ съѣздѣ было для меня выгодно въ томъ отношеніи, что я познакомился съ людьми, изучилъ житейскій механизмъ, и Трясинскъ сталъ для меня второй родиной и золотымъ дномъ. Что такое Трясинскъ? Уже самое

названіе его показываетъ, что это—болото. Въ болотѣ живутъ глупыя и умныя твари, лѣнивыя и предпріимчивыя, начинающія жить и прекращающія свое бренное существованіе. Живутъ они насчетъ другъ друга. У кого ротъ больше, тотъ и жретъ больше; у кого меньше, да нѣтъ зубовъ — съ того довольно тины, лишь бы брюхо набить. Окинулъ я, поэтически выражаясь, орлинымъ взоромъ весь Трясинскъ, раскрылъ побольше ротъ, наточилъ зубы и сталъ ждать. На первыхъ же порахъ, мнѣ удалось купить за безцѣнокъ пустопорожнее мѣсто, принадлежавшее двумъ сироткамъ. Но на первыхъ же порахъ, каюсь, я сдѣлалъ и непростительную глупость. Что̀ прикажете: и на солнцѣ есть пятна! Было мнѣ всего двадцать шесть лѣтъ и заплатилъ я дань сердцу—проще сказать, влюбился. Самъ не знаю, какъ это случилось. Дѣвушка была хорошенькая, умненькая, но бѣдности вопіющей. Въ головѣ заходилъ вѣтеръ—я и бухнулъ предложеніе. Обвѣнчался, произвелъ на свѣтъ Кирюшку, и ка̀къ быстро нашелъ жену, столь же быстро потерялъ ее. Ума не приложу, что̀ ей не понравилось у меня, но въ одинъ прекрасный день она меня бросила: сманилъ, слава Богу, офицеръ, увезъ въ Ташкентъ, и тамъ она умерла. Сталъ я свободенъ и отыскалъ себѣ новую жену. Но, уже наученный горькимъ опытомъ и руководимый разумомъ, избралъ я себѣ подругу съ некрасивою внѣшностью, но съ приданымъ. Теперь для меня двадцать тысячъ—плевыя деньги, а тогда онѣ показались цѣлымъ эльдорадо. Я купилъ два имѣньица, наплодилъ кучу дѣтей, пятнадцать лѣтъ былъ примѣрнымъ мужемъ, состоялъ три трехлѣтія городскимъ головой, былъ судьею и, наконецъ, сталъ частнымъ человѣкомъ, почивающимъ на лаврахъ. Любовь—химера, и въ серьезномъ дѣлѣ ее нельзя принимать въ разсчетъ. Вы, романисты, смѣшите насъ, когда расписываете страданія разныхъ Соничекъ и Владиміровъ или ка̀къ тамъ у васъ еще называются герои... Между нами никакой любви не было, скажу даже больше—было какъ бы физическое отвращеніе, а, тѣмъ не менѣе, какъ пришла смерть—покойница цѣловала у меня руки. Значитъ, человѣкъ же я; значитъ, есть же во мнѣ сила; значитъ, могу же я не только требовать къ себѣ почтенія, но и самъ себя почитать. Озираясь на свое прошлое, не вижу ни въ чемъ себѣ упрека. Каждому ребенку предо

ставилъ я благородное воспитаніе, каждому протоптана дорожка:—иди, любезный, путешествуй по тропѣ добропорядочности и скромнаго достатка. Бери примѣръ съ отца — ѣшь, но не дависъ. Умасти главу твою елеемъ, не будь унылъ, не залетай въ облака, ползай по землѣ и острымъ серпомъ жни, что̀ посѣялъ.

Онъ взглянулъ на меня не то насмѣшливо, не то съ сожалѣніемъ. „А по какой тропѣ ты идешь?“ казалось, подумалъ онъ. „Ты, можетъ быть, способнѣе меня, но гдѣ твой достатокъ, любезный другъ? Нѣтъ у тебя ничего. Слушай же и поучайся. Ты еще молодъ, авось исправишься!“

— Въ третій разъ женился я, — продолжалъ онъ,—тоже не по увлеченію, но и не ради денегъ, а, такъ сказать, по семейнымъ соображеніямъ. Дарья Николаевна нужна была малюткамъ и хозяйству. Безъ женской ласки и простой огурецъ не взростетъ. Извините, я по родственному; но я прямо объявлю, что будь у васъ какихъ нибудь сорокъ тысячъ.... Да что сорокъ? двадцать тысячъ!.. Стали бы вы жить въ нашемъ городѣ? въ Трясинскѣ? Какъ же можно въ Трясинскѣ жить! Да развѣ это городъ? Масло у насъ сливочное платится два гривенника за фунтъ. Мясо — семь копѣекъ первый сортъ. Вечеръ придетъ, рубля истратить негдѣ—ни театра, ни оперетки, ни цирка, ни публичныхъ лекцій, ни ресторановъ, ни клубовъ, нѣтъ даже библіотекъ. Книжки негдѣ купить!—съ радостнымъ торжествомъ воскликнулъ Никита Виссаріоновичъ.—Десяти тысячъ у насъ въ десять лѣтъ не проживешь! А я изъ двадцати—сто восемнадцать сдѣлалъ, и вѣдь я еще не старъ!

Онъ указалъ на маленькаго мальчика, сидѣвшаго на высокомъ стулѣ.

— Хотите знать какъ? — спросилъ онъ.—Показать вамъ яйцо Колумба? Вы, можетъ быть, думаете, что въ яйцѣ какой нибудь хитрый механизмъ, тысячи колесиковъ и пружинокъ? Ничего подобнаго! Механизмъ есть, но онъ простѣйшій, и имя ему—откровенность. Вотъ какъ я поставилъ яйцо...

Но тутъ вошла Дарья Николаевна, раскраснѣвшаяся и принарядившаяся. За ней босоногая дѣвчонка несла сковороду съ яичницей.

— Кушайте, пожалуйста! Съ лучкомъ?—спросилъ Никита Виссаріоновичъ.

— И съ лучкомъ, и съ перчикомъ,—привѣтливо улыбнувшись мужу, отвѣчала молодая женщина.

— А вотъ давай, давай ее сюда. Давай сюда яичницу!— веселымъ, безпечнымъ голосомъ проговорилъ хозяинъ дома.

Онъ раздѣлилъ яичницу между всѣми присутствующими, а себѣ взялъ львиную долю. Дарья Николаевна налила мнѣ чаю, а Никита Виссаріоновичъ все кушалъ да кушалъ. Когда же онъ покончилъ съ яичницей, то крякнулъ отъ удовольствія и произнесъ:

— Хорошая вещь, но мы рѣдко позволяемъ себѣ такой пиръ, потому что бережемъ яички: цыплятъ на осень надо припасти. У насъ все свое! Не выкушаете ли еще стаканчикъ чайку? Такихъ сливокъ въ Петербургѣ не найдете! У васъ вѣдь муку взболтаютъ съ водой и продаютъ вмѣсто сливокъ. А у насъ неподдѣльная сливочная матерія—коровой пахнетъ! Но мы съ вами отдалились отъ колумбова яйца. Какой, вы полагаете, легчайшій способъ въ короткое время удесятерить капиталъ? Отвѣтьте мнѣ! Когда вы пишете о чемъ нибудь, то изволите претендовать на такое знаніе, что за человѣка страшно! Откуда, думаешь, у этого писателя такія высокія мысли, такая глубина научныхъ свѣдѣній, столько проницательности. Что жъ вы молчите? Неужели не постигаете?

Я молчалъ.

— А еще романистъ. Дорогой родственникъ, вся штука въ процентикахъ. Сталъ я раздавать на процентики, и яйцо поставилъ.

Онъ засмѣялся.

— Жидкамъ, купчикамъ, чиновникамъ къ праздникамъ, всякому убогому люду. Кому два рубля, кому три, кому пять. Откровенно посмотрѣлъ на себя, на людей и на деньги — и вѣрите ли, тутъ мнѣ много помогъ соціализмъ. Что вы такъ на меня уставились? Во времена студенчества и управленія товарищеской столовой, мнѣ уже часто приходили въ голову радикальныя мысли. Шли онѣ въ разрѣзъ съ общепринятыми, но въ томъ-то и заключается яйцо Колумба! Я еще на университетской скамьѣ замѣтилъ, что бѣдныхъ несправедливо считаютъ бѣдными. Ахъ, несчастные, ахъ, голодные, ахъ, неимущіе! А, между тѣмъ, изъ бѣдняковъ и неимущихъ да изъ голодныхъ тружениковъ состоитъ масса государственная. Возъ-

мите любую страну—кто платитъ бюджетъ и на чей счетъ ведутся войны и общественныя сооруженія? На чей счетъ содержатся университеты, великолѣпные храмы божіи, музеи, театры? Кто оплачиваетъ науку, искусства, на комъ зиждется прогрессъ? Неужели же все это дѣлается насчетъ Ротшильдовъ, Поляковыхъ и даже такихъ мелкихъ капиталистовъ, какъ я? Положимъ, итальянскую оперу богачи могутъ поддержать, но соберите всѣхъ состоятельныхъ людей въ Россіи—они трехъ дней болгарской войны не окупятъ. Что вы думаете, окупятъ? Ну, пяти дней! Ну, хорошо, Богъ съ вами, десяти дней не окупятъ! Суть не въ точныхъ цифрахъ, а въ томъ, что бѣдняки богаче богатыхъ людей, потому что богачей кучка, а бѣдныхъ тьма темъ. Бѣдняки владѣютъ милліардами, а у богачей, въ общей сложности, нѣсколько сотъ милліоновъ—да и то наберется ли. Бѣдняки за все платятъ дороже. Такая, напримѣръ, квартира, какъ моя, еслибы я сталъ ее сдавать, могла бы принести двѣсти рублей въ годъ. Жилъ бы у меня какой нибудь членъ суда и поднималъ бы предо мною носъ за мое же добро. А раздѣли я ее на пять маленькихъ, домъ принесетъ триста рублей, а, можетъ, и четыреста. Пойду далѣе—раздроблю на двадцать пять угловъ—доходъ возрастаетъ до шестисотъ рублей, не говоря ужъ о томъ, что всѣ жильцы меня уважаютъ и, можно сказать, трепещутъ. Каждый изъ нихъ платитъ мнѣ премію за свою бѣдность, и я могу его послать съ какимъ нибудь порученіемъ. Онъ мнѣ услужитъ, онъ смотритъ мнѣ въ глаза, считаетъ себя какъ бы рабомъ моимъ. Отчего это происходитъ? Ни вы, ни я, никто не объяснитъ. Эта странная психологія бѣдняка есть одна изъ конечныхъ причинъ политической экономіи и потому не подлежитъ научному обсужденію трезваго экономиста. Все равно, какъ въ астрономіи—существуетъ законъ тяготѣнія... большія тѣла притягиваютъ къ себѣ маленькія, а почему притягиваютъ—какое дѣло до этого астроному? Станетъ онъ метафизически разрѣшать вопросъ тяготѣнія и непремѣнно запутается, проглядитъ существенное, просчитаетъ затмѣніе Юпитера, не замѣтитъ луны подъ носомъ. Скажите, вѣрно ли я говорю? По закону бѣдности, который я открылъ, бѣднякъ на всемъ переплачиваетъ—въ особенности городской бѣднякъ. Онъ переплачиваетъ на вещахъ, на продуктахъ, на

образованіи, на удовольствіяхъ, на церковныхъ требахъ и, разумѣется, всего больше на кредитѣ. Законъ бѣдности требуетъ, чтобы кредитъ обходился голышу въ десять разъ дороже, чѣмъ богатому человѣку. Нашъ доморощенный трясинскій Крезъ займетъ у меня тысячу рублей. Черезъ годъ онъ возвратитъ мнѣ долгъ, и, самое большое, я получу съ него сто, сто двадцать рублей процентовъ. Теперь предположимъ, что ту же самую тысячу возьмутъ у меня взаймы бѣдняки. На руки я неимущему народу больше десяти рублей не даю. Сумма маленькая и срокъ маленькій—мѣсяцъ. Черезъ мѣсяцъ возврати деньги или заплати проценты. Всего рубль,—однако это въ годъ составитъ двѣнадцать рублей! Значитъ, бѣднота только за то, что она бѣднота, взнесетъ мнѣ за тысячу еще столько же, да плюсъ двѣсти рублей. Замѣтьте, однихъ процентовъ! Двѣсти рублей бросимъ на вѣтеръ—не всѣ бѣдные люди честны и акуратны. Остается чистенькихъ тысяча рублей. Капиталъ удвоился въ одинъ годъ. Черезъ два года онъ учетверился, черезъ три года, въ началѣ четвертаго—онъ сталъ ровно въ десять разъ больше, чѣмъ былъ. Дарья Николаевна, позвольте поцѣловать вашу ручку.

Молодая женщина, улыбаясь, подала ему руку. Онъ повернулъ ее ладонью къ губамъ и, поцѣловавъ, счастливыми глазами посмотрѣлъ на меня.

— А бѣдняковъ у насъ въ городѣ множество. По рублю занимаютъ! Какой же вы думаете за рубль процентъ въ мѣсяцъ? Пятнадцать копѣекъ, сто восемьдесятъ въ годъ! На капиталъ—два капитала!

Онъ захохоталъ.

— Гляжу я на васъ и какъ въ стекло смотрю,—продолжалъ онъ.—Отлично знаю, какія мысли у васъ образовались на мой счетъ. Вы смотрите на меня и говорите себѣ: — что въ немъ осталось отъ университета, отъ великихъ принциповъ, проповѣдуемыхъ въ литературѣ, въ назиданіе молодежи? А ничего — потому что все это дребедень! Остались только зубы, потому что мнѣ университетъ зубы далъ. Еслибы я не былъ въ университетѣ, развѣ я могъ бы осмысленно постигнуть политическую экономію?

Дѣти Обабкина, кончивъ пить чай и обтирая ротъ руками, стали подходить къ отцу и благодарить его. Онъ протягивалъ

имъ свою мохнатую руку, они цѣловали ее, потомъ опять на ходу вытирали ротъ и исчезали одинъ за другимъ. Самаго маленькаго Дарья Николаевна взяла на руки.

— Это вашъ?—спросилъ я.

Она покраснѣла и, вмѣсто отвѣта, стала цѣловать ребенка.

Никита Виссаріоновичъ, не смущаясь, объяснилъ:

— Ребенокъ этотъ, можно сказать, пріемышъ и появился на свѣтъ у меня на кухнѣ отъ крестьянской дѣвицы Лукерки... Господа!—обратился онъ къ старшимъ сыновьямъ, которые продолжали чинно сидѣть за столомъ:—не мѣшаемъ ли мы вамъ своими разговорами?

Сыновья встали и, потупившись, ушли. Никита Виссаріоновичъ прицѣлился, замахнулся и поймалъ на грязномъ пятнѣ скатерти цѣлый рой мухъ. Постепенно, помаленьку, выпуская по одной мухѣ, онъ продолжалъ:

— Дарьѣ Николаевнѣ угодно было, по необыкновенной добротѣ своего сердца, пріютить этого ребенка. Сама же Дарья Николаевна, повидимому, неплодна. Что жъ, и за то благодареніе Создателю! за все, за все!

Дарья Николаевна покраснѣла и опять стала цѣловать ребенка.

— Итакъ,—началъ Никита Виссаріоновичъ, помолчавъ:—живемъ мы на средства ближнихъ, удесятеряемъ капиталы и хотя въ Бога вѣруемъ, но на небеса не смотримъ. Шейные позвонки у насъ такъ устроены, что мы все въ землю вперяемъ взгляды. Знаю, что вы на это скажете или, по крайней мѣрѣ, подумаете:—„Ахъ вы свиньи, свиньи!“ Что жъ свиньи, такъ свиньи! Голубчикъ, я не отрицаю, что я свинья. Все, что я говорилъ о себѣ, доказываетъ это. Посылки даны—заключеніе готово. Неизбѣжный результатъ: свинь — я! Но признаюсь: въ первый разъ, меня самого покоробило. Какъ же это я такъ—училъ философію права, прошелъ римское право, русскую исторію, впитывалъ даже въ себя морское право, ходилъ въ смазныхъ сапогахъ и жалъ руки юношамъ, пострадавшимъ за свои убѣжденія,—и вдругъ я свинья. Четвероногая и безсердечная тварь, эгоистическое созданіе! Да не можетъ быть! Вѣдь я же либералъ, отрицатель. Хочу всѣмъ народамъ добра, чтобы они слились, какъ цвѣта сливаются въ радугѣ, въ одно негаснущее культуръ-сіяніе. Велъ я себя

кполнѣ по свински, а проснусь въ четыре часа ночи, вѣрите ли, даже потъ прошибетъ. Ощупаю, бывало, свою физіономію, плечи, руки, грудь, разбужу жену и спрашиваю: „Скажи, пожалуйста, кто я такой? Къ какой породѣ звѣрей принадлежу я?“ Она насилу поймет меня. „Скажи прямо, что ты обо мнѣ думаешь?“ допытываюсь я. „Ты“, отвѣчаетъ, „человѣкъ“. „А почему же мнѣ кажется, что я свинья?“ Она разгнѣвается. „Будь свиньей, но только не мѣшай мнѣ спать“. Продолжалось это чуть не полгода. Сталъ я читать психіатрическія книжки—все искалъ разъясненія, все думалъ, что у меня начинается умственное разстройство. Иду, бывало, по улицѣ, увижу свинью, и сердце забьется. Но врожденная смѣтка выручила меня. Сталъ я приглядываться къ людямъ, вспомнилъ, что дѣлали и что говорили соціологи, провѣрилъ себя, проглотилъ десятокъ біографическихъ сочиненій, посвященныхъ великимъ людямъ, передумалъ и переварилъ всѣ свои впечатлѣнія, взвѣсилъ идеалы свои и чужіе—и успокоился. Я увидѣлъ, что либерализма я хочу только для себя, что нѣтъ мнѣ никакого дѣла до культурной радуги народовъ, что вся ваша литература — слова и что тѣ люди, которые ихъ повторяютъ — лгутъ, если только они не окончательные дураки. Но, все таки, нѣкоторое время мнѣ страшно было громко называть себя свиньей. Хоть я уже убѣдился, что я свинья, но мужества не хватало убѣдить въ этомъ другихъ. Поэтому душевное раздвоеніе длилось, и я глубоко страдалъ, такъ какъ вралъ и лицемѣрилъ. Самъ, напримѣръ, съ извощика за три рубля въ двѣ недѣли получилъ пять рублей, считая и проценты, а въ качествѣ мироваго судьи долженъ былъ возмущаться лихоимствомъ. Прочитаю о томъ же предметѣ передовую статью въ петербургской газетѣ и вслухъ, бывало, произнесу: „Хорошая статья! Сколько честности! Какая смѣлость и какое благородство!“ Но однажды зашла бесѣда за карточнымъ столомъ о стяжаніи и накопленіи благъ земныхъ законными, хотя и безнравственными способами. Я хотѣлъ присоединиться къ либеральному мнѣнію, которое громко высказывалъ нашъ муниципалъ Свербигубовъ, но взглянулъ на него, увидѣлъ его свинскіе глаза, и такъ мнѣ стыдно сдѣлалось, что оба мы трусы и изъ малодушества презираемъ свой свинскій, Бо-

гомъ намъ данный, образъ. „Не правда,—закричалъ я.—Ты изъ подъ подушки умирающаго отца вытащилъ ключи и то же самое сдѣлалъ бы я!“ Я рожденъ кутейникомъ и, представьте, сталъ бы выдавать себя за графа. Представьте, что я встрѣчаю кругомъ такихъ же кутейниковъ и тѣ тоже кичатся своими несуществующими титулами! Зачѣмъ эта комедія? Честна ли она? Не лучше ли прямо сознаться въ своемъ свинствѣ? Я сознался—и сталъ крѣпокъ тѣломъ и добръ духомъ, а Свербигубовъ до сихъ поръ притворяется, и отъ этого смотрите: лицо у меня гордое и, такъ сказать, величавое, глаза по сторонамъ не бѣгаютъ, рѣчь моя авторитетная, мысли ясныя, сердце открытое. А у Свербигубова все лживо, и лицо такое, что хочется дать ему пощечину. Маску долой! Свинь—я! Не понимаю, что̀ постыднаго въ этомъ словѣ? Такимъ создалъ меня Богъ и незачѣмъ скрывать мнѣ себя. Всею грудью хочу я дышать, безъ стѣсненія, безъ любезной улыбки на губахъ въ то время, какъ онѣ складываются для того, чтобы прошептать ругательство! Зачѣмъ мнѣ вдѣвать себѣ золотыя кольца въ носъ и втыкать въ темя страусовыя перья, когда я хочу ходить въ натуральномъ видѣ? Къ чему лишнія страданія! Съ какой стати я буду прикидываться жаръ-птицей, когда, увидя кормъ, я сейчасъ же и хрюкну! Сколько обвиненій посыплется тогда на бѣдную свинью-птицу. Двуличная каналья, коварная лицемѣрка! Наконецъ, уже самое слово свинья непріятно для уха свиньи, принимающей образъ жаръ-птицы. Гдѣ нѣтъ гармоніи, тамъ страданіе. О, гармонія! Не лучше ли быть свиньей съ гармоніей, свиньей безъ страха и упрека? Не лучше ли слышать похвалы? Вотъ такъ свинья! Это породистая, настоящая свинья! Хвостъ у нея крючкомъ, хрюкало сильное, самое неуязвимое, щетина колючая. Я иду и всѣ знаютъ, кто я такой, чего я хочу и для чего живу, какіе мои идеалы, какъ со мной можно разговаривать, чего отъ меня ждать. Есть нѣчто героическое и почтенное въ свиньѣ прямодушной, всѣхъ предупреждающей о своемъ свинствѣ и только тогда удовлетворяющей своимъ инстинктамъ. Неужели я не правъ?

— Что̀ мнѣ сказать вамъ на все это?—отвѣтилъ я, чувствуя, какъ въ моей душѣ просыпается что-то въ родѣ ужаса:—я понимаю, какое счастье—ничего не скрывать. Но

вѣдь бываютъ люди, которые вышли на жизненную арену съ открытымъ забраломъ—и они далеко не свиньи.

— Есть, есть такіе люди!—воскликнулъ со смѣхомъ Никита Виссаріоновичъ: — есть люди-овцы, которыхъ стригутъ, собаки, которыя стерегутъ стриженое, лошади, на которыхъ возятъ стриженое, и соловьи, которые поютъ, чтобы усладить слухъ... даже, можетъ быть, свиней. Я ужъ вамъ высказалъ свой взглядъ на гармонію, и недаромъ она во всемъ разлита. Захочетъ свинья пѣть соловьемъ,—раздастся одинъ только нестерпимый визгъ; придетъ мужикъ и убьетъ свинью. Недаромъ мой семинарскій романъ валяется въ столѣ, и я его ни въ грошъ не цѣню. А захочетъ раздѣлить соловей со свиньей трапезу и станетъ клевать изъ корыта — свинья его сожретъ. Сожретъ, сожретъ!—ласково и нараспѣвъ проговорилъ Никита Виссаріоновичъ, и нѣжно притянулъ къ себѣ жену.—Дарья Николаевна, позвольте поцѣловать васъ въ губки и попросить оставить насъ вдвоемъ. У насъ важное денежное дѣло. Намъ надо будетъ сговориться по родственному. Они могутъ сообразить теперь сами, какую цѣну имъ слѣдуетъ ожидать за самовольный,—какъ они выразились, въ офиціальной бумагѣ,—захватъ мною землицы ихъ достоуважаемой кузины. Предупреждаю, дорогой родственникъ, что я крѣпко обижу васъ! Позвольте взглянуть на ваши документики? Но не лучше ли намъ будетъ удалиться въ кабинетъ?

Черезъ два часа мы поѣхали къ нотаріусу, и я покончилъ миромъ свою тяжбу съ Обабкинымъ. Вмѣсто двухъ тысячъ, я получилъ съ него что-то около пятисотъ рублей. Онъ потиралъ руки. Дарья Николаевна все время была радушна со мной, а съ мужемъ держала себя такъ, что было ясно, какъ сильно она его любитъ.

Передъ вечеромъ я выѣхалъ изъ Трясинска. Характерныя черты этого захолустнаго уголка давно изгладились изъ моей памяти. Онъ смутно представляется мнѣ, и я съ трудомъ отличаю его отъ другихъ такихъ же уголковъ. Но Никита Виссаріоновичъ Обабкинъ до сихъ поръ стоитъ предо мною, какъ живой.

І. Ясинскій.

ВЪ БОЛГАРСКОЙ ТЮРЬМѢ.

Годы идутъ за годами,—
Въ тѣло мнѣ врѣзались цѣпи...
Заживо я похороненъ
Въ этой темницѣ, какъ въ склепѣ.

Воздуха, воздуха дайте
Бѣдной измученной груди!
Или въ васъ умерло сердце?
Или ужь вы и не люди?

Сколько погибло героевъ...
Что же меня вы томите?
Жить—такъ пустите на волю,
Нѣтъ– такъ скорѣе казните!

А. Кругловъ.

БУДУЩЕЕ ПЕРЕСЕЛЕНІЕ НАРОДОВЪ.

I.

Всемірная римская имперія пала—и на развалинахъ ея создались европейскія государства, существующія до сихъ поръ. Можно ли думать, что этотъ переворотъ былъ окончательнымъ и послѣднимъ въ исторіи человѣчества? Можно ли сказать, что политическая карта Европы не измѣнится и вѣчно будутъ существовать Франція, Англія, Германія, Россія? Не можетъ ли надвинуться новая гроза, нахлынуть новый потокъ народовъ и поглотить Европу? Вотъ вопросы, способные заинтересовать всякаго мыслящаго историка. Конечно, невозможно предсказывать историческія событія, но можно предугадывать кое-что и позволительно высказывать догадки. На этомъ основаніи мы позволяемъ себѣ указать на грозное движеніе китайцевъ, котораго мы должны ждать въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Посмотримъ, какія причины вызвали великое переселеніе народовъ. Въ прежнее время господствовало мнѣніе Гизо, утверждавшаго, что переселенія германцевъ объясняются отличительными чертами дружиннаго быта: удалыя дружины, говорилъ онъ, подымались со своихъ мѣстъ, устремлялись въ новыя страны, по дорогѣ увеличиваясь въ числѣ; образовывали цѣлые дружинные народы и основывали новыя государства. Такое объясненіе, собственно говоря, ничего не объясняетъ и не соотвѣтствуетъ фактамъ. Переселеніе народовъ представляется чѣмъ-то безсмысленнымъ, какими-то разбойническими набѣгами; оставляютъ свои жилища, ищутъ новыхъ мѣстъ, но зачѣмъ все это? Притомъ же дружины были малочисленны и двигались не онѣ однѣ, а шли цѣлыя германскія племена съ женами и дѣтьми, со всѣмъ домашнимъ скарбомъ, со скотомъ, обозами и всѣмъ движимымъ имуществомъ.

Надъ этимъ вопросомъ ученые работали немало и наиболѣе

удовлетворительною представляется намъ теорія извѣстнаго нѣмецкаго историка Дана, которую мы изложимъ въ немногихъ словахъ. Великое переселеніе народовъ есть заключеніе, послѣдняя стадія продолжительнаго процесса, послѣдняя волна въ движеніи, продолжавшемся столѣтія. Не въ Европѣ началось оно, а въ Азіи. Германцы выселялись изъ центральной Азіи, переходили черезъ Кавказъ и остановились на Дунаѣ и на Рейнѣ. Они не могли идти дальше, не могли сломить стѣну римскаго могущества. Но когда плотина подгнила, потокъ опять пришелъ въ движеніе, затопилъ преграды, проникъ внутрь имперіи, и понадобилось триста лѣтъ, чтобы все снова пришло въ порядокъ. Въ то время какъ германцы поселились въ Европѣ, они изъ кочеваго народа стали осѣдлымъ, сдѣлались земледѣльцами. Въ первобытныя времена, когда германцы вмѣстѣ со славянами составляли еще одинъ арійскій народъ, они жили преимущественно охотою и земледѣліемъ. Истощивъ пастбища и истребивъ дичь, они мѣняли жилища съ необыкновенною легкостью. Безъ сожалѣнія разставались они со своими поселеніями, сбирали женъ и дѣтей, домашній скарбъ, даже деревянныя хижины или палатки изъ дубленыхъ кожъ, помѣщали все это на телѣги, запряженныя волами, и двигались куда глаза глядятъ, руководствуясь полетомъ птицъ или какими нибудь небесными знаками. Такъ шли они въ продолженіе столѣтія съ востока на западъ, отъ одного пастбища къ другому; обратное же движеніе на западъ было невозможно, потому что за германцами двигались другіе народы: славяне и монголы. Когда же они остановились, наконецъ, въ Европѣ, то твердо усѣлись на мѣстахъ и занялись преимущественно земледѣліемъ, о которомъ и раньше имѣли нѣкоторое понятіе.

Замѣчено, что у народовъ осѣдлыхъ дѣтей родится больше, чѣмъ у кочевыхъ, и умираетъ меньше младенцевъ. Съ этого времени германцы начинаютъ быстро размножаться. Понятно, что успѣхи земледѣлія не могли идти параллельно съ увеличеніемъ населенія; хлѣба добывалось все столько же, народу становилось все больше, и голодъ былъ явленіемъ, часто повторявшимся. Земли, которая могла бы пропитать теперь всю Германію, не хватало на тогдашнихъ германцевъ, хотя ихъ было гораздо меньше, чѣмъ современныхъ нѣмцевъ: много мѣста отнимали тогда лѣса и луга; притомъ обработка земли была самая первобытная,—землю истощали, не умѣя удобреніемъ возвращать ей то, что у нея брали. Земли не хватало, ѣсть было нечего, необходимо было искать новыхъ земель. Вотъ причина, побудившая германцевъ перейти че-

резъ Дунай и Рейнъ, напасть на римскую имперію и постепенно завоевать ее.

Такимъ образомъ, по основательному мнѣнію Дана, главною причиною великаго переселенія народовъ былъ голодъ,—приростъ населенія, не соотвѣтствовавшій средствамъ пропитанія. Переселеніе народовъ не окончилось съ паденіемъ западно-римской имперіи: оно продолжалось во всѣ средніе вѣка. Вслѣдъ за германцами, славяне частью колонизовали, частью завоевали византійскую имперію; позднѣе хлынули въ Европу монголы, еще позднѣе турки-османы. Не можетъ ли повториться явленіе, подобное татарскому нашествію?

II.

Нѣтъ ли народа, который въ настоящее время находился бы въ томъ же положеніи, какъ германцы въ началѣ нашей эры? Мнѣ кажется, на такой вопросъ надо отвѣтить утвердительно. Бросимъ взглядъ на современный Китай; посмотримъ, сколько у него земли и сколько народу должно кормиться этой землей.

Хотя болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ до Рождества Христова въ Китаѣ чрезъ каждые три года производилась всеобщая народная перепись,—китайская статистика мало достовѣрна и вполнѣ полагаться на нее нельзя. Однако, если не гнаться за слишкомъ большой точностью, мы можемъ пользоваться цифрами, предполагая, что если есть ошибка, то въ десяткахъ милліоновъ, а не въ сотняхъ. Во всей китайской имперіи считалось по переписи 1842 г. около 730 милліоновъ жителей; если же отбросить Монголію, Манчжурію и другія провинціи, населенныя не китайцами, окажется, что въ собственномъ Китаѣ было: по однимъ свѣдѣніямъ — 405 милліоновъ, по другимъ—414 мил. Пространство же, занятое собственнымъ Китаемъ, равняется 4 милліонамъ квадратныхъ верстъ; слѣдовательно, на квадратную версту приходится 100 человѣкъ. О такой густотѣ населенія у насъ въ Россіи и помину нѣтъ. Чтобы яснѣе представить себѣ положеніе китайцевъ, скажемъ, что въ рукахъ у 100 человѣкъ находится 100 десятинъ, т. е. на китайца приходится всего по десятинѣ.

А есть мѣста, гдѣ на квадратную версту приходится 200 и даже 300 душъ и, слѣдовательно, у каждаго жителя всего половина или треть десятины. Эти выводы относятся собственно къ 1842 г.; несомнѣнно, что народонаселеніе растетъ въ Китаѣ, какъ и вездѣ, и тамъ стало теперь еще тѣснѣе. Реклю считаетъ, что, еслибы не го-

лодъ и войны, населеніе удвоивалось бы въ 20 лѣтъ. Допустимъ, что это преувеличено. Въ 1749 году, въ собственномъ Китаѣ было 177 милліоновъ, въ 1761 г.—200, въ 1780 г.—277, въ 1812 г.—361 и въ 1842 г.—400. Въ 80 лѣтъ населеніе увеличилось вдвое; надо думать, что въ 1922 г. окажется 800 милліоновъ китайцевъ и кругомъ будетъ приходиться по полдесятины на человѣка, считая въ томъ числѣ и неудобную землю. Едва ли этой земли будетъ хватать на прокормленіе китайцевъ.

Вотъ что писалъ объ этомъ Захаровъ почти 50 лѣтъ тому назадъ: «Въ Китаѣ, не смотря на то, что всякій клочокъ земли, на мѣстахъ неприступныхъ и повидимому неудобныхъ, давно уже трудолюбіемъ и нуждою жителей распаханъ и доставляетъ имъ средства жизни, количество способной къ обработыванію земли, при ограниченномъ пространствѣ, во всѣхъ направленіяхъ перерѣзанномъ хребтами горъ, слишкомъ несоразмѣрно съ количествомъ народонаселенія. По этой причинѣ, хотя милліоны рукъ снискиваютъ себѣ средства къ жизни добываніемъ предметовъ необходимости и роскоши, металловъ, каменнаго угля, чая и прочаго; хотя внутренняя торговля (отчасти и внѣшняя) сего государства развита до крайнихъ предѣловъ—бѣдность и нищета, при всеобщей наклонности къ воздержанію, въ ужасномъ видѣ тяготѣютъ надъ симъ государствомъ. Но при такой нищетѣ, при всей несоразмѣрности пространства годныхъ для хлѣбопашества земель съ чрезмѣрнымъ множествомъ обитателей, съ каждымъ днемъ масса народа умножается и возрастаетъ въ своемъ числѣ» [1]). Съ тѣхъ поръ положеніе очевидно ухудшилось: не смотря на свою бѣдность, китайцы плодятся и размножаются естественнымъ образомъ и не склонны прибѣгать къ искусственнымъ мѣрамъ, процвѣтающимъ во Франціи.

Но, скажутъ намъ, въ западной Европѣ земли тоже не хватаетъ. Франція, Англія, Германія ввозятъ хлѣбъ и, не смотря на это, богатѣютъ. Совершенно вѣрно, но зато онѣ снабжаютъ другія страны мануфактурными товарами. Подобное народное хозяйство невозможно въ Китаѣ, странѣ по преимуществу земледѣльческой. Наибольшимъ почетомъ пользуется тамъ земледѣлецъ; самъ императоръ считается первымъ земледѣльцемъ великой имперіи и нѣкогда онъ обязанъ былъ самъ, нарядившись крестьяниномъ, ежегодно въ концѣ марта вспахивать три борозды. Китайцы воздѣлываютъ преимущественно рисъ, огородныя овощи и т. п., а почти единственный предметъ отпускной торговли—это чай и шолкъ.

[1]) См. историческое обозрѣніе народонаселенія Китая въ „Трудахъ членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ“, т. I. Спб. 1852.

Обработывающая промышленность стоитъ въ Китаѣ на низкой ступени, бумажныя и шерстяныя издѣлія получаются изъ Англіи, и, слѣдовательно, невозможно думать, что китайцы усовершенствуютъ свои мануфактурныя издѣлія и не только будутъ довольствоваться собственными фабриками, но даже будутъ конкурировать съ европейскими, гдѣ техника ежегодно дѣлаетъ громадные успѣхи.

Китай навсегда останется страною земледѣльческою и будетъ изыскивать средства къ существованію изъ земли. Но народонаселеніе будетъ постоянно возрастать, а земли будетъ столько же. Какой же выходъ изъ такого положенія? Вообще говоря, десятина поля, въ смыслѣ источника дохода, не представляетъ чего-то неизмѣннаго. Десятина, плохо удобренная и вспаханная первобытной сохой, дастъ гораздо меньше, чѣмъ та же десятина, хорошо удобренная и воздѣланная паровымъ плугомъ. Можетъ быть, китайцы научатся болѣе совершенному способу земледѣлія и съ тѣхъ же полей прокормятъ населеніе, вдвое бо̀льшее. Предположеніе это, невольно возникающее въ головѣ русскаго, знакомаго съ низкимъ уровнемъ нашего земледѣлія, не годится для Китая. Китайцы давно уже довели свое земледѣліе до возможной степени совершенства. Они научились возвращать землѣ все то, что̀ берутъ у нея, и это, можетъ быть, единственная страна въ мірѣ, гдѣ земля абсолютно не истощается. У нихъ преобладаетъ мелкое землевладѣніе и каждый клочокъ обработывается самымъ тщательнымъ образомъ; никогда самый ученый агрономъ не могъ бы получить съ земли бо̀льшаго дохода, чѣмъ получаетъ китаецъ. Достаточно сказать, что есть такія мѣста, гдѣ двадцать китайцевъ живутъ тѣмъ, что̀ получаютъ съ гектара земли. Утверждать, что китайцы могутъ дойти до болѣе выгодной культуры и тѣмъ удвоить средства къ существованію, это — праздная фантазія. Но они могутъ расширить площадь пахотныхъ земель, сѣять и жать тамъ, гдѣ этого до сихъ поръ не производилось. Несомнѣнно, и это постоянно дѣлается. За послѣднія сто лѣтъ, количество полей увеличилось, по крайней мѣрѣ, на 20%. Но всему есть предѣлъ. Китайцы давно уничтожили у себя лѣса и почти уничтожили луга, обративъ все въ поле, такъ что дерево для гробовъ привозится изъ Америки. Изъ этого видно, что пустопорожнихъ земель въ собственномъ Китаѣ почти не имѣется. Можно еще вспахать горы, и это отчасти дѣлается, но все таки немыслимо создать значительное количество полей.

Наконецъ, китайцы могутъ выселяться изъ собственнаго Китая въ другія провинціи: Манчжурію, Монголію, бассейнъ Янгце-Кіанга, гдѣ населеніе не такъ густо. Подобное явленіе дѣйствительно про-

исходитъ: китайцы колонизуютъ всѣ свои провинціи, нѣкогда имъ не принадлежавшія и присоединенныя послѣ разныхъ войнъ. Дѣло однако въ томъ, что нѣкоторыя изъ этихъ провинцій населены также очень густо; такъ, напр., въ бассейнѣ Янгце-Кіанга приходится, среднимъ числомъ, по 128 человѣкъ на квадратную версту, т. е. не менѣе, чѣмъ въ собственномъ Китаѣ. А Монголія и Манчжурія населены очень рѣдко: въ Монголіи на 3.375,000 кв. верстъ—4 милліона жителей (немного болѣе 1 жителя на квадр. версту); въ Манчжуріи приходится всего по 13 человѣкъ на кв. версту. Но провинціи эти гористы и въ нихъ мало плодородной земли, а то бы онѣ давно были заселены китайцами гораздо гуще.

Изъ всего сказаннаго несомнѣнный выводъ: рано или поздно наступитъ такое время, когда китайцамъ придется выбирать: или умирать съ голоду, или искать новыхъ земель. Очевидно, они предпочтутъ второе. Гдѣ же они будутъ искать новыхъ земель? Конечно, тамъ, гдѣ населеніе рѣдко, гдѣ тысячи десятинъ пустуютъ. Они пойдутъ по тому же направленію, по которому всегда шли народы изъ Азіи въ Европу, съ юга на сѣверъ и затѣмъ съ востока на западъ. Они постараются занять Уссурійскій край, прежде имъ принадлежавшій и уступленный Россіи; они направятся въ Сибирь, не отдѣленную отъ нихъ никакими естественными преградами. Случится это тогда, когда настоящихъ китайцевъ будетъ, по крайней мѣрѣ, вдвое больше противъ теперешняго, т. е. не меньше 800 милліоновъ, когда населеніе всей имперіи достигнетъ почтенной цифры $1^1/_2$ милліарда. Представимъ себѣ, что двинется десятая часть китайцевъ, т. е. 80 милліоновъ,—другими словами, такая масса, которая представляетъ населеніе почти всей современной Россіи. Вѣдь это будетъ настоящее наводненіе. Допустимъ, что подобная эмиграція значительно преувеличена; предположимъ, что покинетъ свое отечество только сотая часть всего населенія, вѣдь и тогда даже эта сотая представитъ 8 милліоновъ. Эта будетъ безпримѣрное нашествіе, такое колоссальное переселеніе народовъ, о которомъ исторія до сихъ поръ и не слыхивала.

Можетъ быть, намъ нечего бояться даже милліоннаго скопища китайцевъ, потому что эти желтокожіе—трусы, драться не умѣютъ; у нихъ нѣтъ хорошаго огнестрѣльнаго оружія и ихъ можно всѣхъ перебить изъ круповскихъ пушекъ. Подобные голоса раздаются въ литературѣ. Въ статьѣ г. Чихачева читаемъ: «Не лишнимъ будетъ бросить мимоходомъ взглядъ на положеніе дѣлъ въ пограничныхъ съ нами частяхъ китайской имперіи, нашего ближайшаго сосѣда и вѣроятнаго противника. Мы располагаемъ въ этомъ отношеніи весьма драгоцѣнными данными,—по ихъ новизнѣ и обстоя-

тельности,—которыя были собраны въ 1888 г. двумя англійскими чиновниками остъ-индскаго гражданскаго и военнаго вѣдомства, Джемсомъ и Юнгесбендомъ, совмѣстно съ драгоманомъ Фюльфордомъ, въ теченіе восьмимѣсячнаго странствованія по Манчжуріи. По ихъ словамъ, и здѣсь замѣтно стремленіе къ развитію мѣстныхъ военныхъ силъ, и попытки въ этомъ направленіи оказываются отчасти довольно успѣшными. Такъ, при посѣщеніи главнаго центра сѣверной Манчжуріи, Гирина или Керина, англичане были поражены сооруженнымъ тамъ большимъ арсеналомъ и пороховымъ заводомъ съ европейскими приспособленіями и машинами новѣйшаго типа; работы производились исключительно китайцами, безъ помощи европейскихъ наставниковъ. Затѣмъ, по направленію къ нашей уссурійской границѣ, провозились кое-гдѣ круповскія орудія большаго калибра, но бездорожье въ высшей степени затрудняло и до невозможности затягивало перевозку. Но зато англичанъ не разъ поражала полная неумѣлость войскъ обращаться съ усовершенствованнымъ оружіемъ, которымъ они снабжаются, а ржавое магазинное ружье,—замѣчаетъ Джемсъ,—въ неумѣлыхъ рукахъ почти также безполезно, какъ лукъ и стрѣлы. О прочихъ боевыхъ качествахъ пограничнаго войска онъ отзывается такимъ же нелестнымъ образомъ. Этотъ отзывъ тѣмъ болѣе любопытенъ, что совершенно совпадаетъ съ тѣмъ мнѣніемъ о китайской военной силѣ, которое составилъ Пржевальскій, послѣ встрѣчи съ войсками восточнаго Туркестана: «истиннаго понятія хотя бы элементарныхъ требованій военнаго дѣла,—говоритъ онъ, — здѣсь нѣтъ рѣшительно ни у одного изъ офицеровъ. Въ результатѣ, изъ массы китайцевъ получается лишь нѣчто похожее на войско, но никакъ не армія въ европейскомъ смыслѣ слова». Трудно допустить, чтобы при такихъ недостаткахъ китайцы могли сдѣлаться опасными противниками, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ. Очевидно, что, не смотря на нѣкоторые техническіе успѣхи послѣдняго времени, сила Китая по прежнему заключается преимущественно въ возможности располагать громадными массами людей, жизнь которыхъ ставится въ ничто» («Вѣст. Евр.», 1890 г., № 6).

Взглядъ помянутыхъ путешественниковъ на боевыя способности китайцевъ страдаетъ преувеличеніемъ. Но допуская даже, что они правы, что въ настоящую минуту Китай не могъ бы выставить хорошо дисциплинированной арміи, это еще не доказываетъ, что обстоятельства не могутъ измѣниться чрезъ 10, 15, а тѣмъ болѣе 50 лѣтъ. Въ послѣднее время, въ Китаѣ обращено серьезное вниманіе на организацію войска и съ этою цѣлью приглашены изъ Германіи инструкторы, обучающіе китайскихъ солдатъ на нѣмец-

кій ладъ. Китайское правительство придаетъ большое значеніе военному дѣлу и не жалѣетъ денегъ; нѣмецкіе майоры, поступившіе на китайскую службу, получаютъ 8 тысячъ рублей въ годъ, простые офицеры—6 тысячъ, унтеръ-офицеры до 1,800 рублей. Понятно, что при такихъ условіяхъ находится немало охотниковъ, покидающихъ родной фатерландъ и дрессирующихъ желтокожихъ на прусскій ладъ; понятно также, что со временемъ китайская армія въ состояніи будетъ соперничать съ нѣмецкой. Въ 1888 г. рѣшено было замѣнить разнообразное вооруженіе исключительно нѣмецкими скорострѣльными ружьями; мѣра эта осуществлена, не смотря на сопротивленіе консервативной партіи и на значительный расходъ. Г. Максимовъ, знающій Китай не хуже Пржевальскаго, справедливо считаетъ китайцевъ опасными противниками. «Крѣпкіе физически,—говоритъ онъ,—выносливые китайцы отличаются большою умѣренностью привычекъ, понятливостью и привычкою къ безусловному повиновенію. Къ этому пріучаетъ ихъ съ пеленокъ весь строй жизни, въ основѣ которой лежитъ суровая дисциплина. Если прибавить къ этому равнодушіе къ жизни, свойственное китайцамъ, то надо прійти къ убѣжденію, что сыны поднебесной имперіи обладаютъ всѣми данными сдѣлаться превосходными солдатами. Всего тридцать лѣтъ назадъ, китайцы не могли справиться съ горстью европейцевъ, овладѣвшихъ Пекиномъ черезъ нѣсколько дней послѣ объявленія войны, и разграбившихъ богатства богдыханскихъ дворцовъ. Во время возстанія тайпинговъ, военныя качества знамённыхъ (т. е. регулярныхъ) войскъ, даже манчжурскихъ, отличающихся воинственностью и храбростью, стояли такъ низко, что мѣстныя регулярныя войска терпѣли отъ инсургентовъ пораженіе за пораженіемъ. Въ это критическое для государства время, населеніе провинцій, оставшихся вѣрными манчжурской династіи, начало формировать, ради собственной безопасности, ополченскіе отряды, дѣйствія которыхъ противъ мятежниковъ оказались столь успѣшными, что возстаніе было остановлено въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи и затѣмъ прекращено окончательно. Возстаніе тайпинговъ и первыя неудачныя столкновенія съ европейцами заставили китайское правительство приступить къ реорганизаціи своихъ силъ на европейскій образецъ; но дѣло это не имѣло на первое время осязательнаго успѣха. Правда, было создано нѣсколько отрядовъ, вооруженныхъ по европейски; но войска эти продолжали отличаться такими военными качествами, что Китай не былъ въ силахъ справиться даже съ маленькой сравнительно Японіей, когда возникли неожиданныя затрудненія изъ-за Ліу-Кійскихъ острововъ. Прошло всего нѣсколько лѣтъ, и уже въ тон-

кинскую войну китайскія войска проявили воинскій духъ и предпріимчивость. Они выдержали со сравнительнымъ успѣхомъ серьезную борьбу съ довольно значительными силами Франціи,—той Франціи, которая въ 1860 году выслала, для взятія столицы богдыхана, ничтожную горсть солдатъ.Въ тонкинскую войну французы убѣдились, что китайцы—враги энергичные, настойчивые и серьезные, могущіе создать въ будущемъ затрудненія. Во всякомъ случаѣ, Китай въ недалекомъ будущемъ станетъ могущественной военной державой; его силы растутъ у насъ подъ бокомъ съ фантастической быстротой» («Русск. В.», 1890 г., № 6).

Не будемъ закрывать глаза на грозящую намъ опасность. Въ этомъ случаѣ, намъ выгоднѣе быть пессимистами; лучше будемъ разсчитывать, что намъ придется встрѣтиться съ хорошо дисциплинированнымъ войскомъ, и будемъ наготовѣ. Я охотно допускаю, что китайская армія никогда не достигнетъ той высоты, на которой стоитъ армія русская, что у насъ найдется десятокъ другой талантливыхъ и свѣдущихъ генераловъ, а китайцы всегда останутся невѣждами въ стратегіи. Но они могутъ задавить насъ массою. Говорятъ, что Китай можетъ выставить 1.200,000 войска; положимъ, мы можемъ сдѣлать то же самое. Но, принимая во вниманіе, что у богдыхана въ семь разъ больше подданныхъ, чѣмъ у русскаго императора; ясно, что Китай можетъ набрать 14 милліоновъ солдатъ съ тѣмъ же напряженіемъ, съ какимъ мы наберемъ 2 милліона. Мнѣ кажется, что количество пушечнаго мяса, какъ выражаются французы, имѣетъ на войнѣ немаловажное значеніе. Какъ бы ни былъ храбръ русскій солдатъ, едва ли онъ одинъ можетъ справиться съ десяткомъ воиновъ. Если же представить себѣ, что русская армія должна будетъ бороться съ нашествіемъ многомилліоннаго народа, то понятно, какія будутъ послѣдствія.

Стоитъ только взглянуть на карту, чтобы убѣдиться, что на сторонѣ Китая много преимуществъ. Во-первыхъ, быстрота мобилизаціи. Отъ Пекина до Кяхты, по крайней мѣрѣ, вчетверо ближе, чѣмъ отъ Петербурга до китайской границы. Сибирская желѣзная дорога въ принципѣ рѣшена и надо надѣяться, что она будетъ построена съ возможной быстротой. Это дастъ намъ важное преимущество при томъ предположеніи, что въ Китаѣ не будетъ желѣзныхъ дорогъ. Но это предположеніе едва ли состоятельно; дѣйствительно, въ Китаѣ существуетъ еще сильная консервативная партія, противящаяся проведенію желѣзныхъ дорогъ, но надо думать, что и этотъ предразсудокъ скоро исчезнетъ. Вѣдь и у насъ недавно одна газета проповѣдовала, что проэктируемая

сибирская желѣзная дорога никому не принесетъ пользы и, слѣдовательно, незачѣмъ тратить деньги на такое безумное предпріятіе. Слѣдовательно, по географическимъ условіямъ, Китай въ состояніи мобилизовать свою армію гораздо скорѣе насъ. Далѣе, китайцы могутъ безъ большаго риска двинуть къ русской границѣ всѣ наличныя силы. Можемъ ли мы отправить все войско въ Сибирь и оставить европейскую Россію безъ обороны? Въ случаѣ столкновенія съ Китаемъ, мы всегда можемъ ждать, что наши западные друзья устроятъ намъ какой нибудь инцидентъ, и тогда придется оборонять и обширную западную границу. Велика ли будетъ армія, которую возможно будетъ направить противъ Китая?

Въ случаѣ великаго нашествія иноплеменниковъ, ищущихъ новыхъ земель, весьма важно сообразить, какое сопротивленіе нашъ народъ можетъ противопоставить китайцамъ. Это будетъ не обыкновенной войной двухъ армій, а переселеніемъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ статистическаго комитета, въ европейской Россіи живетъ 85 милліоновъ, что̀ можно считать русскимъ населеніемъ; а коренныхъ китайцевъ въ 5 разъ больше. Важнѣе положеніе Сибири, куда прежде всего направятся китайскіе выходцы, а Сибирь представляетъ почти пустыню. Здѣсь всего 4.313,680 жителей на 11 милліоновъ кв. верстъ; это составляетъ 0,4 человѣка на квадратную версту, другими словами, на $2^1/_2$ кв. версты приходится одинъ человѣкъ. Мыслимо ли, чтобы одинъ сибирякъ охранялъ 250 десятинъ? Я уже не говорю о томъ, что Сибирь населена почти исключительно инородцами. Такимъ образомъ, мѣстное населеніе не можетъ представить сколько нибудь серьезнаго отпора вторженію непріятеля; оно почти равно нулю.

Надо замѣтить еще, что китайцы вступаютъ въ новую эпоху своего существованія, въ эпоху европейничанья; они знакомятся съ предметами роскоши, о которыхъ прежде не имѣли понятія, и это несомнѣнно поведетъ къ увеличенію потребностей. До сихъ поръ китайцы крайне безпритязательны, сельское населеніе питается почти исключительно рисомъ, изрѣдка приправляя его маленькими кусочками мяса; рабочіе зачастую довольствуются ежедневнымъ заработкомъ въ 10 — 15 копѣекъ. Даже пища солдатъ состоитъ только изъ риса и какой нибудь зелени въ родѣ салада, или ботвиньи. Типъ такого безпритязательнаго китайца, довольствующагося малымъ и не ропщущаго на судьбу, описалъ г. Пясецкій въ своемъ путешествіи по Китаю: «Почтенный хозяинъ» нашей лодки, какъ ихъ обыкновенно называютъ, по имени Танъ-Чэнъ Гуэй, уже съ первыхъ дней нашего путешествія понравился

мнѣ. Человѣкъ онъ былъ лѣтъ сорока съ небольшимъ, роста выше средняго, лицо имѣлъ простое, но привѣтливое и доброе; обращеніе всегда учтивое и любезное. Работалъ безъ устали, но и безъ малѣйшаго ропота на судьбу или на людей. Онъ былъ бѣденъ, но, казалось, и не допускалъ, чтобы иначе могло быть, и, казалось, ничего не желалъ больше того, что̀ имѣлъ; словомъ, Танъ-Чэнъ-Гуэй принадлежалъ къ тому разряду людей, смотря на которыхъ совершенно примиряешься съ разными невзгодами жизни и самъ научаешься лучше переносить ихъ. У него ли не было этихъ невзгодъ, а онъ былъ всегда спокоенъ, веселъ и ровенъ въ обращеніи, какъ съ нами, такъ съ своей семьей и наемнымъ работникомъ. Всегда бѣдно одѣтый, даже нѣсколько оборванный, не имѣющій ничего, кромѣ своей лодки да мускуловъ, при помощи которыхъ онъ таскаетъ ее отъ г. Хань-Коу до г. Фань-Чэна и обратно, перевозя пассажировъ или грузъ,—Танъ-Чэнъ-Гуэй обладалъ, какъ я упоминалъ, семьей въ десять человѣкъ и, работая съ утра до ночи, чтобы добыть средства для ея прокормленія, нисколько не тяготился ею. Всегда мягкій въ обращеніи съ своей женой, онъ былъ добрымъ и даже нѣжнымъ отцомъ (т. II, стр. 415)». Такіе типы, конечно, будутъ исчезать. Китайцы уничтожили знаменитую стѣну, ограждавшую ихъ отъ Европы; они признали, что европейское просвѣщеніе есть благо, завели у себя телеграфы и электрическое освѣщеніе, открыли свои порты иностраннымъ купцамъ. Вся эта внѣшняя культура повліяетъ на строй патріархальной народной жизни. Посмотрите, какъ измѣнилась русская деревня въ послѣднія двадцать пять лѣтъ. Тамъ, гдѣ чай считался большой роскошью, завелись самовары въ каждомъ домѣ и пьютъ его ежедневно; а по храмовымъ праздникамъ васъ угощаютъ уже не сивухой, а «дримадерой» и голландскимъ сыромъ. Таково вліяніе фабрикъ и желѣзныхъ дорогъ. Китайцы тоже захотятъ ѣсть и пить по европейски; явятся новыя потребности, а земля откажется удовлетворять неслыханнымъ прежде апетитамъ.

III.

Многіе думаютъ, что европейцы и китайцы—величины неизмѣримыя, что поэтому нельзя утверждать, будто одинаковыя причины будутъ имѣть одинаковыя послѣдствія, какъ въ Европѣ, такъ и въ Китаѣ. Германцы, ощутивъ недостатокъ въ землѣ, стали переселяться и завоевали римскую имперію; это еще не доказываетъ, что китайцы сдѣлаютъ то же самое. Германцы были народомъ энергич-

нымъ и воинственнымъ, народомъ будущаго; китайцы же—народъ пассивный, не культурный, неспособный на крупное дѣло, требующее отваги и предпріимчивости Германцы не захотѣли умирать съ голоду и рѣшились на предпріятіе, которое должно было казаться фантастическимъ: сокрушить всемірную имперію; китайцы же могутъ покоряться горькой участи, умирать, какъ мухи, и все таки не выйдутъ изъ пассивнаго состоянія.

Полагаю, что такое воззрѣніе на китайцевъ не вѣрно и не оправдывается исторіей. Прежде всего, я постараюсь констатировать, что культурныя начала, на которыхъ зиждется китайская имперія, тѣ же самыя, на которыхъ построены европейскія государства; затѣмъ я докажу фактами, что Китай вовсе не представляетъ царства абсолютнаго застоя, какъ обыкновенно думаютъ, что китайцы способны на активную дѣятельность и даже на соціальные перевороты.

Китайская имперія создалась также, какъ и западноевропейскія государства. Китайцы постепенно покоряли сосѣдей, окитаивали ихъ, сплачивались; они дѣлали то же самое, что франки и кіевская Русь. Въ старинныя времена, теперешній Китай былъ подѣленъ между нѣсколькими князьями, въ немъ господствовала удѣльная система; однако постепенно одинъ родъ сталъ возвышаться, подчинять удѣльныхъ князей, и такимъ образомъ создалось самодержавіе китайскаго богдыхана. Власть богдыхана на практикѣ безгранична; но воззрѣніе на правленіе и на обязанности правителя весьма близко подходитъ къ тому, что́ неоднократно высказывалось въ Европѣ. Конфуцій, философія котораго до сихъ поръ считается верхомъ китайской мудрости, говоритъ объ этомъ слѣдующее: «Древнее правленіе было таково. Сынъ неба (т. е. китайскій императоръ) считалъ придворныхъ вельможъ—своими руками, добродѣтель и законъ—уздою, сто чиновъ (т. е. чиновниковъ)—возжами, уголовныя наказанія—стимуломъ, народъ—лошадьми. Чтобы хорошо управлять лошадьми, нужно правильно ихъ взнуздать, нужно ровно держать возжи и стимулъ, слѣдуетъ соразмѣрить силы лошадей и наблюдать за согласнымъ бѣгомъ послѣднихъ; при этихъ условіяхъ, управителю можно не издавать ни одного звука, вовсе не хлопать возжами и не подстрекать стимуломъ—лошади сами собою побѣгутъ. Такъ точно и хорошее управленіе народомъ состоитъ въ томъ, чтобы возвышать добродѣтель и законность, правильно распредѣлять должности, соблюдать соразмѣрность въ пользованіи народными силами, приводить въ согласіе и успокоивать сердце народа. Если управленіе такъ будетъ понимаемо, то безъ повторенія распоряженій, безъ употребленія наказаній народъ будетъ послушенъ, и

имперія хорошо управляема. Императоръ Шунь ставилъ цѣлью управленія—поддерживать жизнь и благоденствіе своихъ подданныхъ и устранять все, что̀ губитъ эту жизнь; онъ возвышалъ людей добродѣтельныхъ и отстранялъ порочныхъ; его личная добродѣтель равнялась добродѣтели неба и земли, его спокойное и просвѣщенное управленіе уподоблялось четыремъ временамъ года, которыя безъ словъ дѣлаютъ въ природѣ свое дѣло. Въ его счастливое царствованіе, народъ въ предѣлахъ четырехъ морей (т. е. Китая) благоденствовалъ; природа въ изобиліи посылала свои благодатные дары. Зачѣмъ вамъ, правителямъ народа, употреблять наказанія? Любите добродѣтель и народъ будетъ добродѣтеленъ: ваше добродѣтельное поведеніе уподобляется вѣтру, предъ которымъ, какъ трава, преклоняется народъ. Возвышайте людей добродѣтельныхъ, удаляйте людей испорченныхъ, и народъ будетъ вамъ повиноваться, въ противномъ же случаѣ возненавидитъ васъ. Правитель народа долженъ благодѣтельствовать безъ расточительности, облагать народъ повинностями, не возбуждая его ропота; удовлетворять своимъ желаніямъ, не впадая въ алчность; сознавать свое достоинство и не быть гордымъ; сохранять свое величіе и не быть надменнымъ. Заботиться о доставленіи народу всего, что̀ можетъ служить ему на пользу, развѣ это не значитъ благодѣтельствовать безъ расточительности? Если народъ облагается повинностями, истинно необходимыми, то кто будетъ роптать? Когда желанія основываются на человѣколюбіи и, какъ таковыя, осуществляются, то развѣ это будетъ алчностью? Не поступать небрежно въ обращеніи съ своими подданными, независимо отъ того, много или мало ихъ будетъ, равно какъ внимательно относиться къ дѣламъ важнымъ и неважнымъ, развѣ это не значитъ сознавать свое достоинство и не быть гордымъ? Самая главная задача управленія состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать подданныхъ богатыми и долгоденствующими. Если государь является строгимъ исполнителемъ обрядовъ, правилъ и обязанностей, если между нимъ и его подданными существуетъ взаимная любовь, то всѣ жители Китая могутъ считаться его народомъ, и ему (государю) не съ кѣмъ будетъ вступать во враждебныя отношенія и воевать. Если же государь не исполняетъ своихъ обязанностей, то подданные отъ него отвращаются, и онъ становится предметомъ общей ненависти; такой государь не имѣетъ средствъ для своей охраны (т. е. какъ бы владѣнія его ни были обширны, онъ все таки рано или поздно долженъ ихъ потерять). Если чуждые народы не покоряются, то нужно внутри своего государства усиливать образованность и добродѣтель, чѣмъ только и можно поко-

рить чуждые народы; когда послѣдніе приведены въ покорность, то должно обезпечить для нихъ пользованіе спокойствіемъ» [1]).

«Если вы, государь,—говорилъ Мэнъ-цзы, ученикъ Конфуція, одному удѣльному князю,—будете проявлять въ управленіи человѣколюбіе, то достигнете того, что служащіе (чиновники) во всей имперіи пожелаютъ служить при вашемъ дворѣ, пахари пожелаютъ пахать на вашихъ поляхъ, купцы—складывать товары на вашихъ рынкахъ. Можетъ ли гуманный человѣкъ, занимая тронъ, разставлять сѣти своему народу? Вотъ почему умный государь распредѣляетъ народную собственность такъ, чтобы простолюдины имѣли чѣмъ прокармливать родителей и содержать женъ и дѣтей, были бы вполнѣ сыты въ урожайные годы и могли бы избѣгать голодной смерти въ годы неурожайные; если, послѣ такого распредѣленія, онъ будетъ направлять простолюдиновъ на доброе, то они легко послѣдуютъ его внушеніямъ».

Слѣдовательно, китайцы признаютъ, что государство не можетъ существовать безъ гуманнаго правленія и безъ правильнаго распредѣленія капитала. Они признаютъ точно также, что необходимо раздѣленіе труда и что чиновникъ не можетъ самъ шить себѣ сапоги и пахать землю, какъ того желали бы нѣкоторые современные мыслители. «Есть дѣла, которыя исполняются высшими по положенію людьми,—говоритъ философъ Мэнъ-цзы,—и есть дѣла, которыя исполняются людьми низшими. Одинъ человѣкъ, занимаясь земледѣліемъ, снискиваетъ себѣ путемъ обмѣна то, что́ выдѣлываютъ всѣ ремесленники; еслибы каждый долженъ былъ самъ выдѣлывать потребные для него предметы, то всѣ люди постоянно бѣгали бы по дорогамъ. Вотъ почему и говорится: одни трудятся умомъ, другіе трудятся физически; трудящіеся умомъ управляютъ людьми, трудящіеся физически управляются людьми; управляемые людьми питаютъ послѣднихъ, управляющіе людьми получаютъ отъ послѣднихъ пропитаніе. Это основная истина въ поднебесной (т. е. это коренной законъ всякаго людскаго общежитія)».

Если посмотримъ, какимъ образомъ создается въ Китаѣ законъ, то замѣтимъ, что законы имѣютъ тутъ общечеловѣческое происхожденіе; они узаконяютъ давно существующіе въ странѣ обычаи. «Законы создаются въ Китаѣ слѣдующимъ порядкомъ,—говоритъ Ж. Симонъ въ сочиненіи: «Срединное царство».—Если какой либо администраторъ замѣчаетъ въ управляемомъ имъ округѣ

[1]) Отрывки изъ сочиненій Конфуція и другихъ китайскихъ философовъ извлечены изъ новой книги нашего синолога, г. Георгіевскаго: „Важность изученія Китая“. Спб. 1890 г.

обычай, который, по его мнѣнію, полезно было бы ввести во всеобщее употребленіе, онъ заявляетъ объ этомъ по начальству центральному пекинскому правительству. Министерство обычаевъ и обрядовъ переноситъ дѣло на разсмотрѣніе академіи наукъ (представляющей единственную законодательную власть въ Китаѣ). Если обычай одобренъ академіей, то о немъ сообщается во всѣ областныя управленія, съ предложеніемъ ввести его временно въ областяхъ для испытанія. Если испытаніе окажется удачнымъ, то обычай, освященный уже опытомъ и принятый повсюду населеніемъ, вносится въ кодексъ и становится закономъ. Это дѣлается, впрочемъ, ни въ какомъ случаѣ не ранѣе, какъ со вступленіемъ на престолъ новаго императора. Законъ успѣлъ, слѣдовательно, уже получить къ тому времени право гражданства. Въ случаѣ, если законопроэктъ не нравится народу, его отвергаютъ. Такому же предварительному испытанію подвергаются всѣ законопроэкты, отъ кого бы они ни исходили, отъ частныхъ лицъ или же отъ правительственной иниціативы».

Въ Китаѣ нѣтъ не только кастъ, но и привилегированныхъ сословій. «Каждый гражданинъ-китаецъ,—говоритъ г. Георгіевскій,—удовлетворивъ извѣстнымъ требованіямъ, можетъ сдѣлаться высшимъ гражданскимъ или военнымъ чиновникомъ, а, съ другой стороны, сынъ высокопоставленнаго администратора не наслѣдуетъ отъ своего отца существенныхъ прерогативъ и начинаетъ свою жизненную карьеру, какъ простой ингредіентъ массы народной. Отсутствіе кастъ, которымъ первѣе всего характеризуется государственная организація Китая, даетъ каждому китайцу возможность не смотрѣть на себя только какъ на служебный органъ цѣлаго организма и свободно располагать собою въ самыхъ широкихъ размѣрахъ территоріальныхъ и соціально-іерархическихъ перемѣщеній.» Въ Китаѣ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, государство служитъ человѣку, а не человѣкъ государству.

Не смотря на централизацію, въ Китаѣ допускается и нѣкоторое самоуправленіе. Право гражданъ собираться на сходки,—читаемъ въ вышеуказанной книгѣ Симона,—не подлежитъ въ Китаѣ никакимъ ограниченіямъ. Граждане собираются всякій разъ, когда находятъ это нужнымъ, безъ приглашенія къ тому со стороны правительства или его агентовъ, но не нуждаются также и въ испрашиваніи чьего бы то ни было разрѣшенія. На этихъ собраніяхъ выбираются члены совѣтовъ, которымъ поручается управленіе общиной, волостью, уѣздомъ или же областью. Китайскіе выборные совѣты или земства исполняютъ весьма разнообразныя функціи. Они распредѣляютъ налоги, взимаютъ ихъ и передаютъ

правительственному чиновнику. Они обсуждаютъ вопросы о необходимости производства тѣхъ или другихъ публичныхъ работъ въ своемъ округѣ, распредѣляютъ дополнительные сборы на производство этихъ работъ между населеніемъ, побуждаютъ болѣе богатыхъ гражданъ къ добровольному пожертвованію на такія работы, уменьшая тѣмъ самымъ расходъ, падающій на менѣе состоятельныхъ гражданъ. Въ случаѣ, если въ выполненіи работъ заинтересовано нѣсколько общинъ, то члены административныхъ ихъ совѣтовъ условливаются вести дѣло сообща, а, въ случаѣ необходимости правительственнаго вмѣшательства, докладываютъ дѣло спеціально назначенному для того правительственному чиновнику своего уѣзда. Выборнымъ совѣтамъ поручается также наблюденіе надъ системой орошенія. Они рѣшаютъ споры, возникающіе за пользованіе водой между частными лицами; недоразумѣнія же между общинами рѣшаются третейскимъ судомъ, и только въ болѣе важныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ правительственной юрисдикціи. Этимъ же земскимъ совѣтамъ поручается завѣдываніе публичными богоугодными заведеніями. Нерѣдко приходится имъ также рѣшать, въ качествѣ третейскихъ судей, недоразумѣнія между хозяевами и рабочими, если недоразумѣнія эти не могли быть улажены распорядительными совѣтами ремесленныхъ корпорацій. Въ пограничныхъ областяхъ, подверженныхъ набѣгамъ воинственныхъ непокорныхъ племенъ, возлагается на земскіе совѣты наборъ и организація настоящей національной гвардіи, которая содержится на счетъ богатыхъ людей. Офицерскія должности замѣщаются тамъ по усмотрѣнію земства безъ всякаго вмѣшательства мандариновъ. Въ административныхъ пунктахъ, гдѣ находится какое либо правительственное должностное лицо, какъ напримѣръ, помощникъ уѣзднаго начальника, уѣздный начальникъ, губернаторъ или вице-король, выборный земскій совѣтъ группируется вокругъ этого должностнаго лица и, кромѣ выполненія всѣхъ прочихъ своихъ обязанностей, образуетъ при немъ совѣщательный комитетъ, присутствіе котораго смягчаетъ и облегчаетъ сношенія должностнаго лица съ гражданами. Земскій совѣтъ обсуждаетъ мѣры, исходящія отъ правительственной иниціативы, одобряетъ ихъ или же, напротивъ, совѣтуетъ не приводить въ исполненіе; самъ предлагаетъ мѣропріятія, которыя считаетъ выгодными, контролируетъ дѣйствія должностнаго лица и обсуждаетъ тяжбы между общинами.

Китайская этика не представляетъ противоположности европейской. Мы находимъ у китайцевъ проповѣдниковъ эгоизма и эпикуреизма, а съ другой стороны—философовъ-альтруистовъ и аске-

товъ. «Древніе люди,—говорилъ философъ Онъ-чжу,—понимая, какъ быстротечна жизнь и какъ скоро приходитъ смерть, повиновались влеченію своего сердца, спѣшили пользоваться представлявшимися удовольствіями, услаждались согласно своимъ естественнымъ склонностямъ, не придавая цѣны похвалѣ и не заботясь о посмертной славѣ; старались только не дѣлать того, что̀ заслуживало бы наказанія, а о томъ, пріобрѣтутъ ли они славу и похвалу, будутъ ли первыми или послѣдними, проведутъ ли долгую, или короткую жизнь,—не думали. Все живущее представляетъ различіе, пока живетъ, а по смерти дѣлается одинаковымъ. Между живыми людьми мы различаемъ умныхъ и глупыхъ, знатныхъ и незнатныхъ; но люди умершіе всѣ одинаково представляютъ вонючую гниль, подвергающуюся разложенію, тлѣнію: таковъ общій удѣлъ. Ни жизнь, ни смерть человѣка не въ его власти, и не отъ него зависитъ быть умнымъ или глупымъ, знатнымъ или незнатнымъ по рожденію. Всѣ родившіеся подвергаются смерти: умный и глупый, знатный и незнатный; умираютъ десятилѣтніе и столѣтніе, добродѣтельные и злодѣи, мудрые и глупцы. При жизни, это были Яо и Шунь (древніе китайскіе государи, считающіеся мудрыми и добродѣтельными), а по смерти это не болѣе, какъ гнилыя кости; при жизни, это были Цзѣ и Чжоу (древніе китайскіе государи, извѣстные своей порочностью), а по смерти это также гнилыя кости. Кто могъ бы сдѣлать различіе между ихъ гнилыми костями? Поэтому, пока мы живы, будемъ спѣшить воспользоваться жизнью: развѣ есть время думать о томъ, что̀ будетъ по смерти? Цзѣ былъ обладателемъ вѣками собранныхъ сокровищъ, возсѣдая на императорскомъ тронѣ; былъ настолько уменъ, что могъ презрительно относиться къ людямъ, ниже его стоявшимъ; былъ настолько грозенъ, что могъ приводить въ трепетъ имперію; онъ услаждался тѣмъ, что̀ веселило слухъ и зрѣніе; онъ непремѣнно исполнялъ то, что̀ приходило ему на мысль. Окруженный блескомъ, онъ приблизился къ смерти. Онъ жилъ роскошнѣе и шире всѣхъ смертныхъ. Чжоу также былъ обладателемъ вѣками собранныхъ сокровищъ, возсѣдая на императорскомъ тронѣ; его грозное величіе всѣми признавалось и его волѣ всѣ оказывали повиновеніе; онъ давалъ волю своимъ страстямъ, пренебрегая дѣлами правленія, и проводилъ долгія ночи, предаваясь удовольствіямъ; онъ не омрачалъ себя мыслью о требованіяхъ истинно-должнаго поведенія. Окруженный блескомъ, онъ приблизился къ смерти. Онъ позволялъ себѣ болѣе всѣхъ другихъ смертныхъ. Эти два злодѣя въ теченіе своей жизни услаждались, исполняя свои желанія, а по смерти прославились, какъ образцы глупости и жестокости. Но вѣдь удовольствія не можетъ дать

добрая слава. Будутъ ли порицать, или хвалить ихъ, они уже не сознаютъ этого. Ихъ безславіе для нихъ самихъ то же, что́ для пня или куска земли». Съ другой стороны, философъ Лао-цзы проповѣдовалъ альтруизмъ и любовь къ человѣчеству. «Мудрецъ,— говорилъ онъ,—не эгоистиченъ, сердце ста семействъ онъ считаетъ своимъ сердцемъ (т. е. радѣетъ о всѣхъ, какъ о самомъ себѣ). За добро я отплачиваю добромъ, за зло также добромъ, добродѣтель есть добро; за вѣрность я отплачиваю вѣрностью, за невѣрность также вѣрностью; добродѣтель есть вѣрность. Мудрецъ считаетъ всѣхъ людей какъ бы своими дѣтьми. За обиды плати добромъ». Ученіе Лао-цзы, по словамъ г. Георгіевскаго, было съ бо̀льшею полнотою и ясностью разработано философомъ Мо-цзы, знаменитымъ проповѣдникомъ универсальной любви, той любви, которая заставляетъ человѣка смотрѣть на чужое государство и на чужое семейство, какъ на свои собственныя, и на другаго человѣка, какъ на самого себя. Человѣкъ, по мнѣнію Мо-цзы, первѣе всего долженъ проникнуться любовью ко всѣмъ людямъ и радѣть объ ихъ благоденствіи.

Примиреніе крайностей альтруизма и эгоизма, — говоритъ г. Георгіевскій,—древнимъ китайцамъ суждено было найти въ философіи Конфуція и его лучшаго продолжателя Мэнъ-Цзы. «Великое ученіе,—говоритъ Конфуцій, — имѣетъ своею задачею раскрыть сущность естественнаго закона и показать людямъ, что ихъ назначеніе заключается въ самоусовершенствованіи. Для всѣхъ людей, безъ различія ихъ положеній, существуетъ одна и та же обязанность: это—нравственное самоусовершенствованіе». Удерживая людей отъ грубаго эпикуреизма и призывая ихъ къ жизни духовной, Конфуцій въ то же время училъ, что довольство человѣка должно заключаться въ его субъективности, что для достиженія своего благоденствія человѣкъ долженъ пользоваться всѣми своими чувствами и возможно правильнѣе удовлетворять ихъ потребности; что чѣмъ большее число предметовъ міра матеріальнаго человѣкъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи, тѣмъ болѣе обезпечиваетъ себѣ благоденствіе, какъ непосредственнымъ удовлетвореніемъ своихъ чувствъ, такъ и доставленіемъ удобствъ людямъ любимымъ, между которыми первое мѣсто занимаютъ родители. Такимъ образомъ, хотя китайцы и не пошли дальше этики, выработанной за много столѣтій до Рождества Христова, тѣмъ не менѣе имъ не чужды общечеловѣческіе принципы нравственности и они способны понять болѣе совершенную этику.

Китайцы очень уважаютъ науку; не выдержавъ экзамена, нельзя получить никакого мѣста въ администраціи. Но изучаютъ исклю-

чительно конфуціанскую философію, потому что другой науки нѣтъ. Въ послѣднее время, однако, жители Срединной имперіи сознали, что какъ ни высоко стоитъ въ ихъ глазахъ эта древняя мудрость, она совершенно недостаточна. Такое сознаніе—первый шагъ къ прогрессу и можно сказать, что Китай вступаетъ въ эпоху возрожденія наукъ и искусствъ. Ту службу, которую сослужили европейцамъ греческіе и латинскіе писатели, должна сослужить китайцамъ европейская наука. Они начинаютъ изучать европейскіе языки и переводить иностранныя книги. Въ 1863 г. была учреждена при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Пекинѣ школа европейскихъ языковъ, первоначально имѣвшая цѣлью приготовлять переводчиковъ съ англійскаго, французскаго, нѣмецкаго и русскаго языковъ. Вскорѣ ее преобразовали въ общеобразовательную и тутъ преподаютъ на англійскомъ языкѣ математику, астрономію, химію, физику, анатомію и естественную исторію. Это заведеніе,—писалъ г. Скальковскій въ 1883 г.,—довольно значительное по размѣрамъ и состоящее въ завѣдываніи американскаго ученаго, доктора Мартина, имѣетъ много учениковъ. При школѣ имѣются: библіотека, обширная типографія, печатающая книги новѣйшими шрифтами, и литографія. Издается также иллюстрированный журналъ съ цѣлью знакомить китайскую публику съ Европой [1]). Окончившіе курсъ въ этой школѣ поступаютъ на службу и, надо думать, становятся защитниками западной цивилизаціи. Слѣдуя примѣру Франціи, имѣющей археологическіе институты въ Римѣ и Аѳинахъ, китайское правительство учредило въ Гартфордѣ (въ американскомъ штатѣ Коннектикутъ) великолѣпную школу, гдѣ китайская молодежь должна была проводить около 15 лѣтъ и изучать всякія науки и искусства; посылавшіеся туда молодые китайцы содержались на счетъ правительства. Школа эта закрылась въ 1881 г. по донесенію китайскаго агента, съ ужасомъ сообщившаго, что молодые китайцы стали американцами по своимъ понятіямъ и образу жизни. Это доказываетъ, что китайцы способны воспринять плоды европейскаго просвѣщенія и слиться съ западными народами. Неудачный опытъ въ Америкѣ заставилъ китайское правительство предпочесть Европу, и теперь молодые люди посылаются для усовершенствованія въ европейскіе университеты.

Не смотря на то, что переводить съ европейскихъ языковъ на китайскій очень трудно, теперь насчитываютъ уже до тысячи ученыхъ книгъ, переведенныхъ на китайскій языкъ. Большою популярностью пользуется, наприм., геометрія Эвклида, выдержавшая

[1]) „Русская торговля въ Тихомъ океанѣ", стр. 123.

много изданій. Китайцы настолько интересуются Европой, что одна китайская газета, издающаяся въ Шанхаѣ и имѣющая цѣлью знакомить публику съ заморскими нравами и обычаями, имѣла въ 1877 г. 8 тысячъ подписчиковъ. Пекинское правительство, считая нужнымъ удовлетворять этой потребности своихъ подданныхъ, переводитъ и печатаетъ на свой счетъ лучшія научныя сочиненія. Такъ, съ 1868 — 1879 г. издано на казенный счетъ 142 европейскихъ сочиненія, въ 378 томахъ, и 27 картъ.

Мы видимъ, что китайцы вступаютъ на путь прогресса; если они до сихъ поръ гордятся своей цивилизаціей и считаютъ европейцевъ варварами, они все таки дошли до сознанія, что полезно ознакомиться съ этимъ варварскимъ просвѣщеніемъ. Китайскій застой не такъ безусловенъ, какъ это обыкновенно думаютъ, и китайскій народъ совсѣмъ не такъ пассивенъ и не всегда держится рутины. Китайскіе рабочіе, напр., образуютъ ассоціаціи; когда они недовольны заработной платой, они устраиваютъ стачки, и, благодаря духу солидарности и большой энергіи, они всегда одерживаютъ побѣду надъ хозяевами. Китаецъ предпочитаетъ умереть съ голоду, чѣмъ отступиться отъ своего требованія. Хозяева отлично знаютъ это и даже не пытаются бороться съ рабочими; послѣдніе сами назначаютъ себѣ цѣну, всегда умѣренную, въ началѣ каждаго года, и на эту плату безъ разговоровъ соглашаются фабриканты.

Напрасно думаютъ, что все въ Китаѣ остается неизмѣннымъ; ни въ одномъ государствѣ формы землевладѣнія не измѣнялись такъ часто; нигдѣ, можетъ быть, поземельная политика не отличалась такой неустойчивостью. Въ древнѣйшія времена, земля—единственный источникъ благосостоянія—считалась общественнымъ достояніемъ, собственностью народа, и народъ дѣлилъ ее между собою, какъ зналъ. Чиновники, въ вознагражденіе за службу, имѣли право пользоваться доходами съ земель въ томъ участкѣ, гдѣ они служили. Изъ простаго народа, только тотъ имѣлъ долю въ общественной собственности—землѣ, кто могъ, также какъ чиновники, приносить пользу обществу, кто, владѣя полными тѣлесными силами, въ состояніи былъ обработывать землю и изъ сбора съ своего участка, за прокормленіемъ семейства, удѣлять часть на нужды общественныя и служить своими силами при общественныхъ работахъ и во время войны; однимъ словомъ, человѣкъ отъ 20 до 60 лѣтъ. За двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х., когда Китай былъ подѣленъ между удѣльными князьями, находившимися въ зависимости отъ старшаго князя или государя, все, что находилось внутри удѣла, т. е. земли по преимуществу, принадлежали владѣтелю удѣла. Законами имперіи опредѣлялось пространство каждаго удѣла и ко-

личество удѣловъ извѣстной величины. Удѣлъ главы имперіи содержалъ квадратъ въ 1000 ли (приблизительно 57 тыс. дес.), а самый большой княжескій удѣлъ могъ быть только въ 100 ли. Подобно тому, какъ дворы государя и удѣльныхъ князей содержались податью со своихъ удѣловъ, вносимой натурою, чиновники въ вознагражденіе за службу получали отъ правительства извѣстное количество пахотныхъ земель, оброкъ съ которыхъ замѣнялъ имъ жалованье и могъ достаточно обезпечивать ихъ. Земли эти не представляли полной собственности чиновника и принадлежали ему только пожизненно и на время отправленія службы; по его смерти или по лишеніи мѣста, земля переходила къ его преемнику; онъ не могъ ни завѣщать, ни продавать ея. Такъ какъ князь, по китайскимъ воззрѣніямъ, считается отцомъ своего народа, а сынъ при отцѣ не можетъ быть полнымъ владѣльцемъ собственности, принадлежащей дому, никто изъ подданныхъ не могъ быть собственникомъ земли; простой народъ получалъ отъ своего князя временно опредѣленный участокъ земли. Каждый земледѣлецъ получалъ участокъ одинаковой величины, для того чтобы всѣ имѣли одинаковыя средства къ жизни и одинаковую возможность платить подати. Участокъ въ 100 му [1]) отдавался въ нераздѣльное пользованіе 8 семействамъ; полагалось обработывать сообща 80 му, а изъ остальныхъ 20 му каждому семейству полагалось по $2^1/_2$ подъ домъ и огородъ. Такъ какъ поля не вездѣ одинаковаго качества, то земля была раздѣлена на три категоріи, какъ въ Византіи и въ Московскомъ государствѣ; земли худшей категоріи давалось и больше 100 му. Земля не представляла вѣчной наслѣдственной собственности каждаго семейства; никто не могъ располагать землею по своему произволу, продавать ее или закладывать. Отъ такого устройства поля получили названіе общественныхъ (гунъ-тянь). Они назывались также колодезными, потому что размежеваніе давало пашнямъ видъ, похожій на китайскій письменный знакъ, изображающій слово колодецъ. Итакъ, въ древнее время, въ Китаѣ преобладала особая форма общиннаго землевладѣнія.

Эта система общественныхъ полей существовала очень долго. Первыя три династіи (царствовавшія съ 2205 до 254 г. до Р. Х.) поддерживали ее съ небольшими измѣненіями въ распредѣленіи налоговъ. Но, наконецъ, невыгоды этой системы стали ощутительны. При ней владѣтельный князь пользовался только сборомъ съ участка, который должны были обработывать общими силами 8 семействъ. Очевидно, сборъ этотъ былъ незначителенъ, а при не-

[1]) Му равняется 133 кв. саженямъ или, приблизительно, $^1/_{17}$ десятины.

урожаѣ и очень скуденъ. Когда при слѣдующей чжоуской династіи начали усиливаться удѣльные князья, древнія постановленія оказались не соотвѣтствующими требованіямъ времени и обстоятельствъ. При жестокихъ и продолжительныхъ междоусобныхъ войнахъ, сборы по древнему распредѣленію не могли удовлетворять нуждамъ государства, тѣмъ болѣе, что эти сборы съ каждымъ годомъ уменьшались въ своемъ количествѣ, потому что земледѣльцы, «по развращенію нравовъ», съ крайней небрежностью обработывали свои участки. Такое ненормальное положеніе особенно ощутительно было въ циньскомъ удѣлѣ. Земледѣльцы были ограничены опредѣленнымъ участкомъ и не могли воздѣлывать пустопорожнихъ земель. Множество плодородныхъ земель поросло травою и не доставляло выгоды никому: ни частнымъ людямъ, ни казнѣ, потому что народонаселеніе циньскаго удѣла было слишкомъ мало въ сравненіи съ обширностью страны. Между тѣмъ, въ сосѣднихъ удѣлахъ народъ бѣдствовалъ отъ недостатка земли. Поэтому въ 350 г. до Р. Х. министръ Шанъ-янъ составилъ планъ обогатить свое отечество (т. е. циньскій удѣлъ) распашкою пустопорожнихъ земель и усилить его переселеніемъ народа, бѣдствовавшаго отъ недостатка земли въ сосѣднихъ княжествахъ. Стоило только предоставить землю въ собственность народу и тогда многіе рѣшились бы переселиться изъ своего отечества въ Циньское княжество. По такимъ соображеніямъ, циньское правительство положило начало уничтоженію общественныхъ пашень, позволивъ каждому занимать земли сколько угодно и гдѣ угодно, и занятый участокъ обводить межами, не обращая вниманія на прежнее размежеваніе. Было постановлено, что всякая занятая земля должна представлять полную собственность занявшаго ее лица. Такимъ образомъ, по плану Шанъ-яна совершился переходъ земель изъ казны въ частную собственность, и эта мѣра, по соединеніи всѣхъ удѣловъ подъ властью одного государя (въ 221 г. до Р. Х.), была распространена по всей китайской имперіи.

«Впрочемъ,—говоритъ г. Захаровъ,—предоставленное всякому право владѣнія поземельною собственностью, при своемъ началѣ доставившее столько выгодъ и богатства циньскому владѣнію, впослѣдствіи принесло невыгоды и даже вредъ Китаю. При началѣ введенія этой мѣры, населеніе государства было очень незначительно въ сравненіи съ обширностью предѣловъ его и пространствомъ годной къ обработыванію земли. Когда позволено было каждому, по своему произволу и силамъ, занимать праздныя земли и обращать ихъ въ свою собственность, въ это время на каждаго земледѣльца досталось очень много земли и, слѣдовательно, при-

лежаніе и трудолюбіе могли извлечь изъ сего права большія выгоды и доставить себѣ довольство и изобиліе въ жизни, тѣмъ болѣе, что полученіе этого права поземельной собственности доставалось пріобрѣтателю безъ всякаго пожертвованія съ его стороны. Но когда населеніе государства, мало по малу умножаясь, возросло болѣе чѣмъ вдвое, тогда уменьшилась и поземельная собственность въ своемъ количествѣ. Умноженіе членовъ семейства произвело раздѣлъ, а съ нимъ вмѣстѣ и дробленіе собственности; для умножавшагося народонаселенія требовалась земля, а заняты были всѣ праздныя и пустопорожнія мѣста; оттого право владѣнія неограниченнымъ количествомъ земли для многихъ сдѣлалось невозможнымъ: уже негдѣ было занимать землю и обращать ее въ свою собственность. Эта ограниченность въ поземельной собственности сократила и доходы земледѣльца, отъ чего достатокъ и довольство мало по малу стали исчезать изъ хижинъ поселянъ. Къ тому же присоединились политическія обстоятельства государства. Пагубныя слѣдствія удѣльнаго правленія, паденіе его, стремленіе къ созданію монархіи, борьба удѣловъ противъ всесокрушающаго могущества циньскаго царства, наконецъ утвержденіе монархіи и поддержаніе ея, паденіе циньскаго дома и воцареніе ханьскаго, этотъ 50-лѣтній переворотъ въ Китаѣ (съ 255 по 202 г. до Р. Х.) отнялъ милліоны рукъ отъ земледѣлія. Оттого земледѣліе остановилось, поля поросли травою и почти напрасно трудолюбивый земледѣлецъ воздѣлывалъ свою ниву, потому что безпрестанно проходившія войска уничтожали труды его въ самомъ началѣ. Въ этой крайности народъ, страшась голодной смерти, употреблялъ все свое имущество на то, чтобы доставить пропитаніе своему семейству и послѣднюю опору—землю отдавалъ другимъ за хлѣбъ, закладывалъ ее или продавалъ. При такомъ положеніи дѣлъ, богатый получилъ возможность за ничтожную цѣну пріобрѣсти себѣ дорогую собственность, которая могла приносить ему впослѣдствіе вѣрный доходъ. Многіе, не имѣя силъ бороться съ трудными обстоятельствами, покидали свою землю и удалялись въ другія мѣста пріискивать себѣ пропитаніе всякими позволительными и непозволительными средствами; между тѣмъ, люди со средствами, пользуясь всеобщимъ неустройствомъ, по удаленіи владѣльца тотчасъ пріобщали его собственность къ своей. Продолжительное отсутствіе прежняго владѣльца, запутанность въ управленіи, вѣсъ богатыхъ людей въ глазахъ чиновниковъ сдѣлали то, что присвоенныя земли навсегда остались за присвоителями; прежній владѣлецъ, хотя бы и возвратился на прежнее жительство, уже не могъ востребовать своей собственности, тѣмъ болѣе,

что законные документы во время смутъ исчезали и разборъ тяжбъ для самаго добросовѣстнаго судьи становился затруднительнымъ, иногда и невозможнымъ. Такимъ образомъ, одни съ каждымъ днемъ теряли свою поземельную собственность, а другіе болѣе и болѣе умножали ее. Земли, прежде предоставленныя въ собственность каждаго, сдѣлались теперь достояніемъ не казны, не землепашцевъ, а богатыхъ людей, которые, сами не занимаясь тяжкою работою земледѣлія, владѣли тысячами десятинъ, а бѣдный, по выраженію современниковъ, не имѣлъ мѣста, гдѣ бы воткнуть шило. Богатые отдавали свои обширныя земли бѣднымъ землепашцамъ, по большей части бѣжавшимъ съ своего мѣстожительства, въ аренду за тяжкіе оброки; изъ сбора съ полей половина поступала владѣльцу, а другая—обработывавшимъ ихъ. Владѣтель поля—одинъ человѣкъ, а обработывавшихъ его десять; оттого владѣльцы земель съ каждымъ днемъ умножали свое богатство, а арендаторы, не въ состояніи будучи пропитывать свое семейство достающеюся на ихъ долю частью сбора съ обработываемыхъ полей, приходили въ крайнюю нищету и, наконецъ, закладывали или продавали—кабалили себя, своихъ женъ, дѣтей навѣки въ рабы своему землехозяину».

Такъ развивалось крупное землевладѣніе и наряду съ нимъ крѣпостное право. Порядокъ этотъ оказывался гибельнымъ для народа и мало по малу сложилось убѣжденіе, что слѣдуетъ вернуться къ старинѣ, къ общественнымъ полямъ. Привести въ исполненіе эту мысль было бы легко при всеобщемъ расположеніи въ пользу ея; но главное затрудненіе состояло въ томъ, что казна не имѣла земель въ своемъ распоряженіи; онѣ составляли собственность частныхъ лицъ. Оставалось только отобрать всѣ земли въ казну; но эта мѣра, какъ думали тогдашніе правители Китая, могла привести къ худымъ послѣдствіямъ. Бѣдные, владѣвшіе малыми участками земли, послѣ переворота получивши такое же, а, можетъ быть, и большее количество земли для обработыванія, конечно, не станутъ роптать на распоряженія правительства, потому что въ существѣ они ничего не теряютъ; но богатые не могутъ равнодушно смотрѣть на это. Огромные доходы съ многочисленныхъ земель, составлявшихъ ихъ собственность, сила въ обществѣ и вліяніе на своихъ арендаторовъ, которые во время бѣдствій получали отъ своихъ патроновъ, хотя и недаромъ, помощь скорѣе, чѣмъ отъ правительства,—все это должно было внушать справедливыя опасенія, что предпринимаемыя перемѣны касательно поземельной собственности могутъ произвести бунтъ противъ распоряженія правительства.

Долго не рѣшались на такую крутую мѣру, но когда въ 9-мъ году по Р. Х. вступилъ на престолъ, свергнувъ императора, министръ Ванъ-Манъ, желавшій пріобрѣсти популярность въ народѣ, онъ счелъ нужнымъ ограничить крупное землевладѣніе. Онъ издалъ указъ, по которому всѣ земли были переименованы въ государевы. Всякій подданный имѣетъ право владѣть землей, но одно лицо не болѣе одного цина (5½ десятинъ); продажа этого участка запрещается, чтобы никто, потерявъ землю, не лишался средствъ къ существованію. Земли, по сему узаконенію оказавшіяся лишними, у кого бы онѣ ни находились, отбираются въ казну и отдаются въ вѣдѣніе слободъ и деревень, и, смотря по требованію, раздаются не имѣющимъ земли. Кто станетъ сомнѣваться въ томъ, что эта мѣра не есть мудрое учрежденіе, тѣхъ ссылать на границу; кто же нарушитъ постановленіе касательно владѣнія опредѣленнымъ количествомъ земли или кто продастъ свой участокъ другому, тѣхъ казнить смертью. Едва ли въ европейской исторіи можно указать на столь грандіозную конфискацію частной собственности; это была настоящая революція сверху, радикальнѣйшая реформа, но неудачная. Указъ пришлось отмѣнить черезъ три года, потому что онъ черезчуръ раздражилъ помѣщиковъ и на практикѣ не удалось отобрать у нихъ имѣній.

Стремленіе къ уравненію поземельной собственности, не смотря на неудачу Ванъ-Мана, не покидало слѣдующихъ императоровъ—и во время таньской династіи (царствовавшей съ 619—907 г. по Р. Х.) было постановлено, какимъ количествомъ земли кто можетъ владѣть. Удалось устроить такъ, что многіе крупные землевладѣльцы продали свои помѣстья и у казны оказалась земля. Крестьянамъ раздавали по 20 му, купцамъ и ремесленникамъ не болѣе половины, т. е. 10 му, а, за неимѣніемъ пустопорожней земли, имъ не выдѣлялось ничего. Князья и другіе наслѣдственные чины получали въ вѣчную собственность, смотря по достоинству, отъ 100 до 5 цинъ; военные первыхъ пяти классовъ—отъ 30 цинъ до 60 му, съ правомъ потомственной собственности, а прочимъ военнымъ, равно и всѣмъ гражданскимъ чинамъ, на основаніи прежнихъ постановленій, давались земли, соединенныя съ должностью, съ лишеніемъ которой онѣ переходили въ руки преемника и, слѣдовательно, составляли вѣчную собственность въ отношеніи къ должности, а не къ лицу и, смотря по классу должности, давались только отъ 12 цинъ до 20 му. Земли, выдѣленныя въ вѣчную собственность земледѣльцамъ, купцамъ и ремесленникамъ, могли переходить отъ одного владѣльца къ другому посредствомъ продажи или заклада. Кромѣ этой родовой собственности, правительствомъ разда-

вались еще другія земли, и уже въ гораздо бо̀льшемъ количествѣ,— это подушныя земли. Всякій полновозрастный мужчина съ 18 лѣтъ получалъ подушный участокъ въ 80 му; не достигшіе этого возраста подростки, старики, больные, вдовы, если всѣ они жили особымъ домомъ, также получали подушный участокъ, только половинный противъ первыхъ. Купцы и ремесленники могли также получать половинный подушный участокъ, если въ извѣстномъ мѣстѣ, гдѣ они приписаны, находились пустопорожнія земли. Выданный подушный участокъ находился непремѣнно во владѣніи одного лица до 60-лѣтняго возраста. Когда человѣкъ за старостью лѣтъ дѣлался неспособнымъ къ обработыванію такого большаго количества земли и отправленію казенныхъ службъ, тогда выдѣленный ему подушный участокъ отбирался въ казну. Никто не могъ самопроизвольно располагать подушнымъ участкомъ,—не только продавать, но и закладывать или уступать другому за извѣстную плату для посѣва; но всякій долженъ былъ самъ обработывать выдѣленный ему участокъ. Такимъ образомъ, правительству удалось возстановить болѣе равномѣрное распредѣленіе; удалось, благодаря новымъ завоеваніямъ, поступившимъ въ казну.

Для того чтобы дать возможность народу развивать свое благосостояніе, разрѣшено было переселяться изъ густо населенныхъ мѣстностей въ менѣе населенныя. А для того, чтобы на практикѣ переселеніе могло осуществиться, пришлось позволить продавать землю и даже подушные участки. Богатые опять начали скупать земли бѣдныхъ. «Подлинно,—говорятъ китайскіе историки,—правительство таньское не имѣло любви и состраданія къ народу, когда предоставило его собственному произволу продавать поземельные участки не только родовые, но и подушные, и переселяться съ мѣста на мѣсто». Положительное разрѣшеніе продажи подушнаго участка ясно указало народу, что обработываемыя имъ земли суть его собственность, которою онъ можетъ распоряжаться по своему произволу. Хотя все еще существовали выдача и возвращеніе земель въ казну, хотя поля носили названіе казенныхъ; но на самомъ дѣлѣ они были частныя. Внѣшнія и внутреннія войны, начавшія колебать китайское государство съ половины царствованія таньской династіи, потребовали большихъ расходовъ, и народъ, пришедши въ крайность отъ политическихъ неустройствъ и тягостныхъ налоговъ, болѣе прежняго началъ продавать свои земли, которыя съ каждымъ днемъ сосредоточивались болѣе и болѣе въ рукахъ немногихъ. Слѣдствіемъ было то, что прежнее уравненіе поземельной собственности окончательно пало. Взглядъ правительства на землевладѣніе измѣнился. Правительственныя лица, заня-

тыя въ то время увеличеніемъ государственныхъ доходовъ, пришли къ заключенію, что не одна земля можетъ служить источникомъ государственныхъ доходовъ; торговля и другіе промыслы при своемъ развитіи могутъ сравняться съ землей въ доставленіи выгодъ и пользы частнымъ людямъ и казнѣ. Слѣдовательно, не стоитъ заботиться ни объ удержаніи поземельной собственности за казною, ежегодно принимая особенныя тягостныя хлопоты по раздачѣ и пріему земель, ни объ уравненіи ея между подданными. Гораздо лучше предоставить каждому владѣть землей и пріобрѣтать ея столько, сколько позволятъ силы и достатокъ, на однихъ правахъ съ другою частною собственностью, не подлежащею никакому ограниченію. Что касается до бѣдныхъ людей, не имѣющихъ земли, говорятъ историки, то было бы излишнею заботою доставлять землю тому, кто не умѣлъ владѣть ею. Потеря этой собственности зависѣла не столько отъ тягостныхъ налоговъ, сколько отъ худыхъ разсчетовъ и распоряженія каждаго своимъ имуществомъ; сколько разъ ни выдавали бѣднымъ землю, они всегда, при первыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, покидали или продавали ее. Въ настоящее время, единственное благодѣяніе для такого народа со стороны правительства: не требовать съ него ничего, что́ превышаетъ его силы и достатокъ, и, слѣдовательно, освободить не имѣющаго земли отъ поземельной подати и повинностей. Разныя правительства для уравненія налоговъ заботились только объ уравненіи поземельной собственности. Если это составляетъ обязанность правительства, то почему бы не приложить старанія и объ уравненіи всякой другой частной собственвости, приносящей пользу владѣтелю, и почему бы правительству не пользоваться доходами съ другихъ имуществъ, также какъ съ земли? Послѣ такихъ соображеній, таньское правительство, чрезвычайно нуждавшееся въ деньгахъ, съ 780 года начало вводить новую систему налоговъ, по которой подати должны взиматься съ извѣстнаго человѣка не потому, что онъ владѣетъ землею, но потому, что имѣетъ собственность, состоящую въ землѣ или въ чемъ другомъ, и потому имущество народа было раздѣлено на девять разрядовъ. Эта система налоговъ, по замѣчанію историковъ, была самая лучшая по тѣмъ труднымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ находилось китайское государство. По ней, земля была приравнена къ прочему имуществу. Всякому предоставлялось полное право пріобрѣтать или уступать землю другому, не стѣсняясь ни мѣстомъ, ни количествомъ, также какъ не ограничено право владѣнія другою собственностью; однимъ словомъ, возстановлялся прежній законъ о неограниченномъ владѣніи поземельною собственностью.

Слѣдствія были тѣ же, что и прежде: опять развилось крупное землевладѣніе. Съ предоставленіемъ всякому права владѣть неограниченнымъ количествомъ земли, богатые бо́льшую часть своихъ капиталовъ стали обращать въ землю, такъ какъ земля приносила самый вѣрный доходъ владѣльцу. Остаться необработанной земля не могла, потому что съ каждымъ днемъ увеличивалось число народа, который или по разнымъ причинамъ только что лишился этой собственности или былъ не въ состояніи пріобрѣсти ее и который приходилъ къ богатымъ для обработыванія ихъ земель, на правахъ арендаторовъ. Правительство заботилось объ обезпеченіи положенія арендаторовъ и защищало ихъ отъ притѣсненій и обременительныхъ требованій со стороны владѣльцевъ земли. Съ этою цѣлью, по качеству земли, опредѣлялось количество оброка землехозяину, и строго запрещалось послѣднему перемѣнять арендатора безъ какой либо законной причины, при исправномъ платежѣ оброка. Народъ попалъ фактически въ зависимость отъ помѣщиковъ и все больше обезземеливался. Поселяне, притѣсняемые земскими властями, обремененные разными поборами и видя безнаказанность сильныхъ людей, стали предлагать свои земли князьямъ и другимъ сильнымъ людямъ въ вѣчное владѣніе, а сами дѣлались ихъ арендаторами. Это то же явленіе, которое имѣло мѣсто и въ Византіи, и въ Западной Европѣ, когда крестьянину было трудно существовать безъ защиты важнаго лица.

Правительство замѣтило, что оброкъ, получаемый помѣщиками съ своихъ земель, гораздо больше подати, поступающей въ казну съ крестьянской земли. Поэтому правительство рѣшило, для увеличенія доходовъ во время тяжкой борьбы съ тунгусами и монголами, воспользоваться тѣми же выгодами отъ имѣющихся въ казнѣ земель, какія получали частные владѣльцы отъ своихъ. Съ этою цѣлью постановлено: взятыя въ казну, или по пресѣченіи рода или за преступленія владѣльцевъ, а равно отобранныя у жрецовъ обѣихъ сектъ пустопорожнія около озеръ и рѣкъ земли, которыя по прежнимъ постановленіямъ или раздавались бѣднымъ, или продавались,—всѣ эти земли болѣе уже не передавать въ собственность частныхъ лицъ, но отдавать на оброкъ желающимъ обработать ихъ. Въ то время, когда суньская династія, лишившаяся многихъ владѣній, употребляла послѣднія усилія на защиту Китая отъ монголовъ, когда содержаніе большой арміи, поглощавшее всѣ доходы, было обременительно для правительства по причинѣ дорогихъ цѣнъ на всѣ предметы, возникла мысль взять земли отъ частныхъ владѣльцевъ въ казну, взимая съ нихъ то же количество оброка, какое арендаторы платили помѣщикамъ,

слѣдовательно, больше поземельной подати. По сдѣланному разсчету выходило, что еслибы правительство владѣло 100,000 цинъ, то получало бы съ нихъ 6 или даже 7 милліоновъ мѣшковъ хлѣба, т. е. достаточно для прокормленія самой большой арміи. Поэтому въ 1263 г. было постановлено: перевести землю изъ частныхъ рукъ въ казну посредствомъ принудительной продажи. У кого было земли больше 100 му, обязанъ былъ продать излишекъ казнѣ. Такъ создался особый родъ земель, такъ называемыя казенныя поля [1]). Въ настоящее время, въ Китаѣ преобладаетъ мелкое землевладѣніе, потому что богачи не считаютъ выгоднымъ помѣщать свои капиталы исключительно въ землю, а предпочитаютъ пускать ихъ въ оборотъ. Сказаннаго совершенно достаточно, чтобы опровергнуть ходячее мнѣніе, будто Китай—царство застоя. Мы не рѣшимся вмѣстѣ съ г. Георгіевскимъ называть китайцевъ высокоцивилизованнымъ народомъ и не станемъ увлекаться ихъ идеалами; но нельзя не видѣть, что жители Срединнаго царства не представляютъ прямой противоположности съ Европой, что они способны развиваться и воспринимать высшую культуру. Соціальные перевороты и радикальныя реформы въ прошломъ указываютъ, что подобныя же реформы возможны и въ будущемъ. Когда Китай окончательно откажется отъ своей исключительности и отъ своего самодовольства, онъ можетъ сдѣлаться не только культурнымъ народомъ, но и грознымъ соперникомъ.

IV.

Рано или поздно наступитъ время, когда китайцы вынуждены будутъ искать новыхъ земель. Они могутъ сдѣлать это двоякимъ способомъ: или объявить намъ войну, или попытаться мирнымъ образомъ колонизировать Уссурійскій край, а затѣмъ и Сибирь.

По моему мнѣнію, очень грустно, что китайцы считаютъ насъ своими врагами и приписываютъ намъ небывалые завоевательные планы. Въ шанхайской газетѣ «Шенъ-Пао», въ іюлѣ нынѣшняго года, была помѣщена статья подъ заглавіемъ: «Остерегайтесь Россіи», въ которой, между прочимъ, заявляется слѣдующее: «Русскіе

[1]) Часть этой главы, посвященная землевладѣнію, извлечена мною изъ статьи г. Захарова: „Поземельная собственность въ Китаѣ", составленной по китайскимъ источникамъ и напечатанной въ „Трудахъ членовъ россійской духовной миссіи въ Пекинѣ", т. II.

замыслили въ сердцѣ своемъ причинить всеобщее бѣдствіе и питаютъ этотъ замыселъ уже не со вчерашняго дня. Давно накоплялось у нихъ это дурное намѣреніе, которое рано или поздно должно будетъ обнаружиться взрывомъ. Взрывъ этотъ можетъ произойти только въ Азіи, на что имѣются явныя указанія. Развѣ довлѣетъ намъ, китайцамъ, закрывать глаза на то, что̀ подготовляется? Чувствуя себя запертыми въ Черномъ морѣ, русскіе воевали прежде съ Турціей. Они усилили свои войска, чтобы побѣдить Турцію, которая, будучи слабѣе, сопротивляться не можетъ. Россія относится къ ней даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. Что тутъ было дѣлать? Англичане уговорились съ нѣмцами, австрійцами и другими государствами, чтобы составить общій союзъ противъ русскихъ. Тогда русскимъ пришлось отступить, и они не могли выйти изъ Чернаго моря. Цѣль, которою задавалась Россія, очевидна. Это—великое государство, которому надо вывозить за границу много товаровъ, причемъ особеннымъ плодородіемъ отличаются русскія земли въ Европѣ. Отсюда проистекаетъ необходимость вывозить товары кратчайшимъ путемъ, черезъ Черное море. Теперь Россія отказалась отъ намѣренія овладѣть Турціей и начала искать другаго пути для вывоза своихъ товаровъ. Необходимо замѣтить, что въ торговомъ отношеніи русскіе не дремлютъ и что политика у нихъ обладаетъ прожорливостью шелковичнаго червя. Поэтому-то они и явились въ большомъ числѣ къ намъ, на берега Чернаго Дракона (рѣки Амура). Не трудно видѣть, что они намѣрены напасть на наши области. Къ счастью, глаза у насъ съ этой стороны открыты. Русскіе быстро подаются впередъ. Вотъ теперь они начинаютъ строить желѣзную дорогу и тѣмъ обнаруживаютъ свои замыслы. У русскихъ нѣтъ въ Сибири такихъ товаровъ, которые можно было бы къ намъ ввозить. Для чего хотятъ они достигнуть со своей желѣзной дорогой до Чернаго Дракона? Мы говорили и повторяли неоднократно, что русскіе рано или поздно постараются отыскать себѣ лазейку, чтобы вторгнуться въ нашу имперію. Они утвердятся въ Кореѣ и подъ предлогомъ протектората поглотятъ всю Манчжурію. Бѣда нагрянетъ на Китай непремѣнно съ этой стороны нашихъ границъ. Корея беззащитна, и если она призоветъ насъ на помощь, то намъ надлежитъ подготовиться къ исполненію нашего долга. Въ особенности же, надо непремѣнно построить на Черномъ Драконѣ укрѣпленія. Мы пишемъ эту статью въ предупрежденіе чиновникамъ, что слѣдуетъ поторопиться постройкой желѣзной дороги въ Мукденъ. Прибавимъ также, что англичане помѣшали уже русскимъ выйти изъ Чернаго моря, а потому, загородивъ русскимъ путь Чернаго Дракона,

мы въ случаѣ надобности должны будемъ позвать на помощь себѣ и корейцамъ—англичанъ». Я увѣренъ, что наши дипломаты съумѣютъ разсѣять эти нелѣпые слухи, внушенные китайцамъ нашими врагами; увѣренъ также, что шовинистскія выходки нѣкоторыхъ газетъ не будутъ имѣть никакого дѣйствія и наша политика останется миролюбивой. Не могу не присоединиться къ недавно выраженному мнѣнію знатока Сибири, г. Ядринцева. «Признаться, — говоритъ онъ, — разсматривая эту пустынную границу съ громадными хребтами: Алтаемъ, Саянами, Хангаемъ, и представляя ее въ воображеніи на нѣсколько тысячъ верстъ, мы даже недоумѣвали, гдѣ намъ угрожаетъ опасность и какія громадныя затраты, какія средства, какія арміи потребовались бы здѣсь для Китая и для насъ? Доступна ли, легка ли будетъ здѣсь война Китаю, легка ли будетъ для насъ? Кто объ этомъ думалъ? Имѣютъ ли понятіе тѣ, кто пишетъ воинственныя статьи, о томъ, что̀ такое сибирская граница? Воинственные клики намъ только мѣшали въ установленіи сношеній съ Китаемъ; они менѣе всего умѣстны и теперь, когда въ Европѣ стараются поссорить насъ съ Китаемъ. Нужно увѣрить Китай, что мы не намѣрены безъ причины начинать войну въ Азіи и что наше 300-лѣтнее терпѣніе, миръ и покой на азіатскихъ границахъ Китая—въ этомъ ручательство. Намъ выгоднѣе укрѣпить трактаты и содѣйствовать экономическому сближенію и торговлѣ. Пусть китайская дипломатія вынесетъ убѣжденіе въ добрыхъ сосѣдскихъ намѣреніяхъ. Русская печать должна поддерживать это убѣжденіе въ виду тѣхъ предубѣжденій, которыя посѣваются за границей» («Р. Вѣд.» № 266).

Стремленіе китайцевъ къ выселенію уже очень замѣтно; стремленіе это сдерживается правительствомъ, позволяющимъ эмигрировать однимъ мужчинамъ, но не женщинамъ. Эмигрантамъ приходится бросать семейство, и если при такихъ условіяхъ все таки находятся охотники, покидающіе свое отечество и ищущіе счастія въ чужихъ странахъ, понятно, что число ихъ значительно увеличится, какъ только стѣснительная мѣра будетъ уничтожена. Должны ли мы всячески противиться китайской колонизаціи и никоимъ образомъ не допускать въ свои предѣлы жителей Срединной имперіи? Опасно ли намъ принять въ свое подданство нѣсколько десятковъ, даже сотенъ тысячъ китайцевъ, не находящихъ у себя ни заработка, ни земли? Не опаснѣе ли ждать, когда число ихъ умножится до чрезвычайности?

Въ Сибири почти 11 милліоновъ квадратныхъ верстъ при 4 милліонахъ населенія; на такомъ пространствѣ свободно могутъ жить 550 милліоновъ, и то народонаселеніе будетъ рѣже, чѣмъ въ

западной Европѣ. Слѣдовательно, трудно предвидѣть то время, когда у насъ будетъ недостатокъ въ землѣ, и мы можемъ въ одно и то же время отводить земли и нашимъ переселенцамъ, и китайцамъ. Китайцы — народъ трудолюбивый и земледѣльческій по преимуществу; что же будутъ дѣлать тѣ изъ нихъ, которые переселятся къ намъ добровольно? Очевидно, то же, что̀ у себя дома: они будутъ распахивать поля, сѣять хлѣбъ, а дѣлаютъ они это превосходно. Н. А. Данилевскій справедливо пишетъ: «Китайское земледѣліе занимаетъ безспорно первое мѣсто на земномъ шарѣ. По словамъ Либиха, это—единственное раціональное земледѣліе, ибо только оно одно возвращаетъ почвѣ все, что̀ извлекается изъ нея жатвами, не прибѣгая притомъ ко ввозу удобренія изъ за-границы, что̀ также должно, безъ сомнѣнія, считаться земледѣльческимъ хищеніемъ. Китайское садоводство также едва ли не первое въ свѣтѣ. Китайскіе садовники дѣлаютъ съ растеніемъ то, что̀ англійскіе фермеры съ породами рогатаго скота, т. е. даютъ растенію ту форму, которую считаютъ наиболѣе выгодною или пріятною для извѣстной цѣли, заставляютъ его приносить изобильные цвѣты и плоды, не давая увеличиваться его росту» («Россія и Европа», стр. 74). Система искусственнаго орошенія полей доведена у китайцевъ до совершенства. Вотъ что разсказываетъ г. Пясецкій объ окрестностяхъ городка Шай-Ана, стоящаго на рѣкѣ: «Отъ береговой улицы въ одномъ мѣстѣ спускается внизъ каменная лѣстница къ равнинѣ, разстилающейся на обширное пространство и, вѣроятно, въ половодье заливаемой водою, и потому по ней проведена дорога, гладкая, сдѣланная изъ большихъ каменныхъ плитъ, уложенныхъ на насыпи. Она ведетъ въ другое селеніе, находящееся отъ Шай-Ана въ верстѣ или двухъ. Вся окрестная равнина изрѣзана маленькими каналами съ возвышенными берегами, и между ними зеленѣютъ поля съ разнаго рода овощами. Всѣ эти каналы наполняются изъ искусственнаго, находящагося неподалеку, водоема. Онъ запертъ двумя противоположными шлюзами; одни открываются во время лѣтняго половодья для наполненія его, другіе—для спуска воды изъ него въ каналы, назначенные для орошенія полей. Такимъ образомъ, вода въ этомъ резервуарѣ сохраняется отъ одного разлива до другаго въ теченіе цѣлаго года, обусловливая плодородіе здѣшней равнины». («Путешествіе по Китаю», т. I, стр. 410).

Несомнѣнно, что для Уссурійскаго края, напримѣръ, китайцы могутъ быть полезнѣе, чѣмъ забайкальскіе казаки, составляющіе почти половину русскаго населенія этого края. Видѣвшій ихъ на мѣстѣ г. Скальковскій говоритъ: «кромѣ крестьянъ, русское поселеніе образовалось еще изъ подонковъ забайкальскаго казачества.

По свидѣтельству мѣстныхъ властей и русскихъ путешественниковъ, среди казаковъ царятъ величайшій разврать, поразительная лѣность и наклонность къ пьянству. Причина этого заключается въ томъ, что, когда рѣшено было заселить новый край частью казаковъ по жеребью, то вынувшимъ таковой предоставлено было право замѣнить себя, по соглашенію, другими казаками, вслѣдствіе чего всѣ зажиточные казаки наняли вмѣсто себя бездомныхъ пьяницъ и бобылей. Этими послѣдними и заселилось отчасти теченіе Уссури». («Русская торговля въ Тихомъ океанѣ», стр. 3). Обыкновенно полагаютъ, что намъ опасно поселять у себя китайцевъ, что, въ случаѣ войны съ Китаемъ, поселившіеся у насъ китайцы поднимутся противъ насъ. Думается, что это несовсѣмъ справедливо. «Примѣръ Гонъ-Конга,—справедливо говоритъ г. Скальковскій,—гдѣ китайцевъ въ триста разъ болѣе противъ европейцевъ, доказываетъ, что, политически, избытокъ китайскаго населенія, при умѣніи съ ними обращаться, вовсе не опасенъ». Китайское населеніе нисколько не будетъ намъ страшно, если оно признаетъ себя не только формально, но и въ дѣйствительности нашими подданными. Для этого надо, чтобы они почувствовали себя на нашей почвѣ лучше, чѣмъ на своей, чтобы они полюбили наши порядки и нашу администрацію болѣе произвола мандариновъ, царящихъ на ихъ родинѣ. У себя они охотнѣе прибѣгаютъ къ самосуду, чѣмъ къ коронному суду, потому что они не высокаго мнѣнія о своихъ судьяхъ. Когда они убѣдятся, что быть русскими подданными выгоднѣе и пріятнѣе, чѣмъ подданными богдыхана, они не будутъ желать вторженія своихъ соплеменниковъ и не будутъ способствовать ему. Мало по малу будутъ они переселяться къ намъ и мало по малу принимать наши нравы и обычаи. Что̀ мы потеряемъ отъ того, что народонаселеніе будетъ гуще, что поля, лежащія теперь втунѣ, будутъ обработаны самымъ тщательнымъ образомъ и дадутъ богатый плодъ? Всѣ наши окраины населены инородцами, и въ этомъ нѣтъ никакой бѣды, лишь бы они не стремились выйти изъ нашего подданства. Если, благодаря китайской эмиграціи, у насъ будетъ возстановлена золотая валюта, найдутся средства учредить тысячи народныхъ школъ, сотни гимназій, развѣ русскій народъ не будетъ благословлять китайцевъ, поднявшихъ своимъ трудолюбіемъ его благосостояніе?

Но, скажутъ нѣкоторые патріоты, добровольно отдавать свою землю китайцамъ—не значитъ ли это признать себя пораженными безъ борьбы? Полагаю, совсѣмъ наоборотъ: это значитъ одержать блестящую побѣду безъ кровопролитія. Заселить пустопорожнія или, подчинить себѣ мирнымъ образомъ часть чужаго народа,

извлекать его руками бо̀льшіе доходы, развѣ это не то же, что присоединить иностранную провинцію?—Это ли не побѣда? Побѣда будетъ тѣмъ легче, чѣмъ выше будетъ наша культура, чѣмъ образованнѣе наши крестьяне, ибо народъ болѣе цивилизованный всегда претворяетъ въ себя народъ менѣе культурный, такъ что отъ послѣдняго и слѣда не остается. Какое же лучшее оружіе въ предстоящей намъ борьбѣ съ Китаемъ? Оружіе одно—самоусовершенствованіе, развитіе всѣхъ культурныхъ началъ умственныхъ и нравственныхъ, стремленіе къ истинѣ и прогрессу.

П. Безобразовъ.

СѢДАЯ СТАРИНА.

(Оригинальный романъ изъ древнѣ-египетской жизни).

XXXV. Внизъ по Евфрату.

Яркое солнце Нагараины недолго сіяло въ безоблачномъ небѣ надъ голубыми водами Евфрата, окаймленнаго зеленѣющими берегами. Къ полдню весь видимый горизонтъ потемнѣлъ и отъ далекой Ниневіи показались мрачныя грозовыя тучи. Въ воздухѣ все стихло. Мимо бѣгущихъ судовъ, оставлявшихъ сзади себя колыхающуюся борозду вспѣненной воды, мелькали обширные луга, небольшія рощицы, вспаханныя поля, уединенные хутора, цѣлыя деревни; тянулись караваны на встрѣчу, изрѣдка мелькалъ одинокій всадникъ на красивомъ бѣгунѣ—разнообразіе было полное, но все это какъ-то стушевалось, отступило на второй планъ и подернулось какою-то дымкою, потерявъ свои краски и свою привлекательность.

Воздухъ сдѣлался тяжелымъ и удушливымъ. На судахъ всѣ невольно притихли.

— Быть грозѣ!—проговорили бывшіе княжескіе гребцы, мѣрно взмахивая веслами.

Колай-Харбъ перемѣнился до неузнаваемости. Почуявъ грозу, знакомую ему отчасти по родному самуму въ аравійскихъ степяхъ, онъ повеселѣлъ и его нельзя было удалить съ палубы, гдѣ шейхъ полною грудью вдыхалъ насыщенный электричествомъ воздухъ. Его взоръ безпечно блуждалъ по зеленѣющей равнинѣ, гдѣ мѣстами змѣилась то широкая караванная дорога, то узкая тропинка. Вдругъ бенъ-нуаманъ вздрогнулъ, его глаза заискрились и онъ сильно перегнулся черезъ бортъ судна; орлиный взоръ его увидалъ на берегу всадника въ плащѣ, пронесшагося во весь опоръ. Этого всадника Колай-Харбъ узналъ: это былъ бенъ-ашрафъ, подданный сѣдовласаго шейха Харетъ-эль-Раиша, его заклятаго врага. Подошелъ Гацеримъ.

— Смотри, отецъ,—глухо проговорилъ Колай-Харбъ, схватывая его за руку:—ты видишь эту подлую собаку, которая пронеслась на бѣгунѣ изъ моего стада?

— Ну, и что же?—невозмутимо спросилъ фенехъ, вглядываясь въ унесшагося бедави.

— Онъ ѣдетъ навѣрно изъ Карья-Каймеша предупредить Харета о томъ, что богатый фенехъ Гацеримъ ѣдетъ по Евфрату съ богатою казною внизъ.

— Ты думаешь? Что же, я съумѣю встрѣтить его съ почетомъ. Эй, Герваалъ,—крикнулъ онъ, подойдя на выдающуюся носовую часть судна, красиво изогнутую.

Десятникъ Герваалъ подошелъ на край кормы втораго судна и получилъ приказаніе приготовить оружіе на случай нападенія бенъ-ашрафовъ. Тѣмъ временемъ, въ изящно устроенной каютѣ сидѣлъ Пинехасъ, а у ногъ его Аоливама съ жадностью слушала слова своего учителя, который еще въ Кадешѣ обѣщалъ ей возможность сдѣлаться его подругою, если она не разлюбитъ. Теперь онъ разсказывалъ ей, что̀ зналъ, о карья-каймешскихъ магахъ. Свѣдѣнія о нихъ въ Хеми были довольно смутны, и впервые изъ словъ Колай-Харба и Гацерима выяснилось передъ хиръ-сештою существованіе какого-то загадочнаго религіознаго братства. Зачѣмъ они добивались заманить Пинехаса къ себѣ, осталось неизвѣстнымъ, хотя послѣдній замѣтилъ, какъ вздрогнулъ Песахалесъ, когда услыхалъ о намѣреніи ближе ознакомиться съ догматами единобожія. Однако египетскій философъ былъ далекъ отъ того, чтобы угадать истинную причину его испуга.

Небольшое окно было открыто и мимо неслись берега̀, но среди тихаго разговора собесѣдники не обращали ни на что вниманія. Молодая дѣвушка слушала любимаго человѣка, иногда перебивая его наивными вопросами, отъ которыхъ Пинехасъ добродушно улыбался, или же предлагая такіе вопросы, что приходилось удивляться ея способности и умѣнью улавливать и обобщать мысли.

— Отчего ты такъ безпокойно мечешься, дитя мое?—спросилъ наконецъ Пинехасъ, обративъ вниманіе на разгорѣвшееся личико красивой іевуссеянки.

— Не знаю сама, ребби, что со мною! Чего-то сердце такъ шибко бьется, то дунно дѣлается, то плакать хочется,—и Аоливама расхохоталась.

— Быть можетъ, какой нибудь недугъ овладѣлъ тобою? Здорова ли ты?

— Мнѣ кажется, что здорова, а впрочемъ... злыхъ геніевъ такъ много...

— Откинь, дитя мое, эти мысли о злыхъ геніяхъ. Такихъ на свѣтѣ нѣтъ. Наше нездоровье происходитъ оттого, что мы не хотимъ соблюдать или не умѣемъ, какъ слѣдуетъ, охранять свое тѣло отъ наружныхъ вліяній.

— Я не знаю науки врачеванія, а потому выучи меня этому, ребби?

— Съ чего же мы начнемъ съ тобою? — ласково усмѣхнулся Пинехасъ.

— Все равно, съ чего хочешь!.. Ай, какъ страшно!—крикнула вдругъ дѣвушка, мгновенно блѣднѣя, когда раздался внезапно громовой ударъ.

— Запри окно, Аоливама, а то дыханіе бури можетъ убить насъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! я не подойду къ окну, я боюсь,—и она схватила его за руку.

— Тогда я самъ пойду и сдѣлаю за тебя, — улыбнулся хиръ-сешта, вставая.

— Когда такъ, я на все готова, но тебя не пущу,—крикнула дѣвушка и однимъ прыжкомъ очутилась у окошечка, которое торопливо захлопнула.

Въ это время грянулъ, значительно ближе, второй раскатъ грома. Испуганная Аоливама упала на полъ, слабо крикнувъ. Пинехасъ заботливо подошелъ къ ней и поднялъ на ноги, поддерживая за талію; растерявшаяся дѣвушка обняла его за шею и плотно прижалась къ нему, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Дитя,—успокоивалъ ее Пинехасъ:—развѣ на твоей родинѣ ты никогда не слыхала грома? Успокойся, вѣдь въ Гелвуѣ ты такъ не пугалась!

— Уйдемъ отсюда, уйдемъ скорѣе, я не буду видѣть этого пламени...

— Да куда же мы уйдемъ? Вѣдь мы на суднѣ, уйти некуда. Все пройдетъ скоро и снова надъ нами засіяетъ голубое небо. Перестань же дрожать!

— Уйдемъ, уйдемъ!—и дрожащая Аоливама увлекла Пинехаса въ темное отдѣленіе каюты, гдѣ было все устроено для ночнаго отдыха пассажировъ.

Тамъ она усадила его на ложе и, не отпуская отъ себя ни на шагъ, принялась повторять о своемъ страхѣ, о боязни потерять его, о томъ, какъ она любитъ его, какъ готова пожертвовать за него жизнью. Скромный философъ почувствовалъ какой-то туманъ въ головѣ, сталъ сбиваться въ мысляхъ, въ вискахъ застучало, ему сдѣлалось жарко. Не давая себѣ отчета, онъ началъ цѣловать прижимавшуюся къ нему дѣвушку, ласкать ее въ темнотѣ спальни, такъ какъ плотная занавѣсь у входа не пропускала свѣта; наконецъ, опьяненный близостью и доступностью молодой красавицы, онъ забылъ обо всемъ и овладѣлъ ею...

Буря пронеслась съ сѣверо-востока на юго-западъ и исчезла безслѣдно, не причинивъ никому вреда. Подгоняемыя порывистымъ вѣтромъ, оба судна быстро неслись впередъ по вспѣненнымъ и замутившимся водамъ. Чистое, ясное небо снова нависло надъ Евфратомъ и въ безконечной темной синевѣ заблистали миріады звѣздъ. Свѣжій ароматный воздухъ потерялъ свою удушливость и вокругъ царила полная тишина, лишь изрѣдка нарушаемая отдаленнымъ воемъ степныхъ волковъ и гіенъ.

— Жизнь моя, богъ мой, какъ я люблю тебя!—шептала Аоливама, выходя съ Пинехасомъ на палубу:—супругъ мой, я буду твоею рабою всю жизнь!

Пинехасъ былъ слишкомъ добросовѣстенъ, чтобы обманывать дѣвушку и увѣрять ее въ своей пылкой любви; однако онъ воз-

мутился противъ такой приниженности Аоливамы, находя эти слова недостойными свободной женщины.

— Я люблю тебя, Аоливама, но люблю, какъ друга, какъ сестру. Случай бросилъ тебя въ мои объятія; ты сдѣлалась моею женою, но я не желаю вовсе, чтобы ты была рабою, вещью. По моему, рабство есть остатокъ, уцѣлѣвшій среди образованныхъ народовъ отъ дикихъ, звѣроподобныхъ прародителей...

— Ты правъ, мой супругъ, — съ необычною смѣлостью возразила Аоливама:— быть рабою по неволѣ недостойно человѣка, но быть рабою по любви, изъ желанія быть необходимою любимому человѣку, это... высшее счастье.

— Сознаюсь, что твои слова правдивы. Жертвовать собою для блага другаго можетъ только тотъ, кто заслуживаетъ имени человѣка,—и хиръ-сешта нѣжно поцѣловалъ свою подругу, просіявшую отъ похвалы.

Нѣкоторое время они молчали, стоя у борта, задумчиво любуясь быстро бѣгущими берегами. Палуба была пустынна, только въ носовой части раздавался храпъ спящихъ гребцовъ, да на кормѣ виднѣлась голова рулевяго, дремавшаго на своемъ мѣстѣ, благодаря сильному утомленію во время грозы.

— Странно,—тихо проговорилъ Пинехасъ: — какъ измѣнчиво русло въ этомъ мѣстѣ рѣки! Замѣчаешь ты, какъ наши суда приближаются къ берегу?

— Да, можно думать, что мы намѣрены пристать къ этой пустынной рощѣ. И передній корабль точно также приближается къ берегу, какъ и нашъ.

— Однако, надо будетъ предупредить рулеваго, а то старикъ задремалъ, какъ я замѣчаю, — проговорилъ спокойно Пинехасъ и направился къ кормѣ.

Въ это мгновеніе, корма и лѣвый бортъ передняго судна ярко озарились среди ночной тишины; огненные языки взвились, словно по командѣ. Изумленная парочка остановилась, не понимая сразу страннаго явленія, но сознаніе быстро вернулось къ Пинехасу и онъ крикнулъ изо всей силы:

— Пожаръ! Эй, проснитесь! Рулевой, Гацеримъ, Герваалъ! Пожаръ!

И, какъ бы подтверждая его слова, игривый огонь, начавшись сзади задремавшаго рулеваго, охватилъ лѣвый бортъ судна, на которомъ были Пинехасъ, Аоливама, Колай-Харбъ, Гацеримъ и нѣсколько рабовъ.

На обоихъ судахъ, загорѣвшихся отъ неизвѣстной причины, поднялся невообразимый переполохъ среди безъзаботно спавшаго экипажа. Съ большимъ усиліемъ удалось Гацериму образумить народъ, причемъ Герваалъ усердно помогалъ ему. Кое-какъ порядокъ былъ возстановленъ настолько, что можно было приняться за мѣры противъ огня. Старый, бывалый пловецъ, родившійся на средиземномъ побережьѣ, недолго ломалъ голову надъ способами спасенія судовъ и крикнулъ:

— Вооружайтесь всѣ и спасайтесь вплавь на берегъ! Живо, проворно!

— А суда такъ и останутся на произволъ слѣпаго случая? — спросилъ хиръ-сешта.

— Подарокъ князя Таргатацаса пошелъ прахомъ! — горько улыбнулся фенехъ.

Берегъ былъ не далѣе, какъ шагахъ въ пятнадцати. Почти всѣ невольники, отрезвившись отъ паники, подъ командою Герваала, не стали разыскивать лодочекъ, а бросились вплавь и черезъ минуту всѣ были благополучно на берегу, совершенно пустынномъ и освѣщенномъ горѣвшими судами. Блѣдный, суровый Колай-Харбъ первый обратилъ вниманіе Гацерима на исчезновеніе лодочекъ и съ видимымъ отвращеніемъ бросился за бортъ въ волны Евфрата.

— Смотри!—крикнулъ онъ бѣшено, указывая рукою внизъ по рѣкѣ.

Дѣйствительно, вдали у кустовъ мелькнули очертанія двухъ лодочекъ и тотчасъ пропали въ тѣни, отбрасываемой низкорослою сикоморою.

— Я увѣренъ, да поразитъ меня Алла, что тутъ были поджигатели,—проговорилъ уже спокойнѣе бенъ-нуаманъ, отряхиваясь на ровномъ берегу.

— Кому поджигать? съ какою цѣлью? — задумчиво спросилъ старый фенехъ.

— Выслушай меня, Гацеримъ! — воскликнулъ Колай-Харбъ, кладя ему руку на плечо:—ты помнишь всадника, проскакавшаго передъ грозою? Я тогда еще сказалъ тебѣ, что это гонецъ къ Хареть-эль-Раишу изъ Карья-Каймеша. Теперь тебя заставили бросить суда, ихъ подожгли, и будь увѣренъ, что не болѣе, какъ черезъ часъ, бенъ-ашрафы будутъ здѣсь. Попомни меня!

— Бедави, дитя пустыни! Какое у тебя пылкое воображеніе, чистыя сказки!

— Я тебѣ больше скажу,—продолжалъ шейхъ, воодушевляясь:— преслѣдуютъ не тебя, богатаго купца, хотя и отъ твоего имущества не откажутся эти степныя собаки, а преслѣдуютъ моего старшаго брата, по наущенію коварныхъ маговъ. Всѣхъ перебьютъ, но васъ обоихъ и дѣвушку возьмутъ живыми.

— Замолчи, Колай-Харбъ!—вспыхнулъ Гацеримъ: — мертвымъ враги меня получатъ, противъ этого спорить нельзя, а живымъ... никогда!

Но пылкій, впечатлительный арабъ уже успѣлъ глубоко задуматься надъ чѣмъ-то.

— Надо убѣдиться!—крикнулъ онъ и бросился въ темную рощу пальмъ.

Тѣмъ временемъ, по указанію фенеха, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ воды были разведены костры и всѣ поспѣшили обсушиться. Нашлись случайно захваченные съѣстные припасы; невольники подкрѣпились, весело балагуря надъ неожиданнымъ ночнымъ приключеніемъ, и затѣмъ безпечно растянулись на зеленой травѣ, выставивъ часовыхъ. Тутъ же должны были улечься и Гацеримъ съ Пинехасомъ и Аоливамою, чтобы дождаться дня и двинуться впередъ.

Но недолго отдыхали путники. Чуткое ухо старика, не успѣв-

шаго даже заснуть, разслышало отдаленный топотъ коней. Быстро вскочилъ фенехъ и поднялъ всѣхъ на ноги. Грозно горѣли его черные глаза изъ-подъ сѣдыхъ бровей; онъ видѣлъ, что предсказаніе бенъ-нуамана начинаетъ оправдываться, и рѣшился дорого продать свою жизнь. Весь отрядъ, человѣкъ въ сорокъ, не больше, схватился за оружіе и ждалъ, молча, быстро приближавшихся непріятелей.

— Кто переживетъ сегодняшнюю ночь и доведетъ меня до Бабъ-Илона, объявляю того свободнымъ, дарю оружіе и цѣлую мину серебра,—громогласно и почти весело обратился Гацеримъ къ своимъ воинамъ-невольникамъ.

Тѣ въ первое мгновеніе даже не поняли его, до того дика показалась имъ возможность свободы, но затѣмъ радостный, восторженный крикъ огласилъ ровную луговину, на которой они находились, и отрядъ помчался на встрѣчу врагамъ.

— Супругъ мой, дай мнѣ оружіе, чтобы я могла защищаться,— проговорила блѣдная Аоливама съ видомъ отчаянной рѣшимости и дрожа отъ холода.

Гацеримъ молча подалъ ей ножъ, но затѣмъ съ недоумѣніемъ оглянулся.

— А гдѣ же мрачный прорицатель? гдѣ же Колай-Харбъ? — спросилъ онъ.

— Онъ до сихъ поръ не возвращался,—отвѣтилъ задумчивый Пинехасъ.

Слышнѣе и слышнѣе раздается среди молчаливой равнины топотъ коней. Ближе, ближе, и вдругъ съ двухъ сторонъ показались всадники, мчавшіеся во весь опоръ съ тою увѣренностью, которая прямо показывала, что ими руководила опредѣленная цѣль и они знали, гдѣ найдутъ добычу и враговъ.

Страшный, неудержимый потокъ смялъ и оглушилъ путешественниковъ. Первое время нельзя было ничего разобрать въ общей свалкѣ; только ржаніе коней и стоны умирающихъ раздавались то тамъ, то здѣсь. Знаменитый шейхъ Харетъ-Эль-Раишъ въ развѣвающемся плащѣ носился вихремъ, распоряжаясь по меньшей мѣрѣ двумя сотнями подданныхъ. То и дѣло раздавался его рѣзкій, гортанный голосъ среди сражающихся:

— Бей всѣхъ, бей на смерть, только египтянина и фенеха взять въ плѣнъ.

Какой-то всадникъ, рѣзко отличаясь отъ бенъ-ашрафовъ чернымъ плащемъ съ капюшономъ, очутился передъ Пинехасомъ и Аоливамою. Дикій крикъ вырвался изъ его устъ; онъ быстро изогнулся, схватилъ дѣвушку поперекъ тѣла и, перекинувъ ее передъ собою, стегнулъ лошадь, чтобы умчаться изъ свалки. Но крикъ Аоливамы былъ услышанъ Пинехасомъ; онъ поднялъ свою страшную палицу, и не успѣлъ черный всадникъ нагнуться на шею лошади, какъ окованная на концѣ мѣдью палица тяжело опустилась на его плечи. Съ предсмертнымъ хрипѣньемъ незнакомецъ выпрямился сначала, затѣмъ упалъ навзничъ и, судорожно вздрогнувъ, заснулъ навѣки на лошадиномъ крупѣ. Капюшонъ свалился и Пинехасъ съ изумленіемъ узналъ мага Песахалеса.

Въ эту секунду что-то тяжелое обрушилось на самого Пинехаса; ударъ оглушилъ его, онъ закачался и безъ сознанія повалился подъ лошадь убитаго мага.

Долго ли пролежалъ такъ хиръ-сешта, онъ не могъ дать себѣ отчета. Но когда онъ открылъ глаза, первые лучи восходящаго солнца озаряли равнину, гдѣ происходило ночное сраженіе, свидѣтелемъ котораго были костры и блѣдная луна. Все уже было спокойно, бой прекратился и бенъ-ашрафы сидѣли вокругъ Харетъ-Эль-Раиша, внимательно слушая его слова. Возлѣ крѣпко связаннаго Пинехаса оказался не менѣе крѣпко связанный Гацеримъ; Аоливамы не было видно, Колай-Харба также. Изъ невольниковъ уцѣлѣло человѣкъ пять-шесть, остальные пали героями во время битвы.

— Итакъ, я въ плѣну! прости, дорогая цѣль, къ которой я стремился! придется влачить дни въ тяжеломъ невольничествѣ, — тихо проговорилъ Пинехасъ съ тяжелымъ чувствомъ: — неужели меня повезутъ въ Карья-Каймешъ?..

Онъ невольно умолкъ, пораженный изумленіемъ. Среди бенъ-ашрафовъ спокойно и весело расхаживалъ его «меньшой братъ», Колай-Харбъ; бывшій вождь бенъ-нуамановъ, какимъ-то чудомъ потерялъ свою роскошную бороду и кутался въ красный плащъ,— цвѣтъ его заклятыхъ враговъ. Пинехасъ ни на минуту не допустилъ мысли, чтобы Колай-Харбъ могъ измѣнить и перейти на сторону бенъ-ашрафовъ; противъ воли, сознавая всю нелѣпость предположенія, Пинехасъ сталъ смутно надѣяться на спасеніе. Что касается Гацерима, то тотъ продолжалъ лежать въ безчувственномъ состояніи.

— Друзья мои! достойный шейхъ Харетъ-Эль-Раишъ и его отважные сподвижники!—отечески-ласково заговорилъ магъ Адирама: — вы совершили славный подвигъ и теперь вамъ остается только докончить его. Доставьте плѣнниковъ въ Карья-Каймешъ, къ служителямъ всемогущаго Молоха, и верховный магъ Намуродъ не пожалѣетъ подарить вамъ цѣлый талантъ серебра (т. е. слишкомъ три съ половиною пуда) за вашу услугу.

— Пріятно слушать пріятныя рѣчи,—улыбнулся алчно шейхъ бенъ-ашрафовъ:—верховный магъ умѣетъ цѣнить услугу друзей, но надѣюсь, что имущество плѣнниковъ будетъ принадлежать намъ, Адирома?

— Конечно, конечно! только прошу васъ: скорѣе ѣдемъ въ городъ.

— Ты видишь, наши котлы заманчиво возбуждаютъ апетитъ. Вотъ поѣдимъ съ друзьями вмѣстѣ, а тогда на коней, и къ вечеру будемъ въ храмѣ.

Шумная толпа на время притихла, занявшись ѣдою. На плѣнниковъ никто не обращалъ вниманія и, конечно, никто не подумалъ накормить ихъ. Колай-Харбъ присѣлъ было къ одной кучкѣ. но сорвавшійся конь заставилъ его подняться и онъ бросился его догонять на другой лошади съ арканомъ въ рукахъ. Когда бенъ-нуаманъ вернулся, котелки были пусты.

— Вотъ какъ!—захохоталъ непринужденно Колай-Харбъ: — я

долженъ буду отправляться въ путь съ пустымъ желудкомъ. Ну, ничего, подтяну поясъ покрѣпче до встрѣчи съ первымъ путешественникомъ.

Шутка его понравилась и всѣ засмѣялись. Веселый говоръ царилъ во всей толпѣ; шутки, хохотъ и розсказни не прекращались. Дѣлалось даже страннымъ видѣть такую разнузданность среди арабовъ, тѣмъ болѣе, что во всѣмъ лагерѣ не было ни капли вина. Общій гамъ усиливался и дошелъ до того, что самъ сѣдовласый Харетъ-Эль-Раишъ принялся плясать, глупо улыбаясь и подмигивая румяному Адиромѣ.

Не прошло пяти минутъ, какъ вся толпа кружилась по равнинѣ въ пляскѣ, причемъ всѣ считали долгомъ пѣть пѣсни. Только одинъ Колай-Харбъ сохранялъ свою невозмутимость и его зоркіе, быстрые глаза бойко слѣдили за любопытнымъ зрѣлищемъ, разыгравшимся передъ нимъ.

Но вотъ бенъ-ашрафы, утомленные пляскою и пѣніемъ, стали падать на притоптанную траву и засыпали въ самыхъ причудливыхъ позахъ. Дольше всѣхъ держался Адирома, но и тотъ наконецъ свалился, обливаясь потомъ. Толпа въ двѣсти человѣкъ лежала, какъ мертвая.

Наружность Колай-Харба измѣнилась. Съ дикимъ восторгомъ сбросилъ онъ ненавистный красный плащъ съ своихъ плечъ и бѣшеными прыжками очутился возлѣ распростертаго Харетъ-Эль-Раиша.

— Часъ мщенія за отца моего и за мать наступилъ!—крикнулъ онъ хрипло и схватилъ первую попавшуюся на глаза палицу.

Началась страшная, невѣроятная сцена. Словно бѣшеный барсъ или вырвавшійся изъ-подъ надзора безумный, Колай-Харбъ сталъ прыгать отъ одного лежащаго бенъ-ашрафа къ другому; каждый взмахъ палицы дробилъ голову беззащитнаго врага. Начавъ съ Харетъ-эль-Раиша, бенъ-нуаманъ систематично обошелъ прыжками, съ дикими возгласами, обрызганный кровью и мозгами, всю равнину, почти механически опуская и поднимая, свою залитую кровью, тяжелую палицу. Усталый, тяжело переводя духъ, остановился онъ, наконецъ, подлѣ Пинехаса и замеръ — больше убивать было некого; въ живыхъ были только онъ да связанные плѣнники.

XXXVI. Въ царствѣ Бабъ-Илонскомъ.

Связанный Пинехасъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, когда передъ нимъ разъигралась дикая сцена убійства. Онъ невольно закрылъ глаза и обморочное состояніе повторилось съ нимъ. Когда сознаніе вернулось къ нему, онъ былъ уже освобожденъ отъ рѣзавшихъ его тѣло веревокъ и возлѣ него сидѣлъ шейхъ.

— Я отомстилъ за родителей, — были первыя слова Колай-Харба:—и теперь моя душа такъ спокойна, что я готовъ умереть. Клятва моя исполнена.

— И у тебя хватило смѣлости бить безоружныхъ? — съ укоризною произнесъ Пинехасъ, вставая на ноги и расправляя затекшіе отъ узловъ члены.

— Пусть старшій братъ не говоритъ такимъ образомъ,—спокойно возразилъ бенъ-нуаманъ:—никто не скажетъ, что казнившій преступника напалъ на беззащитнаго. Это—преступники, они участвовали въ убійствѣ моего отца Амріолъ-Кассая, моей матери Асмаги и моего брата Ватила; они виновны по законамъ какого угодно народа и я исполнилъ только приговоръ суда совѣсти. Они подлежали смертной казни и я казнилъ ихъ.

Пинехасъ видѣлъ, что споръ съ «дитятею пустыни» ни къ чему не поведетъ.

— Скажи, Колай-Харбъ, какимъ образомъ ты достигъ своей цѣли?

Бывшій шейхъ бенъ-нуамановъ гордо и самодовольно улыбнулся.

— Старшій братъ помнитъ, когда я убѣжалъ въ эту рощицу. Долго ломалъ я голову, какъ поступить, зная, что нападеніе Хареть-эль-Раиша неизбѣжно. И вдругъ яркая мысль озарила меня. А веселая травка? Ты не знаешь ея, конечно: вѣдь это родовой секретъ бенъ-нуамановъ; умру я и никто не будетъ владѣть тайною этого растенія. Каждый изъ нашихъ всегда носитъ при себѣ порошокъ изъ зеренъ этой травки. Я досадовалъ, что при мнѣ только небольшая горсточка, и, осматриваясь въ рощицѣ, вдругъ увидалъ множество совершенно созрѣвшей веселой травки. Не прошло четверти часа, какъ при помощи двухъ гладкихъ камней я растеръ массу зеренъ. Уже земля дрожала подъ копытами коней, когда я кончилъ работу и затѣмъ рѣшился сбрить бороду, чтобы враги не узнали меня. Въ разгаръ битвы я вышелъ изъ рощицы, надѣлъ плащъ перваго убитаго бенъ-ашрафа и вмѣшался въ толпу. Рѣзня окончилась и Харетъ гордился побѣдою 200 всадниковъ надъ 40 пѣшими; на его вопросъ я объявилъ, что принадлежу къ колѣну бенъ-амрага, родственному бенъ-ашрафамъ. Тогда мнѣ ничего не стоило подсыпать порошку въ каждый котелъ съ пищею, а послѣдствія этого, если не ошибаюсь, ты видѣлъ своими глазами.

— Покажи мнѣ этотъ порошокъ, Колай-Харбъ? — попросилъ хиръ-сешта.

— Изволь, старшій братъ, для тебя я нарушу завѣтъ предковъ.

Онъ досталъ изъ-за пояса кусокъ бѣлой ткани, развернулъ его и показалъ Пинехасу темно-коричневый порошокъ; затѣмъ сходилъ въ рощицу и принесъ оттуда горсть травы съ совершенно изсохшими и растрескавшимися ягодами, внутри которыхъ находилось по три зерна въ родѣ боба. Объяснивъ, какъ приготовлять таинственный порошокъ, Колай-Харбъ вполнѣ братски раздѣлилъ весь запасъ съ Пинехасомъ. Въ это время, къ нимъ подошелъ Гацеримъ, котораго только что натерли сокомъ какихъ-то травъ уцѣлѣвшіе невольники, съ Гервааломъ во главѣ. Едва оправившись отъ фи-

зическаго и нравственнаго потрясенія, неугомонный старикъ объявилъ, что необходимо отправиться дальше въ путь.

— Коней сколько хочешь,—улыбнулся Колай-Харбъ: — выбирай любаго.

— А гдѣ же Аоливама?—вдругъ встрепенулся Пинехасъ испуганно.

— Клянусь чернымъ камнемъ,—воскликнулъ шейхъ: — красавица твоя была достойна сдѣлаться женою любаго шейха нашихъ степей. Я видѣлъ ее на конѣ, котораго она достала какими-то судьбами, и долго любовался ея отчаянною храбростью, когда она крошила топоромъ враговъ. Откуда сила могла явиться въ этихъ нѣжныхъ рукахъ, созданныхъ для киѳары и для иглы! Мое сердце трепетало отъ восторга, но я не смѣлъ ей помогать. Наконецъ, обезсиленная, истекающая кровью, она упала съ коня и Алла принялъ ее въ свои объятія. Каждый бедави позавидуетъ ея дивной смерти! Я увѣренъ, что второй такой мнѣ не встрѣтить!

— Сведи меня къ ней,—проговорилъ взволнованный Пинехасъ.

Они прошли шаговъ сто по равнинѣ. Рыцарски-вѣжливый Колай-Харбъ уложилъ мертвую іевуссеянку на небольшомъ пригоркѣ, она лежала почти безъ одежды, ярко освѣщаемая солнцемъ. Казалось, мраморное изваяніе только что вышло изъ-подъ рѣзца великаго художника; спокойствіе было разлито на ея блѣдномъ лицѣ, дѣвственная грудь болѣе не колыхалась и можно было думать, что она спитъ, еслибы не лужи крови вокругъ головы и размозженная нога выше колѣна. Пинехасъ долго смотрѣлъ въ задумчивости на свою новобрачную, затѣмъ опустился подлѣ нея на колѣни и горячо помолился единому Богу, какъ бы поручая его попеченіямъ свою кроткую Аоливаму.

Спустя полчаса, небольшой караванъ тронулся въ путь верхомъ, направляясь вдоль Евфрата, по его теченію, покинувъ мертвыхъ въ добычу ночнымъ хищникамъ. Пинехасъ хотѣлъ было везти тѣло Аоливамы съ собою въ Бабъ-Илонъ, чтобы тамъ набальзамировать его, но Гацеримъ разсудительно напомнилъ ему, что дорогою трупъ испортится отъ сильной жары, и тѣло дѣвушки осталось на роковой равнинѣ. Солнце уже склонялось къ закату, когда кавалькада изъ десяти человѣкъ достигла небольшого городка Адара, скромно пріютившагося на берегу рѣки и защищеннаго рвомъ и валомъ отъ внезапныхъ нападеній. Стража у городскихъ воротъ остановила нашихъ путниковъ,

— Клянусь всемогущимъ Бэломъ!—воскликнулъ весело начальникъ стражниковъ: — я вижу передъ собою достойнаго Гацерима изъ страны фенеховъ. Это также вѣрно, какъ то, что я Шагранъ, сынъ Набуцкина. Какой вѣтеръ занесъ тебя на степную сторону рѣки?

— Привѣтъ тебѣ, Шагранъ! Не вѣтеръ занесъ меня, а злой врагъ. Мои верблюды идутъ по той сторонѣ. Скажи, юноша, гдѣ въ вашемъ городѣ я могу найти пріютъ на ночь съ моими спутниками?

— Конечно, въ караванъ-сераѣ Куддіи, при храмѣ богини Нузку.

Вскорѣ утомленные путешественники достигли караванъ-сарая и, удовольствовавшись незатѣйливымъ ужиномъ, съ наслажденіемъ отправились спать. Когда наступила ночь и звѣзды усѣяли все небо, наши путешественники, послѣ всѣхъ волненій, сладко и мирно заснули.

Крѣпкій и продолжительный сонъ вполнѣ подкрѣпилъ путниковъ. Акуратный въ своихъ привычкахъ, Гацеримъ поднялся съ восходомъ солнца и разбудилъ товарищей. Совершивъ омовеніе, они поѣли и рѣшили немедленно ѣхать дальше, чтобы скорѣе поспѣть въ Урукъ, составлявшій обширное предмѣстье Бабъ-Илона на степной сторонѣ Евфрата или, вѣрнѣе, одного изъ его протоковъ, называвшагося каналомъ бога Канишурра. Хозяинъ караванъ-сарая потребовалъ за ночлегъ, ужинъ и завтракъ на десятерыхъ два сикля серебра (почти соотвѣтствуетъ двумъ рублямъ русскимъ).

За Адаромъ луга почти исчезли, а появились роскошныя нивы, заботливо содержимыя мирнымъ населеніемъ, очень преданнымъ сельскому хозяйству. На этой сторонѣ, степи далеко отступали на западъ, многолюдныя селенія и хорошо укрѣпленные города представляли достаточный оплотъ противъ набѣга кочевниковъ Аравіи, которые рѣдко позволяли себѣ нападать на бабъ-илонскія владѣнія. Большею частью бедави являлись сюда подъ видомъ мирныхъ торговцевъ невольниками или какими нибудь продуктами своей родины. Колай-Харбъ хорошо зналъ эти мѣста, потому что бывалъ не разъ то купцомъ, то наѣздникомъ; Гацериму также все встрѣчающееся было давно знакомо, хотя онъ впервые ѣхалъ правымъ берегомъ многоводнаго Евфрата. Зато Пинехасъ съ нескрываемымъ любопытствомъ вглядывался и изучалъ своеобразную культуру, развившуюся совершенно независимо отъ египетской, при сліяніи величаваго Евфрата съ быстронесущимся Тигромъ. Многое припоминалъ онъ изъ разсказовъ своихъ учителей въ Менъ-Неферѣ, но развѣ могли слова старцевъ возсоздать представлявшуюся ему теперь картину!

Пинехасъ ѣхалъ по странѣ, гдѣ вся жизнь сложилась при иныхъ условіяхъ, чѣмъ въ Хеми. Держава сумировъ, центромъ которой былъ Бабъ-Илонъ, еще за тысячу лѣтъ до Пинехаса стояла на высокой степени цивилизаціи. Но эта цивилизація то разгоралась, какъ свѣтильникъ, вліяя на различныхъ народовъ отъ глубокой Аравіи до нынѣшняго Туркестана, то потухала и какъ бы исчезала подъ наплывомъ непріятельскаго нашествія съ сѣвера и сѣверо-востока. Новые пришельцы, суровые, дикіе, воинственные—селились въ Нагараинѣ, съ твердымъ намѣреніемъ создать монархію остріемъ меча, но проходили столѣтія, и гордые побѣдители принимали нравы, обычаи, религію, искусства и даже формы общежитія отъ побѣжденныхъ предшественниковъ. Бабъ-Илонъ снова дѣлался средоточіемъ образованнаго міра Азіи, слава о богатствѣ, красотѣ и величіи города разносились вездѣ. Побѣдители сливались съ побѣжденными, и монархія процвѣтала, вліяя не военною силою, а культурою трудолюбиваго народа. Такъ продолжалось, конечно, до новаго нашествія иноплеменниковъ.

Благодаря этимъ перемежающимся появленіямъ дикихъ ордъ съ сѣверо-востока, Бабъ-Илонъ и его царство, переходя изъ рукъ въ руки, то дѣлался столицею могущественной имперіи, передъ которою все падало во прахъ, то становился заурядным членомъ торгашеской федераціи, заискивающимъ у разныхъ шейховъ и смиренно подчиняющимся Ниневіи, Кадешу, Аккаду и даже Цидунѣ. Затѣмъ постепенно городъ возвращалъ свое прежнее значеніе; его правители поднимали высоко голову и «ворота бога Эла или Ила» (Бабъ-Иль-Онъ) снова повелѣвали Азіею. До Пинехаса, въ исторіи Нагараины было два момента, когда вся Азія была у ногъ монарховъ Бабъ-Илона, и въ будущемъ предстоялъ третій, во время котораго сутенъ-шебты Хеми были ставленниками съ далекаго Евфрата.

Смутныя свѣдѣнія о прошломъ тысячелѣтняго города, почерпнутыя отъ «видящихъ» бога Пта въ Менъ-Неферѣ, съ трудомъ припоминались хиръ-сештою, пока онъ подвигался впередъ по ровной, однообразной дорогѣ въ Телло. Спутники его равнодушно оглядывали давно знакомыя картины, о которыхъ Пинехасъ очень рѣдко слышалъ отъ своего отца, и только торопились поспѣть на ночлегъ, послѣдній передъ вступленіемъ въ столицу Нагараины. Они прибыли въ Телло довольно поздно и, торопливо поужинавъ, поспѣшно легли отдохнуть.

До Урука разстояніе было не велико и Гацеримъ радовался возможности хорошо отдохнуть отъ всѣхъ испытанныхъ передрягъ въ путешествіи отъ Кадеша-Хеттейскаго. Колай-Харбъ почему-то сталъ задумчивъ.

— Отчего ты такъ печаленъ, Колай-Харбъ? — замѣтилъ ему Пинехасъ.

— Сегодня ночью,—тихо отвѣчалъ шейхъ, задержавъ коня:— мой отецъ являлся ко мнѣ и говорилъ со мною. Ясно, кажется, что скоро мой конецъ!

— Напрасно ты думаешь такъ! Быть можетъ, противъ твоей воли, тебя безпокоятъ думы о Харетъ-эль-Раишѣ и бенъ-ашрафахъ?

— Нѣтъ, старшій братъ, исполненная обязанность никогда не тяготитъ. А появленіе покойнаго отца всегда знаменуетъ близость смерти. Спроси любого бедави; всѣ подтвердятъ, что это непреложная истина. Увѣряю тебя!

Пинехасъ, свободный отъ предразсудковъ, только улыбнулся ему.

— Ты такъ убѣжденъ, что я не стану и спорить съ тобою. Но когда мы вернемся изъ Гинду въ Хеми, то, надѣюсь, ты иначе отнесешься къ появленію твоего достойнаго отца въ сновидѣніи и покинешь это суевѣріе.

— Поживемъ, такъ увидимъ! — философски замѣтилъ Колай-Харбъ.

Бесѣда прервалась и путники продолжали ѣхать молча. Уже вдали вырисовывался на горизонтѣ исполинскій городъ, равнаго которому по величинѣ не зналъ тогдашній міръ. Исполинскіе храмы причудливой архитектуры, съ легкими изящными башенками, унизанными колоннами, гордо возвышались къ небу; рядомъ виднѣлись пышные дворцы, занимающіе огромныя про-

странства и тонувшіе въ темной зелени садовъ. Въ ясномъ, чистомъ воздухѣ виднѣлись издалека остроконечныя вершины крышъ надъ домами вельможъ, богатыхъ помѣщиковъ и финансовой аристократіи, среди которой немало было иностранцевъ, привлеченныхъ въ Бабъ-Илонъ возможностью широко наслаждаться жизнью и сравнительно легко пріобрѣтать средства къ роскошной жизни.

Когда небольшой караванъ, съ Гацеримомъ во главѣ, приблизился къ Уруку настолько, что могъ различить цвѣтъ одежды горожанъ, изъ городскихъ воротъ выѣхалъ на встрѣчу одинокій всадникъ въ красномъ плащѣ. Увидя его, Колай-Харбъ встрепенулся, смуглое лицо его потемнѣло, а глаза стали метать молніи. Казалось, онъ готовъ былъ съѣсть незнакомца.

Ничего не подозрѣвавшій Гацеримъ проѣхалъ мимо, окинувъ равнодушнымъ взглядомъ печальнаго всадника. Но шейхъ бенъ-нуамановъ не выдержалъ.

— Привѣтъ тебѣ, Дзу-Шеддадъ, послѣдній изъ бенъ-ашрафовъ! — проговорилъ онъ съ язвительностью, громко, вызывающе глядя на юношу въ красномъ плащѣ.

Тотъ въ изумленіи остановился, вздрогнулъ отъ неожиданности и сталъ пытливо вглядываться въ Колай-Харба, у котораго борода едва отросла. Наконецъ, онъ узналъ дерзкаго вѣстника, гордо выпрямился и проговорилъ:

— Я вообразилъ, что это говоритъ какой нибудь порядочный человѣкъ, а это бенъ-нуаманъ, трусливый невольникъ египтянина. Я непремѣнно скажу отцу.

— Недолго придется тебѣ искать своего отца, потому что я проломлю твою голову также, какъ проломилъ этому подлому псу, Харетъ-эль-Раишу.

— Защищайся, негодная тварь! — крикнулъ юноша и, выхвативъ изъ-за пояса ножъ, кинулся на зорко караулившаго его шейха бенъ-нуамановъ.

Завязалось единоборство двухъ всадниковъ. Моментально снятые плащи были наверчены на лѣвую руку съ тою ловкостью, слѣды которой можно и нынѣ увидать въ Испаніи. Послѣ второго столкновенія, оба бойца свалились съ лошадей и продолжали борьбу на землѣ съ ужасающимъ остервененіемъ.

Окружающіе двухъ арабовъ не вмѣшивались въ поединокъ, слѣдуя правиламъ чести той эпохи. Только Гацеримъ велѣлъ невольникамъ отвести въ сторону свободныхъ отъ всадниковъ коней, а самъ любовался неожиданнымъ зрѣлищемъ. Потерявъ ножи, Дзу-Шеддадъ и Колай-Харбъ начали бороться руками, испуская глухіе возгласы гнѣва и родовой ненависти. Наконецъ, болѣе сильный Колай-Харбъ одолѣлъ противника и, упавъ на землю, остался сверху; надавивъ побѣжденному грудь, онъ выхватилъ второй ножъ изъ-за пояса и съ дикимъ крикомъ торжества всадилъ его въ обнажившуюся грудь сына Харетъ-эль-Раиша. Но въ это мгновеніе задыхающійся Дзу-Шеддадъ случайно схватилъ рукою оброненный ножъ и разомъ вонзилъ его въ лѣвый бокъ шейха. Два

предсмертныхъ восклицанія раздались одновременно и по пыльной дорогѣ вскорѣ вытянулись два неподвижныхъ трупа.

— Быть можетъ, ихъ можно спасти, — очнулся Пинехасъ, сильно потрясенный разыгравшеюся на его глазахъ сценою съ кровавымъ окончаніемъ.

Соскочивъ съ лошади, онъ бросился къ Колай-Харбу. При этомъ прикосновеніи, тотъ раскрылъ глаза, взглянулъ на «старшаго» брата и тихо прошепталъ:

— Вѣришь теперь? Отецъ приходилъ ко мнѣ и я умираю. Прости!

Онъ слегка вздрогнулъ и послѣдній бенъ-нуаманъ отошелъ въ вѣчность.

Взволнованный Пинехасъ печально поднялся отъ «младшаго» брата.

— Что это? два трупа, два бедави! Взять ихъ! — раздался властный голосъ полицейскаго офицера, подоспѣвшаго отъ городскихъ воротъ.

Полицейскіе служители схватили небрежно оба трупа и куда-то поволокли ихъ, а офицеръ обратился къ старому фенеху съ вопросомъ:

— Почтенный торговецъ, тебѣ извѣстны подравшіеся бедави или нѣтъ?

— Это два заклятыхъ врага, послѣдніе представители арабскихъ колѣнъ бенъ-нуамановъ и бенъ-ашрафовъ; имена ихъ: Колай-Харбъ и Дзу-Шеддадъ,—отвѣчалъ спокойно Гацеримъ, знакомый съ порядками Нагараины.

Офицеръ удовлетворился этимъ объясненіемъ и равнодушно пошелъ къ городу, куда направился и караванъ стараго фенеха. Черезъ полчаса они прибыли въ караванъ-серай, расположенный на берегу канала бога Канишурра, почти въ центрѣ Урука. Хозяинъ заведенія, толстый, лысый Шумукинъ, радостно встрѣтилъ щедраго постояльца, который, имѣя свой домъ въ Бабъ-Илонѣ, первый день пріѣзда всегда проводилъ въ караванъ-сераѣ.

— Любезный Шумукинъ, — дружески обратился къ нему Гацеримъ:—нѣтъ ли у тебя извѣстій о моей конторѣ за рѣкою? пріѣхалъ ли Хирамъ?

— Еще вчера вечеромъ твой Хирамъ освѣдомлялся здѣсь, не пріѣхалъ ли ты со святымъ отцомъ изъ Мицраима (у семитовъ Хеми).

— Благодареніе богамъ, не смотря на угрожавшія намъ опасности, мы здраво и невредимо вступили въ чудную столицу Нагараины.

Пинехасъ освѣжился въ бассейнѣ, помѣщающемся во внутреннемъ дворѣ и снабженномъ, при помощи водопровода, водою изъ Евфрата, а затѣмъ, такъ какъ въ комнатѣ было душно, вышелъ посидѣть на лавкѣ у воротъ караванъ-серая. Не смотря на приближеніе полдня и господствующую на улицѣ жару, массы народа двигались по Уруку. Зрѣлище было крайне интересное и Пинехасъ, невольно увлекаясь, съ удовольствіемъ любовался представляющимися житейскими картинками. Одинъ спѣшилъ по дѣлу, другой

гулялъ въ обществѣ друзей; тутъ несли на плечахъ тяжесть, тамъ съ дѣловымъ видомъ выступалъ чиновникъ. Къ этому необходимо добавить, что глазъ постоянно встрѣчалъ типы различныхъ національностей въ разнообразныхъ нарядахъ.

— Со вчерашняго дня я ожидаю твоего прибытія, Пинехасъ!—раздался вдругъ надъ ухомъ послѣдняго серьезный, тихій голосъ.

Хиръ-сешта съ недоумѣніемъ поднялъ голову. Передъ нимъ стоялъ богато одѣтый индусъ, съ блѣднымъ, выразительнымъ лицомъ, лѣтъ 40.

— Тебѣ извѣстно мое имя, незнакомецъ? — спросилъ его Пинехасъ.

— Мнѣ извѣстно твое имя; мнѣ извѣстно, что ты намѣренъ отправиться на мою родину, не смотря на всѣ трудности пути. Мнѣ многое извѣстно, а почему, я объясню тебѣ дорогою, потому что черезъ два дня мы отправимся въ путь. Знай, что мое имя Канса, я торговецъ.

— А гдѣ же ручательство, что твои слова справедливы, безъ обмана?

Индусъ Канса снисходительно улыбнулся, оставаясь невозмутимымъ.

— Любезный Пинехасъ!—заговорилъ онъ, кладя руку на плечо хиръ-сешты:—припомни твою почтенную мать Анхнесъ, припомни дивный образъ Хашопъ, припомни причину, побудившую тебя покинуть родину, и повѣрь послѣ этого, что я не обманщикъ и вполнѣ заслуживаю довѣрія.

Побѣжденный Пинехасъ сдался, хотя удивленіе его росло постоянно.

— Если такъ, почтенный Канса, то мнѣ остается только поручить себя твоей благосклонности и условиться въ платѣ за проѣздъ.

— У меня свой корабль, и я съ гостей никогда не беру платы.

Прошло два дня, въ теченіе которыхъ Пинехасъ съ любопытствомъ бродилъ съ Гацеримомъ по городу, знакомясь съ достопримѣчательностями, доступными обозрѣнію; побывалъ на судебномъ засѣданіи, на базарѣ, въ библіотекѣ; только въ храмы къ жрецамъ не заходилъ.

На третій день, дружески простясь съ Гацеримомъ, Пинехасъ уѣхалъ съ Кансою.

XXXVII. Соперникъ сутенъ-шебта.

Оставимъ Пинехаса продолжать путешествіе и вернемся въ долину Нила.

Когда царскій врачъ разогналъ заговорщиковъ изъ менъ-неферскаго домика Аши, молодой Мезу обучался военному искусству въ рядахъ царской гвардіи, подъ начальствомъ принца Мериры

Первое извѣстіе о непонятномъ бѣгствѣ принесъ ему Пепи, поступившій съ нимъ въ одинъ день на службу. Воспользовавшись первымъ свободнымъ временемъ, Мезу бросился въ хорошо знакомый ему домикъ и тамъ Эвена подтвердила ему сообщеніе о бѣгствѣ главныхъ заговорщиковъ, вслѣдствіе сообщенія какого-то незнакомца; при этомъ невольница указала ему, что подробности долженъ знать Нененъ-Хибъ. Пріемъ молодаго претендента эрисомъ былъ уже разсказанъ. Не добившись и тутъ ничего, утомленный и еще болѣе недоумѣвающій Мезу вернулся въ казармы, чуть не плача съ досады.

Только черезъ нѣсколько дней Пепи передалъ ему письмо отъ своего отца, доставленное какимъ-то либу. Изъ этого письма Мезу узналъ, что необходимость избѣгнуть серьезной опасности побудила принца удалиться въ Са и на время прекратить агитацію, а потому онъ проситъ своего племянника заняться военнымъ искусствомъ, чтобы, въ случаѣ необходимости, съ честью стать во главѣ войска, которое возведетъ принца на престолъ предковъ.

Молодой человѣкъ отнесся серьезно къ этому совѣту и съ рвеніемъ взялся за дѣло. Года два онъ упорно и настойчиво стремился къ намѣченной цѣли, понятливостью и усердіемъ приводилъ въ восторгъ стараго служаку, принца Мериру, и ко времени путешествія Минепты-Хотепа на югъ достигъ офицерскаго званія. Послѣ производства, его представили перъ-ао.

— Надѣюсь, — обратился къ нему монархъ, — что оказанное тебѣ отличіе побудитъ тебя еще усерднѣе отнестись къ своимъ обязанностямъ. Мнѣ пріятно будетъ сообщить твоей благодѣтельницѣ о твоемъ производствѣ въ офицеры.

— Его святѣйшество не откажетъ мнѣ въ милости перевести меня въ одинъ изъ полковъ, такъ какъ бездѣйствіе въ рядахъ гвардіи утомительно.

Перъ-ао нахмурился: такія просьбы были неслыханны въ Хеми. Всѣ считали обыкновенно за честь удостоиться перевода въ охрану.

— Если для тебя такъ пріятны нужда и голодъ на службѣ отечеству, то я могу доставить тебѣ это, не лишая званія царскаго охранителя. Непокорные горцы Хабеша вознамѣрились не повиноваться моимъ мацхорамъ, а потому поѣзжай въ Аркекъ и прими командованіе надъ тамошнимъ гарнизономъ. Въ этой дикой, суровой странѣ твое желаніе исполнится.

Съ восторгомъ выслушалъ это рѣшеніе Мезу, вѣрившій въ свою счастливую звѣзду, и черезъ нѣсколько дней, имѣя подъ командою сотню солдатъ, онъ былъ отправленъ на казенномъ суднѣ вверхъ по Нилу до Теба, столицы хесепа Тосъ-Горъ; отсюда отрядъ прошелъ пѣшкомъ, подъ палящими лучами солнца, до гавани Бенасъ на берегу моря Секотъ (нынѣ Чермное, или Красное море), гдѣ сѣлъ снова на судно, и затѣмъ благополучно достигъ хабешской крѣпости Аркекъ.

Дикая, суровая и гористая страна Хабешъ считалась номинально подъ властію перъ-ао, но никогда не повиновалась имъ вполнѣ; только разноплеменный составъ горцевъ, вѣчно враждующихъ между

собою съ незапамятныхъ временъ, могъ примиряться съ существовавшими въ то время политическими отношеніями: они признавали надъ собою власть своихъ старшинъ, повиновались египетскимъ губернаторамъ, платили дань властителямъ Гондара и Аксума, покорялись счастливымъ сосѣдямъ-соперникамъ и, въ удобную минуту, возставали противъ каждой власти въ отдѣльности. «Царскіе сыновья» Куша и Та-Хонта не имѣли почти никакого вліянія и значенія въ Хабешѣ, такъ что власть сутенъ-шебтовъ поддерживали губернаторы, разбросанные съ небольшими гарнизонами въ нѣкоторыхъ пограничныхъ и приморскихъ пунктахъ.

Аркекъ былъ важнѣйшимъ опорнымъ пунктомъ для Хеми, потому что служилъ охраною для Дахлакскаго архипелага, заселеннаго сплошь египтянами, а въ то же время былъ морскою станціею для судовъ, поддерживающихъ сношенія Бинаса со «священною землею» Пунатъ.

Аркекскій губернаторъ Хибъ-Горъ, старый служака, принялъ молодаго офицера недовѣрчиво и неохотно передалъ ему должность коменданта, помощникомъ котораго состоялъ Хи-Шера, бывшій помощникъ опахалоносца и мужъ бывшей прачки царскаго «дома женщинъ», Туа. Честолюбивый Хи-Шера давно уже покинулъ свои мечты и печально влачилъ свое существованіе вдали отъ дворца, гдѣ когда-то ему хотѣлось играть выдающуюся роль. Пріѣздъ Мезу взволновалъ его и смутныя надежды зашевелились у рано посѣдѣвшаго помощника коменданта. Страстный, нетерпѣливый юноша, новый комендантъ зарекомендовалъ себя быстро съ лучшей стороны; нѣсколько отважныхъ походовъ въ горныя селенія нагнали страху горцамъ-фаллашамъ, а привѣтливое обращеніе, величавая снисходительность и красота Мезу сдѣлали его любимцемъ Аркека и всего Дахлакскаго архипелага. Губернаторъ совершенно стушевался и воля коменданта была закономъ для всѣхъ.

Хи-Шера сдѣлался его рабомъ и пунктуальнымъ исполнителемъ самыхъ сумасбродныхъ распоряженій; онъ самъ привелъ къ нему въ наложницы свою 18-лѣтнюю дочь Херсе, считая это особою честью для себя; съ опасностью жизни онъ укралъ для него жену одного старшины данакильскаго племени, а затѣмъ съ явнымъ скандаломъ увезъ съ острова Дахлака дочь уважаемаго и очень богатаго землевладѣльца. Всѣ эти услуги онъ оказывалъ во имя того, что Мезу, во время одного разговора о причинахъ ссылки Хи-Шеры, прямо объявилъ, что возьметъ его съ собою въ Цоанъ. Но вскорѣ въ окрестностяхъ Аркека разразилось открытое возстаніе. Оскорбленный данакильскій старшина, у котораго украли красавицу-жену, съумѣлъ склонить на свою сторону не только единоплеменниковъ, но также фаллашей, пахнуновъ и другихъ горцевъ; котловины и горныя долины поднялись такъ дружно, что испугали даже «царскихъ сыновей», потому что волненіе достигло до ихъ дворца въ Мероэ. Въ эту опасную для египтянъ минуту не потерялся только одинъ Мезу. Онъ соединилъ нѣсколько гарнизоновъ подъ своею командою и двинулся противъ мятежниковъ къ Аау (гдѣ теперь развалины Адулиса), на югъ отъ Аркека. Пятнадцать старшинскихъ головъ были трофеями его блестящей побѣды надъ

врагами. Невѣроятно быстрымъ переходомъ Мезу перешелъ рѣку Лауа, на сѣверъ отъ Аркека, и снова на-голову разбилъ скопища пахнуновъ и фаллашей. Черезъ мѣсяцъ край былъ усмиренъ.

Вѣсть о блестящихъ подвигахъ гвардейскаго офицера достигла Цоана, гдѣ жилъ Минепта-Хотепъ со всѣмъ царскимъ домомъ. Обрадованный тѣмъ, что гроза миновала его, «царскій сынъ» Куша-Хиргоръ, племянникъ по матери перъ-ао, сдѣлалъ восторженный докладъ о подвигахъ молодого коменданта. Вскорѣ прибывшій въ Аркекъ гонецъ привезъ приказъ, чтобы Мезу явился къ его святѣйшеству. Передавъ должность одному изъ подчиненныхъ ему офицеровъ, Мезу сѣлъ на первое возвращавшееся изъ «священной земли» судно и отправился изъ добровольной ссылки на сѣверъ. Помня свое обѣщаніе, онъ самовольно взялъ съ собою Хи-Шеру, бросивъ безъ сожалѣнія всѣхъ любившихъ его женщинъ. Послѣ годичной отлучки, онъ вернулся къ принцу Мерира.

— Ну, теперь ты великій полководецъ! — насмѣшливо встрѣтилъ его принцъ.

— Настолько великій,—въ тонъ ему отвѣтилъ задѣтый Мезу:— что если мы встрѣтимся на полѣ сраженія, то тебѣ, высокородный принцъ, не сдобровать.

— И этому тебя научили отважные фаллаши и пахнуны? — шутилъ принцъ.

— Во всякомъ случаѣ, вожди этихъ народовъ знаютъ лучше военное дѣло, чѣмъ начальникъ царской охраны въ Цоанѣ,—дерзко возразилъ Мезу.

— Вотъ какъ!—протянулъ Мерира, нахмурясь:—а у кого же ты учился военному дѣлу? благодаря кому ты побѣдилъ этихъ дикарей?

— Больше всего я обязанъ этимъ самому себѣ и великому Анхуру.

— Надѣюсь, что не этотъ славный богъ научилъ тебя быть непочтительнымъ къ старшимъ! У насъ въ Хеми это считается крайнимъ неприличіемъ.

— Не знаю, прилично это или неприлично, но если меня задѣваютъ, то я точно также отвѣчу самому перъ-ао, а не только принцу-эрису.

Задумавшійся Мерира ничего не возразилъ и молча вышелъ изъ казармы.

Вечеромъ того же дня, принцу пришлось являться къ Минептѣ-Хотепу и онъ, пользуясь случаемъ, передалъ ему свои опасенія относительно Мезу. Перъ-ао выслушалъ его внимательно и, послѣ нѣкотораго размышленія, рѣшилъ убѣдиться лично въ разнузданности и невоздержности языка молодаго офицера; а до той поры всѣ разговоры о повышеніи его были отложены. Ожидать пришлось недолго.

Работы, проэктъ которыхъ былъ выработанъ еще покойнымъ генераломъ Татефъ-Ра, первымъ мужемъ Анхнесъ, были давно окончены и форпостъ Натхо, выстроенный при самомъ впаденіи цоанскаго рукава Нила въ прѣсноводный заливъ Натхо, уже нѣсколько лѣтъ служилъ грозою для пелазгическихъ и киликійскихъ

пиратовъ, а между тѣмъ перъ-ао еще не видалъ его. Въ одно прекрасное утро, Минепта-Хотепъ рѣшился осмотрѣть этотъ важный стратегическій пунктъ, отъ котораго теперь не осталось даже слѣдовъ.

Желая придать предположенной поѣздкѣ по возможности больше торжественности, перъ-ао извѣстилъ гаковъ хонтъ-аботскаго и тутскаго о своемъ намѣреніи побывать въ Натхо, а затѣмъ приказалъ собраться въ путь всей охранѣ. По этому случаю, начались шумныя приготовленія. Гакъ Кацайлони собралъ свои войска, правда, немногочисленныя, чтобы провожать сутенъ-шебта до границы округа, на которой слѣдовало устроить угощеніе; гакъ Ра-Убенъ также засуетился, чтобы достойно встрѣтить монарха и сопровождать его въ чертѣ своихъ владѣній; наконецъ, принцъ Мерира заботился поддержать блескъ своей гвардіи.

Въ назначенный для отъѣзда день, Цоанъ представлялъ изъ себя муравейникъ, вслѣдствіе обилія собравшагося народа, желавшаго полюбоваться зрѣлищемъ церемоніальнаго отъѣзда перъ-ао, рѣдко происходившимъ во время Минепты-Хотепа. Внутри ограды царскаго двора стояла въ боевомъ порядкѣ вся гвардія, имѣя во главѣ принца Мериру и нѣсколькихъ подчиненныхъ ему командировъ; улицы были сплошь залиты любопытными зрителями, унизавшими также всѣ крыши домовъ отъ дворца до пристани, возлѣ которой, также въ боевомъ порядкѣ, стояли полки гака и самъ Кацайлони со своимъ придворнымъ штатомъ.

Лишь только дали знать изъ дворца, что царскій кортежъ тронулся, началась посадка полковъ на суда, и къ моменту прибытія Минепты-Хотепа на пристань, послѣдняя опустѣла, такъ какъ на ней оставалась только свита гака. Послѣ парадной аудіенціи подъ открытымъ небомъ, перъ-ао по мосткамъ перебрался на свое судно, куда пригласилъ Кацайлони, Бекенъ-Хонзу, адона зодчихъ Имхотепа и Мериру. Какъ только гвардія размѣстилась на судахъ, данъ былъ знакъ съ царскаго судна и многочисленная флотилія, вспѣнивая многоводный въ ту эпоху каналъ Хонтъ, величаво тронулась въ путь, озаряемая солнцемъ и сопутствуемая восторженными восклицаніями народа, занявшаго оба берега канала огромными массами.

— Какъ здоровье твоей госпожи Мери-Санхъ?—ласково обратился перъ-ао къ гаку.

— Неизреченны милости его святѣйшества,—вспыхнулъ отъ радости Кацайлони, машинально оправляя на себѣ цѣпь, память пи-аршопскаго боя:—моя Мери-Санхъ непрестанно молитъ боговъ о драгоцѣнномъ здоровьѣ свѣтозарнаго небъ-нутера.

— Я могу гордиться племянницею,—вмѣшался адонъ зодчихъ:—она настоящая египтянка. Встаетъ съ первыми лучами солнца, ведетъ внимательно свое хозяйство и любитъ своего мужа. Ее никто не видалъ безъ работы, и невольницы ея и служанки учатся у своей хозяйки повиновенію старшимъ и почтенію къ богамъ.

— Какъ счастливъ долженъ быть твой братъ,—добавилъ перъ-ао,—имѣя такихъ двухъ дочерей, какъ Мери-Санхъ и Ноферъ-Тари. Какъ здоровье ха Хнумъ-Абра?

— Мой братъ,—печально заговорилъ Имхотепъ,—слабъ здоровьемъ. Если великодушіе ея святости царицы доставили ему высокое наслажденіе видѣть разумно воспитанныхъ подъ ея божественною рукою двухъ дочерей, то онъ обреченъ съ грустью быть свидѣтелемъ дурнаго поведенія своего единственнаго сына Хатъ-Тефа.

— Кстати, гдѣ теперь Хатъ-Тефъ, недостойный имени египтянина?

— Судя по послѣднему письму брата изъ деревни, Хатъ-Тефъ непочтительно обошелся съ отцомъ и самовольно покинулъ его, чтобы слѣдовать за какою-то презрѣнною женщиною изъ племени либу. Гдѣ онъ теперь, никто не можетъ сказать утвердительно.

Среди этихъ разговоровъ, флотилія быстро неслась внизъ по теченію широкаго канала и къ обѣденному времени приблизилась къ границѣ сосѣдняго хесепа. Раздалась команда на всѣхъ судахъ, закипѣла работа и, когда якори были кинуты, флотилія остановилась. На ровной полянѣ уже красовались огромные шатры, раскинутые высланными впередъ служителями Кацайлони, и гакъ почтительно попросилъ Минепту-Хотепа удостоить его «скромный» столъ своимъ вниманіемъ.

— Охотно, благородный Кацайлони, но я вижу приближеніе тутскаго гака.

Дѣйствительно, на встрѣчу подплывала новая флотилія гака Ра-Убена. Послѣ привѣтствій, все высшее общество сошло на берегъ, а суловыя команды и войска остались обѣдать на своихъ судахъ. Зная нелюбовь перъ-ао къ вычурнымъ гастрономическимъ блюдамъ, Кацайлони велѣлъ приготовить простой, но обильный столъ, скромно снабженный тончайшими туземными и заграничными винами. Обѣдъ прошелъ спокойно и весело, насколько возможно при соблюденіи строгаго этикета; затѣмъ Кацайлони простился съ перъ-ао и вернулся со своими войсками обратно, а Ра-Убенъ занялъ его мѣсто, сопутствуя царской флотиліи въ чертѣ своихъ владѣній. Къ вечеру, благодаря усердію гребцовъ, царское судно подплыло къ пристани Натхо, гдѣ Минепта-Хотепъ былъ торжественно встрѣченъ комендантомъ крѣпости, заслуженнымъ Ранубъ-Намифомъ. Блестящій офицеръ былъ очень сконфуженъ своимъ положеніемъ, такъ какъ онъ долженъ былъ играть роль хозяина, не смотря на то, что его высшій начальникъ и въ то же время отецъ, военный адонъ Ранубъ-Пехути, былъ на нѣсколько шаговъ сзади его. Но таковъ былъ военный уставъ. Допустивъ коменданта поцѣловать свое колѣно и привѣтствовавъ дружески своего вѣрнаго сотоварища, эрпа Ранубъ-Пехути, который пріѣхалъ въ Натхо наканунѣ, перъ-ао прошелъ среди шпалеръ гарнизона въ комендантскій домъ, мгновенно освѣтившійся яркими огнями. Ранубъ-Намифъ снова привѣтствовалъ монарха въ своемъ домѣ и предложилъ ему подкрѣпиться передъ сномъ.

Минепта-Хотепъ назначилъ на слѣдующій день подробный осмотръ крѣпости и затѣмъ удалился въ отведенныя ему комнаты для ночлега, а за столомъ еще долго тянулась бесѣда между комендантомъ, военнымъ адономъ, верховнымъ жрецомъ, гакомъ,

царскимъ зодчимъ, начальникомъ гвардіи и нѣсколькими генералами.

Пока перъ-ао производилъ тщательный осмотръ всѣхъ крѣпостныхъ построекъ, казармъ, погребовъ, складовъ и мастерскихъ для починки судовъ, Ранубъ-Пехути отправился въ лагерь гвардейцевъ, расположившихся вдоль набережной, и предложилъ составить отрядъ охотниковъ, которые должны будутъ сыграть роль пелазгическихъ пиратовъ и стараться пробраться въ каналъ; Минепта-Хотепъ хотѣлъ видѣть на дѣлѣ умѣнье Ранубъ-Намифа защищать входъ изъ озера. Въ числѣ первыхъ, откликнувшихся на призывъ военнаго адона, былъ Мезу. Зная, что онъ воспитанникъ принцессы Меррисъ, адонъ охотно согласился вручить молодому офицеру командованіе надъ отдѣльнымъ судномъ, поручивъ ему выбрать самому добровольцевъ. Никто не замѣтилъ, какъ радостно взялся за дѣло, грустившій и безмолвно зливщійся со времени возвращенія изъ Хабеша, гвардейскій офицеръ.

Спокойная зеркальная поверхность озера Натхо казалась вдали растопленнымъ золотомъ, когда пять или шесть судовъ весело и съ хохотомъ понеслись отъ пристани по направленію къ морю. Вскорѣ добровольцы-«пираты» исчезли за небольшою группою островковъ, живописно украшенныхъ пучками тутовыхъ деревьевъ, и затѣмъ сразу затихло все. Что́ они тамъ дѣлали, никто не зналъ.

Тѣмъ временемъ, осмотръ окончился. Перъ-ао былъ очень доволенъ, что его идея была такъ хорошо понята вѣрнымъ Ранубъ-Пехути и такъ мастерски приведена въ исполненіе. Болотистая набережная оказалась засыпанною и превращенною въ военный плацъ съ твердымъ грунтомъ; постройки были всѣ возведены прочно и красиво, гарнизонъ имѣлъ хорошую воду и пользовался здоровьемъ. Кромѣ того, разнообразныя приспособленія, чтобы своевременно знать о приближеніи судовъ и лодокъ съ моря, обнаруживали способности коменданта и его искреннее желаніе принести пользу.—Насталъ вечеръ, то именно время, которое пираты въ прежніе годы обыкновенно выбирали для своихъ набѣговъ. И вдругъ, на глазахъ Минепты-Хотепа, открылось интересное зрѣлище. На шестѣ, который стоялъ на берегу и на который перъ-ао не обратилъ даже вниманія, появилось яркое пламя, благодаря большому рефлектору изъ воткнутаго серебрянаго щита, освѣщавшее довольно далеко поверхность озера. Немедленно за первымъ маякомъ, на противоположномъ берегу канала, появился точно такого же устройства второй, а на ближайшемъ островкѣ, лицомъ къ устью рукава, засіялъ третій маякъ.

— Вотъ это ново, этого я не ожидалъ!—воскликнулъ удивленный перъ-ао:—кто же это придумалъ такую полезную вещь и какимъ образомъ?

Тогда Ранубъ-Намифъ подвелъ къ нему почтеннаго стараго жреца.

— Изобрѣтатель полезныхъ отражателей свѣта, «видящій» Сутехъ-Хотепъ, съ благоговѣніемъ падаетъ ницъ передъ его святѣйшествомъ и радуется счастью лицезрѣть свѣтозарнаго сына Гора. Да осчастливитъ его небъ-нутеръ!

— Встань, «святой отецъ», и разскажи мнѣ, въ чемъ твое изобрѣтеніе.

Старикъ поднялся и вкратцѣ выяснилъ результатъ своихъ многолѣтнихъ изысканій, въ которыхъ онъ оказался предшественникомъ знаменитаго Архимеда сиракузскаго; только, вмѣсто стекляннаго зеркала, онъ взялъ серебряное.

Не успѣлъ Сутехъ-Хотепъ окончить свои объясненія, очень заинтересовавшія образованнаго перъ-ао, какъ вдругъ отъ островка отдѣлилась небольшая лодка и стрѣлою примчалась къ пристани; гребцы выскочили и объявили: «морскіе воры»!

Ранубъ-Намифъ отдалъ немедленно приказаніе и изъ полукруглой бухточки одинъ за другимъ выплыли сторожевыя суда и заняли въ полномъ боевомъ порядкѣ весь каналъ Хонтъ, отъ берега до берега, не давая возможности пройти даже одинокому пловцу. При этомъ соблюдалась полнѣйшая тишина, и только изрѣдка неловкое весло всплескивало воду и брызги разлетались во всѣ стороны.

Вскорѣ показались «пираты». Сконфуженные и растерявшіеся,— такъ какъ они не предполагали застать позднимъ вечеромъ предательскаго освѣщенія, лишавшаго ихъ возможности прокрасться въ темнотѣ,—они побыли немного въ полосѣ свѣта и снова юркнули за островокъ. Послѣ непродолжительнаго совѣщанія, въ которомъ самое живое участье принялъ Мезу, «пираты» приняли его проэктъ и съ этою цѣлью, оставивъ его въ резервѣ, дружно направились на суровые, молчаливые ряды стражниковъ. Началось примѣрное сраженіе, такъ какъ еще раньше былъ отданъ приказъ не увлекаться въ бою и не наносить ранъ.

Пока въ центрѣ происходила суматоха, а упавшіе въ воду кричали громко и попадались въ плѣнъ, на крайнюю къ пустынному берегу лодку напалъ Мезу. Блестящія сѣкиры засверкали въ рукахъ его товарищей, подобранныхъ съ умысломъ изъ сторонниковъ общества «Копчикъ въ Абту», и черезъ нѣсколько минутъ сторожевое судно оказалось во власти нападавшихъ гвардейцевъ, а захваченные безъ оружія стражники перебиты и выброшены въ озеро. Пріобрѣтя судно, Мезу скомандовалъ проплыть вверхъ по каналу и вскорѣ исчезъ во тьмѣ, не обративъ на себя ничьего вниманія; фонари на суднѣ были потушены.

По окончаніи примѣрнаго боя, когда большинство гвардейцевъ были выкупаны и взяты въ плѣнъ, обнаружилась печальная истина: пятнадцать стражниковъ оказались убитыми, крѣпостное судно исчезло, а на его мѣстѣ оставлена лодка, въ которой былъ отпущенъ утромъ гвардейскій офицеръ Мезу.

Гнѣвомъ засверкали глаза Минепты-Хотепа, когда онъ узналъ про недостойную выходку юноши, котораго втайнѣ онъ все таки считалъ племянникомъ. Молча удалился онъ въ назначенныя ему комнаты, не говоря ни съ кѣмъ. Проведя очень плохо ночь, онъ съ первыми лучами солнца велѣлъ собираться въ обратный путь. Тихо, безъ музыки двинулась флотилія вверхъ по каналу Хонтъ, оставивъ Ранубъ-Намифа въ полномъ недоумѣніи и страхѣ. Только въ Цоанѣ перъ-ао заговорилъ. Первымъ дѣломъ была объявлена

монаршая благодарность коменданту крѣпости Натхо, который возводился въ достоинство семеръ-уата за «добросовѣстное и полное разума» отношеніе къ возложеннымъ на него обязанностямъ. Вторымъ указомъ повелѣвалось абъ-перъ-ао принять всѣ зависящія отъ него мѣры къ розысканію бѣжавшаго гвардейскаго офицера Мезу и съ нимъ двадцати солдатъ; по нахожденіи ихъ, абъ-перъ-ао долженъ былъ немедленно передать бѣглецовъ военному адону, которому третьимъ указомъ было предписано судить виновныхъ по всей строгости военныхъ законовъ. Полицмейстерамъ и приставамъ была задана задача.

Однако всѣ усилія полиціи и военныхъ властей не привели ни къ чему. Смѣлый Мезу исчезъ безслѣдно. Напрасно испуганная принцесса Меррисъ старалась узнать о судьбѣ своего сына; никто не могъ дать ей ни малѣйшаго извѣстія. Пинехасъ, на глазахъ котораго разыгралась вся эта загадочная исторія, долго недоумѣвалъ, въ чемъ дѣло; только побывавъ въ домѣ фокусника Дида, онъ понялъ, что товарищъ его дѣтскихъ игръ перешелъ на сторону принца Сотенъ-Энра, а со смертью послѣдняго сталъ во главѣ «Копчика въ Абту».

Сохемскій уръ донесъ, что какой-то гвардейскій офицеръ пробирался къ Пи-Аршопу, въ компаніи подозрительныхъ людей. Однако, это не былъ Мезу, а молодой Пепи-Мерира, еще раньше скрывшійся изъ Менъ-Нефера и собравшій шайку либу. Мезу, какъ оказалось изъ словъ царицы Аши, очутился зачѣмъ-то въ Пи-Бинебдадѣ, откуда его вызвали немедленно въ Цоанъ послѣ смерти принца Сотепъ-Энра.

Вскорѣ послѣ этого, какъ извѣстно, хиръ-сешта Пинехасъ уѣхалъ на востокъ.

XXXVIII. Организація возстанія.

Къ сѣверо-западу отъ Хи-Нензу, столицы округа Амъ-Хонтъ, недалеко отъ нынѣшняго озера Биркетъ-эль-Керунъ, былъ расположенъ небольшой городокъ Сутенъ-Шафъ, лежащій почти на границѣ степей, близь шоссированной дороги къ оазису Аммунъ-Ра. Небольшой городокъ занималъ ровную площадку, господствующую надъ окрестностями, и издали былъ виденъ своими бѣлыми мазанками, напоминающими провансальскія бастиды, среди которыхъ гордо возвышались: храмъ бога Херъ-Шафъ-Хнума, домъ градоначальника и жилище бывшаго вождя аму-кахаковъ, Хепера. Недостатокъ растительности сильно давалъ себя чувствовать.

Три довольно широкія улицы и десятка два узкихъ переулковъ составляли Сутенъ-Шафъ, мирно прозябавшій подъ управленіемъ Сетъ-Атена, дальняго родственника самого гака. Увѣренный, что его городу ничто не можетъ угрожать, старикъ лѣтъ за шестьдесятъ, какимъ былъ Сетъ-Атенъ, мирно наслаждался властью и добродушно требовалъ почтенія отъ всего округа, со-

стоящаго изъ одного города и шести-семи деревушекъ. Одноэтажный помѣстительный домъ Хепера составлялъ гордость жителей, которые были увѣрены, что и въ столицѣ такихъ домовъ не найти. Какъ большинство египетскихъ построекъ, это былъ обширный четырехъ угольникъ, обнесенный высокою каменною стѣною; съ улицы просторныя ворота вели во дворъ, гдѣ былъ плотно утрамбованъ песокъ подъ ногами. Въ лѣвой стѣнѣ, двойной толщины, снизу шли ступени на крышу собственно дома; такъ какъ стѣна вокругъ крыши достигала человѣческаго роста, то на ней можно было дѣлать что угодно, не подвергаясь наблюденію постороннихъ. Легкія изящныя колонки, покрытыя рисунками и надписями, поддерживали, когда въ томъ была надобность, огромный навѣсъ въ родѣ шатра и тогда солнце становилось безсильнымъ изводить людей жарою.

Внизу, подлѣ стѣны-лѣстницы, была дверь въ домъ. Посѣтитель входилъ въ длинный коридоръ, во всю ширину дома, украшенный колоннадою; здѣсь прислуга ожидала приказаній хозяевъ, здѣсь собирались просители, раздѣвались гости. Въ правой стѣнѣ коридора было восемь дверей; три изъ нихъ вели въ коридоры, тянувшіеся во всю длину дома, четыре двери—въ маленькія комнатки, а по лѣдняя дверь въ просторную комнату, изъ которой посѣтитель входилъ въ огромную залу, саженей десять длины. Въ первомъ долевомъ коридорѣ было одиннадцать дверей въ маленькія комнатки, примыкавшія заднею стѣною къ залѣ; по второму коридору было восемь комнатокъ направо и восемь налѣво. Третій коридоръ огибалъ весь домъ и соединялся съ первымъ. Благодаря такому устройству, всѣ комнаты были безъ оконъ.

Въ колонныхъ сѣняхъ, въ одной изъ маленькихъ комнатъ и въ залѣ были узкія витыя лѣсенки на крышу. Роскошная зала, украшенная колоннами, имѣла на одномъ концѣ подобіе алтаря, гдѣ помѣщались изображенія Хнумъ-Херъ-Шафа, Анхура, Аммуна-Ра, Мати, Га-Мехитъ и Гаторъ. Стѣны залы были искусно разрисованы сценами изъ повседневной жизни египтянъ.

Мѣсяца черезъ два послѣ смерти принца Сотепъ-Энра, домъ состарившагося Хепера былъ полонъ гостей. Къ нему, по волѣ новаго главы общества «Копчикъ въ Лбту», собрались всѣ заговорщики противъ верховной власти; здѣсь были: Мезу, Аша, самъ Хеперъ, Хать-Тефъ, Пепи-Мерира, Мерабъ-Хапу, Атисъ, Ѳогарма, Хи-Шера, Дидъ; кромѣ того нѣсколько египтянъ, либу, евреевъ, шазу и цаховъ.

За пять лѣтъ, прошедшихъ послѣ выхода изъ храмоваго училища, стройный красавецъ Мезу измѣнился очень немного; онъ пріобрѣлъ больше самоувѣренности, движенія стали болѣе рѣшительныя, голосъ — мужественнѣе. Суровая дисциплина въ рядахъ гвардіи и тяжелые походы въ Хабешѣ не лишили его, однако, тѣхъ качествъ, которыя привлекали къ нему многихъ. Болѣе симпатичнаго преемника умершій Сотенъ-Энра не могъ выбрать изъ числа своихъ сторонниковъ.

На улицахъ Сутенъ-Шафа скользили первые лучи восходящаго

солнца, когда въ ярко освѣщенной залѣ открылось засѣданіе тайнаго общества.

— Сегодня мы впервые собрались вмѣстѣ послѣ удаленія божествеинаго Узири-Сотепъ-Энра въ сонмъ предковъ, — заговорилъ Мезу, открывая собраніе:—поэтому мнѣ желательно знать теперь, всѣ ли присутствующіе намѣрены продолжать борьбу противъ похитителя престола Минепты?

— Иначе зачѣмъ бы мы явились сюда? — громко проговорилъ Мерабъ-Хапу.

— Мало ли зачѣмъ, — усмѣхнулся снисходительно Мезу: — да хотя бы за тѣмъ, чтобы посмотрѣть изъ любопытства на мальчишку, который осмѣливается стать во главѣ дѣла и руководить сѣдовласыми старцами.

— Совершенно напрасныя слова, высокородный принцъ! — замѣтилъ Хи-Шера.

— Нѣтъ, не напрасныя вовсе! А потому я прежде всего ставлю вопросъ: желаютъ ли собравшіеся повиноваться мнѣ, или есть желающіе вольничать по прежнему? Всякое дѣло только тогда будетъ развиваться, когда исполнители повинуются общему руководителю, а не мудрятъ по своему. Покойный дядя двадцать лѣтъ былъ бродягою и ничего не добился, но я этого не желаю и говорю прямо: если ты мой, то будь вполнѣ моимъ, а если нѣтъ, то немедленно съ глазъ долой. Итакъ, кто за меня?

Общій единодушный возгласъ покрылъ его послѣднія громкія слова:

— Жизнь, сила и здоровье высокому наслѣднику престола сутенъ-шебтовъ.

— Благодарю васъ за это восклицаніе, — продолжалъ Мезу, — но предупреждаю впередъ: я требую повиновенія, а ослушникамъ моей воли—смерть, гдѣ бы они ни вздумали скрыться... Теперь обратимся къ нашимъ дѣламъ.

Въ залѣ воцарилась полная тишина и всѣ взоры обратились на юношу.

— «Копчикъ въ Абту» создался вскорѣ послѣ пи-аршопскаго боя и въ теченіе двадцати лѣтъ не добился никакихъ существенныхъ результатовъ. Причину этого надо искать въ томъ, что совѣтники покойнаго дяди тянули каждый въ свою сторону, а потому каждый вольничалъ, какъ хотѣлъ. Что же намъ нужно теперь, какая наша цѣль? Наше общество появилось, чтобы отрѣшить отъ власти похитителя престола и возстановить нарушенное утробное право, поэтому обратимъ всѣ наши усилія на это, а не на что другое...

— До сихъ поръ мы всѣ старались только объ этомъ, высокородный принцъ, и не наша вина, если не было успѣха,—замѣтилъ князь Атисъ ахейскій.

— Старались, да! но какъ? Князь Атисъ все создавалъ флотъ изъ пелазговъ; почтенный Ѳогарма постоянно звалъ въ Та-Хонтъ; вождь Хеперъ постоянно измѣнялъ принцу Сотенъ-Энра; «видящій» Мерабъ-Хапу добивался отъ узурпатора званія верховнаго жреца; одна только царица Аша дѣлала все, что отъ нея требовали обстоятельства и польза покойнаго дяди.

— Благодарю тебя, Мезу, за справедливое отношеніе ко мнѣ. Но я поклялась быть царицею Хеми еще при Мауаѣ и добьюсь своего.

— Лѣтъ триста тому назадъ былъ еврей Мезу, который сдѣлался вождемъ цѣлаго народа, отчего же и мнѣ не достичь короны сутенъ-шебтовъ? Онъ былъ простой человѣкъ изъ «вонючей» толпы, а я все таки царской крови...

— Я вѣрю въ твою счастливую будущность, вѣрю, что ты достигнешь своей цѣли, а слѣдовательно, сдѣлаешь меня царицею, какъ свою госпожу.

— Будь спокойна, царица, придетъ время и ты увидишь пшентъ на моей головѣ; тогда дочь барда Конара достигнетъ вполнѣ своей цѣли. Поэтому поговоримъ теперь о томъ, какъ практичнѣе добиться желаемаго. У кого есть опредѣленный планъ, прошу высказать его громогласно.

— По моему, наиболѣе практичнымъ будетъ создать огромный флотъ и разомъ врѣзаться черезъ всѣ рукава Нила,—началъ князь Атисъ: — только кличъ кликнуть на моей суровой родинѣ и весь Уатъ-Уръ (нынѣ Средиземное море, а буквально: великія зеленыя воды) покроется несчетными судами отважныхъ моряковъ, которые, какъ одинъ человѣкъ, ринутся по мановенію руки своего верховнаго вождя—и приверженцы узурпатора утонутъ въ своей крови, а самъ спесивый Минепта-Хотепъ...

— А Минепта-Хотепъ устроитъ второй Пи-Аршопъ!—перебилъ его Мезу съ презрительной улыбкою:—Ты забываешь только одно. что тогда съ узурпаторомъ будетъ бороться не «Копчикъ въ Абту», а иноплеменная армія, а потому весь Хеми встанетъ за него, какъ одинъ человѣкъ, и проклятія загремятъ измѣнникамъ. Не правда ли, Хатъ-Тефъ?

— Твои слова божественно справедливы, высокородный принцъ,— замѣтилъ другой заговорщикъ: — кромѣ того, въ случаѣ успѣха, какъ обуздать иноплеменныхъ союзниковъ, и не захотятъ ли они сдѣлаться господами въ той странѣ, которую покорятъ оружіемъ?

— Ты видишь, князь, что твой планъ непригоденъ для египтянина.

— Высокородный принцъ!—поднялся косматый Ѳогарма:—моя мысль проще. Та-Хонтъ, Кушъ и Хабешъ давно уже покорились власти египетскаго оружія и вошли въ семью его подданныхъ. Поэтому возстаніе противъ узурпатора надо начать съ юга, а не съ сѣвера. Въ долинахъ верхняго Нила и въ горахъ Хабеша живетъ простота нравовъ и честное отношеніе къ обязанностямъ вѣрноподданныхъ; поэтому, когда мы объявимъ, что законный наслѣдникъ престола призываетъ ихъ на помощь, то мои соотичи потокомъ хлынутъ внизъ по Нилу и приведутъ въ повиновеніе непокорныхъ.

— Это было бы хорошо, еслибы такъ и случилось. Но подумай, Ѳогарма, одно. Когда орды Хабеша попадутъ въ благодатный Хеми. развѣ онѣ захотятъ скромно вернуться по домамъ; развѣ имъ не покажется пріятнѣе остаться въ благоустроенныхъ городахъ, чѣмъ въ непривѣтныхъ горахъ? А кушиты, вѣчно преиспол-

ненные увѣренности, что только у нихъ хранятся завѣты египетской старины, развѣ они не пожелаютъ возстановить эту старину, когда съ оружіемъ въ рукахъ войдутъ въ Хеми? Слѣдовательно, начавъ борьбу съ врагомъ, я долженъ буду продолжать ее съ союзниками, а это можетъ затянуться до тѣхъ поръ, что я успѣю посѣдѣть. Ты пробылъ тамъ со дня моего рожденія, Хи-Шера, поэтому поймешь мои слова?

— Призвать кушитовъ и хабешцевъ—значитъ вернуть Хеми болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ назадъ,—съ поклономъ отвѣтилъ Хи-Шера.

— Соглашаясь вполнѣ съ высокороднымъ принцемъ,—началъ медленно Мерабъ-Хапу,—что задуманное нами дѣло есть вполнѣ семейное, домашнее, я убѣжденъ, что призывать иноземцевъ нѣтъ надобности. Покойный Маурай былъ призванъ и... большинство изъ насъ присутствовали въ Пи-Аршопѣ... Слѣдовательно, нужно дѣйствовать иначе. Минептѣ-Хотепу повинуются, но не вполнѣ охотно, потому что онъ несовсѣмъ религіозенъ, а поэтому мнѣ думается, что лучше всего, оставаясь въ тѣни, не заявляя о своемъ существованіи, настойчиво и упорно сѣять вражду и ненависть къ узурпатору, невидимою рукою наносить ему удары и лишать народной опоры. Тогда настанетъ день, — страна возстанетъ и онъ погибнетъ...

— Если до той поры мы съ тобою не умремъ, — насмѣшливо остановилъ его Мезу,—и степной вѣтеръ не разнесетъ въ клочки «Кобчика въ Абту»... Нѣтъ, Мерабъ-Хапу, твой воровской планъ не пригоденъ для насъ.

— Я увѣрена, Мезу, что у тебя въ запасѣ что-то приготовлено?—сказала Аша.

— И ты права, царица! Я думаю, что мой планъ лучше выслушанныхъ въ этой залѣ. Надо сознаться, что Мерабъ-Хапу былъ ближе всѣхъ къ истинѣ... Дѣйствительно, Минепта-Хотепъ не религіозенъ съ точки зрѣнія египтянина, но почему? Слыхалъ ли кто изъ васъ о «союзѣ шестнадцати»? Нѣтъ, а я знаю; хоть я былъ гвардейскимъ офицеромъ, комендантомъ Аркека, но успѣлъ разузнать то, чего не подозрѣваетъ Мерабъ-Хапу, скромный претендентъ на должность менъ-неферскаго верховнаго жреца...

— Что такое, что такое? — раздалось со всѣхъ сторонъ, а честолюбивый жрецъ, взволнованный постоянными нападками, даже поблѣднѣлъ.

— «Союзъ шестнадцати», имѣя во главѣ перъ-ао, стремится къ уничтоженію нашей религіи, существующей слишкомъ три тысячелѣтія, и хочетъ замѣнить ее единобожіемъ, въ родѣ того, которое проповѣдуетъ шиломскій первосвященникъ евреевъ. Понимаете ли вы всѣ, чего хочетъ Минепта?

— Какъ? — и испуганный жрецъ невольно всталъ: — этотъ еретикъ хочетъ уничтожить боговъ, уничтожить насъ, служителей алтаря? онъ хочетъ подражать этимъ безумцамъ-евреямъ? Нѣтъ, это невѣроятно! невозможно!

— Однако, это такъ! Мой пріятель Пинехасъ, котораго я до сихъ поръ не понимаю, играетъ намъ на руку, поддерживая въ

немъ эту мысль. Дидъ, вѣроятно, видѣлъ, когда онъ уѣхалъ съ посольскимъ, караваномъ изъ Цоана на востокъ. А вѣдь онъ поѣхалъ разыскивать вѣроученіе о единомъ богѣ во всей его чистотѣ, и когда вернется, то будетъ назначенъ абомъ всего жреческаго сословія. Можетъ быть, Пинехасъ сидитъ теперь въ Кадешѣ или Бабъ-Илонѣ и наслаждается любовью тамошнихъ красавицъ, но когда онъ вернется, то скажетъ, что ему вздумается, и примется ворочать дѣлами по своему. Подумайте только: у насъ будетъ одинъ богъ, одинъ верховный жрецъ и одинъ сутенъ-шебтъ; остальное все долой...

Крики негодованія и угрозы раздались за длиннымъ столомъ.

— Это позоръ... униженіе! сумашествіе, безуміе! его убить мало... измѣна!

Мезу слушалъ эти возгласы и молчалъ, беззаботно поправляя локоны.

— Теперь вы, надѣюсь, поняли, — началъ онъ, когда водворилась тишина:—въ чемъ должна выразиться наша дѣятельность. Не созывать морскихъ разбойниковъ, не натравливать дикихъ горцевъ или степныхъ бродягъ съ запада и востока, а выступить непреклонными защитниками попраннаго закона и опорою религіи, которой угрожаетъ отважный безумецъ. Наше поприще ясно и мы вступимъ на него безъ колебаній. Нашими лучшими союзниками будутъ не иноземцы, дикіе, грубые, малообразованные, а самая высокообразованная часть египетскаго народа, наши учителя-жрецы, хранители завѣтовъ старины и насадители истиннаго просвѣщенія. Только не въ Менъ-Неферѣ искать намъ ихъ и не въ Цоанѣ, а въ божественномъ Ни-Аммунѣ и въ ученомъ Са. Когда мы съумѣемъ заручиться разомъ всѣмъ сословіемъ, я буду сутенъ-шебтомъ!

— Прости меня, высокородный принцъ,—поднялся Хатъ-Тефъ, затронутый въ своемъ уваженіи къ менъ-неферской святынѣ:—но я не понимаю причины, почему ты находишь необходимымъ обѣгать мудрецовъ Менъ-Нефера и Пи-Рамессу.

— Я объясню это тебѣ и тѣмъ иноземцамъ, которые присоединились къ нашему обществу. Весь Хеми дѣлится на сорокъ два хесепа; слѣдовательно, вся страна подчинена въ духовномъ отношеніи сорока двумъ верховнымъ жрецамъ, совершенно равноправнымъ по закону. Однако, на дѣлѣ выходитъ иначе, и преобладающимъ значеніемъ и вліяніемъ пользуются только двое: ни-аммунскій и менъ-неферскій жрецы: первый владычествуетъ во всемъ Паторисѣ, второй въ Патомхитѣ. Каждому хочется быть полнымъ хозяиномъ. а потому вражда между ними тянется цѣлые вѣка. Если мы выставимъ на видъ ни-аммунскому первосвященнику Ранка-Шема, что Тунари и Бекенъ-Хонзу измѣнили достоинству жреца, то по его знаку всколыхнется весь Паторисъ и встанетъ за насъ. Къ этому движенію присоединится верховный жрецъ въ Са, въ этомъ святилищѣ тайныхъ наукъ богини Нейфъ, и такимъ образомъ огромное большинство жрецовъ возьмутъ нашу сторону. А наше дѣло будетъ—организовать, съ своей стороны, военное возстаніе.

— Клянусь могилою отца, ты вполнѣ достоинъ престола су-

тенъ-шебтовъ, — съ восхищеніемъ проговорилъ сѣдой Хеперъ: — прими привѣтъ стараго вождя аму-кахаковъ.

— Такимъ образомъ, Менъ-Неферъ уступитъ первенство Ни-Аммуну?—возмутился Мерабъ-Хапу, въ которомъ невольно проснулась вражда сѣвернаго жреца къ южному.

— Для сутенъ-шебта безразлично,—гордо прервалъ его Мезу,— кто руководитъ совѣстью, египтянъ, Ранка-Шема или Тунари, лишь бы не было въ Хеми чужихъ... Окончательное распредѣленіе обязанностей членовъ «Копчика въ Абту» я опредѣлю на дняхъ, а теперь намъ всѣмъ необходимъ отдыхъ и свѣтъ солнца.

По знаку Мезу, засѣданіе было окончено и всѣ разошлись изъ залы собранія.

Оставшіеся Мезу, Аша и Хеперъ поднялись по витой лѣсенкѣ на крышу, гдѣ въ правомъ углу было устроено что-то въ родѣ павильона. Всѣ трое съ наслажденіемъ вдохнули свѣжаго воздуха и расположились на мягкихъ диванахъ. Нѣсколько времени они хранили молчаніе, наконецъ Хеперъ обратился къ Мезу:

— Когда же ты дашь и мнѣ занятіе? До сихъ поръ, какъ я вижу, ты больше разсчитываешь на этихъ страшныхъ жрецовъ, чѣмъ на силу руки.

Молодой руководитель возстанія только улыбнулся снисходительно.

— Ошибка моего дяди состояла въ томъ, что онъ, испытавъ неудачу въ союзѣ съ иноземцами, ограничился вербованіемъ себѣ сторонниковъ. Не прославивъ себя ничѣмъ въ глазахъ египтянъ, кромѣ участія въ пи-аршопскомъ сраженіи, дядя воображалъ, будто онъ съумѣетъ пріобрѣсти столько членовъ въ свое общество, что въ состояніи будетъ бороться съ братомъ.

— Ахъ, сколько разъ я говорила ему то же самое!—проговорила Аша.

— Почему же, царица, ты не настаивала на болѣе разумныхъ попыткахъ?

— Причина простая! Онъ серьезно слушался меня только тогда, когда намъ приходилось спасаться отъ преслѣдованій. Въ остальное время его совѣтниками были постоянно Мерабъ-Хапу и Шмуэль-Іегуда.

— Теперь «Копчикъ въ Абту» долженъ поступать иначе. Мы должны поднять во имя принципа жрецовъ, а за ними всколыхнется и народъ. Съ другой стороны, мы явимся съ вооруженною силою, и тогда тронъ Минепты развалится.

— Такъ какое же будетъ мое дѣло? — нетерпѣливо вмѣшался Хеперъ.

— Почтенный вождь аму-кахаковъ отправится въ родныя степи и соберетъ конный отрядъ. Это можно будетъ начать на дняхъ. Отрядъ не долженъ быть многолюднымъ, больше тысячи коней не слѣдуетъ даже собирать, но это будетъ отборная конница, которою Хеперъ будетъ справедливо гордиться.

— Вотъ это умно!—съ оживленіемъ воскликнулъ неугомонный старикъ:—а то сидѣть на подачкахъ узурпатора, черезъ военнаго

адона, надоѣло мнѣ: очень ужь унизительно. А я еще съумѣю показать себя!

— Что касается Пепи-Мериры, то онъ поѣдетъ къ Баодану и тамъ соберетъ со своими братьями, Дидомъ и Верциномъ, по три отряда, не болѣе пятисотъ въ каждомъ, — обратился Мезу къ царицѣ Ашѣ.

— Твоя воля, господинъ, ты властенъ приказывать пасынку,— и не стѣсняясь присутствіемъ Хепера, царица игриво припала къ груди молодаго человѣка.

— Однако, почтенный Хеперъ, — поднялся Мезу, поцѣловавъ Ашу:—гдѣ же твоя дочь Сагель? я ее до сихъ поръ не вижу въ домѣ отца.

— Она еще не вернулась изъ Хи-Нензу. Вѣдь привлечь на нашу сторону молодаго гака Узири-Тасена труднѣе, чѣмъ простаго офицера Хатъ-Тефа.

— Ну, для такой умной, смѣлой и красивой дѣвушки затрудненій не существуетъ. А послѣдствія могутъ быть очень серьезныя. Забрать безъ борьбы въ свои руки цѣлый хесепъ съ его полками—много значитъ!

Явился слуга Хепера и объявилъ, что пора обѣдать. Но въ это время на небольшой дворъ въѣхала кавалькада, окружавшая богатыя носилки, возлѣ которыхъ шли опахалоносцы и придворные служители гака. Сидѣвшіе на крышѣ спокойно наблюдали, оставаясь незамѣченными, за прибывшими. Изъ носилокъ, на встрѣчу поспѣшно выбѣжавшимъ невольникамъ, выпорхнула молодая, лѣтъ 18—19 дѣвушка, закутанная въ бѣлый бурнусъ; при этомъ свалившійся капюшонъ позволялъ любоваться ея оживленнымъ, хорошенькимъ личикомъ, съ жгучими черными глазами и чувственными полными губами. Это была дитя степей, смуглянка Сагель.

Слѣдомъ за нею, изъ носилокъ вышелъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, богато одѣтый, надменный, но съ ничего не выражающею физіономіею. Это былъ гакъ Узири-Тасенъ, извѣстный въ Паторисѣ за очень ограниченнаго человѣка, который ничего умнаго не въ состояніи придумать. Дядя его Энтефъ умеръ бездѣтнымъ и онъ былъ утвержденъ въ званіи наслѣдственнаго князя амъ-хонтскаго,—хотя не совсѣмъ охотно,—Минептою-Хотепомъ. Вскорѣ на крышу явился интендантъ и доложилъ, что высокородный гакъ желаетъ представиться высокородному принцу. Мезу приказалъ немедленно ввести посѣтителя, а самъ быстро осмотрѣлъ свой нарядъ. Узири-Тасенъ неловко поднялся вслѣдъ за интендантомъ на крышу и, слѣдуя этикету, молча преклонилъ одно колѣно передъ претендентомъ. Тотъ нѣсколько секундъ хранилъ высокомѣрное молчаніе.

— Радуюсь видѣть благороднаго гака Узири-Тасена передъ собою,—проговорилъ онъ наконецъ:—надѣюсь, боги хранятъ твое здоровье?

— Приношу почтительную благодарность за ласковый пріемъ и надѣюсь, что высокородный принцъ почтитъ меня своею благо-

склонностью,—отвѣтилъ гакъ, подымаясь на ноги и съ любопытствомъ глядя на Мезу.

По знаку Мезу, служитель подалъ немедленно мягкій табуретъ.

— Отдохни, благородный гакъ, а затѣмъ объясни цѣль своего пріѣзда.

Узири-Тасенъ запнулся, не зная, какъ начать, но его выручилъ невольникъ, принесшій изящный столикъ съ шербетомъ и конфектами. Бесѣда съ глазу на глазъ продолжалась, съ часъ времени. Гакъ объяснилъ, что, вразумленный честными, знающими людьми, онъ рѣшился, изъ уваженія къ утробному закону, предложить Мезу всѣ свои войска и средства къ скорѣйшему достиженію торжества правды надъ властолюбіемъ.

XXXIX. Паторисъ волнуется.

Путешественникъ, приближаясь въ «божественному» Ни-Аммуну, съ удовольствіемъ любовался живописнымъ мѣстоположеніемъ окрестностей города. За нѣсколько верстъ до южной столицы Хеми, горы, сдавливающія съ обѣихъ сторонъ рѣку-кормилицу, разступаются понемногу и образуютъ родъ котловины, почти всецѣло занятой городскими постройками. Эта великолѣпная столица была названа позднѣйшими греками «стовратными Ѳивами», названіе ложное и ничего не выражающее, потому что Ни-Аммунъ никогда не былъ обнесенъ стѣною, а, слѣдовательно, не имѣлъ вовсе городскихъ воротъ. Остается думать, что греки увидали его въ эпоху упадка и вообразили, что храмовые пилоны представляютъ ворота города. Въ настоящее время, на мѣстѣ обширнаго Ни-Аммуна, лежащаго по обѣимъ сторонамъ Нила, разбросано нѣсколько деревень, удаленныхъ другъ отъ друга на нѣсколько верстъ, и только величавыя развалины напоминаютъ о былomъ величіи южной столицы.

По дорогѣ изъ Абту,—главнаго города въ хесепѣ того же названія,—въ Ни-Аммунъ приближалась кавалькада по меньшей мѣрѣ человѣкъ изъ двадцати. Запыленные плащи и усталый видъ лошадей указывали, что путешественники не теряли времени и торопились пріѣхать засвѣтло, пользуясь сильнымъ вѣтромъ, который умѣрялъ жару, и прохладными рощами по пути. Между тѣмъ дорога постоянно поднималась вверхъ, извиваясь широкою лентою среди прихотливо раскинувшихся холмовъ разнообразныхъ очертаній. Вдоль дороги показывались скромныя деревни, поля и безконечныя пальмовыя рощи, въ которыхъ можно было поѣсть, попить и отдохнуть въ тѣни.

Но вотъ передовые всадники поднялись на послѣднюю кручу такъ называемыхъ Ливійскихъ горъ и невольно остановились, пораженные дивною картиною, которая такъ внезапно развернулась передъ ихъ глазами. Почти у ногъ ихъ лежалъ «божественный» городъ, пересѣкаемый многоводнымъ Ниломъ. Виднѣлись блестящія позолоченныя крыши безчисленнаго множества храмовъ; гордо возвышаю-

щіяся колонны, зеркальныя поверхности «священныхъ» прудовъ при храмахъ; высѣченная въ скалахъ, величественная усыпальница царей, созданная геніемъ зодчаго Семнута при царицѣ Хашопъ; а вдали, за рѣкою, почти сплошь тянулись бѣлыя жилища частныхъ обывателей и только мѣстами, словно гигантъ, подымалась массивная храмовая постройка.

— Какъ это дивно—прекрасно!—произнесъ одинъ изъ всадниковъ и откинулъ капюшонъ плаща, чтобы безпрепятственно полюбоваться Ни-Аммуномъ.

— Да, высокородный принцъ, лучшаго зрѣлища не найти во всемъ Хеми!—съ нескрываемымъ восторгомъ подтвердилъ второй всадникъ.

— Я люблю мою родину, — подъѣхала къ нимъ женщина:—и много объѣздила земель, но такого роскошнаго зрѣлища не видала еще ни разу.

— Подумать только,—заговорилъ первый всадникъ: — теперь я въѣзжаю сюда скромнымъ странникомъ, но придетъ время, и этотъ прекрасный городъ торжественно встрѣтитъ меня, какъ законнаго сутенъ-шебта!

— Да, Мезу, ты не ошибаешься,—воскликнула женщина, (то была Аша):—я недаромъ дочь барда и предсказываю тебѣ, что это исполнится въ недалекомъ будущемъ. Твой геній ведетъ тебя къ этому.

— Однако, дожидаться намъ нечего, пора ѣхать, — вмѣшался Хатъ-Тефъ.

Вся кавалькада стала спускаться по отлогой покатости къ городу. Прямо передъ нею величаво возвышался дворецъ народнаго героя и любимца, Рамессу II, ошибочно приписываемый египтологами правнуку его Рамессу III. Стѣны, покрытыя исполинскими барельефами, сквозныя изящныя ворота, наконецъ массивныя стѣны дворца, на которыхъ издали виднѣлись эпизоды изъ жизни «царя въ утробѣ матери», какъ говорили про Міамуна,—все это невольно запечатлѣвалось въ памяти тѣхъ, кто подъѣзжалъ къ столицѣ по западной дорогѣ отъ Абту. Невдалекѣ отъ этого дворца виднѣлся небольшой по размѣрамъ храмъ, начатый постройкою при Тутмесѣ I. Понукая усталыхъ лошадей, Мезу и его спутники спустились съ покатости въ долину и, оставляя дворецъ Рамессу II влѣво, направились мимо сѣверной окраины озера (въ настоящее время уже не существующаго) къ мосту, перекинутому чрезъ Нилъ и соединяющему западную половину города съ южною. Лишь только они перебрались въ часть города, называемую Апе, характеръ окружающаго разомъ измѣнился. Насколько западная половина Ни-Аммуна была малолюдна, молчалива, сурова и наводила даже страхъ, настолько восточная кипѣла жизнью, весельемъ, смѣхомъ; если Апе назвать городомъ живыхъ и радующихся, то Вастъ былъ городомъ мертвыхъ.

Проѣхавъ нѣсколько длинныхъ улицъ и площадей, путники достигли, наконецъ, храмоваго квартала и подъѣхали къ главнымъ воротамъ, гдѣ въ живописныхъ группахъ лежали и сидѣли низшіе жрецы и воспитанники училища.

— Привѣтъ вамъ, странники! — обратился къ нимъ привратникъ, сѣдовласый жрецъ:—спѣшите поблагодарить великаго Аммуна за счастливое окончаніе пути, а вскорѣ ворота будутъ заперты, солнце спѣшитъ на отдыхъ.

— Я желалъ бы нарушить покой мастера-строителя бога Аммуна, такъ какъ имѣю надобность побесѣдовать съ нимъ наединѣ,— отвѣчалъ Мезу, сходя съ лошади и машинально расправляя усталые члены.

— Охотно исполню твое желаніе, благородный незнакомецъ,— снова заговорилъ привратникъ, зорко подмѣтивъ богатый нарядъ подъ плащемъ:—не успѣешь ты окончить молитвы передъ изображеніемъ отца небеснаго, а посланный вернется къ тебѣ съ отвѣтомъ мастера-строителя.

Слѣдомъ за Мезу, всѣ путешественники вошли въ храмовой дворъ и преклонились передъ исполинскимъ изображеніемъ голубаго Аммуна. Тѣмъ временемъ, одинъ изъ жрецовъ, по знаку привратника, отправился съ докладомъ къ духовному владыкѣ всего Патириса. Онъ обогнулъ съ лѣвой стороны зданіе храма, вошелъ въ небольшую дверь и, поднявшись по крутой каменной лѣстницѣ во второй этажъ, отворилъ массивную невысокую дверь. Молодой жрецъ очутился въ обширной, пустой комнатѣ, гдѣ на полу лежали тоже молодые жрецы, очевидно состоящіе на посылкахъ у верховнаго жреца.

Ни одинъ изъ лежащихъ не пошевелился при входѣ товарища и онъ долженъ былъ идти дальше. Въ слѣдующей комнатѣ, небольшой по размѣрамъ и устланной мягкими коврами, сидѣлъ на диванѣ ни-аммунскій первосвященникъ Ранка-Шема и игралъ въ любимые египтянами шахматы со своимъ сыномъ. Первосвященникъ былъ немного выше средняго роста, пропорціональной полноты, съ умнымъ, открытымъ лицомъ, тщательно выбритый, съ характерными для кровнаго египтянина широкими плечами и вьющимися длинными кудрями, среди которыхъ мелькали серебряныя нити, и съ аристократическими для европейца нѣжными руками.

Посланный, увидя верховнаго жреца, палъ ницъ и неподвижно ожидалъ разрѣшенія говорить, пока Ранка-Шема обдумывалъ ходъ для отраженія сильной аттаки, которую велъ противъ короля его молодой сынъ.

— Зачѣмъ ты явился? — отрывисто спросилъ онъ посланнаго.

— Благородный незнакомецъ, только что пріѣхавшій издалека, желаетъ имѣть счастье бесѣдовать съ мастеромъ-строителемъ.

— Хорошо, ввести его въ пріемную залу, я сейчасъ выйду къ нему. Ступай!

Молодой жрецъ поднялся съ пола и, пятясь задомъ, вышелъ изъ комнаты. Возвратясь къ прибывшимъ, онъ предложилъ Мезу, Ашѣ и Хатъ-Тефу слѣдовать за нимъ, а остальныхъ спутниковъ увели въ общую столовую, когда лошади были отведены въ конюшню и имъ былъ данъ кормъ. Троихъ посѣтителей провели въ другую дверь, а не въ ту, гдѣ проходилъ посланный привратникомъ. Когда они сбросили плащи и остались въ богатыхъ вис-

сонныхъ нарядахъ,—что, впрочемъ, относилось только къ Мезу и Ашѣ, такъ какъ Хатъ-Тефъ былъ одѣтъ простымъ гвардейскимъ офицеромъ,—ихъ пригласили въ пріемную залу.

Высокая, просторная зала была безъ оконъ; въ ней ярко освѣщались барельефы на стѣнахъ съ религіозными сюжетами, изящно перевитыя змѣями колонны, блестящій каменный полъ и длинный столъ, на одномъ концѣ котораго стояло предсѣдательское кресло, и отъ него рядъ мягкихъ табуретовъ по обѣимъ сторонамъ. Гдѣ-то вверху открылось беззвучно маленькое окошечко, чьи-то блестящіе глаза зорко осмотрѣли посѣтителей, а затѣмъ вскорѣ въ залу вошли мальчики лѣтъ по пятнадцати, въ льняныхъ хитонахъ, и тихо выстроившись у выхода изъ внутреннихъ комнатъ, объявили о прибытіи верховнаго жреца.

Хатъ-Тефъ, не смотря на непочтительность къ старшимъ,—благодаря чему долженъ былъ покинуть домъ отца своего, князя Хнумъ-Абра,—палъ ницъ, когда величавый, со скромно опущенными глазами, Ранка-Шема, въ первосвященнической одеждѣ, затканной золотомъ, вошелъ въ залу, отечески привѣтствуя гостей.

— Благодарю всемогущаго Аммуна, отца боговъ, что онъ позволилъ мнѣ оказать нынѣшній день посильное гостепріимство,—ласково проговорилъ Ранка-Шема.

— Я позволилъ себѣ нарушить твой покой, мастеръ-строитель, чтобы имѣть счастье почерпнуть кое-что отъ твоей прославленной мудрости,—отвѣчалъ Мезу, достаточно насмотрѣвшійся на торжественные пріемы верховнаго жреца въ Менъ-Неферѣ и владѣвшій гибкимъ языкомъ придворнаго.

— Если не ошибаюсь въ твоемъ говорѣ, благородный посѣтитель, ты долженъ быть изъ Хака-Пта (одно изъ названій Менъ-Нефера, буквально: домъ поклоненія бога Пта)?—спросилъ первосвященникъ съ легкою улыбкою на устахъ.

— Это мѣсто моего воспитанія, а родился я въ далекомъ отсюда Пи-Рамессу.

— И ты носишь имя знаменитаго еврея Мезу, оставаясь египтяниномъ?

— Мнѣ льститъ, что ты знаешь мое скромное имя, мастеръ-строитель.

— А какъ драгоцѣнное здоровье высокородной принцессы Меррисъ?

— Тебѣ даже и это извѣстно! — съ удивленіемъ воскликнулъ Мезу.

— Мы живемъ въ такое время, когда знать лишнее не мѣшаетъ...

— Въ такомъ случаѣ, мастеръ-строитель, ты долженъ знать и причину, которая привела меня съ далекаго сѣвера въ божественный Ни-Аммунъ?

— Я могу знать то, что совершилось, но будущее мнѣ неизвѣстно.

— Въ такомъ случаѣ попрошу тебя удалить отсюда нескромныя уши.

По знаку Ранка-Шема, мальчики, неподвижно стоявшіе у две-

рей, быстро удалились. Въ это время Аша обратилась къ Мезу на языкѣ либу:

— Развѣ этотъ друидъ не намѣренъ пригласить насъ посидѣть немного?

— Прости, великая царица заморскаго племени,—отвѣтилъ на томъ же языкѣ верховный жрецъ: — скромные служители Аммуна такъ рѣдко бываютъ въ присутствіи царицъ, что невольно упускаютъ изъ виду правила гостепріимства.

И жестомъ, полнымъ величія, Ранка-Шема пригласилъ гостей занять мѣста возлѣ стола, усѣвшись самъ на предсѣдательское мѣсто.

— Благородный Мезу, я готовъ со вниманіемъ выслушать тебя.

— Извѣстно ли тебѣ, мастеръ-строитель, общество «Копчикъ въ Абту»?

— Которое принцъ Сотепъ-Энра устроилъ по мысли царицы Аши? Да, мнѣ извѣстна его дѣятельность до кончины брата сутенъ-шебта.

— Тѣмъ не менѣе позволю себѣ напомнить о главной цѣли этого общества. Оно образовалось во имя борьбы съ похитителемъ престола, который нарушилъ утробный законъ. Принцъ Сотепъ-Энра умеръ, не достигнувъ цѣли, и передалъ мнѣ всѣ права на престолъ въ силу утробнаго закона. Не смотря на развращающую среду сѣверныхъ жрецовъ, я сохранилъ въ себѣ настолько уваженія къ религіи нашихъ предковъ, что поклялся бороться всѣми силами съ тѣмъ, кто нагло попираетъ завѣты старины и готовится поднять святотатственную руку на великихъ боговъ Хеми, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на славныхъ служителей храмовъ, опору страны.

— О комъ ты говоришь?—тихо спросилъ Ранка-Шема, сверкнувъ глазами.

— Я говорю о сутенъ-шебтѣ Минептѣ-Хотепѣ. Онъ задумалъ уничтожить всѣхъ боговъ нашей родины, истребить всѣхъ жрецовъ, какъ обманщиковъ и дармоѣдовъ, и ввести ученіе о единомъ богѣ, разыскивать котораго онъ послалъ, съ полгода уже, своего придворнаго врача Пинехаса.

Ранка-Шема вздрогнулъ; его глаза засверкали и онъ невольно всталъ.

— Какъ?—теряя самообладаніе, крикнулъ онъ громко:—этотъ нечестивецъ...

— Да, этотъ нечестивецъ рѣшился уничтожить поклоненіе Аммуну, Ра, Пта, Анхуру, Сету, Узири и прочимъ славнымъ богамъ и богинямъ; онъ рѣшился уничтожить сословіе жрецовъ и, вмѣсто сорока двухъ верховныхъ жрецовъ, украшающихъ страну своею добродѣтелью и ученостью, будетъ одинъ абъ, которымъ, конечно, онъ назначитъ своего Пинехаса, ненавидящаго жрецовъ.

Пока Мезу говорилъ, Ранка-Шема успѣлъ овладѣть собою настолько, что снова сѣлъ, не спуская жгучихъ глазъ съ молодаго претендента.

— Пока ни-аммунскій храмъ существуетъ, а я состою верховнымъ руководителемъ, этому не бывать!—энергично проговорилъ онъ.

— Такъ ли?—съ дерзкою улыбкою остановилъ его Мезу:—когда

Аммунъ-Эмапи вызвалъ неудовольствіе узурпатора и лишенъ должности блюстителя абумира божественнаго Узири-Рамессу, кто былъ назначенъ на его мѣсто? Менъ-неферскій жрецъ Себекъ-Хаи, и, конечно, съ твоего благословенія.

— Въ этомъ я не могъ помѣшать, — глухо проговорилъ верховный жрецъ: — назначеніе хранителей абумировъ зависитъ исключительно отъ сутенъ-шебтовъ, но если онъ задумалъ уничтожить религію, существующую слишкомъ три тысячелѣтія, то не только жрецы, весь народъ возстанетъ на него.

— Понимаю вполнѣ чувства, волнующія тебя, мастеръ-строитель. По этой-то причинѣ я и явился предложить тебѣ союзъ противъ него.

Гордый Ранка-Шема долго молчалъ, не спуская глазъ съ собесѣдника.

— Союзъ двухъ сторонъ только тогда имѣетъ смыслъ, если обѣ стороны могутъ предложить другъ другу одинаковыя доли, иначе это будетъ не союзъ, а жалкая насмѣшка. Что же ты можешь предложить, глава «Копчика въ Абту»?

— Я!.. я стою во главѣ общества, рѣшившагося бороться съ Минептой будешь ли ты за насъ, или противъ насъ? Въ нашемъ распоряженіи цѣлый ташъ, съ его гакомъ, съ его войсками; среди иноземцевъ, которыхъ Хеми кормитъ, собрана конница, около трехъ тысячъ головъ; наши сочлены разсѣяны по всему Патомхиту; наконецъ, когда я взойду на престолъ сутенъ-шебтовъ, моею столицею будетъ не Пи-Рамессу, не Хака-Пта, не Абту, а Ни-Аммунъ.

Первосвященникъ продолжалъ хранить молчаніе, видимо размышляя.

— Сбросимъ маски,—началъ онъ медленно, — и будемъ говорить, какъ настоящіе люди. Ты предлагаешь мнѣ союзъ противъ царствующаго сутенъ-шебта, потому что тебѣ хочется занять его мѣсто. Допустимъ. А что мѣшаетъ мнѣ немедленно арестовать тебя и подъ конвоемъ отправить въ Пи-Рамессу?.. Минепта,—надо отдать ему справедливость,—очень умный человѣкъ, и онъ понимаетъ вполнѣ необходимость жить со мною въ согласіи. А такое доказательство вѣрноподданичества еще больше расположитъ его въ мою пользу. Тогда стоитъ ему только пріѣхать въ Ни-Аммунъ, а здѣсь ужь я съумѣю доказать ему нелѣпость задуманнаго имъ преобразованія религіи.

Мезу весело расхохотался, чѣмъ немного смутилъ первосвященника.

— Прости меня, мастеръ-строитель, но я считалъ тебя гораздо умнѣе.

— Что ты хочешь этимъ сказать? — слегка улыбнулся Ранка-Шема.

— Очень простую вещь. Ты знаешь только одно: что среди верховныхъ жрецовъ въ Хеми ты самый вліятельный, а поэтому привыкъ всѣхъ считать жалкою мелочью, не заслуживающею твоего вниманія. Я прихожу поговорить съ тобою серьезно, а ты считаешь меня глупѣе ребенка и съ первыхъ же шаговъ думаешь сбить меня съ толку и заставить каяться.

— Объяснись хорошенько, благородный Мезу, а то я, по свойственной мнѣ ограниченности, ничего не понялъ, — еще веселѣе улыбнулся верховный жрецъ.

— Видимся мы съ тобою въ первый разъ, но я зналъ, къ кому иду. Я знаю, что умнѣе высокообразованнаго Ранка-Шема врядъ ли можно найти во всемъ Хеми, а что касается непреклонной воли и энергіи, то въ этомъ отношеніи соперничать съ тобою можетъ лишь одинъ Минепта-Хотепъ. Но вы оба забываете про меня, а я всегда былъ и буду хозяинъ своего слова. Я рѣшилъ, что буду сутенъ-шебтомъ, и достигну этого, какою бы то ни было цѣною. Слѣдовательно, не играть я пришелъ сюда, а поговорить серьезно съ человѣкомъ, который вполнѣ можетъ понять меня.

— Однако, эти слова не служатъ отвѣтомъ на мои предположенія.

— Ты силенъ и могущественъ твоимъ вліяніемъ на Паторисъ, но Минепта-Хотепъ все таки сутенъ-шебтъ и въ распоряженіи его находятся мацаи. Что стоитъ ему пріѣхать въ Ни-Аммунъ, пригласить тебя во дворецъ и преспокойно арестовать тебя. Въ тюрьмѣ ты, по неволѣ будешь молчать, а люди, преданные до сихъ поръ тебѣ, станутъ повиноваться ему, потому что онъ монархъ, а ты преступникъ; онъ будетъ говорить, а ты будешь нѣмъ. Теперь дальше. Минепта настойчивъ, уменъ и понимаетъ свой народъ. Задумавъ преобразовать религію, онъ ее преобразуетъ, докажетъ народу наглядно, что старая вѣра никуда не годится и дорого обходится. Пинехасъ станетъ дѣятельно помогать ему, Тунари и Бекенъ-Хонзу—тоже; спрашивается: съ чѣмъ же ты останешься, питаясь однимъ рисомъ въ тюрьмѣ?

— А оборотная сторона этого дѣла? — продолжалъ улыбаться Ранка-Шема.

— Не менѣе ясна и понятна. Я хочу быть сутенъ-шебтомъ, ты хочешь сломить силу менъ-неферскихъ первосвященниковъ. Мы соединяемъ наши усилія: ты, вліяя на умы вѣрующихъ, взволнуешь ихъ противъ царя-еретика, какъ въ былое время ни-аммунскіе первосвященники подняли народъ противъ Аммунъ-Хотепа IV; я возстану во главѣ военной силы и направлюсь прямо на Ни-Аммунъ, гдѣ ты встрѣтишь меня торжественно и въ этомъ храмѣ я возложу на себя корону, какъ внукъ Рамессу-Міамуна. Тогда моя задача облегчится и мнѣ легко сломить силы Патомхита, да кстати уничтожить объевреившееся жречество въ Хака-Пта и Ану. А разъ столица моя будетъ здѣсь, очевидно, духовнымъ главою страны будешь ты, потому что мы поддержимъ другъ друга и раздѣлимъ власть между собою: тебѣ предоставляю душу египтянъ, а себѣ возьму тѣло. Теперь понятно?

— Мнѣ остается только позавидовать, — поднялся Ранка-Шема:—что тебя воспиталъ менъ-неферскій храмъ, а не ни-аммунскій. Прости меня; высокородный принцъ, если я вначалѣ пошутилъ съ тобою. Теперь я вижу, что съ тобой можно говорить совершенно серьезно; ты не болтаешь на вѣтеръ, а всѣ твои поступки обдуманы. Но, во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ я дамъ тебѣ окончатель-

ный отвѣтъ, согласись преломить хлѣбъ за моимъ столомъ, а завтра мы окончимъ нашу бесѣду и, надѣюсь, къ обоюдному удовольствію.

Верховный жрецъ хлопнулъ въ ладони и немедленно явился служитель.

— Подавать немедленно ужинъ на шестерыхъ,—приказалъ онъ.

Ранка-Шема завязалъ разговоръ съ Ашею, разспрашивая ее о почти забытыхъ родныхъ мѣстахъ. Царица оживилась, вспоминая родину и описывая воспоминанія дѣтства и юности; велико было ея оживленіе, когда первосвященникъ дополнялъ ея описанія, указывая на тѣ перемѣны, которыя произошли со времени отъѣзда Аши изъ Европы. Оказалось, что собесѣдникъ ея, до занятія должности верховнаго жреца, путешествовалъ два года и побывалъ въ нынѣшнемъ Тунисѣ, Алжиріи, Иберіи, Арморикѣ и странѣ этрусковъ. Наконецъ, доложили, что ужинъ готовъ. Тогда Ранка-Шема радушно пригласилъ гостей слѣдовать за нимъ. Пройдя нѣсколько коридоровъ и комнатъ различной величины, они вошли въ небольшую круглую обѣденную залу, гдѣ ихъ ожидалъ сынъ первосвященника, игравшій съ нимъ въ шахматы, немного помоложе Мезу, и стройная дѣвушка, лѣтъ девятнадцати, съ роскошными каштановыми волосами, бѣлымъ личикомъ и темносѣрыми глазами.

— Сынъ мой Сагаторъ и дочь Нехебъ,—произнесъ верховный жрецъ:—привѣтствуйте высокороднаго принца Мезу и его госпожу Ашу, и пусть ни одно слово, сказанное за столомъ, не выдетъ изъ этой комнаты.

— Какъ ты прекрасна, Нехебъ! — съ восторгомъ воскликнулъ Мезу, любуясь оригинальною для египтянина красотою дѣвушки, зардѣвшейся отъ похвалы.

— Откуда родомъ была ея мать?—спросила царица Аша, безцеремонно трогая шелковистые волосы Нехебъ, выбивавшіеся изъ-подъ дѣвичьей повязки.

— Ея мать...—задумчиво отвѣтилъ Ранка-Шема:—она изъ очень далекой страны; ея родина гдѣ-то возлѣ Янтарнаго моря за кельтами.

Ужинъ прошелъ весело и непринужденно; часто раздавался хохотъ, а прекрасное вино еще болѣе усиливало общее оживленіе. Наконецъ, послѣ ѣды, гостямъ былъ предложенъ отдыхъ въ небольшой комнаткѣ, гдѣ Мезу и Аша съ наслажденіемъ заснули послѣ утомительной поѣздки по горамъ.

На слѣдующее утро, еще царица Аша спала, когда Мезу всталъ и при содѣйствіи Сагатора принялъ ванну; затѣмъ онъ былъ приглашенъ въ кабинетъ верховнаго жреца, гдѣ произошла продолжительная секретная бесѣда. Они пришли къ соглашенію помогать другъ другу, причемъ Ранка-Шема только тогда брался явно выступить противъ сутенъ-шебта, когда Мезу явится съ войскомъ въ Ни-Аммунъ. Подготовлять же усскаго гака и начать возмущать народъ было рѣшено немедленно. Послѣ семейнаго обѣда, гости на всѣхъ рысяхъ уѣхали за Ливійскія горы.

XL. Конецъ мирнаго царствованія.

Послѣ отъѣзда царскаго врача Пинехаса въ невѣдомый Гинду, Минепта-Хотепъ продолжалъ мирно управлять страною, не подозрѣвая даже, какая гроза собирается надъ его посѣдѣлою головою. Не смотря на то, что ему перевалило за шестьдесятъ пять лѣтъ, онъ продолжалъ неутомимо работать въ своемъ кабинетѣ, писалъ указы, внимательно прочитывалъ отчеты гаковъ, доклады коронныхъ чиновниковъ, выслушивалъ просьбы обращающихся къ нему, отправлялъ правосудіе, принималъ иностранныя посольства, награждалъ и миловалъ,—словомъ, дѣлалъ все, что̀ по традиціи и обычаямъ требовалось отъ сутенъ-шебта.

Правда, у него былъ помощникъ, цвѣтущій здоровьемъ, сильный, неглупый, но они какъ-то не сходились характеромъ. Это былъ его единственный сынъ и наслѣдникъ престола, принцъ Сети-Хепрура. Молодой человѣкъ, которому исполнилось уже тридцать лѣтъ, не походилъ на отца; онъ былъ далекъ отъ тѣхъ возвышенныхъ мечтаній, которымъ любилъ предаваться Минепта-Хотепъ. Краснощекій, полный, подвижный, разговорчивый, онъ олицетворялъ собою самаго обыденнаго практическаго, сметливаго человѣка, который любитъ поѣсть, попить, но хорошо понимаетъ, въ чемъ его польза и выгода. Для него не было ничего темнаго и непонятнаго; онъ былъ постоянно веселъ, жизнерадостенъ и бодръ духомъ.

Трудно сказать теперь, что̀ сдѣлало его такъ непохожимъ на отца, философа-поэта, но фактъ былъ на лицо и съ нимъ приходилось считаться. Особенно рѣзкое охлажденіе между отцомъ и сыномъ наступило по смерти царицы Иси-Ноферъ, которая захворала вскорѣ послѣ возвращенія въ Цоанъ изъ поѣздки по Хеми. Пока была жива царица, она умѣла смягчать возникавшія несогласія и усердно поддерживала семейный союзъ, но съ ея кончиною не стало и этого тормоза. Не успѣли отправить набальзамированный трупъ Иси-Ноферъ въ Абту для погребенія, какъ Сети, безъ вѣдома отца, выбралъ изъ ея фрейлинъ нѣсколько хорошенькихъ дѣвушекъ и сдѣлалъ ихъ своими наложницами. Минепта-Хотепъ, по принципу отвергавшій многоженство и конкубинатъ, почувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ и сдѣлалъ сыну нѣсколько рѣзкихъ замѣчаній, но тотъ офиціально извѣстилъ его, что, на основаніи такой-то статьи закона, наслѣдникъ престола беретъ себѣ столько наложницъ и законныхъ женъ, сколько ему позволяетъ здоровье. Понятно, что на офиціальный и юридическій доводъ Минепта-Хотепъ долженъ былъ смолчать.

Однако, всѣ эти обстоятельства оставались неизвѣстными даже большинству придворныхъ. Принцъ Сети-Хепрура являлся въ глазахъ всѣхъ почтительнымъ и покорнымъ сыномъ, который даже заслуживаетъ бо́льшихъ симпатій, чѣмъ его отецъ. Всѣ его слова и поступки были понятнѣе и ближе большинству, а потому находили

больше сочувствія и живѣйшій откликъ въ сердцахъ египтянъ; между тѣмъ Минепта-Хотепъ внушалъ страхъ, даже трепетъ, а поступки его не всегда бывали понятными, ибо онъ руководствовался высшими побужденіями, недоступными массѣ. Его уважали, а наслѣдника престола—любили.

Администрація дѣйствовала по прежнему, гонцы сновали по всѣмъ хесепамъ, а писцы неутомимо строчили рапорты, доклады, отчеты, предписанія, указы и именныя повелѣнія. Ничто въ массѣ этихъ папирусовъ и дощечекъ не давало повода предполагать, что Хеми находится наканунѣ грознаго возстанія.

Торжественное посольство, отправленное къ новому мелеху союза Ротенну, давно уже вернулось. Старый эрпа Ранубъ-Пехути успѣлъ объѣздить весь Патомхитъ, чтобы убѣдиться въ точномъ исполненіи его распоряженій объ охранѣ государства. и, по возвращеніи въ Цоанъ, захворалъ. Не смотря на всѣ усилія Бекенъ-Хонзу, одного изъ лучшихъ врачей, болѣзнь быстро приняла опасные размѣры и мѣсяца черезъ два Минепта-Хотепъ потерялъ вѣрнаго слугу.

Возникъ вопросъ о выборѣ новаго военнаго адона. Многіе даже совѣтовали совершенно уничтожить это званіе, такъ какъ не предвидѣлось ни малѣйшей опасности извнѣ. Но послѣ продолжительнаго совѣщанія «союза шестнадцати», перъ-ао принялъ твердое рѣшеніе сохранить начальство надъ войсками въ своихъ рукахъ. Кандидатами на вакантную должность явились: сынъ покойнаго, Ранубъ-Намифъ, принцъ Мерира и молодой генералъ Маи, сынъ Анту-Абра, лучшаго друга перъ-ао, когда онъ былъ еще принцемъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, выборъ палъ на семеръ-уата Ранубъ-Намифа.

Еще не затихли толки о выборѣ на такой отвѣтственный постъ молодого офицера, — Ранубъ-Намифу едва исполнилось тридцать пять лѣтъ,—какъ гонецъ изъ многолюднаго и богатаго города Саута. на Нилѣ въ Паторисѣ, привезъ сутенъ-шебту письмо отъ атефъ-хентскаго гака Тутмеса, лежавшаго въ своемъ дворцѣ больнымъ. Письмо было приблизительно такого содержанія:

«Сутенъ-шебту Минептѣ-Хотепу, да живетъ онъ вѣчно, незначительный гакъ атефъ-хентскій Тутмесъ, сынъ Аахмесъ-Аммуна, приноситъ свои лучшія пожеланія съ одра болѣзни. Всесильная богиня отвратила свои взоры отъ покорнаго слуги своего и потому простираю руки съ мольбою къ свѣтозарному свѣтилу правосудія и охранителю семейныхъ началъ. Законныхъ сыновей у меня пятеро, изъ которыхъ старшему Рамессу-Хима двадцать первый годъ. Считая его наиболѣе способнымъ заступить мое мѣсто, прошу его святѣйшество утвердить Рамессу-Хима въ правахъ наслѣдства и моимъ преемникомъ, въ случаѣ если меня призоветъ мрачный Сетъ въ свои чертоги. А еще спѣшу довести до свѣдѣнія всемогущаго небъ-нутера дурные слухи, достигшіе моихъ ушей чрезъ достойныхъ вѣры людей. Амъ-хонтскій гакъ Узири-Тассенъ принялъ явно сторону дерзкаго проходимца, который объявляетъ себя внукомъ божественнаго Узири-Рамессу и сыномъ принцессы Меррисъ. Соединясь въ дурныхъ мысляхъ, гакъ отдалъ въ распо-

ряженіе именующаго себя принцемъ Аммунъ-Мезу всѣ войска своего таша и ложный принцъ выступаетъ въ скоромъ времени явнымъ врагомъ его святѣйшества, желая торжественно короноваться въ Ни-Аммунѣ».

Минепта-Хотепъ прочиталъ съ глубокимъ вниманіемъ это письмо своего бывшаго начальника охраны и печально задумался. Онъ, который всю свою жизнь положилъ на дѣло упроченія счастья подданныхъ, онъ, который слишкомъ двадцать пять лѣтъ заботился о нуждахъ и безопасности страны, онъ дожилъ до появленія открытаго мятежа. И кто же во главѣ возстанія? сынъ его любимой сестры, его племянникъ, котораго онъ обучилъ всѣмъ наукамъ въ стѣнахъ менъ-неферскаго храма, обучилъ военному искусству въ рядахъ своей гвардіи и которому хотѣлъ искренно, съ полною охотою, дать возможность достичь высшихъ почестей и важнѣйшихъ должностей.

Но уныніе ненадолго могло овладѣть душою перъ-ао; его энергія и жажда дѣятельности быстро возвратили его къ дѣйствительности. Онъ воспрянулъ духомъ и счелъ своею обязанностью дѣйствовать круто и рѣшительно. Во-первыхъ, онъ исполнилъ желаніе вѣрнаго Тутмеса и немедленно велѣлъ написать указъ, въ которомъ объявлялъ молодаго Рамессу-Хима полноправнымъ наслѣдникомъ своего отца, атефъ-хентскаго гака. Затѣмъ послалъ строгія предписанія гакамъ, владѣнія которыхъ граничили съ Узири-Тассеномъ, принять немедленно всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ подавленію мятежа и высылкѣ Мезу въ Цоанъ. Наконецъ, потребовалъ абъ-перъ-ао къ себѣ.

— Хеперъ-Канъ,—обратился монархъ къ сановнику, когда послѣдній явился, — ты старишься и дѣлаешься непригоднымъ для должности, порученной тебѣ.

— На все воля его святѣйшества, — спокойно возразилъ абъперъ-ао:—за собою я вины не знаю, а потому прошу снять повязку съ моихъ уставшихъ глазъ.

Минепта-Хотепъ подалъ ему письмо гака Тутмеса и велѣлъ прочесть.

— Если посланіе благороднаго Тутмеса,—началъ Хеперъ-Канъ, внимательно прочтя письмо:—вполнѣ справедливо, то оно объясняетъ мнѣ причину молчанія хинензскаго адона. Зная его честность и усердіе, я опасаюсь, что его убили, а посылаемыя имъ при жизни донесенія перехватывались на дорогѣ.

— Какъ ты думаешь, опасенъ этотъ Мезу?—задумчиво спросилъ Минепта.

Хеперъ-Канъ, какъ министръ явной и тайной полиціи, имѣвшій въ своемъ распоряженіи адоновъ, хиръ-питовъ, уровъ и мацаевъ, зналъ много тайнъ, невѣдомыхъ никому, кромѣ развѣ самого сутенъ-шебта Хеми.

— Если кто можетъ быть опасенъ для его святѣйшества, то только Мезу, насколько я понялъ этого смѣлаго и умнаго юношу,—тихо отвѣчалъ Хеперъ-Канъ, какъ бы опасаясь выдать эту оскорбительную тайну:—а особенно, если онъ съумѣетъ расположить къ себѣ ни-аммунскихъ жрецовъ.

— Ты думаешь?—быстро проговорилъ Минепта-Хотепъ и при-

нялся, по привычкѣ, крупными шагами измѣрять свой помѣстительный кабинетъ.

— Слушай, Хеперъ-Канъ! — вдругъ обратился онъ къ министру:—ты давно служишь мнѣ и знаешь, какъ я умѣю бороться съ врагами. Но тутъ... тутъ у меня опускаются руки. Подумай только: вѣдь это братоубійственная война: египтянинъ пойдетъ на египтянина, братъ пойдетъ на брата. Для меня страшно подумать объ этомъ... Я выростилъ, вскормилъ, научилъ всей премудрости этого Мезу, а онъ идетъ теперь противъ меня. За что? что я ему сдѣлалъ? отчего именно ему пришло въ голову быть сутенъ-шебтомъ?

— Я думаю, что онъ изъ сторонниковъ покойнаго принца Сотепъ-Энра. А мнѣ извѣстно, что одинъ изъ менъ-неферскихъ жрецовъ, Мерабъ-Хапу, ничтожный честолюбецъ, зналъ тайну рожденія Мезу и нѣсколько лѣтъ дѣлилъ участь покойнаго принца, скитаясь съ нимъ по всему Патомхиту. Онъ-то, вѣроятно, и натолкнулъ юношу на мысль, что онъ внукъ сутенъ-шебта.

— О, эти жрецы!—съ горечью воскликнулъ Минепта-Хотепъ:—когда только мнѣ удастся уничтожить ихъ тлетворное вліяніе на весь народъ!

— Небъ-нутеръ повѣритъ мнѣ,—серьезно поднялъ голову Хеперъ-Канъ,—что дурно приготовленныя бальзамировщиками тѣла правнуковъ его святѣйшества успѣютъ превратиться въ неосязаемую пыль, а вліяніе жрецовъ не прекратится и народъ по прежнему будетъ подъ ихъ игомъ.

Легкая улыбка скользнула на губахъ монарха.

— Мнѣ кажется, мой добрый Хеперъ-Канъ, что ты сильно ошибаешься.

— Нѣтъ, я не ошибаюсь, потому что увѣренъ въ безполезности благородныхъ усилій «союза шестнадцати». На шестьдесятъ пять слишкомъ милліоновъ египтянъ приходится съ небольшимъ два милліона жрецовъ. Что значатъ въ глазахъ народа какіе-то шестнадцать противъ двухъ милліоновъ?

— Зачѣмъ ты мнѣ говоришь такой вздоръ?— поблѣднѣлъ Минепта.

— Для его святѣйшества нѣтъ ничего выше, какъ истина, вотъ почему я и говорю эти слова. Мнѣ скажутъ, что эти шестнадцать будутъ руководителями. Согласенъ. При удачѣ, за каждымъ пойдетъ тысяча, и тогда будетъ 16,000. Что это составляетъ противъ 2.000,000? А допустимъ, что къ послѣднимъ присоединится какой нибудь Мезу со сбродомъ негодяевъ изъ разныхъ племенъ, и скажетъ, что онъ идетъ защищать унижаемую религію, оскорбляемыхъ служителей алтаря,—развѣ темный народъ не пойдетъ за нимъ?

Блѣдный, сверкая глазами, остановился передъ нимъ сутенъ-шебтъ.

— Хеперъ-Канъ, ты оскорбляешь меня, твоего повелителя!— крикнулъ онъ.

— Какъ ни оскорбительна правда, но мой повелитель обязанъ

ее выслушать отъ своего вѣрноподданнаго, — грустно отвѣчалъ Хеперъ-Канъ.

— Это ужасно!—схватился за голову Минепта-Хотепъ и вдругъ остановился:—Слушай, Хеперъ-Канъ, ты долженъ привести ко мнѣ, во чтобы то ни стало, этого Мезу, а съ жрецами я справлюсь самъ, въ этомъ я увѣренъ.

— То есть, какъ это привести сюда Мезу? — удивился абъ-церъ-ао.

— Какъ хочешь, хитростью, обманомъ, но чтобы онъ былъ у меня здѣсь, въ этомъ кабинетѣ. Я чувствую, что безъ него все это возстаніе разлетится дождевымъ пузыремъ, и тогда мои руки будутъ развязаны для великаго дѣла.

Хеперъ-Канъ долго стоялъ въ глубокой задумчивости среди кабинета.

— Я принимаю на себя эту тяжелую задачу, чтобы исполнить волю сутенъ-шебта, но на счетъ великаго дѣла скажу одно: пройдутъ года и память Минепты-Хотепа будетъ осмѣяна и опозорена неразумными потомками, которые вскорѣ забудутъ о немъ. Но пройдутъ тысячелѣтія—и люди съ почтеніемъ преклонятся передъ памятью мученика за величайшую идею, за идею о единомъ, всемогущемъ богѣ, творцѣ небесъ и земли.

— Ты думаешь, что это такъ будетъ, что потомъ меня поймутъ?

— Что идея о единомъ богѣ восторжествуетъ на землѣ, я въ этомъ не сомнѣваюсь, но вопросъ: когда настанетъ эта высокая минута?

— Когда бы ни было, но она настанетъ!—торжественно подтвердилъ Минепта-Хотепъ:—я спокоенъ теперь. А ты исполни мою волю о Мезу.

Министръ почтительно поклонился и медленно вышелъ изъ кабинета, весь находясь подъ впечатлѣніемъ разговора. Сутенъ-шебтъ, оставшись одинъ, долго шагалъ по кабинету, но наконецъ опустился въ кресло.

— Хеперъ-Канъ думалъ испугать меня, — съ ясною улыбкою проговорилъ онъ:—точно я алчный, корыстолюбивый полководецъ, который хочетъ надѣть побѣдный вѣнокъ непремѣнно на себя. Развѣ я ищу здѣсь свою выгоду, свою личную пользу? Нѣтъ! если мнѣ и не удастся, если я и погибну, можетъ быть, безславно, съ позоромъ, у меня останется сладкое утѣшеніе, что я первый смѣлою рукою бросилъ въ народъ здоровое сѣмя, я первый открыто исповѣдалъ единаго бога среди мрака лжи, обмана и безсмысленнаго многобожія. Какое счастье, когда, спустя много вѣковъ, слова Хеперъ-Кана оправдаются и во мнѣ, Минептѣ-Хотепѣ, почтятъ перваго мученика за единобожіе!

Тихо поднялась портьера и въ кабинетъ вошелъ дежурный офицеръ.

— Что скажешь, Сенеферу?—очнулся отъ мечтаній Минепта-Хотепъ.

— Высокородный адонъ семеръ-уатъ Ранубъ-Намифъ спѣшитъ донести его святѣйшеству, что, согласно докладу аркекскаго мац-

хора Хибъ-Гора, комендантскій помощникъ Хи-Шера самовольно бѣжалъ изъ крѣпости Аркекъ.

— Какъ такъ? куда бѣжалъ? можетъ быть, его убили дерзкіе горцы Хабеша?

— Хи-Шера уѣхалъ на одномъ кораблѣ съ бывшимъ комендантомъ Мезу.

— Хорошо! скажи адону, что мнѣ извѣстно мѣстопребываніе Хи-Шеры.

Офицеръ вышелъ, но черезъ нѣсколько минутъ снова вернулся.

— Мастеръ-строитель богини Нейфъ изъ Са желаетъ припасть къ стопамъ его святѣйшества и молитъ о позволеніи явиться лично.

На лицѣ перъ-ао выразилось неподдѣльное изумленіе. Саисскіе верховные жрецы пользовались въ Хеми огромнымъ почетомъ, смѣшаннымъ со страхомъ за ихъ таинственныя познанія, но Минепта-Хотепъ не придавалъ имъ совершенно никакого значенія и за все свое царствованіе не былъ въ Са ни разу.

— Ввести его согласно церемоніалу, — спохватился онъ наконецъ.

Офицеръ быстро вышелъ. Перъ-ао успѣлъ набросать нѣсколько черновыхъ указовъ, когда въ кабинетъ вошелъ помощникъ гофмейстера, чистокровный египтянинъ Абрахамъ, окруженный четырьмя служителями, и произнесъ:

— Мастеръ-строитель богини Нейфъ изъ священнаго Са, Горъ-Аму!

Служители подняли портьеру и первосвященникъ исполинскаго роста, съ бѣлоснѣжною длинною бородою, энергичнымъ, умнымъ лицомъ, рѣзко оттѣнявшимся черными густыми бровями, со слегка орлинымъ носомъ, въ роскошной златотканной одеждѣ и жреческой коронкѣ, торжественно вступилъ, опираясь на посохъ изъ росоладоннаго дерева, въ кабинетъ монарха. На видъ ему можно было дать, приблизительно, лѣтъ пятьдесятъ.

Горъ-Аму низко наклонилъ свою гордую, красивую голову и проговорилъ:

— Прими, небъ-нутеръ, благословеніе великой матери богини Нейфъ!

— Мнѣ думается, что подданные иначе привѣтствуютъ сутенъ-шебта,—гордо произнесъ задѣтый Минепта-Хотепъ, не склоняясь при имени Нейфъ.

— Еслибы небъ-нутеръ,—отвѣчалъ, не смущаясь, Горъ-Аму:— хотя изъ праздного любопытства, заглянулъ въ Са, то я могъ бы показать ему грамоты великихъ его предшественниковъ, которыми саисскіе мастеры-строители надѣлены многими привилегіями, а въ томъ числѣ избавлены отъ унизительнаго обряда — падать ницъ передъ сутенъ-шебтомъ.

— Благодарю за напоминаніе, но эти льготы необходимо пересмотрѣть.

— По этому поводу я и пріѣхалъ, чтобы переговорить безъ свидѣтелей.

По знаку Минепты-Хотепа, Абрахамъ и служители вышли изъ

кабинета, оставивъ перъ-ао наединѣ съ загадочнымъ первосвященникомъ.

— Небъ-нутеръ, — спокойно и увѣренно началъ Горъ-Аму, опускаясь безъ приглашенія на диванъ: —уже давно саисскіе первосвященники взяли на себя трудъ безпристрастно и правдиво вести лѣтопись событій въ Хеми. Кто возьметъ на себя трудъ прочитать наши свитки, передъ тѣмъ возстанутъ, какъ живые, образы прошлаго нашей родной страны. Это прошлое поучительно и показываетъ намъ, какъ медленно и постепенно развивается Хеми, стремясь, по закону всего земнаго, къ полной погибели и подпаденію власти чужеземца. На меня палъ жребій продолжать лѣтопись послѣ кончины сутенъ-шебта Рамессу-Міамуна и я довелъ ее до смерти принца Сотепъ-Энра. Теперь возникло недоразумѣніе и я явился лично, чтобы рѣшить вопросъ: долженъ ли я отмѣтить тебя, какъ величайшаго монарха послѣ Пехти-Нуба, или же замолчать тебя, какъ жалкаго и презрѣннаго безумца?

— Старикъ, ты забываешься передъ твоимъ властелиномъ,— холодно и по наружности спокойно проговорилъ внимательно слушавшій Минепта.

— Мы всѣ—земля и вернемся въ землю, а потому гнѣвъ твой мнѣ не страшенъ, угрозы твои не внушаютъ опасеній. Если ты кичишься твоимъ происхожденіемъ, то пріѣзжай въ Са и я покажу тебѣ краснорѣчивую лѣтопись: ряды набальзамированныхъ особымъ способомъ верховныхъ жрецовъ, и ты наглядно убѣдишься, что всѣ мы происходимъ отъ старшаго сына Мена, перваго монарха Хеми. Слѣдовательно, нашъ царскій родъ продолжается слишкомъ три тысячи пятьсотъ лѣтъ. А твой? Я могу доказать, что твои предки были пастухами у моихъ предковъ, были рабами.

Минепта-Хотепъ снисходительно усмѣхнулся и поднялъ голову.

— Такъ тебя это тѣшитъ, Горъ-Аму! Мнѣ тоже пріятно, потому что потомки пастуховъ довѣріемъ народа достигли престола, а вы—живые мертвецы... Но ты, вѣроятно, не для этого пріѣхалъ изъ Са, а мнѣ, какъ сутенъ-шебту, время дорого; поэтому поторопись объяснить истинную причину твоего появленія.

— Изволь, небъ-нутеръ! Живой мертвецъ, какъ тебѣ угодно было назвать насъ, прибылъ спросить тебя просто: ты противъ насъ или за насъ?

Двадцать седьмой годъ оканчиваю я царствовать надъ Хеми, не имѣя надобности обращать на Са ни малѣйшаго вниманія; надѣюсь, и конецъ дней пройдетъ безъ того, чтобы Са получилъ въ моихъ глазахъ особое значеніе.

— Безумецъ,—ласково усмѣхнулся Горъ-Аму, точно онъ говорилъ съ ребенкомъ:—какъ сутенъ-шебтъ, ты священная особа для меня, но какъ младшій жрецъ богини Нейфъ, ты подчиненъ мнѣ: я имѣю право привлечь тебя къ отвѣту и наказать.

— Довольно,—строго остановилъ его Минепта-Хотепъ:—я вижу теперь, что потерялъ время на разговоръ съ человѣкомъ, потерявшимъ разсудокъ.

— Погоди волноваться, а объясни мнѣ лучше, почему ты

послалъ Пинехаса въ Гинду, когда могъ совершенно спокойно обратиться за справками ко мнѣ?

— А тебѣ уже извѣстно, куда и зачѣмъ я послалъ моего врача Пинехаса?

— Мнѣ все извѣстно, что̀ дѣлается въ Хеми,—величаво отвѣтилъ Горъ-Аму:—иначе было бы немыслимо писать правдивую, безъ прикрасъ, лѣтопись. Мнѣ извѣстенъ, напримѣръ, весь ходъ возстанія Мезу, и онъ, это дитя по лѣтамъ, умомъ своимъ понялъ, что пренебрегать саисскимъ первосвященникомъ нельзя. Онъ являлся ко мнѣ и просилъ принять свое дѣло подъ мое покровительство.

— А ты и раздобрился, какъ только увидалъ почтеніе отъ мальчишки?

— Нѣтъ, я пріѣхалъ сюда, чтобы серьезно переговорить съ тобою.

— Прекрасно, въ такомъ случаѣ говори ясно, что̀ ты желаешь отъ меня.

— Я желаю отъ тебя слѣдующаго: во-первыхъ, ты торжественно пріѣдешь въ Са и подтвердишь всѣ данныя намъ привилегіи со времени парствованія Бутсау-Нутербаіу; во-вторыхъ, какъ младшій жрецъ богини-матери, ты дашь обѣщаніе привезенные Пинехасомъ догматы единобожія не объявлять народу, а оставить лично для себя; въ третьихъ, ты письменно обяжешься не увеличивать числа членовъ «союза шестнадцати». Вотъ и всѣ условія.

— Если я все это исполню, что̀ мнѣ будетъ отъ васъ, живыхъ мертвецовъ?

— Ты получишь торжественно мое благословеніе, о чемъ, конечно, будутъ извѣщены всѣ первосвященники Хеми, и твое имя будетъ славно.

— Ну, а если я откажусь отъ высказанныхъ тобою условій, тогда что?

— Тогда я пошлю торжественно мое благословеніе Мезу.

— Какъ привыкли вы думать тамъ, въ Са, я не знаю, но вотъ какъ слѣдуетъ думать въ Цоанѣ: Мезу—мятежникъ и всякій, открыто принимающій его сторону, есть также мятежникъ. Поэтому я, какъ сутенъ-шебтъ Хеми, обязанный заботиться о безопасности и спокойствіи государства, считаю долгомъ арестовать тебя и судить, какъ преступника.

Горъ-Аму снисходительно усмѣхнулся, слыша эти гнѣвныя слова. Онъ увѣренно поднялся съ дивана и медленно направился въ сосѣднюю залу, гдѣ когда-то происходило объясненіе принцессы Меррисъ съ Назибугомъ.

— Иди сюда! — повелительно обратился онъ къ Минептѣ-Хотепу.

Заинтересованный сутенъ-шебтъ послѣдовалъ за нимъ. Они вошли въ небольшую залу, посреди которой билъ фонтанъ. Первосвященникъ сдѣлалъ таинственныя движенія руками надъ водою и передъ глазами перъ-ао отразилась точная картина обольщенія принцессы Меррисъ. Минепта упалъ въ обморокъ.

XLI. Видѣніе прошлаго.

Слишкомъ годъ прошелъ послѣ загадочнаго посѣщенія верховнаго жреца Горъ-Аму. Какъ-то опустившійся и осунувшійся Минепта-Хотепъ,—точно онъ перенесъ тяжелую болѣзнь,—никуда не выѣзжалъ изъ Цоана, оставаясь одинокимъ въ обширныхъ комнатахъ своего дворца. Онъ сдѣлался задумчивымъ и грустнымъ, рѣдко показывался народу и иногда Бекенъ-Хоизу заставалъ его тихо расхаживающимъ по кабинету и разговаривающимъ съ самимъ собою. Видя угнетенное состояніе своего монарха, цоанскій первосвященникъ уговорилъ его, хотя съ трудомъ, призвать въ соправители принца Сети-Хепруру и передать ему руководительство по нѣкоторымъ дѣламъ.

А событія шли своимъ чередомъ, не останавливаясь и не задерживаясь. Мастерски обдуманный планъ возстанія искусно приводился смѣлымъ Мезу въ исполненіе и почти весь Паторисъ былъ уже въ его рукахъ; только округъ Тепъ-Ахе (ближайшій къ Менъ-Неферу), Атефъ-Хентъ (гдѣ княжилъ молодой Рамессу-Хима) и Та-Кенсъ (самый южный, на границѣ Та-Хонта) оставались вѣрными Минепта-Хотепу; остальные девятнадцать округовъ признали своимъ властелиномъ Аммуна-Мезу, внука Рамессу-Міамуна.

Убѣдившись въ томъ, что амъ-хонтскій гакъ Узири-Тассенъ, увлеченный своеобразною красотою дочери Хепера, Сахель, искренно перешелъ на сторону общества «Копчикъ въ Абту», Мезу, какъ читатель уже видѣлъ, совершилъ удачную поѣздку въ Ни-Аммунъ. Возвратясь оттуда, онъ, черезъ нѣкоторое время, подъ прикрытіемъ конницы Хепера, отправился въ Са, о которомъ ему совершенно случайно разсказалъ Мерабъ-Хапу. Оцѣнивъ мысленно важность нравственной поддержки служителей богини Нейфъ, Мезу смѣло явился къ Горъ-Аму и попросилъ его благословенія. Своеобразный первосвященникъ велѣлъ ждать, а самъ уѣхалъ въ Цоанъ къ перъ-ао.

Результатъ ихъ странной бесѣды извѣстенъ. Горъ-Аму возвратился въ Са, гдѣ Мезу терпѣливо ожидалъ его, и черезъ нѣсколько дней, среди торжественнаго богослуженія, обратился громогласно къ претенденту:

— Принцъ Аммунъ-Мезу, ты явился почтительно въ храмъ великой богини-матери, чтобы испросить мое благословеніе. Убѣдился я, что задуманное тобою дѣло не нарушаетъ законовъ божескихъ и человѣческихъ, а потому выражаю согласіе на твою просьбу. Слѣдуй теперь за мною.

Мезу, котораго съ этого дня всѣ стали называть Аммунъ-Мезу, послѣдовалъ за первосвященникомъ внутрь храма. Въ изумительномъ по роскоши отдѣлки кабинетѣ Горъ-Аму предложилъ ему тѣ же условія, которыя предлагалъ Минептѣ-Хотепу. Хохотавшій въ душѣ Мезу крайне охотно обѣщалъ верховному жрецу все, чего только тотъ желалъ, и затѣмъ торжественно, передъ всѣмъ наро-

домъ получилъ благословеніе богини-матери. Очевидцами и свидѣтелями этого были гаки: амъ-хонтскій и амъ-пехусскій, прибывшіе вмѣстѣ съ Мезу, а также сепи-эмхитскій, имѣвшій свою резиденцію въ Са. Очень естественно, что благословеніе, торжественно данное мастеромъ-строителемъ богини-матери Нейфъ, сдѣлалось извѣстнымъ повсемѣстно, а этой-то огласки и добивался дипломатичный Мезу.

Возвратясь въ Хи-Нензу, куда была перенесена изъ Сутенъ-Шафа его главная квартира, Мезу отдыхалъ нѣкоторое время, послѣ утомительныхъ поѣздокъ на югъ и сѣверъ, въ объятіяхъ хорошенькой Сахель, сдѣлавшейся третьею законною женою гака Узири-Тассена. Тѣмъ временемъ, многочисленные писцы заготовили огромное количество воззваній, въ которыхъ Аммунъ-Мезу объявлялъ всѣмъ вѣрноподданнымъ египтянамъ, что онъ желаетъ вступить на престолъ своего дѣда Рамессу-Міамуна въ силу утробнаго закона, дерзко попраннаго дядею его Минептою-Хотепомъ, который посягаетъ, кромѣ того, на величайшую святыню народа—на его религію.

Въ назначенный для того день, повинуясь распоряженіямъ царицы Аши и ея сына Пепи-Мерира, въ Хи-Нензу собралось множество либу. Каждый изъ нихъ получилъ пукъ воззваній съ порученіемъ раздать его въ извѣстномъ районѣ Паториса. Неутомимые пѣшеходы, либу добросовѣстно исполнили возложенное на нихъ порученіе, и съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ весь Паторисъ глухо заволновался. Ранка-Шема ни-аммунскій не дремалъ въ свою очередь, и разосланные имъ эмиссары умѣло вооружали народъ противъ царя-еретика, задумавшаго бороться съ самими богами.

Благодаря всѣмъ этимъ приготовленіямъ, походъ Мезу, предпринятый во главѣ свыше десятитысячнаго войска изъ Хи-Нензу въ Ни-Аммунъ, походилъ скорѣе на торжественное шествіе побѣдителя. Зная хорошо, что непреклонный Рамессу-Хима не признаетъ его власти и не пропуститъ мирно чрезъ свой округъ, одинъ изъ богатѣйшихъ и многолюднѣйшихъ, Мезу подъ очень благовиднымъ предлогомъ перебрался черезъ Нилъ на его восточный берегъ и, такимъ образомъ, обошелъ враждебный ему округъ, не нарушая праздничнаго настроенія сопровождающихъ его и встрѣчавшихъ.

Усскій гакъ Сепехтъ-Энра, находившійся всецѣло подъ вліяніемъ Ранка-Шема, встрѣтилъ претендента на границѣ своего округа съ почетомъ и сопровождалъ до самаго Ни-Аммуна, гдѣ долженствовало состояться коронованіе Аммунъ-Мезу. Потрясенная до глубины души неожиданнымъ блестящимъ успѣхомъ, котораго она тщетно ожидала при двухъ первыхъ мужьяхъ, Аша не выдержала волновавшихъ ее ощущеній и слегла. Болѣзнь ея остановила, конечно, всѣ празднества и лучшіе врачи «божественной» столицы явились оказывать ей медицинскую помощь; однако, всѣ усилія ихъ были тщетны и черезъ недѣлю царица Аша тихо угасла, шепча:

— Я добилась своего, я теперь царица Хеми! Да, я царица, царица!

Разсчетливый и безсердечный Мезу былъ въ высшей степени доволенъ, что избавился отъ надоѣдавшей ему старухи-жены. Зная ея огромное вліяніе на либу, онъ никогда не выказывалъ ей своихъ настоящихъ чувствъ и Аша умерла, увѣренная, что извѣдавшій впервые любовь въ ея объятіяхъ Мезу старался достичь короны исключительно для нея. Въ своемъ завѣщаніи она приказывала либу любить и повиноваться Мезу.

Послѣ пышнаго погребенія, состоявшагося по обрядамъ либу, Мезу посватался къ дочери Ранка-Шема, граціозной красавицѣ Нехебъ. Верховный жрецъ сначала не хотѣлъ, говоря, что выдастъ дочь только за монарха или оставитъ ее въ дѣвушкахъ, но Мезу категорично заявилъ ему, что только свою жену онъ согласится вѣнчать царицею; если же онъ получитъ ее послѣ коронованія, то она будетъ только женою перъ-ао. Этотъ доводъ сломилъ упорство честолюбиваго первосвященника и, къ величайшей радости Нехебъ, успѣвшей влюбиться въ Мезу, онъ уступилъ. Самъ отецъ совершилъ обрядъ вѣнчанія своей дочери, а затѣмъ немедленно разосланы были приглашенія гакамъ Патириса прибыть въ Ни-Аммунъ, чтобы присутствовать при коронованіи. Торжественное возложеніе бѣлаго вѣнца «южнаго царства» на Аммунъ-Мезу и Нехебъ состоялось при громадномъ стеченіи народа и заключилось рядомъ блестящихъ пиршествъ. Сынъ принцессы Меррисъ добился своего и сѣлъ на южномъ престолѣ.

Пока Аммунъ-Мезу шелъ неуклонно къ намѣченной цѣли, абъ-перъ-ао Хеперъ-Канъ также не дремалъ Получивъ странное, чтобы не сказать болѣе, порученіе своего повелителя относительно доставки въ кабинетъ перъ-ао бывшаго гвардейскаго офицера, онъ не на шутку задумался надъ этимъ. Однако, это не помѣшало ему принять общія мѣры по случаю мятежа и сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія. Секретнымъ предписаніемъ полицейскимъ адонамъ онъ внушилъ, во избѣжаніе насилія, подчиниться обстоятельствамъ и втайнѣ извѣщать его о томъ, что дѣлается во ввѣренныхъ имъ округахъ; къ тому же онъ обязалъ всѣхъ уровъ и мацаевъ. Этимъ Хеперъ-Канъ избѣгалъ кровопролитія.

Вскорѣ затѣмъ, министръ обратился съ оригинальною просьбою къ начальнику гвардіи, принцу Мерирѣ, одолжить ему на время расторопнаго, смѣлаго и преданнаго офицера или солдата. Выборъ палъ на молодаго Рудамона, благороднаго египтянина, сына очень уважаемаго зодчаго, и Рудамонъ исчезъ.

Черезъ недѣлю, у іоанской пристани появилось торговое судно, на которомъ палуба была завалена тюками съ товарами; однако владѣлецъ судна ничего не продавалъ, объявивъ, что весь товаръ уже запроданъ въ Тебъ, расположенный на Нилѣ выше Ни-Аммуна и составлявшій столицу хесепа Тесъ-Горъ. Дѣйствительно, дня черезъ два, распустивъ при попутномъ вѣтрѣ паруса, торговое судно двинулось вверхъ по рукаву Хонтъ и вскорѣ о немъ позабыли.

То на парусахъ, то на веслахъ, смотря по обстоятельствамъ, судно довольно быстро подвигалось на югъ. Внимательный наблю-

датель былъ бы удивленъ дисциплиною, господствовавшею на немъ, и обиліемъ оружія, скрытаго въ каютѣ, но случайные зрители ничего не замѣчали, а поэтому судно не возбуждало ни въ комъ подозрѣнія. Послѣ болѣе продолжительной остановки въ Саутѣ, столицѣ гака Рамессу-Хима, владѣлецъ судна, который былъ никто иной, какъ гвардейскій офицеръ Рудамонъ, направился дальше вверхъ по Нилу и прибылъ въ Ни-Аммунъ за недѣлю до коронаціи.

Немедленно по прибытіи въ шумный и веселый городъ, Рудамонъ явился къ полицейскому адону и объяснилъ ему цѣль своего прибытія; тотъ ахнулъ отъ удивленія, но охотно взялся помогать, когда ему передали письмо Хеперъ-Кана. Самъ уроженецъ юга, Рудамонъ смѣло явился съ товарами къ новобрачнымъ во дворецъ, расположеніе котораго ему было лучше извѣстно, чѣмъ Мезу, и продалъ имъ нѣсколько изящныхъ бездѣлушекъ, таланта на три. Нехебъ набросилась, конечно, на изысканныя косметики и весело болтала съ почтительнымъ и словоохотливымъ купцомъ, который особенно предлагалъ ароматическія курильницы.

Въ эту же ночь Рудамонъ, въ сопровожденіи шести сильныхъ мацаевъ, прокрался черезъ садъ во дворецъ и одному ему извѣстными ходами проникъ въ опочивальню нововѣнчаннаго сутена (т. е. царя). Быстрый взглядъ на роскошную постель, гдѣ безмятежно спали Мезу и Нехебъ, убѣдилъ его, что проданные имъ ароматы сдѣлали свое дѣло и въ достаточной степени одурманили спящихъ. Тогда онъ сталъ распоряжаться быстро и безшумно. Мезу сняли съ кровати, завернули въ два плаща, и мацаи тихо унесли сутена изъ дворца на купеческое судно. Оставшись одинъ, смѣлый Рудамонъ долго любовался спящею Нехебъ и, увѣренный въ безнаказанности, воспользовался ея беззащитнымъ положеніемъ.

Не позднѣе, какъ черезъ часъ, судно снялось съ якоря, осторожно выбралось на просторъ многоводнаго Нила и стрѣлою понеслось на сѣверъ съ дорогою добычею. Когда Нехебъ проснулась довольно поздно, первое, что ей бросилось въ глаза, была письменная досчечка на изящномъ кругломъ столикѣ; Мезу извѣщалъ свою госпожу, что по экстреннымъ дѣламъ онъ уѣхалъ на нѣсколько дней и поручаетъ ей заступать его особу во всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ это потребуется. Хорошенькая царица надула губки, поплакала, но должна была смириться.

На шестой день къ вечеру, торговое судно Рудамона спокойно подплыло къ ноанской пристани и бросило якорь. Когда столица утихла отъ обычнаго шума, а луна еще медлила подняться на чистомъ голубомъ небосклонѣ, гвардейскій офицеръ явился неожиданно къ Хеперъ-Кану съ докладомъ, что опасное, сумасбродное порученіе исполнено въ точности и Аммунъ-Мезу привезенъ имъ въ сохранности.

На слѣдующее утро, Минепта-Хотепъ сидѣлъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ и задумчиво читалъ донесеніе ни-аммунскаго адона о торжественномъ вступленіи Мезу и Аши въ южную столицу, и горькія думы мѣшали ему понимать читаемое. Онъ, посвятившій всю свою жизнь для блага народа, не щадившій для этого здо-

ровья и силъ, онъ чувствовалъ, что народъ этотъ съ легкомыслiемъ отвернулся отъ него, пошелъ за новымъ вожакомъ и, осыпая укоризнами маститаго вѣнценосца, ставилъ ему въ упрекъ одно намѣреніе совершить одно изъ величайшихъ проявленій человѣческаго ума.

Тихо зашелестила портьера и у входа показался веселый Хеперъ-Канъ.

— Угодно его святѣйшеству предложить нѣсколько вопросовъ бѣглому гвардейскому офицеру Мезу, виновному въ убійствѣ стражниковъ форпоста Натхо?

— Ахъ, это ты, Хеперъ-Канъ!—очнулся перъ-ао: — что такое ты сказалъ?

Едва министръ повторилъ свои слова, Минепта-Хотепъ вскочилъ разомъ.

— У меня было до сорока братьевъ, но ни одинъ, кромѣ Хамуса, не оказывалъ мнѣ услуги, подобной твоей. Вели ввести сюда этого... арестанта.

По знаку Хеперъ Кана, Рудамонъ съ дежурнымъ гвардейскимъ офицеромъ внесли въ кабинетъ связаннаго Мезу и почтительно удалились, положивъ его на диванъ, согласно молчаливому указанію перъ-ао. Послѣдній подошелъ спокойно къ плѣннику и отдернулъ капюшонъ, покрывавшій лицо.

Мезу, увидя неожиданно передъ собою характерное, трудно забываемое лицо Минепты-Хотепа, почувствовалъ невольный страхъ: онъ понялъ, что пробилъ послѣдній часъ его свободы, а, можетъ быть, и жизни; онъ понялъ, что оскорбленный монархъ не проститъ его преступнаго возстанія, и вздохъ сожалѣнія вырвался изъ его полу-обнаженной груди, когда онъ припомнилъ свои молодые годы, красавицу-жену, блескъ короны, упоеніе власти...

Взоры ихъ встрѣтились; одинъ, подавивъ порывъ малодушія, съ царственнымъ величіемъ ожидалъ роковаго приговора; другой— съ жадностью, казалось, изучалъ черты лица юноши, живаго портрета принцессы Меррисъ.

— Хеперъ-Канъ, оставь насъ наединѣ; я долженъ предложить ему нѣсколько вопросовъ, которыхъ ничьи уши въ мірѣ не должны подслушать.

Абъ-перъ-ао почтительно поклонился и вышелъ, тихо проговоривъ:

— Я буду ожидать распоряженій его святѣйшества въ дежурной комнатѣ.

— Мезу,—заговорилъ тихо Минепта-Хотепъ, когда онъ остался вдвоемъ съ плѣнникомъ: — кто назвалъ тебѣ первый имя твоей матери?

— Твой братъ Сотенъ-Энра,—послѣ нѣкотораго молчанія, отвѣчалъ Мезу.

— Извѣстно ли тебѣ имя... твоего отца?—послѣдовалъ новый вопросъ.

— Для утробнаго закона довольно того, что я внукъ сутенъ-шебта Рамессу II, а разъ отецъ мой трусливо скрылъ свое имя, я не желаю вовсе знать его.

Задумчиво выслушалъ этотъ гордый, безсердечный отвѣтъ перъ-ао; нѣсколько мгновеній онъ простоялъ въ видимой нерѣшимости, но наконецъ преодолѣлъ себя, быстро подошелъ къ связанному и сорвалъ плащъ съ лѣваго плеча.

— Ты знаешь ли, что обозначаетъ это родимое пятно на твоемъ плечѣ?

— Суевѣрные жители Паториса говорятъ, что оно приноситъ мнѣ счастье.

— Оно показываетъ, что ты... мой сынъ,—и Минепта-Хотепъ безъ чувствъ упалъ къ ногамъ связаннаго плѣнника.

Послѣ этого роковаго признанія, въ кабинетѣ воцарилось молчаніе.

— Бѣдный старикъ!—съ легкимъ вздохомъ проговорилъ вполголоса Мезу: — мнѣ искренно жаль его! Я его сынъ, плоть отъ его плоти, и я погубилъ себя, отравилъ его жизнь, разрушилъ, быть можетъ, полезное дѣло его. Надо сознаться, что наши жрецы въ сущности обманщики и мой отецъ... мой отецъ, — повторилъ онъ вдумчиво:—онъ хотѣлъ сорвать съ нихъ маску. Я поднялъ оружіе противъ отца... причемъ тутъ теперь утробный законъ?.. Но отчего онъ молчалъ до сихъ поръ, отчего раньше не сказалъ мнѣ этого?..

И недавній соперникъ отца погрузился въ размышленія, забывая и о молодой женѣ, и о пріобрѣтенной «бѣлой» коронѣ, и объ обаяніи царской власти.

Тихо скрипнула потаенная дверь въ глубинѣ кабинета, и изъ темнаго коридора вошелъ мужчина въ непривычномъ для египтянина нарядѣ: бѣлая чалма изъ тонкой кашмирской ткани, расшитая куртка безъ рукавовъ, полупрозрачная сорочка, шаровары и кожаная обувь; изъ-подъ тюрбана выбивались черныя кудри, еще рѣзче оттѣнявшія блѣдность впалаго лица со вдохновеннымъ выраженіемъ и фосфорически сверкающими глазами.

Насколько позволяли веревки, Мезу перегнулся, лежа на диванѣ, и съ удивленіемъ вглядывался въ страннаго посѣтителя. Вдругъ онъ просіялъ.

— Пинехасъ, товарищъ дѣтства! ты ли это? Помоги скорѣе отцу!

Спокойно, безъ торопливости, Пинехасъ взялъ по дорогѣ со стола охотничій ножъ, подошелъ къ Мезу и быстрымъ взмахомъ разрѣзалъ его веревки.

— Теперь помоги мнѣ привести въ чувство твоего отца,— проговорилъ онъ.

Мезу чисто механически потянулся, расправилъ свои немного затекшіе члены и торопливо бросился помогать своему молочному брату. Вдвоемъ они подняли Минепту-Хотепа, посадили на диванъ, и Пинехасъ поднесъ къ его носу хрустальный флаконъ, который вынулъ изъ-за широкаго пояса.

Перъ-ао открылъ глаза. Блуждающій взглядъ его остановился на величавой фигурѣ Пинехаса съ какимъ-то недоумѣніемъ, но затѣмъ быстро прояснился.

— Пинехасъ, дитя мое, ты вернулся ко мнѣ!—воскликнулъ онъ и,

порывисто поднявшись, обнялъ его, склонился на его плечо и зарыдалъ; ослабѣвшіе нервы не выдержали и первый разъ въ жизни слезы брызнули изъ его глазъ.

— Успокой сердце твое,—ласково проговорилъ Пинехасъ, поддерживая перъ-ао.

— Ты вернулся ко мнѣ, — поднялъ голову Минепта-Хотепъ, когда порывъ миновалъ: — но ты не знаешь, что я перенесъ въ твое отсутствіе!

— Я все знаю,—съ удареніемъ отвѣтилъ Пинехасъ: — и тебѣ нѣтъ надобности утруждать себя разсказомъ. Оглянись лучше: твой сынъ и племянникъ ожидаетъ рѣшенія своей судьбы изъ твоихъ устъ. А нашу бесѣду отложимъ.

Перъ-ао повернулся къ Мезу и долго смотрѣлъ на его умное, красивое лицо, на которомъ выражалось теперь смущеніе, недоумѣніе, но не страхъ. Не выдержавъ пристальнаго взора, злополучный сынъ опустился къ ногамъ отца.

— Можешь ли ты мнѣ простить все то зло, которое я сдѣлалъ тебѣ по необдуманности и невѣдѣнію?—покорно проговорилъ онъ тихимъ голосомъ.

Вмѣсто отвѣта, Минепта-Хотепъ хлопнулъ сильно въ ладони. Черезъ минуту явился Хеперъ-Канъ, сильно удивленный присутствіемъ Пинехаса.

— Абъ-перъ-ао,—торжественно обратился къ нему монархъ:— этотъ молодой человѣкъ безусловно свободенъ. Я отпускаю его совершенно. Я сказалъ!

Вся фигура Хеперъ-Кана выразила невольно вопросительный знакъ. Его старанія и труды погибали безвозвратно по непонятной причинѣ. Сколько хлопотъ и заботъ было потрачено безполезно, а люди рисковали жизнью.

— Воля его святѣйшества для меня законъ,—проговорилъ наконецъ Хеперъ-Канъ, — но всѣ такъ старались, подвергали свою жизнь опасности...

— Обиженъ никто не будетъ,—торопливо перебилъ его перъ-ао:—повелѣваю немедленно изготовить для моей подписи указы: тебѣ, Хеперъ-Канъ, жалую достоинство ха, Рудамону—золотую цѣпь третьяго разряда; мацаямъ, которые ѣздили съ нимъ, по минѣ серебра каждому. А теперь уходите.

Хеперъ-Канъ и Мезу вышли, а перъ-ао быстро обратился къ Пинехасу:

— Ты не осуждаешь меня за слабость?—спросилъ онъ:—ты повѣришь, что у меня не хватило духу произнести смертный приговоръ несчастному сыну? Онъ разстроилъ лучшее дѣло, которое я задумалъ, но лично я не больше ли его виноватъ, что соблазнился сестрою, когда она, голая, вошла въ ту комнатку храма Би-Небъ-Дада, гдѣ я расположился на отдыхъ?

— На все воля всемогущаго создателя нашего, — отвѣчалъ Пинехасъ:—важнѣйшее предпріятіе твоей жизни разрушено безвозвратно, благодаря непростительному легкомыслію твоей молодости. На долгіе вѣка теперь приходится отложить мысль, чтобы проповѣдовать въ Хеми единаго бога.

— Ты думаешь? да, правда, жрецы встрепенулись уже и борьба была бы страшная, полились бы потоки крови и, вмѣсто любви, наши слова возбудили бы только ненависть... А какъ тяжело сознавать это! Помню, я велъ объ этомъ бесѣду съ Хамусомъ; намъ казалось это легко, мы думали мирно распроститься съ этимъ обиліемъ боговъ, но на дѣлѣ вышло не то!

— Да, не встрѣться ты, примѣрный и любящій мужъ, изъ убѣжденія отказавшійся отъ многоженства, съ красавицею-сестрою въ этомъ вертепѣ разврата, называемомъ храмомъ бога Би-Небъ-Дада, иначе пришлось бы писать исторію Хеми, а, можетъ быть, и всего извѣстнаго намъ міра...

— Твоя правда! Мнѣ стыдно самого себя: вѣдь эти видѣнія прошлаго будутъ неотступно стоять теперь передъ моими глазами... Знаешь, что? — вдругъ спросилъ Минепта-Хотепъ, подойдя близко къ Пинехасу и понижая голосъ.

— Угадываю,—слабо улыбнулся тотъ: — сохранимъ хоть себя для истины.

Въ это время вошелъ старшій муръ съ указами для подписи. Перъ-ао твердою рукою взялъ указы, просмотрѣлъ ихъ и подписалъ по очереди.

— Немедленно написать указъ о назначеніи хиръ-сешты Пинехаса верховнымъ жрецомъ храма въ Пи-Мазесѣ, созданномъ волею моего отца.

Черезъ пять минутъ, указъ былъ готовъ и подписанъ. Старшій муръ удалился съ поклономъ, а Минепта-Хотепъ сѣлъ къ столу и написалъ:

«Сынъ мой и соправитель, принцъ Сети-Хепрура! По обстоятельствамъ особой важности, я, сутенъ-шебтъ Хеми, Минепта-Хотепъ-Хима, нахожу необходимымъ удалиться на нѣкоторое время изъ Пи-Рамессу. На время моего отсутствія поручаю тебѣ, какъ совершеннолѣтнему, заступать мое мѣсто вездѣ и во всемъ. Если по истеченіи пятнадцати дней я не вернусь, то уполномочиваю тебя возложить на свою голову корону нашихъ предковъ и поступать во всемъ, какъ подобаетъ сутенъ-шебту. Писано въ 10-й день мѣсяца хоакъ тридцатаго года моего царствованія. Твой доброжелательный отецъ, сутенъ-шебтъ Минепта-Хотепъ-Хима».

— Итакъ,—грустно, глядя на старца, проговорилъ Пинехасъ:— форменное отреченіе отъ короны и отъ власти! Куда же теперь идти?

— Ты забылъ свое назначеніе верховнымъ жрецомъ! Ѣдемъ теперь въ Пи-Мазесъ. Тамъ, вдали отъ свѣта и людей, я буду въ молитвѣ искупать свой проступокъ, тамъ у насъ будетъ созданъ храмъ единому богу!

Часа черезъ два, большое судно, на которомъ ѣздилъ Рудамонъ, медленно поплыло вверхъ по Нилу. Минепта-Хотепъ покинулъ свою столицу навсегда.

Эпилогъ.

Двадцать пять лѣтъ прошло послѣ описанныхъ нами событій.

Принцъ Сети-Хепрура, бывшій два года соправителемъ своего отца, продолжалъ управлять государствомъ и безъ него, въ продолженіе двадцати двухъ лѣтъ. Лѣтописи его царствованія, представляющія изъ себя копіи съ лѣтописи саисскихъ жрецовъ, показываютъ, что верховный жрецъ Горъ-Аму исполнилъ свою угрозу. Онъ замолчалъ событія царствованія Минепты-Хотепа такъ искусно, что читатель совершенно забываетъ про него, а затѣмъ остается въ недоумѣніи, когда и какъ сошелъ съ исторической сцены маститый монархъ долины Нила. Въ этомъ передергиваніи фактовъ саисскимъ жрецамъ много помогли событія, волновавшія Хеми. Аммунъ-Мезу, послѣ сцены, происшедшей въ цоанскомъ дворцѣ, значительно измѣнился. Обладая большимъ умомъ, онъ понялъ всю нелѣпость своего возстанія противъ роднаго отца наканунѣ событія, которое могло измѣнить всю будущность страны; онъ сознадъ весь вредъ, наносимый алчными и властолюбивыми жрецами, но бороться противъ этого онъ не имѣлъ достаточно силы, а потому махнулъ на все рукою. Благодаря его внезапному охлажденію, Сети-Хепрура, громогласно высказавшій себя поборникомъ и защитникомъ государственной религіи, очень легко поссорилъ съ нимъ Ранка-Шема ни-аммунскаго.

Лишившись поддержки тестя и озлобленный своимъ братомъ Сети-Хепрурою, Аммунъ-Мезу, съ женою Нехебъ и своими приверженцами, покинулъ «божественную» столицу и перенесъ свою резиденцію въ Хи-Нензу. Здѣсь, на границѣ степей, кочевое населеніе которой признавало его власть, онъ двадцать шесть лѣтъ отражалъ всѣ нападенія Сети-Хепруры, прошедшаго во главѣ арміи изъ Цоана до Ни-Аммуна, и до самой смерти владѣлъ хесепами Амъ-Хонтъ, Амъ-Пеху и Усебъ. Сынъ его отъ Нехебъ, Минепта-Сипта, еще пять лѣтъ былъ независимымъ владѣтелемъ, но погибъ въ сраженіи, убитый новымъ сутенъ-шебтомъ Сетнахтъ-Міамуномъ, сыномъ Сети-Хепруры. Среди этихъ кровавыхъ треволненій, народъ легко забылъ безъ вѣсти пропавшаго Минепту-Хотепа и даже не интересовался узнать, что̀ сталось съ когда-то любимымъ монархомъ. А между тѣмъ, побѣдитель при Пи-Аршопѣ мирно доживалъ свои дни на далекомъ югѣ, въ Та-Хонтѣ.

Поднимаясь вверхъ по Нилу за предѣлами Хеми, путешественникъ той эпохи встрѣчалъ множество подводныхъ камней, опасныхъ при мелководьѣ. Еще южнѣе встрѣчались хорошо обработанные островки, тогда какъ берега съ обѣихъ сторонъ были почти пустынны,—и вдругъ на западномъ берегу Нила передъ изумленнымъ путникомъ появлялась величавая гигантская фигура Рамессу-Міамуна, съ двойною короною «пшентъ» на головѣ.

Въ этомъ мѣстѣ и находился тотъ дивный храмъ, изсѣченный въ скалахъ, передъ ничтожными остатками котораго нынѣшніе уче-

ные останавливаются въ нѣмомъ восторгѣ. Въ настоящее время, возлѣ развалинъ храма пріютилась арабская деревушка Абу-Симбель, или Ибсамбулъ, почему и самый храмъ Рамессу II называется египтологами—ибсамбульскимъ. Оба храма, словно выступающіе изъ скалистыхъ отроговъ, какъ бы прикрыты со стороны рѣки колоссальными статуями царя-героя и его семейства. Надо представить себѣ эту мѣстность съ храмами въ описываемую нами эпоху, когда котловина горы была свободна отъ песку и представляла съ трехъ сторонъ отвѣсныя скалы. Доступъ въ котловину былъ только со стороны многоводнаго Нила, на берегу котораго до настоящаго времени сохранились остатки лѣстницы, ведущей на высокую площадку, украшенную сфинксами. Когда путникъ достигалъ верхней ступени, то передъ нимъ появлялся съ южной стороны величественный храмъ Пи-Мазесъ. Вся скала имѣетъ въ высоту 270 фут.; фасадъ большаго храма имѣетъ 100 фут. высоты и 115 фут. ширины. Весь фасадъ наклоненъ нѣсколько внутрь и общая фигура его съуживается къ верху, напоминая конструкцію пилона. Вышина статуи (въ сидячемъ положеніи) $62^{2}/_{3}$ фута. Не смотря на строгій стиль, въ которомъ выведены всѣ фигуры, художникъ съумѣлъ придать имъ замѣчательную жизненность.

Здѣсь, передъ этимъ созданіемъ рукъ человѣческихъ, мыслитель нашего времени начинаетъ чувствовать величіе старины въ проявленіи ея гигантской силы. Работа эта создана не по глубокомысленному разсчету пользы, приносимой ею,—нѣтъ, въ основаніи ея лежала религіозная мысль о поклоненіи «Гору обоихъ горизонтовъ» и о созданіи храма, достойнаго идеи божества, которому эта сѣдая старина посвящала свой трудъ.

Созданный по идеѣ «царскаго сына» Аммуна-Эмапи, храмъ Гора, въ началѣ царствованія Сетнахтъ-Міамуна, имѣлъ верховнымъ жрецомъ Пинехаса, совершенно забытаго центральнымъ правительствомъ. Суровый по внѣшности, но кроткій и полный любви къ ближнему, сынъ Эліезера и Анхнесъ скоро сдѣлался идоломъ окрестнаго населенія, видѣвшаго въ немъ ласковаго отца и покровителя въ минуты несчастья. Величавая фигура его внушала почтеніе, и жители городка Пи-Рамессу (южнаго), расположеннаго у подножія скалы, съ гордостью называли себя его «дѣтьми». Съ нимъ жилъ, кромѣ обычной братіи жрецовъ, таинственный старикъ, никогда не показывавшійся народу. Только звѣзды, блещущія съ высоты темноголубаго неба, бывали свидѣтелями его тихихъ бесѣдъ съ Пинехасомъ на крышѣ одной изъ самыхъ высокихъ башенъ храма. Этотъ невѣдомый никому старецъ былъ сутенъ-шебтъ Минепта-Хотепъ, отказавшійся отъ власти, чтобы въ тиши скалистаго храма вымолить у единаго Бога прощеніе за легкомысленный проступокъ своей молодости. Страсти заснули у девяностолѣтняго старца; жажда творческой дѣятельности угасла, онъ сознаетъ свое безсиліе бороться съ людьми, не подготовленными къ воспринятію высокой истины, и теперь мирно и тихо доживаетъ свой вѣкъ.

Въ одну изъ тѣхъ чудныхъ ночей, которыя мыслимы только подъ тропиками, мы застаемъ обоихъ героевъ на ихъ любимой

вышкѣ. Минепта-Хотепъ лежалъ на толстомъ коврѣ, любуясь звѣзднымъ небомъ, а Пинехасъ сидѣлъ возлѣ него, полный задумчивости. Они вели тихую бесѣду между собою.

— Послушай, Пинехасъ, я примирился съ прошлымъ, — говорилъ Минепта:—горечь минувшихъ дней покинула меня. Я сознаЛъ свое безсиліе совершить великій подвигъ, но на меня нападаетъ раздумье и мнѣ страшно.

— Что же можетъ пугать тебя въ настоящее время, скажи мнѣ?

— Мнѣ хотѣлось бы приподнять завѣсу будущаго, хотѣлось бы получить отвѣтъ на неотступно стоящую передо мною мысль... Долго ли люди будутъ такъ ослѣплены, что не поймутъ единаго Бога?

— Долго ли?—повторилъ Пинехасъ: — да, очень долго, болѣе тысячи лѣтъ пройдетъ, пока появится смѣлый проповѣдникъ, который увлечетъ за собою весь міръ и запечатлѣетъ своею смертью истину своихъ словъ.

— Да, ты увѣренъ въ этомъ? ты съумѣлъ заглянуть въ будущее? И кто же этотъ божественный учитель, этотъ отважный проповѣдникъ великаго единаго Бога, который не побоится смерти за истину и правду?

— Его имени я не знаю, но онъ долженъ явиться, чтобы обновить жизнь всего человѣчества,—задумчиво отвѣтилъ верховный жрецъ.

Вѣнценосный старецъ радостно вздохнулъ и... заснулъ навѣки.

Конецъ.

А. Быковъ.

СОНЪ.

Волшебный, чудный сонъ... Богатые чертоги,
Въ нихъ мраморныхъ колоннъ вздымающійся лѣсъ...
То люди на землѣ ликуютъ, словно боги,
Похитивъ счастье у небесъ.
Гремятъ раскаты трубъ, поютъ смычковъ удары,
Сіяетъ пышный залъ потоками огня
И вьются предо мной въ блестящемъ вихрѣ пары,
Въ свой танецъ бѣшеный маня
Чредуются цвѣта, смѣняются наряды,
Алмазы робкій взглядъ слѣпятъ и жгутъ игрой,
Здѣсь смертныхъ женщинъ нѣтъ,—здѣсь феи и наяды
Сплелись въ одинъ прелестный рой.
Какъ безпечаленъ смѣхъ, какъ мелодичны рѣчи,
Въ ихъ музыкѣ сокрытъ любви и страсти звукъ,
Зовутъ на ложе нѣгъ бѣлѣе снѣга плечи
И нагота лилейныхъ рукъ.
И вотъ—бѣднякъ-поэтъ въ чудесномъ царствѣ этомъ!..
Не знаю, не пойму, зачѣмъ стою я здѣсь,
Навѣки связанный святой борьбы обѣтомъ,
Себя другимъ отдавшій весь.
Я, пѣвшій съ юности про равенство и братство,
Лишь вѣрой въ лучшій день, какъ золотомъ, богатъ,
Здѣсь, клятвамъ измѣнивъ, свершаю святотатство—
Ужь не боецъ, а регенатъ.
Я въ станѣ у враговъ, я въ праздничной одеждѣ,
Забывшій о нуждѣ, не знающій тоски?!
И сотни грубыхъ рукъ, съ довѣріемъ, какъ прежде,
Ужь не пожмутъ моей руки.
О, я противенъ имъ и гадокъ, какъ Іуда...
Я продалъ честь свою, какъ продалъ онъ Христа...
Долой мишурный блескъ... скорѣе прочь отсюда,
Туда, гдѣ мракъ и нищета.

И я бѣгу... бѣгу, бросая домъ богатый,
Съ проклятьемъ на устахъ, потупивъ долу взоръ,
Стыдомъ раскаянья, какъ пламенемъ, объятый,
Стремясь на волю и просторъ.
Миную комнатъ рядъ, спускаюся съ веранды...
Передо мною паркъ огромный и густой,
Гдѣ флаговъ и цвѣтовъ узорныя гирлянды
Съ природой спорятъ красотой.
Но я спѣшу уйти въ густую чащу сада...
Я, наконецъ, одинъ... какъ сладко я вздохнулъ...
Мнѣ свѣтитъ лишь луна, вокругъ меня прохлада.
А торжества чуть слышенъ гулъ.
Я прихожу въ себя, лелѣемъ тишиною
И жажду отдохнуть... Но чей-то легкій смѣхъ
Звенитъ въ тѣни кустовъ... и вдругъ передо мною
Опять стоитъ одна изъ *тѣхъ*...
Да, вновь одна изъ тѣхъ богинь-красавицъ властныхъ,
Что въ замкѣ видѣлъ я... какъ хороша она,
Вся прелесть, вся полна соблазновъ сладострастныхъ,
Свѣтла, какъ грёза, какъ весна.
И слышу голосъ я чарующій и нѣжный:
«Ты видишь, я сама, мой другъ, пришла къ тебѣ...
Я подарить могу огонь любви мятежный,
Со мной забудешь о борьбѣ.
Тамъ грязь и потъ... тутъ я съ моей улыбкой,
Ужель ты не поймешь—гдѣ жизни идеалъ?..»
..И тонкій станъ ея, віясь змѣею гибкой,
Въ моихъ рукахъ затрепеталъ.
И пробудился я, еще горя лобзаньемъ...
Волшебный, чудный сонъ... О, нѣтъ! позорный сонъ...
Какъ онъ терзалъ меня, какъ счастливъ я сознаньемъ,
Что наяву немыслимъ онъ.

Левъ Медвѣдевъ.

КАВКАЗСКІЯ ПРЕДАНІЯ И ЛЕГЕНДЫ.

НОЧИ ТАМАРЫ.

I.

Охота.

Вѣковыя громады скалъ столпились въ Дарьяльскомъ ущельѣ, грозно нависнувъ надъ шумящимъ бурливымъ потокомъ; довольно широкая Джераховская долина въ этомъ мѣстѣ съуживается и образуетъ сжатый проходъ, на днѣ котораго въ полутьмѣ, между отвѣсныхъ каменныхъ великановъ, пѣнится и клубится Терекъ въ безсильной и яростной злобѣ на недостатокъ простора. Онъ кидается на встрѣчные камни, обдаетъ ихъ пѣной и брызгами, и катится дальше, торопясь и шумя, волнуясь въ дикомъ стремительномъ бѣгѣ. А вверху—тишина; видимый черезъ ущелье, маленькій клочокъ весенняго неба, мягкаго голубаго цвѣта, странно перемѣшивается съ сѣрыми мрачными тонами скалъ, какъ бы сдвинувшихся для какого-то грознаго совѣщанія. Но вверху все тихо и спокойно, а внизу—шумъ, гулъ, ревъ, хаосъ... Изрѣдка пролетитъ по ущелью розовый скворецъ или хохлатый удодъ и, испугавшись этого адскаго шума, исчезнетъ въ какой нибудь расщелинѣ, чтобы, вновь показавшись оттуда, навсегда покинуть непривѣтное мѣсто. Только царь пернатаго міра—могучій орелъ не боится могучаго Терека: мощь его сродни мощи бурной рѣки: онъ и гнѣздо свое свилъ на скалистыхъ вершинахъ узкаго прохода и, вылетѣвъ оттуда, зачертивъ на

фонѣ голубаго неба, онъ неподвижно, на мгновеніе, застынетъ въ воздухѣ, наслаждаясь шумомъ бѣснующихся волнъ. Да еще каменный баранъ, туръ, дикій кабанъ или легкая газель выдутъ иногда на гребень скалы, постоятъ, постоятъ и уйдутъ обратно въ ту таинственную глубь, изъ которой они вышли... Жутко въ ущельѣ; кажется, что ни одна человѣческая нога не вступала въ него, а если и бывалъ здѣсь человѣкъ, то, вѣроятно, сотворивъ молитву исповѣдуемому имъ Богу, спѣшилъ навсегда удалиться отсюда. Кругомъ все пустынно и мрачно: ни травки, ни деревца... камни, утесы, скалы, цѣлое море какихъ-то обломковъ, скатившихся сверху или сброшенныхъ оттуда рукой великана. Кое-гдѣ наверху, изъ расщелины ползетъ по скалѣ розовый верескъ, оживляя унылый видъ голыхъ утесовъ, или одинокая, чахлая, какъ будто злой немощью скорченная, сосна выходитъ прямо изъ камня, питаясь богъ вѣсть какою землею. Вотъ и все... А Терекъ все воетъ и воетъ, все бѣжитъ да бѣжитъ, какъ будто жалуясь на обиду или гнѣвно разсказывая окрестнымъ скаламъ возмутительную быль старыхъ временъ. Въ воздухѣ чувствуется весна: онъ прозраченъ и свѣжъ; жаркое солнце своимъ, раскрывающимъ тайны, лучемъ успѣло заглянуть и въ этотъ мрачный тайникъ, освѣтить и согрѣть его. И подъ его благотворнымъ вліяніемъ растопились снѣга на горахъ и, прорвавшись кое-гдѣ въ скалахъ, закапали они изъ нихъ, какъ первыя слезы; и побѣжали ручьи этихъ слезъ внизъ, на дно ущелья, чтобы слиться съ потоками бурно разлившагося Терека и исчезнуть въ немъ навсегда, помчавшись вмѣстѣ къ далекому синему морю.

Много вѣковъ ни одна человѣческая нога не попирала почвы этого дикаго ущелья; ни одинъ человѣческій взоръ не оскорблялъ дѣвственной святыни этихъ непривѣтливыхъ скалъ. Но вотъ, въ эту весну, въ чудный жаркій день, среди хаоса грозныхъ звуковъ и шума, гдѣ-то, сначала вдали, потомъ все ближе и ближе, раздалась, повторенная эхомъ отзывчивыхъ скалъ, серебряная трель сигнальнаго рожка, а за нею—другая, третья... Послышался стукъ копытъ о камни, и вѣковыя громады, тысячелѣтія спавшія подъ шумъ Терека, съ изумленіемъ увидѣли среди себя дерзкое существо, осмѣлившееся нарушить ихъ священный покой. И это существо—была жен-

щина. Она сидѣла на стройномъ ворономъ конѣ, сбруя котораго, вся изъ черненаго серебра, была увѣшана драгоцѣнными подвѣсками изъ янтаря, яхонта и бирюзы. Женщина была дивной красоты; глаза ея были чернѣе ночи; большія густыя брови черными змѣями лежали на ея блѣдномъ, величественномъ лицѣ; губы ея, какъ цвѣточные вѣнчики граната, были слегка раскрыты; роскошная грудь вздымалась отъ быстрой ѣзды и волненія. Конь ея, доскакавъ до Терека, сразу осѣлъ на всѣ четыре ноги, но она не шелохнулась въ сѣдлѣ. Спокойная и сильная, она перегнулась впередъ и острымъ копьемъ ранила бѣжавшаго передъ нею оленя съ многовѣтвистыми рогами. Съ дикой злобой, съ торжествомъ въ помутившихся глазахъ, она вонзила въ его нѣжное тѣло острую сталь. Краснымъ потокомъ хлынула изъ него кровь и смѣшалась съ бѣлою пѣною Терека. Олень умиралъ... Его глаза потухали, и въ ихъ предсмертномъ взорѣ его преслѣдовательница прочла себѣ укоръ и предвѣщаніе чего-то недобраго. Этотъ умирающій взглядъ проникъ ей прямо въ душу. И, всегда спокойная, всегда величавая, не разъ бившаяся въ бояхъ, не разъ изгонявшая изъ своего царства воинственныя полчища разныхъ народовъ, она смутилась, и предвѣстіе чего-то недобраго закралось къ ней въ сердце. А Терекъ грозно шумѣлъ, еще грознѣе, чѣмъ прежде, и въ шумѣ его она прочла себѣ ту же угрозу за дерзкое нарушеніе его права—царить въ этомъ мѣстѣ, за оскорбленіе его дѣвственныхъ водъ смѣшеніемъ съ животной кровью... Да, она смутилась, но только на мигъ. Уже за собой она слышала крики, шумъ, топотъ, ржанье, лай собакъ, голоса людей. Что, если-бы ее застали здѣсь въ безпокойномъ смущеніи? Что подумали бы о ней всѣ эти люди, которыхъ она презирала или на которыхъ смотрѣла съ высоты своего царскаго величія? Что подумали бы они о своей могущественной, неустрашимой, непобѣдимой царицѣ Тамарѣ? Не она ли еще разъ освободила свою родину отъ полчищъ арабовъ, не она ли возвратила Грузіи подъ своимъ скипетромъ самостоятельность и могущество, и силу? Не въ ея ли свитѣ, въ качествѣ слугъ, находится теперь нѣсколько бековъ, шейховъ, пашей и князей, прежде самовластно царившихъ на ея родинѣ? А теперь? Они—лишь жалкія орудія ея всемогущества, и держитъ ихъ

она, какъ своихъ рабовъ для блеска свиты, для славы родины, для украшенія трона. Слава ея распространилась далеко за предѣлы Грузіи. Кто не знаетъ славной и неустрашимой царицы? Гдѣ не славятъ въ пѣсняхъ Тамары? Какой придорожный нищій не воспѣваетъ ея подвиговъ? Какой бродячій рапсодъ не воздаетъ ей хвалы унылыми звуками своей „мествири“, и какой слѣпой пѣвецъ не поетъ о ея силѣ и могуществѣ, сопровождая свою пѣснь плаксивыми звуками „джіанури“? Не въ ея ли свитѣ, наконецъ, состоитъ главный пѣвецъ „человѣка въ барсовой кожѣ“, знаменитый Руставели? Не промѣнялъ ли онъ свою сильную, свободную лиру на честь быть около нея, пѣть только о ней, любоваться ея чудными, какъ ночь, глазами, мечтать о ней безъ всякой надежды заслужить ея благосклонность?.. Не потонула ли его слава въ лучахъ ея славы? И вдругъ она... смутилась. И кого же испугалась: взгляда полумертваго оленя, рокота бездушнаго Терека? Она гордо выпрямилась, презрительно улыбаясь. Свита окружила ее, и, не обращаясь ни къ кому лично, она повелительнымъ жестомъ указала на погибшаго оленя и приказала убрать его,—шкуру снять, а изъ роговъ сдѣлать кубки для ея стола. И она имѣла удовольствіе видѣть, какъ арабы, беки, паши и князья чуть не затѣяли рѣзни, добиваясь чести исполнить ея повелѣніе, выраженное небрежнымъ жестомъ и двумя-тремя отрывистыми словами. Но все таки, когда оленя отнесли въ сторону, ей вновь почудился его взглядъ, полный упрека, и вновь Терекъ прошумѣлъ ей угрозу. По душѣ ея опять прошло невѣдомое смутное чувство, какъ будто предвѣстіе грозы или несчастья.

Пока, выбравъ удобное мѣсто, разстилали ковры, разставляли роскошный шатеръ для царицы и нѣсколько другихъ попроще для свиты, пока готовили царскую трапезу, собирали собакъ, разсѣдлывали лошадей, привязывали къ серебрянымъ цѣпочкамъ соколовъ и ястребовъ,—солнце скрылось изъ ущелья, клочокъ неба потемнѣлъ, и на немъ появилась блѣдная звѣздочка... Царица пировала. На низкомъ столикѣ передъ ней разставлены были яства, лакомства и шербеты; вокругъ нея стояла въ почтительномъ безмолвіи блестящая свита въ унизанныхъ драгоцѣнными камнями костюмахъ, а придворный пѣвецъ ея,—онъ же хранитель казны,— восхва-

лялъ въ искусныхъ стихахъ ея красоту, ея подвиги и могущество. Глазами, полными безнадежной страсти, осмѣливался онъ порой взглянуть въ ея большія чудныя очи, глубокія, какъ бездонная пропасть, темныя, какъ безлунная ночь, и тогда пѣснь его лилась восторженно и уныло, и онъ начиналъ ей пѣть свою поэму о страстной любви Автандила къ царевнѣ Тинатинѣ [1]), пламенно мечтая тронуть ее звучными стихами, въ которыхъ она познала бы его личное горе, его личную любовь.

„Царевна поражаетъ могуществомъ блеска: она отнимала у всѣхъ и разумъ, и сердце, и душу; хвалить ее могъ лишь мудрецъ языкомъ многозвучно-высокимъ... Станомъ она стройнѣй кипариса, душа ея—чистый кристалъ базальта, очи чернѣе и глубже ночи безлунной, а губы—румянѣй рубина. Луна исчезаетъ въ лучахъ свѣтозарнаго солнца". И много—много еще подбиралъ онъ сравненій, и долго, долго пѣлъ. Но на лицѣ царицѣ, спокойномъ и надменномъ, не отражалось ничего, кромѣ тоски и усталости. Сколько разъ и изъ сколькихъ устъ уже слышала она эти рѣчи, эти хвалы и восторги!.. Они не только не трогали ея, но даже успѣли надоѣсть.

— Гдѣ мы?—спросила она, не обращая вниманія на слова пѣсни.

— Мы заблудились, царица. Намъ придется ночевать здѣсь. Свѣтило дня уже скрылось за горами, и первая звѣзда заглянула въ ущелье... Это мѣсто дико и пустынно; не видать, куда идти, нужно дождаться зари.

— Приготовьте что нужно къ ночлегу. Собрали ли всѣхъ ястребовъ?

— Собрали, царица.

Тихая весенняя ночь опустилась на усталую землю. Рядомъ съ первою звѣздочкою появилась другая, а вскорѣ ихъ зажглись миріады. Небо сдѣлалось глубокимъ, темнымъ и прозрачнымъ. Въ узкую тѣснину оно посылало яркіе лучи своихъ звѣздъ. Терекъ шумѣлъ еще грознѣе, еще унылѣе и безнадежнѣе, а ему вторилъ пронзительный свистъ совы, спрятавшейся въ какой либо глубокой расщелинѣ. Въ ущельѣ

[1]) „Барсова кожа", поэма Руставели.

становилось жутко и мрачно. Кое-гдѣ въ царскомъ станѣ тлѣли еще огоньки отъ потухшихъ костровъ, и вокругъ этихъ остатковъ сидѣли люди и шопотомъ передавали другъ другу старинныя были о великанахъ, населявшихъ Грузію, о страшныхъ людоѣдахъ, о грозныхъ богахъ и чудовищахъ. У шатра царицы Тамары мѣрно шагалъ на часахъ молодой воинъ-осетинъ, и на его кольчугѣ и копьѣ игралъ серебряный лучъ луны, только что взошедшей на клочкѣ ущельнаго неба и затопившей своимъ блескомъ множество звѣздъ.

А Терекъ шумѣлъ, все шумѣлъ... И шумъ этотъ раздавался въ ушахъ Тамары, раскинувшейся на коврахъ своей тахты, разгонялъ ея сонъ, мутилъ ея думы и тревожилъ сердце, наполняя его смутными, необъяснимыми волненіями, боязнью и болью. Весенняя ночь, удушливая и страстная, объяла ее, кровь приливала къ вискамъ; ея коралловыя уста сохли и горячее дыханіе, выходя изъ нихъ, обжигало ея руки, тонкія, какъ стебли лиліи, и бѣлыя, какъ ея цвѣты. Въ сладострастномъ томленіи, вся отдавшись весеннимъ грёзамъ, устремивъ глаза въ бездонное пространство передъ собою, она сжимала свою грудь, вздымавшуюся, какъ волны. Роскошные волосы, изсиня-черные, распустились и покрыли ея стройное тѣло; она путалась въ нихъ и, въ нервномъ напряженіи, гибкими пальцами вырывала изъ нихъ цѣлыя пряди. Она думала о томъ недавнемъ времени, когда билась съ арабами, когда вокругъ нея лилась потоками алая кровь, когда смерть летала надъ ея головой, но она ничего этого не помнила, не видѣла, не чувствовала, мечтая объ одномъ— спасти свою родину и найти въ этихъ битвахъ смерть, которая могла бы её саму навсегда избавить отъ ненавистнаго мужа. Когда силою ея генія арабы были изгнаны, когда родина получила наконецъ желанную свободу и могущество, а Тамара все таки осталась жива,—она, обожаемая народомъ, ставшая всесильною и великою, нашла способъ освободиться отъ этого мужа, русскаго князя, и сослала его въ Константинополь, обвинивъ передъ народомъ въ тяжелыхъ преступленіяхъ противъ родины. Тогда же она дала обѣтъ: никогда не знать больше ни одного мужчины. Отчего же теперь, въ эту душную весеннюю ночь, ея сердце такъ мучительно бьется? Отчего черезъ отверстіе шатра, въ которое виденъ кусочекъ

темнаго неба съ золотыми звѣздами и серебрянымъ луннымъ лучемъ, льется къ ней въ душу какая-то истомная нѣга? Отчего ея тѣло горитъ, кожа сохнетъ, а полная, бѣлая нога ея бьетъ въ раздраженіи по разостланной передъ тахтой кожѣ убитаго ею сегодня оленя? А эти глаза, которыми онъ смотрѣлъ на нее? А этотъ немолчный шумъ Терека? А этотъ юноша въ бронѣ и кольчугѣ съ своими бѣлокурыми волосами и голубыми глазами, которые блестятъ отъ ложащагося на нихъ блеска луны? О, какъ ей становится душно, какъ хочется вырваться на теплый весенній воздухъ, на волю; какъ хочется почувствовать на своемъ упругомъ и сильномъ тѣлѣ чьи нибудь еще болѣе сильныя, страстныя объятія!

Все въ станѣ уснуло. Послѣ бурно проведеннаго дня, уже знойнаго, не смотря на раннюю весну, все успокоилось. И, еслибы не назойливое бормотанье Терека, въ ущельѣ было бы также тихо, какъ въ могилѣ. Филинъ пересталъ ухать, птицы уснули; даже часовой у шатра неподвижно остановился, замеревъ въ созерцаніи уснувшей весенней ночи. Не спитъ одинъ Терекъ, да царица Тамара мечтаетъ въ душномъ шатрѣ своемъ.

II.

Пропажа.

Качнулись ночныя тѣни, колыхнулась тьма и, какъ зана вѣсъ, медленно поднялась къ верху; молочный предразсвѣтный туманъ опустился на землю. Все поблѣднѣло; мало по малу въ утреннихъ сумеркахъ стали рисоваться острыя очертанія скалъ... Заалѣло небо, и послѣдная звѣздочка растаяла на порозовѣвшемъ небѣ. Солнца еще не было видно, но оно уже осилило ночную тьму, взошло гдѣ-то тамъ, далеко за горами—это было видно по бѣлому снѣгу на вершинахъ скалистыхъ утесовъ; снѣгъ превратился въ яркое, жгучее червонное золото и переливался милліонами искръ; верхушки горъ ниже снѣга покрылись фіолетовымъ флёромъ; зачернѣли глубокія пропасти, а снизу подымалась блѣдно-голубая, непрозрачная дымка... Высоко въ небѣ рѣялъ орелъ;

каменный туръ осторожно прошелъ узкой тропинкой къ рѣкѣ напиться свѣжей воды; отъ движеній его покатились камни и съ высоты попадали въ Терекъ, возмущая и безъ того неспокойную рѣку; изъ каменныхъ щелей выползли зеленыя ящерицы и, извиваясь между низкой и чахлой травой, отправлялись добывать себѣ пищу. Съ края высокой горы брызнуло солнце и освѣтило ущелье Дарьяла. Весь станъ давно ужъ проснулся. Послышалось веселое ржанье коней, которыхъ вели къ водопою; поднялся сдержанный говоръ царицыной свиты. Всѣмъ было весело въ это веселое весеннее утро. У шатра Тамары давно смѣнился часовой: молодой осетинъ ушелъ отдыхать, а теперь на его мѣстѣ ходилъ чернокудрый грузинъ въ своемъ пурпурномъ военномъ одѣяньѣ и ждалъ выхода царицы. Она долго заспалась сегодня, и это обстоятельство не особенно нравилось свитѣ; всѣ привыкли къ ея мужественному образу жизни: задолго до разсвѣта она уже бывала на ногахъ, отдавая сну и покою лишь самое необходимое время. Теперь же и солнце уже заглянуло въ ущелье, а ея все нѣтъ. Опасенья были основательны. Наконецъ раздвинулись полы шатра, и показалась Тамара. Лицо ея было мрачнѣе тучи. И безъ того блѣдное, оно поблѣднѣло еще болѣе, а брови были мрачно сдвинуты и не обѣщали ничего добраго. Подъ глазами легли синіе круги отъ безсонной ночи, и дрожь пробѣгала по ея чудному тѣлу, не вкусившему за ночь покоя. Ни слова не говоря, равнодушно взглянувъ на новаго часоваго, покормила она своего коня, котораго подвелъ ей конюшій. Тамара направилась къ своимъ любимымъ птицамъ и погладила по головкѣ своего ястреба. Молодой грузинъ хотѣлъ отвязать его, чтобы дать ему возможность сѣсть на руку Тамары, какъ вдругъ совершенно неожиданно птица расправила крылья, приготовляясь летѣть, и въ одно мгновеніе очутилась на другомъ берегу Терека, гдѣ и усѣлась на скалахъ. Это было до того необычно и поразительно, что грузинъ не слыхалъ ни гнѣвнаго голоса царицы, ни возгласовъ бековъ и князей, кричавшихъ ему:

— Лови, лови его!..

Онъ остался, какъ вкопанный на мѣстѣ, а птица была уже далекo и съ другой стороны спокойно смотрѣла на суетившихся людей. Гнѣвъ обуялъ Тамару. Этотъ ястребъ не-

давно былъ присланъ ей изъ Персіи, и она, ко всѣмъ гордая и равнодушная, привязалась къ этой птицѣ и полюбила ее; пуще зѣницы ока берегла она ее, кормила изъ своихъ рукъ, ласкала и гладила эту хищную головку.

— Достань сейчасъ моего ястреба!—гнѣвно крикнула она, и все кругомъ смолкло.—Не то клянусь этимъ восходящимъ солнцемъ родившагося дня: дорого поплатится тотъ, кто упустилъ его изъ своихъ рукъ!—И черныя очи метнули въ сторону юноши распаленный взоръ; онъ затрясся и поблѣднѣлъ подъ этимъ мощнымъ и суровымъ взоромъ.

Но никто не двигался съ мѣста. Рѣка грозно ревѣла, какъ бы торжествуя побѣду и поддразнивая царицу. „Кто осмѣлится переплыть Терекъ?“ казалось, вопрошала она и въ дикой радости пѣнилась и бурлила. Гнѣвнымъ взоромъ обвела царица свою блестящую свиту, и брови ея грозно сдвинулись. Она помолчала съ минуту и, видя, что никто не рѣшается вступить въ бой съ бѣшенымъ потокомъ, отчетливо и и громко проговорила:

— Я приказываю вамъ переплыть на ту сторону и вернуть сюда мою птицу!

Гробовое молчаніе было отвѣтомъ на эти слова.

Тогда она сказала:

— Я прошу храбрѣйшаго изъ моихъ подданныхъ достать со скалы ястреба.

Все вокругъ было спокойно, никто не шевельнулся. Только ближайшіе къ ней сдѣлали попытку отступить и стушеваться въ толпѣ, но она остановила ихъ своимъ насмѣшливымъ взглядомъ. Злая улыбка искривила царицыны губы.

— Такъ вотъ они, храбрые воины, такъ вотъ каковы мои вѣрные слуги!—прошептала она, задыхаясь отъ злобы. И вслѣдъ затѣмъ громко сказала:

— Слышите ли вы, князья, паши, беки и всѣ остальные: я даю передъ всѣми свое обѣщанье: я отдамъ полъ-царства тому, кто вернетъ мнѣ мою птицу. Вы знаете, что̀ значитъ слово царицы Тамары... Что же? Никто не хочетъ полъ-царства?.. Никто!..

Смутный шопотъ прошелъ по стану; робко жались другъ къ другу эти безстрашные люди, не разъ кидавшіеся въ бой на выручку этой самой женщины, которая обѣщала отдать

храбрецу половину своего обширнаго и богатаго царства, никто не дерзнулъ вступить въ споръ съ разбушевавшейся стихіей. А Терекъ, какъ будто нарочно, издѣваясь надъ ними, все шумѣлъ и бурлилъ, и съ каждой минутой, съ каждой секундой все яростнѣе и грознѣе вздымались его волны.

— Я вижу—никто не хочетъ лишать меня царства, я не въ комъ не вижу корысти; это радуетъ мое царское сердце,— говорила Тамара, насмѣшливо глядя на окружающихъ.—Но я отдамъ свое сердце, свою любовь тому изъ васъ, кто рѣшится на подвигъ, слышите ли, беки, паши, князья и всѣ остальные? Кто бъ онъ ни былъ, къ какому бы роду ни принадлежалъ, я отдамъ ему свое сердце. Неужели никого? Неужели всѣ осмѣлятся отвергнуть любовь царицы? Вы оскорбили меня, какъ царицу—неужели вы оскорбите во мнѣ еще и женщину?.. Или очи мои поблѣднѣли, или станомъ стала худа я? Или красой не блистаю я больше? Такъ знайте: и эти очи, воспѣтыя вами, и этотъ станъ, и эти волны волосъ, и любовь, и горячее сердце... все будетъ принадлежать тому, кто рѣшится на подвигъ...

Она замолчала, и все молчало кругомъ.

— Такъ никто?..

Но въ это время сквозь толпу протискивался кто-то и Тамара услыхала звонкій, спокойный, мужественный голосъ. Онъ вѣщалъ ей:

— Ты мнѣ не дала молвить, царица... Твоя гнѣвная рѣчь устрашила меня; я хотѣлъ говорить, но боялся гнѣвнаго взора твоихъ царскихъ очей... Не только за счастье тобою владѣть, но за счастье видѣть тебя, заслужить одобренье, за одинъ лишь твой ласковый взглядъ, за одну возможность умереть за тебя, я объявляю свое рѣшенье: не боюсь я бурливой рѣки, ни грозно нависнувшихъ скалъ... Еслибъ всѣ великаны міра собрались на той сторонѣ и бросали въ меня цѣлыми горами, я и тогда поплыву къ тѣмъ скаламъ и возьму непокорную птицу...

И по мѣрѣ того, какъ звучали эти слова, утихалъ гнѣвъ царицы, распрямлялись сжатыя брови, мрачный огонь исчезнулъ изъ глазъ, и улыбка заиграла на устахъ. Гнѣвомъ кипѣвшее сердце ея усмирилось и, съ музыкой этихъ страстныхъ рѣчей, въ ея душу пролились миръ и успокоенье.

Сердце ея дрогнуло, когда говорившій выступилъ передъ нею, и она узнала въ немъ своего часоваго,—бѣлокураго юношу съ голубыми глазами.

— Храбрый юноша!—сказала она,—иди, соверши свой подвигъ въ назиданіе всѣмъ, меня окружающимъ. Пусть увидятъ они, что есть еще у меня вѣрные слуги, для которыхъ ласка царицы чего нибудь да стоитъ. Смѣло иди, а въ наградѣ не сомнѣвайся:—царица Тамара умѣетъ держать свое слово!

Всѣ смотрѣли на безумнаго храбреца; всѣ свободно вздохнули, и по рядамъ пошли шопотъ и толки. „Погибъ, безвозвратно погибъ!“ шептали окружавшіе юношу мужи. Но онъ не слыхалъ ихъ. Восторженнымъ взоромъ впился онъ прямо въ очи царицы и прочелъ въ нихъ страстную, жгучую ласку, благодарность, награду, любовь... За мильонную долю всего этого онъ отдалъ бы жизнь, а за все это—ему казалось мало одной его жалкой, ничтожной, никому ненужной жизни, и онъ жалѣлъ только, что ихъ у него не десять. Голова его кружилась, но не отъ страха, а отъ безумнаго счастья. Онъ еще разъ взглянулъ на царицу, на толпу царедворцевъ, на придворнаго пѣвца, теперь понуро и уныло стоявшаго въ сторонѣ съ своей *мествири*, изукрашенной черненымъ серебромъ, мѣдью и стеклянными бусами. Гдѣ его мужество, о которомъ такъ много онъ пѣлъ, гдѣ его страсть? Все исчезло передъ дѣйствительной грозной бѣдой, и онъ зналъ, *что* онъ теряетъ отъ своей нерѣшительности. Еще мгновенье—и онъ предупредилъ бы отважнаго юношу. Но тотъ не медлилъ. Быстро снялъ онъ шлемъ и кольчугу, бросилъ копье и во мгновенье ока побѣжалъ къ бушевавшей горной рѣкѣ. Еще мгновенье—и онъ очутился въ холодныхъ волнахъ.

А Терекъ ревѣлъ и злобствовалъ. Ревъ его походилъ на дикій хохотъ, на неистовое веселье, на злобную насмѣшку. Волна набѣгала на волну, обдавая собою стройное молодое тѣло пловца; она то скрывала его въ глубинѣ пучины, то выносила на поверхность, то показывала его изумленнымъ взорамъ толпы, покрытаго пѣной или обданнаго брилліантовыми брызгами чистой воды.

Толпа замерла въ ожиданьѣ.

III.

Любовь царицы.

Долго длилалась борьба; волны носили и играли юношей, какъ щепкой; онѣ били его объ острые камни, то бросали къ берегу, то относили далеко, далеко. Порой увлекали онѣ его на самое дно, порой подкидывали на воздухъ. Окровавленными руками хватался онъ за острые камни, и воды окрашивались вокругъ него темно-алою кровью. Всѣ съ глубокимъ молчаніемъ слѣдили за нимъ. Царица съ высокаго обломка скалы также слѣдила за этой борьбой. Съ замираньемъ сердца встрѣчала она его появленіе на свѣтъ божій и съ упавшимъ сердцемъ ждала, когда онъ исчезалъ въ зеленой волнѣ. Долго крѣпившееся сердце ея не выдержало и страстно запросило любви. Она вспомнила душную ночь, проведенную въ шатрѣ, и ей неудержимо захотѣлось раздѣлить свои одинокія ночи съ отважнымъ героемъ. И любовь закралась въ ея мужественное сердце! До сихъ поръ она не любила. У нея былъ только мужъ, котораго она ненавидѣла, но настоящей, страстной и сильной любви она еще не извѣдала. И ей захотѣлось извѣдать этого жгучаго чувства. Недаромъ взоръ убитаго оленя предвѣщалъ ей несчастье... Вотъ оно близко. Она чувствовала, что, если юноша погибнетъ, вся ея жизнь будетъ разбита навѣки. И съ каждой новой волной, уносившей нѣжное тѣло героя, въ сердце ея вливалась волна новаго чувства, которое росло и прибывало, все росло до тѣхъ поръ, пока не выросло въ сильное, могучее чувство любви. И даетъ она страшную ненарушимую клятву: вся отдаться ему, какъ только вернется онъ съ добычей. О, онъ навѣрно вернется: вотъ онъ ужь ближе и ближе плыветъ къ противоположному берегу, вотъ онъ почти уже у цѣли. Онъ хватается своими цѣпкими молодыми руками за острый выступъ прибрежной скалы, она держитъ его на водѣ—онъ сейчасъ выкарабкается. О, какъ будетъ она тогда счастлива, съ какимъ презрѣніемъ посмѣется надъ всѣми этими жалкими трусами, какъ полюбитъ этого молодца на зло всѣмъ, вопреки всему, а радость себѣ, на досаду и ревность всѣмъ остальнымъ.

Но вотъ новая волна смыла его, какъ былинку, и вновь отнесла далеко. Какъ мучительно сжалось ея сердце! какъ волнуется ея горячая кровь, какъ хочется ей испытать объятія его окровавленныхъ мускулистыхъ рукъ, почувствовать прикосновеніе его молодаго, гибкаго, сильнаго тѣла. Какъ хорошо оно съ этой облипшей одеждой, позволяющей видѣть его роскошныя формы, его крѣпкія ноги... Но волна опять отнесла его. Солнце высоко стояло на небѣ, а онъ все еще не достигъ цѣли. Оно уже стало уходить изъ ущелья и коснулось вершинъ, готовясь исчезнуть за ними, какъ бы отчаявшись въ надеждѣ увидѣть окончаніе труднаго подвига, а юноша все еще бился съ разъяренной стихіей, все еще не успѣлъ доплыть до желаннаго берега. Но, наконецъ, мигъ этотъ насталъ. Уцѣпившись за выступъ, онъ съумѣлъ удержаться, не смотря на волны, бившія его съ остервененіемъ... Еще одно послѣднее усиліе—и онъ выдетъ изъ борьбы побѣдителемъ. Онъ сдѣлалъ это нечеловѣческое усиліе и твердой ногой сталъ на твердую землю. Крикъ радости вырвался изъ груди всѣхъ, и раньше другихъ изъ грудй Тамары.

— Онъ мой, онъ мой! — шептала она запекшимися отъ волненія устами, и ей рисовался снова шатеръ, и мечтала она, какъ будетъ ласкать и лелѣять его, осыпая жгучими ласками въ эту душную весеннюю ночь...

Но то, что̀ совершилъ юноша, не было подвигомъ. Это было лишь половиной подвига. Ему надлежало вернуться, и вернуться не одному, а вдвоемъ съ ястребомъ. Онъ держалъ его, крѣпко прижавъ къ груди, и съ этой драгоцѣнной ношей, безъ малѣйшихъ признаковъ усталости,—какъ будто онъ только что кинулся въ воду,—поплылъ назадъ. Та же борьба, тѣ же усилія! Уже наступалъ вечеръ; въ ущельѣ быстро стемнѣло. Зажгли костры и факелы. Орлинымъ взоромъ пронизывала Тамара наступившую тьму, боясь потерять изъ виду человѣка, барахтавшагося въ потемнѣвшихъ зловѣщихъ волнахъ. А Терекъ пѣлъ свою грозную пѣсню, и въ каждомъ всплескѣ волнъ, въ каждомъ шумѣ разбивающихся о камни водъ, царица слышала ту же угрозу, какъ наканунѣ, когда обагрила воды рѣки невинною кровью убитаго ею оленя. И вдругъ—о, чудо!—юноша подплылъ къ самымъ ея ногамъ. Уцѣпившись одной рукой за скалу, на которой она стояла, другую про-

тянулъ онъ ей и подалъ непослушнаго ястреба. Она нагнулась и приняла изъ рукъ его птицу; но такъ какъ онъ крѣпко держалъ ее, а волны били его, то въ рукѣ Сослàна остались два пера изъ хвоста ястреба. Вдругъ бѣшеный валъ опрокинулъ его. Тамара успѣла увидѣть только, при свѣтѣ яркихъ огней, какъ онъ спряталъ у себя на груди эти перья и какъ вода захлеснула его, окрасившись его кровью. Крикъ торжества, готовый было сорваться изъ ея устъ, невольно замеръ, не родившись. А Терекъ шумѣлъ и шумѣлъ, бурлилъ и метался, и въ этомъ грозномъ воѣ Тамарѣ послышались торжество и удовлетворенная месть. Къ шуму волнъ не примѣшивалось болѣе ни одного звука.

— Кричите! Кричите ему! Помогите ему! — проговорила она.

Но на пронзительный крикъ съ берега ничто не отвѣтило изъ глубокой пучины, кромѣ все того же немолчнаго шума бурливой рѣки. Никто не шевельнулся, не сдѣлалъ попытки спасти его.

— Сослàнъ, Сослàнъ! гдѣ ты, откликнись!—кричала толпа.

— Милый, откликнись! тебя зоветъ твоя любовь, твоя Тамара!...

Но имъ отвѣтилъ лишь Терекъ своимъ грознымъ рычаньемъ.

Снова на небѣ показалась вечерняя звѣздочка, снова блеснула луна, но юноши не было: онъ безслѣдно погибъ. И тогда изъ прекрасныхъ глазъ Тамары закапали жгучія слезы... Хорошо, что было темно, и никто ихъ не видѣлъ. Что бы подумали всѣ эти воины, еслибы увидѣли слезы Тамары, которую они привыкли видѣть всегда веселою, спокойною, равнодушною и мужественною? Но она плакала, и слезы ея текли и капали на холодный камень, а на томъ мѣстѣ, куда онѣ упадали, выростали волчецъ и терновникъ...

Когда уже не осталось никакой надежды на возвратъ молодаго воина, Тамара удалилась въ шатеръ. Снова душная ночь опустилась на землю; снова ходилъ вокругъ шатра часовой, но это уже не тотъ молодой воинъ, которымъ любовалась царица прошлою ночью; снова она одна въ своемъ роскошномъ шатрѣ, болѣе одинокая, чѣмъ всегда, одна со своимъ мучительнымъ горемъ. А Терекъ сталъ шумѣть какъ-

то покойнѣе, какъ будто онъ только и ждалъ человѣческой жертвы.

Распростершись на землѣ, покрытой войлокомъ, прислонивъ голову къ тахтѣ, въ безсильныхъ и беззвучныхъ рыданіяхъ, билась царица. Въ мечтахъ ея рисовался соблазнительный образъ храбраго юноши, а весенняя ночь обвила ее своимъ жгучимъ дыханіемъ, томила своей страстной нѣгой, душила ее своими объятіями. Горячій вѣтеръ, пролетѣвшій по ущелью, нашептывалъ ей сладострастныя грёзы, а золотыя звѣзды съ любопытствомъ заглядывали въ ея шатеръ. И видѣли онѣ, какъ билась о землю царица, какъ изнывала она подъ напоромъ неудовлетворенной страсти, какъ черныя волны роскошныхъ кудрей обвивались змѣями вокругъ ея стана. Безумныя рѣчи шептала царица:

— О, молодой воинъ, мой храбрый Сослàнъ! ты погибъ, а съ тобой погибла и царица Тамара. Не видать мнѣ болѣе твоихъ голубыхъ, какъ весеннее небо, глазъ; не слыхать твоей сладкой и сильной рѣчи... Ты исполнилъ обѣтъ, ты сдержалъ свое обѣщанье. Ты—настоящій мужчина и воинъ. Но и я сдержу свое... Я обѣщала отдаться тебѣ,—тебя нѣтъ... я буду въ память о тебѣ принадлежать всѣмъ; тѣло мое будетъ принадлежать каждому, кто захочетъ имъ пользоваться, но сердце мое безраздѣльно и вѣчно будетъ принадлежать, лишь тебѣ... Ты—мужчина, и я буду отдавать свое тѣло всѣмъ мужчинамъ, но они дорого будутъ платиться за это, также дорого, какъ заплатилъ ты за одну лишь мечту обладать мною. Я никому не отдамъ моей любви, а за наслажденіе, которое буду доставлять имъ, они будутъ платить мнѣ своей жизнью, эти жалкіе, ничтожные трусы! И пусть тогда они извѣдаютъ ту же участь, погибнутъ въ той же пучинѣ... Пусть запрудятъ они своими гнусными, жалкими тѣлами грозную рѣку!...

Часовой у шатра слышалъ, какъ рыдала и билась царица до самаго утра. На утро созрѣло ея рѣшенье.

Лишь только зардѣлось первымъ румянцемъ ущельное небо, царица вышла изъ шатра и объявила рѣшеніе своимъ спутникамъ:

— Клянусь днемъ своего рожденія,—говорила она,—гробами матери и отца, что я не уйду съ этого мѣста. Я построю здѣсь замокъ и буду жить въ немъ до окончанія дней моихъ.

Пусть путникъ, кто бы онъ ни былъ, найдетъ въ немъ покой и пріютъ, теплый кровъ, обильную пищу, широкую тахту и нѣжную ласку...

IV.

Месть.

Въ узкой тѣснинѣ Дарьяла, на высокой, почти неприступной скалѣ, высится замокъ Тамары. Затерянный въ скалистыхъ горахъ, онъ стоитъ одинокъ и мраченъ, и производитъ скорѣе устрашающее впечатлѣніе, кажется скорѣе разбойничьимъ гнѣздомъ, чѣмъ пріютомъ покоя и нѣги. Маленькій клочокъ неба глядитъ на него сверху, скупо освѣщая солнцемъ или луною, которыя показываются здѣсь только на очень короткое время. А внизу, на днѣ глубокой пропасти, бурлитъ и клокочетъ Терекъ. Орлы рѣютъ надъ высокими башнями замка. Крутая тропинка ведетъ къ нему, а изъ оконъ башни еле видны острыя скалы, которыми усѣяно дно ущелья. Волчецъ и терновникъ, да изрѣдка розовый верескъ заростили узкую тропу, и, прежде чѣмъ добраться до замка, путникъ долженъ въ кровь изодрать себѣ ноги, въ клочки истерзать свою одежду. А когда ночь безлунна и небо черно, какъ отверстіе пещеры, окно башни свѣтится зловѣщимъ краснымъ свѣтомъ, и путникъ, видя его снизу тѣснины, не знаетъ—бѣжать ли ему туда, или стремиться прочь. Вокругъ замка ходятъ часовые въ своихъ желѣзныхъ броняхъ и шлемахъ. И когда путникъ слышитъ снизу бряцанье ихъ копій, онъ спѣшитъ прочитать молитву и стремительно пройти дальше. Но это мало кому удается. Неудержимая сила влечетъ его къ верху. Взоръ невольно останавливается на окнѣ, горящемъ краснымъ пламенемъ, и не можетъ отъ него оторваться. Онъ останавливается, вперивъ свой взоръ на окно башни, видитъ въ немъ тѣни и слышитъ плаксивые звуки *мествири и джіанури* [1]). И слышитъ онъ страстную пѣсню томной и жгучей любви; и сердце въ немъ подымается, и хочется ему согрѣться

[1]) Туземные музыкальные инструменты.

теплымъ воздухомъ жилья, отдохнуть на софѣ, въ нѣжныхъ объятіяхъ крылатыхъ тѣней, видимыхъ въ освѣщенномъ окнѣ. И тогда онъ идетъ по тропинкѣ, раздирая себѣ ноги, превращая въ лохмотья свое платье. Не доходя до вершины, онъ встрѣчается съ воинами въ кольчугахъ, и они, молча и мрачно на него глядя, даютъ ему дорогу; у воротъ замка стоятъ часовые, но и они, какъ тѣни, при его приближеніи, исчезаютъ безмолвно, какъ будто тутъ же поглощаетъ ихъ земля. Во дворѣ встрѣчаетъ его чернокожій евнухъ, со старческимъ дряблымъ, безусымъ лицомъ, съ потухшимъ взоромъ. Этотъ не исчезаетъ при его появленіи, а доводитъ до самыхъ дверей. Тутъ раздается ударъ въ доску, дверь на желѣзныхъ засовахъ скрипитъ, отворяется, и онъ входитъ въ обширную залу. Она ярко освѣщена; потолки, стѣны, тахты—все затянуто дорогими хороссанскими коврами. Широкія тахты, съ мягкими подушками и мутаками, манятъ на покой; низенькіе столы съ яствами и напитками возбуждаютъ апетитъ, а удушающій рѣзкій ароматъ одуряетъ усталаго путника и будитъ въ немъ страсти и желанія. Его встрѣчаетъ царица Тамара, красивая и величественная, стройная, какъ кавказскій тополь, благоухающая, какъ магнолія. Глаза ея жгучи и прекрасны, какъ безлунная весенняя ночь; зубы блистаютъ, какъ жемчугъ, губы прекрасны, какъ роза; сама она бѣла, какъ лилія, ясна, какъ звѣздочка на небѣ, воздушна, какъ лѣтняя грёза, привлекательна, какъ утренняя заря... Нѣтъ человѣческихъ силъ—устоять противъ ея дивныхъ чаръ. Невидимая музыка, скрытая за коврами, веселитъ слухъ посѣтителя. Въ холѣ, теплѣ садится онъ за столъ, и пьетъ и ѣстъ изъ рукъ радушной хозяйки. По окончаніи трапезы, она предлагаетъ ему отдыхъ и свои жгучія ласки. Когда же она объявляетъ ему, что за пріютъ ничего не беретъ, но за ласки, за свое роскошное тѣло требуетъ жизни, и путникъ начинаетъ колебаться,—она обвиваетъ его шею своими бѣлыми, упругими руками и шепчетъ страстныя рѣчи. Онъ ощущаетъ ея молодое горячее тѣло, онъ чувствуетъ около своей груди біеніе ея сердца; его опаляетъ ея жгучее дыханье, волна ея ароматныхъ волосъ ласкаетъ щоки; глаза ея, полные ласки и страсти, бездонные и черные, какъ безпросвѣтная ночь, вперяются въ его смущенныя очи... Онъ видитъ передъ собою чудо красоты, жи-

вое воплощеніе страсти; видитъ ея дивный образъ, изваянныя руки, полную бѣлую ногу; сознаніе его затмѣвается и, полный одной безумной страсти, одного лишь желанія обладать этой красотой, хотя бы на единый мигъ, чтобы потомъ уснуть навсегда,—онъ жалѣетъ, что у него лишь одна жизнь, а не нѣсколько, что онъ такъ дешево можетъ заплатить за это неоплатное счастье. И онъ соглашается на все... Тогда она подноситъ ему кубокъ опьяняющаго питья, болѣе опьяняющаго, чѣмъ ея красота. Онъ залпомъ выпиваетъ, и, сытый и пьяный виномъ и ея красотою, проводитъ съ нею безумную ночь невыразимаго блаженства.

Но лишь только покровъ ночи начнетъ блѣднѣть, лишь только звѣзды начнутъ гаснуть, а бѣлесоватый туманъ поползетъ изъ ущелій, лишь только качнутся и опрокинутся ночныя тѣни, задолго еще до появленія предразсвѣтнаго луча, начинается отрезвленіе. Въ жестокихъ корчахъ мучится путникъ. Чары разлетаются, какъ дымъ; видѣнье волшебства исчезаетъ и остается одна дѣйствительность, жестокая, грозная, неумолимая,—начинается часъ расплаты. Ядъ дѣйствуетъ сильно. Но еще до окончанія его дѣйствія являются въ покои двое евнуховъ, такихъ же, какъ тотъ, что̀ вводилъ путника въ эту обитель, и влекутъ его, безъ состраданья и жалости, черезъ подземные ходы къ отверстію подъ зловѣщимъ башеннымъ окномъ. Желѣзная рѣшотка жалобно скрипитъ и визжитъ, отворяясь и пропуская полумертвое, полуживое тѣло. Съ грохотомъ летитъ оно внизъ на дно глубокой тѣснины, цѣпляясь объ острые камни, оставляя на нихъ клочья своихъ одеждъ, и, подхваченное злобнымъ и радостнымъ Терекомъ, съ воемъ уносится имъ въ свои нѣдра, въ невѣдомую глушь. А толстые евнухи, задвинувъ визжащіе засовы и идя по подземельямъ, считаютъ добычу, доставшуюся имъ отъ обобраннаго путника. А сверху изъ окна башни смотритъ царица Тамара, и когда тѣло падаетъ въ воду, раздается ея веселый хохотъ и звучатъ ея злобныя рѣчи:

— Иди, иди туда, гдѣ погибъ мой милый Сослàнъ; его также изранили камни, какъ и тебя они ранятъ, его также принялъ въ свои объятья Терекъ, какъ и тебя сейчасъ принимаетъ. Онъ погибъ за одну лишь грёзу, за мечту, которая не осуществилась, а ты гибнешь за то, что извѣдалъ счастье

обладать царицей Тамарой... Неужели это дорогая цѣна?.. О, вы мнѣ не такъ еще заплатите за его гибель! Сколько мужей было на берегу, когда онъ погибалъ въ волнахъ зловѣщаго Терека? Никто не кинулся спасти его, никто не шевельнулся изъ васъ. На вашихъ глазахъ онъ исчезъ съ этого свѣта! Въ память о тебѣ, мой удалый Сослàнъ, отдаюся я имъ, но, мстя за твою молодую душу, я отнимаю у нихъ жизнь. Идите же къ нему, чтобы не скучно ему было, идите туда всѣ, кому я дарю въ память о немъ свои ласки, какъ пошли уже туда всѣ мои беки, князья, паши и сладкозвучный пѣвецъ, воспѣвавшій подъ звуки джіанури мою красоту... Всѣмъ, всѣмъ вамъ одна лишь дорога!...

И громкій хохотъ разносится эхомъ по скаламъ, и ему вторитъ не то надрывающійся хохотъ, не то плачъ одинокой совы. А воины ходятъ вокругъ замка въ желѣзныхъ кольчугахъ и шлемахъ, безмолвно и мрачно, и сердце не сжимается у нихъ отъ этого хохота, потому что они слышатъ его каждую ночь передъ разсвѣтомъ...

V.

Роковая ночь.

Дни идутъ за днями, года за годами; много разъ всходило надъ ущельемъ солнце, много жертвъ освѣтила луна... Томительно-долго тянулися годы; царица все та же, все также унылая днемъ и страстно-жестокая ночью; все также вѣрна своей погибшей любви; одинокая и всѣми покинутая, какъ блѣдная тѣнь, бродитъ она въ сумеркахъ по скаламъ ущелья, пугая своимъ безумнымъ видомъ совъ и нетопырей. Бываютъ ночи, когда никто не является въ замокъ; тогда она выходитъ изъ него, садится на выступъ скалы и громко шлетъ въ пространство свои жалобы и проклятія. Освѣщенная свѣтомъ отдаленныхъ голубыхъ зарницъ, осіянная блескомъ луны, она кажется страннымъ божествомъ, вышедшимъ на волю изъ темныхъ ущелій этого каменнаго царства...

Восемь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ погибъ молодой осетинъ. Щоки царицы покрылись уже блѣдностью, а въ во-

лосахъ протянулись серебряныя нити; но она все таки еще дивно прекрасна...

Въ одну душную бурную ночь, когда грохотъ Терека смѣшивался съ рокотомъ приближающагося грома, когда черныя мрачныя тучи заволокли небо, а звѣзды потухли, когда молніи пронизывали тучи, изъ которыхъ зашумѣли крупныя капли дождя,—къ замку подъѣхалъ на ворономъ конѣ усталый, измученный всадникъ. Онъ былъ высокаго роста, статенъ и силенъ, съ большой бородой, весь въ пыли. Онъ искалъ гостепріимства и нашелъ его въ замкѣ. Тотъ же евнухъ ввелъ его въ залу, гдѣ встрѣтила его царица съ своей ласковой улыбкой, съ обычнымъ привѣтомъ. И когда они усѣлись за столъ и стали пировать подъ звуки таинственной музыки, дрожь прошла по тѣлу Тамары, и незнакомое чувство жалости къ своему прекрасному гостю закралось къ ней въ душу... Ее смутилъ его смѣлый взглядъ, его неустрашимыя дерзкія рѣчи. Она готова была забыть свою месть, свою безумную клятву. Еще минута... и она открыла бы ему все и велѣла бѣжать,— бѣжать, не оглядываясь, изъ этого разбойничьяго гнѣзда... Но слабость прошла; она быстро овладѣла собой, вызвавъ въ воображеніи своемъ образъ погибшаго юноши. „Пусть идетъ, куда влечетъ его судьба“, подумала она: „ судьба отдала его въ мои руки“. И, подавая ему кубокъ, наполненный ядомъ, она умолчала о грозящей бѣдѣ, боясь услышать его мольбу, боясь уступить просьбамъ. Но непонятная слабость, овладѣвшая ею, изумила ее и парализовала силы. Гость былъ веселъ; отдохнувъ отъ дороги, онъ сталъ ей разсказывать разныя занимательныя исторіи, саги древнихъ временъ, старинныя сказанія о великанахъ и людоѣдахъ, жившихъ прежде въ горахъ, населявшихъ ущелья и пещеры. Она слушала его разсѣянно, и какая-то грусть и истома одолѣвали ее. Не могла она понять, что̀ съ нею дѣлалось, но даже гость замѣтилъ, что она грустна.

— Выпей, красавица, со мною, — сказалъ онъ, поднося ей кубокъ, наполненный ядомъ.

Она въ ужасѣ отшатнулась и готова была вырвать кубокъ изъ его рукъ, бросить на полъ и крикнуть чтобы онъ самъ не пилъ изъ него. Но она превозмогла себя и тихо сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ, пей самъ и выпей всю чашу до дна за здоровье прекрасной хозяйки.

Все кончено. Онъ однимъ залпомъ осушилъ кубокъ. И вдругъ тяжелая слеза упала изъ глазъ царицы и обожгла ему руку.

— Что съ тобою?—изумленно спросилъ онъ.—Ты грустна, и слезы твои жгучи, какъ жгуча смола... Спой мнѣ лучше пѣсню, и будемъ съ тобою пить, веселиться, любить...

Сильный раскатъ грома, эхомъ перекатившійся по горамъ и повторенный въ тысячахъ звуковъ, прервалъ его рѣчь. Яркая молнія прорѣзала завѣсу неба. Тамара взяла инструментъ и запѣла:

«Передъ тобой бокалъ шипящій
Поставлю я,
Я увлеку въ пріютъ блестящій
Мой другъ, тебя!
Ты въ страстныхъ, сладостныхъ мечтаньяхъ
Захочешь жить,
И, позабывъ о всѣхъ страданьяхъ,
Меня любить...
Промчится ночь, какъ сновидѣнье,
Въ единый мигъ;
Не часто въ жизни упоенье,
А путь великъ...»

Тамара не кончила пѣсни, грустно поникнувъ головою. Она посмотрѣла на своего гостя, и во взглядѣ его прочитала кипучую страсть. Онъ крѣпко сжалъ ее въ своихъ сильныхъ объятіяхъ и, увлекая въ глубь комнаты, задыхающимся отъ волненія голосомъ шепталъ ей жгучія рѣчи:

— Пойдемъ, пойдемъ, моя ясная зорька, моя дорогая жемчужина! Дай мнѣ опьянѣть отъ твоей любви, какъ я опьянѣлъ отъ твоего напитка... Я только разъ въ жизни любилъ, и любовь эта до сихъ поръ наполняла мое сердце... но ты... такъ наполнила его ядомъ страсти... я люблю тебя,—одну, одну тебя!

Ядъ начиналъ дѣйствовать; грудь его горѣла; желая освѣжить ее, онъ распахнулъ свой бешметъ... и легкія перья ястреба полетѣли, кружась по воздуху, на полъ... Нечеловѣческій, дикій, безумный крикъ вырвался тогда изъ устъ царицы Тамары.

— Ты!.. Это ты, мой храбрый Сослàнъ!.. Ты—свѣтъ очей моихъ, радость моей жизни!..

Онъ, изумленный, выпустилъ ее изъ рукъ и сказалъ:

— Откуда ты знаешь меня?..

Мрачный огонь промелькнулъ въ ея глазахъ.

— Неужели забылъ ты Тамару?

Онъ провелъ дрожащей рукой по своему пылавшему лбу.

— Тамару?.. Царицу Тамару?.. Да, какъ же... теперь я помню. Я помнилъ, когда входилъ сюда, я даже узналъ тебя и хотѣлъ сказать, какъ я спасся, когда унесъ меня бѣшеный Терекъ... Помнишь тотъ день?.. Но твое питье отуманило мнѣ мысли и... я не узнаю тебя больше. Это ты и не ты... Въ глазахъ моихъ мелькаютъ молніи, которыя ты мечешь изъ себя... Мрачные огни очей твоихъ спалили мнѣ душу. Темно... страшно... я умираю...

Еще другой раскатъ грома не успѣлъ отозваться по скаламъ, еще не угасъ свѣтъ молніи, озарившей комнату при послѣднихъ словахъ его рѣчи, какъ стройное тѣло его, содрогнувшись въ предсмертныхъ мукахъ, вытянулось на полу. Ломая руки и теребя свои волосы, кинулась на его трупъ безумная женщина.

— Сослàнъ! встань, мое ясное солнце, мой чистый кристаллъ! Проснись, моя радость... Это я... твоя Тамара, рыдаю здѣсь у ногъ твоихъ!.. Своими руками убила я тебя...

Шумъ грозно ревѣвшаго Терека напомнилъ ей первый день ея любви, и она вспомнила и этотъ шумъ, еще тогда сулившій ей что-то недоброе, и укоризненный взглядъ раненаго оленя. И тотъ же взглядъ увидѣла она теперь въ глазахъ лежавшаго на землѣ человѣка... Закатившіеся глаза его упорно смотрѣли на нее, и этотъ мертвый взоръ, полный послѣдней укоризны, леденилъ ея кровь, терзалъ ея душу. Терекъ все грозно ревѣлъ, смѣшивая свой ревъ съ рокотом бури, бушевавшей въ тѣснинѣ, со свистомъ вѣтра, безумн несшагося по ущелью, съ раскатами грома, грохотавшаго п скаламъ, съ шумомъ бѣшенаго ливня...

Погребальное пѣнье слышалось въ замкѣ, и зажглись п гребальные факелы. Два толстыхъ евнуха внесли въ комна коверъ, на который положили бездыханное тѣло, и, изумлен переглянувшись между собою, при видѣ рыдавшей цариц

унесли его по подземнымъ ходамъ къ отверстію надъ пропастью. Завизжали желѣзные засовы, отворилось окно, и стройное тѣло молодаго воина грузно скатилось по скаламъ и, ударившись о волны, навсегда скрылось подъ ихъ пѣнистой влагой, вернувшись туда, откуда съ такимъ нечеловѣческимъ усиліемъ однажды удалось ему вырваться. Изумленная стража внизу, вмѣсто обычнаго радостнаго хохота, услыхала, какъ къ вою бури, къ шуму непогоды, къ реву Терека, къ раскатамъ грома примѣшивался крикъ,—нечеловѣческій крикъ безумнаго ужаса, безнадежнаго отчаянья, смертельной тоски.

. . . . . .

Упали послѣднія капли отшумѣвшаго дождя; отдаленные раскаты грома понемногу замолкли; молнія лишь изрѣдка, какъ зарница, освѣщала голубоватымъ пламенемъ клочокъ прояснившагося неба. Показались звѣзды; яркій лучъ луны прорѣзалъ ночную тьму. Въ окошкѣ, на башнѣ, осіянная свѣтомъ луны, вся въ бѣломъ, показалась Тамара. Воздѣвъ къ верху свои бѣлыя руки, перегнувшись черезъ карнизъ окна, однимъ прыжкомъ слетѣла она внизъ, какъ легкая тѣнь, какъ ночное видѣнье. Только всплескъ волны, да нѣсколько скатившихся камней, кромѣ обычнаго шума бѣжавшей рѣки, возмутили тишину успокоившейся ночи. Два ястребиныя пера, которыя выпустила она изъ своихъ рукъ при паденьѣ, плавно и медленно опускались, кружась въ воздухѣ, и поплыли, подхваченныя волной Терека въ невѣдомую даль. А Терекъ все шумѣлъ и шумѣлъ... Онъ шумитъ еще и понынѣ.

В. Свѣтловъ.

ДОКТОРЪ КРУПОВЪ И ЕГО ТЕОРІЯ.

(По поводу одной старинной повѣсти).

Не многіе, конечно, изъ нашихъ читателей помнятъ небольшую повѣсть, напечатанную въ «Современникѣ» 1847 года подъ названіемъ «Докторъ Круповъ». Повѣсть не произвела особенной сенсаціи, ни въ смыслѣ порицаній, ни въ смыслѣ восхваленій. Въ литературныхъ кружкахъ она была замѣчена; автору ея предсказывали въ будущемъ блестящій успѣхъ беллетриста, громкое имя, — и предсказанія эти вполнѣ подтвердились впослѣдствіи, — но въ публикѣ, насколько возможно теперь судить, она не обратила на себя особеннаго вниманія. Ее, конечно, прочитали съ удовольствіемъ, какъ читается все въ русской публикѣ,—нѣсколько вяло и апатично,—остроуміе автора, его особенный, чисто русскій юморъ на время позабавилъ, но, тѣмъ не менѣе, повѣсть и ея авторъ вскорѣ были позабыты. Имя автора сдѣлалось извѣстнымъ значительно позднѣе... А между тѣмъ, повѣсть эта была, безъ всякаго сомнѣнія, крупнымъ явленіемъ не для одной только тогдашней русской литературы и журналистики, пробавлявшейся, бо́льшею частью, переводными романами Дюма-отца и Евгенія Сю съ легкой прибавкой Жоржъ-Занда и Бальзака. Даже теперь, на разстояніи почти пятидесяти лѣтъ со времени напечатанія повѣсти, «Докторъ Круповъ» производитъ чрезвычайно освѣжающее впечатлѣніе, не только остроуміемъ основной идеи и деталей, но и новымъ сатирическимъ пріемомъ, который былъ употребленъ авторомъ. Къ сожалѣнію, повѣсть съ тѣхъ поръ была только однажды перепечатана въ Россіи и составляетъ большую литературную рѣдкость, о которой приходится говорить, какъ о явленіи совершенно новомъ и почти никому неизвѣстномъ.

Но это—не бѣда; при значительномъ оскуденіи современной беллетристики, не мѣшаетъ отъ времени до времени возвращаться къ явленіямъ прошлаго, и уже по нимъ судить о настоящемъ. При такомъ сравнительномъ методѣ, плоды современнаго намъ творчества могутъ показаться не особенно блестящими, а, можетъ быть, даже и совсѣмъ не

блестящими, но что же прикажете дѣлать критику, обязанному считаться съ фактами? Этотъ пріемъ исторической школы теперь, кстати, и въ модѣ; только современные ученые, окруживъ себя quasi-ученымъ, пугающимъ обыкновеннаго смертнаго, аппаратомъ, примѣняютъ его, безъ видимой пользы, къ сказаніямъ, ходячимъ повѣстямъ, притчамъ, хожденіямъ по аду средневѣковой литературы; мы же попробуемъ примѣнить его къ болѣе современнымъ явленіямъ и, притомъ, не съ формальной стороны, а по сущности идей. Такой пріемъ удобенъ и поучителенъ во многихъ отношеніяхъ,—не только въ литературномъ. По немъ мы можемъ судить фактически, нелицемѣрно, о нравахъ извѣстной эпохи и прослѣдить развитіе общественной мысли за извѣстный періодъ.

Возвращаясь къ повѣсти, указанной нами, о которой мы намѣрены побесѣдовать съ читателями, — кажется на первый взглядъ, что, при всемъ богатствѣ беллетристики сороковыхъ годовъ, она возникла, какъ явленіе изолированное, не имѣвшее корней, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ. Не придавая особеннаго значенія повѣсти, на нее смотрѣли такъ и современники. И это понятно; озабоченные текущей минутой, они плохо слѣдили за преемственностью идей. Между тѣмъ «Докторъ Круповъ» — явленіе органическое, не случайное; онъ явился только, какъ новое выраженіе всегдашняго пріема русской литературы, которой главное теченіе всегда выражалось въ сатирѣ. Это направленіе уже совершенно ясно видимо въ самыхъ первыхъ проблескахъ литературнаго движенія въ Россіи; не говоря о подготовительномъ періодѣ, можно сказать, что русская литература начинается съ сатиры,—сатиры Кантемира. Въ концѣ прошлаго столѣтія, сатира имѣетъ преобладающее значеніе: на императрицу Екатерину II можно указать, какъ на перваго,— во всякомъ случаѣ, крупнаго, — дѣятеля въ этомъ отношеніи. Затѣмъ преемственность соблюдается правильно, исторически послѣдовательно: отъ императрицы къ Фонъ-Визину, и отчасти даже къ Державину, затѣмъ къ Дмитріеву, Грибоѣдову, Гоголю, не говоря уже о второстепенныхъ писателяхъ. Все движеніе русской литературной мысли можно опредѣлить однимъ словомъ — сатира. Таково оно было въ началѣ нынѣшняго столѣтія, такимъ осталось и теперь, когда мы хоронили послѣдняго сильнаго представителя русскаго литературнаго генія, — Салтыкова, — тоже сатирика. Въ русской сатирѣ, однако, мы встрѣчаемъ одну особенность, которая уходитъ какъ бы на второй планъ въ иностранныхъ европейскихъ литературахъ, но которая придаетъ особенную жизненность русской литературѣ. На сатиру, вообще, можно смотрѣть съ двоякой точки зрѣнія, — какъ на сатиру политическую, являющуюся орудіемъ политическихъ партій, и какъ на сатиру общественную, осмѣивающую и преслѣдующую общественные и личные пороки и слабости. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, во Франціи, политическая сатира выразилась чрезвы-

чайно ярко, между прочимъ, въ Поль-Луи Курье. Раньше того, смѣхъ и озлобленіе Вольтера заняли собой почти цѣлое столѣтіе. Въ Англіи, политическая сатира создала Свифта. Подвигаясь еще глубже въ прошедшее, мы встрѣчаемъ Раблэ, который преимущественно имѣетъ значеніе, какъ представитель протеста противъ тогдашнихъ учрежденій политическихъ и религіозныхъ. Даже «Божественную Комедію» Данте, безъ натяжки, можно считать политической сатирой, направленной противъ политическаго хаоса Италіи въ. концѣ XIII вѣка.

Такое, почти исключительное, господство политической сатиры въ западной Европѣ понятно: рознь сословныхъ интересовъ, броженіе политическихъ идей, поддерживаемыхъ шаткимъ политическимъ положеніемъ, обособляющіяся политическія группы,—все указывало именно на неизбѣжность политической борьбы, которая выразилась, между прочимъ, и въ сатирѣ. Но такая, почти исключительно политическая сатира, весьма полезная, какъ политическое орудіе, мало пригодна для общественной культуры. Въ политической сатирѣ писатель преимущественно борется не съ идеями и понятіями, нравами и предразсудками, а съ противниками, или—много—съ учрежденіями; объектъ сатиры въ данномъ случаѣ переходитъ отъ идей — къ индивидуальнымъ пошлостямъ; оттого-то и жизненность этой сатиры, за малыми исключеніями, не долговѣчна. И теперь уже Свифтъ на половину не понятенъ, на половину забытъ. Изъ всего Вольтера остались, въ сущности, немногія произведенія, имѣющія интересъ въ настоящую минуту.

Русская сатира, напротивъ того,—по преимуществу общественная, и въ этомъ состоитъ, главнымъ образомъ, ея жизненность и сила. Отсутствіе сословныхъ интересовъ,—по крайней мѣрѣ, въ рѣзкихъ проявленіяхъ,— отсутствіе политической борьбы въ обществѣ,—всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, направили русскую литературу въ другую сторону общественной сатиры. И эта сатира въ русской литературѣ всегда была сильна и проходитъ красной нитью въ исторіи русскаго образованнаго общества. Путемъ сатиры мы дорабатывались до извѣстныхъ общественныхъ идеаловъ, путемъ же ея и образовывали себя. Оно и понятно: не въ политической борьбѣ сосредоточивалась интересы русскаго общества съ половины прошлаго столѣтія, а въ соціальной — съ предразсудками и невѣжествомъ. Екатерина, въ своихъ комедіяхъ и «Быляхъ и небылицахъ», осмѣиваетъ ханжество, суевѣріе, страсть къ сплетнямъ, скупость, недостатки тогдашняго воспитанія, нелѣпое прожектерство, хвастовство. У Фонъ-Визина мы встрѣчаемъ, кромѣ того, изображеніе злоупотребленій помѣщичьей власти; воспитаніе, правосудіе, обязанности дворянства, отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ,—вотъ объектъ художественной дѣятельности Фонъ-Визина;въ его комедіяхъ и статьяхъ вездѣ и всегда слышится голосъ передоваго человѣка своей эпохи; въ его са-

тирѣ,—не остроуміе только, но и сила, которая клеймитъ недостатки ума или нравственности. «Всеобщая придворная грамматика», напримѣръ, по меткости и замысловатости сатиры, можетъ стать наряду съ капитальными произведеніями въ этомъ родѣ. Въ двадцатыхъ годахъ раздается голосъ Грибоѣдова, который въ «Горѣ отъ ума» даетъ намъ любопытный типъ русскаго мизантропа, и его сатира охватываетъ еще глубже существенные интересы русскаго общества. Наконецъ, Гоголь далъ намъ цѣлый рядъ законченныхъ, высоко-художественныхъ типовъ, непосредственно взятыхъ изъ жизни, очерченныхъ съ художественною проницательностью генія. Такимъ образомъ, русская литература, съ первыхъ же самостоятельныхъ шаговъ своихъ, работаетъ въ сферѣ обновленія формъ русской общественной жизни, усвоиваетъ и перерабатываетъ идеалы, созданные культурой запада, и это дѣло продолжается и понынѣ.

Любопытнымъ и крайне интереснымъ образчикомъ сатиры въ сороковыхъ годахъ является «Докторъ Круповъ». Это не повѣсть, какъ сказано въ заглавіи, а простая шутка, въ сущности даже и не сложная, а скорѣе всего остроумная, но во всякомъ случаѣ сильно, мастерски захватывающая болѣзненныя мѣста русской общественности тогдашняго времени. Значеніе этой шутки заключается не столько въ остроумныхъ выходкахъ, имѣющихъ мѣстный и временный характеръ, сколько въ той глубинѣ основной идеи, хотя бы даже и парадоксальной, благодаря которой шутка имѣетъ значеніе и понынѣ, и одинаково примѣнима какъ къ русскому такъ и вообще ко всякому культурному обществу. Авторъ этой шутки,—тогда еще очень молодой литераторъ и мало извѣстный, — Герценъ былъ однимъ изъ выдающихся людей сороковыхъ годовъ, какъ бы отрицательно мы ни относились къ послѣдующей его дѣятельности за границей. Собственно художникомъ и беллетристомъ его нельзя назвать: мысль, теоретическій выводъ, абстрактное мышленіе заслоняютъ у него образъ, но все таки мысль,—часто необыкновенно оригинальная,—проявляется всегда у автора въ самыхъ обаятельныхъ формахъ. Здѣсь мы не будемъ касаться его литературнаго таланта; мы намѣрены указать только на одну сторону его, — на сатирическій элементъ, въ которомъ авторъ необыкновенно силенъ, но который онъ, къ сожалѣнію, слишкомъ рано оставилъ. Не говоря объ его остроуміи, которое проявляется вездѣ и такъ напоминаетъ остроуміе Гейне, — собственно общественная сатира выразилась у него только въ «Докторѣ Круповѣ», — въ шуткѣ, не имѣющей претензіи на глубину и, по формѣ, близко подходящей къ фельетону. Но этотъ фельетонъ также остроуменъ, также блеститъ юмористическими перлами, какъ и нѣкоторыя страницы «ReiseBilder». Вообще, нельзя не видѣть, что Герценъ во многомъ сроденъ съ Гейне, но несравненно образованнѣе нѣмецкаго поэта, гораздо глубже и шире его. Съ другой стороны, его «Докторъ Круповъ» напоминаетъ нѣкоторыя

сказки Вольтера, напримѣръ, «Микромегаса», «Кандида»; здѣсь, какъ и у Вольтера, шутка покоится на цѣломъ, ярко опредѣлившемся философскомъ міровоззрѣніи, и какъ бы это міровоззрѣніе ни выражалось парадоксально, оно, тѣмъ не менѣе, очень серьезно и хватаетъ гораздо дальше обыкновенной сатирической выходки.

Основная мысль «Доктора Крупова» заключается въ слѣдующемъ: докторъ Круповъ,—герой разсказа, ведущій разсказъ отъ своего лица,—пришелъ къ убѣжденію, что всѣ люди — сумашедшіе. Официальные, патентованные сумашедшіе, въ сущности, нисколько не безумнѣе, не поврежденнѣе всѣхъ остальныхъ, но только они — самобытнѣе, сосредоточеннѣе, независимѣе, оригинальнѣе, даже, можно сказать, геніальнѣе всѣхъ остальныхъ. Странные поступки завѣдомо умалишенныхъ, раздражительную ихъ злобу объяснялъ онъ себѣ тѣмъ, что все окружающее точно нарочно сердитъ ихъ и ожесточаетъ безпрерывнымъ противорѣчьемъ, жесткимъ отрицаніемъ ихъ излюбленной идеи. Замѣчательно,—разсуждаетъ, между прочимъ, докторъ,—что люди дѣлаютъ все это только въ домахъ умалишенныхъ; внѣ ихъ существуетъ между больными какое-то тонкое соглашеніе, какая-то патологическая деликатность, по которой безумные взаимно признаютъ пунктъ помѣшательства другъ въ другѣ. Все несчастіе явно безумныхъ — ихъ гордая самобытность и упрямая неуступчивость, за которую повально поврежденные, со всею злобою слабыхъ характеровъ, запираютъ ихъ въ клѣтки, поливаютъ холодной водой и проч.

Мысль эта, если хотите, не нова; можно даже сказать, что она — общее мѣсто въ литературѣ; ею даже злоупотребляли; въ той или другой формѣ она встрѣчается у писателей среднихъ вѣковъ, у Эразма и Свифта, у Вольтера; она легла въ основу «Сумашедшаго дома» Воейкова. Даже Шопенгауэръ (на этотъ разъ уже совершенно серьезно) былъ близокъ къ этой мысли, когда говорилъ: «Происхожденіе безумія станетъ понятнымъ, когда мы вспомнимъ, какъ неохотно каждый думаетъ о вещахъ непріятныхъ или враждебныхъ его интересамъ, гордости и желаніямъ, какъ трудно обдумывать долго такія вещи и, наоборотъ, какъ легко устранить мысль о нихъ изъ памяти,—если вспомнимъ, наконецъ, какъ пріятныя обстоятельства сами собой возстаютъ въ воспоминаніи и долго ласкаютъ нашу волю. Вотъ именно это сопротивленіе воли можетъ служить первоначальнымъ симптомомъ безумія. Въ здоровомъ состояніи, всякое, даже враждебное желаніямъ, событіе непремѣнно ассимилируется, т. е. находитъ себѣ надлежащее мѣсто среди остальныхъ. Разъ оно вошло въ сознаніе, оно уже не такъ мучительно, но въ самомъ началѣ процессъ бываетъ болѣзненъ. Если же сопротивленіе воли почему либо доходитъ до такой степени, когда ассимиляція дѣлается невозможной, если отъ интеллекта ускользаютъ нѣкоторыя событія, враждебныя волѣ; если, при этомъ возниканіи, пробѣлы произвольно наполняются другими событія-

ми,—то мы имѣемъ дѣло съ настоящимъ безуміемъ. Въ этихъ случаяхъ, умъ сворачиваетъ съ правильнаго пути, больной начинаетъ воображать небывалое, и начавшееся такимъ образомъ безуміе становится Летою, или убѣжищемъ мучительныхъ страданій» [1]).

Такимъ образомъ, весь интересъ герценовской шутки заключается не въ ея оригинальности и новизнѣ. Но если мысль не нова и составляетъ даже какъ бы общее мѣсто литературы, то этого нельзя сказать о той формѣ, въ которой она изложена и развита, о томъ, какъ она обставлена и проведена. Здѣсь-то именно обнаруживается вся оригинальность писателя. Докторъ Круповъ—врачъ, который, живя всю свою жизнь въ небольшомъ провинціальномъ городѣ, пришелъ къ убѣжденію, что всѣ люди сумашедшіе и на этой мысли построилъ цѣлую психіатрическую теорію. «Много и много лѣтъ,—говоритъ онъ въ своемъ предисловіи,—прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ я постоянно посвящаю время, отъ лѣченія больныхъ и исполненія обязанностей остающееся, на положеніе сравнительной психіатріи съ точки зрѣнія совершенно новой. Но недовѣріе къ силамъ, скромность и осторожность доселѣ воспрещали мнѣ всякое обнародованіе моей теоріи. Нынѣ дѣлаю первый опытъ сообщить благосклонной публикѣ часть моихъ наблюденій. Дѣлаю оное, побуждаемый предчувствіемъ скораго перехода въ минерально-химическое царство,—коего главное неудобство—отсутствіе сознанія. Полагаю, что на мнѣ лежитъ обязанность узнанное мною закрѣпить, такъ сказать, внѣ себя добросовѣстнымъ разсказомъ для пользы и соображенія сотоварищамъ по наукѣ; мнѣ кажется, что я не имѣю права допустить мысль мою безслѣдно исчезнуть, при новыхъ предстоящихъ большимъ полушаріямъ мозга моего — химическихъ сочетаніяхъ и разложеніяхъ». Самъ докторъ Круповъ, такъ своеобразно и метко схваченный, это — старый, можно сказать, тертый калачъ, человѣкъ добродушный, немножко грубый и неуклюжій, старосвѣтскій. Онъ—изъ духовнаго званія, какъ большинство русскихъ врачей добраго стараго времени; сначала онъ учился въ семинаріи и готовился въ священники, но послѣ смерти отца (дьякона) вышелъ изъ семинаріи и поступилъ въ московскій университетъ на медицинскій факультетъ. Онъ учился на мѣдныя деньги, свѣтскостью не отличался и, служа сначала полковымъ врачемъ, а потомъ переведенный по службѣ въ провинціальный городъ, гдѣ и застрялъ на всю жизнь,—онъ все свое время посвящаетъ опытамъ и наблюденіямъ, имѣющимъ непосредственное отношеніе къ его излюбленной теоріи. Провинціальный городъ конечно, изъ простенькихъ и представляетъ не богъ знаетъ какое обширное для научныхъ наблюденій поле; но какъ врачъ, лѣчившій всѣхъ въ городѣ, какъ человѣкъ опытный и знающій людей, Круповъ дѣлалъ много любо-

[1]) „Шопенгауэръ“, изд. Чуйко, стр. 89, 90.

пытныхъ научныхъ открытій, которыя онъ теперь и излагаетъ—въ своемъ опытѣ «О душевныхъ болѣзняхъ вообще и объ эпидемическомъ развитіи оныхъ въ особенности».

Типъ доктора, который путемъ научныхъ выводовъ пришелъ къ убѣжденію, что всѣ люди сумашедшіе — мысль оригинальная и метко схваченная. Пишущій эти строки знаетъ (за границей) доктора,—человѣка прекрасно образованнаго и умнаго, съ любовью занимающагося своей наукой,—который давно уже пришелъ къ точно такому же убѣжденію и притомъ совершенно серьезно, и если выводы и взгляды по этому предмету моего знакомаго разнятся отъ выводовъ и взглядовъ доктора Крупова, то это обстоятельство я имѣлъ поводъ объяснить разницей въ ихъ положеніяхъ и, главнымъ образомъ, разницей той среды, въ которой каждый изъ нихъ принужденъ жить и работать. Такъ обыкновенно бываетъ съ научными теоріями: ихъ происхожденіе и корни часто гнѣздятся въ личной жизни. Такъ было, между прочимъ, и съ докторомъ Круповымъ. Не теоретическими, чисто умозрительными выводами пришелъ онъ къ открытію своей теоріи,—на нее натолкнула его жизнь, когда онъ былъ еще ученикомъ въ семинаріи и пріѣзжалъ лѣтомъ въ деревню къ отцу. Въ деревнѣ у пономаря былъ сынъ-мальчикъ, Левка, съ которымъ молодой Круповъ сблизился и подружился. «Чѣмъ болѣе я возвращаюсь къ воспоминаніямъ о немъ, чѣмъ внимательнѣе перебираю ихъ, тѣмъ яснѣе мнѣ становится, что пономаревъ сынъ былъ ребенокъ необыкновенный; шести лѣтъ онъ плавалъ, какъ рыба, лазилъ на самыя большія деревья, уходилъ за нѣсколько верстъ отъ дома одинъ-одинехонекъ, ничего не боялся, былъ какъ дома въ лѣсу, зналъ всѣ дороги и, въ то же время, былъ чрезвычайно непонятливъ, разсѣянъ, даже тупъ. Лѣтъ восьми насъ стали учить грамотѣ; я черезъ нѣсколько мѣсяцевъ бѣгло читалъ псалтырь, а Левка не дошелъ и до складовъ. Азбука сдѣлала переворотъ въ его жизни. Отецъ его употреблялъ всевозможныя средства, чтобы развить умственныя способности сына,—и не кормилъ дня по два, и сѣкъ такъ, что недѣли двѣ рубцы были видны, и половину волосъ выдралъ ему, и запиралъ въ темный чуланъ на сутки,—все было тщетно: грамота Левкѣ не давалась; но безжалостное обращеніе онъ понялъ, ожесточился, и высказалъ все, что съ нимъ дѣлали, съ какою-то злою сосредоточенностью. Это ему не дешево стоило: онъ исхудалъ; видъ его, выражавшій прежде дѣтскую кротость и дѣтскую беззаботность, сталъ выражать дикость запуганнаго звѣря; на отца онъ не могъ смотрѣть безъ ужаса и отвращенія. Побился еще года два пономарь съ сыномъ, увидѣлъ, наконецъ, что онъ глупорожденный и предоставилъ ему полную волю». И, дѣйствительно, Левка сталъ юродивымъ. Мужики надъ нимъ издѣвались, мальчики били, однѣ лишь бабы сожалѣли бѣднаго мальчика и по временамъ кормили его. Даже отецъ-

дьячокъ, человѣкъ вовсе не злой, не могъ обращаться съ Левкой иначе, какъ унижая его и возвышая себя. «А что, Левка, — говаривалъ онъ ему,—любишь ли ты кого нибудь больше этого пса смердящаго?—Люблю,—отвѣчалъ Левка:—Сеньку (молодаго Крупова) люблю больше.—Видишь, губа-то не дура; ну, а кого еще любишь?—Никого,—простодушно отвѣчалъ Левка.—Ахъ, глупорожденный, глупорожденный, ха, ха, ха! а мать родную меньше любишь развѣ?—Меньше,—отвѣчалъ Левка.—А отца твоего?—Совсѣмъ не люблю.—О, Господи Боже, чти отца твоего и матерь твою, а ты, дуракъ, что? безсмысленныя животныя, и тѣ любятъ родителей, какъ же разумному подобію божью не любить ихъ?—Какія животныя?—Ну, какія, лошади, псы всякіе.—Левка качалъ головой:—Развѣ щенята, а большія—нѣтъ. Они тѣхъ любятъ, кто по нраву придется. Вотъ наша кошка Машка любитъ моего Шарика». Этотъ Шарикъ былъ его закадычнымъ другомъ. Собачонку эту онъ пріобрѣлъ неотъемлемыми правами. Разъ, когда Левка лежалъ на пескѣ у рѣки, крестьянскій мальчикъ вынесъ щенка, привязалъ ему камень на шею и, подойдя къ крутому берегу, гдѣ рѣка была поглубже, бросилъ туда собачонку; въ одинъ мигъ Левка отправился за нею, нырнулъ и черезъ минуту явился на поверхности со щенкомъ; съ тѣхъ поръ они не разлучались.—По поводу этой исторіи со щенкомъ, нельзя не вспомнить разсказъ Тургенева «Муму». У Тургенева такой же точно случай послужилъ содержаніемъ цѣлой небольшой повѣсти, написанной съ большимъ талантомъ. Здѣсь Левка — юродивый мальчикъ, у Тургенева—дворникъ Герасимъ, мужчина двѣнадцати вершковъ росту, сложенный богатыремъ и глухонѣмой отъ рожденія. Левка спасаетъ собачонку,—и Герасимъ тоже; оба привязываются къ собачонкѣ, и она дѣлается ихъ другомъ. У Герцена этотъ случай только вскользь упомянутъ, а у Тургенева онъ послужилъ канвой настоящаго цѣльнаго разсказа. Но съ литературной точки зрѣнія интересно то, что Тургеневъ заимствуетъ эту мысль и даже нѣкоторыя детали у Герцена, что ясно уже и потому, что «Муму» написанъ въ 1852 году, а «Докторъ Круповъ» въ 1847 году. На это обстоятельство,—въ сущности, второстепенное и незначительное, критика, насколько мнѣ извѣстно, не обратила еще вниманія.

Молодой Круповъ, уже и тогда подумывавшій поступить на медицинскій факультетъ, недоумѣвалъ, съ чего люди, окружающіе Левку, воображаютъ, что они лучше его, отчего считаютъ себя вправѣ презирать, гнать это существо, такое доброе, никому никогда не сдѣлавшее вреда? И какой-то таинственный голосъ шепталъ ему:—оттого, что и всѣ остальные—юродивые, только на свой ладъ, и сердятся, что Левка глупъ по своему. «И въ самомъ дѣлѣ,—думалось мнѣ,—чѣмъ Левка хуже другихъ? Тѣмъ, что онъ не приноситъ никакой пользы? Ну, а пятьде-

сятъ поколѣній, которыя жили только для того на этомъ клочкѣ земли, чтобы ихъ дѣти не умирали съ голоду сегодня и чтобы никто не зналъ, зачѣмъ они живутъ и для чего живутъ,—гдѣ же польза ихъ существованія? Наслажденіе жизнью? Да они ею никогда не наслаждались, по крайней мѣрѣ, гораздо меньше Левки. Дѣти? дѣти могутъ быть и у Левки, это—дѣло не хитрое. Зачѣмъ Левка не работаетъ? что за бѣда; онъ ни у кого ничего не проситъ, кое-какъ сытъ. Работа не наслажденіе; кто можетъ обойтись безъ работы, тотъ не работаетъ; всѣ остальные на себя работаютъ безъ всякой пользы, работаютъ цѣлый день, чтобы съѣсть кусочекъ черстваго хлѣба, и хлѣбъ ѣдятъ для того, чтобы завтра работать, въ твердой увѣренности, что выработанное—не ихъ. Здѣшній помѣщикъ, Ѳедоръ Григорьевичъ, одинъ ничего не дѣлаетъ, а пользы получаетъ больше всѣхъ, да и то онъ ее не дѣлаетъ, она какъ-то сама дѣлается ему. Жизнь его, сколько я знаю, проходитъ въ бо́льшей пустотѣ, нежели жизнь Левки, который, если нѣтъ другаго, гуляетъ, а то на все сердится. Чѣмъ Левка сытъ, я не понимаю, но знаю одно, что, какъ онъ ни тупъ, но если наберетъ земляники или грибовъ, то его не такъ-то легко убѣдить, что онъ можетъ ѣсть однѣ неспѣлыя ягоды съ сыроѣжками и что вкусныя ягоды и бѣлые грибы принадлежатъ... ну, хоть отцу Василію. Левка никогда дома не живетъ, не исполняетъ ни гражданскихъ, ни семейныхъ обязанностей сына, брата. Ну, а тѣ, которые дома живутъ, развѣ исполняютъ? У него есть еще семь братьевъ и сестеръ, живущихъ дома въ какомъ-то состояніи постоянной войны между собой и съ пономаремъ. Все такъ, но пустая жизнь его. Да отчего же она пустая? Онъ вжился въ природу, онъ понимаетъ ея красоты по своему, а для другихъ—жизнь пошлый бредъ, тупое одно и то же, ни къ чему не ведущее... И я постоянно возвращался къ основной мысли, что причина всѣхъ гоненій на Левку состоитъ въ томъ, что Левка глупъ на свой особенный манеръ, а другіе повально глупы; и такъ какъ картежники не любятъ неиграющихъ, а пьяницы—непьющаго, такъ и они ненавидятъ бѣднаго Левку».

Съ грѣхомъ пополамъ, молодой Круповъ освободился изъ семинаріи и поступилъ на медицинскій факультетъ. Занимался онъ, какъ по всему видно, усердно и въ наукахъ преуспѣвалъ. Разумѣется, больше всего онъ занимался психіатріей. Мысль о невольномъ сумашествіи человѣчества не оставляла его. Еще въ университетѣ онъ имѣлъ случай дѣлать важныя наблюденія, и такъ какъ его умъ былъ постоянно сосредоточенъ на одной мысли, то не мудрено, что эти наблюденія принесли свои плоды. Главный докторъ въ заведеніи былъ добрѣйшій человѣкъ въ мірѣ, но, по мнѣнію Крупова, болѣе поврежденный, нежели половина его больныхъ. Онъ надѣвалъ, напримѣръ, на себя одинъ шейный и два петличныхъ ордена для того, чтобы пройти по палатамъ безумныхъ; онъ давалъ чув-

ствовать фельдшерамъ, что ему пріятно, когда ему говорятъ: «ваше превосходительство», а чиномъ былъ статскій совѣтникъ; разныя другія шалости ясно доказывали пораженіе большихъ полушарій мозга. Больные ненавидѣли его оттого, что онъ, самъ стоя на одной ночвѣ съ ними, вступалъ съ ними въ соревнованіе. «Я—китайскій императоръ», кричалъ ему одинъ больной, привязанный къ толстой веревкѣ, которой по необходимости ограничивали высочайшую власть его. «Ну, когда же китайскій императоръ сидѣлъ на веревкѣ?»—отвѣчаетъ добродушный нѣмецъ съ пресерьезнымъ видомъ, какъ будто онъ самъ сомнѣвался, не дѣйствительно ли китайскій императоръ передъ нимъ. Больной выходилъ изъ себя, слыша возраженіе, скрежеталъ зубами, кричалъ, что его Вольтеръ и іезуиты посадили на цѣпь, и долго потомъ не могъ успокоиться. Другой тупоумный старичокъ, воображавшій, что онъ гораздо лучше докторовъ и смотрителей знаетъ, какъ надобно за больными ходить, всякій разъ приказывалъ такой вздоръ, что за него дѣлалось стыдно; однако, главный докторъ съ непокрытой головой слушалъ его до конца благоговѣйно и не говорилъ ему, что все это вздоръ, не дразнилъ его, а китайскаго императора дразнилъ.

Во время своего студенчества, Круповъ жилъ на квартирѣ. Онъ былъ такъ преданъ своей теоріи и такъ увѣровалъ въ нее, что и дома продолжалъ дѣлать наблюденія. Однимъ изъ интересныхъ субъектовъ его наблюденій была мѣщанка Матрена Бучкина. Она служила у него въ кухаркахъ. «Сложеніе сангвиническое, наклонность къ толщинѣ, лѣтъ тридцати, замужемъ»,—значится въ его медицинскомъ журналѣ. Выписываемъ мѣсто его журнала, относящееся къ Бучкиной. «Не видать, чтобы у нея была особенная привязанность къ мужу, но отношенія ихъ въ высшей степени замѣчательны и драгоцѣнны, какъ патологическій фонъ. Мужъ ея—сапожникъ и живетъ въ другомъ домѣ; онъ ходитъ къ ней обыкновенно утромъ, въ воскресенье. Матрена покупаетъ на послѣднія деньги вина и печетъ пироги или блины. Часу въ девятомъ, мужъ ея напивается пьянъ и тотчасъ начинаетъ ее продолжительно бить; потомъ онъ входитъ въ летаргическій сонъ до понедѣльника и, проснувшись, отправляется со страшной головной болью за свою работу, питаясь пріятной надеждой черезъ семь дней снова отпраздновать такъ семейно и кротко воскресный день. Такъ какъ она приходила всякій разъ съ горькими жалобами ко мнѣ на своего мужа, то я совѣтовалъ ей не покупать ему вина, основываясь на томъ, что оно имѣетъ на него дурное вліяніе. Но больная весьма оскорблялась моими совѣтами и возражала, «что она не безчестная какая нибудь и не нищая, чтобы своему законному мужу не поднести стаканъ вина въ святъ день до обѣда, что, сверхъ того, она покупаетъ вино на свои деньги, а не на мои, и что—если мужъ ее колотитъ,—такъ все же онъ Богомъ данный ей мужъ».

Отвѣтъ этотъ, много разъ повторяемый, очень замѣчателенъ; можно добраться по немъ до странныхъ законовъ мышленія мозга, пораженнаго болѣзнью; ни одного слова нѣтъ въ ея отвѣтѣ, которое бы шло къ моему замѣчанію, а при болѣзни мозга ей казалось, что она вполнѣ опровергаетъ меня. Но до какой степени и это поверхностно, я доказываю тѣмъ, что стоило мнѣ, продолжая мои наблюденія, сказать ей: «А ты зачѣмъ съ нимъ споришь? ты бы смолчала, вѣдь онъ твой мужъ и глава». Тогда больная приходила въ состояніе, близкое къ маніи, и съ сердцемъ говорила: «Онъ злодѣй мнѣ, а не мужъ; я ему не дура досталась молчать, когда онъ несетъ всякій вздоръ». И тутъ она стала бранить не только его, но и барыню свою, которая, въ истинно материнскихъ попеченіяхъ своихъ о подданныхъ, сама приняла на себя трудъ избрать ей мужа; выборъ палъ на сапожника не случайно, а потому, что онъ крѣпко хмѣлемъ зашибалъ, такъ барыня думала, что онъ остепенится, женившись; конечно, не ея вина, если она ошиблась. Errare humanum est! Отношенія ея къ дѣтямъ любопытны въ высшей степени и имѣютъ двойной интересъ. Тутъ я имѣлъ случай видѣть, какъ съ самаго дня рожденія прививаютъ безуміе. Сначала чисто механически, крѣпкимъ пеленаніемъ, причемъ сдавливаютъ ossa parietaria черепа, чтобы помѣшать мозговому развитію,—это съ своей стороны уже очень дѣйствительно. Потомъ употребляютъ органическія средства; они состоятъ преимущественно въ чрезмѣрномъ развитіи прожорливости и въ дурномъ обращеніи. Когда организмъ ребенка не изловчился еще переваривать всю дрянь, которая ему давалась, отъ грязной соски до жирныхъ лепешекъ, дитя иногда страдало; мать лѣчила его сама и въ медицинскихъ убѣжденіяхъ своихъ расходилась со всѣми врачами,—отъ Иппократа до Босгрива, и отъ Босгрива до Гуфланда; иногда она откачивала его такъ, какъ спасаютъ утопленника (средство совершенно безвредное, если утопленникъ умеръ, и способное показать усердіе присутствующихъ); ребенокъ впадалъ въ морскую болѣзнь отъ качки, что̀ его дѣйствительно облегчало, и мать начинала, на извѣстномъ основаніи Ганеманова ученія, клинъ клиномъ вышибать, кормить его селедкой, капустой; если же ребенокъ не выздоравливалъ, мать начинала его бить, толкать, дергать; наконецъ, прибѣгала къ послѣднему средству,—давала ему или настойки, или маковаго молока и радовалась очевидной пользѣ отъ лѣкарства, когда ребенокъ впадалъ въ тяжелое опьяненіе или въ летаргическій сонъ. Въ дополненіе слѣдуетъ замѣтить, что Матрена на свой манеръ чрезвычайно любила ребенка. Любовь ея къ дѣтямъ была совершенно въ родѣ любви къ мужу; она покупала на скудныя деньги свои какой нибудь тафтицы на одѣяльце и потомъ безщадно била ребенка за то, что онъ ненарочно капалъ на него молоко. Мнѣ очень жаль, что я скоро разстался съ Матреной и не могъ доучить этотъ интересный субъектъ. Къ тому

же, я впослѣдствіи услышалъ, что ея ребенокъ не выдержалъ воспитанія и умеръ».

Отношенія гражданскія и общественныя, отношенія къ церкви и къ государству этого любопытнаго субъекта не сообщены намъ Круповымъ. А жаль: они, можетъ быть, привели бы насъ къ очень любопытнымъ заключеніямъ, тѣмъ болѣе, что Круповъ, какъ по всему видно, былъ талантливый психіатръ-наблюдатель и, какъ мы имѣли случай убѣдиться, замѣчалъ по временамъ такія детали, которыя проходятъ незамѣченными у большинства смертныхъ, не привыкшихъ къ пріемамъ научнаго наблюденія и не поглощенныхъ, какъ онъ, одной плодотворной идеей. О своихъ наблюденіяхъ въ пѣхотномъ полку, куда онъ былъ назначенъ лѣкаремъ, Круповъ точно также не распространяется, а переходитъ прямо къ тѣмъ наблюденіямъ и выводамъ, какіе онъ получалъ, переселившись въ провинціальный городокъ. На первый случай, для наблюденій служили ему два заведенія,—домъ умалишенныхъ и канцелярія управы. Читатели, конечно, уже замѣтили, что докторъ Круповъ не только научно образованъ, но талантливъ, остроуменъ, вслѣдствіе чего, его наблюденія имѣютъ не только научный интересъ, но также и болѣе общій интересъ, доступный всякому образованному человѣку.

Добросовѣстно изучая субъектовъ въ обоихъ заведеніяхъ, онъ былъ пораженъ сходствомъ чиновниковъ канцеляріи съ больными; разумѣется, наружные факты тоже бросались въ глаза, но врачъ долженъ идти далѣе; по наружности долгое время кита считали рыбой. Самое важное различіе между писарями и больными состояло въ образѣ поступленія въ заведеніе: первые просились объ опредѣленіи, а вторые были опредѣляемы высшимъ начальствомъ, вслѣдствіе публичнаго испытанія въ губернскомъ правленіи. Но, однажды помѣщенные въ канцелярію, писаря тотчасъ подвергались психической эпидеміи, весьма быстро заражавшей все нормально человѣческое и еще быстрѣе развивавшей искаженныя потребности, желанія, стремленія; цѣлые дни работали эти труженики съ усердіемъ,—болѣе нежели съ усердіемъ, съ завистью; штаты были тогда еще невѣроятные, едва эти бѣдняки въ будни досыта наѣдались, а въ праздники до пьяна напивались, и ни одинъ не хотѣлъ заняться какимъ нибудь ремесломъ, считая всякую частную работу несовмѣстною съ человѣческимъ достоинствомъ, дозволяющимъ только брать двугривенные за справки. Когда Круповъ вполнѣ убѣдился, что канцелярщина ведетъ къ особому специфическому пораженію мозга, ему опротивѣли всѣ эти журнальныя побасенки, наполненныя насмѣшками надъ чиновниками. Смѣяться надъ больными показываетъ жестокость сердца. Какое-то безпокойное чувство, похожее на угрызеніе совѣсти, овладѣвало вновь поступившими здоровыми субъектами; имъ становилось замѣтно тягостно

быть здоровыми; они такъ страдали тоскою по безумью, что излѣчивались отъ умственныхъ способностей разными спиртными напитками, и Круповъ замѣтилъ, что, при надлежащемъ и постоянномъ употребленіи ихъ, они дѣйствительно успѣвали поддерживать себя въ искусственномъ состояніи безумія, которое мало по малу становилось естественнымъ.

Незамѣтно, кругъ наблюденій доктора Крупова сталъ расширяться; отъ спеціальныхъ заведеній, гдѣ безуміе, по его мнѣнію, имѣло эпидемическій (или, вѣрнѣе, эндемическій) характеръ и гдѣ оно, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной степени, могло быть еще объясняемо специфической атмосферой, вредно вліявшей на мозги паціентовъ, — онъ вскорѣ перешелъ къ прочимъ жителямъ города и въ скоромъ времени для него не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что всѣ они—«поврежденные». Выводъ, конечно, странный, на основаніи котораго, казалось бы на первый взглядъ, не безъ основанія можно было бы заключить, что и у самого доктора Крупова образовалось нѣчто въ родѣ idea fixa, нѣчто въ родѣ помѣшательства, благодаря которому онъ одинъ считалъ себя нормально здоровымъ человѣкомъ, а всѣхъ остальныхъ считалъ сумашедшими. Но такое заключеніе, очевидно, будетъ поверхностнымъ и несерьезнымъ. Если теорія Крупова интересна, то и самъ Круповъ интересенъ, и если мы обратимъ вниманіе на складъ его ума, на большую послѣдовательность и логичность его идей, на привычку къ точному научному анализу, то убѣдимся, что его теорія есть плодъ науки, а вовсе не безумія. Къ тому же, всякая теорія—односторонняя и, такъ сказать, прямолинейна. Человѣкъ, преданный созданной имъ теоріи, очевидно, склоненъ преувеличивать ея значеніе, систематизировать факты, подводить ихъ подъ общій знаменатель и создавать имъ, на основаніи своей теоріи, искусственную атмосферу. Этой односторонности и прямолинейности не былъ лишенъ и докторъ Круповъ, хотя былъ и умный человѣкъ, увлеченный своей теоріей, онъ, по временамъ, предавался легкомыслію и дѣлалъ выводы не строго научные. Къ такого рода выводамъ, очевидно, принадлежитъ и тотъ, который онъ сдѣлалъ по отношенію къ городу, гдѣ судьба заставила его жить. По его мнѣнію, этотъ городъ — не больше, какъ губернское правленіе, обросшее разными домами и жителями, возникшими около присутственныхъ мѣстъ. Выводъ, очевидно, слишкомъ поспѣшный и обличающій въ Круповѣ легкомысленную склонность слишкомъ поверхностно обобщать факты. Дальнѣйшія соображенія почтеннаго доктора какъ нельзя лучше подтверждаютъ нашу мысль. Начальство,— разсуждаетъ онъ, — составляетъ сущность, цвѣтъ, корень и плодъ города. Остальные жители,—купцы и мѣщане, — больше находились для порядка, ибо нельзя же городу быть безъ купцовъ и мѣщанъ. Всѣ получали смыслъ только въ отношеніи къ начальству (и къ откупу,

впрочемъ): мастеровые, напримѣръ, портные, сапожники, шили для чиновниковъ фраки и сапоги; содержатель трактира имѣлъ для нихъ бильярдъ. Прочіе не служащіе въ городѣ занимались исключительно произведеніемъ тѣхъ средствъ, на которыя чиновники заказывали фраки, сапоги и увеселялись на бильярдѣ. Въ городѣ, — по приблизительной статистикѣ доктора Крупова, — было пять тысячъ жителей; изъ нихъ человѣкъ двѣсти были повергнуты въ томительную дѣятельность по отсутствію всякаго отдыха. Тѣ, которые денно и нощно работали, не вырабатывали ничего, а тѣ, которые ничего не дѣлали, безпрерывно вырабатывали,—и очень много. Въ такихъ обобщеніяхъ нельзя не замѣтить большаго легкомыслія почтеннаго доктора, легкомыслія, доказывающаго, что и онъ, подобно прочимъ смертнымъ, способенъ былъ увлекаться и дѣлалъ выводы неосновательные. Въ основѣ его выводовъ, безъ всякаго сомнѣнія, лежитъ дѣйствительный фактъ, — докторъ былъ человѣкъ вполнѣ добросовѣстный и выдумывать фактовъ, конечно, не сталъ бы. Его нѣсколько пылкое (мало приличное ученому) воображеніе было поражено, на первый взглядъ, странной организаціей русскаго провинціальнаго города, и вотъ онъ начиналъ, по поводу этого факта, фантазировать, полагая, что находится въ предѣлахъ науки. И выводъ оказался, по внимательномъ разсмотрѣніи, явно ложнымъ, ибо всѣмъ достаточно хорошо извѣстно, что начальство только печется о благѣ жителей и, слѣдовательно, оно должно быть тамъ, гдѣ есть жители; очевидно, что въ городѣ, гдѣ не было бы жителей, не было бы и начальства, ибо начальству не было бы кѣмъ управлять. Экономическія же отношенія устанавливаются сами собой и, очевидно, не зависятъ ни отъ начальства, ни отъ жителей.

Но если въ общихъ своихъ положеніяхъ и выводахъ докторъ Круповъ не всегда основателенъ, не всегда наученъ, зато чистые факты и случаи, приводимые изъ его практики, чрезвычайно поучительны. Тутъ мы опять встрѣчаемся съ талантливымъ наблюдателемъ, отъ котораго не ускользаетъ никакая мелочь, никакое самое обыденное явленіе. Что̀ можетъ быть проще и обыкновеннѣе, напримѣръ, тщеславія русскаго человѣка? Каждый изъ насъ знаетъ тысячи примѣровъ такого тщеславія; оно такъ обыкновенно, что мы даже и не обращаемъ на него никакого вниманія; но вотъ является докторъ Круповъ, и тотъ же обычный фактъ, мимо котораго вы проходите безъ всякаго вниманія, вдругъ пріобрѣтаетъ большой научный интересъ.

Докторъ, преслѣдуя свои наблюденія, разсказываетъ, что рядомъ съ нимъ жилъ богатый помѣщикъ, гордый своимъ имѣніемъ и скряга. Онъ держалъ домъ на заперти, никого не пускалъ къ себѣ, рѣдко самъ выѣзжалъ и неизвѣстно зачѣмъ жилъ въ городѣ. Главное его занятіе — стяжаніе и накапливаніе денегъ, но это дѣлается, за кулисами; въ тор-

жественныя же минуты онъ совершенно преобразуется. У него закуплены люди, чтобъ извѣщать его, когда черезъ городъ проѣзжаетъ какой нибудь сановникъ, генералъ внутренней стражи, генералъ путей сообщеній, ревизующій чиновникъ не ниже пятаго класса.

«Сосѣдъ мой,—разсказываетъ докторъ Круповъ,—получивши вѣсть, тотчасъ надѣвалъ дворянскій мундиръ и отправлялся къ его превосходительству; тотъ, разумѣется, съ дороги спалъ, сосѣда не пускали; онъ давалъ на водку цѣлковый, синенькую, упорствовалъ, дожидался часы цѣлые, наконецъ объ немъ докладывали. Генералъ (ибо въ эти минуты и чиновникъ пятаго класса чувствовалъ себя не только генераломъ, но генералъ-фельдмаршаломъ) принималъ просителя, не скрывая ярости и не воздавая вѣсу и мѣры словамъ своимъ. Проситель, послѣ долгихъ околичностей, докладывалъ, что вся его просьба, отъ которой зависитъ его счастіе, счастіе его дѣтей и жены, состоитъ въ томъ, чтобы его превосходительство изволилъ откушать у него завтра, или отужинать сегодня; онъ такъ трогательно просилъ, что ни одинъ высокій сановникъ не могъ противостоять и давалъ ему слово. Тутъ наставали поэтическія минуты его жизни. Онъ бросался въ рыбные ряды, покупалъ стерлядь ростомъ съ извѣстнаго тамбуръ-мажора, и ее живую перевозилъ въ подвижномъ озерѣ къ себѣ на дворъ; выгружалось старинное серебро, вынималось старое вино. Онъ бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, бранился съ женой, дѣлалъ отеческія исправленія дворецкому, грозился на всю жизнь сдѣлать уродомъ и несчастнымъ повара (для ободренія), звалъ человѣкъ двадцать гостей, бѣгалъ съ курильницей по комнатамъ, встрѣчалъ въ сѣняхъ генерала, цѣловалъ его въ шовъ, идущій подъ руку. Шампанское лилось у скряги за здоровье высокаго пріѣзжаго. И, замѣтьте, все это изъ помѣшательства, все это безкорыстно. И что̀ еще важнѣе для психіатріи,—это то, что его безуміе всякій разъ навѣрно переносилось съ обратными признаками на гостя. Гость вѣрилъ, что онъ по гробъ одолжилъ хозяина тѣмъ, что прекрасно пообѣдалъ. Каковы діагностическіе знаки безумія!»

Дѣйствительно, фактъ любопытный, но еще любопытнѣе то, что, встрѣчаясь съ такими фактами, мы не обращаемъ на нихъ вниманія, а если и обращаемъ, то считаемъ ихъ совершенно нормальными, въ порядкѣ вещей и, въ крайнемъ случаѣ (если фактъ уже очень исключителенъ, поражаетъ своею странностью), объясняемъ его тщеславіемъ. Но вѣдь тщеславіе—не болѣе, какъ слово, которое лишь констатируетъ фактъ, но нисколько не объясняетъ его. На это обстоятельство докторъ Круповъ, къ сожалѣнію, не обратилъ вниманія, а между тѣмъ тутъ-то, быть можетъ, и заключается основное объясненіе множества явленій которыя, на первый взглядъ, кажутся непонятными. Возьмите, напримѣръ, слово: адюльтеръ. Какая нибудь барыня всю жизнь, можетъ быть,

занимается адюльтеромъ, обманываетъ мужа, имѣетъ любовниковъ, и ей не только все это сходитъ съ рукъ, но и она сама не считаетъ себя нисколько преступной. Представьте же себѣ, что по тому или другому поводу она опредѣлитъ свое поведеніе словомъ адюльтеръ, дастъ ему имя, названіе. Въ сущности, — ничего не произошло, фактъ остался прежнимъ фактомъ и только получилъ названіе; но это слово, это названіе — совершенно достаточно, чтобы измѣнить отношеніе къ факту легкомысленной барыни: она ужаснется и даже, быть можетъ, исправится. И что̀ любопытно, — посторонніе наблюдатели точно также отнесутся къ дѣлу, какъ она: пока фактъ не былъ опредѣленъ словомъ, его точно не замѣчали, съ нимъ мирились, но адюльтеръ!.. Помилуйте, какъ можно! — И этого одного слова достаточно, чтобъ репутація женщины была совершенно потеряна. Это психологическое наблюденіе, — которое, если память не измѣняетъ мнѣ, было мужественно эксплуатировано однимъ лишь Стендалемъ въ романѣ «Rouge et Noir», — можетъ также быть объяснено теоріей доктора Крупова, какъ одинъ изъ симптомовъ сумашествія или, по крайней мѣрѣ, расположенія къ сумашествію большинства людей.

Это обстоятельство напоминаетъ намъ еще одно интересное наблюденіе, приводимое докторомъ Круповымъ. Въ качествѣ врача, Круповъ сталкивался со всякаго рода людомъ, но, по отношенію къ его теоріи, самыми интересными паціентами оказывались члены такъ называемаго образованнаго общества. Казалось бы, что въ дѣйствительности дѣло должно было происходить какъ разъ наоборотъ: предразсудки, нелѣпости, отсутствіе послѣдовательности въ поступкахъ, уклоны отъ нормы въ большинствѣ случаевъ являются результатами невѣжества, убожества мысли, находящейся въ оковахъ традиціонныхъ воззрѣній и не освобожденной развитіемъ. Но въ дѣйствительности бываетъ не такъ. Круповъ на это обстоятельство, — въ сущности, весьма важное при опредѣленіи симптомовъ болѣзни, — не обратилъ вниманія, но оно ярко выступаетъ изъ всего его трактата.

Итакъ, онъ былъ часто призываемъ лѣчить тѣло тамъ, гдѣ слѣдовало лѣчить душу, какъ онъ выражался. Его призываютъ, напримѣръ, къ Аннѣ Ѳедоровнѣ, женщинѣ лѣтъ тридцати, любившей и любящей многихъ мужчинъ, за исключеніемъ своего мужа, богатаго помѣщика, точно также расположеннаго ко всѣмъ женщинамъ, кромѣ Анны Ѳедоровны. Анна Ѳедоровна лежитъ въ постели, со вспухшими глазами; у ней жаръ, боль въ груди. — У васъ, Анна Ѳедоровна, — говоритъ Круповъ, — нервы разстроены; я вамъ пропишу немножко лаврово-вишневой воды, — на свѣтъ не ставьте, — она портится; такъ принимайте, — сколько бишь вамъ лѣтъ? — капель по двадцати. — Больная становится веселѣе и кусаетъ губы. — Да знаете ли что, Анна Ѳедоровна, вамъ бы надо по-

ѣхать куда нибудь, ну, хоть въ деревню; жизнь, которую вы ведете, васъ разстроитъ окончательно. — Мы ѣдемъ въ маѣ мѣсяцѣ съ Никаноромъ Ивановичемъ въ деревню.—А! прекрасно! — такъ вы останьтесь здѣсь. Это будетъ лучше.—Что вы хотите этимъ сказать?—Вамъ надобенъ покой безусловный, тишина; иначе я не отвѣчаю за то, что, наконецъ, изъ этого выйдутъ серьезныя послѣдствія.—Я несчастнѣйшая женщина, Семенъ Ивановичъ, у меня будетъ чахотка, я должна умереть. И во всемъ виноватъ этотъ извергъ,—ахъ, Семенъ Ивановичъ, спасите меня!—Извольте. Только мое лѣкарство будетъ не изъ аптеки; вотъ рецептъ: возьми небольшой, чистенькій домъ, въ самомъ дальнемъ разстояніи отъ Никанора Ивановича, прибавь мебель, цвѣты, книги. Живи, какъ сказано, тихо, спокойно.—Легко вамъ говорить, вы не знаете, что такое бракъ. — Не знаю, но догадываюсь: полюбовное насилье жить вмѣстѣ, когда хочется жить врозь, и совершеннѣйшая роскошь, когда хочется и можно жить вмѣстѣ; не такъ ли?—О, вы такой вольнодумъ! Какъ я покину мужа?—Анна Ѳедоровна, вы меня простите,—одна долгая практика въ вашемъ домѣ позволяетъ мнѣ идти къ такой откровенности: я осмѣлюсь сдѣлать вамъ вопросъ.—Что угодно, Семенъ Ивановичъ, вы другъ дома, вы...—Любите ли вы вашего мужа?—Ахъ, нѣтъ, я готова это сказать передъ всѣмъ свѣтомъ, — безумная тетушка моя сварганила этотъ несчастный бракъ.—Ну, а онъ васъ?—Искры любви нѣтъ въ немъ. Теперь почти въ открытой интригѣ съ Полиной, вы знаете,— мнѣ Богъ съ ними со всѣми, да вѣдь денегъ что это ему стоитъ...—Очень хорошо-съ. Вы другъ друга не любите, скучаете; вы оба богаты,—что васъ держитъ вмѣстѣ?—Да помилуйте, Семенъ Ивановичъ, за кого же вы меня считаете? Моя репутація дороже жизни. Что обо мнѣ скажутъ? — Это конечно. Но Боже мой,—половина перваго? Что это такъ время-то идетъ? Да-съ, такъ по двадцати капель лаврово-вишневой воды, хотя три раза до ночи, а я заѣду какъ нибудь завтра.

Впрочемъ, и Никаноръ Ивановичъ не лучше.—Вы честный человѣкъ,—говоритъ онъ Крупову, встрѣтивъ его выходящимъ отъ жены,—я васъ всю жизнь зналъ за честнаго человѣка, вы благородный человѣкъ, вы поймете, что такое честь. Вы меня по гробъ обяжете, ежели скажите истину.—Сдѣлайте одолженіе, что вамъ угодно? — Да какъ вы считаете положеніе жены?—Оно не опасно; успокойтесь,это пройдетъ; я прописалъ капельки.—Да чортъ съ ней, не объ этомъ дѣло; по мнѣ хоть сегодня ногами впередъ, да и со двора. Это змѣя, а не женщина, лучшія лѣта жизни отняла у меня. Не объ этомъ рѣчь.—Я васъ не понимаю.—Что это, ей-богу, съ вами? Ну, то есть болѣзнь ея подозрительна или нѣтъ? — Вы желаете знать насчетъ того, нѣтъ ли какихъ надеждъ на наслѣдничка? — Наслѣдничка! я ей покажу наслѣдничка! Что это за женщина! Знаете, для меня ужь коль женщина въ эту сторону, все кончено — нѣтъ, не

могу! Законная жена, Семенъ Ивановичъ, она мое имя носитъ, она мое имя пятнаетъ. — Я ничего не понимаю. А впрочемъ, знаете, Никаноръ Ивановичъ, жили бы вы въ разныхъ домахъ, для обоихъ было бы спокойнѣе.—Да-съ, такъ я ей и позволю, ха, ха, ха, выдумали ловко! ха, ха, ха, какъ же, позволю! Вѣдь я не французъ какой нибудь! вѣдь я родился и выросъ въ благочестивой дворянской семьѣ, — нѣтъ-съ, вѣдь я знаю законъ и правила!..

Весь этотъ разрядъ явно болѣзненныхъ, патологическихъ явленій можно опредѣлить, какъ явное и постоянное стремленіе къ цѣлямъ не существующимъ и какъ опущеніе цѣлей дѣйствительныхъ. Въ такой формѣ разсматриваемыя явленія и въ самомъ дѣлѣ принадлежатъ къ области психіатріи, потому что именно отличительная черта безумія и состоитъ въ томъ, что дѣйствительность, какъ дѣйствительность, перестаетъ существовать для пораженнаго недугомъ человѣка. Если человѣкъ подвергается несчастіямъ и мученіямъ, дѣйствуя по извѣстнымъ понятіямъ и, однако жъ, не можетъ образумиться и продолжаетъ прежній образъ дѣйствій, — то онъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, сумашедшій.

Теперь, перенесите эту формулу съ явленій частной жизни на явленія общей, сборной жизни народовъ; примѣните ее къ историческому фону, и вы придете къ поразительнымъ выводамъ, тѣмъ болѣе поразительнымъ и мрачнымъ, что все то, что̀ прежде, въ примѣненіи къ индивидуальной жизни, казалось парадоксомъ или шуткой, — принимаетъ на этотъ разъ формы грозной дѣйствительности. Къ этимъ выводамъ пришелъ и докторъ Круповъ. Вотъ, между прочимъ, чрезвычайно замѣчательный отрывокъ изъ его журнала:

«Успокоившись насчетъ жителей нашего города (т. е. убѣдившись, что они безумные), я пошелъ далѣе. Выписалъ себѣ знаменитѣйшія путешествія, древнія и новыя историческія творенія и подписался на «Гамбургскій Безпристрастный Корреспондентъ». Отовсюду текли доказательства очевидныя, не подлежащія сомнѣнію, моей основной идеѣ; слезы умиленія не разъ наполняли глаза мои при чтеніи. Я не говорю уже о гамбургской газетѣ; на нее я съ самаго начала смотрѣлъ не какъ на суетный дневникъ всякой всячины, а какъ на всеобщій бюллетень разныхъ богоугодныхъ заведеній для несчастныхъ, страждущихъ душевными болѣзнями. Все равно, что̀ бы историческое я ни началъ читать, вездѣ, во всѣ времена, открывалъ я разныя безумія, которыя соединялись въ одно всемірное помѣшательство. Тита Ливія или Муратори я бралъ, Тацита или Гиббона — никакой разницы; вездѣ они, равно какъ и нашъ отечественный историкъ Карамзинъ, все доказываютъ одно: вся исторія— ничто иное, какъ связный разсказъ родоваго, хроническаго безумія и его медленнаго излѣченія (этотъ разсказъ даетъ намъ, по наведенію, полное

право надѣяться, что черезъ тысячу лѣтъ двумя-тремя безумьями будетъ меньше). Истинно не считаю нужнымъ приводить примѣры, — ихъ милліоны. Разверните какую хотите исторію, вездѣ васъ поразитъ, что, вмѣсто дѣйствительныхъ интересовъ, всѣмъ заправляютъ мнимые, фантастическіе интересы; вглядитесь, изъ-за чего льется кровь, изъ-за чего сносятъ крайность, что̀ восхваляютъ, что порицаютъ, и вы ясно убѣдитесь въ печальной на первый взглядъ истинѣ, — и истинѣ полной утѣшенія на второй взглядъ,—что все это—слѣдствіе разстройства умственныхъ способностей. Куда ни взглянемъ въ древнемъ мірѣ, вездѣ безуміе почти также очевидно, какъ и въ новомъ. Тутъ Курцій кидается въ яму для спасенія города или отецъ приноситъ дочь въ жертву, чтобы былъ попутный вѣтеръ, и нашелъ стараго дурака, который прирѣзалъ бѣдную дѣвушку, и этого бѣшенаго не посадили на цѣпь, не свезли въ желтый домъ, а признали за первосвященника. Здѣсь персидскій царь гоняетъ море сквозь строй, также мало понимая нелѣпость поступка, какъ его враги, аѳиняне, которые цикутой хотѣли лѣчить отъ разума и сознанія... Кто не видалъ яркихъ признаковъ безумія въ среднихъ вѣкахъ, — тотъ вовсе не знакомъ съ психіатріей. Въ среднихъ вѣкахъ все безумно. Если и выходило что нибудь путное, то совершенно противоположно желанію. Ни одного здороваго понятія не осталось въ средневѣковыхъ головахъ, все перепуталось. Проповѣдовали любовь и жили въ ненависти, проповѣдовали любовь и лили рѣками кровь. Къ тому же цѣлыя сословія подвергались эпидемической дури, — каждое на свой ладъ; напримѣръ, одного человѣка въ латахъ считали сильнѣе тысячи вооруженныхъ дубьемъ, а рыцари сошли съ ума на томъ, что они — дикіе звѣри, и сами себя содержали по селюлярному порядку новыхъ тюремъ, въ укрѣпленныхъ, сумашедшихъ домахъ, по скаламъ, высямъ и проч.».

Докторъ Круповъ, конечно, не открылъ средства, какъ лѣчить отъ сумашествія, но въ то время, какъ онъ писалъ свой мемуаръ, онъ нисколько не сомнѣвался, что лѣчить отъ этого повальнаго безумія возможно и что, рано или поздно, такое средство будетъ найдено. Онъ даже полагалъ, что органическая химія указываетъ путь, по которому можно добраться и до средствъ лѣченія. Напримѣръ, приличное лѣченіе шампанскимъ располагаетъ человѣка къ дружбѣ, къ доблести, къ чувствамъ радостнымъ и объятіямъ разверстымъ. Дѣйствуя же бургондскимъ точно такимъ же образомъ, т. е. отправляя его черезъ желудокъ въ вены, а оттуда въ голову, выходитъ результатъ совсѣмъ иной: человѣкъ дѣлается мраченъ, несообразителенъ, болѣе склоненъ къ ревности, нежели къ любви, къ раскаянію, нежели къ наслажденію, къ плачу о грѣхахъ міра сего, нежели къ снисхожденію... «И вотъ, — прибавляетъ почтенный докторъ въ заключеніе, — я десятый годъ, не щадя ни издержекъ, ни здоровья, занимаюсь постоянно изученіемъ дѣйствія на умственныя способности вы-

шеозначенныхъ медикаментовъ и разныхъ другихъ. Чего не дѣлаетъ человѣкъ изъ пламенной любви къ наукѣ!»

Мы не знаемъ, какіе были результаты этого продолжительнаго изученія медикаментовъ противъ безумія, но, судя по результатамъ, это изученіе не принесло ожидаемыхъ плодовъ. Докторъ Круповъ не отыскалъ вѣрнаго средства противъ безумія, но всегда оставался вѣренъ своей вѣрѣ въ существованіе такого средства. Одинъ изъ поклонниковъ доктора Крупова и его ревностныхъ послѣдователей, Левіаѳанскій, значительно позднѣе, дополняя теорію Крупова, пришелъ однако же къ другому взгляду. Онъ высказалъ этотъ взглядъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Aphorismata по поводу психіатрической теоріи доктора Крупова. Сочиненіе прозектора, адъюнктъ-профессора Тита Левіаѳанскаго». Въ этомъ заключительномъ словѣ повѣсти, авторъ еще выше подымаетъ тонъ своей шутки,—такъ высоко, что мы и въ самомъ дѣлѣ не знаемъ, имѣемъ ли мы право назвать и всю повѣсть простой шуткой или юмористической выходкой *). Левіаѳанскій считаетъ ошибкой Крупова надежду на постепенное излѣченіе рода человѣческаго отъ безумія. «Какъ же, — говоритъ онъ, — *постоянное состояніе* какого нибудь животнаго рода или вида можетъ лѣчиться?» Такимъ образомъ Левіаѳанскій, какъ мы видимъ, убѣжденъ, что безуміе есть *нормальное* состояніе человѣчества. «Человѣкъ, — разсуждаетъ онъ далѣе, — съ безконечнымъ творчествомъ мѣняетъ idées fixes и пункты помѣшательства, и постоянно пребываетъ вѣрнымъ безумію. Если у людей являлась рѣдкая манія жить по чистому разуму и по разуму устроиться, то она количественно всегда такъ была незначительна, что ее можно отнести къ личнымъ умопомѣшательствамъ, а не къ тѣмъ, которыми зиждутся царства и имперіи, народы и цѣлыя эпохи». Выходя изъ этого основнаго положенія, Левіаѳанскій приходитъ къ слѣдующему заключенію, еще болѣе замѣчательному. Онъ не только считаетъ безуміе родовымъ признакомъ человѣка, но видитъ даже въ безуміи благо, необходимое условіе исторіи и прогресса. «Безъ хроническаго, роднаго помѣшательства,—говоритъ онъ,—прекратилась бы всякая государственная дѣятельность; съ излѣченіемъ отъ него остановилась бы исторія. Не было бы ей занятія, не было бы въ ней интереса. Не въ умѣ сила и слава исторіи, да и не въ счастіи, какъ поетъ старинная пѣсня, а въ безуміи. Безъ него мы были бы сведены на логику и метафизику. Умомъ и словомъ человѣкъ отличается отъ всѣхъ животныхъ. И, какъ безуміе есть творчество ума, такъ вымыселъ—творчество слова. Одно животное пребываетъ въ бѣдной правдивости своей и въ жалкомъ здравомъ смыслѣ. Природа молчитъ или звучитъ безсвязно, ибо она-то и находится подъ безвыходнымъ самовластіемъ разума, въ то время какъ

*) См. книгу *Н. Н. Страхова:* „Борьба съ Западомъ“, т. I.

человѣкъ городитъ цѣлыя Магабараты и Урвазіи. Все сковано въ природѣ желѣзною необходимостью, она не усовершается, не домогается, не ждетъ обновленія и искупленія; она только перерабатывается, «не вѣдая, что творитъ», — и въ эту-то кабалу, въ этотъ домъ безъ хозяина, безъ добродѣтелей и пороковъ, толкаютъ человѣка подъ предлогомъ излѣченія?» Отсюда ясенъ выводъ: Левіаѳанскій считаетъ умъ—началомъ антисоціальнымъ и разъѣдающимъ, тогда какъ безуміе есть начало зиждительное, которымъ все живетъ и движется.

Въ этихъ словахъ просвѣчиваетъ уже цѣлое философское міровоззрѣніе, далеко не столь парадоксальное, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Вмѣстѣ со Спинозой и Кантомъ, констатируя безусловный детерминизмъ въ природѣ, авторъ «Крупова», подобно тѣмъ же Спинозѣ и Канту, видитъ выходъ изъ него и начало этическое въ свободѣ,—только нашъ авторъ парадоксально видитъ эту свободу не въ нуменѣ, какъ Кантъ, а въ освобожденіи отъ разума. Тутъ онъ сходится съ Шопенгауэромъ, который, въ противоположность абсолютному идеализму Гегеля, положившему началомъ разумъ, сводитъ этотъ разумъ съ того пьедестала, на которомъ онъ стоялъ со временъ Платона, и ставитъ на его мѣсто безусловную и безсознательную волю. Доктрина, въ сущности, одна и та же, только она различнымъ образомъ формулирована авторомъ «Крупова» и Шопенгауэромъ.

Выводъ этотъ, разумѣется, безотраденъ, полонъ отчаянія и безъисходнаго скептицизма по отношенію къ человѣчеству, но выводъ не случайный: онъ лежитъ въ основѣ всего міровоззрѣнія нашего писателя.

В. Чуйко.

ИГРУШЕЧКА.

ПОВѢСТЬ.

I.

Москва тонула въ холодномъ осеннемъ туманѣ. Часы на Спасской башнѣ только что пробили полдень, а въ воздухѣ дрожали непріятныя слезливыя сумерки; косматыя разорванныя тучи ползли низко и сѣяли мелкую изморозь... Торопливо сновали пѣшеходы, сталкиваясь зонтиками, и разводили по жидкой, липкой грязи тротуаровъ прихотливые узоры слѣдовъ. Извощики, въ обернутыхъ платками шапкахъ, горбились на козлахъ и шлепали отяжелѣвшими возжами по мокрымъ спинамъ дымившихся клячъ; сѣдоки, точно въ норахъ, таились въ закрытыхъ пролеткахъ, боясь выставить носъ...

На Тверской, по направленію отъ Кремля, показался открытый фаэтонъ, запряженный парою «съ отлетомъ». Толстый бородатый кучеръ, обтянутый свѣтлою отъ мокроты юфтью, сидѣлъ прямо, точно каменный, вытянувъ руки и уставившись на уши выходившаго изъ себя коренника; свернувшаяся въ кольцо пристяжная, съ налитыми кровью глазами, мѣрно и какъ бы въ самозабвеніи выкидывала саженные скачки. Сѣдокъ въ фаэтонѣ — пожилой, плотный мужчина, одѣтый въ широкій кожанъ и въ драповомъ картузѣ — не раскрывалъ зонтика, держа его между колѣнъ, и безбоязненно встрѣчалъ круглыми красными щеками бившую въ лицо изморозь. Засунувъ руки въ карманы и держась вправо отъ бросавшей грязью пристяжной, сѣдокъ съ видимымъ удовольствіемъ слѣдилъ, какъ его лихая пара «обрѣзываетъ» экипажъ за экипажемъ. Обрѣзавъ послѣднюю стучавшую и дребезжавшую пролетку, фаэтонъ выѣхалъ къ бульварамъ и, повернувъ тамъ направо, понесся еще шибче.

II.

Почти на самой окраинѣ Москвы, на пустырѣ, выдѣлявшемся въ туманѣ свѣтло-сѣрымъ отливомъ, виднѣлись темныя очертанія начатыхъ большихъ построекъ. Между ними высился уже обитаемый многоэтажный домъ, неоштукатуренный и неуклюжій, походившій на неоконченную колокольню; окутанный туманомъ, бурый и мокрый, домъ имѣлъ непривѣтливый, сумрачный видъ. И пугавшая вышина дома, и едва отесанныя глыбы сѣраго гранита, служившія крыльцомъ, и безполезныя водосточныя трубы, отнюдь не мѣшавшія водѣ литься съ крыши на тротуаръ, и каменные воротные столбы, въ видѣ опрокинутыхъ грушъ въ добрую сажень въ поперечникѣ, и, лежавшія пока на грудѣ щепъ, самыя ворота съ гигантскими завитками новыхъ изкрасна-сѣрыхъ желѣзныхъ полосъ—все говорило о своеобразныхъ взглядахъ зодчаго. Изъ надписи на одномъ воротномъ столбѣ было видно, что домъ принадлежитъ потомственному почетному гражданину Сысою Нестеровичу Куприну; вывѣска, тянувшаяся надъ половиной перваго этажа, говорила, что тутъ помѣщается главная контора Куприна.

Заглянемъ въ контору. Въ окна, завѣшенныя сѣрою пеленой тумана, едва пробивался дневной свѣтъ; ясеневые столы и конторки для служащихъ тонули въ полумракѣ; скучную тишину комнаты нарушала стукотня счетовъ, какъ бы спорившая съ монотоннымъ шелестомъ бумаги и отрывочнымъ шопотомъ конторщиковъ. Поближе къ свѣту, навалившись грудью на конецъ длиннаго чертежническаго стола, полный, гладко остриженный, еще не старый инженеръ молча раздумывалъ надъ желѣзнодорожною «профилью» и водилъ по ней пальцемъ; у входа въ слѣдующую комнату стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, и дремалъ сторожъ изъ унтеръ-офицеровъ, высокій и худой старикъ, съ отчищенными до сіянья медалями; изъ передней доносилось по временамъ длительное, смачное позѣвыванье артельщика въ армякѣ изъ тонкаго сукна.

Видѣнный нами на Тверской фаэтонъ остановился у крыльца сумрачнаго дома; сѣдокъ вышелъ и направился въ контору. Завидѣвъ его сквозь стекло двери, артельщикъ вскочилъ и, поспѣшно отворивъ ее, впустилъ пріѣхавшаго. Мигомъ сдернувъ съ него мокрый кожанъ, артельщикъ бережно повѣсилъ его на особое мѣсто, отпихнулъ ногой чьи-то, нисколько не мѣшавшія калоши и остановился въ почтительномъ выжиданіи. Пріѣхавшій былъ

широкій въ плечахъ, очень полный мужчина, съ кудреватыми сѣдѣющими рыжими волосами, подстриженными въ кружокъ, съ сѣрыми заплывшими глазками, подъ небольшимъ мясистымъ лбомъ, бойко смотрѣвшими изъ подъ нависшихъ бровей, съ широкимъ носомъ, крупными синеватыми губами и рѣденькою клочковатою бородкой. Отъ всей его фигуры вѣяло необыкновеннымъ здоровьемъ, манеры имѣлъ онъ свободныя, какъ бы повелительныя, говорилъ громкимъ, басистымъ голосомъ.

Это и былъ Сысой Нестеровичъ Купринъ.

— Въ банкъ сходи, да не забудь на Балчугъ, насчетъ желѣза... За тёсъ платить нынче...—распорядился Купринъ, повернувшись къ артельщику.

Схвативъ подъ мышку свой топырившійся рыжій зонтикъ на китовомъ усѣ, артельщикъ мгновенно очутился на лѣстницѣ и скатился съ нея, гулко отсчитывая ступени. Купринъ, вывертывая на ходу большимъ круглымъ животомъ, вошелъ въ контору. Инженеръ, улыбаясь, приподнялся отъ стола.

— Ба! Когда Богъ принесъ?—воскликнулъ Купринъ, разставивъ руки и держа картузъ въ правой.

— Нынче утромъ,—отвѣтилъ, здороваясь, инженеръ.

— Что на линіи?

— Такъ себѣ, — сталъ разсказывать инженеръ, доставъ изъ задняго кармана портсигаръ и закуривая папиросу.—На гуляевскомъ участкѣ съ откосами туго: глину развело такъ, что съ лопаты не лѣзетъ; прямо сажай художниковъ — торсы лѣпить... Псковичи, самые бывалые, и тѣ не выстаиваютъ...

— Э? Такъ, пожалуй, и не вытянетъ Гуляй? — озабоченно спросилъ Купринъ.

— Вытянетъ: десятники у него—орлы, одинъ къ одному...

— Кудрявцевъ! принесите намъ «выемки и насыпи» по участкамъ,—обратился Купринъ къ чертежнику.—Василій Петровичъ, разсчеты подрядчиковъ провѣрены у васъ? — взглянулъ онъ на бухгалтера.

— Оканчиваю-съ, — сказалъ молодой бухгалтеръ Шумковъ, скользнувъ съ высокаго табурета передъ конторкой и шевеля пальцами почтительно опущенныхъ рукъ.

Купринъ и инженеръ прошли въ слѣдующую комнату, служившую кабинетомъ. Сысой Нестеровичъ Купринъ принадлежалъ къ числу московскихъ богачей и имѣлъ крупный подрядъ на линіи строившейся желѣзной дороги. Въ люди вышелъ онъ изъ зауряднихъ землекоповъ, еще во времена желѣзнодорожной горячки, какъ-то необыкновенно просто и скоро. Описывать это

едва ли стóитъ. Дѣло свое Купринъ зналъ, хотя и умѣлъ лишь выводить довольно кривыя строчки, а цифры выставлялъ большія, корявыя—въ родѣ сучковъ; да въ бóльшемъ не видѣлось и надобности: какъ-то все такъ складывалось кругомъ. Въ житейскомъ отношеніи Купринъ пообтерся, понавыкъ, однако не бросалъ привычки идти къ цѣли какъ-то ужь слишкомъ прямо и характеръ имѣлъ далеко не покладистый: — «Крутенекъ Сысой Нестеровичъ!»—говорили о Купринѣ знавшіе его. Сумрачный домъ и постройки на пустырѣ—были слѣдствіемъ коммерческой дальновидности Куприна: близость желѣзнодорожнаго вокзала начинала притягивать сюда кипучую струю жизни, и Купринъ сразу образовывалъ тутъ торговое «бойкое мѣсто»—строилъ гостинницу, товарные склады, дворъ для извощиковъ. Самъ Купринъ помѣщался въ другомъ своемъ домѣ, на Пречистенкѣ, и жилъ широко, на барскую ногу. Въ конторѣ своей Купринъ засѣдалъ точно въ присутственномъ мѣстѣ, любилъ звонить въ колокольчикъ и важно отдавать приказанія сторожу, требовалъ съ построекъ къ себѣ то печника, то кровельщика, которые и вели съ нимъ разговоры, стоя на вытяжку.

Купринъ былъ женатъ, но бездѣтенъ. Жена его, Дарья Савишна—существо безобидное и безгласное—отличалась лишь тѣмъ, что была полная и видная изъ себя. Положеніе хозяйки большаго дома приходилось далеко не по силамъ Дарьѣ Савишнѣ, но, въ угоду мужу, она несла свое бремя, какъ умѣла. Она состояла даже предсѣдательницей какого-то благотворительнаго общества; въ ея домѣ была даже отведена, для занятій и пріемовъ по благотворительнымъ дѣламъ, особая комната, соотвѣтственно декорированная. Въ извѣстные дни, въ эту комнату приходилъ къ Дарьѣ Савишнѣ секретарь общества и приносилъ бумаги для подписи. Эти дни были одними изъ самыхъ тяжелыхъ для «предсѣдательницы»: она совсѣмъ теряла голову, уставала и изъ комнаты раздавалось подъ конецъ:—«*Де* ставьте, *де* и точку, а потомъ: Куприна».—«Чего *тутъ*?—«Де, *добро*».—«То-то я слушаю»...

III.

Холодный туманъ перешелъ въ мелкій, частый дождикъ и въ воздухѣ какъ бы потеплѣло. Было около шести часовъ вечера.

Въ сосѣдней съ пустыремъ гостинницѣ «Монреаль», въ углу полутемной залы съ керосиновымъ освѣщеніемъ и обвислымъ закоптѣлымъ потолкомъ, за круглымъ, невполнѣ устойчивымъ сто-

ломъ, пировали, покончивши работу, купринскіе служащіе: бухгалтеръ Шумковъ, недавно поступившій въ контору, угощалъ своихъ новыхъ товарищей обѣдомъ. Шумковъ—худощавый блондинъ съ красными губами, съ открытыми голубыми глазами, съ рѣденькою бѣлесоватою бородкой и длинными, слегка волнистыми волосами,—глядѣлъ совсѣмъ юношей (а ему шелъ уже двадцать пятый годъ), говорилъ неокрѣпшимъ крикливымъ голоскомъ и отличался неувѣренными, робко-порывистыми манерами. Роль хозяина за столомъ совершенно не шла къ Шумкову, да и пилъ онъ мало—рюмку свою лишь пригубливалъ, чокаясь съ товарищами, а тѣ понукали его и требовали «не оставлять зла». Худенькій подслѣповатый конторщикъ (писецъ съ каллиграфическимъ почеркомъ), держа рюмку въ лѣвой рукѣ и копаясь пальцами правой въ жилетномъ карманѣ,—какъ будто тамъ у него были слова,—сталъ говорить:

— 900 р... хотя бы и вся тысяча въ годъ—не окладъ для бухгалтера. Пожелаемъ Василію Петровичу дойти поскорѣе до тысячи въ мѣсяцъ...

— Ну, это много!—не шутя, отказался Шумковъ.

— Двѣнадцать тысячъ!.. балансъ «со стѣнки», и никакой контроль носа не подточитъ... бобры... рысаки...—съ шутливымъ восторгомъ закричалъ чертежникъ Кудрявцевъ—коренастый и черномазый мужчина лѣтъ подъ сорокъ, прошедшій школу военныхъ топографовъ.—Фу, ты, канальство!—И, схватившись за свою круглую, коротко остриженную голову, онъ затопалъ ногами подъ столомъ.—Я по другой части буду пророчить...—Нагнувшись къ Шумкову, Кудрявцевъ шепнулъ:—За здоровье *трехъ грацій*!—и съ лукавой усмѣшкой поднялъ свою рюмку.

Шумковъ вспыхнулъ до самыхъ ушей, чокнулся съ Кудрявцевымъ и, принявъ рѣшительный видъ, опрокинулъ въ ротъ рюмку, проливъ вино на бороду. Подслѣповатый конторщикъ многозначительно прищелкнулъ языкомъ; всѣ пожелали узнать секретный тостъ; но Кудрявцевъ отшутился, искоса глянувъ на Шумкова и сказавъ: «Про то мы знаемъ!»—и крикнулъ половому, начавшему заводить дешевенькій оркестріонъ: «Изъ «Трубадура» поставь!» Оркестріонъ заигралъ, прихрамывая валами, то захлебываясь на полутонѣ, то вытягивая необычайныя «ферма̀та»; компанія зашумѣла, заспорила... Обѣдъ затянулся и далъ компаніи тотъ толчокъ, подъ вліяніемъ котораго русскій человѣкъ неудержимо стремится дальше... Кудрявцевъ предложилъ ѣхать пить пиво и обыграть нѣмцевъ въ кегли, увѣряя, что находится въ ударѣ и будетъ «чеканить все *гутъ* да *гутъ*». Предложеніе по-

нравилось всѣмъ и только Шумковъ отказался, отзываясь недосугомъ.

— Чисто въ чернильницу лѣзешь! — крикнулъ подгулявшій Кудрявцевъ, когда компанія, выдя изъ гостинницы, очутилась въ непроглядной тьмѣ осенней ночи.

Разставшись съ товарищами, Шумковъ ощупью забрался въ промокшую насквозь извощичью пролетку, угрюмо склонившую надъ нимъ свой дырявый низенькій верхъ, и поѣхалъ домой. Тьма стояла кругомъ холодная и докучливая; лошадь, точно наудачу бѣжала куда-то въ эту тьму, неровно ступая разбитыми ногами и шлепая въ невидимыя лужи; дождикъ то затихалъ, то вдругъ, точно горохомъ, сыпалъ надъ головою Шумкова; уличные фонари бросали отъ себя красныя полосы безполезнаго свѣта, узко прорѣзывавшія тьму... И эта тьма, и тоскливый вѣтеръ, сипло дувшій въ осклизлые бока пролетки, и тишина точно вымершихъ улицъ—способны были наводить уныніе, но у Шумкова было радостно на душѣ, а въ головѣ тянулись тихія, пріятныя мысли. Засунувъ руки въ карманы пальто и вглядываясь въ мелькавшую подъ лучами фонарей потертую спину извощичьяго кафтана, онъ погрузился въ себя и очнулся лишь у покосившагося темнаго подъѣзда нумеровъ, въ которыхъ онъ жилъ, въ темномъ и неопрятномъ переулкѣ, близь Цвѣтнаго бульвара. Очутившись въ своемъ затхломъ и тѣсномъ, плохо прибранномъ нумерѣ, Шумковъ присѣлъ на жиденькомъ стулѣ къ «ломберному» когда-то столику, носившему остатки сукна въ видѣ липкихъ пятенъ, и долго занимался, постукивая на счетахъ. Окончивъ работать, онъ улегся на узенькую продавленную желѣзную кровать и скоро заснулъ тихимъ, безотчетно-спокойнымъ сномъ, которымъ могутъ спать только дѣти, да еще развѣ охотники послѣ удачнаго «поля»...

IV.

По едва начавшейся жизни Шумкова уже прошла полоса неудачъ и лишеній. Полоса эта только что миновала и Шумкову начало улыбаться счастье; притихшія мечты и надежды стали оживать... Но необходимо вернуться нѣсколько назадъ.

Кандидатъ комерціи, Василій Петровичъ Шумковъ былъ сынъ стараго и бѣднаго прикащика на винномъ заводѣ близь Москвы и отлично кончилъ курсъ въ комерческомъ училищѣ. Съ небольшимъ годъ тому назадъ, Шумковъ поселился въ Москвѣ,

рѣшивъ посвятить себя бухгалтерской дѣятельности, и сталъ искать мѣста. Старикъ Шумковъ вспомнилъ, что въ Москвѣ есть у него пріятель—нѣкто Костыльковъ, старожилъ, человѣкъ бывалый и расторопный. — «Что ему стоитъ пристроить Васю въ какой нибудь банкъ!» — разсудилъ Шумковъ и отрекомендовалъ сына этому Костылькову. Костыльковъ не отказался похлопотать; Шумковъ сталъ бывать у него, познакомился съ его семействомъ и скоро сдѣлался своимъ человѣкомъ. Семья Костыльковыхъ, мѣщанъ по происхожденію, проживала въ собственномъ небольшомъ и ветхомъ флигелькѣ, на Плющихѣ, и состояла изъ двухъ сыновей и трехъ дочерей. Никакихъ ресурсовъ, кромѣ безплатной квартиры, она не имѣла, но, при всемъ томъ, вела жизнь праздную и на «благородный» манеръ. Глава семьи, Николай Ивановичъ Костыльковъ, занимался маклерствомъ, скитался по трактирамъ и подстерегалъ случай схватить ни съ того, ни съ сего «отмѣнный куртажъ». Мать — больная, придурковатая старуха— ни во что ни вступалась. Когда случались деньги, Костыльковъ нанималъ прислугу, разъѣзжалъ на лихачахъ, училъ дочерей танцамъ, музыкѣ и даже пѣнью; во время безденежья онъ сжимался и умѣлъ, со свойственною его профессіи способностью, перебиваться грошевыми займами у перваго встрѣчнаго. Жили Костыльковы вообще весело. Молодежь не пропускала случая выѣхать въ клубъ или маскарадъ, а не то устраивала танцовальную вечеринку дома, иногда даже съ винами и тапёромъ. Сыновья, Ваня и Петя (такъ продолжали они зваться въ семьѣ), были ровесники Шумкову. За ними шли дочери—погодки: Александра, Глафира и Елизавета (послѣдней минуло восемнадцать лѣтъ). Невѣрная, полная то радостныхъ, то горькихъ случайностей, маклерская жизнь отца положила свой отпечатокъ и на дѣтей—они не знали, что̀ такое трудъ, не думали о завтрашнемъ днѣ. Дѣвицы Костыльковы склонны были къ мечтательности, но къ мечтательности практической, не безпредметной: подобно отцу, онѣ ждали отъ судьбы своего «куртажа». Откуда, за какія достоинства и какимъ чудомъ дастся имъ этотъ куртажъ—дѣвицы Костыльковы не знали, но полагали, что такъ *должно быть*. — «Саша Ястребова бѣднѣй насъ жила, а теперь въ каретахъ ѣздитъ и вся въ брилліантахъ!» — разсуждали онѣ. — «Чѣмъ мы хуже другихъ!»—Наряду съ этимъ, клубныя приключенія, ставившія дѣвицъ Костыльковыхъ лицомъ къ лицу со всякими опасностями сердечнаго свойства, развили въ нихъ холодную осторожность и смышленость, далеко не дѣвическую, пріучили ихъ не слѣдовать чувствамъ, а умѣть пользоваться ими, смотря

по надобности. Также переработались и взаимныя родственныя чувства сестеръ, прикрытыя наружною ласковостью.

Шумкову нравились веселыя вечеринки у Костыльковыхъ. Разсудку не приходило еще время мѣшаться въ дѣла, а молодая кровь кипѣла, и Шумковъ сталъ заглядываться на Лизу, между прочимъ, недурно пѣвшую романсы. Чувство, которому еще не было пока названія, стало волновать Шумкова: радость и грусть Лизы, ея капризы подчасъ, ея, какія-то сухія и безъ словъ, размолвки съ сестрами—начали становиться близкими, родными Шумкову; прикосновеніе ея горячей руки, вскользь брошенная улыбка, ласковое полуслово—дѣлались надолго памятными. Еще немного, и Шумковъ понялъ это чувство, закипѣлъ имъ... Но кто не переживалъ этого! Какъ всѣ влюбленные, Шумковъ былъ самъ для себя адвокатомъ и, толкуя взгляды, улыбки, полуслова Лизы, не сомнѣвался, что ему отвѣтятъ взаимностью. Однако, у Шумкова достало разсудка оглянуться на свое незавидное положеніе искателя мѣстъ; онъ затаилъ въ себѣ нежданно вспыхнувшее чувство, сталъ жить надеждою и хлопотать пристроиться поскорѣе... Съ этой стороны дѣло шло туго. Костыльковъ обнадеживалъ, толковалъ о своихъ связяхъ въ кругу «капиталистовъ», а конца не видѣлось; самъ Шумковъ, брошенный въ непонятную ему и чуждую жизненную сутолоку, не умѣвшій ни сходиться съ людьми, ни узнавать ихъ, кипѣлъ смутными внутренними порывами, стремился къ чему-то, но успѣлъ лишь перемѣнить, съ юношескою разборчивостью, два-три мѣста да упасть отчасти духомъ. Дѣйствительность что-то твердила Шумкову своимъ тупымъ, но властнымъ языкомъ... Шумковъ не понималъ ея (да и всякому ли дается такое пониманіе?) Борьба оказалась неровною: Шумковъ очутился въ затхломъ нумерѣ дешевыхъ меблированныхъ комнатъ близь Цвѣтнаго бульвара (гдѣ мы теперь оставили его)—онъ потерялъ всякую надежду пристроиться, стыдился принимать помощь отъ отца, дошелъ до крайней степени нищеты и, по прежнему тая свою страсть къ Лизѣ, не показывалъ глазъ къ Костыльковымъ. Такъ протянулось полгода.

Шумковъ растерялся. Случайность привела его къ сумрачному дому на пустырѣ и съ этого дня полоса невзгодъ кончилась — Шумковъ былъ допущенъ въ кабинетъ, понравился Куприну и получилъ мѣсто бухгалтера, хотя и съ незавиднымъ пока жалованьемъ—900 р. въ годъ. Какъ ребенокъ, напуганный взыскательностью строгаго учителя, Шумковъ усѣлся за конторку и притихъ за нею... Новые товарищи Шумкова были веселый народъ и, скрѣпляя дружбу съ новичкомъ, увлекли его съ собою въ нѣ-

мецкій клубъ, гдѣ Кудрявцевъ обѣщалъ показать Шумкову какихъ-то *трехъ грацій*. Шумковъ увидѣлъ этихъ граціи... и замеръ на мѣстѣ: предъ нимъ стояли, обнявшись и улыбаясь, три сестры Костыльковы. Еще за нѣсколько минутъ предъ этимъ, въ уборной, не одно яблоко раздора упало между сестрами и непріязнь кипѣла въ нихъ съ неменьшею силой, чѣмъ и въ древнихъ богиняхъ; но онѣ стояли и улыбались въ эту минуту, какъ истинныя граціи... Лиза, съ фамильярностью стараго друга (Шумкову не приходило и на умъ видѣть тутъ что нибудь, похожее на развязность клубныхъ посѣтительницъ) продѣла свою ручку подъ локоть Шумкову, стала съ нимъ гулять, пеняя за то, что онъ «неглижируетъ» своими друзьями, и тутъ же взяла съ него слово быть у нихъ на вечеринкѣ въ слѣдующее воскресенье...

Итакъ, мечты и надежды Шумкова оживали... Возвращаясь съ дружеской пирушки, онъ думалъ, копаясь съ пріятною медленностью въ подробностяхъ, какъ онъ устроится, покинувъ свой затхлый нумеръ, какъ встрѣтится съ Лизой на вечеринкѣ (до воскресенья оставалось всего два дня), какъ... Словомъ, какъ исполнится все, что рисуется въ подобныхъ случаяхъ въ молодомъ, пріятно настроенномъ воображеньѣ.

V.

Наступило воскресенье. Съ чувствомъ тревоги въ сердцѣ, отправился Шумковъ на вечеринку. Онъ былъ въ новенькомъ сюртукѣ, припомаженный, и имѣлъ слегка осунувшееся, какъ бы умиленное лицо, а въ карманѣ—свѣтло-сиреневыя перчатки, на случай танцевъ. Подъѣхавъ къ знакомому флигельку, Шумковъ поглядѣлъ на яркія полосы свѣта, пробивавшагося изъ-за щелистыхъ ставней, какъ бы стараясь отгадать, что происходило за ними. Громкій говоръ веселыхъ голосовъ, — когда Шумковъ отворилъ дверь въ переднюю, — заставилъ его попытаться отыскать среди нихъ голосъ Лизы...

— Бальзаминъ или крапива? — встрѣтилъ этотъ голосъ Шумкова, какъ только показался онъ въ комнатѣ. И, сверкая смѣющимися глазами, сестры обступили Шумкова, ожидая отвѣта отъ него. Шумковъ обладалъ деликатными чувствами и выбралъ бальзаминъ. Сестры радостно захлопали въ ладоши и взяли фантъ съ Шумкова. По этому случаю, Шумкову тутъ же завязали глаза и усадили его на стулъ посреди комнаты—что значило быть «оракуломъ».

Ни въ весельѣ, ни въ гостяхъ вечеринка не имѣла недостатка. Но было видно, что Костыльковъ находится въ періодѣ безденежья: закуска изъ сосѣдней лавочки не шла дальше фіолетовой копченой колбасы, сыра, отдававшаго мыломъ, и засохшей паюсной икры; напитки ограничивались водкой и чаемъ; даже въ освѣщеньѣ замѣчалась нѣкоторая скудость. Самъ Костыльковъ—худощавый, юркій старикъ съ сѣдою бородой и карими проницательными глазами, нѣсколько тугой на одно ухо—сохранялъ, съ обычною въ его профессіи политичностью, веселый видъ и курилъ съ такимъ самодовольнымъ спокойствіемъ сигару, какъ будто отъ роду не зналъ, что̀ такое нужда. Когда Шумковъ окончилъ свои прорицанія—одностороннія, сулившія всѣмъ брачныя узы — Костыльковъ подвинулся на облупившемся клеенчатомъ диванѣ и далъ Шумкову мѣсто возлѣ себя.

— Гдѣ это вы запропали, Василій Петровичъ?—съ упрекомъ сказалъ Костыльковъ.

— Хлопоты, знаете... боленъ былъ...—сталъ тутъ же придумывать оправданіе Шумковъ, но счелъ за лучшее замять разговоръ объ этомъ и спросилъ, не видя одного изъ сыновей Костылькова:—А Ваня гдѣ?

— Га! Будетъ ему безъ дѣла-то бѣгать! Въ Смоленскъ я пристроилъ его: мои знакомые капиталисты лѣсную разработку открыли тамъ, ну я и... — важно пыхнулъ сигарой Костыльковъ. (На дѣлѣ Ваня былъ писаремъ въ какой-то вотчинной конторѣ и не въ Смоленскѣ, а въ Калужской губерніи).—А вы при мѣстѣ?

— Да, я бухгалтеромъ служу.

— Гдѣ?

— У Куприна въ конторѣ.

— Купринъ...—задумчиво взявшись за бороду, промолвилъ Костыльковъ и, повернувшись, взглянулъ на Шумкова. — Есть Купринъ, капиталистъ извѣстный, желѣзнодорожникъ...

— Онъ самый: Сысой Нестеровичъ.

— Какъ?—подставилъ ухо Костыльковъ.

— Сысой Нестеровичъ.

— Такъ, такъ; извѣстный капиталистъ... У Куприна вы. Это прекрасно! Лиза,—обратился онъ къ проходившей дочери:—узнаёшь бѣглеца-то?

Лиза, небольшаго роста, стройная хорошенькая брюнетка, изъ тѣхъ, что̀ зовутся «пухленькими», съ ясными карими глазами, съ алыми губками, сложенными сердечкомъ, и съ алой лентой въ пышной, косѣ, одѣтая въ темное шерстяное платье,—скромно остановилась передъ отцомъ и улыбнулась Шумкову, пе-

ребирая маленькой ручкой черную бархатку на тонкой бѣлой шеѣ. Приглядѣвшись, можно было замѣтить, что ясный взглядъ Лизы нѣсколько сухъ, правильныя узкія брови какъ бы строги, лицо вообще мало подвижно, а скромность—точно заученная. Но Шумковъ мало былъ склоненъ къ критикѣ и особенно въ эту минуту: онъ смотрѣлъ на Лизу счастливыми улыбающимися глазами и, не зная, что̀ сказать, спросилъ:

— А какъ ваше пѣнье?

— Чистая Патти!—пошутилъ Костыльковъ, но тутъ же сдѣлалъ серьезное лицо и, взглянувъ на Шумкова, сказалъ со значительнымъ видомъ:—съ мѣсяцъ, не больше, позанялась съ ней хористка одна изъ театра, а вѣдь какъ выправила!—Узнать нельзя методу-то... Пропой-ка это, что̀ вчера... Помнишь? — посмотрѣлъ онъ на дочь.

— Василію Петровичу, можетъ быть, скучно покажется,—жеманно потупилась Лиза.

Шумковъ лишь растерянно развелъ руками при такомъ предположеніи. Лиза сѣла къ піанино. Лѣвой рукой взяла она аккордъ въ басахъ, а пальчиками правой проскакала по всей клавіатурѣ, особенно пристукнувъ на пискливыхъ дискантахъ; потревоженное, не державшее строя пьянино загудѣло и никакъ не хотѣло умолкнуть; педаль скрипнула. Собравшись съ духомъ, Лиза начала:—«Прости меня, прости, прелестное созданье! Упрекомъ я тебя»...

— Шшш!—прислужился кто-то изъ гостей, хотя въ комнатѣ и безъ того было тихо.

— Не соберусь все никакъ піанино настроить...—заговорилъ Костыльковъ.

Лиза пріостановилась и чуть-чуть сдвинула бровки. Порядокъ возстановился и она окончила романсъ подъ дружный взрывъ аплодисментовъ. Пѣла она манерно—закатывала глазки подъ лобъ, то вскидывала правую руку выше головы, то, какъ бы въ изнеможеніи, вяло двигала ею вдоль клавишей; ея свѣжій сопрано былъ нѣсколько визгливъ, а «метода» заключалась, повидимому, лишь въ стараньѣ пѣть какъ можно громче. Костыльковъ сообщилъ, что на дняхъ состоится у него большое «дѣло» и онъ помѣститъ Лизу въ консерваторію. Шумковъ повѣрилъ и сердце у него тихо сжалось...

Начались танцы. Играли сестры поочередно. Александра — слегка румянившаяся блондинка, съ худощавымъ овальнымъ лицомъ и потупленнымъ взглядомъ — была предметомъ вниманья чиновника изъ окружнаго суда, молодаго и кудряваго брюнета, въ жакеткѣ полуфракомъ и въ красномъ галстухѣ, продѣтомъ въ

новенькое бронзовое кольцо. Глафирою—отличавшеюся развитіемъ формъ, крупными чувственными губами и томнымъ, какъ бы посоловѣлымъ взглядомъ — интересовался прикащикъ изъ чайнаго магазина, выставлявшій грудь и крутившій усы съ чисто военнымъ апломбомъ. Свободною оставалась Лиза и за нею ухаживали всѣ прочіе кавалеры, такъ что Шумкову стоило немалаго труда выхлапатывать себѣ чередъ на танцы съ нею. Но Шумковъ не унывалъ...

VI.

ВОСТРЯКОВСКОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ БИБЛІОТЕКИ

Домъ Куприна на Пречистенкѣ достался ему съ торговъ послѣ разорившагося потомка старинной дворянской фамиліи. Это былъ настоящій московскій барскій домъ — просторный и внушительный, съ залою въ два свѣта, съ плафонами «по Рафаэлю», съ лѣпнымъ гербомъ на фронтонѣ, съ дорическими колоннами посрединѣ фасада и статуями въ нишахъ, съ обширнымъ дворомъ и безчисленными службами—приспособленный къ той, баснословной теперь, хлѣбосольной жизни грибоѣдовскихъ тузовъ, когда огонь не переводился въ плитахъ, прислугу считали десятками, а безпорядокъ и воровство въ домѣ были тѣмъ больше, чѣмъ знатнѣе хозяинъ... Купринъ передѣлалъ домъ на модный, пореформенный ладъ. Колонны онъ упразднилъ, а вмѣсто герба вылѣпилъ на фронтонѣ огромное *К* въ дубовомъ вѣнкѣ; комнаты отдѣлалъ пестро—съ лѣпными орнаментами, съ позолотой и красками; потолки расписалъ «въ раккурсѣ».

Близились рождественскіе праздники, ожидался большой пріѣздъ гостей, и въ домѣ шла суетливая приборка:—навѣшивались вымытыя гардины, разстилались выбитые ковры, промывались зеркала. Было уже время обѣда,—Куприны обѣдали поздно, по модному, — а Дарья Савишна, начавшая свои хлопоты съ самаго утра, одѣтая по домашнему, въ шалевый турецкій капотъ и въ торжковскія шитыя золотомъ туфли, все еще ходила изъ комнаты въ комнату и волновалась, дѣлая выговоры лакеямъ. Лакеи вступали въ споръ съ Дарьей Савишной, недоумѣвали, кто могъ вычистить бронзу кирпичемъ, перебить фарфоровыя статуэтки, и всячески заметали слѣды своихъ неисправностей, приводя въ образецъ порядки въ какихъ-то, извѣстныхъ имъ, «первыхъ домахъ». Въ красной гостинной (гостинныхъ было двѣ: красная и желтая) Дарья Савишна отыскала въ углу бархатнаго дивана, уже успѣвшую загнить, оставленную кѣмъ-то, недоѣден-

ную грушу и, пылая вся добродушной досадой, приступила къ лакею:

— Это что же такое? Нешто такъ за гостями-то смотрятъ? Остается только Сысою Нестеровичу сказать!—рѣшилась она на послѣднюю, никогда, впрочемъ, не исполнявшуюся угрозу.

Уличенный лакей промолчалъ и, взявъ грушу, сталъ глядѣть куда-то, мимо глазъ Дарьи Савишны. Конецъ хлопотамъ на этотъ день положили дорогіе заграничные часы съ своеобразными курантами, представлявшіе башню на скалѣ среди очень зеленыхъ цвѣтущихъ деревьевъ. Они пробили пять; въ шолковыхъ деревьяхъ стали перепрыгивать птицы и свистѣть по соловьиному, засверкалъ хрустальный каскадъ, внизу поплыли фарфоровые лебеди по эмалевой водѣ. Дарья Савишна отправилась въ столовую.

Купринъ былъ тоже занятъ предпраздничными хлопотами и сидѣлъ въ кабинетѣ, сводя счеты по закупкѣ провизіи. Предъ нимъ лежали поданные артельщикомъ счеты — перепачканные, пахшіе не то рыбой, не то дегтемъ, написанные на такихъ безформенныхъ клочкахъ, какіе умѣетъ пускать въ дѣло лишь русскій человѣкъ, живи онъ хоть рядомъ съ бумажной фабрикой. Артельщикъ Исай Парфеновъ, обязанный дѣлать закупки по дому—дородный, лѣтъ тридцати молодецъ, чисто одѣтый, съ подстриженной бородой и серьезнымъ лицомъ—стоялъ въ дверяхъ и разглядывалъ полъ. Купринъ, имѣя недовольный видъ, отрывисто стукалъ на счетахъ. Онъ всегда съ такимъ видомъ велъ свои усчитыванія и оканчивалъ ихъ непремѣнно выговоромъ. Это, по его мнѣнію, должно было подбавлять усердія слугѣ и не давать ему зазнаваться. Окончивъ считать, Купринъ повернулся къ Исаю Парфенову и сталъ выговаривать ему, что дичь куплена дорого и что на конюшнѣ много выходитъ овса.

— Кажется, я по чести...—заикнулся было Исай Парфеновъ.

— Всѣ вы честны, пока вамъ брюхо подводитъ; а отъѣдитесь и чести конецъ!—разъяснилъ ему Купринъ.

Отпустивъ Исая Парфенова, Купринъ пересѣлъ отъ стола на широкій сафьянный диванъ и привалился тамъ въ уголъ. Лицо Куприна приняло дѣловой сосредоточенный видъ, въ головѣ потянулись соображенія: праздничные пріемы у Куприна отличались именно дѣловымъ характеромъ; съѣзжался не кружокъ знакомыхъ или извѣстный слой общества, — съѣзжались всѣ, съ кѣмъ такъ или иначе завязывались отношенія; разбираться въ этой пестрой толпѣ, знать кого надобно пригласить къ столу, кого на карты вечеромъ, кого и какъ слѣдуетъ угостить—было не легко...

— Кушать готово-съ!—доложилъ лакей, натягивая на растопыренные пальцы повседневныя затасканныя перчатки.

— Слышу!—отвѣтилъ Купринъ и продолжалъ думать.

Въ столовой, между тѣмъ, были уже поданы любимыя Купринымъ щи съ хрящами изъ соленой осетровой головы. Дарья Савишна ждала мужа, безпокойно поглядывая на дверь, и, въ нерѣшимости, какъ поступить со щами—оставить ли ихъ, или отправить пока на кухню—поминутно щупала миску...

VII.

Былъ первый день новаго года. Ясное морозное утро, близкое къ полудню, смотрѣло въ небольшую уютную квартирку на Мясницкомъ бульварѣ. Въ квартиркѣ горничная Устинья — особа среднихъ лѣтъ, съ необыкновенно развитымъ бюстомъ, съ короткой шеей и выпученными глазами на кругломъ красномъ лицѣ—съ такимъ таинственно-сокрушеннымъ видомъ шмыгала въ спальню и обратно, какъ будто тамъ лежалъ трудно больной, спасти котораго Устинья должна была во что бы то ни стало.

Въ смежной со спальнею комнатѣ, чрезъ которую шмыгала Устинья—просторной и опрятной, убранной на манеръ гостинной, съ дешевымъ берлинскимъ піанино у стѣны—стоялъ у одного изъ оконъ молодой мужчина во фракѣ и барабанилъ пальцами по стеклу, пестрѣвшему по краямъ тонкими морозными узорами. По проѣзду бульвара, на который выходили окна комнаты, мелькали вереницы саней, развозя «поздравляющихъ»; разрумяненныя морозомъ, торжественныя лица ихъ были комично-суровы, цилиндры и трехъуголки безучастно торчали надъ закостенѣвшими ушами... Наскучивъ созерцаніемъ этой картины, мужчина прошелся по комнатѣ, остановился у двери въ спальню и крикнулъ:

— Лиза, пора!

— Успѣешь!—отозвался ему молодой женскій голосъ.

Мужчина отошелъ отъ двери и, присѣвъ къ столу, побарабанилъ по немъ пальцами; потомъ онъ сталъ покачивать одною ногою, заложенною на другую, и смотрѣть, какъ блеститъ его новенькая лаковая ботинка... Поднимая холодный вѣтеръ, промчалась въ спальню Устинья, высоко вздернувъ на рукѣ что-то пышное, все въ воланахъ; мужчина глянулъ на нее искоса и продолжалъ любоваться ботинкой... Это былъ Шумковъ. За то недолгое время, въ которое мы не видѣлись съ нимъ, въ его судь-

бѣ произошла перемѣна: онъ былъ женатъ на Елизаветѣ Николаевнѣ Костыльковой, которая и одѣвалась теперь въ спальнѣ. Прихотливая судьба, переставшая гнать Шумкова, увѣнчала тайныя желанія его просто и скоро—устранивъ обычные подходы и подсунувъ конецъ, когда Шумковъ едва помышлялъ о началѣ. Женскіе сборы длинны и, пока они тянутся, мы бросимъ взглядъ на случившееся.

Вскорѣ послѣ извѣстной намъ вечеринки у Костыльковыхъ, сестры собрались на театральный вечеръ въ артистическій кружокъ. Поднялся споръ изъ-за черной фаевой юбки, которая носилась поочередно; Лиза раскапризничалась и осталась дома. Когда сестры уѣхали, Лизѣ сдѣлалось досадно и на себя, и на всѣхъ; она стала ходить по комнатѣ и пѣть романсы, потомъ легла на диванъ. Костыльковъ, по обыкновенію, отсутствовалъ; мать лежала въ спальнѣ. Въ передней послышались шаги, кто-то снималъ калоши и кашлялъ... Явился неожиданный гость—Шумковъ. Лиза вдругъ повеселѣла, стала смѣяться, шутить. Шумковъ попросилъ ее спѣть романсъ, но оказалось, что во время вечеринки кто-то опрокинулъ на піанино стаканъ чаю и теперь оно, по выраженію Лизы, «сипѣло» въ басахъ. Шумковъ и Лиза сѣли играть въ дурачки. Сначала счастье было на сторонѣ Лизы, но потомъ Шумковъ, съ чисто бухгалтерскою способностью, сталъ запоминать всѣ вышедшія карты и обыгрывать Лизу навѣрняка. Лиза разсердилась и, отпихнувъ отъ себя карты, прилегла на столъ, задумчиво грустная, выглядывая изъ-за локтя однимъ сверкавшимъ глазкомъ... Шумкова охватило какое-то странное волненіе и кровь застучала у него въ горлѣ; потупивъ глаза, онъ сталъ одергивать жилетъ. Вдругъ Лиза приподнялась, оперлась на плечо Шумкова и шепнула ему въ самое ухо, такъ что обожгла горячимъ дыханьемъ:—«негодный!»—Этого Шумковъ не могъ вынести: съ рѣшимостью человѣка, защищающаго свою честь, онъ сталъ усиливаться повернуть къ себѣ уткнутое въ диванную спинку лицо Лизы и допытываться: почему онъ—негодный?..

Когда сестры вернулись изъ кружка, Лиза успѣла уже выспаться. Выглянувъ изъ подъ одѣяла, она спросила:—«Что, много вытанцовали?» — «А ты много наспала?» — полюбопытствовали сестры. — «За меня Шумковъ посватался!» — И, юркнувъ подъ одѣяло, Лиза свернулась тамъ комочкомъ.

Свадьбу сыграли скоро. Костыльковъ и на этотъ разъ оказался «не при деньгахъ», но, однако, кое-какъ справился съ расходами. Вмѣсто приданаго, онъ предъявилъ зятю цѣлую кипу куртажныхъ расписокъ, по которымъ ожидались къ полученію

сотни тысячъ, и посулилъ въ будущемъ довольно круглую сумму за дочерью. Шумковъ мало думалъ объ этой сторонѣ дѣла и, поселившись съ молодою женой въ видѣнной нами квартиркѣ, чувствовалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ... Да иначе и не бываетъ никогда: «нѣтъ кривыхъ святыхъ и несчастливыхъ молодыхъ», говоритъ пословица. По службѣ, дѣла Шумкова шли хорошо. Купринъ не держался устарѣлаго купеческаго взгляда—избѣгать служащихъ изъ «ученыхъ»; напротивъ, приручить ученыхъ къ конторской дѣятельности составляло его мечту. Онъ понималъ, что̀ значитъ въ его дѣлѣ ученый и скромный, да ко всему этому еще и дешевый бухгалтеръ, и отличалъ Шумкова отъ конторщиковъ. Сблизиться съ Шумковымъ, быть съ нимъ за панибрата и увѣриться въ его преданности очень хотѣлось Куприну, но въ то же время хотѣлось оставаться и «хозяиномъ». Купринъ началъ сближаться осторожно: не покидая обычной своей взыскательности, онъ сталъ иногда дружески говорить Шумкову: «ты, Вася»; при случаѣ потчивалъ его папиросами и былъ очень доволенъ, что Шумковъ не закуриваетъ папиросы тутъ же и не мѣняетъ своего почтительнаго выраженія на лицѣ. Намѣреніе Шумкова жениться Купринъ одобрилъ и прибавилъ ему по этому случаю жалованья двадцать пять рублей въ мѣсяцъ, хотя и обманулъ ожиданія сообразительнаго Костылькова, отказавшись отъ почетнаго приглашенія въ посаженые отцы. Передъ праздниками Купринъ сказалъ Шумкову:—«Пріѣзжай съ новымъ-то годомъ поздравить, кстати и хозяйку молодую покажешь».

Сдѣлать этотъ важный и многообѣщавшій въ будущемъ визитъ и собирались теперь молодые Шумковы.

— Вася, не видать юбокъ?—спрашивала появившаяся изъ спальни, разряженная Елизавета Николаевна, повертываясь передъ зеркаломъ и закинувъ назадъ головку.

— Нѣтъ, нѣтъ. Поѣдемъ!—сталъ торопить Шумковъ, надѣвшій уже бѣлую перчатку на лѣвую руку и складной цилиндръ на голову.

— Дай собраться-то: не растрепой же ѣхать!—И Елизавета Николаевна остановилась передъ зеркаломъ: она расправила кокетливо спущенныя на лобъ косички подвитыхъ волосъ, послюнила пальчикъ и осторожно провела имъ по бровямъ, чтобы снять пудру, придала фасонъ бантику на груди, сдѣлавъ изъ него настоящую бабочку... Свѣженькая, стройная, съ пышнымъ бюстомъ, заманчиво сквозившимъ изъ подъ воздушнаго тюля, Елизавета Николаевна могла назваться вполнѣ хорошенькой, и вся

ея небольшая фигурка такъ и дышала задорнымъ, правда, нѣсколько вульгарнымъ огонькомъ...

Вбѣжала Устинья съ лисьей ротондой въ рукахъ, сообщивъ, что извощикъ готовъ, накинула ротонду на барыню, упала передъ ней на колѣни и, скрывъ лицо въ оборкахъ ея пышнаго платья, откусила какую-то, некстати торчавшую нитку. Пока Елизавета Николаевна повертывалась въ послѣдній разъ передъ зеркаломъ, Устинья выбѣжала, распахнувъ предъ собою двери настежъ, и остановилась у подъѣзда, около извощичьихъ саней. Тамъ, дразня своими голыми, красными локтями наскакивавшій на нее морозный вѣтерокъ, Устинья приняла въ свои объятія шлейфъ и пышныя юбки барыни, и уложила ихъ бережно на дно саней.

VIII.

Около купринскаго дома стояла уже цѣлая вереница экипажей, когда подъѣхали Шумковы. Дежурившій въ подъѣздѣ лакей выбѣжалъ встрѣтить пріѣхавшихъ. Онъ помогъ Елизаветѣ Николаевнѣ выйти изъ саней; она ухватилась за его пальцы и не выпускала ихъ все время, пока шла на лѣстницу; нѣсколько удивленный этимъ, лакей старался держаться позади гостьи и ловко подпрыгивалъ на ступеньки. Въ передней робость охватила Елизавету Николаевну. Совсѣмъ повиснувъ на рукѣ мужа, вступила она въ залу... что-то, похожее на церковь, представилось ей— то же огромное пустынное пространство съ паникадиломъ вверху, тѣ же отзвуки шаговъ, также много позолоты... Не поднимая глазъ, косилась она на разрисованные стулья и скамьи, на убѣгавшій вдаль узоръ паркета... Шумковъ остановился и переступилъ, чтобы идти въ ногу; она плотнѣе прижалась къ нему... Предъ глазами Елизаветы Николаевны показался большой, круглый животъ, обтянутый модною жакеткой темносизаго цвѣта и бѣлымъ жилетомъ, увѣнчанный брелоками и жетонами... Шумковъ остановился.

— ...Съ новымъ счастьемъ... вотъ умникъ!.. — послышался Елизаветѣ Николаевнѣ густой басъ.

— Моя жена-съ... Сысой Нестеровичъ... — отрекомендовалъ Шумковъ.

Елизавета Николаевна подняла глаза и крѣпко пожала протянутую ей Куприным руку; она даже сдѣлала книксенъ, какъ умѣла. Это понравилось Куприну.

— Пойдемте, гости будете,—сказалъ онъ и пошелъ съ ними

въ гостинную. — *Игрушечку* завелъ! — шепнулъ онъ въ дверяхъ Шумкову, ущипнувъ его сзади, и подмигнулъ на молодую женщину.

Въ гостинной смутилъ Елизавету Николаевну нескончаемый коверъ, пылавшій букетами розъ; поразили начинавшіяся прямо отъ полу бронзовые канделябры и посреди комнаты — гора изъ подушекъ, съ пальмами наверху (къ зеркаламъ во всю стѣну. Елизавета Николаевна присмотрѣлась уже въ клубахъ). Пока она раздумывала надо всѣмъ этимъ, предъ ея глазами показался другой животъ малиноваго бархата, перехваченный въ верхушкѣ золотою цѣпью, съ привѣшеннымъ къ ней вѣеромъ... (кромѣ такихъ грубыхъ штриховъ, ничего не укладывалось въ помутившейся головѣ гостьи).

— Моя супруга, Дарья Савишна... прошу любить и жаловать...—снова раздался надъ головою Елизаветы Николаевны, теперь уже знакомый ей, басъ Куприна.

Поднявъ глаза по продолженію малиноваго бархата, Елизавета Николаевна встрѣтилась со смотрѣвшимъ на нее добродушнымъ, полнымъ и сплошь румянымъ лицомъ Дарьи Савишны, съ бриллiантами въ прическѣ; она подала руку Елизаветѣ Николаевнѣ, потомъ шаркнула ногой и ударила себя вѣеромъ по ладони.

— Не угодно ли?—предложила Дарья Савишна, указавъ вѣеромъ на шолковый пуфъ въ видѣ звѣзды, и опустилась сама на другой. Мебель эта далеко не приходилась по росту Дарьѣ Савишнѣ, но молодая Шумкова усѣлась довольно удобно, хотя, по привычкѣ къ стульямъ, и вздрагивала инстинктивно, не чувствуя за собою спинки.

— Вашъ мужъ въ нашей конторѣ служитъ; Сысой Нестеровичъ очень хвалитъ его,—начала разговоръ Дарья Савишна.

Елизавета Николаевна выразила улыбкой благодарность и рѣшилась бросить взглядъ на окружающее: окна гостинной были завѣшены до темноты тяжелыми драпировками и кисейными занавѣсями съ вытканными райскими птицами, походившими величиною на фазановъ. Стоялъ огромный фикусъ въ углу; на шолковой обивкѣ мебели виднѣлась въ рисункѣ буква *К*; на стѣнѣ висѣли рядомъ портреты хозяевъ, обдѣланные въ массивныя золотыя рамы:—Сысой Нестеровичъ, суровый, въ черномъ сюртукѣ и съ большой модалью на шеѣ, имѣлъ, обрѣзанныя рамой, слишкомъ растопыренныя руки; Дарья Савишна—въ бѣломъ платьѣ, съ жемчугомъ въ волосахъ и съ букетомъ на груди—была слишкомъ румяна и улыбалась какъ-то по дѣтски. Гора изъ подушекъ представляла собою подобіе круглаго дивана и на ней помѣща-

лись гости. Между ними,—какъ разъ противъ Шумковой,—два почтенныхъ кавалера, во фракахъ и съ бобровыми шапками подъ мышкой, курили, выпуская дымъ черезъ носъ; одинъ изъ кавалеровъ держалъ на колѣняхъ бронзовую пепельницу, изображавшую лапоть.

— ...Вотъ и Прянишниковъ,—сообщалъ кавалеръ съ пепельницею другому, — кто ожидалъ? Въ три раствора магазинище, какъ есть рядомъ съ вашимъ, затѣваетъ на весну: самъ я планъ видѣлъ!

— А пусть его затѣваетъ: мнѣ наплевать да растереть! — несовсѣмъ хладнокровно отвѣтилъ будущій сосѣдъ Прянишникова.

— И то наплевать! — поддержала ихъ разговоръ Дарья Савишна.—Карпъ Ивановичъ не боевымъ покупателемъ живетъ — его найдутъ, кому надо. У Прянишникова кишка жидка тягаться-то... Не угодно ли? — снова предложила она, повернувшись къ Елизаветѣ Николаевнѣ.

Лакеи разносили шампанское и мороженое.

— ...А въ Италіи, въ одномъ мѣстѣ, море мраморомъ обдѣлано,—разсказывала полная дама въ кружевномъ платьѣ: — высоко такъ поддастъ вдругъ волна-то, а какъ схлынетъ — преогромные раки, круглые, такъ и зашлепаютъ на ступенькахъ...

— Не поспѣваютъ назадъ-то!—пояснилъ мужской голосъ.

— Ну, дай намъ Богъ!—сказалъ Купринъ, подходя къ Шумкову, согрѣвавшему между ладонями свой стаканъ замороженнаго шампанскаго. Купринъ чокнулся съ Шумковымъ и выпилъ свой стаканъ залпомъ. Шумковъ пріостановился было, но Купринъ чокнулся съ нимъ уже пустымъ стакаиомъ и сказалъ: — Натягивай постромки!

— Гдѣ же *чудовище*-то? — спросилъ, подходя къ Куприну, одинъ изъ гостей. За нимъ подошло еще нѣсколько человѣкъ.

— А вотъ сейчасъ... Купринъ подтолкнулъ Шумкова къ кучкѣ гостей, снова шепнувъ ему:—Какъ есть бутонъ откопалъ себѣ!— И всѣ прошли въ кабинетъ.

Тамъ, занимая всю середину письменнаго стола, красовалось дѣйствительно чудовище, вылитое изъ чистаго серебра: это была чернильница — новогодній подарокъ Куприну отъ работавшихъ подъ его фирмою подрядчиковъ на линіи. Чудовище изображало желѣзнодорожную будку на полотнѣ дороги, служившемъ пьедесталомъ; всѣ подробности (разумѣется, кромѣ гнилыхъ шпалъ), отъ стрѣлокъ и сигнальныхъ фонарей до послѣдняго винта въ рельсахъ, были выполнены вѣрно и художественно.

— Позвольте поздравить,—поклонился Шумковъ.

— Двѣнадцать фунтовъ вѣсу! — звонко пощелкалъ Купринъ пальцемъ по чудовищу.

— Двѣнадцать!—отозвался кто-то изъ гостей и тоже щелкнулъ по чернильницѣ, но робко и деликатно.

— Надо спрыски дѣлать...—замѣтилъ одинъ гость, подлаживаясь подъ веселое настроеніе хозяина.

— Жирно будетъ! — положивъ руки въ карманы панталонъ и отступивъ отъ стола, засмѣялся Купринъ. — Итакъ именины на носу (Купринъ праздновалъ свои именины 22 января). Гуломъ, пожалуй, можно будетъ разориться на пикничокъ!

Они вышли въ залу. Къ нимъ подлетѣлъ, широко разставивъ локти и шмыгая ногами, лакей съ цѣлою горою конфектъ на мельхіоровомъ подносѣ; изъ гостинной показалась Дарья Савишна на встрѣчу пріѣхавшему генералу, картинно потрясавшему эполетами на ходу и улыбавшемуся такою широкою улыбкой, что его сѣдые закрученные усы становились торчкомъ. Въ отворенную дверь залы виднѣлся въ столовой огромный «глаголь», обтянутый блестѣвшею скатертью, уставленный водками и закусками...

Отъ Куприныхъ Шумковы проѣхали къ Костыльковымъ, гдѣ должны были обѣдать. Нарядная и сіявшая Елизавета Николаевна привела собою сестеръ въ завистливый восторгъ, что, въ свою очередь, наполнило ее вплоть до самыхъ маленькихъ ушей, пунцовыхъ отъ мороза, внутреннею тайною радостью. Разсказъ Шумковыхъ, какъ приняли ихъ у Куприна и чего они насмотрѣлись тамъ, водворилъ во флигелькѣ благоговѣйное молчаніе. Старый маклеръ, умѣвшій самъ разсказывать о блестящихъ пріемахъ, которые дѣлаютъ ему «капиталисты», слушалъ, насторожившъ свое исправное ухо и знаменательно прищуривъ одинъ глазъ. Подъ конецъ, онъ какъ бы увѣрился въ словахъ зятя и сказалъ, хлопнувъ его по плечу:

— Если вы будете вхожи къ Куприну, Василій Петровичъ, то у меня есть дѣльце и мы зашибемъ куртажъ!

Шумковы возвращались домой поздно вечеромъ, усталые и довольные. Переодѣвшись въ капотъ, Елизавета Николаевна усѣлась въ мягкое покойное кресло и погрузилась въ мечтательную задумчивость. Когда Устинья подала самоваръ, Шумкова, какъ бы подводя итогъ своему мысленному разговору, охватила руками плечи мужа, прилегла къ его жилету горячею щекой и, съ полузакрытыми отъ нѣги и усталости глазами, сказала:

— Да, мы счастливы, Вася!

IX.

Большой трактиръ въ Петровскомъ паркѣ горѣлъ безчисленными огнями, бросая далеко отъ себя зарево на чистые снѣжные сугробы, наполняя прозрачнымъ радужнымъ сумракомъ чащу оголенныхъ деревьевъ. Внутри трактира шли шумныя хлопоты: въ особой большой залѣ сервировались столы, разгружались корзины винъ, запыхавшіеся лакеи спѣшили туда со столбами тарелокъ, съ охапками канделябровъ; выбившійся изъ силъ хозяинъ уже не приказывалъ, а умолялъ... Цыгане, венгерскія и русскія пѣвицы кипѣли ожиданіемъ чего-то радостнаго и пускали отчаянныя рулады... Два-три незначительныхъ посѣтителя въ общей залѣ безуспѣшно кричали до хрипоты и ожесточенно звонили ножами по графинамъ, стараясь дозваться лакеевъ... Всѣ помыслы, всѣ заботы, казалось, слились въ одинъ, такъ и стоявшій въ воздухѣ, звукъ:

— «Купринъ... Купринъ... Купринъ»...

Въ этотъ вечеръ долженъ былъ состояться въ трактирѣ купринскій именинный пикникъ. Въ залѣ былъ уже готовъ закусочный столъ: высились горы хитро уложенныхъ раковъ, сверкали перламутромъ остэндскія устрицы; потѣли во льду серебряные ушаты съ зернистой икрой, рдѣлъ рядомъ съ вестфальскимъ окорокомъ янтарный балыкъ съ отвороченною кожей; плакалъ на фарфоровой доскѣ пахучій грюйеръ. Не было счета консервамъ, заливнымъ и рѣдкостямъ сезона; вдоль середины стола вились разноцвѣтнымъ ожерельемъ бутылки водокъ и наливокъ... Въ подъѣздѣ трактира помѣщался оркестръ для встрѣчи именинника.

Избранные гости должны были съѣхаться къ Куприну на обѣдъ, а потомъ, на тройкахъ, отправиться на пикникъ; прочіе приглашались къ вечеру, прямо въ трактиръ. Пріѣздъ такихъ приглашенныхъ уже начался и они разсыпались пока по заламъ и полутемнымъ аллеямъ зимняго сада. Шумковы тоже получили приглашеніе и были въ числѣ пріѣхавшихъ. Елизавета Николаевна, впервые переходившая отъ мечты о загородномъ веселье къ дѣйствительности, волновалась и оглядывала блестѣвшими глазами каждый уголокъ въ комнатахъ, каждую складочку въ нарядѣ цыганокъ...

Грянулъ оркестръ въ подъѣздѣ—невѣрно и торопливо играли персидскій маршъ. Въ коридоръ вступилъ Купринъ, подъ руку съ двумя дамами въ платьяхъ со шлейфами и въ брилліантахъ;

на встрѣчу выбѣжалъ, кланяясь, хозяинъ трактира; Купринъ шутя мазнулъ его по лицу мокрою отъ снѣга собольей шапкой... Вслѣдъ за Купринымъ потянулась толпа нарядныхъ гостей. Оркестръ замыкалъ шествіе.

Собравшееся на пикникъ общество отличалось разнообразіемъ. Тутъ видѣлись: знаменитый «разсказчикъ», знаменитый адвокатъ, желѣзнодорожные и банковые тузы, модный піанистъ, думскіе дѣятели, извѣстные доктора, красивые офицеры. Изъ дамъ обращали на себя вниманіе: Дарья Савишна, одѣтая теперь въ фіолетовый бархатъ, сіявшая необыкновенно крупными брилліантами; первая московская красавица въ шотландскомъ платьѣ и съ дюжиной браслетовъ porte-bonheur на обнаженныхъ по локоть рукахъ; знаменитая опереточная пѣвица, пестро одѣтая и неустанно хохотавшая; двѣ замѣчательно полныя желѣзнодорожницы, курившія пахитосы изъ золотыхъ портъ-сигаровъ и вставлявшія французскія слова въ разговоръ.

Шумковы совсѣмъ затерялись въ этой пестрой, незнакомой толпѣ. Къ ихъ счастью, нашелся еще такой же затерявшійся человѣкъ—это былъ, часто приходившій въ контору, подрядчикъ на постройкахъ. Шумковъ насилу узналъ его: ходившій обыкновенно въ длинномъ сюртукѣ, подрядчикъ одѣтъ былъ теперь во все модное, блестѣвшее и скрипѣвшее на немъ, и только голова его, съ узкой и пыльной русой бородой, съ плохо причесанными прямыми волосами и красной морщинистой шеей, имѣла свой обычный видъ, отчего казалась какъ бы приставленной къ постороннему туловищу. Подрядчикъ несказанно обрадовался Шумкову и, потѣя отъ волненія, сталъ твердить:

— Ну, праздникъ: только птичьяго молока нѣту... Ахъ, мать моя!—Шумковъ познакомилъ его съ женой, и всѣ трое усѣлись въ уголокъ, за особый столикъ.

На первую, такъ сказать, дѣловую половину пикника мы бросимъ только бѣглый взглядъ. Купринъ и около него вся «fine fleur» пикника обособились за главнымъ большимъ столомъ; остальные гости размѣщались своими кружками. Началось съ того, что появились лакеи съ огромными подносами, уставленными массою стакановъ до снѣгу промороженнаго шампанскаго. Стали пить за здоровье Куприна; оркестръ, въ дверяхъ залы, игралъ тушъ. Маленькій толстый капельмейстеръ выступилъ, улучивъ минуту, и поднесъ Куприну, посвященный ему, вальсъ своего сочиненія. Купринъ заставилъ капельмейстера выпить, одинъ за другимъ, три стакана леденаго шампанскаго—бѣдный артистъ пришелъ въ настоящій столбнякъ и закашлялся; Купринъ постукалъ его по спинѣ

и сунулъ въ руку скомканную бумажку. Послѣ шампанскаго, стали пить водку и закусывать... впрочемъ, точнаго разграниченія въ этомъ нельзя было сдѣлать: шампанское пилось все время, а любители, выпивъ водки, закусывали ее устрицами, которыя въ свою очередь, запивали шампанскимъ. За закуской послѣдовалъ ужинъ: аршинныя стерляди и заваленные трюфелями и каштанами филеи—чередовались съ рѣдкою дичью и еще болѣе рѣдкою зеленью; вина были отборныя, по крайней мѣрѣ, по цѣнѣ (вино ниже пяти рублей за бутылку звалось у Куприна «кислятиной»). Передъ каждымъ приборомъ лежалъ украшенный румяными купидонами *меню*, отпечатанный золотомъ съ датою пикника; за десертомъ огромныя до безобразія дюшесы, громоздившіяся въ хрустальныхъ чашахъ, кисти винограда, придавленныя кучами персиковъ, золотистые ананасы—заставляли забывать и о странѣ, и о времени года... Потомъ подали кофе и ликеры. Шампанское не сходило со стола—оно звалось у Куприна «квасокъ» и отъ него никто не могъ отказываться; двѣ желѣзнодорожницы вводили моду пить его пополамъ съ лафитомъ: — «не такъ претитъ», говорили онѣ.

Перейдемъ ко второй половинѣ пикника. Лакей распахнулъ двери и отстранился.

Шумя шлейфомъ добротнаго шолковаго платья и взглядывая исподлобья большими карими глазами, въ залу вошла молодая, полная и красивая дама.

— Стеша!—Батюшки!—Вотъ сюрпризъ!—послышалось среди дамъ. Онѣ обступили вошедшую и стали цѣловать ее. Стеша была цыганская знаменитость. Оставивъ по себѣ громкую славу, она не пѣла больше въ хорѣ, жила съ какимъ-то княземъ и имѣла собственный капиталъ. Нарядъ на Стешѣ былъ модный и дорогой, но цыганскій вкусъ такъ и билъ въ глаза пестротой бархатовъ и шелковъ; брилліанты горѣли на ней, брошка была изъ огромнаго изумруда, съ яхонтами по бокамъ. Елизавета Николаевна не вытерпѣла и замѣшалась въ толпу дамъ, пробираясь поближе къ Стешѣ. Подрядчикъ сообщилъ Шумкову:

— Дорогая баба: меньше ста рублей за пѣсню не беретъ!

Стешу усадили на диванъ. Она отказалась и отъ шампанскаго, и отъ ликеровъ; ее не стали приневоливать. Вскинувъ на Куприна свои каріе глаза, Стеша укоризненно покачала головой и сказала густымъ, «теплымъ» контральто:

— И зачѣмъ вы мою старость потревожили?

— Чтобы насъ помолодить!—съострилъ знаменитый адвокатъ. Первая красавица, величаво повернувъ голову, посмотрѣла при-

стально на него. — Honni soit qui mal y pense!—встрѣтясь съ нею взглядомъ, вывернулся адвокатъ.

Изъ коридора потянулся въ залу хоръ цыганъ. Мужчины устанавливались въ шеренгу около стѣны, цыганки размѣщались впереди нихъ, на стульяхъ.

— Сысой Нестеровичъ! солнышко красное: покажется—и нѣтъ его!... Посвѣти, пригрѣй насъ, сиротъ!—говорила, пожимая руку Куприну, высокая стройная старуха-цыганка съ умными, ясными глазами, вѣроятно, въ былыя времена, клавшая въ лоскъ и графовъ, и князей.

— То-то вы, по сиротству-то такъ и расфуфырились!—пошутилъ, захохотавъ, Купринъ.

— Это мундиръ нашъ: ты видѣлъ, въ чемъ мы дома-то ходимъ.

Высокій типичный цыганъ, съ усами и выправкой, какъ у прусскаго унтера, одѣтый въ выложенный позументомъ темно-зеленый кафтанъ съ разрѣзными рукавами, изъ подъ котораго виднѣлся короткій красный чекмень, сталъ настраивать гитару, поплевывая на колки. Бойко взявъ послѣдній отрывистый аккордъ, цыганъ, какъ-то ловко, черезъ руку, перевернулъ гитару и почтительно подалъ ее Стешѣ. Не торопясь, положила Стеша гитару себѣ на колѣни, вытерла руки батистовымъ платкомъ и, раздумывая, взяла двѣ-три чуть слышныя ноты. Наступила мертвая тишина.

— Вѣтку!—проскользнулъ въ этой тишинѣ неуловимый, какъ дыханіе, шопотъ одной изъ желѣзнодорожницъ. Пальцы Стеши забѣгали по струнамъ. Приподнимая на удареніяхъ голову и, по цыганской манерѣ, томно растягивая слава, Стеша запѣла какой-то странный, очевидно перевранный, романсъ:—«Подъ душистою вѣткой сирени, въ мрачныхъ сводахъ была тишина; и, припавъ передъ ней на колѣни, выплывала по небу луна»... — Послѣ каждаго куплета, хоръ подхватывалъ: — «Тра-ра, тра-ра, тра-раа»!—Вдругъ Стеша заглушила ладонью пѣвучій аккордъ, лихо тряхнула головой, и, зазвонивъ переборомъ на гитарѣ, залилась, точно соловей:

— Деревенски мужики,
Они просто дураки,
Мерзавцы!—

— Каа-ли-на! Вотъ маа-ли-на!—неистово грянулъ хоръ.

— Пальцы рубятъ, зубы рвутъ, въ службу царскую нейдутъ—не хочутъ!— заливалась Стеша.

— Каа-ли-на!...—надрывался хоръ.

Громъ рукоплесканій, крики гостей, звонъ стакановъ, грохотъ

стульевъ—все слилось въ одинъ нестройный, несмолкаемый гулъ... Всѣ обступили Стешу; къ ней протягивались стаканы; она стояла, прижатая къ дивану, чокалась, привѣтливо улыбаясь и отстраняя свое дорогое платье отъ лившагося ручьями шампанскаго... Сгорѣвшая отъ восторга и любопытства, Елизавета Николаевна тѣснилась тутъ же и очутилась рядомъ съ Купринымъ. Красный и потный, онъ мѣрно выкрикивалъ *бисъ* сдержаннымъ басомъ. Шумкова присоединила къ нему своей сопрано. Купринъ окинулъ взглядомъ ея взволнованную фигуру съ раскраснѣвшимся лицомъ, подвинулся къ ней ближе... и, обхвативъ за талію, прижалъ къ себѣ... Странное чувство испуга и удивленія, чего-то постыднаго и противъ воли желательнаго, овладѣло Лизой. Гости шумѣли кругомъ. Елизавета Николаевна замерла безъ словъ, безъ движенія; ей казалось, что она падаетъ куда-то, глубоко, глубоко... ей было душно, голова начинала кружиться, а рука Куприна, какъ-то грубо вздрагивая, продолжала тискать молодую женщину, точно стараясь выдавить изъ нея послѣдній разсудокъ. Толпа разступилась, и Купринъ выпустилъ Лизу. Къ нему подошелъ знаменитый адвокатъ, подъ руку съ первой красавицей, и цвѣтисто сталъ выражать отъ имени гостей благодарность «за доставленное удовольствіе услышать еще разъ пѣвунью, отлетѣвшую въ край иной»... Дамы усадили Стешу снова на диванъ и стали наперерывъ упрашивать ее спѣть: кто — «Сосѣнушку», кто—«Зацѣлуй»...

— Здорово, Вася! Что заснулъ?—сказалъ Купринъ, подходя къ Шумковымъ и присаживаясь къ ихъ столику. Шумковъ отвѣтилъ, что онъ веселится; Елизавета Николаевна вспыхнула, насколько это было возможно при ея, и безъ того пылавшихъ, щекахъ, и, потупивъ голову, заиграла вѣеромъ передъ самыми глазами.— Сударыня! — обратился къ ней Купринъ, протягивая руку; она молча прикоснулась къ ней и быстро отдернула свою. На подрядчика Купринъ только покосился. Тотъ всталъ и незамѣтно отдалился отъ стола.—Эй, ты, мусью! — остановилъ Купринъ пробѣгавшаго трактирнаго распорядителя, одѣтаго во фракъ и бѣлый галстукъ, слывшаго за француза Жюля и бывшаго только рыбинскимъ мѣщаниномъ Ильею Грибановымъ. — Эй, ты, мусью! Дай намъ холодненькаго, побаловаться!—Жюль вытянулся въ струнку и мигнулъ лакеямъ. Шумковъ попробовалъ было отказаться, но Купринъ всунулъ ему въ руку стаканъ и сказалъ: — Ну, чего чиниться-то: праздникъ нынче!

— Сысой Нестеровичъ, я фруктовъ хочу, — сказала вдругъ Елизавета Николаевна, лукаво выглянувъ изъ-за вѣера.

Шумковъ стыдливо съежился и тихо толкнулъ жену локтемъ. Купринъ какъ бы оторопѣлъ на минуту и пытливо глянулъ изъ подъ бровей... но это была только одна минута.—«Эй!»—крикнулъ онъ тутъ же не отходившему Жюлю. Столъ завалили фруктами и пирожнымъ.

Началась пляска цыганъ и затмила даже Стешу: молодой солистъ—кудрявый, черномазый коротышъ съ большою головой и тонкою таліей, перетянутою черкескимъ поясомъ — дошелъ до вдохновеннаго изступленья; окаменѣлъ въ лицѣ, выпучивъ неподвижные глаза, и выдѣлывалъ какой-то удивительный перебой, въ три ноги. Плясавшая съ нимъ цыганка закатила глаза подъ лобъ, сверкая бѣлками, и такъ трясла грудью, какъ будто была сдѣлана изъ желе... Піанистъ встряхнулъ волосами, порывисто сѣлъ къ роялю и заигралъ русскую плясовую; опереточная пѣвица поплыла по залѣ, вывертывая руками и помахивая платкомъ; на встрѣчу ей, выбивая ногами дробь, показался кто-то изъ гостей. Вспыхнуло веселье — шумное, неразборчивое; цыгане столпились у стола и начали угощаться фруктами и ликерами; на полу очутился ящикъ разсыпанныхъ гаванскихъ сигаръ и по нимъ ходили. Кто-то сѣлъ мимо кресла и его поднимали дамы.

— Окрошку? — спросилъ, остановившись передъ Купринымъ, видный собою, бородатый гость въ пестрыхъ панталонахъ, лаковыхъ ботинкахъ и съ бриллiантовой звѣздой на толстой шейной цѣпочкѣ.

— Валяй!—отвѣтилъ ему Купринъ.

— Силенція! — закричалъ въ публику гость, размахнувъ руками, и пошелъ, обнимая встрѣчныхъ и водворяя порядокъ.

Лакеи погасили свѣчи, оставивъ только два канделябра на большомъ столѣ. Явился поваръ—сѣдой, толстый французъ презентабельнаго вида и во фракѣ. Въ большую чашу онъ накрошилъ ананасовъ, персиковъ и мандариновъ, и сталъ опоражнивать туда бутылки шампанскаго, коньяку и ликеровъ; надъ чашей утвердилъ онъ серебряную рѣшетку, а на нее положилъ верхушку сахарной головы. Когда это было готово, поваръ взялъ бутылку коньяку и замеръ въ позѣ указующей статуи—коньякъ полился на сахаръ тонкою ровною струей. Гость въ пестрыхъ панталонахъ сталъ въ ту же позу, какъ и поваръ, держа на готовѣ спичку; когда наступилъ моментъ, гость прикоснулся спичкой къ сахару... Едва замѣтными синими змѣйками забѣгалъ огонь по сахару, выросъ, обхватилъ его, мелькая желтыми языками, и вдругъ пропалъ... Зашипѣло что-то и съ слабымъ трес-

комъ кануло въ чашу... еще и еще... Глухо ухнувъ, изъ чаши вырвалось сплошнымъ вѣнцомъ пламя.

— Свѣчи гасите!—Свѣчи гасите! — раздались голоса. Дамы замахали на канделябры платками, мужчины шумно дунули, точно изъ мѣховъ.

Наступила ночь, какъ на сценѣ. Пылавшая невѣрнымъ, синевато-желтымъ пламенемъ, чаша бросала вокругъ трепетный, легкій полусвѣтъ. Поваръ, мелькая, какъ привидѣнье, все еще хлопоталъ надъ нею. Лица тѣснившихся у стола гостей приняли странный мертвенно-блѣдный видъ: даже у первой красавицы появились вмѣсто глазъ темныя впадины, а кокетливый локонъ дрожалъ на ея бѣлой шеѣ некрасивою морщинистою тѣнью... Торжествующій взрывъ выкриковъ показалъ, что «окрошка» удалась. Свѣчи вспыхнули снова. Въ залу, пестрѣя бусами и не въ мѣру расшитыми сарафанами, вступилъ съ излишне-непринужденной веселостью хоръ нарумяненыхъ русскихъ пѣвицъ; въ дверь, готовый на смѣну имъ, заглядывалъ еврей—цимбалистъ...

Поздній зимній разсвѣтъ пробивался въ завѣшенныя окна трактира; въ сѣроватомъ сумракѣ опустѣвшихъ залъ бѣгали лакеи со свѣчами въ рукахъ, спѣша кончить приборку; холодъ врывался волнами, разгоняя пахучую духоту. Въ передней суетились швейцары, одѣвая разъѣзжавшихся купринскихъ гостей. Шумковъ стоялъ, привалившись бокомъ къ стѣнѣ и свѣсивъ голову. «Окрошка» совсѣмъ доконала его; онъ ни за что не хотѣлъ одѣваться и невнятными, плачевными возгласами требовалъ свою жену. Подрядчикъ, еще довольно крѣпко державшійся на ногахъ, какъ бы изъ самой души своей вытягивалъ тоже невнятныя, ласковыя слова и доказывалъ Шумкову, что жена ждетъ его въ саняхъ. Швейцарамъ кое-какъ удалось одѣть Шумкова, нахлобучить на него шапку, и его вывели на подъѣздъ.—Лиза!—крикнулъ отчаяннымъ голосомъ Шумковъ.—Здѣсь я, здѣсь!—отвѣтила, сидѣвшая въ купринскихъ саняхъ, Елизавета Николаевна.—А!—радостно отозвался Шумковъ и лицо его расплылось въ улыбку.

Спотыкаясь и увязая въ снѣгу, Шумковъ бросился на голосъ жены, но попалъ совсѣмъ въ другія сани. Прозябшія тройки бѣшено унеслись.

X.

Тяжелые занавѣсы, изъ золотистой, точно парчевой матеріи съ малиновыми разводами, плотно закрывали дверь и окна спальни,

упадая широкими скадками на мягкій дорогой коверъ, съ яркорозовыми цвѣтами по желтому полю. Пробившись вверху одного окна, солнечный лучъ горѣлъ на изогнувшейся оборкѣ занавѣса, бросалъ слабый отсвѣтъ на край разрисованнаго потолка, освѣщая голую ногу какой-то богини, рядомъ съ половиной радужнаго крыла фантастической птицы, и пробѣгалъ пыльною косою полоской черезъ спальню. Онъ задѣлъ брошенныя на табуретѣ пышныя, прозрачныя юбки, скользнулъ на срединѣ спальни по широкой раззолоченной кровати, разрисованной медальонами во французскомъ вкусѣ, перегнулся черезъ модное кресло «раковиной», казавшееся, по размѣрамъ, половинкой котла, и взбѣгалъ на стѣну, обтянутую узорнымъ штофомъ «въ рамку», съ золотыми багетами.

На кровати, завернувшись въ стеганое атласное одѣяло пунцоваго цвѣта, покоился Купринъ. (Дарьи Савишны уже не было въ спальнѣ). Передъ кроватью, на тумбѣ розоваго дерева съ бронзовой выкладкой, четко постукивалъ хронометръ, придавивъ своею золотою цѣпью большой сафьянный бумажникъ. Хронометръ показывалъ десять, а Купринъ, сверхъ обыкновенія, не просыпался. Но вотъ онъ всхрапнулъ и потянулся, выставилъ изъ подъ одѣяла ногу съ кривымъ и сѣрымъ ногтемъ на большомъ пальцѣ, и уперся ею въ стеганую спинку кровати... Черезъ минуту онъ сладко зѣвнулъ и сталъ протирать кулаками глаза. Солнечный лучъ напомнилъ Куприну, что пора вставать; онъ вскочилъ сразу,—какъ привыкъ это дѣлать,—свѣсилъ съ кровати косматыя ноги и сталъ нащупывать туфли. Изъ отдушины калорифера неслись волны теплаго воздуха, мягко охватывая ноги; Купринъ задумался, нѣжась и почесываясь—лицо у него было опухшее и лоснилось, глаза чуть виднѣлись, борода свалялась въ войлокъ. На кутежахъ Купринъ былъ выносливъ и почти никогда не пьянѣлъ, но вчера, въ качествѣ именинника, онъ сильно «переложилъ», и теперь въ головѣ у него стоялъ какъ будто туманъ. Въ этомъ туманѣ смутно мелькалъ и кружился веселый пикникъ; Купринъ улыбнулся и, закрывъ отъ удовольствія глаза, помоталъ головой. Собственно пикникъ, хотя и удавшійся какъ нельзя лучше, мало интересовалъ Куприна: со всякимъ весельемъ онъ свыкся, цыганки и пѣвицы нравились, лишь когда «вступало» въ голову, а вообще онѣ «пріѣлись» ему. Пріятно улыбнуться заставило Куприна воспоминаніе объ Елизаветѣ Николаевнѣ.—«Экая занозистая бабенка-то! — сталъ мысленно разсуждать Купринъ.—И какъ все подошло ловко: разъ, два, и готово!—Онъ подцѣпилъ на большой палецъ правой ноги туфлю, но набѣгав-

шія мысли остановили попытку къ движенію и Купринъ снова задумался.—А стоющая бабенка: и не фордыбачитъ, и какъ есть игрушечка...—проходило у него въ умѣ.—Эхъ, кабы не эта обуза вчера—гости да Дарья Савишна—ахнулъ бы съ нею на тройкѣ, и дѣлу конецъ!..»—Припомнилось послѣдующее, и Купринъ проговорилъ уже вслухъ:—Вѣдь, кажется, по самое ухо накатилъ человѣка, а поди ты... Худенькій и такой живущій!—Это относилось къ Шумкову, удивлявшему теперь Куприна своею неожиданною выносливостью въ питьѣ.

Вчера, разгоряченный виномъ, польщенный податливостью Елизаветы Николаевны, Купринъ составилъ простой и вѣрный планъ ухаживанья: напоить Шумкова и предоставить его попеченіямъ Жюля, молодую бабенку взять въ свои сани, «закинуть домой» Дарью Савишну, развезти—какъ это водилось всегда—другихъ спутниковъ и спутницъ, а потомъ уже проводить Шумкову. Планъ невполнѣ удался: очутившись въ купринскихъ саняхъ, Елизавета Николаевна захотѣла дождаться мужа; а тотъ, хотя былъ напоенъ дѣйствительно «по самое ухо» и попалъ въ другія сани, но не потерялъ сознанія и такъ разбушевался дорогой, что жену пришлось пересадить къ нему.

Подцѣпивъ другую туфлю, Купринъ спустился съ кровати и вышелъ въ уборную умываться. Въ освѣженной холодной водою головѣ появились новыя мысли: Куприну было непріятно, что его бухгалтеръ позволилъ себѣ такъ разбушеваться вчера. Не нравилась Куприну и заговорившая при этомъ въ Шумковѣ, хотя и запрятанная глубоко, какая-то нервная, безпокойная жилка... Купринъ нахмурился. Воспоминаніе о Елизаветѣ Николаевнѣ снова оживило его, но вопросъ: какъ повести дѣло дальше? заставилъ задуматься... Купринъ надѣлъ сѣрый драповый шлафрокъ, съ фестонами изъ краснаго сукна—слѣдуя модѣ, онъ не носилъ халата—и прошелъ въ буфетъ, гдѣ и опохмѣлился своею обычною тройною рюмкою очищенной. Затѣмъ Купринъ отправился на «половину» Дарьи Савишны, уже ждавшей его за самоваромъ. Половина эта состояла изъ двухъ маленькихъ комнатъ, окнами во дворъ: онѣ полюбились Дарьѣ Савишнѣ и она сдѣлала изъ одной—«образную» съ кіотомъ во весь уголъ, а изъ другой—«чайную» съ бутылями наливокъ и банками варенья на окнахъ; здѣсь же Дарья Савишна принимала свой знакомый людъ, не имѣвшій отношенія къ парадным комнатамъ.

— А ты, ни свѣтъ, ни заря, вскочила?—сказалъ Купринъ, усаживаясь за столъ и принимая стаканъ чаю.

— Привычка, что ли ужь это: какъ поздно ни ляжешь, а все

въ свое время проснешься,—отвѣтила, зѣвая, Дарья Савишна, и стала разсказывать:—Ужь какъ всѣ довольны были вчера, какъ хвалили! Кажется, на что ужь разборчивы Букины, а и то старшій, Гаврила Панкратьичъ, подходитъ ко мнѣ вчера и говоритъ:—«Ну, говоритъ, надо отдать преферансъ Сысою Нестерычу!..»—Всѣ, всѣ: Камѣева жена, Костеревы...—Дарья Савишна стала передавать и отзывы о пикникѣ, и узнанныя въ разговорахъ съ дамами семейныя тайны, и разные слухи... Вдругъ она засмѣялась.

— Что ты?—посмотрѣлъ на нее Купринъ.

— Да Шумкова твоего вспомнила: какую войну изъ-за жены поднялъ! Въ разныхъ саняхъ сидѣть—и то ужь разлука... ревнивъ что ли онъ, любитъ очень ее?—Дарья Савишна хотѣла пошутить и сказать, что за нею такъ не погнался бы Сысой Нестеровичъ, но только подумала объ этомъ и вздохнула.

— Приглашай такъ-то вотъ ихняго брата...—съ неудовольствіемъ проговорилъ Купринъ. И въ то же время мысль: не потому ли разбушевался Шумковъ, что замѣтилъ и сталъ ревновать?—безпокойно завозилась у него въ головѣ. Часамъ къ двумъ должны были съѣхаться близкіе пріятели Куприна,—праздновать «черствыя» именины; онъ рѣшилъ прокатиться пока и подышать воздухомъ.

Раздумывая то такъ, то этакъ, по поводу неотстававшей мысли, какъ повести дѣло съ Елизаветою Николаевною, Купринъ сѣлъ въ свои высокія американскія сани, запряженныя парою отличнѣйшихъ гнѣдыхъ рысаковъ, и поѣхалъ на пустырь, въ контору.

XI.

Устинья, съ засученными выше локтя рукавами и съ подоткнутымъ платьемъ, вышла изъ кухни, осторожно ступая на носкахъ башмаковъ, и, заглянувъ въ дверь комнаты, сказала таинственнымъ шопотомъ:

— Барыня, Василію Петровичу, чай, вставать пора: двѣнадцатый часъ.

— Что же мнѣ дѣлать, когда онъ спитъ, точно убитый!—съ сердцемъ и громко отвѣтила ей Елизавета Николаевна.

Устинья глубокомысленно потупилась, утирая фартукомъ губы, и тѣми же осторожными шагами, не оборачиваясь, отступила въ кухню.

Елизавета Николаевна, полуодѣтая, сидѣла за самоваромъ и

испытывала на себѣ послѣдствія вчерашняго пикника: она была не въ духѣ, у нея болѣла голова, непріятно ныло сердце, а поступокъ Куприна не выходилъ изъ мыслей и не поддавался пониманію. Однако она встала и пошла въ спальню.

— Вася, да очнись ты!—послышался тамъ ея голосъ. Шумковъ спалъ непробуднымъ сномъ. Доведенный кое-какъ до сознанія, онъ открылъ глаза и привсталъ на постели.—Двѣнадцать часовъ!- крикнула надъ нимъ жена, прибавивъ полчасика для большаго вразумленія.

Шумковъ вскочилъ сгоряча и припялся было за одѣванье, но скоро схватился за голову и присѣлъ на стулъ: комната шла предъ нимъ кругомъ, виски рвало на части и нестерпимое ощущеніе чего-то, поднимавшагося внутри, бросало въ дрожь. Шумкова клонило прилечь, отдаться, хотя еще на минуту, покою и тишинѣ; но онъ вспомнилъ, что вся конторская машина стоитъ теперь въ ожиданіи бухгалтера, и выпрямился на стулѣ. Смутное воспоминаніе о чемъ-то, несовсѣмъ хорошемъ, приключившемся съ нимъ на пикникѣ, совсѣмъ обезкураживало Шумкова.

— Лиза, что я вчера, ничего такого?..—проговорилъ онъ неестественнымъ басомъ, не поднимая головы.

— Напился и безобразничать сталъ!—коротко отвѣтила жена.— Одѣвайся скорѣе!

Практическая мудрость Устиньи, которой набралась она, по ея словамъ, во время службы у одного адвоката, — пришла на помощь Шумкову. Устинья вылила ему на голову кувшинъ ледяной воды, стараясь непремѣнно попадать въ какую-то «жилку», въ которой, будто бы, и коренится всегда источникъ недуга. Затѣмъ, послѣ рюмки посоленной водки, Шумковъ пришелъ нѣсколько въ себя и на извощикѣ отправился въ контору.

— Сысой Нестеровичъ здѣсь?—съ чувствомъ человѣка, ставящаго все на карту, спросилъ Шумковъ въ конторѣ у артельщика, торопливо сбрасывая пальто.

— Почитай съ полчаса, какъ пріѣхали,—убилъ карту артельщикъ.

— Сысой Нестеровичъ не спрашивалъ меня?—здороваясь съ Кудрявцевымъ, освѣдомился Шумковъ.

— Нѣтъ, только глазомъ повелъ на вашу конторку, когда проходилъ,—успокоилъ Кудрявцевъ.

Шумковъ усѣлся на свое мѣсто. Пришелъ бывшій на пикникѣ подрядчикъ, по прежнему въ длинномъ сюртукѣ, но съ непросохшими еще отъ умыванья волосами и съ какимъ-то неправильнымъ оваломъ лица. Сохраняя постное дѣловое выраженіе, онъ по-

дошелъ къ Шумкову и шопотомъ спросилъ, какъ тотъ чувствуетъ себя.—Что я вчера, ничего такого?..—шепнулъ Шумковъ. Подрядчикъ сдѣлалъ строгое лицо и панибратски шепнулъ:— Молчи лучше!—Шумковъ одернулъ сюртукъ, откашлялся и пошелъ въ кабинетъ къ Куприну. Купринъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣлъ въ своемъ сафьянномъ креслѣ и выкладывалъ что-то на счетахъ. Онъ искоса и пытливо глянулъ на Шумкова, не переставая считать. Шумковъ подошелъ, кланяясь на ходу.

— Извините, Сысой Нестеровичъ: кажется, я вчера... немного...—началъ онъ, едва шевеля распухшими губами.

— Всѣ хороши были!—махнулъ Купринъ рукой. Онъ отложилъ въ сторону счеты и, пристально посмотрѣвъ на Шумкова, спросилъ:—Чай изъ рукъ валится все?

— Я постараюсь... остановки не будетъ...

— Чего ужь тамъ,—перебилъ его Купринъ. — иди домой да опохмѣлись хорошенько!

— Я ничего, Сысой Нестеровичъ, я могу...—конфузливо возразилъ Шумковъ.

— Иди, иди: нечего зря-то натуживаться! — снисходительно подтвердилъ Купринъ. Шумковъ поклонился и повернулся къ двери; Купринъ остановилъ его:

— Вотъ что,—понизилъ онъ голосъ:—такъ, черезъ полчасика, я заѣду къ тебѣ... визитъ отдать... А?

— Очень пріятно-съ,—согласился Шумковъ, поднявъ съ невольнымъ удивленіемъ на Куприна свои красные глаза. Онъ поклонился еще разъ и хотѣлъ выйти; Купринъ снова остановилъ его.

— Ты не болтай нашимъ то,—подмигнулъ онъ, разумѣя конторщиковъ.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ.

Шумковъ вышелъ.

XII.

Проводивъ мужа въ контору, Елизавета Николаевна усѣлась снова за самоваръ и отдалась размышленью. Размышлять, хотя бы только по поводу клубныхъ приключеній, не разъ приходилось ей и въ дѣвичествѣ. У нея былъ даже свой способъ для этого—она усаживалась на диванѣ и, устремивъ глаза на колыхавшуюся въ углу, подъ потолкомъ, сѣрую многолѣтнюю паутину, старалась выйти изъ затрудненія при помощи смѣтливости и женской изворотливости (въ чемъ и успѣвала почти всегда). Но всѣ

эти приключенія были просты и заурядны, походили одно на другое, а затрудненіе всегда исчерпывалось вопросомъ: приведетъ ли приключеніе къ замужству? Само замужество тоже не представлялось чѣмъ нибудь особеннымъ, и размышленія о немъ вертѣлись около единственнаго, казавшагося яснымъ, условія: лишь бы подвернулся женихъ «подходящій».

Приключеніе на пикникѣ было совсѣмъ особое. Поступокъ Куприна растревожилъ все существо Елизаветы Николаевны, вытолкнулъ его изъ рамокъ, въ которыя оно только что начинало укладываться, и какъ бы отвѣтилъ на дѣвическія мечтанія о чудесномъ... Размышляя о случившемся, Лиза стала глядѣть на тусклый, точно заплаканный бокъ стоявшаго передъ нею самовара. Самоваръ, отражая, искривлялъ карикатурно ея лицо. Она перевела взглядъ на разноцвѣтныя звѣздочки обоевъ. — Какіе смѣлые бываютъ мужчины!—мелькнула у нея мысль.—И зачѣмъ сдѣлалъ онъ это?..—встала другая мысль.—Почтенный, семейный человѣкъ... и вдругъ... Неужели... влюбился?!..—Духъ заняло при одной мысли объ этомъ. Заплаканный самоваръ, Устинья, стучавшая надъ котлетами въ кухнѣ, комната ст. берлинскимъ піаниво—все стушевалось, пропало; звѣздочки на обояхъ запрыгали, складываясь въ подвижные узоры, и поплыли... за ними поплыли мысли въ другой, новый міръ—свѣтлый, очаровательный... «Разводъ»! прозвучало въ ушахъ Елизаветы Николаевны; развернулся предъ глазами волшебный, нескончаемый пикникъ... То чудесное, что̀ носилось въ безпорядочныхъ дѣвическихъ мечтахъ, стало живою дѣйствительностью, близилось, надвигалось... Вотъ оно, вотъ—брилліанты, шлейфы, кареты... На встрѣчу выплыло другое: мелькнуло лицо Шумкова, заставивъ колыхнуться сердце въ неясномъ, тупомъ безпокойствѣ; вспомнилось, какъ грубо сказалъ Купринъ, когда надобно было ей пересаживаться въ сани къ мужу: — Ну, вылазьте, барынька, къ *законному* своему!—и даже не простился. Взлетѣвшій фейерверкъ достигъ своего апогея и сталъ падать, потухая... «Но зачѣмъ сдѣлалъ онъ это»?. выступилъ снова неотвязный вопросъ. Обрывая догадку за догадкой, какъ обрываютъ цвѣтокъ при гаданьѣ, Лиза рѣшила, вздохнувъ:—«И ничему этому не бывать; выпивши былъ человѣкъ, вотъ и позволилъ себѣ»...

Въ передней задребезжалъ звонокъ.

— Кто бы это?—встрепенулась она и скользнула въ спальню, притаившись тамъ за пріотворенной дверью.

— Ахъ, батюшки! — удивилась Устинья, отперевъ дверь и впуская Шумкова.

— Что же это ты?—спросила, выходя изъ своей засады, Елизавета Николаевна.

— Отдыхъ сегодня, — сказалъ Шумковъ, снимая пальто, и добавилъ, глянувъ на бѣлую юбку и ночную кофту жены:—поди одѣнься: Сысой Нестеровичъ пріѣдетъ сейчасъ.

У Лизы потемнѣло въ глазахъ.

XIII.

Расторопная Устинья заметалась, какъ инфузорія. Заплаканный самоваръ, распоротое платье на диванѣ, заношенные рукавчики на подзеркальникѣ—все точно растаяло въ воздухѣ и комната приняла свѣтлый праздничный видъ. Не забывъ при этомъ помочь барынѣ въ ея торопливыхъ хлопотахъ съ туалетомъ, Устинья принялась въ кухнѣ за приготовленіе закуски. Она успѣла уже самымъ изысканнымъ образомъ распластать на тарелкѣ селедку и, за неимѣніемъ болѣе подходящей зелени, всунуть ей въ ротъ пучочекъ травки, добытой изъ цвѣточнаго горшка... но въ это время раздался звонокъ.

— Чисто пара голубей въ гнѣздѣ!—говорилъ, спустя нѣсколько минутъ, Купринъ, оглядывая съ улыбкой «гостинную» и хозяевъ.

Хозяева стояли около креселъ, готовясь предложить ихъ гостю. Шумковъ старался глядѣть весело и боролся со своими бровями, которыя такъ и сводила неунимавшаяся головная боль. Лиза картинно держала пальчики на спинкѣ кресла и старалась улыбаться, но улыбка у нея выходила какъ бы тревожная, а по блѣдному, освѣженному пудрой, лицу пробѣгалъ легкій нервическій трепетъ. Въ рѣшительную минуту Елизавета Николаевна нѣсколько оробѣла и чуть не вскрикнула въ спальнѣ, когда раздался звонокъ Куприна.

— Пожалуйте...—предложилъ Шумковъ, подвигая свое кресло.

— Поближе къ столу не хотите ли?—перебила его Лиза, шевельнувъ пальчиками.

— Если по вѣжливости,—отвѣтилъ, подумавъ, Купринъ:—такъ оно требуется хозяйку уважить.—Онъ поддернулъ панталоны, прихвативъ ихъ надъ колѣнками, и сѣлъ на кресло поближе къ столу. — Да и бѣшеный же вечеръ выдался вчера! — началъ онъ разговоръ.

— Очень было весело...—промолвила Елизавета Николаевна, стараясь не глядѣть на Куприна.

— Чай, и дома-то все хозяйку разыскивалъ?—отнесся къ ней

Купринъ, подмигнувъ на Шумкова. Елизавета Николаевна потупилась, Шумковъ кашлянулъ въ руку.—Трещитъ голова?—обратился къ нему Купринъ.

— Да-съ,—признался чистосердечно хозяинъ.

— Полѣчить ее надо.—На случай, у меня кулечекъ захваченъ. Прикажи добыть его изъ саней...

Устинья, въ очутившемся на ней новомъ ситцевомъ платьѣ и съ примасленной головой, ринулась къ санямъ Куприна. *Кулечекъ* оказался цѣлою семьею кульковъ—съ винами и водками, съ фруктами и закусками, а на прибавку къ нимъ была уложена шолковая стеганная коробка съ конфектами, похожая на дорожный погребецъ. Шумковъ покраснѣлъ и смѣшался; смѣшалась, потупившись, и его жена.

Спокойною, по крайней мѣрѣ, на видъ, оставалась Устинья: она во всѣ глаза глядѣла на затылокъ Куприна, какъ только выпадала минута для этого; держалась прямо, выступала мѣрными, точно солдатскими шагами, а, входя съ подносомъ, вздымала его, съ явнымъ разсчетомъ на эффектъ, почти въ уровень съ своимъ подбородкомъ. Она выказала наметанность и по части сервировки—фрукты она уложила горкой, какъ это дѣлаютъ на лоткахъ, а салфетки свернула, хотя и въ непонятныя, однако довольно затѣйливыя фигуры. Недоразумѣніе произошло только съ шампанскимъ: растревоженное дюжими руками Устиньи, оно забило ключемъ, Устинья попыталась заткнуть бутылку пальцемъ, но вышло еще хуже; тогда она отвернула въ сторону свое пылавшее сконфуженное лицо, зажмуривъ глаза, и предоставила дальнѣйшее судьбѣ...

Какъ говорится, «на старыя дрожжи» Шумковъ оказался далеко не выносливымъ: нѣсколько рюмокъ водки и теплое шампанское быстро и неожиданно подѣйствовали на него. Съ осунувшимся серьезнымъ лицомъ сидѣлъ онъ въ креслѣ, безсильно свѣсивъ на грудь голову, и невнятнымъ шопотомъ отвѣчалъ по временамъ на какія-то воображаемыя реплики. Ему слышался гулкій, раскатистый смѣхъ Куприна и веселый голосъ жены, но онъ никакъ не могъ уловить нити ихъ разговора; его одолѣвалъ сонъ и онъ сталъ мысленно разбираться въ какой-то, никакъ не поддававшейся ему, необыкновенно сложной теоріи приличій, отношеній хозяина къ гостю... Какъ разъ надъ кресломъ отдалась въ стѣну пѣсня, зазвучалъ несообразный, терзавшій ухо, аккордъ... Шумковъ очнулся и приподнялъ отяжелѣвшія вѣки. Елизавета Николаевна сидѣла за піанино и своимъ звонкимъ необработаннымъ голосомъ пѣла цыганскую пѣсню...

— «Не это, романсъ спой»,—хотѣлъ сказать Шумковъ, но остановился на полдорогѣ къ первому слову и сталъ считать плавно потянувшіеся такты. Пѣсня прервалась; недоконченный, невѣрный аккордъ задрожалъ и смолкъ. Тишина точно толкнула Шумкова и онъ полуоткрылъ глаза: огромная рука Куприна заслоняла Елизавету Николаевну, ихъ головы были близко... еще секунда — и Купринъ повернулся къ креслу Шумкова. Шумковъ приподнялся, но не устоялъ и тяжело опустился въ кресло; съ усиліемъ открылъ онъ слипавшіеся, посоловѣлые глаза, вглядываясь въ Куприна, и провелъ рукою по волосамъ...

— Вздремнулъ, Вася? — сказалъ, подходя, Купринъ и хлопнулъ Шумкова по плечу.

XIV.

Всколыхнувшаяся отъ знакомства съ Куприными, жизнь молодыхъ Шумковыхъ снова улеглась въ своихъ незатѣйливыхъ берегахъ. Отдавъ визитъ молодымъ, Купринъ не бывалъ больше у нихъ: въ конторѣ съ Шумковымъ онъ обращался по прежнему начальнически милостиво и о вспыхнувшей,—правда, нѣсколько странной,—короткости не было и помину.

Уютная квартирка съ собственнымъ хозяйствомъ играла немалую роль въ предбрачныхъ мечтаніяхъ Шумковыхъ и они устроили ее общими стараніями:—«поскорѣе, пока необходимое, а прочее со временемъ, какъ нибудь»...—Но время шло, а хозяйство мало подвигалось и вихлялось, какъ разладившееся колесо. У Шумкова не всегда былъ досугъ—онъ проводилъ въ конторѣ цѣлые дни и являлся домой только къ вечеру, усталый и голодный; Елизавета Николаевна, какъ водится, взялась горячо за дѣло, нашила себѣ фартуковъ и даже завела приходо-расходную книгу, но успѣла занести только одинъ фартукъ, а въ книгѣ перечертить и перемарать лишь одну страницу... и охладѣла. Хозяйство легло на подвернувшуюся кстати расторопную Устинью; уютная квартирка такъ и осталась съ своимъ казовымъ концемъ—съ берлинскимъ піанино и репсовыми креслами въ «гостинной», а въ спальнѣ недоставало занавѣсокъ на окнахъ, въ кухнѣ были разрозненныя тарелки... Устиньиной расторопности то же имѣлись предѣлы и комната стала убираться не всегда, самоваръ на столѣ началъ появляться заплаканнымъ... Иногда на Елизавету Николаевну нападали порывы къ хозяйничанью и она принималась помогать Устиньѣ, сама убирала комнату, но за послѣднее

время у нея и къ этому отпала охота: она стала много гулять, а дома хлопотала лишь надъ своимъ незавиднымъ гардеробомъ, перетрясая его, хотя и не всегда со вкусомъ, при помощи мелкихъ модныхъ новинокъ...

Въ домѣ Куприна, съ самыхъ именинъ хозяина, стала чувствоваться всѣми необычайная перемѣна къ лучшему: всегда суровый и взыскательный, Куринъ сдѣлался какъ бы добрѣе и снисходительнѣе, сталъ глядѣть веселѣе. Дарьѣ Савишнѣ, въ ея коллекцію платьевъ и капотовъ, онъ, безъ всякой видимой причины, подарилъ дорогой капотъ, совсѣмъ необыкновенный — съ китайскимъ шитьемъ и отдѣлкой изъ казуаровыхъ перьевъ; къ Исаю Парфенову сталъ онъ относиться довѣрчивѣе и даже оставилъ нѣсколько разъ безъ провѣрки его счеты по закупкамъ. Въ контору Куринъ наѣзжалъ по прежнему каждый день, но пересталъ засиживаться тамъ и уѣзжалъ акуратно въ два часа— въ этомъ случаѣ онъ остался обычно-взыскательнымъ, требуя, чтобы его не задерживали и подчасъ не давая вздохнуть конторщикамъ.

XV.

Былъ ясный солнечный день; въ чистомъ, прозрачномъ воздухѣ чувствовалось что-то, еще пока отдаленное, но уже весеннее, радостное; сани беззвучно мелькали по рыхлому побурѣвшему снѣгу, вытягивая за собою лоснившіеся гладкіе слѣды; съ крышъ, на пригрѣвахъ, падали свѣтлыя капли... Въ пыльныя окна конторы Куприна, разгоняя обычный въ ней сумракъ, ударяли яркіе, горячіе лучи солнца; конторщики нервно позѣвывали, сильнѣе чувствуя скуку. Шумковъ сидѣлъ за своей конторкой, устремивъ глаза на разложенную предъ нимъ бухгалтерскую книгу, но не видѣлъ въ ней ничего и не шевелился—точно замеръ.

— Василій Петровичъ, а Василій Петровичъ!—повторялъ подошедшій къ нему чертежникъ Кудрявцевъ.

— А? что?—очнулся Шумковъ и схватился за книгу.

— Насыпь на 15-ой верстѣ у меня скопирована; у васъ все готово по ней? Къ двумъ часамъ спроситъ Сысой Нестерычъ, — сказалъ Кудрявцевъ.

— Къ двумъ часамъ? Да,—отвѣтилъ Шумковъ и, торопливо застукавъ на счетахъ, сталъ перебирать бумаги. Скоро онъ опять задумался и костяшки счетовъ слились передъ его глазами въ сплошную туманную рябь...

Задумчивость стала находить на Шумкова со времени сдѣлан-

наго ему Куприным визита. Съ этого дня, надъ Шумковымъ точно туча нависла и неотвязный, неразрѣшимый вопросъ занялъ всѣ его мысли, вопросъ о томъ: прерванный аккордъ, рука Куприна, обвившая шею Елизаветы Николаевны, ихъ близко склонившіяся головы — что это было? сонъ, причуда хмѣльнаго воображенія или... дѣйствительность? Въ нетронутой, откровенной натурѣ Шумкова произошелъ переворотъ: довѣрчивое, спокойное отношеніе къ окружающему разбилось и Шумковъ насторожился, какъ испуганный звѣрекъ. Но жить такъ было нельзя; открыться женѣ мѣшалъ стыдъ за себя и боязнь зародить въ ней тлетворную мысль... Взволнованныя чувства замерли, не приходя въ равновѣсіе, мысль раздвоилась: одна стала наружная, обыденная, другая—внутри себя, съ думами, сомнѣніями...

Большіе круглые часы въ конторѣ уныло прозвонили два. Ихъ тягучій звонъ расползался еще по стѣнѣ, дрожалъ въ углу, за конторкой, а Купринъ вышелъ уже изъ кабинета. Не взглянувъ ни на кого и дѣлая, по обыкновенію, выверты своимъ круглымъ животомъ, онъ прошелъ въ переднюю; дремавшій тамъ артельщикъ вскочилъ съ неестественнымъ грохотомъ. У Шумкова точно молнія сверкнула въ головѣ: разрозненные обрывки фактовъ, смутныя догадки, оставленныя безъ вниманія мелочи — все поднялось, закипѣло и построилось въ одно цѣлое, убѣдительное. Онъ поспѣшно заперъ конторку и, выбѣжавъ почти вслѣдъ за Куприным, бросился въ первыя попавшіяся извощичьи сани. За купринскими рысаками трудно было угнаться, но Шумковъ не спускалъ глазъ съ высокихъ американскихъ саней. На Дмитровкѣ онъ потерялъ сани изъ виду, но, выѣхавъ на Петровку, встрѣтился съ ними — онѣ, уже безъ сѣдока, отъѣхали отъ пассажа и поворачивали на Кузнецкій мостъ. Остановившись въ широкихъ дверяхъ пассажа, набитыхъ толкавшимся народомъ, Шумковъ оглянулъ хлопотливо снующую толпу и, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ себя, увидѣлъ Куприна и свою жену; они шли на другой конецъ пассажа... Никогда неизвѣданное, странное чувство поднялось въ немъ, бросая въ лихорадочную дрожь; что-то злое, пугливо-отталкивающее и въ то же время, какъ у охотника по звѣрю, захватывающее духъ интересомъ, — проснулось въ Шумковѣ. Все, томившее и волновавшее за минуту передъ этимъ, улеглось, затихло отдавшись весь новому чувству, онъ пріостановился, прячась за спины прохожихъ, и сталъ слѣдить за женой... Ему казалось, что онъ спокоенъ, даже какъ бы веселъ, и при этомъ необыкновенно разсудителенъ. И онъ сталъ именно разсуждать: онъ сообразилъ, что Купринъ пріѣхалъ на

свиданіе съ Лизой и будетъ прогуливаться съ нею по пассажу; что, повернувъ назадъ, они столкнутся лицомъ къ лицу съ нимъ, Шумковымъ. У него созрѣлъ планъ: вѣжливо раскланяться съ ними и молча пройти мимо. Необыкновенно тонкимъ и геройскимъ представился ему такой способъ уничтожить противника и пристыдить жену. Ухватившись за него съ веселымъ злорадствомъ, Шумковъ замедлилъ свои шаги и сталъ собираться съ духомъ. Случилось, однако, совсѣмъ не такъ: дойдя до дверей пассажа, Купринъ взялъ Елизавету Николаевну подъ руку и они исчезли, повернувъ направо по тротуару. Шумковъ замеръ на минуту, потомъ вскрикнулъ и побѣжалъ вслѣдъ за ними, задыхаясь и размахивая руками—ни жены, ни Куприна уже не было на улицѣ. Шумковъ бросился въ сани къ стоявшему у тротуара лихачу и поскакалъ—сперва прямо по улицѣ, потомъ въ переулокъ, назадъ и въ другой переулокъ.

— Пара гнѣдыхъ, сани американскія... мужчина съ дамой... — твердилъ Шумковъ извощику, дрожа и не попадая зубъ на зубъ.

— Да въ какую сторону поѣхали-то? — озлобленно спросилъ извощикъ, сразу осадивъ лошадь и поворачиваясь къ нему всѣмъ туловищемъ...

Съ тупымъ сознаніемъ чего-то, упавшаго на голову, какъ оглушительный ударъ, не въ силахъ собраться съ мелькавшими въ головѣ безсвязными мыслями, остановился Шумковъ на тротуарѣ. За его спиною то и дѣло отворялась, впуская и выпуская гостей, низенькая дверь дешеваго трактира; вмѣстѣ съ клубами пара, вылетали изъ нея нестройные, крикливые голоса, смѣхъ и пѣсни... Онъ повернулся и вошелъ въ дверь.

XVI.

Смерклось. Вечерній морозецъ точно эмалью покрылъ обтаявшіе за день тротуары; тонкій ледъ на пустыхъ, выжатыхъ холодомъ, проталинкахъ ломался подъ ногами, какъ звонкое стекло; падалъ рѣденькій искристый снѣжокъ. Чертежникъ Кудрявцевъ—какъ мы уже знаемъ, большой охотникъ поиграть въ кегли—шелъ провести вечеръ въ нѣмецкой «биргалкѣ», смотрѣвшей своими тускло свѣтившимися окнами на узенькій тротуаръ, въ переулкѣ близъ Большаго театра. Совершенствуя мысленно свои пріемы дѣлать *гутъ* и избѣгать пагубнаго *шлехтъ*, Кудрявцевъ шелъ, лаская въ себѣ обычную, но рѣдко сбывавшуюся надежду—обыграть

нѣмцевъ... Только что зажженные, протертые фонари ярко пылали; невдалекѣ, одинъ изъ нихъ освѣщалъ подъ собою какую-то фигуру. Фигура то падала, то поднималась и, придерживаясь за фонарный столбъ, силилась взобраться на тротуаръ. Кудрявцевъ поравнялся съ фонаремъ; фигура, скользя ослабшими руками по столбу, опустилась и повалилась на снѣгъ. — *Шлехтъ*, братъ?— подтрунилъ, по обычаю русскаго человѣка, Кудрявцевъ. — *Шлехтъ*...—добродушно отвѣтила, приподнимаясь, фигура. Лучъ свѣта упалъ на ея лицо; передъ Кудрявцевымъ стоялъ Шумковъ. Его пальто было все въ снѣгу; съѣхавшая на затылокъ шапка чуть держалась на растрепанныхъ волосахъ, упадавшихъ на поблѣднѣвшее лицо; мутные глаза смотрѣли безцѣльно.

— Василій Петровичъ! Что съ вами?—невольно воскликнулъ Кудрявцевъ.

— А!—узналъ его Шумковъ. Улыбнувшись какъ-то слабо, по дѣтски, онъ протянулъ Кудрявцеву руку, мокрую отъ снѣга и окоченѣвшую. Кудрявцевъ помогъ ему взобраться на тротуаръ. Здѣсь Шумковъ почувствовалъ себя тверже; онъ прислонился къ стѣнѣ, вяло шмыгнувъ другъ о дружку мокрыми ладонями, и любовно, съ улыбкою, посмотрѣлъ на товарища. Но вдругъ лицо Шумкова омрачилось и приняло строгій видъ; онъ порывисто надвинулъ шапку на самыя брови и заговорилъ, вытянувъ руку:— Никто не понимаетъ... никто... Лѣсъ, звѣри... Куда бѣжать—не знаю! Была бы внѣшность, оболочка, а тамъ—стукнулъ онъ себя въ грудь—ничего не надо, ни-че-го!.. Большой ты человѣкъ,— поднялъ онъ руку, уставившись на Кудрявцева,— отъѣлся, разжирѣлъ, такъ глотай всѣхъ... всѣхъ глотай! Маленькій—спрячься и ни гу-гу? Да...—Онъ отдѣлился отъ стѣны, поймалъ руку Кудрявцева и, стискивая ее, сталъ таинственно шептать ему какія-то слова, которыхъ Кудрявцевъ не разобралъ.

— Я вамъ извощика найму, Василій Петровичъ, — сказалъ Кудрявцевъ.

— Вотъ, вотъ,—согласился Шумковъ и самъ продолжалъ:— А тамъ прочее все: привязанности, честь, долгъ... все вообще высшаго порядка... къ чему тебѣ? Ты—большой, и глотай!—Онъ опустилъ голову и умолкъ; потомъ, самъ смѣясь родившейся у него мысли, сталъ высказывать ее: — Все глотай: бревна, горы, лѣса!... Вѣдь кругомъ все—съѣстное!.. А?—Не дождавшись отвѣта, Шумковъ шагнулъ по тротуару, но поскользнулся и опять ухватился за фонарный столбъ.

Кудрявцевъ остановилъ кстати подвернувшагося извощика и,

поборовшись съ минуту между страстью къ кеглямъ и товарищескимъ долгомъ, повезъ Шумкова домой.

Необычайное появленіе барина, почти въ безчувственномъ видѣ повалившагося на диванъ, привело въ изумленіе Устинью. Вышла изъ спальни испуганная Елизавета Николаевна и съ крикомъ: — Вася!—бросилась было къ мужу, но Шумковъ, стиснувъ зубы и уставившись мутными глазами на жену, встрѣтилъ ее сильнымъ размахомъ ноги... Та отскочила и, зарыдавъ, скрылась въ спальню. Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ раздѣть Шумкова, чтобы отвести въ спальню, Устинья отступилась отъ него и, тоже заплакавъ почему-то, ушла въ кухню.

XVII.

Наступившее утро освѣтило въ уютной когда-то квартиркѣ печальную и неприглядную картину: на столѣ стоялъ обѣдъ, оставленный вчера Шумкову и видимо попробованный за ночь кошкою; на опрокинутомъ креслѣ повисло сброшенное имъ пальто; дальше виднѣлись калоши, обтаявшія и пустившія по полу цѣлую лужу. Проснувшійся Шумковъ лежалъ одѣтый на диванѣ и тупо вглядывался въ пространство. Въ спальнѣ, тоже проснувшаяся, Елизавета Николаевна умственно вглядывалась въ случившееся и, предчувствуя недоброе, призывала на помощь свою женскую изворотливость... Шумковъ всталъ и рѣшительными шагами прошелъ въ спальню. Объясненіе было короткое, но бурное:— Лжешь! — донесся изъ спальни крикъ мужа. — Спьяну показалось тебѣ!—раздался звонкій голосъ «оскорбленной» жены. Шумковъ хлопулъ дверью, схватилъ пальто и скрылся изъ дому.

Вечеромъ происходило у Шумковыхъ слѣдующее. Пріѣхалъ старикъ Костыльковъ. Елизавета Николаевна встрѣтила его, держа платокъ передъ глазами и всхлипывая; Костыльковъ торжественно вздохнулъ и сталъ перебирать въ рукахъ свой платокъ. Шумковъ обратился къ тестю, нервно потирая руки: — Ну, вотъ, будьте судьею...—но, остановленный его умоляющимъ взглядомъ, умолкъ и сталъ шагать по комнатѣ. Бывшая свидѣтельницей всему этому, Устинья совсѣмъ потеряла изъ орбитъ свои выпученные глаза и, выйдя въ кухню, усѣлась тамъ на стулѣ, около пріотворенной двери, принявъ скромный и сосредоточенный видъ... Старый маклеръ, не переставая вздыхать, прошелся по передней и притворилъ двери и въ кухню, и въ комнату. Это подѣйствовало угне-

тающимъ образомъ на Устинью, и она принялась перетирать совсѣмъ чистыя тарелки...

Начался судъ. Шумковъ былъ блѣденъ и кусалъ свои красныя губы; Елизавета Николаевна, сидѣла, опустивъ голову и прикладывая платокъ къ глазамъ. Костыльковъ сдѣлалъ по комнатѣ двѣ-три коротенькихъ дистанціи маленькими быстрыми шагами, повторяя трагически:—Моя дочь?.. моя дочь?..—потомъ остановился передъ зятемъ, заложивъ руки назадъ подъ сюртукомъ, такъ что изъ фалдъ образовался какъ бы хвостъ журавля, и промолвилъ, тряхнувъ бородой:

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, Василій Петровичъ!

— Я не могу ошибаться въ томъ, что̀ видѣлъ собственными глазами... Я обратился къ вамъ, какъ къ отцу...—сталъ возражать Шумковъ, откинувъ безпокойно волосы и весь подергиваясь.

— Я не въ этомъ смыслѣ... собственно, я хочу сказать,—вскинулъ голову Костыльковъ,—что если столь почтенный человѣкъ, капиталистъ... кондуируетъ даму, то откуда же... гдѣ же тутъ можетъ быть заключеніе?.. — (Костыльковъ любилъ въ торжественныхъ случаяхъ выражаться изысканно).

— Зачѣмъ тогда лгать?!—сквозь слезы крикнулъ Шумковъ.—Зачѣмъ Лиза... Лизавета Николаевна отпирается и лжетъ мнѣ въ глаза, если... ничего не было тутъ?

Костыльковъ сдѣлалъ самую коротенькую дистанцію по комнатѣ и, круто повернувшись къ дочери, сказалъ, тряхнувъ фалдами:

— Лизавета, слышишь?—Тихія рыданія изъ подъ платка были отвѣтомъ на это.—Слышишь? Шла ты съ Сысоемъ Нестеровичемъ?—повторилъ Костыльковъ, ближе подступая къ дочери. Лиза подняла голову и, утирая слезы, заговорила, всхлипывая:

— Я вамъ всю правду скажу, папаша: совсѣмъ ничего этого не было, что̀ онъ думаетъ... Было вотъ какъ: шла я въ пассажѣ: Сысой Нестерычъ встрѣтился... Онъ, какъ всегда добрый къ намъ, захотѣлъ мороженымъ угостить меня... пошли мы... въ кондитерскую... Вотъ и все!

Проницательные глаза Костылькова зажглись загадочнымъ, бѣглымъ и яркимъ огонькомъ, который тутъ же погасъ и пропалъ внутри. Шумковъ смѣшался, озадаченный переходомъ своей жены къ откровенности. У него отлегло было отъ сердца, но вдругъ прилило опять, и онъ сказалъ съ горечью:

— Зачѣмъ же ты лгала мнѣ?

— Затѣмъ, что ты точно бѣшеный!—отвернувъ отъ него лицо, проговорила Лиза.

— Когда это? когда?

— Слава тебѣ, Всевышнему!—поднялъ Костыльковъ глаза къ потолку и, бросивъ фалды, перекрестился. — Облегчилось мое сердце, снялась тягота! Повѣрьте, Василій Петровичъ, — приступилъ онъ къ зятю,—ребенкомъ Лиза не говорила неправды и теперь не скажетъ ея. Забудемте это... это печальное *помраченіе*!—подыскалъ слово Костыльковъ.—Лизавета, дай руку!—обратился онъ къ дочери. Та протянула отцу руку, но стала говорить, потупивъ голову:

— Если такое приписываютъ мнѣ, когда я невинна...

— Лизавета!—строго взглянулъ на нее Костыльковъ.—Время—защитникъ твой! А теперь...—Онъ взялъ руку ея и Шумкова, и соединилъ ихъ.—Будемъ веселы!—воскликнулъ онъ совсѣмъ по театральному.—Дитя малое: растерялась и не знала, какъ быть...—шепнулъ онъ зятю.

Миръ состоялся. Елизавета Николаевна, осушивъ слезы, сѣла хозяйничать за чайнымъ столомъ; Шумковъ сталъ помогать ей стараясь вправить себя въ обычную семейную колею. Въ душѣ Шумковъ не вѣрилъ женѣ, но, подсунутый кстати, «возвышающій обманъ» онъ невольно предпочиталъ «низкой истинѣ» и старался вѣрить... Костыльковъ пришелъ въ добродушно-веселое настроеніе и держалъ себя какъ-то осанистѣе обыкновеннаго:—въ бутылкѣ ли рома, появившейся на столѣ, крылась причина этого, въ удачно кончившемся судѣ, или въ чемъ другомъ, не легко было бы докопаться въ натурѣ маклера, да еще стараго и опытнаго... Вечеру, однако же, не суждено было кончиться благополучно. Приведенный нѣсколькими стаканами пунша въ состояніе внутренняго восхищенія, Костыльковъ повелъ нравоучительную бесѣду.

— Въ любовной горячности человѣкъ какъ бы слѣпнетъ,—говорилъ онъ, слушая не безъ удовольствія самого себя, — и не видитъ тогда, какъ обыкновенно всякій... А соразмѣряться и въ чувствахъ надобно, тѣмъ болѣе, что вѣкъ прожить, не поле перейтить, какъ говорится...

— Ну, что было, то прошло!—махнулъ рукою Шумковъ и добавилъ:—Жаль только, что съ мѣстомъ проститься приходится...

— Какъ такъ?—оторопѣлъ озадаченный Костыльковъ.

— Не могу же я съ Куприным ужиться послѣ всего этого,—пояснилъ Шумковъ.

— Но однако?.. въ чемъ же вопросъ?.. И какъ же вдругъ мѣсто кинуть!—утративъ все свое краснорѣчіе, сталъ возражать Костыльковъ.

— Поѣдемъ къ отцу: говорятъ, тамъ въ земство бухгалтеры требуются.

— А я тебѣ вотъ при папашѣ скажу,—вспыхнула вдругъ Елизавета Николаевна:—если ты, чрезъ свое сумашествіе, будешь безъ должности шляться, то я въ кухаркахъ за тобою ѣздить не буду!

— Ты... ты...—трагическимъ шопотомъ заговорилъ Шумковъ:—когда я все хочу забыть, бѣжать отъ этой грязи... ты смѣешь!..—внѣ себя, Шумковъ ударилъ кулакомъ по столу.

Неестественный визгъ Елизаветы Николаевны оглушилъ Шумкова и заставилъ вздрогнуть даже Устинью въ кухнѣ.

— Образованный человѣкъ и безъ уваженія правъ женщины... что вы?.. что вы?...—въ испугѣ вскочилъ Костыльковъ.

XVIII.

Пріѣхавъ въ контору на другой день послѣ извѣстнаго намъ свиданія съ Лизой въ пассажѣ, Купринъ очень удивился, когда ему сказали, что Шумкова нѣтъ въ конторѣ и что онъ «запилъ». Этого нельзя было ожидать отъ него, но съ русскимъ человѣкомъ «всяко бываетъ» и Купринъ только распорядился, чтобы послали за Шумковымъ, если отъ не явится сегодня. Уѣхалъ Купринъ, по обыкновенію, въ два часа, и американскія сани также акуратно оставили его у дверей пассажа и проѣхали на Кузнецкій мостъ, чтобы ожидать, какъ всегда, у конторы Юнкера. Но онъ напрасно гулялъ въ этотъ разъ по пассажу: Елизавета Николаевна не пришла, хотя всегда отличалась акуратностью и вчера назначила свиданіе. Онъ не удивился, впрочемъ, имѣя въ виду «запой» Шумкова, и лишь подосадовалъ на неудачу. На Кузнецкомъ мосту попался Куприну пріятель и они завернули убить время неподалеку въ маленькій французскій ресторанъ, гдѣ и выпили, ни съ того, ни съ сего,—нечаянно какъ-то,—цѣлую бутылку шартрезу. Послѣ этого, онъ поѣхалъ домой обѣдать.

Вечеромъ, когда Купринъ, раздумывая о своихъ неудачахъ за этотъ день, прилегъ въ кабинетѣ на широкій сафьянный диванъ, пришло съ посыльнымъ письмо. Оно было отъ Елизаветы Николаевны; въ немъ, на измятомъ маленькомъ клочкѣ сѣрой писчей бумаги, стояла лишь одна,—недоконченная, очевидно, второпяхъ и украдкой начатая, — кривая строчка: «Не могла, мужъ ревну...»—Письмо это озадачило Куприна. Онъ безпокойно

присѣлъ къ столу, разглядывая и перечитывая кривую строчку, а мысли, не желательныя и тяжелыя, такъ и нахлынули въ голову. «Къ кому ревнуетъ? Неужели ко мнѣ?» не вѣрилъ Купринъ, вспоминая, какъ скрытно и осторожно велось имъ дѣло. «Стряслось что нибудь!» допустилъ онъ предположеніе, и у него заскребло на сердцѣ... «Можетъ быть, не ко мнѣ, а еще къ кому нибудь тамъ ревнуетъ?..» мелькнула мысль. Купринъ поспѣшилъ отогнать эту мысль, но она назойливо лѣзла въ голову и пробуждала ревность въ немъ самомъ. Долго просидѣлъ онъ въ раздумьѣ. Онъ ломалъ себѣ голову и надъ тѣмъ, когда и гдѣ можно будетъ видаться теперь съ Лизой, и надъ тѣмъ, какъ встрѣтится онъ,—быть можетъ, завтра,—съ Шумковымъ, раздвоившимся на исправнаго бухгалтера и ревниваго, мстительнаго мужа... Подъ конецъ, Купринъ впалъ въ совсѣмъ несвойственное ему меланхолическое состояніе. Его потянуло куда нибудь, гдѣ онъ могъ быть встряхнуться, разсѣяться, но куда именно тянуло его, чего ему было надобно—онъ и самъ не зналъ.

Купринъ вышелъ изъ дому и на извощикѣ отправился въ купеческій клубъ—тамъ должна была идти въ этотъ вечеръ крупная игра въ карты. У самаго подъѣзда клуба, на него напало раздумье: и карты, и пріятели, съ которыми встрѣтится онъ въ клубѣ, — показались ему ненужными, скучными. Дежурившіе у клубнаго подъѣзда парные извощики, снявъ шапки, обступили Куприна—они хорошо знали его — и безъ шуму, съ почтительнымъ искательствомъ, стали какъ бы намекать: «Со мной-съ...» «Вотъ на новенькихъ...» «Услужу-съ». — Купринъ выбралъ самую лихую пару и приказалъ ѣхать въ паркъ. Въ томъ же трактирѣ, гдѣ давался именинный пикникъ, онъ занялъ небольшую особую комнату и окружилъ себя цыганками. Но Купринъ не хотѣлъ ни пѣсенъ, ни пляски: ему требовалось общество женщинъ, оно было пріятно ему и онъ не имѣлъ на этотъ разъ никакихъ «скоромныхъ» мыслей... Онъ погрузился въ какую-то смутно-трогавшую его идиллію: не скупясь, угощалъ цыганокъ, тайно раздавалъ имъ подъ столомъ,— «чтобы хоръ не зналъ»,—крупныя бумажки... Похожая на итальянку, цыганка Дуняша, со скромнымъ, миловиднымъ лицомъ и темными, гладко причесанными волосами, — совсѣмъ не пѣвица, даже съ сипотою въ голосѣ, хотя мягкою и пріятною, — пѣла ему заунывный романсъ. «Однозвучно гремитъ колокольчикъ и дорога бѣлѣетъ вдали»... больше выговаривала чувствительно, чѣмъ пѣла Дуняша, но Купринъ слушалъ внимательно, отдаваясь тихому покоряющему впечатлѣнію, и незатѣйливая пѣсня

ласкала, успокоивала его... Цыганъ, съ выправкой прусскаго унтера, провѣдавъ о необыкновенномъ настроеніи Куприна, появился было въ дверяхъ, кланяясь и улыбаясь во весь ротъ, но купчина такъ крикнулъ на него, что цыганъ замеръ, не кончивъ поклона, а потомъ, вдругъ и неслышно, пропалъ куда-то, точно спиритическій образъ.

XIX.

На утро Купринъ не поѣхалъ въ контору, поджидая, не будетъ ли извѣстій отъ Елизаветы Николаевны. Извѣстій не было. На слѣдующій день Купринъ отправился, рѣшивъ попенять слегка Шумкову за неисправность, а если дѣло дойдетъ до объясненій насчетъ Елизаветы Николаевны — притвориться удивленнымъ и обратить дѣло въ шутку. Шелъ уже первый часъ, когда Купринъ пріѣхалъ въ контору, но Шумкова не было. Для порядку Купринъ глянулъ строго на пустовавшую бухгалтерскую конторку и спросилъ:

— Что же Шумковъ?

— Посылали за нимъ, сказалъ: «хорошо», — отвѣтилъ Кудрявцевъ.

— Явится, такъ пошлите его ко мнѣ!—приказалъ Купринъ и, круто повернувшись на каблукахъ, прошелъ въ кабинетъ.

Шумковъ явился вскорѣ. Войдя въ кабинетъ, онъ сдѣлалъ короткій, сухой поклонъ и остановился молча. Купринъ, дѣлая видъ, что очень занятъ какимъ-то счетомъ, сказалъ, не поднимая головы:

— Прихворнулъ, что ли, Вася?

Ласковость эта сбила съ толку Шумкова: онъ ждалъ, что Купринъ станетъ выговаривать ему, и приготовился, сообразно съ этимъ, къ возраженію. Шумковъ посмотрѣлъ на Куприна, стараясь прочесть что нибудь у него на лицѣ, но оно, обычно безстрастное, точно застывшее въ зачаткѣ органическаго развитія, не выражало ничего и лишь свѣтилось жирнымъ лоскомъ.

— Я здоровъ,—отвѣтилъ Шумковъ, развязно отставивъ одну ногу и положивъ руку за бортъ сюртука.

— Что же не ходишь-то? — поднялъ голову Купринъ и оглядѣлъ Шумкова.

— Не могу оставить *жену*,—подчеркнулъ Шумковъ.

— Иль нездорова?—сдѣлалъ Купринъ умѣренно-удивленное лицо.

— Я вообще... я хотѣлъ *вамъ* сказать,—налегъ Шумковъ на слово: вамъ,—и прошу не говорить мнѣ: ты,—вставилъ онъ. — Я не могу больше служить...

— Это еще что?—съ дѣйствительнымъ удивленіемъ откинулся Купринъ на спинку кресла.

Шумковъ положилъ на столъ ключъ отъ конторки и продолжалъ, чувствуя самъ, какъ холодѣетъ и дрожитъ:

— Я не могу больше служить у васъ, потому что вы... войдя въ мое семейство и... не какъ благородный человѣкъ... лишили спокойствія...

— Приснилось, что ли, это вамъ, Василій Петровичъ?—серьезно сказалъ Купринъ, и самъ подумалъ: «Только-то? Жиденекъ ты, братъ, жиденекъ»...

— Нѣтъ, не приснилось: я самъ видѣлъ—и въ пассажѣ видѣлъ, и тогда дома у меня...—Тутъ что-то подступило къ горлу Шумкова. — Такъ не дѣлаютъ порядочные люди! — выкрикнулъ онъ неестественно-тонкимъ голосомъ и остановился, чувствуя себя точно на воздухѣ, не видя ни Куприна, ни комнаты.

— Ну, тутъ намъ не мѣсто разговаривать. Идите! — прозвучалъ голосъ Куприна.

— Такъ поступаютъ только...—сталъ было продолжать Шумковъ. Но Купринъ не владѣлъ уже собою; глаза у него запрыгали, онъ покраснѣлъ и крикнулъ грубо:

— Иди, иди, а то вышвырну!

— Вышвырнуть? Меня вышвырнуть?! — побагровѣлъ вдругъ Шумковъ, стукнувъ сразмаху въ свою плоскую грудь, и схватился за лежавшій на столѣ увѣсистый образецъ рельса.

Купринъ торопливо зазвонилъ въ колокольчикъ и отскочилъ въ уголъ. Вбѣжалъ сторожъ.

— Вонъ... Сейчасъ выведи вонъ!—повелительно указалъ ему Купринъ на Шумкова.

Сторожъ конфузливо шагнулъ, глянувъ себѣ подъ ноги, и методично,—точно гимнастику дѣлалъ,—поднялъ свои сухія, длинныя руки къ плечу Шумкова.

— Оставь!—крикнулъ на него Шумковъ, такъ что руки сторожа, точно по командѣ, опустились «по швамъ».—Вы... вы... тьфу!—заключилъ внѣ себя Шумковъ, плюнувъ на паркетъ, и выбѣжалъ изъ кабинета.

Быстрыми шагами, уставившись глазами себѣ подъ ноги и бормоча несвязныя слова, Шумковъ шелъ изъ конторы домой. Рѣшивъ отказаться отъ мѣста, онъ составилъ у себя въ головѣ планъ объясненія съ Купринымъ, хотѣлъ высказать ему многое,

твердо и съ достоинствомъ. Мы видѣли, какъ удался ему этотъ планъ. Сердце стучало у бѣдняги, голова была точно свинцомъ налита, въ ушахъ звенѣло. «А! это *тебя* укусили... за твое принялись...»—бормоталъ Шумковъ, недовольный собою и охваченный пылкою клокочущею злобой, такъ свойственною слабымъ людямъ. «И ты огрызнулся, какъ звѣрь... Да и звѣрь—онъ геройствуетъ тогда, стоитъ до послѣдняго»... Онъ шелъ, какъ лунатикъ, машинально минуя улицы, перебираясь черезъ дорогу. Какая-то старуха, съ ридикюлемъ въ сжатыхъ рукахъ, въ холодномъ платкѣ сверхъ теплаго салопа, посторонилась отъ Шумкова въ самый сугробъ, вскинувъ испуганно свои мутные слезливые глазки. Промчались американскія сани, чуть не задѣвъ Шумкова: онъ не слышалъ зычнаго окрика кучера, не видѣлъ ни знакомыхъ гнѣдыхъ рысаковъ, ни злой, насмѣшливой улыбки, брошенной на него съ высоты саней чрезъ пышный воротникъ ильковой шубы...

XX.

Елизавета Николаевна какъ-то странно отнеслась къ перемѣнѣ въ судьбѣ мужа. Когда Шумковъ передалъ ей о своемъ разрывѣ съ Купринымъ, она не сказала ничего, подошла къ зеркалу, поправила волосы и стала тихо напѣвать романсъ.

— Что жъ ты молчишь?—спросилъ ее Шумковъ.

— Вотъ странно...—усмѣхнувшись однимъ ртомъ, отвѣтила Елизавета Николаевна, и на цѣлый день погрузилась въ то тупое, загадочное молчаніе, которое выводитъ изъ себя людей успѣшнѣе всякой брани.

Потянулись дни. Молчаніе Лизы постепенно перешло въ полную одеревенѣлость: — она ни во что не вступалась, на все была согласна, слушала, не шевельнувъ ни однимъ мускуломъ, что бы ни говорили ей, и лишь изрѣдка роняла равнодушныя: *да* или *нѣтъ*. Шумкова терзала внутренно эта одеревенѣлость, но онъ сдерживался и спрашивалъ иногда:

— Ты здорова, Лиза?

— Да.

— Что-же ты такая... кислая?

— Нѣтъ, ничего.

— Да встряхнись; давай поговоримъ,—бралъ онъ ее за руку.

— Ну?—поднимала она глаза, освобождая между тѣмъ руку.

Шумковъ начиналъ разговоръ; жена отходила къ зеркалу и вся отдавалась заботамъ о прическѣ... Та невидимая нить, ко-

торая связываетъ людей, дѣлая ихъ не чужими другъ другу, порвалась между Шумковыми. Елизавета Николаевна не заботилась больше объ этой нити — она чувствовала, что не любитъ мужа, видѣла въ немъ почти врага, похитителя ея «счастья»... и лишь боялась его страхомъ виновной женщины. Шумковъ жадно хватался за порванную нить, старался удержать ее, вырвать изъ памяти случившееся. Порой все, скопившееся у него на сердцѣ, закипало и неудержимо рвалось наружу; ему хотѣлось высказаться передъ женой, приласкать ее, вызвать на откровенность. Онъ начиналъ говорить отъ всего переполненнаго сердца; Елизавета Николаевна слушала, сидя прямо и сложивъ на колѣняхъ руки, чуть-чуть прищуривъ глаза, съ видомъ легкаго недоумѣнія и сдержанной скуки. Эта точно заученная поза, съ наружной покорностью и нѣмымъ, холоднымъ упорствомъ внутри, скоро начинала подавлять Шумкова; слова останавливались у него въ горлѣ, мысли разбѣгались... Шумковъ сбивался съ простаго, искренняго тона, впадалъ въ натянуто-возвышенный, спутывался и умолкалъ.

— Ну?—вопросительно взглядывала Лиза.

— Да что ты: все *ну* да *ну!*—вспыхивалъ Шумковъ.—Я не могу говорить, когда ты... точно дерево...

— Чѣмъ же я дерево?

Шумковъ молча отворачивался. Лиза вставала, шла къ зеркалу, и въ водворившейся тишинѣ начинала дрожать, назойливая, какъ плачъ мухи въ паутинѣ, тихая нотка романса...

Прошла недѣля. Шумковъ сталъ хлопотать о новомъ мѣстѣ въ Москвѣ. Возвратившись однажды домой, онъ нашелъ дверь квартиры незапертою; въ комнатѣ видѣлся безпорядокъ—валялись разбросанныя вещи, ящики комода были выдвинуты, полъ усѣянъ клочками разорванныхъ писемъ... На диванѣ сидѣла плачущая Устинья; она испуганно вскочила при видѣ барина и остановилась, подперши щеку рукой.

— Что такое?—спросилъ Шумковъ, предчувствуя истину.

— Къ своимъ родителямъ уѣхала барыня. Николай Иванычъ самъ былъ тутъ...—стала докладывать Устинья.

— Тѣмъ лучше!—махнулъ рукою Шумковъ.

Долго раздавались по комнатѣ шаги Шумкова; Устинья прислушивалась къ нимъ, сидя въ кухнѣ. Спустились печальныя зимнія сумерки, и вмѣстѣ съ ними наступила въ квартирѣ пустынная непріятная тишина — шаги Шумкова затихли... Пора было зажигать лампу, и Устинья заглянула въ дверь комнаты. Съ дивана, гдѣ лежалъ Шумковъ, донеслись глухія сдержанныя ры-

данія... Таинственный страхъ охватилъ Устинью, она перекрестилась дрогнувшей рукой и неслышно отступила отъ двери.

— Проворонила барыню-то! — крикнулъ бородатый солидный дворникъ, когда Устинья вышла утромъ за дровами. И, поднявъ метлою цѣлый бурунъ напавшаго за ночь пушистаго легкаго снѣга, онъ захохоталъ въ его вихрѣ, какъ мощный властитель стихіи, раздувъ свои сизыя щеки...

XXI.

Въ домѣ Куприна царила та знаменательная, безъисходная и подавляющая тишина, въ которой каждый невольно чувствуетъ себя безъ вины виноватымъ. Всѣмъ пріѣзжавшимъ велѣно было отказывать; Дарья Савишна не выходила изъ своихъ комнатокъ, прислуга точно въ щели попряталась...

Началось это съ того дня, въ который Шумковъ имѣлъ объясненіе съ Куприным. Неожиданная и втянувшая въ такой скандалъ развязка его романа взорвала Куприна. Выдя изъ конторы, онъ чувствовалъ, что ему надобно успокоиться, быть подальше отъ всякихъ глазъ, и приказалъ кучеру ѣхать въ Бубновъ трактиръ, въ «городѣ», гдѣ собиралось мало знакомое Куприну сѣрое купечество. Тамъ прошелъ онъ въ особую комнату и спросилъ англійской горькой, чтобы по обыкновенію разогнать досаду. Куринъ просидѣлъ долго, наполняя дымомъ папиросъ комнату, и безъ того тусклую и скучную, выпилъ много, а досада не отходила и даже скоплялась все больше и больше... Домой явился онъ съ мрачнымъ, какъ туча, лицомъ, и за обѣдомъ съ перваго же блюда началъ, по установившемуся въ домѣ выраженію, «и рвать, и метать»: въ лакея онъ запустилъ ломтемъ хлѣба; примолкшую Дарью Савишну назвалъ «ступой»...

Послѣ обѣда, Куринъ затворился въ кабинетѣ. Случайно и такъ успѣшно установившіяся отношенія къ Елизаветѣ Николаевнѣ были новы для него; въ нихъ находилъ онъ то, чего никакъ не могъ получить «за деньги». Это льстило ему, смягчало его натуру, заматерѣлую въ своей несложности, и вносило въ распорядокъ жизни необычную, хотя и смутно понимаемую, отраду... Куринъ былъ порабощенъ, опутанъ любовными сѣтями, но не сознавалъ этого; онъ самодовольно пользовался своимъ успѣхомъ, какъ чѣмъ-то должнымъ, и все еще «присматривался» къ Елизаветѣ Николаевнѣ, не покидая обычной своей недовѣрчивости. Но та вела себя безукоризненно: она акуратно явля-

лась на свиданія, выказывала Куприну и любовь, и покорность, и часто, къ большому его неудовольствію, отказывалась отъ всякихъ подарковъ, боясь заронить подозрѣніе въ Шумковѣ; она и въ душѣ не чувствовала влеченія къ корысти—одна близость къ деньгамъ, увѣренность, что онѣ будутъ, если она пожелаетъ, удовлетворяли ее вполнѣ. Время проводили они обыкновенно недалеко отъ пассажа, въ нумерахъ французской гостинницы. Чѣмъ должны были разрѣшиться эти отношенія, — ни онъ, ни Лиза еще не подумали. Но ближайшій планъ былъ готовъ у него: съ наступленіемъ весны отправить Шумкова — Купринъ достаточно уже увѣрился въ его преданности и способностяхъ—на линію, въ помощь инженеру, для провѣрки разсчетовъ съ подрядчиками, а тѣмъ временемъ пожить и повеселиться съ его женой безъ стѣсненья, на свободѣ... Налетѣвшій вихрь вырывалъ изъ рукъ Куприна и преданнаго бухгалтера, и Елизавету Николаевну.

Большими безпокойными шагами сталъ ходить Купринъ по кабинету. Онъ чувствовалъ, что томитъ его не одна досада, но и еще что-то, до этого совсѣмъ несродное ему, сжимавшее горло до боли и вызывавшее слезы на глаза... Онъ повалился на диванъ и сталъ думать. Но думать оказывалось не о чемъ, все было ясно: Шумковъ—ему врагъ, Лизы онъ не увидитъ больше... Ясность эта вдругъ испугала Куприна, встала передъ нимъ, какъ безотрадно-подавляющій, страшный образъ. Купринъ вскочилъ и снова зашагалъ въ волненіи. Всѣ мысли его свелись къ одному: увидѣть Елизавету Николаевну, вырвать ее изъ рукъ Шумкова, купить... устроить разводъ ей... обратиться къ властямъ. Онъ отдался этому до бреда наяву. Его выносливое существо, въ составѣ котораго, казалось, все было пригнано такъ, что никакой *драмѣ* тамъ нечего было дѣлать, кромѣ хирургическихъ поврежденій,—дрогнуло... необработанныя, растревоженныя чувства закипѣли въ немъ всѣ вдругъ. Онъ страдалъ и не могъ ни разобраться въ этомъ страданьѣ, ни облегчить его размышленьемъ — непривычная къ такой работѣ голова болѣла, кровь стучала въ жилахъ и натура рвалась къ какой нибудь выходкѣ темперамента... Въ домѣ водворилась та знаменательная тишина, о которой упомянули мы въ началѣ главы.

Такъ протянулось съ недѣлю. Купринъ почти не выходилъ изъ кабинета. Иногда появлялся онъ за столомъ, но, буркнувъ недовольнымъ голосомъ нѣсколько словъ и не взглянувъ ни на кого, уходилъ опять къ себѣ, не дождавшись конца обѣда. Утро ослѣдняго дня Купринъ провелъ на дворѣ, вникая въ порядки

конюшень и каретныхъ сараевъ. Между прислугою началось шушуканье, изъ котораго можно было только понять, что когда шелъ учетъ сѣну, то Купринъ ли Исая Парфенова, или Исай Парфеновъ его—запоролъ было вилами... Узнавъ объ этомъ, Дарья Савишна встревожилась и, когда Купринъ вышелъ къ обѣду, она рѣшилась спросить у него:

— Что ты такой, Сисой Нестерычъ? Или случилось что у тебя?

— Ты еще разѣвай ротъ-то!—крикнулъ на нее Купринъ. Но, помолчавъ съ минуту, онъ добавилъ съ оттѣнкомъ снисходительности:—Ты бы лучше въ свои-то дѣла сунула носъ: завтра, вѣдь, пятница!

Это походило уже на милость и Дарья Савишна повеселѣла по пятницамъ собирались гости у Куприныхъ и шла игра въ карты, преимущественно въ «стуколку».

XXII.

Вечера по пятницамъ у Куприныхъ были преимущественно мужскіе, а если и замѣшивались дамы, то онѣ старались вести себя по мужски — играли въ карты, спорили, засиживались до зари, не прочь были и отъ шампанскаго... Дарья Савишна уходила спать рано — и по привычкѣ, и потому, что играла только въ «рамсъ» по маленькой, а охотники на такую партію выискивались рѣдко. Въ столовой по пятницамъ накрывался холодный ужинъ и не убирался до утра; отправляться, сдѣлавъ перерывъ игры, въ столовую выпить и закусить—было обычаемъ и называлось: «идти ко святымъ мѣстамъ». Иногда для разнообразія, часа въ два—три ночи, устраивалось катанье: хозяинъ и гости — а особенно любили это гостьи—на лихачахъ, въ перегонку, объѣзжали нѣсколько улицъ и потомъ возвращались въ столовую, подкрѣпиться «съ дорожки». Лихачи, получавшіе «красненькую» за конецъ, а не то и всю «четвертную», полюбили этотъ обычай и стали выѣзжать по пятницамъ — дежурить ночь у купринскаго дома. Въ пятницу, о которой идетъ рѣчь, гостей съѣхалось много. Игра образовалась довольно крупная, такъ что игроки забывали даже о своихъ, приткнутыхъ на уголкахъ столовъ, стаканахъ замороженнаго шампанскаго и, урвавъ минуту, проглатывали ихъ уже теплыми. Купринъ былъ мраченъ, не забывалъ своего стакана и почти не смотрѣлъ въ карты. *Стукая* непрерывно — онъ страшно ремизился; по столу то и дѣло передвигались сотенныя бумажки... Знаменитый адвокатъ (видѣнный нами на пикникѣ), и

безъ того игравшій всегда вдумчиво и осторожно, теперь совсѣмъ притихъ и ждалъ съ тайнымъ трепетомъ хорошихъ картъ на купринскій ремизъ. И карты пришли къ нему. Чувствуя, какъ сжимается у него горло отъ волненія, адвокатъ стукнулъ и приготовился сдѣлать ходъ несовсѣмъ вѣрною рукой, но Купринъ открылъ ему трехъ козырей и сказалъ:

— А видалъ, какъ лягушки прыгаютъ?—И, бросая бриллiантовымъ перстнемъ свѣтлыя брызги свѣта по зеленому сукну, Купринъ посвятилъ адвоката въ тайну оригинальнаго способа передвиженія у лягушекъ...

Игра протянулась вплоть до разсвѣта. Въ столовую странствовали несчетное число разъ. Подъ конецъ стали пить «двустволку»—это значило вливать въ ротъ двѣ рюмки, одну за другою, и затѣмъ проглатывать ихъ обѣ разомъ. Прокатились на лихачахъ. Тутъ Купринъ взялъ съ собою въ сани знаменитаго адвоката и дорогою сказалъ ему на ухо:

— Заѣзжай въ воскресенье утромъ; авось отыграешься...

Адвокатъ понялъ это иносказаніе, и сердце у него подъ бобровымъ лацканомъ шинели встрепенулось, какъ голубь...

XXIII.

Въ воскресенье утромъ, въ кабинетѣ Куприна держали серьезный дѣловой совѣтъ.

Купринъ сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ, одѣтый въ свой домашній драповый плафрокъ, откинувшись на спинку кресла, и имѣлъ на лицѣ, приличное случаю, скромное выраженіе. Адвокатъ въ черномъ сюртукѣ стоялъ, облокотившись на каминъ, неподалеку отъ стола, держалъ ноги переплетомъ и спокойно курилъ сигару. Дѣло касалось столкновенія Куприна съ Исаемъ Парфеновымъ. Купринъ, съ откровенностью опытнаго кліента и самымъ убѣдительнымъ тономъ, утверждалъ, что онъ «отбросилъ вилы, а артельщикъ, дуракъ, возьми да и подвернись»... Адвокатъ, во всякомъ случаѣ, видѣлъ тутъ «нанесеніе тяжкихъ ранъ и увѣчья». Когда это дѣло было достаточно выяснено, Купринъ перемѣнилъ скромное выраженіе лица на шутливо-веселое и сказалъ:

— Ну, теперь о другомъ: сколько стоитъ разводъ, если жена хочетъ, а мужъ несогласенъ? — Замѣтивъ, что узкіе глаза адвоката какъ бы остолбенѣли отъ удивленія, Купринъ добавилъ: — Себя не обижай, не мои деньги: для одного пріятеля стараюсь.

— Таксы нѣтъ на это.

— Однако?

— Сообразить надо... Смотря, какъ и что...

Рѣшеніе вопроса было отложено.

Случается, что человѣкъ и хитритъ, и изворачивается на всякія манеры, и не видитъ выхода изъ бѣды, а судьба вдругъ, ни съ того, ни съ сего, возьметъ да и устроитъ ему все самымъ лучшимъ образомъ. То же сбылось и въ это утро. Едва только вышелъ изъ кабинета все еще хмурый Купринъ, какъ оба дѣла рѣшились сразу и въ его пользу: сбѣжавшій было со двора Исай Парфеновъ стоялъ въ передней, держа на перевязи свою лѣвую руку, обвязанную у кисти окровавленною тряпкой,—уже одумавшійся и пришедшій просить прощенія; а затѣмъ лакей подалъ Куприну письмо на мельхіоровомъ подносѣ—оно было отъ Лизы, извѣщавшей о своемъ переѣздѣ къ отцу и... остальное нечего досказывать. Купринъ остановился въ невольномъ смущеніи. Что-то тягостное стало сползать съ него, какъ ночной кошмаръ, начиная отъ самой шеи, и расплылось на полу. Купринъ вдругъ точно переродился и помолодѣлъ.

XXIV.

Забытый,—казалось, навсегда,—затхлый нумеръ въ переулкѣ близъ Цвѣтнаго бульвара снова принялъ въ себя Шумкова.

На первыхъ порахъ Шумковъ бодрился; въ мысляхъ представлялось ему такъ легко не думать о случившемся, дать уйти ему въ невозвратную даль... Онъ началъ прилежно толкаться въ солидно-неопрятныя и тупо-безмолвныя заднія комнаты магазиновъ на Ильинкѣ и Никольской, сгорая нетерпѣніемъ усѣсться за конторку и положить конецъ всему. Но скоро Шумковъ почувствовалъ, что въ немъ какъ будто надломлено что-то и что ему больно. Конторка перестала казаться ему спасительнымъ пристанищемъ отъ бѣдъ; онъ сталъ проводить дни, лежа на кровати въ неубранномъ нумерѣ, и говорить себѣ:—«Какой я бухгалтеръ!.. Что это за дѣло: стукотня счетовъ, мертвыя цифры... и ничего человѣческаго!»..—Мало по малу Шумковъ разобрался въ своей боли, увидѣлъ, что надломлено въ немъ то единственное, въ чемъ властная дѣйствительность еще позволяла ему оставаться самимъ собой и безъ чего ему нѣтъ теперь ни спокойствія, ни надежды,—надломлено сердце. Вдумываясь, Шумковъ началъ понимать свою жену, видѣлъ, что на его сердечные

порывы она, холодная, своекорыстная, именно и не могла дать отвѣта. Ему становилось тяжко до стыда, до презрѣнія къ самому себѣ, при мысли, что онъ, какъ глупый мальчикъ, отдавалъ эти порывы на поруганіе... было обидно, и злобныя слезы душили его. Онъ твердилъ себѣ, что расплываться въ непонятной другимъ сердечности — глупо; гнаться за невозвратнымъ — безумно, но оттѣсненныя мысли снова стремились къ одной точкѣ, какъ вспугнутыя птицы къ гнѣзду... Къ бездѣятельнымъ днямъ прибавились безсонныя ночи.

Шумковъ совсѣмъ сломился. О бухгалтерствѣ онъ больше не думалъ, онъ сталъ искать «какого нибудь» дѣла и затерялся въ той современной толпѣ неудачниковъ, которые носятъ въ себѣ странную способность — искренно рваться къ труду и въ то же время бояться его, чувствовать свою неисправимую непригодность...

XXV.

Наступила весна. Молодою мелкою зеленью осыпало деревья на бульварахъ и въ садахъ; Москва зашевелилась и стала разбредаться по дачамъ. Въ дальней, издавна облюбованной богатымъ купечествомъ, аллеѣ Сокольниковъ, на купринской дачѣ готовились къ пріему господъ: разбивался огромный цвѣтникъ передъ домомъ, чинился фонтанъ на главной куртинѣ, украшенный фигурою сирены (издали весьма походившей на осетра), красились традиціонной зеленой краской скамьи въ сосновой рощѣ... Въ домѣ Куприна на Пречистенкѣ окна были уже замазаны мѣломъ.

Но случилось другое... Въ одно свѣтлое, тихое утро, знакомый намъ фаэтонъ, парою «съ отлетомъ», показался близь курскаго вокзала. На Куприне была шляпа «панама» и сѣрая крылатка, между колѣнъ держалъ онъ лѣтній бѣлый зонтикъ; во всѣхъ подходящихъ мѣстахъ фаэтона виднѣлись чемоданы, саквояжи, свертки—словомъ все, что̀ прихотливымъ богатымъ людямъ кажется очень необходимымъ въ дорогѣ. Не доѣзжая вокзала, фаэтонъ «обрѣзалъ» парную извощичью коляску — въ ней сидѣла Елизавета Николаевна, подъ кружевнымъ зонтикомъ, одѣтая по дорожному и также обложенная чемоданами и саквояжами. Купринъ повернулся къ колескѣ и кивнулъ головой, улыбнувшись... Вмѣсто рѣшеннаго переѣзда на дачу, Купринъ отправлялся на линію строившейся желѣзной дороги. Разскажемъ въ короткихъ

словахъ причину этого, а предъ тѣмъ взглянемъ кстати на новое положеніе Лизы.

Спустя нѣсколько дней послѣ своего переѣзда къ отцу, Елизавета Николаевна окончательно сошлась съ Куприным. Въ только что отстроенныхъ, модныхъ и щеголявшихъ электрическимъ свѣтомъ, Петровскихъ линіяхъ онъ нанялъ ей богатую квартиру и не поскупился на обстановку,—хотя и потому, отчасти, что устраивалъ тутъ свое второе мѣстопребываніе. Близкіе пріятели Куприна были посвящены въ это. Новые «молодые» зажили счастливо .. И они могли назваться счастливыми: ихъ отношенія были ясны: они понимали другъ друга, знали, чего хотятъ, и имѣли это желаемое въ избыткѣ. Съ Дарьею Савишной Купринъ не особенно церемонился, но передъ прислугою онъ не хотѣлъ ронять своего достоинства и, поселясь въ Петровскихъ линіяхъ, иногда на цѣлую недѣлю, обставлялъ свое отсутствіе изъ дому всѣмъ, что̀ требовалось отъ солиднаго торговаго человѣка, придумывая себѣ мнимыя отлучки изъ Москвы. Такія недѣли становились сплошнымъ *пикникомъ* для купринскаго интимнаго кружка: гости жили въ Петровскихъ линіяхъ, шампанское лилось рѣкой, Елизавета Николаевна не выходила изъ-за тысячнаго «бехштейна» и приводила всѣхъ въ восторгъ цыганскими пѣснями... дружба, любовь и веселье царили здѣсь въ ихъ новомъ, переработанномъ современностью, видѣ.

Съ наступленіемъ весны, все это готово было перенестись въ тихую, начинавшую дышать ароматами, привольную сѣнь Сокольниковъ... Но Шумковъ вынырнулъ вдругъ изъ своей безвѣстности и, какъ deus ex machina, далъ совсѣмъ иное направленіе обстоятельствамъ. Въ одной сѣренькой московской газеткѣ появился фельетонъ, озаглавленный: «Тузы и валеты (изъ желѣзнодорожной колоды)»; фельетонъ былъ написанъ бойко и горячо, съ тѣмъ ходкимъ остроуміемъ, которое, не гоняясь за эстетическими требованіями, такъ и бьетъ, что называется, «по усамъ»; авторъ не скупился на факты, на цифры, выставлялъ почти подлинныя имена и открывалъ уголокъ весьма интересной картины порядковъ на линіи строившейся дороги; было видно, что фельетонистъ стоялъ въ курсѣ дѣла, а прозрачный псевдонимъ: «Базиль Шумиха» плохо прикрывалъ автора. Ударъ былъ чувствительный для Куприна, но—какъ нерѣдко бываетъ это у счастливыхъ людей—приносилъ ему въ то же время и пользу: онъ открывалъ Куприну глаза, въ его собственныхъ интересахъ, на дѣйствія работавшихъ отъ его имени подрядчиковъ, желавшихъ, какъ оказывалось, вогнать поднесенную серебряную чернильницу совсѣмъ

въ несообразную цѣну. Купринъ рѣшилъ выѣхать немедленно на линію. Дарья Савишна не хотѣла одна переѣзжать на дачу и отправлялась въ дальнее богомолье.

На курскомъ вокзалѣ, вытянувшійся передъ платформою поѣздъ готовъ былъ двинуться въ путь. На ступенькахъ вагона перваго класса стоялъ съ бокаломъ въ рукѣ Купринъ, одѣтый со щегольскою небрежностью: на немъ былъ синій бархатный пиджакъ, цвѣтная шолковая рубашка съ краснымъ шнуромъ вмѣсто галстука, свѣтлые панталоны въ обтяжку, а черезъ плечо—новенькая шагреневая сумка на лакированномъ ремнѣ. Изъ окна отдѣльнаго купэ, на другомъ концѣ того же вагона, глядѣла, выставившись по̀ поясъ, Елизавета Николаевна. Она пополнѣла и стала, какъ говорятъ, *апетитнье;* на ней была черная шляпа «рембрандтъ», съ шеи свѣшивалась толстая золотая цѣпочка съ большимъ медальономъ, на рукахъ было много браслетовъ. На платформѣ, противъ Куприна, шумѣла и чокалась съ нимъ бокалами кучка пріятелей, съѣхавшихся на проводы; центръ ея составлялъ генералъ, видѣнный нами на новый годъ въ домѣ Куприна. Замореннный, грязнолицый и востроносый лакей, въ вытертомъ и замазанномъ, точно гуттаперчевомъ фракѣ, разливалъ шампанское, вцѣпившись въ бутылку красными корявыми пальцами, и почему-то поминутно оглядывался; сотоварищъ его, во фракѣ не такомъ замазанномъ и очень занятый скользившею подъ крышами вагоновъ сигнальною веревкою, держалъ подносъ съ бокалами. И Купринъ, и провожавшіе его—дѣлали видъ, что незнакомы съ Елизаветой Николаевной, а она равнодушно поглядывала по сторонамъ. Но отъ времени до времени, то одинъ, то другой изъ провожавшихъ, пройдясь съ беззаботнымъ видомъ вдоль вагона, вдругъ пропадалъ въ концѣ его, а въ то же время скрывалась изъ окна и Лиза. Прошелъ и генералъ, одѣтый въ толстое драповое пальто, мѣрно помахивая руками въ бѣлыхъ замшевыхъ перчаткахъ и насупивъ сѣдыя брови подъ большимъ выгнутымъ козырькомъ фуражки... и тоже пропалъ.

— Грѣхи!—вздохнулъ съ самодовольною усмѣшкою Купринъ, мигнувъ вслѣдъ генералу.

— Хлѣбомъ не корми...—отвѣтилъ кто-то. И всѣ захохотали.

Лакей въ гуттаперчевомъ фракѣ вцѣпился въ новую бутылку.

— Пожелаемъ добраго *пути* нашему многоуважаемому *безпутному*... — провозгласилъ появившійся генералъ. Спустя минуту, поѣздъ двинулся. Изъ-за дальнихъ столбиковъ навѣса мелькнула полукругомъ *панама* и наклонился *рембрандтъ*; въ отвѣтъ

имъ дружно скучились въ воздухѣ, какъ стая птицъ, шляпы провожавшихъ...

Въ то же время, въ домѣ Куприна шла бесѣда.

Дарья Савишна, вернувшаяся изъ церкви, гдѣ отстояла обѣдню и отслужила напутственный молебенъ съ акаѳистомъ, сидѣла за самоваромъ. Высоко поднявшееся солнце затопляло «чайную» мягкими, теплыми лучами; на окнахъ бутыли съ наливками горѣли, какъ рубины, и разбрасывали по комнатѣ легкія цвѣтныя пятна. Одно изъ нихъ млѣло на пышномъ плечѣ Дарьи Савишны, наводя металлическій блескъ на темный фуляръ ея капота, другое румянило коричневую, худую и морщинистую щеку гостьи,— просвирни одной изъ тѣхъ древнихъ московскихъ церквей, которыя съ виду хотя и невзрачны, но всегда набиты сытыми, разодѣтыми по праздничному, прихожанами и имѣютъ причтъ, какъ бы подобранный изъ гвардейцевъ.

Дарья Савишна говорила:

— ...Не всегда сладка она, жизнь-то: вонъ Букины—въ Парижъ рубашки стирать отсылаютъ; въ зимнемъ саду, какъ на дачѣ, чай пьютъ; на масляной были мы у нихъ, такъ икру теплую, прямо изъ живаго осетра, къ блинамъ подавали... А жены-то и у нихъ черезъ золото слезы льютъ... Старшій, Гаврила Панкратьичъ, погнался ночью за своей и, самъ себя не помня, однихъ цвѣтовъ въ зимнемъ саду, почитай, на три тысячи поломалъ да вытопталъ.

Гостья притронулась свернутымъ въ трубочку платкомъ къ своимъ сѣренькимъ тусклымъ глазкамъ и сказала наставительно:

— Ну, вамъ нечего Бога гнѣвить!

— Со стороны-то все такъ,—вздохнула Дарья Савишна и сложила руки на груди съ такимъ видомъ, какъ бы говорила:—Не вѣришь, такъ разсказывать не буду!—Гостья потупилась и устремила все свое вниманіе на внутренность чайной чашки, весьма, впрочемъ, обыкновенной. Это поощрило Дарью Савишну и она продолжала:—Положимъ, дѣтей нѣтъ у насъ и Сысоя Нестерыча какъ бы замѣсто холостаго можно счесть... да и лѣта мои такія... а все таки...

— Какія лѣта ваши!—поправила гостья серьезно.

Дарья Савишна продолжала, придавъ голосу чувствительную пѣвучесть:

— На прошлой недѣлѣ собралась я къ ранней обѣднѣ. Выхожу изъ воротъ—глядь, старенькая старушка стоитъ и низко такъ мнѣ поклонилась. Подумала я, что по благотворительнымъ дѣламъ она, и говорю: — Чего тебѣ, милая?—Хозяйку дома, го-

воритъ, желательно видѣть, да не знаю, какъ дойти до нея.— Я, говорю, хозяйка дома. Чего тебѣ? — А она какъ заплачетъ вдругъ горькими слезами, какъ зарыдаетъ... — (Гостья поднесла платокъ къ глазамъ и далеко выставила нижнюю губу; Дарья Савишна понизила голосъ до степени драматическаго шопота).— Дошли мы до церкви съ ней и она разсказала мнѣ, что сынъ ея, Шумковъ въ конторѣ въ нашей служилъ, а Сысой Нестерычъ возьми, вишь, да и смани у него жену... Каково мнѣ было услышать это?

— Ахъ. ударъ какой! — всхлипнула гостья. Задрожали губы и у Дарьи Савишны, но отвѣтственная обязанность повѣствовательницы дала ей силы сдержаться и продолжать:

— И въ домѣ у насъ были они, Шумковы-то; на новый годъ пріѣзжали: онъ ничего изъ себя, а она такъ какая-то—плюгавая, отъ земли не видать!.. Ну, плачетъ старушка, говоритъ, что сынъ совсѣмъ потерялъ себя черезъ это, съ толку сбился, а сама все кланяется, кланяется мнѣ... Что же мнѣ дѣлать? Залилась я слезами и говорю: — Надъ мужемъ я не властна, а давай вмѣстѣ помолимся объ укрощеніи плоти...

— И узритъ всяка плоть спасеніе!—вздохнувъ, перекрестилась гостья.

— Помолились мы,—крестясь вслѣдъ за гостьей, продолжала Дарья Савишна:—поставили по свѣчкѣ къ образу Анастасіи *узорѣшительницы*... И пошла моя старушка...—Послѣднія слова Дарья Савишна произнесла нараспѣвъ и давъ волю слезамъ. У гостьи, казалось, душа выдетъ вмѣстѣ съ обращеннымъ къ потолку возгласомъ:

— Сирены адскія, сомустительницы!

Наступило торжественное молчанье, прерываемое лишь слабою трелью уставшаго кипѣть самовара.

— Конечно, я и виду не подала Сысою Нестерычу: пусть его! — успокоившись, махнула рукой Дарья Савишна. — Теперь вотъ уѣхалъ, такъ за дѣлами-то, можетъ, и образумится.

Послѣ этого, разговоръ перешелъ на предполагавшуюся поѣздку Дарьи Савишны, для участія въ маршрутѣ которой собственно и была приглашена гостья. Но Дарьѣ Савишнѣ и тутъ была неудача: гостья говорила темно, страннымъ, какъ бы таинственнымъ и мало понятнымъ языкомъ; путь совѣтовала держать тоже странный— «отъ самой Москвы и вплоть до моря Хвалынскаго», подъ которымъ, будто бы, находятся пещеры, подрытыя такъ близко къ водѣ, что богомольцамъ слышно, какъ шаркаетъ брюхомъ по дну левіаѳанъ—рыба...

XXVI.

Промелькнула весна, прошло лѣто; за нимъ протянулась хмурая дождливая осень. Наступила зима — дружная, морозная, въ нѣсколько дней установившая путь и заметавшая улицы хрупкими, искристыми сугробами. Зимній сезонъ вступилъ въ свои права. По Москвѣ замелькали вереницы саней, набитыхъ соболями и енотами, запряженныхъ широкими, какъ печи, раскормленными рысаками; на перекресткахъ стали закипать давки и слышаться обычныя откровенныя перебранки бородатыхъ кучеровъ, толстыхъ, какъ сороковыя бочки, и съ бритыми шеями; у клубовъ и театровъ начались вечерніе съѣзды, съ непослушными извощиками, съ окриками жандармовъ, съ торопливыми, безпорядочными толпами въ дверяхъ...

Путешествіе Куприна было веселое, чисто свадебное, и длилось нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ устроилъ, съ обычною своей распорядительностью, всѣ дѣла на линіи и теперь, со спокойнымъ сердцемъ, отдавался удовольствіямъ. Дарья Савишна предпочла невѣрному, хотя и соблазнительному пути къ чудесному морю Хвалынскому—общепринятый путь къ обычнымъ пунктамъ богомолья, побывала въ Воронежѣ, въ Кіевѣ, и запаслась разговорами на цѣлую зиму. Для Елизаветы Николаевны наступившій зимній сезонъ былъ первымъ въ ея жизни, которымъ могла она пользоваться, и Куприну приходилось веселиться вдвое. Да и новинокъ въ эту зиму объявилось немало: производилъ фуроръ фокусникъ, отрѣзывавшій при всемъ честномъ народѣ голову живому человѣку; сводила всѣхъ съ ума красавица-акробатка; въ циркѣ показывали ученую свинью...

Однажды Елизавета Николаевна отправилась съ Купринымъ въ циркъ (они вели себя при публикѣ, какъ незнакомые, и занимали всегда мѣста въ нѣкоторомъ отдаленіи другъ отъ друга). Въ циркѣ представленіе шло вяло: наѣздницы падали съ лошадей, наѣздники какъ-то растерянно балансировали растопыренными руками и пыхтѣли, отяжелѣвъ отъ московскихъ хлѣбовъ; клоунъ объявилъ, что «madame свинья нездорова и проситъ извиненія у почтеннѣйшей публики». Купринъ и его дама — соскучились и поѣхали въ частный театръ, гдѣ давалась новая драма «Самоотреченье». Купринъ прихватилъ съ собою встрѣтившагося ему въ циркѣ пріятеля, для «отвода глазъ», и они втроемъ заняли ложу. Сначала они мало обращали вниманія на пьесу, но потомъ вглядѣлись... На сценѣ, вывертывая животомъ, ухаживалъ за

молоденькою женщиною небольшаго роста вылитый Купринъ; женщину звали Елизаветой Ивановной. Когда она сѣла къ роялю и взяла аккордъ, ухаживатель сталъ обнимать ее; въ это время появился изъ-за кулисъ Шумковъ—самъ Шумковъ, названный въ афишѣ Нелюбинымъ, почти не загримированный, въ своемъ обычномъ черномъ сюртукѣ, точно сейчасъ только вставшій изъ-за купринской конторки — и разразился монологомъ: — «Лиза!— говорилъ Шумковъ: — и ты рѣшилась опозорить честнаго труженика, готоваго жизнь отдать для прихоти твоей!... рѣшилась продать себя грубому, холодному невѣждѣ! О, Лиза! Ты—часть существа моего... нѣтъ, ты все мое существо, безъ тебя нѣтъ у меня жизни, но я отрекаюсь отъ тебя... отрекаюсь отъ самого себя — иди къ твоему позору!»... — Шумковъ не игралъ — онъ переживалъ на сценѣ то, что пережилъ когда-то въ своей квартиркѣ; онъ выливалъ то, что накипѣло у него тогда въ душѣ, и то, что замирало въ ней подъ ледянымъ молчаніемъ Лизы. Игралъ Шумковъ плохо, ходульно даже, но искренность, живое, теплое чувство — соединяли его съ публикой невидимыми нитями, и неистовый, оглушительный громъ рукоплесканій былъ отвѣтомъ на его монологъ...

Съ Елизаветой Николаевной сдѣлалось дурно. Купринъ онѣмѣлъ и трясся, какъ въ лихорадкѣ. Случившійся кстати пріятель взялъ Елизавету Николаевну подъ руку, подтолкнулъ Куприна, и ложа опустѣла...

XXVII.

Великопостныя оттепели развели грязный, рыхлый снѣгъ въ безчисленныя лужи; нездоровою, тепловатою сыростью вѣяло въ сгустившемся воздухѣ. Москва присмирѣла. Отдаленнымъ унылымъ звономъ протяжно перекликались церкви...

Былъ первый часъ дня. На Тверской, въ мрачномъ, неопрятномъ домѣ, занятомъ нумерами, еще больше мрачными и неопрятными, нумеръ 12-й доставлялъ необыкновенно много хлопотъ коридорному Павлу—деревенскому малому лѣтъ двадцати, съ прямыми бѣлобрысыми волосами, одѣтому въ слишкомъ длинную жилетку поверхъ красной рубахи на выпускъ. Въ нумерѣ 12-мъ было много народу; Павла постоянно требовали туда, постоянно посылали его то въ лавочку, то въ аптеку; Павелъ, не переводя духу, сновалъ по крутой чугунной лѣстницѣ нумеровъ, вѣчно мокрой и скользкой, перепутывалъ приказанія, самъ удивлялся

этому, но не тяготился хлопотами и, то и дѣло, опускалъ въ карманъ своей длинной жилетки перепадавшіе ему за услугу пятачки и гривенники...

Въ нумерѣ 12-мъ лежалъ, въ послѣднемъ градусѣ чахотки, актеръ Шумковъ-Нелюбинъ. Онъ умиралъ, и съ нимъ умирали надежды актерскаго кружка, обездоленнаго разорившимся антрепренеромъ. Шумковъ, вмѣстѣ съ другимъ актеромъ, былъ авторомъ «Самоотреченья». Драма обѣщала хорошіе сборы, но послѣ нѣсколькихъ представленій Шумковъ заболѣлъ и слегъ, а безъ него несовсѣмъ удачно написанная и державшаяся лишь на монологахъ драма перестала имѣть успѣхъ. Дѣла антрепренера шли вообще плохо (такъ идти дѣламъ суждено, кажется, у всѣхъ театральныхъ антрепренеровъ), актерамъ грозила опасность «застрять» въ Москвѣ, не получивши своего жалованья. Они сплотились и составили компанію, во главѣ съ Шумковымъ, для поѣздки весною въ поволжскіе города, гдѣ «Самоотреченье», по мнѣнію всѣхъ, должно было производить фуроръ, и стали ждать выздоровленія Шумкова. Антрепренеръ разорился, а болѣзнь Шумкова затянулась... Теперь товарищи видѣли истину, хлопотали о своихъ ангажементахъ въ провинцію, но не покидали Шумкова, навѣщали его и съ самымъ серьезнымъ видомъ вели при немъ разговоры о предстоящей поѣздкѣ по Волгѣ...

Въ это утро Шумковъ чувствовалъ себя особенно плохо. Утомленный сильнымъ припадкомъ кашля, онъ лежалъ навзничъ, полузакрывъ глаза. Въ ногахъ кровати сидѣла, исполнявшая въ драмѣ роль Лизы, актриса Лавровская—худенькая и нѣжная, съ прозрачною кожею на моложавомъ миловидномъ лицѣ, съ голубыми влажными глазами и темными прядями небрежно подобранныхъ волосъ. Лавровская провела ночь около Шумкова и теперь, преодолѣвая усталость, выпрямлялась на стулѣ и куталась въ большой шерстяной платокъ, поводя плечами съ легкою нервною дрожью. Актеры хранили неловкое сдержанное молчаніе, изрѣдка шевелясь на скрипѣвшихъ стульяхъ. Комикъ — среднихъ лѣтъ мужчина съ краснымъ бритымъ лицемъ и бѣлыми глазами, сильно любившій прихвастнуть,—сидѣлъ у стѣны противъ кровати и старался глядѣть въ сторону отъ Шумкова; резонеръ—молодой человѣкъ съ худымъ, землянаго цвѣта лицомъ курилъ за спиною Лавровской, согнувшись передъ печною отдушиной.

— Хорошо я сыгралъ свою роль?..—слабо выговорилъ Шумковъ, открывъ глаза.

Всѣмъ подумалось, что онъ бредитъ. На лицѣ Лавровской мелькнуло болѣзненное выраженіе, но она поспѣшила принять спокойный

видъ и, молча взглянувъ на Шумкова, поправила ему одѣяло. Резонеръ, сдѣлавъ послѣднюю затяжку, бросилъ папиросу въ отдушину и вышелъ на средину комнаты, тихо ступая и потупивъ глаза. Шумковъ не бредилъ и, медленно повертывая лицо къ сидѣвшимъ, продолжалъ:

— Кто это... сказалъ... передъ смертью?

— А!—весело вскинулъ голову резонеръ:—кажется, царь какой-то.

— Греческій царь Ксеркъ,—авторитетно сказалъ комикъ и важно сжалъ губы.

— Какъ, греческій?..—возразилъ было резонеръ.

— Онъ, онъ,—не далъ договорить ему комикъ.

— Вотъ и я... сыгралъ...—промолвилъ Шумковъ.

— Ахъ, Вася!—хлопнулъ себя по колѣнкѣ комикъ и заговорилъ съ плохо скрываемымъ притворствомъ:—я написалъ всѣмъ антрепренерамъ... послѣ пасхи въ путь.... а ты... Ну, о чемъ ты толкуешь, когда у тебя обыкновенный бронхитъ!

— Бронхитъ...—повторилъ Шумковъ и, отвернувъ лицо, снова полузакрылъ глаза.

— Ну, да: бронхитъ,—настаивалъ комикъ.—Вонъ Всеславинъ съ бронхитомъ-то «Степнаго Лира» откалываетъ! Ты веди себя, какъ мужчина, какъ гражданинъ.

— Гражданинъ...—прошепталъ Шумковъ и его почернѣвшія губы сложились въ горькую усмѣшку.

— Вчера я получилъ изъ Саратова...—продолжалъ комикъ. И онъ сталъ хвастать уже въ самомъ дѣлѣ, увѣряя товарищей, самъ не зная зачѣмъ, что на Волгѣ ихъ ждутъ не дождутся, что антрепренеры засыпали его письмами... Товарищи, тоже не зная зачѣмъ, стали спорить съ нимъ насчетъ благонадежности антрепренеровъ, насчетъ вскрытія Волги...

Шумковъ лежалъ и думалъ:—О чемъ они спорятъ?.. Зачѣмъ лгутъ безъ нужды?.. Зачѣмъ говорить вздоръ, вѣчный вздоръ, ни имъ, ни людямъ не нужный?—И Шумкову стало тяжело слушать этотъ вздоръ... Ему давно все представляется вздоромъ—и свѣтъ, и люди, и его собственная жизнь... Онъ знаетъ, что часы его сочтены, и не видитъ ничего интереснаго, ничего дорогаго на землѣ, ничего, съ чѣмъ трудно было бы ему разставаться... Въ безсонныя ночи онъ окидываетъ взглядомъ свою быстро промелькнувшую жизнь, и она давитъ его, какъ снова набѣгающій, тяжелый, перепутанный бредъ, отъ котораго только что приходитъ въ себя человѣкъ. И онъ не видитъ, чѣмъ бы могъ замѣнить этотъ бредъ, еслибы снова воскресъ къ жизни... Правда,

среди этого тяжкаго бреда мелькала одна, своя личная свѣтлая греза, но... пора и съ нею разстаться, пора успокоиться отъ пустаго, безплоднаго томленья... Въ одно только вглядывается Шумковъ съ интересомъ и чувствомъ пугливаго любопытства — въ надвигающееся *что-то*, невѣдомое, неизбѣжно-неотразимое... Но онъ ждетъ его съ тихою покорностью, часто даже съ болѣзненнымъ, какъ бы невольнымъ нетерпѣніемъ.

— Который часъ?—спросила Лавровская.

— О-го! Скоро два,—удивился резонеръ, вытащивъ никелированную луковицу.

— Пора пищу принимать,—сказалъ комикъ.

Актеры стали безшумно расходиться, молча кивая головою и пожимая руку Лавровской. Наступила тишина.

— Всѣ...—началъ Шумковъ и остановился, хрипло втягивая воздухъ.

— Всѣ ушли, Василій Петровичъ, никого нѣтъ, — догадалась Лавровская.

Шумковъ шевельнулъ рукою, согнувъ пальцы. Лавровская поняла и это—она придвинула стулъ къ изголовью кровати и сѣла, наклонившись къ Шумкову. Онъ тихо, слово за словомъ, сталъ говорить ей что-то, она кивала головой и успокоительно произносила иногда:—Найду... въ адресномъ столѣ справлюсь...— Поговоривъ съ Шумковымъ, Лавровская дала ему выпить мяснаго соку и позвала Павла. Дрожащими руками застегнулъ Павелъ свою длинную жилетку,—чтобы не мѣшала,—и съ конфузливымъ испугомъ въ лицѣ сталъ помогать Лавровской уложить Шумкова на правый бокъ...

XXVIII.

Было за полночь. Въ Петровскихъ линіяхъ стояла взмыленная тройка; лошади фыркали и встряхивались, звеня бубенчиками: ямщикъ похлопывалъ рукавицами, разминая затекшія руки. Купринъ и Елизавета Николаевна поднимались по лѣстницѣ—они только что вернулись изъ Петровскаго парка, гдѣ скромно поужинали, провожая зиму. Купринъ сбросилъ шубу въ передней и прошелъ въ гостинную; Лиза облокотилась на поручень вѣшалки и протянула горничной ногу — снять сапогъ. Но горничная не прикоснулась къ сапогу и стала дѣлать барынѣ таинственные знаки, показывая на кухню. Въ то же время, изъ кухни проворно вышла маленькая женская фигурка и, почти столкнувшись съ Елизаветой Николаевной, заговорила шопотомъ:

— Вы жена Шумкова?.. Я имѣю сказать вамъ... на одну минуту...

Елизавета Николаевна чуть не вскрикнула отъ испуга, но женщина—это была Лавровская—схватила ее за обѣ руки и, пожимая ихъ, продолжала шептать, отступая въ уголъ передней и увлекая за собой Лизу.

— Сейчасъ,—сказала ей Елизавета Николаевна и, не раздѣваясь, прошла въ гостинную. — Дай мнѣ денегъ, — сказала она тамъ Куприну.

— На что тебѣ?

— Давай, давай: некогда! — сердито возвысила она голосъ, сдвинувъ брови. И, развернувъ вынутый Купринымъ бумажникъ, она выдернула изъ пачки нѣсколько сотенныхъ бумажекъ.—Ты не уѣзжай, подожди меня! — крикнула она Куприну уже изъ передней.

Тройка помчалась. Сани глухо стучали по скованному морозомъ, обледенѣлому снѣгу: двѣ женщины перекатывались въ нихъ, подпрыгивая на ухабахъ, и хватались другъ за дружку, но не промолвили ни слова, пока сани не остановились у подъѣзда нумеровъ на Тверской.

— Онъ очень боленъ? — спросила, очутившись у лѣстницы и переводя духъ, Елизавета Николаевна.

— Да... Вотъ сюда... дайте мнѣ руку...—заговорила Лавровская и стала взбираться съ Елизаветой Николаевной по лѣстницѣ, разсказывая про болѣзнь Шумкова. Въ темномъ коридорѣ Лавровская нащупала знакомую ей дверь 12-го нумера и, пропустивъ туда Лизу, шепнула:—я подожду васъ.

Успѣвшая отвыкнуть отъ маленькихъ, плохо обставленныхъ комнатъ, Елизавета Николаевна какъ бы съ удивленіемъ оглядѣла пристанище мужа и тихо опустилась на стулъ, около изголовья кровати. Прикрытая абажуромъ, лампа на тумбочкѣ передъ кроватью бросала свѣтлый узорный кругъ во весь потолокъ и освѣщала на кровати маленькій изсохшій скелетъ Шумкова съ рѣзкими очертаніями подъ вытертымъ шерстянымъ одѣяломъ. Шумковъ открылъ потухавшіе глаза и сталъ всматриваться въ свою гостью. Появленіе жены, казалось, не удивило Шумкова; онъ только поглядѣлъ чрезъ минуту какъ бы живѣе и сдѣлалъ усиліе, чтобы повернуться лицомъ къ ней—изъѣденная ржавчиной, желѣзная кровать уныло заскрежетала... Елизавета Николаевна взяла Шумкова за руку и спросила:

— Ты не здоровъ, Вася?

— Да...—хрипло сказалъ Шумковъ и, вскинувъ голову, такъ

что вдавилъ затылокъ въ подушку, сталъ пристально глядѣть на жену, сохраняя серьезное выраженіе на исхудаломъ маленькомъ лицѣ съ приподнявшеюся бородкой. Съ минуту длилось молчаніе.

— Ты причащался, Вася?—спросила Елизавета Николаевна.

— А... ты?—отвѣтилъ вопросомъ Шумковъ. Въ его хрипломъ голосѣ зазвучали выразительныя ноты, въ потухавшихъ глазахъ блеснулъ живой, мгновенный огонь... Какъ поняла Лиза этотъ голосъ и этотъ взглядъ, что связалось съ ними въ ея воображеніи—кто знаетъ? Но, склонивъ на руки голову, она тихо заплакала. «Лиза!..» послышался голосъ Шумкова. Елизавета Николаевна отняла руки отъ лица; Шумковъ взялъ ея руку и притянулъ къ своимъ пересохшимъ губамъ; та нагнулась и поцѣловала его въ лобъ. Тихо сжимая руку жены, утомленный Шумковъ закрылъ глаза. Прошло нѣсколько минутъ; рука его слабо скользнула, выпустивъ руку Лизы, онъ забылся, ровно и спокойно дыша... Елизавета Николаевна достала изъ кармана взятыя у Куприна деньги—три сотенныхъ бумажки—и, положивъ ихъ на край тумбочки, тихо вышла.

— Что онъ? — спросила, встрѣчая ее въ коридорѣ, Лавровская.

— Заснулъ... Я заѣду завтра... Что будетъ надобно, я все, все...—стала шептать Лиза. Онѣ пошли съ лѣстницы, Лавровская показывала дорогу, осторожно нащупывая ногою ступеньки. Въ подъѣздѣ свѣтъ луны упалъ на миловидное, печальное лицо Лавровской; взглянувъ на нее, Шумкова ощутила странное чувство ненужной, запоздалой ревности и спросила съ невольно проскользнувшею въ голосѣ недоброю ноткой: — Вы давно... знакомы съ Василіемъ Петровичемъ?

— Я лишь по трупѣ знакома съ нимъ,—подмѣтивъ съ женскою проницательностью эту нотку, заговорила Лавровская. — И за нимъ рѣшительно некому присмотрѣть... необыкновенный онъ какой-то: ни друзей у него нѣтъ, ни одной женщины терпѣть онъ не можетъ... удивительно даже...

Шумковъ очнулся отъ дремоты вскорѣ послѣ ухода Елизаветы Николаевны. Онъ прошепталъ было: «Лиза»... но, не получивъ отвѣта, открылъ глаза и нѣсколько секундъ всматривался въ стоявшій передъ кроватью пустой стулъ. Повернувъ голову къ двери, Шумковъ встрѣтилъ глазами, освѣщенныя лампой, сторублевыя бумажки на тумбочкѣ... Стиснувъ зубы и вскинувъ, съ неестественною для него силой, изсохшую руку, Шумковъ швырнулъ бумажки; за ними упали, звякнувъ, двѣ-три склянки съ лѣкарствомъ... Возвратившаяся Лавровская нашла Шумкова въ лихорадкѣ; силы

вспыхивали въ немъ неровными, безпокойными порывами; по временамъ онъ метался и шепталъ: — Купить-продать... купить-продать... вотъ и все... Боже мой!...

Въ ту же ночь не стало Шумкова.

XXIX.

Мы совсѣмъ потеряли изъ виду флигелекъ на Плющихѣ—скажемъ теперь о немъ нѣсколько словъ. За время теченія описанныхъ здѣсь событій, въ немъ многое измѣнилось и, судя по всему, «отмѣнный куртажъ» не миновалъ рукъ Костылькова: флигелекъ отдѣлали заново, обшили тесомъ и выкрасили масляною краскою въ каштановый цвѣтъ; на пустовавшей задней части двора вытянулись конюшня и сарай, бревенчатые съ кирпичными столбами; въ конюшнѣ появился вороной, породистый, хотя не молодой конь, а въ сараѣ — шарабанъ. Дочери Костылькова, Александра и Глафира, переѣхали отъ отца — онѣ открыли бѣлошвейную мастерскую и стали жить... какъ жить? намъ нѣтъ дѣла. Сыновья, Ваня и Петя, попали подъ протекцію Куприна и сдѣлались бравыми кондукторами, смотрящими свысока на пассажировъ и даже на оберъ-кондукторовъ... Елизавета Николаевна, устроившись въ Петровскихъ линіяхъ, не переставала навѣщать отца и дѣлала это съ такой помпой, что флигелекъ всякій разъ становился предметомъ вниманія всего околотка: она подъѣзжала въ великолѣпной каретѣ, разодѣтая по послѣдней модѣ; не торопясь, отдавала приказанія толстому кучеру, справляясь со своими золотыми часами и какъ бы выказывая желаніе быть вполнѣ къ услугамъ любопытныхъ сосѣдскихъ глазъ...

Самъ Костыльковъ усвоилъ себѣ необыкновенно степенный, солидный видъ, сталъ одѣваться въ суконный сюртукъ, съ отливомъ воронова крыла, и въ плюшевую, съ красными крапинками, жилетку, по которой струилась золотая цѣпь, а по праздникамъ— неизмѣнно бывалъ въ церкви, занимая первое мѣсто и ставя самыя толстыя свѣчи. Въ мѣстномъ трактирѣ Костыльковъ сдѣлался почетнымъ завсегдатаемъ, причемъ трактирщикъ, мужчина меланхолическаго темперамента, рыхлый, какъ баба, высоко опоясанный бѣлымъ фартукомъ сверхъ ситцевой рубашки, всегда дѣлавшій видъ, что не узнаётъ Костылькова,—теперь сталъ замѣчать его издали и свирѣпо кричать при этомъ, погруженному въ свое обычное занятіе, мальчику:—Чего носъ-то сверлишь! приборъ готовь Николаю Иванычу!

Неразлучные со всякими розами, шипы язвили порой и Ко-

стылькова: при случаѣ (а ихъ немало навертывалось среди бездѣльной и сварливой толкотни околотка) долетало до Костылькова:—Богачъ — дочь продалъ! — Но Костыльковъ, съ обычною своею политичностью, пропускалъ это мимо ушей...

XXX.

Прошелъ годъ. Событія закончились, остановились и закружились на одномъ мѣстѣ—какъ вода въ рѣкѣ, схваченная запрудой... Закончимъ и мы свой разсказъ, но при этомъ бросимъ послѣдній взглядъ на Елизавету Николаевну. Она вполнѣ сформировалась въ интересную, бойкую и независимую молодую вдовушку. Послѣднее свиданіе съ мужемъ и его смерть заронили въ сердце Елизаветы Николаевны что-то, по временамъ туманившее ея сухой свѣтлый взглядъ, но она скоро истолковала это чувство на чисто женскій ладъ и стала говорить:—Да, кого перваго *знала*, того долго будешь помнить! —Съ отличительною способностью ея пола быстро усвоивать всякій опытъ, Лиза скоро разобралась въ водоворотѣ новой жизни и не потерялась въ ней—она не ступила на избитую тропу «падшихъ», прожигающихъ жизнь, ищущихъ забвенія... она хочетъ падать съ разсчетомъ, подстилая себѣ соломки; она далеко опередила и аляповатыхъ русскихъ «кокотокъ» — она по своему *любитъ* Куприна и считаетъ обязанностью быть физически вѣрной ему. На этой *вѣрности* построился у Елизаветы Николаевны цѣлый нравственный міръ; она гордится ею и въ минуты размолвокъ (онѣ случаются, и въ нихъ Лиза является далеко не «игрушечкой» для Куприна) говоритъ, бросая самоувѣренно вызовъ Куприну:—Я не какая нибудь—для меня найдется человѣкъ!— И Купринъ знаетъ, что изъ числа его добрыхъ пріятелей не одинъ зарится на его «игрушечку», превознося въ ней именно эту вѣрность...

Есть и идеалъ у Елизаветы Николаевны, затаенный отъ всѣхъ, завлекательно ласкающій ее въ будущемъ. Лѣтомъ, когда въ домѣ на Пречистенкѣ остается одинъ Исай Парфеновъ—ставшій вѣрнымъ и молчаливымъ наперсникомъ Куприна,—Лиза любитъ переселяться съ Купринымъ изъ Сокольниковъ на нѣсколько дней въ домъ; тогда она спитъ на раззолоченной кровати, а днемъ бродитъ, напѣвая романсы, по анфиладамъ пустынныхъ, пестро разукрашенныхъ комнатъ, и въ душѣ у нея растетъ тогда и шевелится мысль: «Не вѣчно же будетъ жить Дарья Савишна»...— мысль грѣшная, но неизбѣжная въ такой, своего рода, борьбѣ за существованіе...

Н. Сѣверовъ.

ВОСТОЧНЫЕ МОТИВЫ.

Изъ преданій о ходжѣ Насръ-Эддинѣ.

(Съ татарскаго).

I.

Великій Тамерланъ, завоеватель міра,
Въ одинъ изъ рѣдкихъ дней спокойствія и мира.
Съ муллою разъѣзжалъ по вотчинамъ своимъ
И тихо рѣчи велъ съ премудрымъ Насръ-Эддиномъ—
О смерти, о судьбѣ, о Господѣ единомъ,
О славѣ царствъ, развѣянныхъ, какъ дымъ...

И выходилъ народъ вездѣ къ нему съ дарами;
Но принялъ Тамерланъ плетушку лишь съ плодами,
Сказавъ: «Довольно мнѣ и вашихъ податей!»
Въ плетушкѣ былъ инжиръ, весь янтаремъ налитый,
И персикъ золотой, сѣдымъ пушкомъ покрытый,
И винограда пять большихъ кистей;
То былъ даръ нищаго, калики перехожей,—
Но принялъ царь его, сказавъ: «Онъ всѣхъ дороже!»
И во дворецъ велѣлъ его снести муллѣ...
Но, воротясь домой ко времени намаза,—
Въ дворцѣ, гдѣ бирюза—соперница алмаза,
Онъ не нашелъ плетушки на столѣ.
И гнѣвно онъ въ муллу свой взоръ вперилъ орлиный
И ждалъ...
— «Да сохранитъ тебя Господь единый!»
Мулла такъ на нѣмой отвѣтствовалъ вопросъ:
«Вѣдь здѣсь не твой дворецъ! Ты здѣсь—лишь посѣтитель!
Твой домъ—на кладбищѣ! Въ послѣднюю обитель,
Въ твой вѣчный домъ корзину я отнесъ!»...

II.

— «Повѣдай, мудрый Насръ-Эддинъ,
(Вѣдь мы невѣжды всѣ, какъ дѣти!)
Кого имѣется на свѣтѣ
Побольше: женщинъ иль мужчинъ?»
Мулла отвѣтилъ: «Слава Богу,
По пальцамъ если перечесть,
Мужчинъ, пожалуй, больше есть...
Но коль судить мы станемъ строго,—
Раскроемъ свой духовный глазъ,
Увидимъ, какъ мужчины слабы,
Какъ заправляютъ ими бабы,—
То женщинъ... больше во сто разъ!»...

Василій Величко.

СВѢТОПРЕСТАВЛЕНІЕ.

Историческій романъ изъ эпохи тысячнаго года по Р. Х.

Фелинса Дана.

XV.

Отъ дома богатаго еврея епископъ Генрихъ направился къ Песочному предмѣстью за южными воротами города, гдѣ находилась постройка богоугодныхъ заведеній на его собственный счетъ. Между прочимъ, тамъ строилось обширное помѣщеніе для монастыря и церковь—уже совершенно доконченная — во имя верховныхъ апостоловъ Петра и Павла, а также св. первомученика Стефана.

Тяжело было на сердцѣ у строителя, когда онъ подходилъ къ мѣсту постройки. Такъ недавно еще кипѣла здѣсь шумная дѣятельность: далеко разносился стукъ топоровъ, пѣсни плотниковъ, окрики старшаго мастера; теперь же все это смѣнилось могильной тишиной. Высокіе деревянные лѣса глядѣли уныло, опустѣвшіе, заброшенные; наполовину выведенныя деревянныя стѣны казались разрушенными вражеской рукою. Только одинъ человѣкъ молчаливо бродилъ среди этого запустѣнія. Онъ еще издали увидалъ епископа и хотѣлъ скрыться за грудой бревенъ, но графъ Генрихъ узналъ его и поспѣшилъ окликнуть;

— Куда же это вы, Гессо? Зачѣмъ же мастеръ бѣжитъ отъ строителя?

Гессо, статный и сильный мужчина съ загорѣлымъ лицомъ и добрыми глазами, остановился, застигнутый врасплохъ. Почтительно, но съ недовольнымъ видомъ онъ снялъ войлочную шляпу съ узкими полями и отвѣчалъ грустнымъ тономъ:

XVI.

Епископъ со своимъ провожатымъ прибавили шагу и вскорѣ они дошли до хижины, обнесенной заборомъ. Большая собака, волкодавъ, громко залаяла за высокимъ частоколомъ, когда они приблизились къ боковой калиткѣ съ восточной стороны; вслѣдъ затѣмъ изъ воротъ торопливо выѣхалъ всадникъ, повернулъ на большую дорогу и скрылся въ облакѣ пыли. Графъ Генрихъ пристально посмотрѣлъ ему вслѣдъ, прикрывая рукою глаза, потому что широкополая шляпа не могла защищать ихъ отъ горизонтальныхъ лучей заходящаго солнца; ему удалось разсмотрѣть только развѣвавшійся по воздуху плащъ рыцаря.

— Мнѣ кажется почему-то, что это былъ нашъ Гельмутъ на своемъ ворономъ жеребцѣ. Что̀ ему здѣсь понадобилось?— въ недоумѣніи замѣтилъ епископъ.

Зупфо прикинулся ничего не понимающимъ, подъ проницательнымъ взглядомъ своего господина.

— Ну, что жъ ты не отвѣчаешь?—настаивалъ между тѣмъ графъ Генрихъ.—Вѣдь тебѣ обыкновенно извѣстны всѣ секреты юноши и его товарища, веселаго провансальца. Вы трое вѣчно торчите гдѣ нибудь вмѣстѣ.

— Скажите лучше, что молодой рыцарь Ивенскій, господинъ Фулько, охотно присаживается къ моему вину,—отвѣчалъ, подмигивая, Зупфо.—Но что касается господина Гельмута... то онъ почти ничего не пьетъ и съ самаго Благовѣщенья я не слыхалъ его смѣха.

— Зачѣмъ онъ сюда пріѣзжалъ, хотѣлось бы мнѣ знать!— повторилъ епископъ съ оттѣнкомъ подозрительности. — Ужь это второй разъ, какъ я встрѣчаю его здѣсь по близости. — Эй, Радо, остановись! — крикнулъ графъ Генрихъ пастуху, который только что собирался проскользнуть черезъ лазейку въ заборѣ, вѣроятно замѣтивъ гостя.

Не обращая вниманія на окликъ, онъ поправилъ на плечахъ широкій плащъ изъ волчьихъ шкуръ, свиснулъ собаку и погладилъ ее по косматой головѣ, послѣ чего она принялась бѣгать по дорогѣ, дѣлая огромные прыжки.

— Пойдемъ, Гиро,—произнесъ пастухъ,—отправимся-ка мы

съ тобою въ лѣсъ, къ старому дубу... нашему настоящему господину, съ тѣхъ поръ какъ ротенбургскій герой пошелъ въ попы.

Епископъ покачалъ головою.

— Онъ убѣгаетъ отъ пастыря души своей! Зато въ битвѣ Радо не дѣлалъ этого никогда. Въ то время онъ слѣпо шелъ за мною.

— Онъ и теперь бросился бы за вами въ битву гораздо охотнѣе, чѣмъ въ исповѣдальню!—замѣтилъ толстякъ, затворяя за епископомъ калитку.

Наряду съ небрежностью и неопрятностью, господствовавшими въ жилищахъ почти всѣхъ безъ исключенія подгородныхъ обывателей Вюрцбурга, скромный дворикъ Вартольда поражалъ чистотой и необыкновеннымъ тщаніемъ, съ какимъ содержался здѣсь каждый уголъ. Лужайка передъ хижиной была прорѣзана правильными дорожками, усыпанными краснымъ пескомъ. Между ними виднѣлись продолговатыя и круглыя клумбы, старательно выровненныя и пестрѣвшія цвѣтами; здѣсь были даже иноземныя растенія, и все это ярко цвѣло, наполняя воздухъ ароматомъ. На южной сторонѣ заборъ былъ обнесенъ фруктовыми деревьями, обвивавшими его живой шпалерой; акуратно подстриженныя, подвязанныя, они вытягивались въ рядъ ровною цѣпью. Графъ Генрихъ съ удовольствіемъ указалъ на нихъ своему провожатому.

— Взгляни сюда, Зупфо: какое трудолюбіе, какая чистота! къ несчастью это рѣдко встрѣчается между нашими простолюдинами.

— Да, да! — отвѣчалъ тотъ, утвердительно качая головою. — Старый Вартольдъ изготовляетъ даже порядочное вино... для профана въ благородномъ занятіи винодѣла. И какая удивительная разница между обоими братьями. Насколько садовникъ человѣкъ смирный, незлобивый, набожный...

— Настолько Радо—охотникъ. Я, право, подозрѣваю, что онъ больше охотится за волками, чѣмъ стережетъ овецъ. Онъ необузданъ, грубъ и нечестивъ. Надо когда нибудь послать къ нему архидьякона. Онъ лучше меня съумѣетъ усовѣстить этого дикаго бродягу. Я же не могу его бранить. При взглядѣ на деревенскаго колдуна, въ моей душѣ воскресаютъ воспо-

минанія прошлаго, а Беренгаръ займется грѣшникомъ, какъ слѣдуетъ...

— Ахъ, оставьте, пожалуйста, эту затѣю, дорогой господинъ. Вашъ Беренгаръ способенъ скорѣе отвратить людей отъ божьяго храма, чѣмъ привлечь въ него.

XVII.

Пока они, разговаривая такимъ образомъ, подвигались по средней дорожкѣ къ крыльцу хижины, на встрѣчу имъ выпорхнула рѣзвушка Рунель съ рѣзвившимися козами; вслѣдъ за нею бѣжала съ веселымъ лаемъ собачонка, размахивая мохнатымъ хвостомъ.

— Дитя!—съ улыбкой произнесъ епископъ, разглаживая дѣвочкѣ растрепанные волосы, пока та почтительно цѣловала ему руку. — Знаешь ли ты, что тебя всѣ называютъ гадкимъ ребенкомъ?

— И однако всѣ меня любятъ, преосвященный.

— Но мнѣ кажется, что ты вовсе не гадкая, — ласково продолжалъ владыка,—и уже больше не ребенокъ, — прибавилъ онъ про себя.

„Ужь не ради ли этой плутовки повадился сюда нашъ Гельмутъ?“—мелькнуло у него въ головѣ. „Но нѣтъ, бѣдный юноша раненъ другой стрѣлой. Во всякомъ случаѣ, посмотримъ, что будетъ дальше“.

— Ну, какъ ты поживаешь, моя веселая пташка?—заговорилъ опять графъ Ротенбургъ.—Я уже давно тебя не видалъ. Не желаешь ли ты чего нибудь отъ меня?

— Какъ же, дорогой... драгоцѣнный... нѣтъ, то бишь, преосвященный владыка епископъ! — запинаясь, вымолвила Фульруна и потупила бѣлокурую головку.—Прабабушка приказала мнѣ испросить вашего благословенія и усердныхъ молитвъ противъ моей несносной бойкости, какъ она ее называетъ.

— Не стоитъ труда ни благословлять ее, ни молиться о ней, господинъ Генрихъ, — разсмѣялся подчашій, ущипнувъ полную румяную щеку дѣвушки. — Чтобы изгнать изъ этой шалуньи неугомоннаго бѣса, нужно быть болѣе искуснымъ въ

заклинаніи злыхъ духовъ, чѣмъ самъ ученый папа Сильвестръ. Ну, какъ ты сама объ этомъ думаешь, маленькая вѣдьма?

— По моему, вы совершенно правы, мудрый господинъ Зупфо,—тихо отвѣчала опечаленная Рунель.—Видите, возиться со мной—для всѣхъ сущее наказанье. Моя бойкость,— какъ всѣ называютъ,—это то же самое, что́ непослушная шерсть моего... э! да куда же онъ опять запропастился?.. моего Шнуфило, отъ его усовъ на мордочкѣ до кончика хвоста. Я вѣчно расчесываю и приглаживаю его щеткой и Шнуфъ съ своей стороны обѣщаетъ не кудлатиться, но тутъ же встряхнется и станетъ опять косматымъ, какъ чучело, — просто смотрѣть страшно! Святой Киліанъ,—со вздохомъ прибавила дѣвушка,—я рѣшительно не знаю, что такое во мнѣ сидитъ, но никакъ не могу избавиться отъ своего навожденія. Волей—неволей я должна...

— Что же ты должна, малютка?

— Хохотать, хохотать безпрестанно, съ самаго утра, когда нашъ неуклюжій работникъ такъ смѣшно ковыляетъ съ ведрами воды, и до самой вечерни, когда я опять принуждена кататься отъ хохота, при видѣ глупыхъ прыжковъ козлятъ, возвращающихся съ пастбища. Часто мнѣ хочется быть серьезной—ужь я столько принимаю брани!—но нѣтъ, куда! Сію же минуту снова прорветъ меня смѣхъ! Всегда и во всѣхъ предметахъ, въ животныхъ и людяхъ, я вижу что нибудь смѣшное и потому хохочу цѣлый день.

— Вотъ какъ! Ну, а во мнѣ ты также находишь смѣшныя стороны?—полюбопытствовалъ епископъ.

— Ну, конечно!—съ хохотомъ отвѣчала Фульруна.

Этотъ отвѣтъ до того быстро сорвался съ ея румяныхъ, какъ вишня, и пухлыхъ губокъ, что господинъ и слуга сами невольно расхохотались.

— Мнѣ смѣшно что вы, бѣдный владыка, прогуливаетесь по вечерамъ съ этимъ человѣчкомъ, круглымъ, какъ шаръ, а между тѣмъ вамъ гораздо больше пристало бы вести съ собою подъ руку красивую жену. Но, Боже мой, по вашимъ глазамъ я вижу, что надъ этимъ скорѣе нужно плакать, чѣмъ смѣяться!

— Вино и дѣти говорятъ правду, — замѣтилъ, вздыхая, Зупфо.

— Мастеръ безъ дѣла, а строитель безъ постройки.

— Ну, это лишь на короткое время!—возразилъ задѣтый за живое Ротенбургъ.—Вскорѣ здѣсь опять застучитъ молотъ и топоръ, завизжатъ пилы, мастеръ Гессо.

Тотъ ограничился выразительнымъ пожатіемъ плечъ вмѣсто всякаго отвѣта.

— Жаль!—вымолвилъ онъ наконецъ. — У насъ такъ отлично шло дѣло. Работники были народъ умѣлый, не лѣнивый. Теперь же самые лучшіе разбѣжались. А постройка новаго собора въ честь св. Іоанна, а пріютъ въ Сѣверномъ предмѣстьѣ, а больница и сиротскій домъ, а школа? Все брошено! Проклятый итальянецъ сказалъ и рабочимъ, будто бы въ епископской казнѣ истощились всѣ деньги. Ложь это, наглая ложь! Въ тотъ же день онъ накупилъ полное вооруженіе для епископской стражи: сотни копій, шлемовъ, панцырей, и за все заплатилъ чистыми деньгами оружейнику Герихо въ желѣзныхъ рядахъ. Когда онъ поднялся къ намъ на лѣса со своими лживыми рѣчами, созвалъ работниковъ и разсчиталъ ихъ, мнѣ такъ захотѣлось столкнуть его съ помоста внизъ головою, въ честь св. Петра, Павла и Стефана!

— Терпѣніе, говорю я вамъ. Подождите немного.

— Я-то могу ждать, а каково безпріютнымъ сиротамъ, учащимся ребятишкамъ въ сырой норѣ на берегу Майна и больнымъ, которые валяются по улицамъ на соломѣ? Они не могутъ ждать. Какъ будто панцыри и копья были нужнѣе для вашей стражи, чѣмъ теплый кровъ и помощь бѣднякамъ! Вѣдь, кажется, намъ ни откуда не угрожаетъ вражеское нашествіе?

— Ахъ, перестаньте, пожалуйста!—вмѣшался Зупфо.—Вы видите, какъ ваши рѣчи...

— Я вижу, что господинъ епископъ сердится, но слова мои справедливы. Хуже всего пришлось бѣднымъ вюрцбургскаго округа.

— Какимъ это образомъ? — съ живостью возразилъ Генрихъ Ротенбургъ.—Ихъ доля осталась нетронутой въ казнѣ.

— Я и не говорю этого, но внезапное, одновременное прекращеніе шести большихъ построекъ оставило тысячи людей безъ куска хлѣба. Хотя многіе рабочіе были не наемные, а принадлежали здѣшней церкви, но много было и такихъ, которые поддерживали работой свою семью. Теперь они голо-

дають. Голодъ заставилъ ихъ бѣжать изъ города, собираться шайками, воровать и грабить.

— Какъ божій громъ, налечу я на нихъ! — воскликнулъ пораженный епископъ.—Я имъ задамъ! Если графъ Вальдассенъ спитъ...

— Онъ не спитъ, нашъ достойный графъ Гервальтъ, но вы знаете, что ему приходится жить далеко отсюда, въ Италіи. Такъ вы не знали о здѣшнихъ безпорядкахъ, владыка?

— Постройка скоро опять возобновится, передайте это рабочимъ, а съ грабителями расправятся мои рыцари: Гельмутъ и Фулько. Они заставятъ ихъ забыть отсутствіе здѣшняго правителя, клянусь въ томъ честью!

И Генрихъ Ротенбургъ съ неудовольствіемъ ушелъ прочь, безцѣльно направляясь дальше къ югу.

— Вѣрно, все къ лучшему, г-нъ епископъ! — крикнулъ вслѣдъ ему Гессо.—Но не бросайте своихъ предпріятій, угодныхъ Богу и людямъ.

—Угодныхъ Богу и людямъ! — машинально повторилъ за нимъ тотъ.—Конечно! Тутъ не можетъ быть сомнѣнія. А вотъ новое затѣянное мною дѣло, ради котораго я бросилъ свои постройки, не будетъ пріятно людямъ. Развѣ Богу?..

Онъ въ волненіи шелъ впередъ, все дальше къ югу. Преданный Зупфо, съ первыхъ же словъ зодчаго, замѣтилъ своими проницательными сѣрыми глазками мрачное облако на лбу епископа.

— И этой бѣдою, какъ всѣми другими, мы обязаны никому иному, какъ Беренгару,—проворчалъ онъ.—Нужно непремѣнно отвлечь мысли графа Генриха въ другую сторону.— Эй, взгляните-ка вонъ туда!— воскликнулъ онъ вдругъ веселымъ голосомъ.—Что это мелькнуло тамъ влѣво за кустами, противъ рва? Кажется, я знаю, чьи это развѣваются косы съ красными ленточками! Вотъ передъ вами еще доброе дѣло, г-нъ епископъ.

— А!.. этотъ юноша, побѣжавшій со всѣхъ ногъ къ берегу Майна, ужь не Герихо ли, бывшій стремянной моего Гельмута, а теперь оружейникъ въ желѣзныхъ рядахъ?

— Ну, конечно, а хорошенькая дѣвушка, которая съ нимъ болтала,—темнокудрая Розберта, дочь Беццо; у него свой домикъ съ садомъ къ востоку отъ южныхъ воротъ.

— Гм! что же такое дѣлали вдвоемъ эти молодые люди съ глазу на глазъ?

— Чего жь имъ тамъ дѣлать особеннаго? Они стояли у колодца Вольфило. Герихо вѣроятно помогалъ слабосильной дѣвочкѣ вытаскивать тяжелое ведро на блокѣ.

— Какъ тебѣ не стыдно лгать своему епископу, Зупфило!— съ улыбкой замѣтилъ графъ Генрихъ.—Вѣдь и мнѣ случалось не разъ въ годы юности стоять у колодца. Я отлично замѣтилъ, что ведро, наполненное водою, преспокойно оставалось на краю водоема, а юноша медлилъ уходить и, кажется, держалъ дѣвушку за руку.

— Такъ неужели ему слѣдовало дать упасть ей въ колодецъ?

Генрихъ Ротенбургъ опять невольно разсмѣялся.

— А какое же доброе дѣло могъ бы я здѣсь совершить? Предостеречь Розберту отъ неосторожнаго увлеченія, разбранить оружейника?

— Зачѣмъ? Ихъ вы также не исправите, какъ и повѣсу Арна.

— Или я долженъ, по твоему, открыть глаза старику Беццо?

— Ну, конечно, но не на то, что молодые люди любезничаютъ между собою. Беццо не такъ глупъ, чтобы не замѣчать этого,—а вамъ слѣдуетъ сказать ему, какой онъ дѣлаетъ грѣхъ, стараясь сосватать свою молоденькую дочь не за красиваго, браваго Герихо, а за Штедило, богатаго бочара, толстопузаго ханжу. И набожность-то у этого человѣка неискренняя, а трусливая, такъ сказать, затхлая, и полнота его... ну, однимъ словомъ, не такая, какую посылаетъ св. Урбанъ своимъ любимцамъ, а просто одутловатость, точно онъ весь налитъ чѣмъ-то. Вамъ слѣдовало бы...

— Зупфило, я не врагъ юношеской любви и никогда не сталъ бы ее преслѣдовать. Нѣтъ, меня радуетъ торжество молодыхъ вѣрныхъ сердецъ... если такія дѣйствительно существуютъ на самомъ дѣлѣ, а не въ однихъ пѣсняхъ провансальца Фулько! Однако ты не можешь же требовать отъ своего епископа, чтобъ онъ возстановлялъ молоденькихъ дѣвушекъ противъ отцовской власти!

— Здѣсь это было бы совсѣмъ излишнимъ, но оказать под-

держку молодежи не мѣшаетъ,—этакъ замолвитъ за нихъ словечко... Но я надѣюсь, что старикъ еще спохватится во время и отдастъ предпочтеніе бравому молодцу передъ ожирѣвшимъ болваномъ...

„А мой господинъ опять что-то хмурится“,—подумалъ про себя подчашій, оглянувшись изподтишка на графа Генриха. „Надо поскорѣй прогнать его мрачныя мысли“.

Зупфо съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ осмотрѣлся кругомъ. Вдругъ его взглядъ привлекла стая бѣлыхъ голубей, которые при наступленіи весеннихъ сумерекъ спѣшили съ сосѣднихъ полей въ свое убѣжище. Оно находилось подъ стрѣхой высокой соломенной крыши, побурѣвшей отъ времени и проконопаченной во многихъ мѣстахъ сухимъ мохомъ. Это строеніе стояло вправо, къ западу отъ большой дороги, пролегавшей, какъ и теперь по восточному берегу Майна, къ верховью рѣки, на югъ. Тутъ голуби стали опускаться, сверкая въ лучахъ заходящаго солнца своими ослѣпительно бѣлыми перьями.

„Туда! — сказалъ себѣ преданный слуга. — Тамъ добрая старуха Ута и Вартольдъ со своими цвѣтами разгонятъ тоску моего господина. Тамъ и хорошенькая Рунель, милый, своенравный ребенокъ. Ну, а если графъ побранится со старикомъ Радо?.. Э, что за важность! Маленькая безобидная перебранка хоть оживитъ его немного. Вѣдь въ глубинѣ сердца епископъ любитъ дикаго чудака, который напоминаетъ ему старое, то есть нѣтъ: молодое, счастливое время!“

И Зупфо осторожно, издали завелъ свою рѣчь:

— А вамъ не мѣшало бы заглянуть вонъ въ тотъ домикъ, куда прилетѣли голуби, къ старухѣ Утѣ. Она такъ терпѣливо переноситъ свою горькую участь, но все таки нуждается иногда въ утѣшеніи.

— Да, не лишнее напомнить о христіанскихъ правилахъ въ домѣ стараго пастуха. Это скорѣе жилище язычниковъ, послѣдній оплотъ полузабытаго въ здѣшнемъ краю идолопоклонства, которое было распространено по всей окрестной странѣ, пока ее не просвѣтилъ св. Киліанъ. Въ самомъ дѣлѣ, пойдемъ къ Радо. Сюда зоветъ меня пастырскій долгъ.

„Только бы старикъ не вздумалъ взбунтоваться“, — подумалъ Зупфо, однако не высказалъ вслухъ своихъ опасеній.

— Итакъ, я не стою... благословенія, — продожала Рунель. — Г-нъ Зюпфелинъ сказалъ правду, но мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы благословили, вмѣсто меня, кое-кого другаго.

— Неужели? кого же это? — серьезно спросилъ епископъ. — Пожалуй, рыцаря Гельмута, съ которымъ ты сейчасъ разговаривала?

— Онъ? разговаривалъ со мною! — снова расхохоталась Фульруна. — Избави Богъ! Мы ни разу не обмѣнялись ни единымъ словечкомъ. Г. Гельмутъ даже и не смотритъ на меня. Только съ дядей Радо они всегда шепчутся потихоньку. Благословенія же вашего я прошу для того, кто мнѣ дороже всѣхъ послѣ родныхъ и всѣхъ милѣе на свѣтѣ, — вотъ онъ идетъ сюда; вонъ тамъ налѣво!

Владыка съ неудовольствіемъ обернулся, зорко вглядываясь: кто бы могъ приблизиться къ нимъ слѣва.

— Вотъ онъ, мой ненаглядный Шнуфило! Ай, свѣты мои, на что похожъ этотъ несчастный песъ! Весь въ грязи, съ окровавленной мордой. Вѣрно, опять подрался съ сосѣдскимъ котомъ! И вы думаете, г. епископъ, что это послужитъ ему урокомъ? Какъ бы не такъ! Онъ опять завтра же полѣзетъ въ драку: такой бѣдовый! А у меня сердце разрывается, глядя на него. Вотъ, еслибы вы могли заговорить моего Шнуфа отъ всякой бѣды. Его то и дѣло обижаютъ и собаки, и свиньи, и забіяки-коты. Это мое большое горе, — заключила со вздохомъ дѣвочка.

Епископъ хотѣлъ было нахмуриться, но на него также нашло „навожденіе“, потому что онъ улыбнулся противъ воли, при видѣ простодушнаго огорченія хорошенькой толстушки Рунель и нѣжнаго взгляда, которымъ привѣтствовалъ ее лохматый, грязный другъ изъ подъ нависшихъ надъ бровями клоковъ длинной шерсти.

— Отъ души желаю, чтобъ вѣрный песъ еще долгіе годы оставался твоимъ первымъ возлюбленнымъ, гадкая дѣвочка, — ласково произнесъ графъ Генрихъ и пошелъ впередъ.

Зупфо съ намѣреніемъ замѣшкался возлѣ сбитой съ толку Фульруны.

— Ахъ, ты, глупенькая кругляшка! — наставительно замѣтилъ онъ. — Развѣ можно просить владыку, чтобы онъ заговорилъ твоего пса отъ разныхъ напастей? Обратись съ этимъ лучше

къ... къ другому охотнику. Спроси Радо: онъ знаетъ, что тебѣ посовѣтовать. Только смотри у меня: не проболтайся при бабушкѣ!

— Сохрани Богъ! Вѣдь я понимаю!—съ веселымъ смѣхомъ отвѣчала дѣвочка и бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ, высоко подпрыгивая, такъ что ея длинныя косы и юбочка опять стали развѣваться во всѣ стороны. Эй, Шнуфель, дружочекъ мой, побѣжимъ вмѣстѣ.

Шнуфило съ сердитымъ лаемъ схватилъ ее зубами за подолъ, стараясь удержать, но она потащила его за собою, оглашая дворъ задорнымъ молодымъ смѣхомъ. Зупфо смотрѣлъ ей вслѣдъ и подумалъ про себя: „Ну, неужели Господь захочетъ обратить въ прахъ и пепелъ вотъ такое невинное созданіе,ославъ небесный огонь для истребленія нашей земли? Нѣтъ, нѣтъ, онъ справедливъ и правосуденъ; онъ милосердъ, не смотря на людскія беззаконія!“

XVIII.

Когда посѣтители подходили къ хижинѣ подъ заросшею мохомъ кровлей, передъ ними растворилась низенькая дверь и оттуда вышла древняя старушка, опираясь на руку пожилаго, но бодраго внука. Ея черты были еще необыкновенно пріятны: столько душевнаго спокойствія свѣтилось въ нихъ, а серебряныя сѣдины такъ шли къ ея румянымъ щекамъ, Внукъ унаслѣдовалъ отъ нея этотъ нѣжный цвѣтъ лица. кротость обращенія и мягкость манеръ.

— Преосвященный владыка стоитъ вонъ тамъ, направо, бабушка!—сказалъ онъ старушкѣ, почтительно снимая передъ епископомъ свою плоскую шляпу, сплетенную изъ тростника, какія употребляются мѣстными жителями въ защиту отъ зноя во время работъ на виноградникахъ.

— Да благословитъ васъ Богъ, господинъ епископъ, за то, что вы не гнушаетесь бѣдняковъ. Вы, какъ божье солнышко: оно улыбается не только тому, кто гордо поднимаетъ голову ему навстрѣчу, но и всякой травкѣ, всякому цвѣточку, скромно выглядывающему изъ зелени на луговинѣ.

Епископъ ласково кивнулъ головой.

— Я не разъ замѣчалъ, что люди, занимающіеся разведеніемъ цвѣтовъ и растеній, пріобрѣтаютъ мягкость характера и смышленость.

Онъ взялъ старушку за руку.

— Ну, почтенная Ута, какъ поживаешь? Вы съ такимъ христіанскимъ терпѣніемъ несете свой крестъ долгіе—долгіе годы.

— Ахъ, добрѣйшій господинъ епископъ, это вовсе не трудно, когда имѣешь твердую вѣру. А моя вѣра тверда и этимъ я также обязана *ему*.

— Господу Богу, конечно. Это правда!

— Объ этомъ я не стану спорить, — нерѣшительно отвѣчала старуха.—Пожалуй, самъ Господь вложилъ въ уста моему бѣдному Конраду его предсмертныя слова.

— Ахъ, да, вы говорите о покойномъ мужѣ. Что же сказалъ онъ вамъ тогда? Кажется, онъ умеръ въ ту же ночь, когда вы... когда венгерцы...

— Совершенно вѣрно, г. епископъ. *Гуннами* звали ихъ въ то время, а съ тѣхъ поръ прошло семьдесятъ лѣтъ.

— Семьдесятъ лѣтъ слѣпоты! — съ участіемъ замѣтилъ Зупфо, вздыхая.

— Это случилось еще при епископѣ Дито,—продолжала старуха, оживляясь воспоминаніями и нѣсколько разъ проводя рукой по своимъ густымъ серебрянымъ волосамъ.—Тогда святыя мощи епископа Бургарда не были открыты. Ровъ вокругъ города не былъ проведенъ, и даже городскія стѣны изъ бревенъ стояли недоконченными. Мы жили въ хижинѣ, за укрѣпленіями, съ восточной стороны Вюрцбурга, у Сухаго Ручья. Мой мужъ, вольноотпущенникъ епископа, былъ необыкновенно искусный плотникъ. Онъ съ дѣтскихъ лѣтъ служилъ въ епископскомъ дворцѣ и усвоилъ тамъ себѣ большую набожность. За годъ передъ тѣмъ, епископъ Дито пожаловалъ ему въ ленное владѣніе избушку у Сухаго Ручья, чтобы онъ могъ жениться на мнѣ: я была также служанкой при церкви св. Андрея, какъ тогда говорили еще, вмѣсто церкви св. Бургарда. За двѣ ночи передъ несчастьемъ, у меня родились двое близенцовъ: мальчикъ и дѣвочка. Мы не могли на нихъ налюбоваться! Только вдругъ въ полночь раздался дикій, страшный вой, точно сатана выпустилъ изъ ада тысячи чертей! Конрадъ

кинулся къ окну; оно было отворено, потому что на дворѣ стояла жаркая лѣтняя погода, какъ и теперь. „Помогите!— крикнулъ онъ, — помогите, святые Киліанъ, Коломанъ и Тетнанъ"! Видимъ: кругомъ огонь и зарево! Сосѣдняя хижина, справа, такъ и пылаетъ. А среди зарева мелькаютъ сотни безобразныхъ людей, похожихъ на злыхъ духовъ: нѣкоторые изъ нихъ верхомъ, нѣкоторые пѣшіе, и всѣ пронзительно кричатъ, гикаютъ, точно въ аду. Цѣлая толпа съ топорами ворвалась въ сосѣдніе дворы слѣва; слышимъ: и въ нашу дверь стучатся. „Это гунны" — крикнулъ мой Конрадъ, поскорѣй захлопнулъ ставню и схватилъ топоръ. Они точно выросли изъ земли, до того неожиданно было ихъ нападеніе. Нашъ домъ также запылалъ; вспыхнули соломенная кровля и деревянная стѣна съ правой стороны. Слѣдовало спасаться изъ горящаго дома, но куда бѣжать? Сквозь щели ставни мы могли видѣть, какъ эти чудовища въ человѣческомъ образѣ хватали женщинъ, дѣтей, бѣжавшихъ изъ своихъ жилищъ, и кидали ихъ или на копья товарищей, или обратно въ огонь. Въ смертельномъ ужасѣ мы прижались рядомъ къ очагу; мой Куртъ держалъ на рукахъ новорожденную дѣвочку; я—мальчика, и оба мы взывали къ Богу и святымъ. Вдругъ надъ нашими головами раздался страшный трескъ; сверкнуло ослѣпительное пламя и насъ обдало градомъ искръ! Изъ подъ крыши свалилась горящая балка и засыпала мнѣ глаза искрами. До сихъ поръ вспоминаю я нестерпимую боль, которую почувствовала въ ту минуту, г-нъ епископъ. „Куртъ!— вырвался у меня нечеловѣческій вопль, — гдѣ ты? Я тебя не вижу". —Здѣсь!—простоналъ онъ. Я умираю, моя бѣдная Ута. — „Гдѣ? Гдѣ же ты?" — кричала я, отыскивая его ощупью.— Ахъ, мои глаза не видали съ тѣхъ поръ ни Конрада и ничего больше на свѣтѣ. Онъ тотчасъ понялъ, что со мной случилось, и заговорилъ: „Утелейнъ! Моя дорогая, милая жена!" — Да, онъ сказалъ такъ, г. епископъ! — Тысячи тысячъ разъ повторяла я потомъ его слова. — „Дѣвочка у меня на рукахъ мертва; ее убило наповалъ. И я самъ... долженъ умереть. Но мальчикъ при тебѣ остался невредимъ. Ты, кажется, видишь плохо... Это тяжкая доля, но утѣшься: такъ было угодно Богу. Прислушайся теперь хорошенько: крики стихаютъ — гунны умчались прочь". — Ослѣпла! — крикнула

я, — ослѣпла на всю жизнь! Значитъ, я никогда не увижу больше твоего дорогаго лица? — „Ты забываешь, милая жена, — кротко отвѣтилъ Конрадъ, — что я доживаю послѣднія минуты. Но со временемъ, когда придетъ твоя очередь умереть, ты увидишь меня опять. Въ царствіи небесномъ, у милосердаго Бога, нѣтъ ни хромыхъ, ни убогихъ, ни слѣпыхъ: тамъ одно совершенство. Не дальше, какъ вчера, епископъ говорилъ объ этомъ проповѣдь, поэтому утѣшься вполнѣ! Послѣ смерти ты сдѣлаешься зрячей и увидишь меня. Съ нашей дѣвочкой на рукахъ я спущусь къ тебѣ съ облаковъ и унесу тебя изъ мрака и отчаянія земной жизни туда, гдѣ царствуетъ вѣчный свѣтъ. Прощай! Слова мои справедливы, вѣрь мнѣ: мы свидимся снова послѣ смерти". И Конрадъ умолкъ навсегда. Вскорѣ послѣ того, всадники графа и епископская стража спасли меня изъ пылающей хижины вмѣстѣ съ сыномъ и вытащили изъ-подъ обломковъ моихъ дорогихъ покойниковъ... Гунны ускакали прочь, предавъ огню наши избушки по ту сторону укрѣпленій. И вотъ я живу уже семьдесятъ лѣтъ послѣ этого несчастнаго дня, утѣшаясь предсмертными словами моего Конрада. Я вѣрю его завѣту, какъ слову божію.

— Господь благословилъ тебя непоколебимой вѣрой въ твоемъ несчастіи, бѣдная женщина, — произнесъ тронутый епископъ.

— Да, преосвященный владыка, вы правы, — подтвердилъ ея внукъ, выпрямляясь: онъ наклонился, чтобъ очистить отъ улитокъ свои цвѣты и раздавилъ вредныхъ слизняковъ на дорожкѣ. — Великое слово поддерживало ее среди горькихъ испытаній, а бѣдная бабушка много настрадалась въ прежнее время.

— Только не по винѣ моего добраго сына и его милой жены, — горячо вступилась слѣпая Ута. — Господь давно уже призвалъ ихъ къ себѣ, и теперь они наслаждаются миромъ въ царствѣ свѣта за свою добродѣтельную жизнь. Не въ чемъ мнѣ упрекнуть и моихъ обоихъ внуковъ. Они не лѣнились трудиться, когда была работа. Въ этомъ я должна отдать справедливость имъ обоимъ, какъ бѣлокурому, такъ и черноволосому, хотя они совершенно не похожи одинъ на другаго,

даромъ, что родные братья. Также и мой Радо... Но гдѣ онъ?.. Я что-то его не слышу.

— Въ лѣсъ ушелъ, бабушка.

— Опять въ лѣсъ!—вздохнула старуха.—Это просто его наказанье. Вѣчно онъ бродитъ въ мрачномъ графскомъ лѣсу, и св. Киліану только извѣстно, зачѣмъ его тянетъ туда. Вѣдь мѣсто тамъ нечистое. Отсюда слышно, какъ кричитъ заколдованный охотникъ между деревьями, а мой внукъ не можетъ жить безъ лѣса! То онъ наймется въ пастухи, то охотится, то обжигаетъ уголь непремѣнно въ этихъ проклятыхъ дебряхъ. И такъ было съ нимъ съ самаго дѣтства. Правда, въ этомъ много виновата его покойная мать, хотя вообще она была превосходная женщина. Но ей нравилось разсказывать мальчику о заколдованномъ охотникѣ, о заколдованномъ царѣ да о разныхъ великанахъ; теперь онъ знаетъ о нихъ больше, чѣмъ о Богѣ и святыхъ. А все же Радо приносилъ мнѣ каждый грошъ, который зарабатывалъ, служа стремяннымъ у графа Ротенбурга, а потомъ нанявшись въ пастухи къ здѣшнимъ обывателямъ. Рѣшительно все, добытое трудомъ, приносили они мнѣ, и бѣлокурый, и черноволосый, какъ называлъ ихъ отецъ. Только бѣлокурый охотно оставался со мною, тогда какъ Радо постоянно тянетъ куда нибудь прочь.

— Ну, дорогая бабушка, теперь мы оба съ вами давно ужь посѣдѣли, и съ моей стороны нѣтъ никакой заслуги быть постоянно дома. Я съ дѣтства былъ домосѣдомъ и мнѣ любъ нашъ домикъ, уступленный горожанами моему отцу въ потомственное ленное владѣніе за то, что онъ исполнялъ обязанность пастуха, какъ и старшій мой братъ. Для меня первое удовольствіе — ходить за нашимъ садикомъ, сажать цвѣты, подвязывать фруктовыя деревья и разводить виноградъ.

— У моего Вартольда необыкновенно счастливая рука,— вмѣшалась бабушка.—Подъ его уходомъ отлично идетъ всякое растеніе и пальцы у него какіе-то особенные — проворные, ловкіе.

— Господь благословилъ его руку за то, что она всегда служила надежной опорой слѣпой бабушкѣ, — серьезно сказалъ епископъ.

— И Радо у насъ также ловокъ,—перебилъ садовникъ.— Положимъ, его руки грубѣе моихъ, зато крѣпче и тверже.

Какъ онъ отлично ловитъ рыбу въ Майнѣ! А медвѣдю, рыси и волку ни за что не уйти отъ его дротика.

— Сарацины, венды и итальянцы также знаютъ меткость его оружія,—прибавилъ графъ Ротенбургъ, выразительно кивая головою.—Только молиться святымъ угодникамъ не очень любитъ Радо.

— Не гнѣвайтесь на него, владыка,—вступился Вартольдъ.

— Боже мой,—съ досадой прошепталъ Зупфо,—я также знаю одного пастыря, но пастыря душъ, а не пастуха, который бо́льшую часть своей жизни гораздо охотнѣе слушалъ токованье тетерева въ буковой рощѣ, чѣмъ поповское пѣнье за обѣдней въ соборѣ.

— Кромѣ того, скоро все должно кончиться, благодареніе Богу,—напомнила Ута.—Пускай ужь бѣдный Радо поохотится напослѣдокъ!

— Вы полагаете, почтенная женщина, что скоро наступитъ свѣтопреставленіе? Святая церковь не высказала пока ничего опредѣленнаго на этотъ счетъ.

— Г-нъ епископъ,—спросилъ Вартольдъ самымъ серьезнымъ тономъ,—какъ вы полагаете: есть ли въ царствіи небесномъ цвѣты?

Графъ Генрихъ не сразу нашелся, что́ отвѣтить.

— Объ этомъ... объ этомъ не спрашивалъ у меня ни одинъ человѣкъ да и самъ я не задавалъ себѣ такихъ вопросовъ... Цвѣты?.. Право, не знаю! Впрочемъ, да, конечно! Пальмовыя вѣтви для мучениковъ...

— Какая жалость! Вѣдь пальмы не растутъ у насъ,—съ глубокимъ огорченіемъ произнесъ Вартольдъ.—Я видѣлъ ихъ только нарисованными въ капеллахъ. Мнѣ совсѣмъ незнакомъ уходъ за ними, заключилъ онъ въ задумчивости. „Пальма купаетъ вершину въ палящемъ зноѣ, а корни въ водѣ“,—говаривалъ мнѣ арабъ, котораго держали здѣсь нѣкоторое время заложникомъ.

— Ну, садовникъ, не унывай!—съ улыбкой ободрилъ его графъ Генрихъ.—Я сейчасъ вспомнилъ: въ раю нужны также бѣлыя лиліи для пресвятой Дѣвы и на вѣнцы святымъ. Въ Римѣ, въ соборѣ св. Петра нарисованы на золотомъ фонѣ маленькіе ангелы; у нихъ также бѣлыя лиліи въ рукахъ.

— И то правда!—воскликнулъ повеселѣвшій старикъ, по-

тирая отъ удовольствія руки.—Господь да благословитъ васъ за это слово, г. епископъ. Лиліи! лиліи, говорите вы? Это какъ разъ мои любимые цвѣты, и я умѣю немножко ухаживать за ними. Можно сказать, что онѣ растутъ у меня лучше всѣхъ другихъ, благодаря моему умѣнью или, скорѣе, благодатію св. Гертруды. Взгляните вонъ туда, преосвященный владыка, на ту круглую клумбу. Тамъ растутъ два новыхъ сорта, которые никогда еще не цвѣли въ нашей странѣ. Первый сортъ, бѣлый, необыкновенно хорошъ! А другой—огненно-красный. Красныя лиліи пахнутъ еще лучше. Мой пріятель, садовникъ изъ герриденскаго монастыря, ѣздившій со своимъ игумномъ въ Римъ, привезъ мнѣ луковицы этихъ растеній изъ одного итальянскаго города, называемаго Флоренціей по имени цвѣтовъ. Вотъ гдѣ хотѣлось бы мнѣ побывать! Но теперь ужь слишкомъ поздно. Взгляните, какъ хорошо идутъ мои лиліи! А въ моемъ новомъ саду, который я развелъ въ другомъ мѣстѣ, ближе къ городу и Майну, итальянскіе цвѣты еще лучше. Приходите когда нибудь взглянуть на нихъ.

— Старикъ сходитъ съ ума по разной ненужной травѣ то ли дѣло виноградныя лозы!—проворчалъ Зупфо.

— О, г. епископъ,—началъ опять Вартольдъ, смиренно складывая руки,—еслибъ мнѣ, недостойному, попасть въ рай.

— Ты непремѣнно попадешь туда уже ради того, что свято чтишь пятую заповѣдь,—замѣтила слѣпая.

— Тогда замолвите за меня словечко передъ св. апостоломъ Петромъ; вѣдь онъ распоряжается тамъ надо всѣмъ, не такъ ли? Можетъ быть, онъ смилуется и возьметъ меня къ себѣ въ садовники... только вотъ развѣ изъ-за пальмъ... Но это не бѣда: я научусь ухаживать за ними. Еслибъ мнѣ только быть у него помощникомъ по садоводству! Вѣчно ухаживать за лиліями! Это было бы для меня настоящимъ райскимъ блаженствомъ.

И голубые глаза Вартольда засвѣтились тихой радостью. „Sancta Simpeicitas!“—произнесъ про себя тронутый епископъ.—„По моему, это чистое сердце ближе къ небу, чѣмъ мое“!—„Хотя бы меня и ожидало блаженство на томъ свѣтѣ, все таки я не подумаю туда торопиться,—прошепталъ Зупфо,—

а когда Вартольдъ посадитъ тамъ свои лиліи, я вырву ихъ прочь и насажу виноградъ".

— Пожалуй, твой необузданный братъ также мечтаетъ о чемъ нибудь подобномъ,—замѣтилъ графъ Генрихъ,—но тому, конечно, хотѣлось бы заниматься не садоводствомъ, а вѣчно охотиться.

— Да сохранитъ его св. Киліанъ отъ такихъ нечестивыхъ словъ!—со страхомъ воскликнула бабушка.—Тогда ему пришлось бы вѣчно оставаться во власти проклятаго заколдованнаго охотника и всюду слѣдовать за нимъ.

Епископъ собрался уходить, но предварительно вынулъ червонецъ изъ своего кожанаго кошелька за поясомъ и подалъ его садовнику, говоря:

— На, возьми это! Я скупаю у тебя всѣ твои лиліи. Однако не пугайся; все останется при тебѣ: и куртина, и луковицы, и листья, и цвѣты.

— Но какой же товаръ желаете вы тогда у меня купить?

— Ты долженъ только доставлять мнѣ каждое воскресенье, сколько я потребую, цвѣтовъ для украшенія главнаго алтаря въ соборѣ. Доволенъ ли ты теперь?

— Конечно, владыко! Какая честь для моего сада! Фульруна будетъ постоянно приносить вамъ ихъ только что срѣзанными со стебля. Однако, напрасно дали вы мнѣ столько денегъ. Вѣдь не долго придется доставлять вамъ лиліи. Много ли недѣль простоитъ еще міръ?

— Вотъ потѣха!—проворчалъ про себя Зупфо.—Они всѣ твердо вѣрятъ въ эту глупость!

— Ну, считай что мы съ тобой квиты до тѣхъ поръ, пока стоитъ міръ, и вюрцбургскій соборъ, и твои лиліи.

— Хорошо, отлично! Только...

— Что еще наводитъ на тебя сомнѣніе, старикъ?

— А если свѣтопреставленіе случится какъ разъ въ воскресный день?...

— Ну, такъ что же?

— Тогда,—въ глубокомъ волненіи воскликнулъ Вартольдъ,—ужъ извините меня, преосвященный: я отдамъ предпочтеніе небу передъ вашимъ алтаремъ! Послѣднія, выращенныя мною здѣсь лиліи я возьму съ собой на тотъ свѣтъ, чтобы тамъ

украсить ими непорочное чело праведниковъ. Въ особенности мнѣ хочется увѣнчать одну...

Голосъ садовника пресѣкся; глаза наполнились слезами.

— Перестань, Вартольдъ, мой мальчикъ, перестань!— утѣшала его слѣпая.—Не надо плакать. Вѣдь ты скоро свидишься со своей доброй женою Фридлиндой. И ты еще не такъ давно лишился ея, какъ я моего Курта. Она умерла, подаривши ему нашу милую, негодную Фульруну, г-нъ епископъ. Съ того дня прошло всего пятнадцать лѣтъ. Конечно, мой внукъ еще не можетъ опомниться отъ своего горя.

— Только пятнадцать лѣтъ!—беззвучно повторилъ графъ Генрихъ.—И Вартольдъ не можетъ забыть жены... А между тѣмъ онъ лишь похоронилъ ее, но не потерялъ сердца любимой женщины,—тихо продолжалъ про себя епископъ.—Да и можетъ ли наконецъ мужчина потерять женское сердце, которое ему однажды отдалось? Пожалуй, я только воображаю, что меня постигла такая потеря. *У нея* нѣтъ сердца, или же я никогда имъ не владѣлъ!

— Что съ вами, владыка?—спросила слѣпая. — Вы какъ будто страдаете! Я слышу ваши тяжелые вздохи.

Зупфо дернулъ ее за рукавъ, чтобъ она замолчала.

Но графъ Ротенбургъ уже успѣлъ оправиться.

— Прощайте, добрые люди! Вскорѣ я опять навѣщу васъ. Возлѣ твоихъ цвѣтовъ, Вартольдъ, вѣетъ такимъ спокойствіемъ. Я буду молиться о вашемъ спасеніи, а вы помолитесь, чтобъ Господь ниспослалъ миръ моей душѣ еще здѣсь, по эту сторону могилы. Пойдемъ, Зупфо! Пора домой. Пора въ свое уединеніе.

И епископъ торопливыми шагами вышелъ изъ садика.

XIX.

Рядомъ съ епископскимъ дворцомъ находился домъ поменьше, — также составлявшій часть церковнаго имущества. Здѣсь, еще при жизни дяди и предшественника епископа Генриха, поселилась Эдель подъ охраной фрау Мальвины, пожилой вдовы, служившей много лѣтъ въ семействѣ графовъ Ротенбурговъ. Сюда же теперешній епископъ помѣстилъ и

свою племянницу, Миннегарду, гостившую въ Вюрцбургѣ до поступленія въ общину съ полумонашескимъ уставомъ, гдѣ ей предстояло готовиться къ монастырской жизни. Молодыя дѣвушки были дружны съ дѣтства.

На этихъ дняхъ, дядя предупредилъ Миннегарду, что ея участь должна рѣшиться вскорѣ, и потому она не безъ смущенія ожидала его прихода къ ужину въ скромной, лишенной всякихъ украшеній, комнатѣ своего деревяннаго домика.

Однако, вмѣсто епископа, явился шутникъ-подчашій съ отказомъ.

— Г-нъ Гецило вернулся съ прогулки совсѣмъ разстроенный и печальный, — доложилъ, неодобрительно покачивая головою, преданный слуга. — Онъ приказалъ подать себѣ на ужинъ только сухаго хлѣба съ водой; то и другое было велѣно мнѣ принести въ библіотеку. Насчетъ хлѣба я еще послушался. Но вода? Ее послалъ я со смотрителемъ колодца и велѣлъ сказать владыкѣ, что такой напитокъ не по моей части. О, я предвижу заранѣе, что мой господинъ опять не будетъ спать всю ночь. Теперь онъ ходитъ по комнатѣ туда и сюда, и напѣваетъ себѣ подъ носъ... только не молитву! Первыя слова мнѣ удалось подслушать. Кажется это изъ старинной пѣсни, которую пѣлъ однажды господинъ Фулько:

„Не огонь и не ядъ то бушуетъ въ крови“.

Ну, а ужь дальше я ничего не разобралъ.—Прекраснѣйшая юнгфрау Миннегарда! — воскликнулъ Зупфо, подходя ближе къ дѣвушкѣ,—говорю вамъ: если такъ будетъ продолжаться, то г-нъ епископъ не выдержитъ. Подумайте только: онъ не спитъ по ночамъ, не ѣстъ—впрочемъ, ѣда постоянно была у него послѣднимъ дѣломъ! — и не пьетъ ужь нынче ничего. А если, къ довершенію бѣдствія, еще и вы покинете насъ,—вмѣстѣ съ вами исчезнетъ послѣдній солнечный лучъ изъ нашего дома. Вамъ все таки удавалось иногда своей шутливостью вызывать улыбку на печальное лицо моего господина. Да и кого вы не развеселите своимъ милымъ обращеніемъ!

— Да, мой вѣрный Зупфолейнъ, мнѣ ужасно жаль дорогаго дядю,—отвѣчала со вздохомъ прелестная дѣвушка, уби-

рая съ накрытаго ея руками стола серебряную тарелку и золотой кубокъ епископа.

„Какъ она граціозна!“ подумалъ подчашій, знатокъ женской красоты, когда Миннегарда приподнялась на носкахъ, чтобы дотянуться до поставца съ посудой, прибитаго къ стѣнѣ, выложенной квадратами липоваго дерева. Она обернулась къ толстяку съ лукавой улыбкой:

— Я знаю, вы отвели мнѣ уголокъ въ своемъ преданномъ сердцѣ и въ своихъ разумныхъ мысляхъ, добрѣйшій Зупфо, насколько мой дядя и вино оставили тамъ свободнаго мѣста. Прошу васъ, налейте немного масла въ лампу изъ того кувшинчика. Вѣдь эта лампа изъ Византіи и, вѣроятно, подарена императрицей Ѳеофаніей? Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось бы ее видѣть! Я увѣрена... Не правда ли, вѣдь она была небыкновенно хороша собою?

— Пожалуй, даже красивѣе васъ, а это что нибудь да значитъ. Только Ѳеофанія уступаетъ вамъ въ привлекательности. Она скорѣй похожа на мраморныхъ богинь, видѣнныхъ мною въ Римѣ.

— Ну, что вы! Какъ видно, эта прекрасная дѣвушка, любившая блескъ и роскошь, была не изъ камня, по крайней мѣрѣ, относительно нѣкоторыхъ лицъ!.. Да и найдется ли женщина съ каменнымъ сердцемъ? Неужели вы, опытный человѣкъ, полагаете, напримѣръ, что я по доброй волѣ иду въ монастырь?

— Ахъ, ужь не говорите! Это настоящій позоръ для всего германскаго юношества! — воскликнулъ толстякъ, побагровѣвъ въ лицѣ.—Ой, будь я однимъ изъ молодыхъ дворянчиковъ, которые съ важностью разъѣзжаютъ по Вюрцбургу и кичатся своей рыцарской доблестью, я непремѣнно перехватилъ бы васъ по дорогѣ къ этимъ плаксивымъ монахинямъ или выкралъ бы даже изъ-за монастырской ограды, какъ ради вашего благополучія, такъ и ради...

— Самого себя, конечно? Послушайте, вы становитесь положительно опасны въ своемъ участіи ко мнѣ! Я сейчасъ позову защитницу да еще какую строгую! Поди сюда, Эдель, поди поскорѣе! Явись, праведница, и огради меня отъ навѣтовъ этого толстаго демона! Намъ, бѣдняжкамъ, опять придется ужинать въ одиночествѣ.

— Вы зовете юнгфрау Эдель?—прошепталъ Зупфо.—Ну, она меня сейчасъ же выживетъ отсюда, потому что я сердечно люблю юношу Гельмута. Подумаешь только: такъ бѣлокура, такъ прекрасна и до такой степени лишена здраваго смысла!

Съ этими словами толстякъ исчезъ.

XX.

ВСТКИНСКОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ БИБЛІОТЕКИ

Не получивъ отвѣта на свой зовъ, Миннегарда откинула малиновый занавѣсъ, отдѣлявшій комнату слѣва отъ столовой. Здѣсь, при тускломъ свѣтѣ висячей лампы, она увидѣла свою подругу на колѣняхъ передъ аналоемъ. Эдель крѣпко сжимала тонкія бѣлыя руки, погрузившись въ горячую молитву и не сводя пристальнаго взгляда съ темнаго креста, стоявшаго противъ нея. Эта святыня была изъ Іерусалима; епископъ Генрихъ пріобрѣлъ ее въ Монте-Кассино и привезъ въ Вюрцбургъ.

Странная дѣвушка торопливо встала, поправила складки широкой темносиней одежды и вышла въ переднюю комнату. Миннегарда встрѣтила ее легкимъ покачиваньемъ головы.

— Епископъ не придетъ!—со вздохомъ объявила она.—Значитъ, мы не увидимъ сегодня и его молодой свиты, которую онъ приводитъ иногда съ собою.

— Тѣмъ лучше!—отвѣчала Эдель, сдвигая темныя брови.

— Ты думаешь только о себѣ,—замѣтила ея двоюродная сестра, отворяя шкафчикъ, вдѣланный въ стѣнѣ, и доставая оттуда блюда и тарелки.

— Прости!—мягко сказала Эдель.—Съ моей стороны это было себялюбіемъ.—Она взяла подругу за руку и стала помогать ей разставлять посуду.—Повѣрь, я охотно предоставляю тебѣ удовольствіе видѣться съ рыцаремъ Ивоннскимъ. Очевидно, ты очень любишь его общество. Я не хочу мѣшать вашимъ встрѣчамъ, хотя не могу не сожалѣть о томъ, что ты увлекаешься имъ.

— Ну, хорошо!.. Садись скорѣй за столъ, милая Эдель. Не оставаться же намъ безъ ужина! Завтра, вѣдь, снова постный день по поводу рожденія или смерти какого-то очень

благочестиваго мужа, жившаго нѣсколько столѣтій назадъ. Право, ихъ такъ много, что нѣтъ возможности запомнить всѣ имена. Кушай, пожалуйста. Вотъ отличное жаркое изъ мяса дикой серны. Надѣюсь, оно не будетъ тебѣ противно ради того, что эта дичь застрѣлена ненавистнымъ тебѣ Фулько. Скажи на милость, отчего ты перенесла свою ненависть съ того... другаго.. —не бойся: я не произнесу его имени!—на бѣднаго пѣвца-провансальца?

— Я вовсе не сержусь на рыцаря Фулько.

— Но онъ тебѣ не нравится?

— Не скажу этого! При всей своей бойкости, онъ все таки..

Эдель замялась.

— Почему жь ты сожалѣешь, что его общество доставляетъ мнѣ удовольствіе?

— Почему?.. Я боюсь, моя милая дурочка, что дѣло зайдетъ между вами дальше невинной болтовни и веселыхъ шутокъ.

— А еслибъ между нами было что нибудь серьезное?— быстро спросила Миннегарда.

— О, моя дорогая! Вотъ это и пугаетъ меня. Подумай хорошенько, чѣмъ должно кончиться ваше знакомство. Ты поступишь въ монастырь съ несвободнымъ сердцемъ, потому что въ немъ будетъ образъ мужчины. Взвѣсила ли ты все это, какъ слѣдуетъ?

Прекрасное личико веселой дѣвушки сдѣлалось вдругъ не обыкновенно серьезнымъ, и это благородное выраженіе шло къ ней еще больше милой шаловливости.

— Да, Эдель, я все взвѣсила!—съ удареніемъ, не спѣша, произнесла она.—Часто, долго и глубоко обдумывала я свое положеніе, чтобъ остановиться на одной отрадной мысли; съ тѣхъ поръ я стала чувствовать себя спокойнѣе и счастливѣе. Пускай родные навязываютъ мнѣ судьбу, противъ которой возмущается все мое существо. Они могутъ насильно заключить въ тѣсныя стѣны монастыря только мое тѣло, но душа останется свободной. Пускай я буду лишена всѣхъ прочихъ радостей жизни, которыхъ такъ страстно жаждетъ мое сердце, мнѣ останется единственное счастье — мысленно переживать свое прошедшее. Этого никто не можетъ у меня отнять. Не смотря ни на что, я буду носить въ душѣ прелестный образъ

Фулько, любить его и сознавать, что я горячо любима имъ взаимно. И благо мнѣ: любовь къ нему—сама по себѣ необъятное счастье!

Эта восторженная рѣчь была неожиданно прервана громкимъ рыданіемъ Эдели. Ручьи слезъ хлынули у нея изъ глазъ; она закрыла руками блѣдное худощавое личико, прислонилась головой къ спинкѣ кресла и произнесла, вздыхая:

— Миннегарда, ты, право, достойна зависти!

При этихъ словахъ, молодая дѣвушка вскочила въ испугѣ. Никогда еще, сдержанная до жосткости и наружно холодная, Эдель не выражала такъ открыто волновавшихъ ее чувствъ.

— Дорогая моя! — воскликнула будущая монахиня, опускаясь передъ нею на медвѣжью шкуру, покрывавшую глиняный полъ, и обнимая подругу за талію,—что съ тобой? Выскажись, наконецъ, откровенно! Оставь свое упорное гордое молчаніе. Тебѣ также больно, какъ и мнѣ. Довѣрь свое горе моему преданному сердцу. Тебѣ будетъ легче. Все равно, я подозрѣваю съ нѣкоторыхъ поръ твою тайну. Вѣдь мы прожили вмѣстѣ много недѣль и мѣсяпевъ...

— Не называй его! — вымолвила сквозь зубы Эдель, въ жестокой борьбѣ съ собою.

— Вѣдь я видѣла, какъ постепенно таяла ледяная кора даже твоего черезчуръ гордаго сердца. И тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что этотъ юноша...

— Ахъ, не расхваливай его! Все это оказывается ложью!— съ горечью и безконечной сердечной болью вырвалось у Эдели.

— Вздоръ! Онъ вполнѣ достойный рыцарь. Есть ли, кромѣ него—нѣтъ, лучше сказать: *былъ ли*, кромѣ него, болѣе прелестный юный герой среди блондиновъ? И можно ли представить себѣ что нибудь милѣе твоего обожателя,—конечно, если сердце не занято кѣмъ нибудь другимъ съ темными кудрями? Какъ хвалилъ его епископъ! Да и тебѣ нравилось благородство Гогенгорста. Его характеръ такъ подходилъ къ твоему замкнутому, гордому, желѣзному нраву. Вы составляли такую же удачную пару, какъ я... съ другимъ. И наконецъ, при всей твоей неприступности, ты стала благосклонно принимать его деликатное, сдержанное, нѣжное ухаживанье.

— Деликатное, сдержанное, нѣжное!

Эдель отняла руки отъ лица; ея сѣрые глаза метали молніи гнѣва; ноздри вздрагивали.

— И вдругъ, послѣ турнира въ Вормсѣ,—продолжала Миннегарда, — вы вернулись обо сами не свои. Онъ послѣ такой славной побѣды казался подстрѣленнымъ на смерть оленемъ, а ты напоминала гнѣвную богиню охоты, о которой писалъ Овидій свои интересныя сказанія, переложенныя для насъ веселымъ провансальцемъ на нѣмецкій языкъ. Но до сихъ поръ бѣдный влюбленный ищетъ твоего взгляда, не смотря на то, что ты обходишься съ нимъ такъ жестоко. Я, право, не понимаю твоей суровости. Подумай, что̀ будетъ, если въ самомъ дѣлѣ вскорѣ наступитъ конецъ міра!

Легкая дрожь пробѣжала по нѣжнымъ членамъ Эдели; ея гнѣвныя черты омрачились печалью. Эта перемѣна не укрылась отъ проницательной Миннегарды.

— Чѣмъ бы ни заслужилъ Гельмутъ твой гнѣвъ, неужели ты перейдешь въ вѣчность, не примиренная съ нимъ? — спросила она.

Гордая дѣвушка молчала, опустивъ длинныя рѣсницы.

— Неужели съ обидой и злобой въ сердцѣ противъ безгранично преданнаго тебѣ человѣка хочешь ты предстать передъ всевышнимъ Судіею, передъ Христомъ, который простилъ даже своихъ убійцъ? О, Эдель, уже не въ первый разъ я застаю тебя въ неурочное время за молитвой. Если ты такъ набожна, то вспомни, какъ училъ насъ Спаситель молиться: „Остави намъ дȯлги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ“. Какъ бы горячо ты ни молилась, но это прошеніе молитвы господней позабывала.

— Ахъ, нѣтъ! Я молилась—и какъ часто!—за него.

— Эдель, какъ ты добра!

— Причемъ тутъ доброта? Моя молитва была одно высокомѣріе. Теперь я вижу это. Твои истинно благочестивыя слова заставили меня опомниться. Я постоянно молилась только... о томъ...

— Ну?

— Чтобы Господь простилъ его вину передо мною.

— А ты прибавляла: какъ я, Эдель, прощаю ему?

Пристыженная дѣвушка склонила голову на волнующуюся грудь. Миннегарда ласково приподняла ея лицо за подбородокъ.

— Ты молчишь, маленькая упрямица?

— Я... я не хочу... чтобъ Господь гнѣвался на него и наказалъ изъ-за меня.

— Но ты сама продолжаешь сердиться и карать бѣднаго Гельмута. Прости ему прежде Бога. Разрѣши его вину.

— Я... не могу... не хочу...

— Потому что ты его не любишь. Ты вообще неспособна любить.

Эдель взглянула въ упоръ на свою подругу, и ея сѣрые глаза опять метнули молнію.

— Ты полагаешь?

— Еще разъ говорю: одумайся. Очень можетъ случиться, что всему настанетъ конецъ. Если я буду знать объ этомъ навѣрное...

— Ну, что же ты сдѣлаешь тогда?

— Что сдѣлаю? — Миннегарда съ живостью вскочила съ полу.—Видишь ли: я еще не рѣшилась окончательно, знаю только, что въ послѣдній день этой жизни я дамъ волю своему горячему сердцу, не заботясь объ осужденіи свѣта. Все равно, и людскому презрѣнію настанетъ скорый конецъ.

— Дитя, ты вся въ огнѣ! Что̀ такое бушуетъ въ твоемъ сердцѣ? Что̀ не даетъ тебѣ покою?

Не отвѣчая на вопросъ, Миннегарда въ сильномъ волненіи продолжала ходить взадъ и впередъ по тѣсной комнатѣ. Она подняла къ небу красивыя полныя руки и глубоко перевела духъ.

— Съ неудовлетворенностью въ душѣ,—заговорила наконецъ молодая дѣвушка,—съ неутоленнымъ пыломъ въ крови, съ тоской о чемъ-то—я даже хорошенько не знаю, о чемъ!—ну, наконецъ, о любви, о сладкомъ блаженствѣ взаимности, съ этой невыносимой пустотой въ груди—вдругъ перейти въ вѣчность, гдѣ нельзя уже ни любить, ни выйти замужъ... ни цѣловаться! Не узнать никогда, какое счастье приноситъ нѣжная страсть... Неужели таковъ мой удѣлъ? Нѣтъ, это слишкомъ печально!

Она вдругъ остановилась, какъ разъ противъ Эдели.

— А ты еще хочешь перенести по ту сторону гроба непримиримую ненависть къ человѣку, который любитъ тебя

до безумія. Неужели ты предстанешь передъ вѣчнымъ Судіею и будешь просить: „накажи его, Господи“!

— Нѣтъ, никогда! Вѣдь я прошу въ своихъ молитвахъ совершенно другаго.

— Тогда Судія скажетъ: „А ты прощаешь его? Какъ! вселенная уничтожена, но ненависть этой дѣвушки все еще живетъ“.

Эдель быстро поднялась со стула.

— Оставь меня, ради Бога; я не могу иначе! Пусти меня бороться съ собой, со своей гордостью на молитвѣ.. Пусти, я снова хочу молиться.

— Хорошо, сестра, молись. Пойди опять, повергнись ницъ передъ крестомъ всепрощающаго искупителя. Гельмутъ Гогенгорстъ — рыцарь безъ упрека. Онъ не могъ совершить ничего такого, чему нѣтъ прощенія. Я также стану молиться, но о томъ, чтобы милосердый Богъ простилъ не Гельмуту, а тебѣ твое злопамятство, твою непримиримую вражду.

XXI.

Въ тотъ же вечеръ, въ столовой нижняго этажа епископскаго дома, за круглымъ ясеневымъ столомъ сидѣлъ въ мрачной задумчивости Гельмутъ передъ нетронутой кружкой вина; облокотившись лѣвой рукой на столъ, онъ подпиралъ бѣлокурую голову рукою. Въ сѣняхъ послышались шаги; въ комнату вошелъ Фулько и сердито швырнулъ на скамью бархатный беретъ, украшенный перьями цапли.

— Опять неудача!—съ досадой воскликнулъ онъ.—Господину епископу снова вздумалось поститься; онъ отказался отъ ужина и обрекъ насъ на одинаковый подвигъ благочестія.

— Вотъ и не правда, осмѣлюсь вамъ возразить, рыцарь Ивоннскій!—со смѣхомъ перебилъ Зупфо, входя въ столовую съ серебрянымъ подносомъ, уставленнымъ разными кушаньями. Онъ присѣлъ къ столу и энергичнѣе всѣхъ набросился на холодное жаркое. — Поститься вамъ предстоитъ только относительно любви, благородный юноша, или точнѣе, говоря, относительно жаднаго созерцанія одной, можно сказать, не-

позволительно прекрасной дѣвицы. А что она до сихъ поръ не замужемъ, это не дѣлаетъ вамъ чести, господинъ рыцарь!

— Устройте мою свадьбу съ нею и я тотчасъ сдѣлаю васъ подчашимъ!—воскликнулъ провансалецъ, вторично наполняя свой оловянный кубокъ.

— У васъ мнѣ было бы меньше хлопотъ, чѣмъ здѣсь, — отвѣчалъ Зупфо, чокаясь съ нимъ.

— Почему?

— Нашъ погребъ былъ бы постоянно пустъ, потому что вы страдаете неутолимой жаждой. А скажите, пожалуйста, куда запропалъ благородный юноша Бландинъ? Обыкновенно онъ любилъ заглядывать къ вамъ въ вечернюю пору. Гдѣ онъ бѣгаетъ въ такіе поздніе часы?

— Гдѣ бѣгаетъ, о томъ не знаю, но можно съ достовѣрностью сказать, что смазливый итальянецъ опять гоняется за женской юбкой. Печальная слабость!

— Все же онъ славный малый.

— Неглупый и не трусъ.

— Это вѣрно.

— Его губитъ проклятое тщеславіе!

— И влюбчивость! Онъ не можетъ равнодушно видѣть хорошенькаго личика.

— Едва ли онъ серьезно увлекается самъ. Скорѣе этотъ юноша слишкомъ занятъ собою и полагаетъ, что ни одна дѣвушка не устоитъ противъ него. Еще бы: венеціанецъ, сынъ дожа, красивый малый!.. Вѣдь онъ, дѣйствительно, красивъ собою. Только бы пріучить его хорошенько драться,—изъ Бландина выйдетъ рыцарь хоть куда!

— А до тѣхъ поръ черезъ, годикъ—другой, и гадкая Рунель перестанетъ быть ребенкомъ. Посмотримъ однако; пожалуй, тогда чернокудрый красавецъ вытѣснитъ изъ ея своенравнаго сердечка лохматаго Шнуфа.

— Ну, что тамъ толковать о томъ, что̀ случится черезъ два-три года, если недѣльки черезъ двѣ можетъ наступить свѣтопреставленіе! Скажите-ка мнѣ, хитрый Зупфо, что̀ вы думаете насчетъ страшнаго суда, и какъ намѣрены примириться со своею совѣстью?

— Я? — разсмѣялся толстякъ, кладя въ ротъ огромный

кусокъ жаркого изъ дикой козы.—У меня самая лучшая совѣсть, какую я только встрѣчалъ у людей.

— Какимъ это образомъ.

— Да, она предобрая, добрѣе вашего воронаго, господинъ Фулько; тотъ все таки иногда кусается, а моя совѣсть никогда не мучитъ меня угрызеніями. Я могу многое дѣлать ей наперекоръ, пока она оскалитъ зубы для острастки, но до настоящихъ-то угрызеній все таки дѣло не доходитъ. А что касается свѣтопреставленія... — Зупфо поднесъ къ носу кубокъ.—(Великолѣпный ароматъ у этого бѣлаго вина!) Насчетъ свѣтопреставленія—такъ это все одинъ вздоръ!

— Зупфо!

Даже Гельмутъ вышелъ изъ своей грустной задумчивости и бросилъ на толстяка вопросительный взглядъ.

Но тотъ невозмутимо сморщилъ красный носъ, скривилъ ротъ, какъ во время пробы вина, и продолжалъ съ разстановкой:

— Нѣтъ, я больше васъ разсчитываю на долготерпѣніе Создателя. Онъ слишкомъ милосердъ, чтобъ ни за что погубить своихъ тварей.

— Но если самъ папа утверждаетъ это? — спросилъ Гельмутъ.

— Да развѣ онъ уже сказалъ что нибудь навѣрное? Нѣтъ еще! А еслибы даже и сказалъ...

— Ну, такъ что жь тогда?—допытывался Фулько.—Послѣ его словъ, не можетъ быть уже никакихъ сомнѣній. Тогда, значитъ, все доказано.

— Доказано только то, что самъ онъ вѣритъ въ близость общей гибели, но больше ничего!—заключилъ Зупфо, опуская металлическій кубокъ на столъ съ такою силой, что тотъ зазвенѣлъ.—А я вотъ вовсе не думаю, чтобы мудрый и великій властитель міра погубилъ насъ, грѣшныхъ. Мало ли во что люди вѣрятъ и какія небылицы выдумываютъ. Зачѣмъ Господу разрушать свое прекрасное твореніе? Вотъ у меня какая благодать въ виноградникахъ: на новой плантаціи, по склону Арфенберга, уже все отлично отцвѣло еще до Иванова дня. А нашъ великолѣпный штейнвейнъ? Вотъ такъ ужь выстоялся на славу, можно сказать. Пей—не хочу! И вдругъ свѣтопреставленіе! Да съ какой стати такая напасть? Впрочемъ, вы

оба; пожалуй, до того влюблены, что даже не расчухали настоящаго вкуса въ моемъ винѣ?..—Зупфо опять принялся смаковать, съ видомъ знатока, тонкій напитокъ, медленно пропуская его черезъ сложенныя трубочкой губы. — Вотъ такъ винцо! Пожалуй, оно даже слишкомъ хорошо для такихъ неопытныхъ юнцовъ, какъ ваша милость. — Берите съ меня примѣръ: я наслаждаюсь имъ безъ смущенія, потому что заручился отличнымъ средствомъ узнавать приближеніе грозы, землетрясеній и тому подобныхъ удовольствій. Меня такія вещи не застигнутъ врасплохъ, а ужь тѣмъ болѣе свѣтопреставленіе! У меня есть на этотъ случай такая пророчица, которой я больше вѣрю, чѣмъ семерымъ ученѣйшимъ попамъ.

— Вы Богъ знаетъ что говорите, Зупфо,—неодобрительно замѣтилъ Гельмутъ.

— Чтобъ вы могли заранѣе предугадать землетрясеніе! Никогда не повѣрю,—усомнился Фулько.

— А между тѣмъ это правда, г-нъ пѣвецъ! Не вы одни бродили по бѣлу свѣту съ вашей лютней. Ого! И мы также видали виды: помыкались довольно по чужимъ странамъ. Занесла насъ судьба, въ былые годы, подъ знаменемъ графа Ротенбурга въ Италію, во время геройскаго похода императора Оттона Рыжаго. Расположились мы лагеремъ противъ самаго Неаполя. Городъ прекрасный, но грязенъ безбожно да и жара тамъ невыносимая. Мы стояли у самыхъ городскихъ воротъ, защищая ихъ отъ нападенія сарациновъ. Насъ размѣстили не въ палаткахъ или деревянныхъ баракахъ, а въ крестьянскихъ хижинахъ, выстроенныхъ, изъ дикаго камня отъ фундамента до крыши. Напротивъ спокойно и безмятежно курилась огненная гора, Везувій, и мы такъ привыкли видѣть зарево надъ нею во мракѣ ночи, какъ свое дыханіе зимою. Хозяинъ мой—Гауденціо звали этого добраго малаго—имѣлъ кошечку, которую, по его словамъ, любилъ больше своей желтокожей усатой жены. „Да и какъ же иначе?“ бывало говаривалъ онъ. „Моя Лучія только царапается, но не ловитъ мышей, и сокращаетъ мнѣ жизнь, а Муція, хотя изрѣдка и царапаетъ—но не меня, а жену, которой попадаетъ за дѣло — зато умѣетъ ловить мышей и заботится о продолженіи моей жизни, мудрая пророчица!“

— Какимъ это образомъ?—спросилъ Фулько.

— Вотъ и я предложилъ въ то время Гауденціо тотъ же вопросъ (откуда слѣдуетъ, что вы очень умный мальчикъ!) „Итальянецъ погладилъ кошку; та замурлыкала отъ удовольствія и онъ отвѣчалъ:

„— У насъ здѣсь часто бываютъ землетрясенія и увѣряю васъ, Зупфоне, что это вовсе не пріятная штука, когда вамъ въ трезвомъ видѣ приходится качаться, какъ пьяному, потому что земля подъ вами качается, точно она сама выпила лишнее. И только вы зазѣвались и не успѣли выбѣжать на открытое мѣсто, васъ сейчасъ и прихлопнетъ крыша собственнаго дома, словно черепаху ея панцырь; тутъ ужь вы ни за что не выкарабкаетесь! Да и на памятникъ надгробный для васъ не придется разоряться родственникамъ! Ну, такъ вотъ, едва нашъ Везувій зашалитъ, возмутившись беззаконіями своихъ родимыхъ неаполитанцевъ, — хотя ему давно бы пора привыкнуть къ ихъ безобразіямъ за тысячелѣтнее существованіе города—моя Муція тотчасъ почуетъ бѣду и давай мяукать, точно ей приходится заработывать насущный хлѣбъ своимъ пѣніемъ. Мяукаетъ и мечется въ безпокойствѣ, отъ меня къ запертой двери и обратно, пока я не выду во дворъ вмѣстѣ съ нею. О Лучіи моей кошечкѣ и горя мало: на ту она не обращаетъ вниманія.

„— Ну, теперь мнѣ понятна ваша любовь къ смышленому животному,—замѣтилъ я.

— Хорошо. Этакъ дня черезъ два послѣ нашего разговора, будитъ меня Гауденціо посреди ночи. А я только разоспался мертвецкимъ сномъ, изрядно угостившись темнопурпурнымъ амальфитанскимъ виномъ. Сдернулъ онъ меня съ соломеннаго тюфяка да и толкаетъ въ двери. Съ просонковъ я чуть не закатилъ ему здоровой затрещины, а онъ какъ закричитъ: „кошка! кошка! Муція предупредила насъ“. Едва я успѣлъ опустить поднятую руку, какъ зашатался, точно не проспалъ еще свой хмѣль, а между тѣмъ былъ ужь трезвехонекъ. Тутъ раздался адскій трескъ. Я обернулся — глядь! — а каменный домишко итальянца лежитъ уже на брюхѣ, распластавшись, точно лягушка, которую переѣхали тяжелымъ возомъ. Несчастная Лучія была заживо погребена подъ развалинами. На слѣдующее утро, нашъ отрядъ выступилъ изъ Неаполя.

На прощанье Гауденціо, мой добрый хозяинъ, подарилъ мнѣ свою любимую кошечку. „На что мнѣ она теперь?“ сказалъ добрый малый, обливаясь слезами. „Каменнаго дома я больше не выстрою и другой жены не возьму. Лучія—вѣчная ей память! — была до того злющая баба, что другой такой не сыскать. А все же я горюю по ней. Подумай же, каково мнѣ было бы потерять добрую жену! Такъ на что мнѣ теперь кошка?“ Я съ радостью взялъ Муцію съ собой. Она путешествовала на моемъ вьюкѣ по всей Италіи, а потомъ я перенесъ ее черезъ горы къ себѣ на родину. Она не покидаетъ меня ни на минуту. Слышите ея мяуканье за дверьми? Иду, моя кошечка золотая, сейчасъ иду! Такъ вотъ видите: если Муція чуяла заранѣе каждое пустяшное изверженіе этого дряннаго Везувія и каждое ничтожное землетрясеньице, которое въ той странѣ такое же обычное дѣло, какъ у насъ чиханье при насморкѣ — да и здѣсь чуетъ всякую грозу, задолго до того времени, какъ изъ-за Королевскаго лѣса выплывутъ тучи,—то какъ же моей пророчицѣ не замѣтить, если вселенная готова разлетѣться въ куски?—Иду, сію минуту, моя красавица!—Вечеромъ, наканунѣ свѣтопреставленія, я заберу ее съ собою въ... ну, однимъ словомъ, въ такое мѣсто, гдѣ мы будемъ ближе всего къ земному ядру. Если она не станетъ безпокоиться, я тоже буду покоенъ. Мы не соскучимся съ ней вдвоемъ, потому что въ моемъ укромномъ уголкѣ для Муціи найдется много мышей, а для меня тоже тамъ есть кое-что привлекательное! Во всякомъ случаѣ, мы увидимся съ вами, молодые господа, или на томъ свѣтѣ, среди вѣчнаго блаженства, или же—что я предпочелъ бы на нѣкоторое время—въ сей юдоли плача. Но тогда, г-нъ Фулько, ужь вы должны, во что бы то ни стало — спѣть одну пѣсенку, которая особенно мнѣ понравилась изо всѣхъ вашихъ забавныхъ штучекъ!

— Которая это? Я знаю столько шутовскихъ куплетовъ, что многіе изъ нихъ могли прійтись вамъ по вкусу.

— Я говорю про ту застольную пѣсенку, гдѣ поется:

Надо выпить, друзья, надо жаждой своей
Удивить цѣлый міръ и природу:
Пусть земля намъ раститъ виноградныхъ вѣтвей
Все щедрѣй и щедрѣй годъ отъ году.

— Ну, перестань же мяукать, моя умница! Вѣдь я иду и несу тебѣ гостинца въ награду за твою понятливость. — Зупфо захватилъ съ собою для Муціи лакомый кусочекъ жаркого. — Спокойной ночи, господа. Желаю вамъ блаженныхъ сновъ. А вы, г-нъ Фулько, если увидите во снѣ что нибудь особенно вкусное, не позабудьте, пожалуйста, подѣлиться по пріятельски со мною.

Епископскій подчашій заковылялъ изъ комнаты и вскорѣ исчезъ за дверью.

XXII.

— Пріятный собесѣдникъ! — со смѣхомъ замѣтилъ Фулько. — Жаль одного, что я лишился на сегодня общества милой собесѣдницы. Безъ епископа, добродѣтельная хранительница невинности, эта шотландская вдова — какъ, бишь, ее зовутъ? — да, Мальвина, ни за что не пуститъ насъ къ себѣ черезъ порогъ въ вечернюю пору. А какъ мнѣ страстно хотѣлось бы увидѣть еще разъ милое, ясное, дорогое личико! Конечно, для моей пламенной любви одного созерцанія издали слишкомъ мало, клянусь въ томъ богиней Афродитой, но, говорятъ, когда дьяволу однажды очень захотѣлось пить, — за неимѣніемъ вина, онъ утолилъ жажду и водицей. Мы съ Миннегардой, тоже съ горя, принялись одно время за шахматы. А я и понятія-то объ нихъ не имѣлъ. Шахматная игра была для насъ, конечно, только предлогомъ подолгу сидѣть вдвоемъ и смотрѣть другъ другу въ глаза; наши пальцы случайно встрѣчались, когда мы передвигали фигуры. Надо же было дѣлать видъ, что мы играемъ. Но вотъ недавно епископъ Генрихъ подошелъ къ нашему шахматному столику, въ нишѣ библіотеки, и спросилъ: „Ну, какъ ваша игра?“ Святая Эвлалія Барцелонская! Что намъ было отвѣчать? А мы просидѣли въ уютномъ уголкѣ цѣлыхъ три часа, прозѣвавши вечерню, и сдѣлали только первый ходъ. Между тѣмъ плутовка Миннегарда незамѣтно успѣла стащить съ доски моего короля свободной рукою, пока я пожималъ ея другую руку и нѣжно заглядывалъ ей въ лицо. Шалунья опустила свой трофей въ опорожненный золотой кубокъ, гдѣ злополучный король и оставался въ заключеніи. Епископъ съ улыбкой освободилъ его изъ темницы, поставилъ на мѣсто и спросилъ: „вѣроятно, это у васъ ужь не первая партія?“ По-

томъ, не дожидаясь моего отвѣта, онъ отошелъ прочь, чтобъ не вынуждать у меня напрасной лжи. Какое добрѣйшее сердце! Навѣрно, графъ Ротенбургъ и самъ былъ молодъ и пылокъ когда-то... А императрица Ѳеофанія была еще моложе его годами...

— Будь осторожень,—предостерегъ провансальца Гельмутъ,—въ коридорѣ слышенъ отсюда громкій разговоръ.

— Ну!—разсмѣялся Фулько,—объ этомъ шепчутъ на ухо отъ Даневирке до Салерно! Вѣдь императрица была вдова. Какая славная пара вышла бы изъ нихъ!—Но я опять возвращаюсь къ нашей шахматной игрѣ. Она оказывала намъ услуги еще другаго рода. Я ловко подсовывалъ подъ доску листики пергамента со стихами въ честь моей красавицы, а Миннегарда незамѣтно вытягивала ихъ своими тонкими бѣлыми пальчиками съ противоположной стороны, чтобъ сейчасъ же скрыть въ своемъ широкомъ рукавѣ. Теперь мои бѣдныя риѳмы должны опять слушать обѣдню.

— Какъ же это?

— Очень просто! Завтра поутру въ церкви мнѣ снова придется держать ихъ предъ хорошенькимъ носикомъ моей возлюбленной, а она станетъ пѣть по нимъ латинскіе псалмы. Только это штука—опасная. Прошлый разъ, зубоскалъ венеціанецъ вздумалъ стать позади меня и все заглядывалъ черезъ мое плечо въ молитвенникъ Миннегарды. Ему удалось прочесть нѣсколько строчекъ. Вотъ послѣ обѣдни онъ и спрашиваетъ меня съ лукавымъ видомъ, ужь не перевелъ ли я на нѣмецкій языкъ Пѣснь пѣсней Соломона. Недурно, а? Да разсмѣйся же, наконецъ, Гельмутъ! Или хоть выпей, по крайней мѣрѣ! Давай чокнемся: За владычицу-любовь!

Однако Гельмутъ, качая головой, отставилъ въ сторону свой кубокъ.

— Ну, если не хочешь бесѣдовать, такъ слушай. Вѣдь ты всегда охотно слушалъ мои стихи.

— Конечно, другъ, потому что тебѣ дано высказывать ими то, что я могу только перечувствовать и выстрадать въ глубинѣ души. Хотя мнѣ и больно всякое напоминаніе о счастьѣ взаимной любви, но въ этой мукѣ скрыта горькая отрада. Начинай же, прошу тебя!

Эдель отняла руки отъ лица; ея сѣрые глаза метали молніи гнѣва; ноздри вздрагивали.

— И вдругъ, послѣ турнира въ Вормсѣ,—продолжала Миннегарда, — вы вернулись обо сами не свои. Онъ послѣ такой славной побѣды казался подстрѣленнымъ на смерть оленемъ, а ты напоминала гнѣвную богиню охоты, о которой писалъ Овидій свои интересныя сказанія, переложенныя для насъ веселымъ провансальцемъ на нѣмецкій языкъ. Но до сихъ поръ бѣдный влюбленный ищетъ твоего взгляда, не смотря на то, что ты обходишься съ нимъ такъ жестоко. Я, право, не понимаю твоей суровости. Подумай, что̀ будетъ, если въ самомъ дѣлѣ вскорѣ наступитъ конецъ міра!

Легкая дрожь пробѣжала по нѣжнымъ членамъ Эдели; ея гнѣвныя черты омрачились печалью. Эта перемѣна не укрылась отъ проницательной Миннегарды.

— Чѣмъ бы ни заслужилъ Гельмутъ твой гнѣвъ, неужели ты перейдешь въ вѣчность, не примиренная съ нимъ? — спросила она.

Гордая дѣвушка молчала, опустивъ длинныя рѣсницы.

— Неужели съ обидой и злобой въ сердцѣ противъ безгранично преданнаго тебѣ человѣка хочешь ты предстать передъ всевышнимъ Судіею, передъ Христомъ, который простилъ даже своихъ убійцъ? О, Эдель, уже не въ первый разъ я застаю тебя въ неурочное время за молитвой. Если ты такъ набожна, то вспомни, какъ училъ насъ Спаситель молиться: „Остави намъ дȯлги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ“. Какъ бы горячо ты ни молилась, но это прошеніе молитвы господней позабывала.

— Ахъ, нѣтъ! Я молилась—и какъ часто!—за него.

— Эдель, какъ ты добра!

— Причемъ тутъ доброта? Моя молитва была одно высокомѣріе. Теперь я вижу это. Твои истинно благочестивыя слова заставили меня опомниться. Я постоянно молилась только... о томъ...

— Ну?

— Чтобы Господь простилъ его вину передо мною.

— А ты прибавляла: какъ я, Эдель, прощаю ему?

Пристыженная дѣвушка склонила голову на волнующуюся грудь. Миннегарда ласково приподняла ея лицо за подбородокъ.

— Ты молчишь, маленькая упрямица?

— Я... я не хочу... чтобъ Господь гнѣвался на него и наказалъ изъ-за меня.

— Но ты сама продолжаешь сердиться и карать бѣднаго Гельмута. Прости ему прежде Бога. Разрѣши его вину.

— Я... не могу... не хочу...

— Потому что ты его не любишь. Ты вообще неспособна любить.

Эдель взглянула въ упоръ на свою подругу, и ея сѣрые глаза опять метнули молнію.

— Ты полагаешь?

— Еще разъ говорю: одумайся. Очень можетъ случиться, что всему настанетъ конецъ. Если я буду знать объ этомъ навѣрное...

— Ну, что же ты сдѣлаешь тогда?

— Что сдѣлаю? — Миннегарда съ живостью вскочила съ полу.—Видишь ли: я еще не рѣшилась окончательно, знаю только, что въ послѣдній день этой жизни я дамъ волю своему горячему сердцу, не заботясь объ осужденіи свѣта. Все равно, и людскому презрѣнію настанетъ скорый конецъ.

— Дитя, ты вся въ огнѣ! Что̀ такое бушуетъ въ твоемъ сердцѣ? Что̀ не даетъ тебѣ покою?

Не отвѣчая на вопросъ, Миннегарда въ сильномъ волненіи продолжала ходить взадъ и впередъ по тѣсной комнатѣ. Она подняла къ небу красивыя полныя руки и глубоко перевела духъ.

— Съ неудовлетворенностью въ душѣ,—заговорила наконецъ молодая дѣвушка,—съ неутоленнымъ пыломъ въ крови, съ тоской о чемъ-то—я даже хорошенько не знаю, о чемъ!—ну, наконецъ, о любви, о сладкомъ блаженствѣ взаимности, съ этой невыносимой пустотой въ груди—вдругъ перейти въ вѣчность, гдѣ нельзя уже ни любить, ни выйти замужъ... ни цѣловаться! Не узнать никогда, какое счастье приноситъ нѣжная страсть... Неужели таковъ мой удѣлъ? Нѣтъ, это слишкомъ печально!

Она вдругъ остановилась, какъ разъ противъ Эдели.

— А ты еще хочешь перенести по ту сторону гроба непримиримую ненависть къ человѣку, который любитъ тебя

до безумія. Неужели ты предстанешь передъ вѣчнымъ Судіею и будешь просить: „накажи его, Господи“!

— Нѣтъ, никогда! Вѣдь я прошу въ своихъ молитвахъ совершенно другаго.

— Тогда Судія скажетъ: „А ты прощаешь его? Какъ! вселенная уничтожена, но ненависть этой дѣвушки все еще живетъ“.

Эдель быстро поднялась со стула.

— Оставь меня, ради Бога; я не могу иначе! Пусти меня бороться съ собой, со своей гордостью на молитвѣ.. Пусти, я снова хочу молиться.

— Хорошо, сестра, молись. Пойди опять, повергнись ницъ передъ крестомъ всепрощающаго искупителя. Гельмутъ Гогенгорстъ — рыцарь безъ упрека. Онъ не могъ совершить ничего такого, чему нѣтъ прощенія. Я также стану молиться, но о томъ, чтобы милосердый Богъ простилъ не Гельмуту, а тебѣ твое злопамятство, твою непримиримую вражду.

XXI.

Въ тотъ же вечеръ, въ столовой нижняго этажа епископскаго дома, за круглымъ ясеневымъ столомъ сидѣлъ въ мрачной задумчивости Гельмутъ передъ нетронутой кружкой вина; облокотившись лѣвой рукой на столъ, онъ подпиралъ бѣлокурую голову рукою. Въ сѣняхъ послышались шаги; въ комнату вошелъ Фулько и сердито швырнулъ на скамью бархатный беретъ, украшенный перьями цапли.

— Опять неудача!—съ досадой воскликнулъ онъ.—Господину епископу снова вздумалось поститься; онъ отказался отъ ужина и обрекъ насъ на одинаковый подвигъ благочестія.

— Вотъ и не правда, осмѣлюсь вамъ возразить, рыцарь Ивоннскій!—со смѣхомъ перебилъ Зупфо, входя въ столовую съ серебрянымъ подносомъ, уставленнымъ разными кушаньями. Онъ присѣлъ къ столу и энергичнѣе всѣхъ набросился на холодное жаркое. — Поститься вамъ предстоитъ только относительно любви, благородный юноша, или точнѣе, говоря, относительно жаднаго созерцанія одной, можно сказать, не-

позволительно прекрасной дѣвицы. А что она до сихъ поръ не замужемъ, это не дѣлаетъ вамъ чести, господинъ рыцарь!

— Устройте мою свадьбу съ нею и я тотчасъ сдѣлаю васъ подчашимъ!—воскликнулъ провансалецъ, вторично наполняя свой оловянный кубокъ.

— У васъ мнѣ было бы меньше хлопотъ, чѣмъ здѣсь, — отвѣчалъ Зупфо, чокаясь съ нимъ.

— Почему?

— Нашъ погребъ былъ бы постоянно пустъ, потому что вы страдаете неутолимой жаждой. А скажите, пожалуйста, куда запропалъ благородный юноша Бландинъ? Обыкновенно онъ любилъ заглядывать къ вамъ въ вечернюю пору. Гдѣ онъ бѣгаетъ въ такіе поздніе часы?

— Гдѣ бѣгаетъ, о томъ не знаю, но можно съ достовѣрностью сказать, что смазливый итальянецъ опять гоняется за женской юбкой. Печальная слабость!

— Все же онъ славный малый.

— Неглупый и не трусъ.

— Это вѣрно.

— Его губитъ проклятое тщеславіе!

— И влюбчивость! Онъ не можетъ равнодушно видѣть хорошенькаго личика.

— Едва ли онъ серьезно увлекается самъ. Скорѣе этотъ юноша слишкомъ занятъ собою и полагаетъ, что ни одна дѣвушка не устоитъ противъ него. Еще бы: венеціанецъ, сынъ дожа, красивый малый!.. Вѣдь онъ, дѣйствительно, красивъ собою. Только бы пріучить его хорошенько драться,—изъ Бландина выйдетъ рыцарь хоть куда!

— А до тѣхъ поръ черезъ, годикъ—другой, и гадкая Рунель перестанетъ быть ребенкомъ. Посмотримъ однако; пожалуй, тогда чернокудрый красавецъ вытѣснитъ изъ ея своенравнаго сердечка лохматаго Шнуфа.

— Ну, что тамъ толковать о томъ, что̀ случится черезъ два-три года, если недѣльки черезъ двѣ можетъ наступить свѣтопрестав.леніе! Скажите-ка мнѣ, хитрый Зупфо, что̀ вы думаете насчетъ страшнаго суда, и какъ намѣрены примириться со своею совѣстью?

— Я? — разсмѣялся толстякъ, кладя въ ротъ огромный

кусокъ жаркого изъ дикой козы.—У меня самая лучшая совѣсть, какую я только встрѣчалъ у людей.

— Какимъ это образомъ.

— Да, она предобрая, добрѣе вашего воронаго, господинъ Фулько; тотъ все таки иногда кусается, а моя совѣсть никогда не мучитъ меня угрызеніями. Я могу многое дѣлать ей наперекоръ, пока она оскалитъ зубы для острастки, но до настоящихъ-то угрызеній все таки дѣло не доходитъ. А что касается свѣтопреставленія... — Зупфо поднесъ къ носу кубокъ.—(Великолѣпный ароматъ у этого бѣлаго вина!) Насчетъ свѣтопреставленія—такъ это все одинъ вздоръ!

— Зупфо!

Даже Гельмутъ вышелъ изъ своей грустной задумчивости и бросилъ на толстяка вопросительный взглядъ.

Но тотъ невозмутимо сморщилъ красный носъ, скривилъ ротъ, какъ во время пробы вина, и продолжалъ съ разстановкой:

— Нѣтъ, я больше васъ разсчитываю на долготерпѣніе Создателя. Онъ слишкомъ милосердъ, чтобъ ни за что погубить своихъ тварей.

— Но если самъ папа утверждаетъ это? — спросилъ Гельмутъ.

— Да развѣ онъ уже сказалъ что нибудь навѣрное? Нѣтъ еще! А еслибы даже и сказалъ...

— Ну, такъ что жь тогда?—допытывался Фулько.—Послѣ его словъ, не можетъ быть уже никакихъ сомнѣній. Тогда, значитъ, все доказано.

— Доказано только то, что самъ онъ вѣритъ въ близость общей гибели, но больше ничего!—заключилъ Зупфо, опуская металлическій кубокъ на столъ съ такою силой, что тотъ зазвенѣлъ.—А я вотъ вовсе не думаю, чтобы мудрый и великій властитель міра погубилъ насъ, грѣшныхъ. Мало ли во что люди вѣрятъ и какія небылицы выдумываютъ. Зачѣмъ Господу разрушать свое прекрасное твореніе? Вотъ у меня какая благодать въ виноградникахъ: на новой плантаціи, по склону Арфенберга, уже все отлично отцвѣло еще до Иванова дня. А нашъ великолѣпный штейнвейнъ? Вотъ такъ ужь выстоялся на славу, можно сказать. Пей—не хочу! И вдругъ свѣтопреставленіе! Да съ какой стати такая напасть? Впрочемъ, вы

оба; пожалуй, до того влюблены, что даже не расчухали настоящаго вкуса въ моемъ винѣ?..—Зупфо опять принялся смаковать, съ видомъ знатока, тонкій напитокъ, медленно пропуская его черезъ сложенныя трубочкой губы. — Вотъ такъ винцо! Пожалуй, оно даже слишкомъ хорошо для такихъ неопытныхъ юнцовъ, какъ ваша милость. — Берите съ меня примѣръ: я наслаждаюсь имъ безъ смущенія, потому что заручился отличнымъ средствомъ узнавать приближеніе грозы, землетрясеній и тому подобныхъ удовольствій. Меня такія вещи не застигнутъ врасплохъ, а ужь тѣмъ болѣе свѣтопреставленіе! У меня есть на этотъ случай такая пророчица, которой я больше вѣрю, чѣмъ семерымъ ученѣйшимъ попамъ.

— Вы Богъ знаетъ что говорите, Зупфо,—неодобрительно замѣтилъ Гельмутъ.

— Чтобъ вы могли заранѣе предугадать землетрясеніе! Никогда не повѣрю,—усомнился Фулько.

— А между тѣмъ это правда, г-нъ пѣвецъ! Не вы одни бродили по бѣлу свѣту съ вашей лютней. Ого! И мы также видали виды: помыкались довольно по чужимъ странамъ. Занесла насъ судьба, въ былые годы, подъ знаменемъ графа Ротенбурга въ Италію, во время геройскаго похода императора Оттона Рыжаго. Расположились мы лагеремъ противъ самаго Неаполя. Городъ прекрасный, но грязенъ безбожно да и жара тамъ невыносимая. Мы стояли у самыхъ городскихъ воротъ, защищая ихъ отъ нападенія сарациновъ. Насъ размѣстили не въ палаткахъ или деревянныхъ баракахъ, а въ крестьянскихъ хижинахъ, выстроенныхъ, изъ дикаго камня отъ фундамента до крыши. Напротивъ спокойно и безмятежно курилась огненная гора, Везувій, и мы такъ привыкли видѣть зарево надъ нею во мракѣ ночи, какъ свое дыханіе зимою. Хозяинъ мой—Гауденціо звали этого добраго малаго—имѣлъ кошечку, которую, по его словамъ, любилъ больше своей желтокожей усатой жены. „Да и какъ же иначе?“ бывало говаривалъ онъ. „Моя Лучія только царапается, но не ловитъ мышей, и сокращаетъ мнѣ жизнь, а Муція, хотя изрѣдка и царапаетъ—но не меня, а жену, которой попадаетъ за дѣло — зато умѣетъ ловить мышей и заботится о продолженіи моей жизни, мудрая пророчица!“

— Какимъ это образомъ?—спросилъ Фулько.

— Вотъ и я предложилъ въ то время Гауденціо тотъ же вопросъ (откуда слѣдуетъ, что вы очень умный мальчикъ!) „Итальянецъ погладилъ кошку; та замурлыкала отъ удовольствія и онъ отвѣчалъ:

„— У насъ здѣсь часто бываютъ землетрясенія и увѣряю васъ, Зупфоне, что это вовсе не пріятная штука, когда вамъ въ трезвомъ видѣ приходится качаться, какъ пьяному, потому что земля подъ вами качается, точно она сама выпила лишнее. И только вы зазѣвались и не успѣли выбѣжать на открытое мѣсто, вась сейчась и прихлопнетъ крыша собственнаго дома, словно черепаху ея панцырь; тутъ ужь вы ни за что не выкарабкаетесь! Да и на памятникъ надгробный для васъ не придется разоряться родственникамъ! Ну, такъ вотъ, едва нашъ Везувій зашалитъ, возмутившись беззаконіями своихъ родимыхъ неаполитанцевъ, — хотя ему давно бы пора привыкнуть къ ихъ безобразіямъ за тысячелѣтнее существованіе города—моя Муція тотчасъ почуетъ бѣду и давай мяукать, точно ей приходится заработывать насущный хлѣбъ своимъ пѣніемъ. Мяукаетъ и мечется въ безпокойствѣ, отъ меня къ запертой двери и обратно, пока я не выду во дворъ вмѣстѣ съ нею. О Лучіи моей кошечкѣ и горя мало: на ту она не обращаетъ вниманія.

„— Ну, теперь мнѣ понятна ваша любовь къ смышленому животному,—замѣтилъ я.

— Хорошо. Этакъ дня черезъ два послѣ нашего разговора, будитъ меня Гауденціо посреди ночи. А я только разоспался мертвецкимъ сномъ, изрядно угостившись темнопурпурнымъ амальфитанскимъ виномъ. Сдернулъ онъ меня съ соломеннаго тюфяка да и толкаетъ въ двери. Съ просонковъ я чуть не закатилъ ему здоровой затрещины, а онъ какъ закричитъ: „кошка! кошка! Муція предупредила насъ“. Едва я успѣлъ опустить поднятую руку, какъ зашатался, точно не проспалъ еще свой хмѣль, а между тѣмъ былъ ужь трезвехонекъ. Тутъ раздался адскій трескъ. Я обернулся — глядь! — а каменный домишко итальянца лежитъ уже на брюхѣ, распластавшись, точно лягушка, которую переѣхали тяжелымъ возомъ. Несчастная Лучія была заживо погребена подъ развалинами. На слѣдующее утро, нашъ отрядъ выступилъ изъ Неаполя.

На прощанье Гауденціо, мой добрый хозяинъ, подарилъ мнѣ свою любимую кошечку. „На что мнѣ она теперь?“ сказалъ добрый малый, обливаясь слезами. „Каменнаго дома я больше не выстрою и другой жены не возьму. Лучія—вѣчная ей память! — была до того злющая баба, что другой такой не сыскать. А все же я горюю по ней. Подумай же, каково мнѣ было бы потерять добрую жену! Такъ на что мнѣ теперь кошка?“ Я съ радостью взялъ Муцію съ собой. Она путешествовала на моемъ вьюкѣ по всей Италіи, а потомъ я перенесъ ее черезъ горы къ себѣ на родину. Она не покидаетъ меня ни на минуту. Слышите ея мяуканье за дверьми? Иду, моя кошечка золотая, сейчасъ иду! Такъ вотъ видите: если Муція чуяла заранѣе каждое пустяшное изверженіе этого дрянного Везувія и каждое ничтожное землетрясеньице, которое въ той странѣ такое же обычное дѣло, какъ у насъ чиханье при насморкѣ — да и здѣсь чуетъ всякую грозу, задолго до того времени, какъ изъ-за Королевскаго лѣса выплывутъ тучи,—то какъ же моей пророчицѣ не замѣтить, если вселенная готова разлетѣться въ куски?—Иду, сію минуту, моя красавица!—Вечеромъ, наканунѣ свѣтопреставленія, я заберу ее съ собою въ... ну, однимъ словомъ, въ такое мѣсто, гдѣ мы будемъ ближе всего къ земному ядру. Если она не станетъ безпокоиться, я тоже буду покоенъ. Мы не соскучимся съ ней вдвоемъ, потому что въ моемъ укромномъ уголкѣ для Муціи найдется много мышей, а для меня тоже тамъ есть кое-что привлекательное! Во всякомъ случаѣ, мы увидимся съ вами, молодые господа, или на томъ свѣтѣ, среди вѣчнаго блаженства, или же—что я предпочелъ бы на нѣкоторое время—въ сей юдоли плача. Но тогда, г-нъ Фулько, ужь вы должны, во что бы то ни стало — спѣть одну пѣсенку, которая особенно мнѣ понравилась изо всѣхъ вашихъ забавныхъ штучекъ!

— Которая это? Я знаю столько шутовскихъ куплетовъ, что многіе изъ нихъ могли прійтись вамъ по вкусу.

— Я говорю про ту застольную пѣсенку, гдѣ поется:

Надо выпить, друзья, надо жаждой своей
Удивить цѣлый міръ и природу:
Пусть земля намъ раститъ виноградныхъ вѣтвей
Все щедрѣй и щедрѣй годъ отъ году.

— Ну, перестань же мяукать, моя умница! Вѣдь я иду и несу тебѣ гостинца въ награду за твою понятливость. — Зупфо захватилъ съ собою для Муціи лакомый кусочекъ жаркого. — Спокойной ночи, господа. Желаю вамъ блаженныхъ сновъ. А вы, г-нъ Фулько, если увидите во снѣ что нибудь особенно вкусное, не позабудьте, пожалуйста, подѣлиться по пріятельски со мною.

Епископскій подчашій заковылялъ изъ комнаты и вскорѣ исчезъ за дверью.

XXII.

— Пріятный собесѣдникъ! — со смѣхомъ замѣтилъ Фулько. — Жаль одного, что я лишился на сегодня общества милой собесѣдницы. Безъ епископа, добродѣтельная хранительница невинности, эта шотландская вдова — какъ, бишь, ее зовутъ? — да, Мальвина, ни за что не пуститъ насъ къ себѣ черезъ порогъ въ вечернюю пору. А какъ мнѣ страстно хотѣлось бы увидѣть еще разъ милое, ясное, дорогое личико! Конечно, для моей пламенной любви одного созерцанія издали слишкомъ мало, клянусь въ томъ богиней Афродитой, но, говорятъ, когда дьяволу однажды очень захотѣлось пить, — за неимѣніемъ вина, онъ утолилъ жажду и водицей. Мы съ Миннегардой, тоже съ горя, принялись одно время за шахматы. А я и понятія-то объ нихъ не имѣлъ. Шахматная игра была для насъ, конечно, только предлогомъ подолгу сидѣть вдвоемъ и смотрѣть другъ другу въ глаза; наши пальцы случайно встрѣчались, когда мы передвигали фигуры. Надо же было дѣлать видъ, что мы играемъ. Но вотъ недавно епископъ Генрихъ подошелъ къ нашему шахматному столику, въ нишѣ библіотеки, и спросилъ: „Ну, какъ ваша игра?“ Святая Эвлалія Барцелонская! Что намъ было отвѣчать? А мы просидѣли въ уютномъ уголкѣ цѣлыхъ три часа, прозѣвавши вечерню, и сдѣлали только первый ходъ. Между тѣмъ плутовка Миннегарда незамѣтно успѣла стащить съ доски моего короля свободной рукою, пока я пожималъ ея другую руку и нѣжно заглядывалъ ей въ лицо. Шалунья опустила свой трофей въ опорожненный золотой кубокъ, гдѣ злополучный король и оставался въ заключеніи. Епископъ съ улыбкой освободилъ его изъ темницы, поставилъ на мѣсто и спросилъ: „вѣроятно, это у васъ ужь не первая партія?“ По-

томъ, не дожидаясь моего отвѣта, онъ отошелъ прочь, чтобъ не вынуждать у меня напрасной лжи. Какое добрѣйшее сердце! Навѣрно, графъ Ротенбургъ и самъ былъ молодъ и пылокъ когда-то... А императрица Ѳеофанія была еще моложе его годами...

— Будь остороженъ,—предостерегъ провансальца Гельмутъ,—въ коридорѣ слышенъ отсюда громкій разговоръ.

— Ну!—разсмѣялся Фулько,—объ этомъ шепчутъ на ухо отъ Даневирке до Салерно! Вѣдь императрица была вдова. Какая славная пара вышла бы изъ нихъ!—Но я опять возвращаюсь къ нашей шахматной игрѣ. Она оказывала намъ услуги еще другаго рода. Я ловко подсовывалъ подъ доску листики пергамента со стихами въ честь моей красавицы, а Миннегарда незамѣтно вытягивала ихъ своими тонкими бѣлыми пальчиками съ противоположной стороны, чтобъ сейчасъ же скрыть въ своемъ широкомъ рукавѣ. Теперь мои бѣдныя риемы должны опять слушать обѣдню.

— Какъ же это?

— Очень просто! Завтра поутру въ церкви мнѣ снова придется держать ихъ предъ хорошенькимъ носикомъ моей возлюбленной, а она станетъ пѣть по нимъ латинскіе псалмы. Только это штука—опасная. Прошлый разъ, зубоскалъ венеціанецъ вздумалъ стать позади меня и все заглядывалъ черезъ мое плечо въ молитвенникъ Миннегарды. Ему удалось прочесть нѣсколько строчекъ. Вотъ послѣ обѣдни онъ и спрашиваетъ меня съ лукавымъ видомъ, ужь не перевелъ ли я на нѣмецкій языкъ Пѣснь пѣсней Соломона. Недурно, а? Да разсмѣйся же, наконецъ, Гельмутъ! Или хоть выпей, по крайней мѣрѣ! Давай чокнемся. За владычицу-любовь!

Однако Гельмутъ, качая головой, отставилъ въ сторону свой кубокъ.

— Ну, если не хочешь бесѣдовать, такъ слушай. Вѣдь ты всегда охотно слушалъ мои стихи.

— Конечно, другъ, потому что тебѣ дано высказывать ими то, что я могу только перечувствовать и выстрадать въ глубинѣ души. Хотя мнѣ и больно всякое напоминаніе о счастьѣ взаимной любви, но въ этой мукѣ скрыта горькая отрада. Начинай же, прошу тебя!

Фулько былъ поэтъ и не заставилъ себя долго просить. Онъ допилъ вино, вынулъ изъ груднаго кармана два листочка пергамента и принялся читать:

Откинувъ робкія сомнѣнья,
Я отдался тебѣ во власть,
Безъ малодушныхъ сожалѣній,
Могучая. живая страсть.
Твердилъ разсудокъ мнѣ: «безумный,
«Найдешь ты гибель здѣсь свою:
«Такъ бьетъ потокъ въ пучинѣ шумной
«О скалы утлую ладью».
Но пусть блаженство иль проклятья
Въ удѣлъ мнѣ будутъ суждены,
Я все жъ бросаюся въ объятья
Любви обманчивой волны!

Сосна, въ могучей красотѣ,
Перуну говоритъ:
Не страшенъ мнѣ твой грозный видъ
И тучи въ высотѣ.
«Эй, берегись!»—Перунъ въ отвѣтъ—
«Къ тебѣ пылаю я.
«Любви моей преграды нѣтъ
«И будешь ты моя».
Надъ нимъ смѣялася она.
Но тутъ ударилъ громъ
И запылала вдругъ сосна,
Объятая огнемъ.

На крутомъ берегу распустился цвѣтокъ,
Пышной розы цвѣтокъ благовонный,
И къ ней ластится нѣжно бурливый потокъ,
Замирая въ истомѣ влюбленной.
Но красавица молвила гордо въ отвѣтъ
И откинулась прочь, негодуя:
—«Отъ тебя мнѣ не нуженъ постылый привѣтъ,
«Отъ меня ты не жди поцѣлуя».
—Хорошо же,—сказалъ, разсмѣявшись, потокъ;
Грозно вздулись сердитыя волны
И надменную розу на грудь онъ привлекъ,
И умчалъ ее, радости полный.

Блаженъ, кто искренно любилъ!
Хоть страстью «роковой»
Зовутъ любовь, но дивныхъ силъ
Въ ней скрытъ родникъ живой.
И будь закована въ булатъ
Предъ нею наша грудь,
Отъ сердца къ сердцу безъ преградъ
Найдетъ она свой путь.

Въ темныхъ нѣдрахъ земли, по веснѣ,
Просыпаются юныя силы
И ключемъ благодатнымъ онѣ
Бьютъ наружу изъ мрака могилы.
По веснѣ намъ поетъ соловей
Въ тишинѣ упоительной ночи;
Рдѣетъ роза межъ свѣжихъ вѣтвей,
Услаждая красой наши очи.
Ненадолго краса ей дана:
За расцвѣтомъ идетъ увяданье,
И спѣшитъ отдаваться она
Солнца вешняго жгучимъ лобзаньямъ.
Такъ всему здѣсь положенъ предѣлъ;
Въ жизни горе идетъ за отрадой,
Но кто сердцемъ отваженъ и смѣлъ,
Тотъ владѣетъ и лучшей наградой:
Вѣдь альпійская роза растетъ
Рядомъ съ бездной, пышна и красива;
Эдельвейсъ бѣлоснѣжный цвѣтетъ
На краю роковаго обрыва!

Фулько умолкъ и освѣжился нѣсколькими глотками вина.

XXIII.

— Моя Эдельвейсъ! — повторилъ Гельмутъ. — Я готовъ шесть разъ умереть, только бы примириться съ нею, а о томъ, чтобъ она отвѣтила мнѣ взаимностью,—нечего и думать. Благодарю тебя, Фулько. Твои стихи...

— Ну, что стихи!...—пылко перебилъ тотъ.—Это вѣдь не поцѣлуи! Горькія чернила и сухой пергаментъ. Право, я не

выдержу дольше. Мнѣ приходится воспѣвать только въ риѳмахъ ея пунцовыя губки и нѣгу лобзаній, а на дѣлѣ Миннегарда недоступна для меня, какъ небесная звѣзда. Но этому пора положить конецъ, и не дальше, какъ завтра утромъ. Обыкновенно Миннегарда раньше всѣхъ выходитъ изъ своей комнаты. Фрау Мальвина, строгая блюстительница приличій, покоится еще мирнымъ сномъ и во снѣ сторожитъ добродѣтель красавицъ, ввѣренныхъ ея попеченіямъ, а Эдель набожно читаетъ свои литаніи всегда немного дольше двоюродной сестры. Вотъ я и воспользуюсь завтра благопріятной минутой; застигну Миннегарду врасплохъ и, недолго думая, расцѣлую ее до того, что она если и не задохнется въ моихъ объятіяхъ, то, по крайней мѣрѣ, будетъ къ этому близка.

Услыша такія рѣчи, Гельмутъ въ страхѣ вскочилъ съ мѣста, положилъ руку на плечо Гельмута и воскликнулъ:

— Нѣтъ! Ради Бога, не позволяй себѣ такого отчаяннаго поступка!

— Почему же нѣтъ? Я полагаю, что изъ этого не выйдетъ ровно никакой бѣды.

— Нѣтъ, нѣтъ, дорогой Фулько! Пускай мой примѣръ послужитъ тебѣ предостереженіемъ. Я позволилъ себѣ несравненно меньше, но жестоко поплатился за свою смѣлость.

И юноша въ отчаяніи ударилъ себя кулакомъ въ лобъ. Провансалецъ съ ласковой настойчивостью отвелъ его руку отъ лица и сталъ допытываться.

— Гельмутъ, храбрый товарищъ, выскажись хоть разъ откровенно. Что такое произошло съ тобою въ Вормсѣ? Ты знаешь, я преданъ тебѣ душою и не выдамъ твоей тайны.

— Знаю! И потому тебѣ одному разскажу о своей тяжкой винѣ.

Онъ глубоко вздохнулъ.

— Я съ нетерпѣніемъ жду твоихъ признаній. Здѣсь, въ епископскомъ домѣ, рѣшительно всѣ замѣчали, что не ты одинъ интересуешься Эделью, но что и она сама постепенно становится къ тебѣ благосклонной. Даже графъ Генрихъ отлично видѣлъ вашу взаимную симпатію и ничего не имѣлъ противъ нея. Однажды мы ѣхали съ нимъ верхомъ; ты и Эдель попались намъ навстрѣчу, также верхомъ. „Прелестная парочка и самая подходящая“! замѣтилъ епископъ. „Господь

Богъ какъ будто нарочно создалъ ихъ другъ для друга". — Значитъ, вы не захотите разлучить ихъ? — поспѣшно спросилъ я. „Разумѣется! У меня не хватило бы жестокости разбить два молодыхъ любящихъ сердца; конечно, въ томъ случаѣ,—прибавилъ онъ, прямо взглянувъ мнѣ въ глаза,—если препятствіемъ къ ихъ союзу не встанетъ обѣтъ поступить въ монастырь". А когда епископъ взялъ васъ съ собою въ Вормсъ, мы такъ и рѣшили, что вы пріѣдете въ обручальныхъ кольцахъ. Но, къ несчастью, случилось совсѣмъ наоборотъ. Эдель вернулась какой-то неумолимой ледяной красавицей, о которой говорится въ сказкахъ, а ты былъ точно замороженъ въ ея коварныхъ объятіяхъ. Говори же, что̀ такое могло произойти въ тотъ день, когда ты одержалъ самую блистательную побѣду?

— Ахъ, я проклинаю свой тріумфъ! Это ему я обязанъ несчастьемъ всей моей жизни. Видишь, Фулько: прежде всего меня, кажется, нельзя назвать тщеславнымъ... самонадѣяннымъ... не такъ ли?

— Сохрани Боже! Излишняя скромность, напротивъ, приноситъ тебѣ много вреда. Еслибъ ты взялъ у меня три четверти моей самоувѣренности, мы оба выиграли бы отъ этого очень много.

— Поэтому я никогда не осмѣливался возмечтать, чтобъ самая гордая изъ благородныхъ дѣвушекъ удостоила меня малѣйшимъ знакомъ благосклонности, прежде чѣмъ я торжественно попрошу ея руку у епископа Генриха и заручусь ихъ обоюднымъ согласіемъ.

— Напрасно!—вставилъ Фулько, опорожнивая новый кубокъ.—Надо же когда нибудь начать... Кромѣ того, женщинамъ нравится смѣлость въ мужчинахъ.

— Ну, слушай же, что̀ было между нами. Въ поединкѣ на копьяхъ я выбилъ изъ сѣдла рѣшительно всѣхъ своихъ противниковъ, не исключая даже Сибото, браваго бѣлокураго фриза, и силача Рихарда, графа Винкларисскаго. До тѣхъ поръ мнѣ ни разу не удавалось съ ними справиться. Громовые звуки трубъ возвѣстили мою побѣду, а герольды трижды провели меня вокругъ арены на горячемъ конѣ, который фыркалъ, возбужденный только что оконченной битвой. Народъ съ восторгомъ кричалъ: „да здравствуетъ побѣдитель!" Епископъ ми-

лостиво кивнулъ мнѣ головой со своего возвышеннаго мѣста на галереѣ, гдѣ онъ сидѣлъ рядомъ съ Эделью. Тутъ я подъѣхалъ къ нимъ, чтобы получить изъ ея бѣленькихъ ручекъ награду за храбрость—тройной дубовый вѣнокъ съ золотымъ шнуркомъ, которымъ ей предстояло увѣнчать мнѣ голову. Никогда еще не видалъ я Эдели такой прекрасной, какъ въ этотъ день. Сіяя своей нѣжной прелестью и, — какъ я догадывался,—отчасти гордая моимъ успѣхомъ, она была до того хороша, что у меня помутился разсудокъ. Почувствовавъ легкое прикосновеніе ея пальцевъ къ моей головѣ, я благоговѣйно поднялъ на нее глаза; кровь бушевала въ моемъ сердцѣ; не успѣвъ остыть послѣ жаркой схватки съ послѣднимъ противникомъ, ошеломленный радостными криками толпы, громкой музыкой, окружающимъ великолѣпіемъ, я былъ внѣ себя. Любимая дѣвушка была свидѣтельницей моего тріумфа! Теперь у меня оставалось только одно желаніе: прочесть въ ея взглядѣ, что она раздѣляетъ мою радость и гордится мною. Но Эдель, какъ на зло, не поднимала своихъ длинныхъ шелковистыхъ рѣсницъ. Было ли то упрямство, или милая дѣвическая застѣнчивость? Мои губы прошептали чуть слышно: „Эдель, одинъ только взглядъ — единственный!“ Напрасно!.. Я былъ обиженъ, взбѣшенъ. Мнѣ захотѣлось добиться своего насильно, какъ я только что добился побѣды на турнирѣ. Моя правая рука,—скрытая отъ взоровъ толпы густымъ вѣнкомъ и развѣвавшимися волосами дѣвушки,—тихонько прикоснулась къ ея подбородку и я поднялъ вверхъ личико Эдели: „Только одинъ взглядъ!“— настойчиво повторилъ я свою просьбу.

— Ну, и что же, она подняла глаза?

— Ахъ, да! Она подняла ихъ и я достигъ, чего хотѣлъ, но каковъ былъ этотъ взглядъ! Онъ сверкнулъ, какъ молнія, гнѣвомъ, ненавистью. Обыкновенно кроткія очи обдали меня вдругъ подавляющимъ презрѣніемъ. Эдель откинулась назадъ, какъ можно дальше, и я почувствовалъ, точно двѣ острыхъ стрѣлы впились мнѣ въ сердце. Въ глазахъ у меня потемнѣло; я покачнулся въ сѣдлѣ, поскакалъ прочь съ арены и, минуту спустя, безъ памяти свалился съ лошади. „Это отъ жары, отъ тяжести вооруженія!“ — толковали вокругъ. Ахъ, лучше бы мнѣ было вовсе не возвращаться къ сознанію! Съ тѣхъ поръ я потерялъ навѣкъ свою Эдель. Никогда не проститъ она мнѣ

жестокаго оскорбленія своей дѣвической гордости. Я знаю это сердце, твердое, какъ алмазъ.

Гельмутъ упалъ на скамью и оперся головою на руку.

— Гм! бѣдный другъ! — заговорилъ Фулько послѣ нѣкоторой паузы. — Значитъ, она никогда тебя истинно не любила, потому что женщина, *настоящая* женщина, — а я не хочу отнимать женскаго достоинства у этой суровой Эдели— всегда проститъ смѣлость любимаго человѣка и улыбнется ему даже посреди гнѣвныхъ слезъ. И что такое ты сдѣлалъ? Ровно ничего. Нѣтъ, Гельмутъ, — воскликнулъ провансалецъ, вскакивая съ мѣста,—твое горе не можетъ меня образумить! Нѣтъ, если вселенная дѣйствительно обречена на скорую гибель, тогда!.. О, повѣрь мнѣ, я не ограничусь однимъ поцѣлуемъ. Тогда, прекрасная Миннегарда, ты будешь моею, съ твоего согласія или нѣтъ. Но если ты меня любишь, — какъ я разсчитываю, — то даже и въ гнѣвѣ простишь мнѣ, и будешь блаженствовать въ моихъ объятіяхъ. — Пойдемъ, Гельмутъ! Ужь поздно: пора на покой.

Бѣлокурый юноша поднялся со скамьи вмѣстѣ съ товарищемъ, но сказалъ рѣшительнымъ тономъ:

— Я не лягу спать. У меня также есть планъ, какъ провести послѣдніе часы передъ концомъ міра... только насчетъ одного пункта я нахожусь пока въ нерѣшительности! Положимъ, меня не ждутъ ни такія страстныя объятія, какъ тебя, ни ложе нѣги, но мои наслажденія будутъ стоить твоихъ. Только нужно разузнать кое-что предварительно. Спокойной ночи! Я уѣзжаю изъ дому.

— Такъ поздно! Куда? Къ кому?

— Къ кому? — злобно улыбнулся Гельмутъ.—Конечно, не къ возлюбленной. Можетъ быть—къ заколдованному охотнику!

И онъ ушелъ, звеня оружіемъ.

XXIV.

Въ тѣ времена, достаточные путешественники останавливались всегда въ частныхъ домахъ; имъ оказывали гостепріимство то въ рыцарскихъ замкахъ, то въ крестьянскихъ жилищахъ, то въ монастыряхъ, а если они заѣзжали въ чужіе города, то здѣсь было еще легче найти пристанище.

Неопрятныя гостинницы по городамъ и селамъ отталкивали порядочныхъ путешественниковъ своей грязью, шумомъ и попойками простонародья.

Такой же неуютностью и неказистымъ видомъ отличался одинъ уединенный постоялый дворъ въ Нордгау, къ югу отъ Эгера, близъ границы богемскихъ берунцанъ.

Въ большой комнатѣ для посѣтителей, на дырявомъ полу лежалъ грязный камышъ и не отъ одной только копоти были черны стѣны изъ невыструганнаго сосноваго дерева; два большихъ красныхъ пятна, выступавшихъ на половицахъ, казались очень подозрительными.

У четырехъугольнаго стола, съ потрескавшейся доской изъ шифера, укрѣпленной на четырехъ деревянныхъ перекладинахъ, сидѣли на грубо сколоченныхъ, низкихъ дубовыхъ скамейкахъ двое мужчинъ въ жаркомъ разговорѣ, переходившемъ часто въ шопотъ.

Давно не чищенный, высокій, узкогорлый оловянный кувшинъ и два кубка изъ легкаго еловаго дерева были наполнены желтовато-коричневымъ напиткомъ, пахнувшимъ нѣсколько кисло. Только одинъ изъ присутствующихъ прикасался къ нему; другой же—въ одеждѣ духовнаго лица—съ отвращеніемъ отодвинулъ отъ себя кубокъ, чтобы непріятный запахъ жидкости не раздражалъ его обонянія.

— Вы совсѣмъ не пьете, архидьяконъ? — спросилъ его ревностный собутыльникъ на нѣмецкомъ языкѣ съ сильнымъ славянскимъ акцентомъ.—Что жъ это, обѣтъ воздержанія или прихоть желудка?

— Я привыкъ употреблять одно хорошее вино, а не этотъ отстой прокислой гущи, который у нѣмецкихъ варваровъ зовется пивомъ.

— О, это вовсе не дурное питье!—замѣтилъ другой, снова наливая себѣ изъ кувшина.

Хотя на дворѣ стоялъ теплый лѣтній вечеръ, собесѣдникъ архидьякона Беренгара былъ одѣтъ въ мѣховое платье; его узкій кафтанъ, доходившій до голыхъ колѣнъ, былъ сшитъ изъ многихъ сотенъ черныхъ кротовыхъ шкурокъ и перехваченъ на бедрахъ широкимъ поясомъ изъ матовой черной кожи, на которомъ висѣло у него оружіе. Странное одѣяніе дополнялось грубыми черными чулками, обтягивавшими

икры, и плетеными изъ соломы сандаліями съ ременнымъ переплетомъ.

Пушистый и мягкій, какъ бархатъ, кротовый мѣхъ, плотно облегавшій гибкіе члены венда, придавалъ ему сходство съ черной пантерой, тѣмъ болѣе, что и движенія этого человѣка отличались мягкой кошачьей вкрадчивостью.

На коричнево-смугломъ лицѣ съ широкими скулами и вздернутымъ носомъ сверкали черные, какъ уголь, быстро бѣгавшіе глаза; борода была гладко выбрита, а усы висѣли двумя длинными прядями; во время разговора онъ постоянно поглаживалъ и крутилъ ихъ лѣвой рукой. На черныхъ сильно курчавыхъ волосахъ была надѣта молодцовато заломленная на бекрень высокая четырехъугольная шапочка изъ такого же мѣха, какъ и кафтанъ, украшенная бѣлыми и черными крыльями сороки; правая рука всегда чаще, чѣмъ было нужно для мирной бесѣды, схватывала роговую рукоятку длинной кривой сабли. Все, что на немъ было надѣто, очевидно никогда не чистилось и самое тѣло покрывалъ толстый слой грязи.

— Пиво отлично приготовлено, — повторилъ онъ, ставя опорожненный кубокъ на столъ и обтирая оборотомъ руки мокрые усы.

— Замѣтно, что вы не избалованы ни питьемъ, ни пищей, почтенный берунцанъ; пожалуй, вы полакомились и бѣдными грызунами, съ которыхъ содрали шкурки для своего кафтана?

— А то какъ же? Превкусное жаркое! Даже еще лучше личинокъ майскаго жука. Вѣдь мы не такъ богаты, какъ нѣмцы, чтобъ намъ позволять себѣ разныя прихоти.

— А знаете ли почему, владѣтельный князь?

— Конечно, знаю! Потому что мы не работаемъ, какъ глупое мужичье. У нѣмца выросли руки, чтобъ таскать плугъ, а у насъ, чтобъ отбирать у него заработанное.

— Недаромъ ваши молодцы прославились воровствомъ въ Нордгау. Недаромъ васъ и ваши таборы не хотятъ принимать къ себѣ ни рыцари, ни свободные землепашцы, ни монахи, и вамъ нѣтъ доступа ни въ замокъ, ни на крестьянскій дворъ, ни въ монастырь. По той же причинѣ, и мнѣ пришлось бесѣдовать съ вами въ этомъ вонючемъ балаганѣ, князь Свентибольдъ, благородный потомокъ Спитиніефа!

Кротовый князь пожалъ плечами.

— Не я искалъ васъ, вы меня, да притомъ же наши переговоры не должны быть подслушаны ни мирянином, ни попомъ.

— Мы, кажется, пришли теперь къ полному соглашенію... по всѣмъ пунктамъ?

— Какъ же, по всѣмъ. Вѣдь нашъ торгъ сводится къ одному: „кровь за деньги". Только послѣднимъ условіемъ я недоволенъ.

— Какимъ же это, доблестный герой?

— Да тѣмъ, что вы заплатили мнѣ только половину обѣщанныхъ денегъ.

— Остальное получите послѣ побѣды.

— Значитъ, вы мнѣ не довѣряете, а я долженъ вамъ довѣрять. Знаете, почтенный архидьяконъ, вы ужь черезчуръ требовательны.

— Г-нъ Вендъ!

— Видите ли: вѣдь я и мои милые волченята здѣсь не дома. За хорошія деньги мы, разумѣется, не прочь подраться съ ненавистными нѣмцами и готовы помогать нѣмецкому епископу, вздумавшему идти противъ своего императора и поставленнаго имъ правителя. Клянусь великимъ Црнбогомъ, что мы постоимъ за себя. Но кто намъ поручится, что вы снова не передадитесь нѣмцамъ, что ваша ненависть къ нимъ не погаснетъ послѣ первыхъ же стычекъ съ непріятелемъ? Вы сами...

— Во-первыхъ, я не нѣмецъ.

— Знаю. Вы ломбардецъ, но императоръ Оттонъ, между прочимъ, правитъ и вашей страною. Ломбардія принадлежитъ ему наравнѣ съ Германіей!

Произнеся эти слова, Свентибольдъ и самъ перепугался ихъ неожиданнаго дѣйствія; хладнокровный съ виду монахъ, что есть мочи, ударилъ кулакомъ по каменной доскѣ стола, такъ что на ней запрыгала посуда. Его темные глаза сверкнули непримиримой ненавистью изъ-подъ густыхъ бровей, когда онъ произнесъ, задыхаясь отъ гнѣва:

— Да, къ несчастью, Ломбардія принадлежитъ нѣмецкому императору, да будетъ онъ проклятъ! Проклятіе и гибель всѣмъ нѣмцамъ!

— Клянусь чернымъ Црнбогомъ!—воскликнулъ славянинъ, откидываясь назадъ на своемъ сидѣньѣ.—Что съ вами такое? Съ чего вы такъ взбѣсились?

— Съ чего? Что со мной?.. Хорошо, вы узнаете! Вамъ и необходимо это знать, чтобъ вы поняли, о чемъ я собственно хлопочу. Мы еще не касались этого вопроса, но въ немъ для меня вся суть.

Славянскій вождь, въ порывѣ недовѣрчивости, опять схватился за рукоятку сабли и надулъ толстыя губы.

— Я не двину пальцемъ, чтобы сдѣлать самую малость сверхъ условленнаго за вашу нищенскую плату! Вюрцбургскій епископъ—подлый скряга и больше ничего.

— Согласенъ съ вами, что предложенное вознагражденіе не велико,—отвѣчалъ Беренгаръ.—Но я тутъ ни сколько не виноватъ. Добросердечный епископъ Генрихъ не соглашался взять даже этой ничтожной суммы изъ капитала, назначеннаго имъ на постройку домовъ для призрѣнія бѣдныхъ. О, еслибъ я занималъ его богатое мѣсто въ богатомъ Вюрцбургѣ, вы получили бы царскую награду!.. Однако, оставимъ это. Вы спрашивали, откуда моя ненависть противъ мальчика-императора и всего нѣмецкаго? У меня есть къ тому самая уважительная причина. Вѣдь вы совсѣмъ не знаете, кто сидитъ передъ вами, храбрый вождь?

— Какъ не знаю?—Архидьяконъ вюрцбургскій,—сказалъ вендъ, очевидно не придавая большаго значенія этому званію.

— Къ несчастью, да. Но въ жилахъ монаха течетъ королевская кровь.

— Можетъ ли быть?—усомнился вендъ, вскидывая на говорившаго удивленные глаза.

— Да. И еслибъ люди поступали по справедливости, то въ настоящую минуту я не сидѣлъ бы на этомъ грязномъ постояломъ дворѣ, а занималъ золотой тронъ моихъ предковъ въ родимой Павіи, и на моей головѣ вмѣсто тонзуры красовалась бы корона Ломбардскаго королевства.

— Значитъ, вы...

— Я сынъ Беренгара, послѣдняго законнаго короля Италіи, единственный наслѣдникъ его владѣній и вѣнца. Несчастный отецъ! Побѣжденный и взятый въ плѣнъ прежнимъ императоромъ, наводившимъ ужасъ на сосѣдей, желѣзнымъ

Оттономъ, онъ былъ изгнанъ навсегда изъ нашего прекраснаго отечества и умеръ недалеко отсюда—въ Бамбергѣ. Жадные грабители, жестокіе деспоты—всѣ Оттоны, начиная съ того, который вырвалъ скипетръ изъ рукъ моего отца!

— Однако, въ Италіи мнѣ разсказывали, — прервалъ его Свентибольдъ,—что итальянцы сами призвали въ свою страну Оттона Перваго, желая водворить у себя порядокъ и спокойствіе.

— Они проклятые тираны!—кричалъ ломбардецъ, не обращая вниманія на слова венда.—Даже меня, въ то время маленькаго мальчика, этотъ жестокій чужеземный узурпаторъ отослалъ съ моими родителями за Альпы, въ эту страну льда и тумана, а послѣ смерти отца меня привезли воспитывать въ Вюрцбургъ.

— Какая оплошность! Въ нашей странѣ сыновей побѣжденныхъ государей немедленно убиваютъ.

— Со мною поступили съ сатанинскимъ коварствомъ, потому что я былъ воспитанъ въ вюрцбургскомъ монастырѣ, а потомъ поневолѣ вступилъ въ духовное званіе! Свѣтское и военное поприще были для меня, такимъ образомъ, нарочно закрыты, чтобъ я сдѣлался безвреднымъ для своихъ враговъ. Не въ силахъ же какой нибудь монахъ освободить Италію изъ подъ ига варваровъ! А между тѣмъ жажда свѣтскаго могущества, стремленіе и — скажу, не хвастаясь,—способность властвовать, управлять страною и народомъ, составлять государственные планы, унаслѣдовалъ я вмѣстѣ съ царственной кровью отца. Но, вмѣсто того чтобы быть королемъ, что я теперь такое?

— Однако же вы пользуетесь достаточной властью въ гражданскихъ дѣлахъ, какъ правая рука одного изъ сильныхъ церковныхъ владыкъ.

— Да поглотитъ его геенна!—закричалъ ломбардецъ.

— Ну, зачѣмъ такая ненависть? Впрочемъ, не смотря на нее, вы, кажется, очень усердно служите епископу? Какъ это понять?

— Вамъ сейчасъ все станетъ ясно. Слушайте дальше. Когда я сдѣлался юношей и наконецъ зрѣлымъ мужчиной, то понялъ все коварство нѣмцевъ противъ моей родины, моего отца и меня самого. Я скрежеталъ зубами отъ ярости, проклиналъ

узы, которыми былъ связанъ. Да, врагамъ отлично удалось сдѣлать безпомощнымъ королевскаго сына! День и ночь придумывалъ я средства освободиться отъ своего ярма, но искусно скрывалъ свою ненависть, свое ожесточеніе и свои надежды. Мое притворство было до того ловко, что я постоянно пользовался полнымъ довѣріемъ епископовъ, часто мѣнявшихся въ Вюрцбургѣ. Вскорѣ они сдѣлали меня своимъ апокризіаромъ, хранителемъ всего церковнаго архива. По сю сторону Альпъ нѣтъ равнаго мнѣ знатока старинныхъ рукописей. Такимъ образомъ могло осуществиться то, что я... Видите, цѣлые годы я лелѣялъ мечту проникнуть за Альпы, какъ бѣглецъ, чтобъ поднять всю Италію противъ чужеземнаго владычества и отвоевать для себя мечемъ несправедливо отнятую ломбардскую корону. Но моя мечта увидѣть родину осуществилась при иныхъ обстоятельствахъ. Епископъ Поппо, второй, носившій это имя, самъ пожелалъ взять меня съ собою въ Римъ. Какъ вскипѣла моя кровь, какъ рвалось сердце, когда я вступилъ наконецъ на родную землю, переправившись черезъ горы! Передо мной было мое наслѣдіе, на которое я имѣлъ законное право. Мы прожили многіе мѣсяцы въ Павіи, Миланѣ. Этого времени было слишкомъ довольно для такой головы, какъ моя, чтобы подготовить возстаніе. И — клянусь могилой моего отца!—я не зѣвалъ. Но—позоръ и проклятіе!—что̀ пришлось мнѣ испытать!

Беренгаръ умолкъ въ отчаяніи, положилъ руки на столъ и припалъ къ нимъ лицомъ.

— Что же такое случилось? Не надо падать духомъ.

— Знаете, какъ они мнѣ отвѣчали, мои соотечественники, мои единокровные, мои подданные, еслибъ все шло по закону? „Никогда еще, съ тѣхъ поръ какъ народъ себя помнитъ и существуютъ лѣтописи, никогда со временъ Карла Великаго не было такого мудраго, мирнаго, счастливаго правленія въ нашей странѣ отъ Вероны до Беневента и Неаполя, какъ подъ властью этихъ рыжебородыхъ Оттоновъ. Страна счастлива и довольна. Мы не хотимъ перемѣны“. Однако я не унимался, продолжая подстрекать народъ къ возстанію за свободу. Тогда мои собственные двоюродные братья въ Павіи пригрозили мнѣ, что если я не перестану дѣлать смуты, то они будутъ вынуждены донести на меня влас-

тямъ. О, позоръ и горе! Разбита навсегда моя надежда возвратить себѣ корону отца, воспламенивъ эти рабскія души. Я вернулся обратно въ Германію, въ Вюрцбургъ, убѣдившись въ невозможности добиться могущества и господства въ своемъ выродившемся отечествѣ. Зато я имѣлъ случай убѣдиться собственными глазами, какъ въ Кёльнѣ, такъ и въ Майнцѣ и въ Вюрцбургѣ, что людямъ умнымъ и съ твердою волей нетрудно управлять со своихъ епископскихъ креселъ государственными дѣлами, а между тѣмъ эти церковные сановники далеко еще уступали во многомъ итальянскому королевичу. Если у меня не было возможности сдѣлаться королемъ Италіи, я могъ, по крайней мѣрѣ, быть германскимъ государственнымъ канцлеромъ, по примѣру архіепископа кельнскаго и многихъ другихъ, носившихъ епископскую митру. А до тѣхъ поръ для меня было бы недурно управлять и вюрцбургскимъ епископатомъ! Вотъ почему я сталъ неуклонно стремиться къ расширенію правъ и привиллегій послѣдняго, добиваясь новыхъ милостей отъ короля или доказывая справедливость прежнихъ забытыхъ притязаній, подтверждавшихся только благодаря моему знакомству со старинными документами, которые мнѣ случалось даже очень кстати находить. Епископъ и прочее духовенство удивлялись мнѣ въ своей ограниченности. Они хвалили и награждали то неутомимое усердіе, съ какимъ, по ихъ мнѣнію, я служилъ интересамъ престола св. Бургарда. Ахъ, пустоголовое нѣмецкое дурачье! Сталъ бы я хлопотать ради давно умершаго или теперешняго вюрцбургскаго епископа! Нѣтъ, я заботился о его будущемъ преемникѣ, который былъ долженъ называться Беренгаромъ.

— Теперь понимаю! Недурно придумано!—кивнулъ головою князь, начиная ожесточенно царапать себѣ затылокъ.

— Трехъ епископовъ: Поппо, Гуго и Бернварда пережилъ я, постепенно повышаясь въ духовномъ санѣ. Наконецъ, у меня явилось полное основаніе надѣяться, что при слѣдующемъ выборѣ епископская митра достанется мнѣ; по крайней мѣрѣ, мой санъ архидьякона, апокризіара, а, главное, мои всѣми признанныя заслуги давали мнѣ на то неоспоримое право. Заранѣе увѣренный въ успѣхѣ, я, пожалуй, сдѣлалъ промахъ, но мнѣ такъ много приходилось сдерживать себя въ продолженіе десятковъ лѣтъ! Моя гордость, самосознаніе

человѣка, рожденнаго повелѣвать, увѣренность въ своемъ несомнѣнномъ превосходствѣ надъ другими—прорывались порой наружу, хоть я и старался подавить ихъ. Епископъ Бернвардъ между тѣмъ сталъ ужасно недовѣрчивъ въ послѣдніе годы жизни. Онъ постарался уронить меня въ глазахъ короля и мѣстнаго духовенства, такъ что послѣ смерти стараго Ротенбурга на вакантное мѣсто назначили не меня, а его племянника Генриха.

— Да, ужь этотъ Ротенбургъ!—воскликнулъ вендъ, скрипя зубами и схватываясь за рукоятку меча.—Чтобъ лѣсной волкъ сожралъ его душу! Немало погибло отъ его руки моихъ братьевъ.

— Онъ совсѣмъ даже не походилъ на духовное лицо и всего года за два передъ тѣмъ—совершенно неожиданно—покинулъ свѣтское званіе. Судите же о моемъ бѣшенствѣ, когда этотъ баловень судьбы вырвалъ у меня изъ рукъ дорогой призъ, котораго я добивался съ такими геройскими усиліями! Но, клянусь могилой отца! ему не долго придется пользоваться своей удачей!

Свентибольдъ откинулся назадъ, подмигнулъ архидьякону и тихо, выразительно засвисталъ.

— Теперь я начинаю понимать.

— Наконецъ-то! Повидимому, князь, берунцаны также туги на соображеніе, какъ и нѣмцы. Неужели вы полагали, что итальянскій королевичъ станетъ столько хлопотать ради чужихъ интересовъ, связываться съ вашими дикими ордами, подвергать себя такой страшной отвѣтственности? Вѣдь то, что мы затѣваемъ, ни больше, ни меньше, какъ государственная измѣна. Только я иду на этотъ рискъ сознательно и съ наслажденіемъ, а добросовѣстный епископъ дѣйствуетъ, какъ покорное орудіе въ моихъ рукахъ, даже противъ своей воли, подчиняясь только требованію долга. Я хорошо знаю, что моя отвага можетъ стоить мнѣ жизни—на полѣ битвы, а въ случаѣ пораженія—на висѣлицѣ, потому что графъ Гервальтъ шутить не любитъ.

— Меня удивляетъ однако,—замѣтилъ вендъ, покачивая головой,—что Ротенбургъ идетъ противъ властей. Вѣдь онъ такъ храбро бился за своего короля.

— А теперь онъ также будетъ биться за права своего

епископата. Но вы правы. Мнѣ не удалось бы склонить его къ открытому сопротивленію, не подвернись тутъ одна счастливая случайность. Графъ, у котораго онъ хочетъ отнять пожалованную область, смертельный врагъ Ротенбурга.

— Почему?

— Не знаю. Въ городѣ носятся слухи, будто бы Гервальтъ, къ его ущербу, втерся въ милость прекрасной вдовствующей императрицы. Я узналъ о ненависти епископа къ нему еще очень недавно, когда Гервальта, бывшаго до тѣхъ поръ правителемъ провинціи Дейцгау, противъ Кёльна, назначили управлять Вальдзассеномъ и принадлежащимъ къ нему Вюрцбургомъ. Ротенбургъ побагровѣлъ тогда отъ гнѣва при такомъ неожиданномъ извѣстіи, а теперь рѣшился—въ случаѣ крайности—прибѣгнуть къ открытому сопротивленію вооруженной силой, конечно, въ надеждѣ свести старые счеты съ ненавистнымъ графомъ. Впрочемъ, онъ разсчитываетъ, что до крайности дѣло еще не дойдетъ. Онъ намѣренъ сначала обратиться за содѣйствіемъ къ рейхстагу, и лишь въ томъ случаѣ, если рейхстагъ не признаетъ ясныхъ, какъ день, правъ епископата.:.

— Я не согласенъ ждать такъ долго! — проворчалъ славянскій князь.

— Ну, конечно! Поэтому, вмѣсто того чтобы платить вамъ деньги за ожиданіе, я прямо заключилъ съ вами договоръ. Когда вы намѣрены выступить отсюда?

— Какъ только придетъ свѣжее подкрѣпленіе изъ Тетина: двѣсти воиновъ!

— Хорошо! Когда вы займете провинцію отъ имени епископа, у него будутъ отрѣзаны всѣ пути къ отступленію. Не слѣдуетъ давать ему времени опомниться. Намъ необходимо немедленно уйти отсюда и скрыть свои слѣды, чтобы Ротенбургъ не успѣлъ отозвать меня обратно, отмѣнивъ свое рѣшеніе. Мнѣ, пожалуй, никогда не удалось бы заставить его дѣйствовать рѣшительно, еслибы я не догадался взбѣсить Ротенбурга, приписавъ графу Гервальту дерзкія вызывающія рѣчи, которыя тотъ и не думалъ произносить. Я выдумалъ ихъ, согласно слуху о бывшей ссорѣ между обоими графами изъ-за женщины. Это помогло! Какъ разъяренный быкъ не помнитъ себя, увидавъ красный цвѣтъ, такъ и этотъ спесивый

нѣмецъ забылъ всякую осторожность, когда я задѣлъ у него чувствительную струнку. Однако, выслушайте меня хорошенько; теперь мы доходимъ до самаго важнаго пункта. Ротенбургъ...

Ломбардецъ тихонько всталъ, крадучись подошелъ къ полуотворенной двери, вышелъ на улицу и посмотрѣлъ, не подслушиваетъ ли кто нибудь снаружи, приложивъ ухо къ тонкой деревянной стѣнѣ зданія. Убѣдившись, что никого нѣтъ по близости, Беренгаръ вернулся въ комнату, заглянулъ въ сосѣднюю кухню, которая также оказалась совершенно пустою, потомъ подошелъ совсѣмъ близко къ своему союзнику и прошепталъ ему на ухо:

— Епископъ не долженъ пережить своей побѣды, слышите?

— Такъ! — съ удареніемъ произнесъ вендъ, многозначительно кивая головою.

— Неужели мнѣ томиться еще цѣлые годы, оставаясь его слугою, и любоваться, какъ онъ будетъ управлять провинціей по праву, предоставленному дарственной грамотой Карла Великаго? Ни за что! Вѣдь онъ обязанъ всѣмъ этимъ никому иному, какъ мнѣ самому. Меня несомнѣнно выберутъ преемникомъ Ротенбурга; онъ заблаговременно заручился голосами въ капитулѣ въ мою пользу! Итакъ, пускай исполнится его желаніе, только поскорѣе.

— Но какъ же это устроить?..

— Слушайте. Епископъ, во что бы то ни стало, будетъ участвовать въ битвѣ. Онъ захочетъ самъ вести войско на приступъ графскаго замка, который намъ необходимо взять.

— Я не уступлю никому команды надъ своими волченятами! — рѣзко возразилъ предводитель вендовъ. — Походы съ византійцами научили меня кое-чему, а нѣмецкое дурачье умѣетъ только напирать на непріятеля, ничего не разбирая!

— Все это прекрасно, однако Ротенбургъ непремѣнно долженъ сражаться вмѣстѣ съ нами. И вотъ, послѣ побѣды, которую онъ поможетъ намъ одержать, какая нибудь стрѣла съ нашей стороны, по нечаянности, сразитъ его на полѣ битвы. Развѣ этого не случается въ пылу сраженія, въ общей свалкѣ или во время преслѣдованія бѣглецовъ? Простая случайность, гдѣ и виноватаго не найдешь!

Свентибольдъ вскочилъ съ одушевленіемъ.

— А еще лучше бросить въ него ножемъ. Ихъ лезвея отравлены. Малѣйшая царапина и — смерть! Я никогда не промахнусь. Будьте покойны. Но ужь тогда...

— Вы получите двойную плату!

— Этого мало!

— Какъ, ненасытный? Если меня даже выберутъ епископомъ, я не могу достать денегъ больше этого.

— Я не прошу денегъ. Платы вдвойнѣ съ меня довольно. Но когда вы заплатите, мы потребуемъ еще другаго... Это гораздо веселѣе, это настоящая молодецкая потѣха! Прежде всего, вы должны впустить моихъ волченятъ въ городскія ворота.

— Положимъ, епископъ будетъ несогласенъ, но какъ полководецъ, онъ поймetъ, что нападеніе на крѣпость нужно произвести изъ города. Значитъ, вы получите туда пропускъ.

— Отлично! Когда Ротенбурга не станетъ, намъ не придется смиренно протягивать руки, точно нищимъ, за подачкой, и тутъ...

Глаза Свентибольда засверкали; въ эту минуту онъ, дѣйствительно, походилъ на пантеру, присѣвшую къ землѣ, чтобы тотчасъ броситься на добычу.

— Ну, что же вы собираетесь дѣлать?

— Грабить!—отвѣчалъ вендъ, прищелкивая языкомъ. — Только двѣнадцать часовъ! Съ пожаромъ, кровопролитіемъ! Да и другаго кое-чего не забудемъ. Сдѣлаемъ честь вюрцбургскимъ красавицамъ! Перецѣлуемъ всѣхъ—безъ церковнаго благословенія. Вѣдь намъ его не нужно: мы не крещены!—нагло прибавилъ онъ.

— Это надо еще...

— Прежде обдумать? Нѣтъ! господинъ епископъ Беренгаръ *долженъ* согласиться!

И рука славянскаго вождя снова схватилась за мечъ.

— Ого! Можно найти и другихъ наемныхъ солдатъ!

— Конечно!—расхохотался союзникъ ломбардца, — но только Свентибольду, сыну Спитиніефа, извѣстны теперь всѣ тайны г-на архидьякона.

— Что вы хотите этимъ сказать? — съ притворнымъ спокойствіемъ спросилъ Беренгаръ, хотя смертельная блѣдность разлилась по его желтому лицу.

— Не прикидывайтесь дурачкомъ! Или вы сдѣлаете по моему, или я разскажу про васъ всю подноготную. Благодарныхъ слушателей, которые мнѣ щедро заплатятъ, найдется много: во-первыхъ, императоръ; во вторыхъ, графъ Гервальдъ, да и самому епископу Генриху будетъ любопытно узнать про ваши козни.

Свентибольдъ вскочилъ съ мѣста.

Беренгаръ сдѣлалъ тоже и протянулъ ему руку.

— Будь по вашему! Я избавлю глупыхъ нѣмцевъ отъ лишняго труда!

XXV.

Стояла превосходная майская погода. Было воскресенье, и около двухъ часовъ пополудни на общинныхъ лугахъ за Песчанымъ предмѣстьемъ стала собираться веселая нарядная толпа. Союзъ стрѣлковъ изъ лука устроилъ сегодня торжественное празднество, повторявшееся каждое пятилѣтіе въ тотъ день, когда полвѣка тому назадъ король Оттонъ Великій утвердилъ уставъ ихъ общества особымъ милостивымъ рескриптомъ, даровалъ имъ права, различныя привилегіи и льготы, а, сверхъ того, повелѣлъ выдавать имъ на счетъ казны по три большихъ бочки вина каждыя пять лѣтъ, если они пожелаютъ устроить въ знаменательный день публичное состязаніе. И съ тѣхъ поръ члены союза никогда не упускали случая воспользоваться этимъ правомъ.

У южныхъ воротъ толпилось множество народа. Всѣ, кто только могъ двигать ногами, спѣшили оставить тѣсный душный городъ, потому что и въ то время мирные граждане Вюрцбурга очень любили повеселиться. Мужчины и женщины,—послѣднія нерѣдко съ крошечными дѣтьми на рукахъ или на спинѣ въ корзинкѣ,—міряне, священники, монахи, епископскіе слуги, подгородные жители, а также хлѣбопашцы и винодѣлы изъ сосѣднихъ деревень и дворовъ, перемѣшались вмѣстѣ среди громкаго оживленнаго говора; отсутствіе графскихъ всадниковъ всѣмъ бросалось въ глаза, потому что немногіе изъ нихъ, не послѣдовавшіе за графомъ въ Италію, не могли покинуть своихъ сторожевыхъ постовъ на Маріенбергѣ. Какъ разъ на

мѣстѣ теперешняго развѣтвленія дорогъ къ мѣстечкамъ Рандерсакеру и Гейдингсфельду, гдѣ въ настоящее время стоитъ гостинница, была разбита палатка виннаго торговца; трехъ бочекъ дароваго вина оказывалось, конечно, слишкомъ недостаточно для такой многочисленной публики. Надъ двумя длинными столами изъ еловаго дерева и такими же скамейками былъ растянутъ парусный навѣсъ на березовыхъ шестахъ, обвитыхъ зеленью; гирлянды изъ тростника и древесныхъ вѣтвей украшали его фестонами, а надъ входомъ качался виноградный вѣнокъ, въ который были вплетены красныя настурціи, бѣлая вероника и лиловые венерины башмачки.

Хозяинъ, толстый Беццо, суетился, торопливо разнося посѣтителямъ оловянныя кружки и деревянные кубки съ дешевымъ бѣлымъ виномъ. Его молоденькая румяная дочка помогала ему, причемъ отецъ понукалъ ее безъ церемоніи.

— Роза, разрази тебя громъ! Что ты опять замѣшкалась? Нечего торчать возлѣ этого шалопая оружейника, когда почтенный капелланъ св. Бургарда и даже любезный сосѣдушка Шпедило, нашъ славный бочарный мастеръ, умираютъ отъ жажды! Вѣдь это нищенское отродье, этотъ дуракъ набитый тебѣ не пара, помни это.

Сконфуженная малютка вытерла губы.

— Мнѣ не надо лучшаго!

Съ этими словами она проворно подскочила къ скамейкѣ, гдѣ у чистаго ясеневаго стола сидѣло много духовныхъ лицъ и старѣйшихъ почтенныхъ гражданъ города. Въ числѣ ихъ находился толстый бочаръ, напрасно старавшійся охватить рукою стройную талію увертливой Розы. Между тѣмъ молодой оружейникъ крикнулъ хозяину, поглаживая темнорусую бородку:

— Эй, почтеннѣйшій Беццо, вамъ самимъ слѣдовало бы приплачивать своимъ гостямъ за то, что они стараются проглотить ваше скверное прокислое вино.

— Ахъ, ты безстыжій, ахъ ты болванъ! Не попросить ли г-на Зупфо, чтобъ онъ угостилъ тебя своимъ штейнвейномъ или арфенбергскимъ? А когда ты мнѣ заплатишь за послѣднюю [redacted]а еще за двѣ предпослѣднихъ выпивки?

— На своей свадьбѣ съ Розой, отецъ!

— Какой я тебѣ отецъ? Лысый бѣсъ твой отецъ!

— Нѣтъ, лысый-то бѣсъ будетъ моимъ тестюшкой!

Раздались взрывы хохота.

— Вотъ я вамъ задамъ, погодите!—раздался густой басъ капеллана изъ-за стола, гдѣ сидѣли болѣе почетные гости.— Кто изъ васъ осмѣливается празднословить, призывая имя злаго духа? Вы знаете, что онъ можетъ немедленно явиться на вашъ зовъ?

— Не боюсь я его!—отвѣчалъ со смѣхомъ оружейникъ.— Пускай-ка онъ сунетъ сюда носъ, такъ я пристрѣлю его за пятьдесятъ шаговъ, какъ глухаря. Мой бывшій господинъ, молодой рыцарь Гельмутъ, сказалъ однажды: два такихъ молодца, какъ мы съ тобой, поѣдутъ на встрѣчу всѣмъ чертямъ и разнесутъ ихъ по косточкамъ. Да вонъ и рыцарь Гогенгорстъ! Онъ долженъ показать вамъ, что стрѣляетъ еще искуснѣе меня.

И красивый малый вскочилъ со скамьи, чтобъ лучше полюбоваться поѣздомъ, приближавшимся отъ города къ мѣсту праздника. Ѣхалъ самъ епископъ въ сопровожденіи духовенства, двоихъ молодыхъ рыцарей и обѣихъ племянницъ. Пока графа Генриха, встрѣченнаго необыкновенно почтительно членами стрѣлковаго общества, проводили съ его духовной свитой въ особую, парадно убранную бесѣдку, свѣтскіе спутники владыки вмѣшались въ толпу гуляющихъ.

— Я ужь слышалъ по дорогѣ сюда отъ лицъ, возвращавшихся съ праздника домой, кто опять остался побѣдителемъ на состязаніи,—началъ Гельмутъ, обращаясь къ Герихо.

— Да, потому что здѣсь не было васъ, чтобъ затмить меня. Пойдемте, господинъ. Лукъ и стрѣлы лежатъ наготовѣ. Стоитъ подняться немного на холмъ до стѣны виноградника Гейгило; тамъ устроено стрѣльбище. Ну, теперь протрите себѣ хорошенько глаза, безтолковые зѣваки: вы сейчасъ увидите, что̀ называется меткой стрѣльбой.

— Я отказался участвовать въ состязаніяхъ этого рода, Герихо,—сказалъ Гельмутъ, отходя прочь съ мрачнымъ видомъ.

— Какъ жаль! На послѣднемъ состязаніи, милая Роза (дочь трактирщика успѣла опять присоединиться къ своему возлюбленному), въ Вертгеймѣ, я попалъ прямо въ средину краснаго кружка. Казалось, лучше попасть невозможно. Но что же дѣлаетъ тогда г-нъ Гельмутъ? Онъ попадаетъ несрав

ненно лучше меня, потому что моя стрѣла оказывается расщепленной пополамъ. Ну, гдѣ можно найти равнаго ему юнаго героя?

Эти слова долетѣли до слуха Эдели; народъ тѣснилъ ее съ Миннегардой. Она подняла глаза; горячая кровь ея гордаго сдержаннаго сердца ударила ей въ лицо; нѣжный румянецъ разлился по блѣднымъ щекамъ и залилъ даже прекрасный лобъ, на который свѣшивались мелкія курчавыя прядки волосъ. Молодая дѣвушка не воздержалась и бросила украдкой бѣглый взглядъ на благородную фигуру юноши, стоявшаго въ сторонѣ. Ея глаза блестѣли невольнымъ восторгомъ. Слѣдующія слова Герихо также не ускользнули отъ ея тонкаго слуха, не смотря на то, что молодой оружейникъ прошепталъ ихъ чуть слышно, наклонившись къ Розбертѣ:

— Бѣдный мой господинъ! Его узнать нельзя. Онъ пересталъ смѣяться, пересталъ тѣшиться и своимъ конемъ, и дротикомъ, и всей военной удалью. Вѣроятно, его околдовалъ какой нибудь завистникъ, которому колола глаза громкая слава нашего рыцаря. Еслибы я зналъ этого колдуна, то вырвалъ бы ему сердце изъ груди.

— А если Гельмута Гогенгорста испортила какая нибудь чародѣйка?—замѣтила Розберта съ легкой дрожью.—Вѣдь есть такія. Онъ писанный красавецъ. Пожалуй, это сдѣлано изъ ревности, изъ отвергнутой любви.

— А, можетъ быть, онъ самъ тоскуетъ по какой нибудь красавицѣ.

Эдель схватила Миннегарду за руку и увлекла ее дальше.

— А ну-ка, сосѣдушка Беццо,—воскликнулъ толстый бочаръ, обращаясь къ виноторговцу,—когда же мы окончательно порѣшимъ съ тобою наше дѣльце? Я каждую минуту готовъ заплатить тебѣ выкупъ за дочку, сколько бы ты ни потребовалъ. У меня денегъ, слава Богу, довольно, — не занимать стать! Вполнѣ свободно могу прокормитьи жену, и дѣтишекъ

— Ну, а съумѣете ли вы защитить ее?—спросилъ Герихо, подходя къ разговаривающимъ съ блестящими гнѣвомъ глазами.—Неужели вамъ самого-то себя не стыдно, лысый старик[illegible]ка? Вѣдь вы годитесь Розѣ въ дѣдушки.

— Все же я настолько молодъ, чтобъ проучить тебя, мо-

лококоса!—возразилъ толстякъ, вставая и замахиваясь на оружейника.

— И слѣдуетъ, по моему, проучить этого хвастуна, сосѣдушка,—поддакнулъ Беццо.

Но расходившійся Шпедило не особенно охотно послѣдовалъ совѣту будущаго тестя, хотя и сталъ наступать на Герихо съ поднятыми кулаками.

Тотъ пригнулся немного, охватилъ съ разбѣга толстаго противника одной лѣвой рукой, заложивъ правую за спину, поднялъ его отъ земли, перевернулъ и бросилъ плашмя на животъ въ мягкую траву.

Громкій хохотъ и крики одобренія привѣтствовали со всѣхъ сторонъ этотъ подвигъ силы и ловкости. Пока толстякъ Шпедило приподнимался на ноги, оружейникъ хотѣлъ дать ему правой рукой шлепокъ, точно маленькому ребенку.

Но его поднятая рука замерла въ воздухѣ. Подавшись впередъ, молодой человѣкъ сталъ чутко прислушиваться къ странному шуму, раздавшемуся со стороны Майна.

— Стойте, что тамъ такое? Тише, говорятъ вамъ! Что бы это значило?—И онъ въ недоумѣніи опустилъ руку.

— Да, да! тише, не кричите!

— Слушайте! Стойте смирно.

— Какой странный звонъ, бряцанье!

— Это съ южной стороны, съ большой дороги.

— Неужели непріятель?

— Гунны опять идутъ на насъ!—взвизгнула какая-то старуха.

— Нѣтъ, это трубятъ въ трубы!

— Скорѣе, тромбоны.

— Только не боевой рогъ германцевъ!

— И какое-то погребальное пѣніе.

— Какой ужасъ!

— Все ближе къ намъ...

— Вотъ ужь видны облака пыли.

— Господи, сколько всадниковъ!

— И колесница...

— Вотъ показались передовые верхомъ.

— Съ какой вѣстью, откуда спѣшатъ они сюда? Что за притча?

И тысячная толпа на лугу заволновалась, какъ море. Всѣ въ безпорядкѣ бросились къ большой дорогѣ навстрѣчу новоприбывшимъ.

XXVI.

Однако, прежде чѣмъ запыленные всадники — большею частью крестьяне изъ сосѣднихъ деревень вверхъ по Майну — соскочили съ коней и могли отвѣчать на разспросы любопытныхъ, на поворотѣ дороги показалась странная колесница самаго зловѣщаго вида. Четверка вороныхъ лошадей, покрытыхъ длинными траурными попонами, везла громадную платформу на высокихъ колесахъ съ траурнымъ балдахиномъ. По четыремъ угламъ этой широкой эстрады, загромоздившей почти всю проѣзжую дорогу, стояло четыре монаха въ черныхъ капюшонахъ съ длинными мѣдными трубами въ рукахъ; они громко трубили, оглашая окрестность гулкими протяжными звуками. Посрединѣ колесницы стоялъ пятый монахъ исполинскаго роста; черный капюшонъ спускался у него на самые глаза; онъ размахивалъ широкимъ развѣвавшимся знаменемъ изъ черной шерстяной матеріи, на которой былъ грубо намаленъ бѣлой краской черепъ надъ двумя костями крестъ на крестъ. Когда трубные сигналы прекратились, всѣ пятеро затянули плачевную пѣсню на мотивъ итальянскаго погребальнаго канона. Цѣлыя сотни мужчинъ, женщинъ и дѣтей сопровождали странное шествіе или шли впереди, покрытые густою бѣлою пылью послѣ продолжительнаго странствія пѣшкомъ; многіе изъ нихъ были въ траурныхъ одеждахъ; многіе усердно бичевали себя хлыстами и палками по обнаженной спинѣ и плечамъ. Эта несметная толпа также сливала свои голоса съ заунывнымъ пѣніемъ монаховъ.

Они исполняли покаянный гимнъ слѣдующаго содержанія:

Близокъ страшный день! По благости господней
Возвѣщаю вамъ, адамовы сыны,
Что избѣгнуть можнопреисподней,—
Но покаяться усердно вы должны.
Лишь наступитъ лѣта половина,
Въ полночь часъ ударитъ роковой;
Содрогнутся горы и долины.
И свершится судъ надъ грѣшною землей.

Закрутится въ дебряхъ вихрь летучій,
Огнь палящій съ неба упадетъ;
На крылахъ громовой грозной тучи
Судія предвѣчный къ намъ сойдетъ.
А за нимъ вослѣдъ слетятся долу
Свѣтозарные полки небесныхъ силъ;
По его могучему глаголу
Мертвецы воспрянутъ изъ могилъ.
И свои они покинутъ гробы,
Лишь Господь на судъ свой позоветъ,
Ихъ земля извергнетъ изъ утробы,
Возвратитъ послушно лоно водъ.
Предъ Судьей небеснымъ и святыми
Плачъ они великій вознесутъ,
Но и васъ, оставшихся живыми,
Ожидаетъ страшный божій судъ.
То, что̀ тайной было намъ донынѣ,
Скоро все свершится наяву.
Такъ спѣшите же смирить гордыню
И посыпьте пепломъ вы главу!
Пусть грѣхи очиститъ покаянье.
Плачьте, чада, суету презрѣвъ;
Страшно будетъ грѣшнымъ наказанье
И ужасенъ будетъ божій гнѣвъ!
Свыше было папѣ откровенье,
Что на гибель свѣтъ нашъ обреченъ.
Кто жъ не вѣритъ въ свѣтопреставленье,
Тотъ отъ церкви будетъ отлученъ.
Кайтесь!! Міра близится кончина,
А за гробомъ ждетъ насъ міръ иной.
Лишь наступитъ лѣта половина,
Въ полночь часъ ударитъ роковой.

XXVII.

Зловѣщее пѣніе и траурная колесница произвели потрясающее дѣйствіе на смятенную толпу. Хотя только немногіе поняли, какъ слѣдуетъ, смыслъ пророческаго гимна, однако, стоявшіе ближе къ платформѣ уловили въ немъ самое главное и спѣшили передать другимъ роковую вѣсть, которая тотчасъ распространилась съ быстротою молніи: „Міръ дол-

женъ погибнуть. Самъ папа Сильвестръ сказалъ это и повелѣлъ покаяться передъ неизбѣжной смертью".

Неотвратимая бѣда, всеобщая гибель, надвигавшаяся пока издали и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ только слегка тревожившая умы людей, какъ отдаленная гроза, которая можетъ еще разсѣяться,—на что сильно разсчитывали веселые, беззаботные жители Франконіи,—неожиданно превратилась въ грозную дѣйствительность. Ни одна душа въ этой тысячной толпѣ не сомнѣвалась болѣе въ ужасной истинѣ. Поднялась невообразимая сумятица. Мужчины, женщины съ воемъ и криками метались туда и сюда, рвали на себѣ платье, волосы; нѣкоторые въ безуміи ужаса кинулись къ рѣкѣ топиться. Большинство бросилось безъ оглядки въ городъ, опрокидывая по пути слабосильныхъ старухъ, топча дѣтей. Они спѣшили предупредить своихъ, оставшихся дома, или стремились въ церковь, чтобы молиться у алтарей, гдѣ покоились святыя мощи угодниковъ.

Между тѣмъ остальные,—не болѣе двухсотъ душъ—успѣвшіе узнать о прибытіи епископа на мѣсто празднества, тѣснились къ своему пастырю, какъ стадо овецъ, испуганное появленіемъ волка. Съ плачемъ и стенаніями они взывали къ нему о помощи, спрашивали совѣта, умоляли о спасеніи.

— Помогите намъ, г-нъ епископъ! Графъ Генрихъ, что намъ дѣлать?—кричали сотни голосовъ, и графъ Генрихъ приступилъ къ исполненію своей пастырской обязанности. Рыцари тотчасъ очистили ему дорогу среди волновавшейся толпы, чтобы дать владыкѣ возможность приблизиться къ страшной колесницѣ и вслушаться въ слова зловѣщаго гимна. Епископъ со свитой старались сдержать напоръ бѣгущихъ въ страхѣ горожанъ, прикрывая собою обѣихъ молодыхъ дѣвушекъ; наконецъ, послѣ многихъ усилій, имъ удалось выбраться изъ тѣсноты, и къ тому времени пѣніе прекратилось. Безтолковый шумъ началъ понемногу стихать; онъ смѣнился вокругъ колесницы робкимъ напряженнымъ молчаніемъ. Тогда графъ Ротенбургъ протѣснился сквозь послѣдніе ряды народа, еще отдѣлявшіе его отъ траурнаго поѣзда. Онъ зорко оглянулъ фигуры и лица монаховъ, однако они оказались совершенно ему незнакомыми.

— Кто смѣетъ такъ пугать людей?—возвысилъ епископъ

свой звучный голосъ, явственно раздавшійся по всему лугу.— Кто рѣшается здѣсь говорить отъ имени папы Сильвестра, святѣйшаго отца?

Тутъ монахъ исполинскаго роста откинулъ капюшонъ, скрывавшій его лицо, и отвѣчалъ:

— Я!

— Арнъ!—воскликнулъ пораженный Ротенбургъ.—Это ты, Арнъ?

— Нѣтъ! я больше не Арнъ. Братъ Мониторъ мое имя. Я вполнѣ и навѣкъ отрѣшился отъ всего, что̀ напоминаетъ мнѣ грѣшную жизнь между мирянами.

— Положимъ, такъ—возразилъ епископъ,—однако ты дѣйствуешь неразумно и не въ христіанскомъ духѣ, производя въ народѣ такой переполохъ. Взгляни, что̀ ты надѣлалъ. Вонъ тамъ несутъ окровавленныхъ дѣтей, женщинъ въ обморокѣ.

— Блаженны они, если ихъ тѣла пострадаютъ, но души будутъ спасены.

— Почему же ты, какъ подобало слугѣ испытанной вѣрности, не обратился прежде ко мнѣ, твоему господину, твоему сюзерену, или не послалъ мнѣ заблаговременно увѣдомленія, какъ добросовѣстный посолъ?

— Я не знаю больше ничего ни о вѣрности, ни о службѣ, ни о самой жизни. Я монахъ; не получаю ни жалованья, ни лена и служу только святымъ.

— Прекрасно!—съ жаромъ продолжалъ графъ Генрихъ,—однако я остался вашимъ епископомъ и, какъ епископъ, запрещаю вамъ на будущее время пугать такимъ образомъ людей моего прихода, распространяя между ними ужасъ и уныніе. Вы не будете больше разъѣзжать по моей области въ этой траурной колесницѣ. Въ качествѣ моего посланнаго, были вы отправлены къ папѣ и мнѣ одному должны отдать подробный отчетъ въ порученномъ вамъ дѣлѣ. Я же разберу все слышанное отъ васъ, и сообщу моей паствѣ лишь то, что̀ ей слѣдуетъ знать, съ соотвѣтствующими указаніями и моимъ пастырскимъ наставленіемъ. Слѣзайте сейчасъ со своего возвышенія! Выпрячь лошадей!

И епископъ съ угрожающей миной подошелъ къ самой колесницѣ.

Однако монахъ, не смущаясь нимало, выдернулъ изъ-за

пояса свитокъ пергамента, развернулъ его передъ графомъ и закричалъ пронзительнымъ голосомъ:

— Ты не можешь ничего мнѣ приказывать, епископъ Вюрцбурга, слишкомъ преданный мірской суетѣ! Выѣхалъ я отсюда, какъ твой посланный, но вернулся, какъ посланный святѣйшаго отца, папы римскаго. Взгляни сюда! Знаешь ли ты эту печать? Читай! Орденъ, къ которому я принадлежу, называется орденомъ чернаго союза Гаргануса; онъ основанъ недавно, послѣ страшныхъ откровеній св. Нила, величайшаго угодника и чудотворца христіанства, и состоитъ подъ непосредственнымъ покровительствомъ папы. Только римскому епископу подвластенъ я, а онъ самъ вручилъ мнѣ это черное знамя и назначилъ меня знаменосцемъ и герольдомъ грядущаго страшнаго суда. Самъ же святой отецъ—читайте же, благородные рыцари и дамы!—далъ мнѣ порученіе и приказъ поспѣшить на родину съ четырьмя другими братьями изъ Германіи, и здѣсь, начиная отъ Бреннерберга до самой Даніи, переѣзжать изъ области въ область безостановочно и ничуть не мѣшкая, возвѣщая жителямъ каждаго города и деревни: „Конецъ міра близокъ! Покайтесь! Приготовьтесь предстать передъ грознымъ Судіею!“ Вы можете видѣть, какъ успѣшно идетъ моя проповѣдь. Всѣ эти сотни людей, сопровождающихъ меня,—кто верхомъ, кто пѣшій, кто на телѣгѣ,—были потрясены моими словами и, начиная отъ Инна до Майна, побросали свои дома, дворы, имущество, чтобъ добровольно слѣдовать за мною, убѣждая встрѣчный народъ покаяться. Между ними есть мужчины, женщины, юноши, старцы. Всѣ они усердно распространяютъ ужасную вѣсть ради спасенія души своей, зная, что имъ отпустятся грѣхи и беззаконія, если они приведутъ своихъ ближнихъ къ покаянію, такъ какъ это лучшій путь для нихъ самихъ избѣгнуть вѣчной гибели. И всюду я стану явно и безбоязненно возвѣщать народу—но не епископамъ и священникамъ съ глазу на глазъ—о великомъ чудѣ, которое сотворилъ надо мною Господь въ Италіи.

Тѣмъ временемъ епископъ успѣлъ пробѣжать глазами поданную ему грамоту; онъ тщательно осмотрѣлъ и призналъ настоящей большую папскую печать, привѣшенную къ перга-

менту. Документъ очевидно не былъ подложнымъ. Съ тяжелымъ вздохомъ возвратилъ онъ его монаху и не велѣлъ своимъ рыцарямъ трогать вороныхъ лошадей Арна, которыхъ тѣ собирались выпрячь.

— Тутъ нѣтъ никакого сомнѣнія,—сказалъ имъ епископъ.— Все, сказанное Арномъ, совершенная правда. Я не имѣю права запретить проповѣдовать уполномоченному папы. Говорите же во имя божіе и святыхъ! Когда вы кончите, епископъ приступитъ къ необходимымъ распоряженіямъ.

Графъ Генрихъ со своею свитой отошелъ немного отъ колесницы. По знаку Монитора, другіе монахи трижды протрубили въ мѣдныя трубы. Протяжные звуки прокатились далеко, за Блахфельдъ. Наступило робкое, напряженное молчаніе.

XXVIII.

Съ удивленіемъ и невольнымъ ужасомъ разсматривалъ епископъ и его приближенные поразительную перемѣну, происшедшую съ егермейстеромъ Арномъ. Его почти нельзя было узнать. Этотъ рослый, широкоплечій мужчина, отличавшійся цвѣтущимъ здоровьемъ, изсохъ, какъ скелетъ. Изнуреніе бѣднаго Арна было настолько велико, что онъ съ трудомъ держался прямо, опираясь на длинное древко траурнаго знамени. Щоки у него представляли глубокія впадины и были желты, какъ воскъ; скулы выдались, гладко выбритыя губы ежеминутно подергивались нервной судорогой; глубоко запавшіе зловѣщіе глаза, окруженные темной синевой, блестѣли фанатическимъ возбужденіемъ.

Монахъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, вѣроятно заразившись въ Италіи злокачественной болотной лихорадкой, и часто его рѣчь прерывалась громкимъ щелканьемъ зубовъ. Прижимая лѣвой рукой къ груди громадное знамя, бывшій егермейстеръ заговорилъ громкимъ, пронзительнымъ голосомъ, отъ котораго морозъ подиралъ по кожѣ.

— Слушайте меня! Внимай мнѣ, весь германскій народъ. Имѣющій уши слышати да слышитъ. Помните при этомъ, что устами недостойнаго раба своего глаголетъ духъ святый,

глаголетъ св. апостолъ Петръ, его помощникъ на землѣ, римскій папа, глаголетъ великій чудотворецъ св. Нилъ въ Италіи, а также высшій представитель свѣтской власти на землѣ— пока она будетъ стоять—государь императоръ Оттонъ. Вамъ, благородные рыцари, духовенство и стража епископа вюрцбургскаго, я хорошо извѣстенъ лично. Но также и большинство гражданъ этого города, крестьянъ изъ деревень и отдѣльныхъ дворовъ хорошо знаютъ того, кто назывался въ мірѣ Арномъ и былъ сыномъ Гельбрехта изъ Зальцбурга. Вы знаете, кромѣ того, что я состоялъ егермейстеромъ при епископскомъ дворѣ и велъ самую суетную грѣховную жизнь. Баварецъ родомъ, я отъ юности своей думалъ не о духовномъ и небесномъ, а только о земномъ и плотскомъ; никакая скала въ родимыхъ горахъ не была достаточно крута для меня, начиная Веттерштейномъ и кончая высокимъ Ортлеромъ: куда забиралась безстрашная серна, туда забирался и я. Вина я выпивалъ по стольку, сколько не выпить и троимъ, и не боялся затѣивать драку съ троими за разъ. На медвѣдя ходилъ я одинъ на одинъ, съ ножемъ въ рукѣ. На деревенскіе праздники съ хороводами и пляскою являлся я раньше всѣхъ, и оставлялъ ихъ послѣднимъ, но точно также шелъ я и на кровавую потѣху въ Пустерталѣ, Крайнѣ и Калабріи, гдѣ мы дрались съ вендами, арабами и итальянцами. Ахъ, многихъ дѣвушекъ по всему свѣту развратилъ я своею необузданной любовью. И много, много крови—на войнѣ и въ мирное время!—пролито моими руками. Несравненно чаще убѣгалъ я въ лѣсъ со своимъ пріятелемъ Радо, нечестивымъ, поганымъ язычникомъ — вонъ онъ стоитъ въ толпѣ и мрачно отворачивается отъ меня! — чѣмъ посѣщалъ соборъ, когда епископъ служилъ въ немъ обѣдню. Здѣшній міръ и земля съ ея соблазнами была для меня дороже спасенія души. Звуки охотничьяго рога, звонъ кубковъ, бряцанье оружія, объятія женщинъ, вотъ въ чемъ заключалось для меня счастье. Когда же, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и до нашей провинціи донесся неясный слухъ о близкомъ свѣтопреставленіи, никто изъ всего епископскаго штата не отнесся къ этому съ меньшимъ недовѣріемъ, чѣмъ я, никто—да проститъ мнѣ св. апостолъ Петръ!—не глумился такъ нагло надъ ужаснымъ пророчествомъ. И какъ разъ меня же выбрали посломъ къ святѣйшему отцу. Какъ ликовала моя

развратная похотливая душа при этомъ назначеніи! Я радовался, что могу дать полную волю своимъ страстямъ во время долгаго пути и, дѣйствительно, распутничалъ отъ Вюрцбурга до Рима. Но и въ Римѣ я велъ себя не лучше. Меня не удержала отъ распутства даже близость гроба первопрестольнаго апостола! Однако, вскорѣ послѣ того, моя грѣшная плоть была истерзана недугомъ во спасеніе души, а душа истерзана раскаяніемъ. И нашло на меня помраченіе разсудка, который мы ошибочно называемъ здравымъ. Но это было великое чудо. Я сталъ неразуменъ, по свѣтскому разсужденію, потому что передо мной открылась божественная премудрость, недоступная гордому человѣческому разуму.

XXIX.

— Мнѣ сказали,—продолжалъ бывшій егермейстеръ,— что папы не было въ вѣчномъ городѣ. Онъ отправился съ императоромъ, съ большою свитою духовенства и свѣтскихъ сановниковъ на богомолье въ монастырь св. Михаила на горѣ Гарганусѣ, къ преподобному Нилу, маститому отшельнику, жившему въ пещерѣ. Къ поѣзду высокихъ богомольцевъ присоединились тысячи римлянъ и жителей другихъ провинцій, собравшихся въ Кампанью. Неисчислимыя чудеса были совершены Господомъ черезъ своего преподобнаго, которому, между прочимъ, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ было откровеніе о близости страшнаго суда. Святѣйшій отецъ сильно возсталъ противъ этого пророчества и рѣшилъ отправиться самъ къ мужу господнему въ сопровожденіи своихъ ученѣйшихъ прелатовъ, кардиналовъ и схоластиковъ; они захватили съ собой цѣлую повозку священныхъ рукописей, разсчитывая подтвердить ими свое невѣріе. Сначала папа римскій потребовалъ преподобнаго къ себѣ, но тотъ отказался явиться на его зовъ, такъ какъ святый Петръ въ сонномъ видѣніи запретилъ ему оставлять свою тѣсную пещеру, пока ангелы божіи не восхитятъ его оттуда въ день страшнаго суда. Святѣйшій отецъ, глава католичества, разсчитывалъ затмить простаго, немудраго старца своей изумительной ученостью, а вслѣдъ затѣмъ, подъ угрозой отлученія

отъ церкви, запретить ему, — какъ здѣшній епископъ сейчасъ запрещалъ мнѣ—смущать народъ страшными слухами. Но императоръ послѣдовалъ за Ниломъ; пылкая юношеская душа монарха скорѣе поддалась убѣжденіямъ старца, тѣмъ болѣе, что великій подвижникъ открылъ ему козни враговъ его въ Римѣ, и всѣ предсказанія праведника сбылись на дѣлѣ. Я же, великій грѣшникъ и нечестивецъ, только нагло смѣялся, слушая разсказы объ этомъ, и говорилъ: „вѣрно, у старика хорошіе шпіоны въ Римѣ"! Впослѣдствіи праведный мужъ простилъ мнѣ этотъ грѣхъ на исповѣди! И вотъ, такимъ образомъ, со смѣхомъ и глумленіями отправился я въ путь, къ югу отъ Рима, къ горѣ Гарганусу. Мнѣ пришлось ѣхать нѣсколько дней и по дорогѣ все время я обгонялъ сотни и тысячи богомольцевъ, шедшихъ туда же пѣшкомъ. Особенно усердные ползли на колѣняхъ, обремененные тяжелыми желѣзными цѣпями, бичуя въ кровь обнаженныя спины, при неумолкаемомъ пѣніи псалмовъ и непрестанныхъ молитвахъ. Весь этотъ народъ стремился съ сѣвера на югъ, желая послушать прозорливаго. Большая дорога кишила людьми, точно муравьями. Но мое сердце не умилилось такимъ зрѣлищемъ живительной вѣры; я только насмѣхался надъ благочестіемъ кающихся. Наконецъ, мы остановились у подножія крутой горы. Тутъ я соскочилъ съ лошади и крикнулъ моему конюху:

„— Ну, теперь смотри: сегодня во всякомъ случаѣ ты увидишь чудо. Я поднимусь на гору къ старику и, если вернусь обратно невѣрующимъ, это, конечно, будетъ великимъ чудомъ для множества народа, который приползъ сюда на колѣняхъ. Если же я сойду внизъ увѣровавшимъ, мое обращеніе будетъ еще несравненно бо́льшимъ чудомъ — для меня самого.

— Однако, мнѣ вовсе не пришлось спуститься съ горы! Нечестивый міряниnъ взошелъ на нее, а обратно снесли— монаха. О, друзья мои, ка́къ передать вамъ происшедшее со мной? Когда, послѣ долгихъ усилій, мнѣ удалось протѣсниться между сотнями и тысячами народа до самой вершины Гаргануса, то я, котораго не пугали никакія крутизны въ родимыхъ горахъ, почувствовалъ странное головокруженіе. Невыносимо палило калабрійское полуденное солнце; его отвѣсные лучи накалили до невозможности обнаженныя ши-

ферные утесы; а вокругъ ни деревца, ни кустика, ни полоски тѣни! И цѣлые часы пришлось мнѣ стоять на этомъ страшномъ солнопекѣ, когда я достигъ нагорной равнины и какой-то священникъ поставилъ меня въ ряду многихъ сотенъ другихъ богомольцевъ, пришедшихъ раньше и ожидавшихъ своей очереди войти въ тѣсную пещеру отшельника. Много часовъ простоялъ я такимъ образомъ. Итальянцамъ нипочемъ оставаться съ открытой головою на самомъ жаркомъ солнцѣ, и мнѣ пришлось поневолѣ сдѣлать то же. Сначала я не хотѣлъ снимать своей широкополой шляпы, но съ меня сорвали ее насильно и сбросили внизъ съ обрыва, едва только я занялъ мѣсто въ ряду съ другими; лѣзть въ драку было невозможно, я не могъ даже пошевелить рукой, до того меня сдавили въ тѣснотѣ. И вотъ, мало по малу, мнѣ стало казаться, будто бы мозгъ мой начинаетъ кипѣть или, вѣрнѣе, жариться: мысли какъ-то странно путались въ головѣ, въ ушахъ поднялся шумъ, точно отъ гудѣнья цѣлыхъ полчищъ комаровъ. Наконецъ, подошла и моя очередь. Съ трудомъ сдѣлалъ я два шага ко входу въ пещеру; въ вискахъ у меня стучало. Вступая въ узкое пространство, я былъ буквально оглушенъ звукомъ трубъ и тромбоновъ; казалось, моя голова разлетится въ дребезги. Кромѣ того, изъ пещеры пахнуло на меня запахомъ ладана, необыкновенно сладкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одуряющимъ; я чуть не задохнулся въ облакѣ благовоннаго дыма и напрасно жаждалъ глотка свѣжаго воздуха. Въ глубинѣ узкаго, но длиннаго грота представилось мнѣ цѣлое море огня; тамъ пылали цѣлыя тысячи свѣчей. Ослѣпленные ихъ блескомъ, мои глаза невольно закрылись отъ нестерпимой боли въ вѣкахъ. Однако я тотчасъ невольно открылъ ихъ опять, испуганный и потрясенный до глубины души страшнымъ голосомъ, исходившимъ какъ будто изъ могилы,—нѣтъ, изъ другаго міра:

„— Покайся! Молись! Близокъ конецъ свѣта и судъ,— говорилъ онъ, и я увидалъ передъ собою великаго святаго.

— О, друзья мои, это былъ уже не человѣкъ! Передо мной стояла высокая сухая фигура, похожая на скелетъ, обнаженная до пояса. Могучая голова была покрыта шапкой спутанныхъ сѣдыхъ волосъ. Глубоко запавшіе черные глаза горѣли огнемъ; было видно, что для нихъ доступны какъ

райскія выси,такъ и глубины геенны. Рядомъ съ подвижникомъ стоялъ на колѣняхъ во власяницѣ, съ головой, посыпанной пепломъ, какой-то человѣкъ. Всмотрѣвшись хорошенько, я тотчасъ узналъ въ немъ папу Сильвестра, котораго видалъ и раньше лицомъ къ лицу, во время послѣдняго похода противъ возмутившихся римлянъ. И этотъ великій мужъ, глава церкви, гордость ученаго міра, смиренно лобызалъ изсохшія руки старца, обнималъ его колѣни и повторялъ: „Я раскаиваюсь во грѣхахъ своихъ, въ своемъ высокомѣрномъ невѣріи! Истинно, истинно говорю вамъ: этому неученому старцу Господь открылъ пути свои! И близокъ день страшнаго суда“. Хотя сердце билось у меня въ груди съ такою силой, точно было готово разорваться на части, но все же я не сдавался. „Ну, что за важность!“ говорилъ я себѣ. „Попъ всегда останется попомъ: святѣйшій отецъ не лучше другихъ. Они всѣ стоятъ другъ за друга!“ Но тутъ—о, возлюбленные о Господѣ!..

Взволнованный воспоминаніями, великанъ вдругъ согнулся, какъ подкошенный, громко зарыдалъ и ударился лбомъ о перила помоста. Это подѣйствовало сильнѣе словъ. Въ толпѣ пробѣжалъ ропотъ ужаса. Мужчинъ трясла лихорадка; многія женщины истерически плакали; самъ епископъ Генрихъ прижалъ лѣвую руку къ мужественному сердцу.

XXX.

Однако братъ Мониторъ скоро оправился и продолжалъ, поднявъ голову:

— Тутъ увидѣлъ я, съ лѣвой стороны святаго, другую человѣческую фигуру. Второй богомолецъ былъ мнѣ также знакомъ, но я едва узналъ его. Передо мной стояль юноша въ цвѣтѣ силъ и красоты; золотыя кудри обрамляли его прекрасное лицо; онъ былъ хорошъ, какъ тѣ мраморные обнаженные боги, которыхъ откапываютъ въ Римѣ изъ-подъ развалинъ языческихъ храмовъ. Юноша также былъ обнажень и только опоясанъ по бедрамъ черной овечьей шкурой. Алая кровь струилась ручьями, потоками по его спинѣ, груди, бокамъ и сбѣгала на босыя ноги. Безостановочно и немилосердно бичевалъ онъ себя передо всѣмъ народомъ плетью о

семи ремняхъ съ желѣзными крючьями на концѣ, и также безостановочно повторялъ прерывающимся, охрипшимъ отъ изнеможенія голосомъ:

„— Каюсь и молю о помилованіи! Каюсь въ каждомъ помыслѣ, который прежде посвящалъ я міру съ его тщетной прелестью, ничтожнымъ великолѣпіемъ, забывая о царствіи небесномъ, ибо теперь я вижу передъ глазами своими грядущій страшный судъ".

— Голосъ кающагося показался мнѣ знакомымъ; я сталъ всматриваться въ его красивыя черты среди облаковъ ѳиміама. О, Спаситель міра! Да, это было, дѣйствительно, хорошо знакомое мнѣ лицо, но какъ оно измѣнилось, какъ страшно былъ изможденъ прекрасный юноша! Куда дѣвалась гордая осанка, свѣтлая юношеская красота того, кто былъ нашей гордостью и славой?

— Слушайте же, слушайте дальше! Можете ли вы представить, кого я видѣлъ передъ собою? Кто подавалъ такой поразительный примѣръ горячей вѣры и раскаянія? Кто стоялъ обнаженный, истерзанный, исхудавшій, точно преступникъ передъ плахой, подвергаясь немилосердому самобичеванію? Знайте же, что это былъ никто иной, какъ нашъ молодой государь, вѣнценосный внукъ славнаго Оттона Великаго, повелитель Германіи и Ломбардіи, властелинъ міра Оттонъ Третій!

Слова брата Монитора были встрѣчены стономъ толпы, подавленнымъ крикомъ жалости къ этому земному величію, добровольно униженному передъ небеснымъ судіею. И въ то же время сотни народа трепетали отъ восторга передъ такимъ подвигомъ неслыханнаго смиренія.

— Тутъ наступила жестокая расправа и надо мною!— продолжалъ монахъ, выпрямляясь.—Узнавъ государя, я, внѣ себя, протянулъ къ нему съ мольбою руки и пошатнулся. Наши взгляды встрѣтились. Онъ узналъ меня и воскликнулъ въ ужасѣ:

„— Горе, горе! Я узнаю тебя! Ты Арнъ, нечестивый, необузданный Арнъ, товарищъ столькихъ моихъ грѣховныхъ забавъ и на войнѣ, и на охотѣ, и въ мирное время! О, праведный мужъ господень! Вѣдь это тотъ самый человѣкъ, который пугалъ во Флоренціи народъ, переодѣвшись сатаною

и разогналъ процессію кающихся. Онъ былъ узнанъ и мнѣ донесли о происшествіи. Нечестивый Арнъ одержимъ бѣсомъ; изгони изъ него злаго духа, праведный старецъ.

— И юный императоръ безъ чувствъ покатился наземь. Что̀ тутъ было со мною?! Всѣ принялись кричать вокругъ меня: „Онъ одержимъ бѣсомъ! Одержимъ бѣсомъ!“ Страшная изсохшая фигура отшельника приблизилась къ намъ; старецъ протянулъ ко мнѣ костлявыя руки и заглянулъ своими горящими глазами прямо мнѣ въ глаза, ослѣпленные яркимъ блескомъ свѣчей и нывшіе отъ боли. Его взглядъ пронизалъ меня насквозь. Не смотря на жару, я почувствовалъ морозъ по кожѣ, когда онъ заговорилъ замогильнымъ голосомъ:

„— Да, я вижу, сынъ мой, что ты бѣсноватый, но не одного, а четырехъ бѣсовъ носишь ты въ себѣ отъ юности своей: бѣса пьянства, бѣса сластолюбія, бѣса буйства и бѣса глумленія. Я же призванъ Господомъ изгнать ихъ изъ тебя и ради этого Провидѣніе послало тебя сюда въ настоящую минуту. Встаньте, праведные и освященные! Схватите его и бичуйте до крови.

— Я громко вскрикнулъ. Однако, то былъ не страхъ передъ ударами, которые посыпались на меня градомъ изъ подъ двадцати бичей. Нѣтъ, рѣшительно нѣтъ! Я вскрикнулъ отъ ужаса передъ своей грѣховностью, отъ стыда за свою прошлую жизнь, отъ страха передъ четырьмя демонами, обладавшими мною. Въ моемъ пылающемъ мозгу явилась мысль: „Онъ правъ. Мудрый старецъ прочелъ въ моихъ глазахъ, что̀ я такое и что̀ таится въ глубинѣ моей души“. Я почувствовалъ, какъ злые демоны стали биться во мнѣ, извиваясь, точно ядовитыя змѣи, и, собравъ остатокъ силъ, крикнулъ во всю мочь:

— Да, да, благочестивые люди, святой старецъ сказалъ правду. Истинно чудеснымъ образомъ узналъ онъ демоновъ, которыми я одержимъ вотъ уже тридцать лѣтъ. О, изгоните ихъ! Спасите мою душу!

— Это были мои послѣднія сознательныя слова. Вслѣдъ затѣмъ, мной овладѣло безпамятство на долгое—долгое время! Я опомнился въ больницѣ при монастырѣ св. Михаила, облаченный въ монашескую одежду черныхъ братьевъ Гаргануса.

У моего изголовья, съ лѣвой стороны сидѣлъ государь императоръ, справа самъ папа, а въ головахъ стоялъ преподобный Нилъ, говоря:

„— Видите: все случилось по моей молитвѣ и по моему предсказанію. Вашъ греческій врачъ осудилъ больнаго на смерть отъ солнечнаго удара—sideratio, какъ называлъ онъ его недугъ. Все чудо сводилось только къ солнечному удару! Но я спросилъ ученаго богохульника: неужели солнце подѣйствовало и на душу новообращеннаго? Почему обратился онъ изъ Савла въ Павла? Истинно, истинно говорю вамъ: я облеку этого спасеннаго грѣшника въ одѣяніе моихъ черныхъ братьевъ, и онъ не умретъ, а если и умретъ, то черезъ три дня воскреснетъ. Такъ говорилъ я. И вотъ насталъ третій день и больной открылъ глаза, онъ выздоровѣлъ. Четверо демоновъ изгнаны изъ него навсегда.

— Старецъ наклонился надо мною, заглянулъ въ мою душу своими очами не отъ міра сего и торжественно спросилъ:

„— Вопрошаю тебя, во имя Господа, сынъ мой: раскаиваешься ли ты, вѣришь ли въ близость страшнаго суда?

— При звукѣ этого голоса, мнѣ пришло на память все видѣнное слышанное и пережитое мною въ пещерѣ отшельника; я содрогнулся и отвѣчалъ: „Угодникъ божій, я раскаиваюсь и вѣрю“! Тогда императоръ и папа кинулись къ ногамъ праведнаго Нила, охватили его колѣна и облобызали ихъ. Папа воскликнулъ: „Благо мнѣ! Я увидѣлъ чудо, котораго жаждалъ, чтобы отрѣшиться отъ послѣднихъ сомнѣній: оно совершилось передъ моими глазами“. Юный императоръ, между тѣмъ, рыдалъ, говоря: „Блаженъ я, что никогда не сомнѣвался въ тебѣ, святой старецъ, рабъ господень!“

— И я исповѣдался великому пророку. Ради искупленія грѣховъ, онъ наложилъ на меня запретъ: не ѣсть мяса во всю мою остальную жизнь, не прикасаться къ вину и вкушать пищу не чаще, чѣмъ черезъ два дня въ третій.—Что̀ можетъ быть легче этого? Наконецъ, отшельникъ присовокупилъ:

„— Ты выѣдешь отсюда, какъ посолъ святѣйшаго папы и мой. Такъ какъ ты глумился надъ близостью страшнаго суда, то я приказываю тебѣ возвѣщать объ этомъ жителямъ твоей родины, а здѣсь, въ Италіи, произнести проповѣдь только на площади города Флоренціи. Тамъ, гдѣ устами твоими гово-

рилъ демонъ высокомѣрія и насмѣшки, пускай глаголетъ теперь духъ истины. Если на твоей родинѣ не повѣрятъ словамъ твоимъ и станутъ глумиться надъ тобою люди, преданные мірской суетѣ, это будетъ достойной карой за твое прежнее невѣріе и глумленіе. Если же тебѣ повѣрятъ, ты еще до страшнаго суда успѣешь спасти души многихъ, а черезъ то и свою собственную; предвѣчный судія вмѣнитъ тебѣ въ великую заслугу обращеніе ближнихъ.

— Вскорѣ послѣ того, я получилъ отъ папы грамоту за его печатью и это черное знамя, а отъ императора—колесницу съ четверкой вороныхъ, и отправился исполнять наложенный на меня искусъ. Господь благословилъ труды мои, начиная съ проповѣди во Флоренціи. Флорентинцы выпрягли у меня коней, чтобы съ торжествомъ внести въ церковь на своихъ плечахъ новообращеннаго грѣшника. На родинѣ, мои воззванія также не пропали даромъ: взгляните на эти сотни спасенныхъ. Увѣщеваю и васъ, епископъ Вюрцбурга, и все здѣшнее духовенство, епископскихъ слугъ, горожанъ и крестьянъ, послѣдовать примѣру этихъ людей. Не ожесточайте сердецъ вашихъ. Великое чудо у васъ передъ глазами: святой отшельникъ обратилъ на путь истины Арна, нераскаяннаго грѣшника. Примите заповѣдь святѣйшаго отца, папы римскаго, государя императора и святаго Нила. Кайтесь, кайтесь и вѣруйте: близокъ день суда. Едва наступитъ солнечный поворотъ въ этомъ году—а до него осталось всего нѣсколько недѣль—въ самую полночь весь міръ будетъ охваченъ пламенемъ, погибнетъ въ морѣ огня и тогда свершится судъ надъ людьми.

Съ трудомъ договоривъ свою рѣчь, монахъ лишился чувствъ. На губахъ у него выступила пѣна. Обезсиленный, онъ упалъ на руки одного изъ товарищей, увлекая за собой и гигантское знамя. Остальные же три монаха принялись, какъ ни въ чемъ не бывало, оглушительно трубить, точно день страшнаго суда уже насталъ и воздухъ оглашаютъ архангельскія трубы. Потомъ они стегнули коней; вороные дернули колесницу и тяжелый громоздкій экипажъ медленно покатился дальше, а за нимъ съ пѣніемъ, криками, воемъ повалилъ народъ: сотни пришельцевъ, тысячи горожанъ и крестьянъ изъ ближайшихъ мѣстностей. Вся эта масса неудержимо хлынула въ

городъ. Не ожидая внезапнаго напора обезумѣвшей отъ страха толпы, епископъ со своими приближенными не успѣлъ уклониться въ сторону и былъ противъ воли увлеченъ общимъ потокомъ.

XXXI.

Такой оборотъ дѣлъ принесъ много хлопотъ графу Ротенбургу, какъ пастырю и администратору. На всемъ западѣ вѣра въ близость свѣтопреставленія пустила глубокіе корни. Положимъ, не во всѣхъ странахъ проповѣдь о гибели міра встрѣтила одинаково воспріимчивую почву. Въ Италіи и на югѣ Франціи, гдѣ населеніе отличается бо́льшей впечатлительностью, нашлось и бо́льшее число увѣровавшихъ, и религіозный энтузіазмъ былъ пламеннѣе, тѣмъ болѣе, что источникъ его находился ближе: скиты южно-итальянскихъ отшельниковъ, а наконецъ и самый Римъ.

Болѣе хладнокровные германцы относились къ ужасному пророчеству спокойнѣе, часто съ недовѣріемъ, но зато, когда ихъ удавалось убѣдить, они вѣровали твердо; до нѣкоторыхъ же округовъ, на сѣверѣ и востокѣ Германіи, слухъ этотъ достигъ только смутно. Но гдѣ, какъ въ Вюрцбургѣ и Вальдзассенгау, проповѣдовалъ уполномоченный папы, императора и святаго чудотворца, одушевленный пламенной вѣрой и фанатическимъ усердіемъ, его убѣжденія дѣйствовали неотразимо. Ни одна душа изъ той массы народа, которая видѣла прибытіе брата Монитора и слышала его воззваніе на мѣстѣ праздника стрѣлковъ, не усомнилась въ его словахъ. Даже старикъ Радо шепнулъ Гельмуту:

— Это вѣрно! Свѣтопреставленіе наступитъ какъ разъ во время поворота солнца. Я давно это зналъ! И міръ погибнетъ, только не такъ, какъ воображаютъ себѣ попы.

Между тѣмъ Зупфо, поглощенный болѣе важными дѣлами, не показывался цѣлый вечеръ изъ нѣдръ виннаго погреба.

Еще въ тотъ же день траурная колесница съ монахами проѣхала черезъ городъ, внизъ по теченію Майна, и скрылась вдалекѣ, сопровождаемая толпами пришлаго люда. Епископъ принялъ мѣры, чтобъ воспрепятствовать смутамъ въ

своемъ приходѣ и ускорить удаленіе брата Монитора съ его свитой.

Едва онъ вернулся домой, его первой заботой было послать курьера въ Бамбергскую область, гдѣ, по его разсчету, еще стояли лагеремъ венды. Въ письмѣ къ архидьякону Беренгару епископъ строго наказывалъ ему прекратить всякіе переговоры съ вождемъ берунцанъ, пожертвовать задаткомъ, если онъ былъ уже уплаченъ, и немедленно вернуться домой. Теперь не стоило больше хлопотать о завоеваніи графства для св. Бургарда, такъ какъ цѣлой вселенной предстояло скоро погибнуть въ пламени. Во всемъ же остальномъ дѣятельный, здравомыслящій епископъ руководствовался тѣмъ убѣжденіемъ, что молитва и покаяніе передъ концомъ міра не должны мѣшать исполненію ежедневныхъ обязанностей каждаго, хотя бы и въ сферѣ чисто мірскихъ интересовъ. Поэтому онъ увѣщевалъ свою паству не бросать домашнихъ работъ, заботиться о семьѣ, и самъ подавалъ примѣръ духовной бодрости. Какъ предвидѣлъ графъ Генрихъ, такъ и случилось: проповѣдь о близости страшнаго суда расположила къ исправленію далеко не всѣхъ.

Общая паника и чрезмѣрное волненіе умовъ обѣщали мало хорошаго. Дѣйствительно, однихъ обуяло уныніе, другіе бросились въ безумныя крайности, третьи предавались всѣмъ порокамъ, забывая стыдъ и совѣсть. Весь строй общественной жизни былъ расшатанъ въ своихъ основахъ, и единственное средство противъ этого зла заключалось въ строгомъ исполненіи своего долга каждымъ въ отдѣльности и всѣми вообще.

Такъ смотрѣлъ на вещи епископъ Вюрцбурга и старался внушить то же самое своей растерявшейся паствѣ съ каѳедры, во время проповѣди, въ исповѣдальнѣ и въ частныхъ бесѣдахъ съ духовенствомъ и мірянами.

Въ самомъ дѣлѣ, напуганные жители Вальдзассена сильно нуждались въ пастырскомъ увѣщаніи. Почти весь женскій полъ и большинство мужчинъ искренно каялись и сокрушались о грѣхахъ своихъ, ожидая гибели міра. Страхъ передъ гнѣвомъ всевѣдущаго судіи, передъ смертью и адомъ заставилъ многихъ дѣлать богатые вклады въ церкви, монастыри и богоугодныя заведенія, чтобъ заручиться заступничествомъ

тѣхъ святыхъ, которымъ они были посвящены: въ этомъ сомнительномъ усердіи сказывался извѣстный духъ эпохи. Пожертвованія на церкви отъ государствъ и частныхъ лицъ достигли въ то время громадной цифры; они заключались въ крайне выгодныхъ коронныхъ правахъ, состояли изъ недвижимаго имущества, въ видѣ домовъ и земель, а также изъ капиталовъ, изъ золотой и серебряной церковной утвари и драгоцѣнныхъ украшеній. Принимать подобныя пожертвованія приходилось и епископу вюрцбургскому, въ честь св. Киліана, Бургарда и другихъ мѣстныхъ угодниковъ. Богатыхъ даровъ накопилось, наконецъ, такъ много, что некуда было ихъ дѣвать. Графа Генриха не радовали, однако, эти проявленія набожности, потому что щедрый жертвователь только на три недѣли отказывался отъ земныхъ благъ, которыя приносилъ святому, и вдобавокъ не изъ безкорыстнаго усердія, а изъ малодушнаго страха передъ муками геенны. Однако епископъ не могъ отвергать приносимаго; это запрещалось каноническимъ уставомъ. Къ тому же, отказъ съ его стороны—принять чью нибудь лепту—могъ ожесточить народъ, довести его до отчаянія, до расточительности на грѣшныя удовольствія. Между тѣмъ, дарственныя грамоты такъ и сыпались со всѣхъ сторонъ, а пожертвованное имущество быстро накоплялось въ такомъ громадномъ количествѣ, что имъ былъ заваленъ и епископскій домъ, и другія принадлежащія къ нему строенія; для той же цѣли пришлось очистить домикъ, гдѣ жили обѣ племянницы епископа, и двоюродныя сестры были разлучены.

Графъ Ротенбургъ рѣшилъ, что постриженіе Миннегарды должно непремѣнно состояться. Напрасно молодая дѣвушка со слезами умоляла не дѣлать этого, доказывая, что для нея безразлично встрѣтить смерть при кончинѣ міра въ монашескомъ или свѣтскомъ званіи. Всѣ эти доводы были ласково, но вмѣстѣ съ тѣмъ настоятельно отвергнуты дядей. По его словамъ, еслибы святѣйшій отецъ не подтвердилъ пророчества о близкомъ свѣтопреставленіи, онъ, пожалуй, уступилъ бы просьбамъ племянницы, такъ какъ давно успѣлъ убѣдиться, что она—вольное дитя горной страны — вовсе не имѣетъ склонности къ затворничеству. Но теперь ей все равно не удастся устроить жизнь по влеченію сердца, и потому онъ находитъ нужнымъ исполнить предсмертную волю ея покой-

ной матери. Епископъ также раздѣлялъ ходячее мнѣніе своихъ современниковъ, что человѣку легче умирать въ монашеской, чѣмъ въ свѣтской одеждѣ, но понятно, что послѣдній доводъ мало подѣйствовалъ на Миннегарду. Уже одно то, что ей предстояло умереть прежде, чѣмъ перейти въ вѣчность, казалось молодой дѣвушкѣ достаточно жестокимъ. Она полагала, что люди, дожившіе до страшнаго суда, избавлены отъ смерти. Однако ей объяснили, что загробная жизнь совсѣмъ не то, что земная, и лишь немногимъ избраннымъ дано войти въ царствіе божіе, не увидѣвъ тлѣнія.

Послѣ этой бесѣды съ епископомъ, убитую горемъ Миннегарду отвезли въ обитель „набожныхъ сестеръ“, въ сѣверной части города за деревянными воротами, но въ чертѣ городскихъ укрѣпленій. Обитель стояла на правомъ берегу рѣки, ниже по теченію, гдѣ теперь пролегаетъ дорога въ Фейтсгёхгеймъ. Здѣсь молодая дѣвушка подготовлялась благочестивыми женщинами къ своему постриженію; епископъ самъ хотѣлъ совершить надъ нею священный обрядъ въ вюрцбургскомъ соборѣ, какъ разъ передъ наступленіемъ роковой полночи, за которой долженъ былъ послѣдовать конецъ міра. Эдель, подъ присмотромъ фрау Мальвины, была переведена въ маленькій домикъ, принадлежавшій ея дядѣ. Онъ стоялъ противъ обители „набожныхъ сестеръ“, но выше по теченію Майна, за южными воротами и Песчанымъ предмѣстьемъ, вблизи большаго луга, на которомъ происходили народные праздники, а, слѣдовательно, внѣ городскихъ стѣнъ. Фулько не удалось даже проститься съ любимой дѣвушкой; передъ ея отъѣздомъ изъ прежняго жилища, рядомъ съ епископскимъ домомъ, обоимъ молодымъ рыцарямъ пришлось отправиться въ сосѣднія деревни около Вюрцбурга. Послѣ злополучнаго праздника стрѣлковъ, прерваннаго такъ трагически, графъ Генрихъ часто посылалъ Гельмута и Фулько на развѣдки по окрестностямъ.

Воинственному епископу, кромѣ неотложныхъ заботъ по епископату, духовныхъ и свѣтскихъ дѣлъ, приходилось еще теперь заботиться и о военной оборонѣ графства. Мысль о близкомъ концѣ далеко не всѣхъ привела къ сердечному сокрушенію; въ приходѣ графа Ротенбурга нашлось много людей, грубыхъ по натурѣ, одаренныхъ физической мощью, у

которыхъ здоровое тѣло слишкомъ преобладало надъ духомъ. Увѣровавъ въ близость свѣтопреставленія, они, напротивъ, спѣшили безъ удержу наслаждаться жизнью, пока еще свѣтило солнце и горячая кровь кипѣла у нихъ въ жилахъ. Въ своемъ безуміи, они старались заглушить страхъ смерти разнузданнымъ весельемъ, бросались, очертя голову, въ омутъ страстей; своевольничали, нарушая всѣ церковныя уставы и гражданскіе законы.

Въ самомъ городѣ епископъ подавлялъ всѣ подобныя безчинства желѣзною рукою. Этому храброму человѣку пришлось по сердцу, что отсутствіе настоящаго правителя графства, почти со всѣмъ своимъ войскомъ, при теперешнихъ критическихъ обстоятельствахъ, косвенно налагало на него обязанность охранять безопасность страны.

Какъ въ другихъ частяхъ Германіи, такъ и въ Вальдзассенѣ и въ Рангау близъ Вюрцбурга, а также въ бѣдныхъ мѣстностяхъ Шпессарта, затѣмъ въ Майнгау, куда непосредственно отправился монахъ Мониторъ проповѣдовать о близкомъ концѣ, стали собираться вооруженныя шайки. Производя грабежи и пожары, они нападали на ближайшія дворянскія усадьбы и даже монастыри, гдѣ опустошали винные погреба и кладовыя; нерѣдко это дѣлалось изъ мести жестокимъ владѣльцамъ. Но разбойники не щадили и зажиточныхъ простолюдиновъ, врываясь въ ихъ дома, чтобы взять оттуда все, что могло принести имъ забвеніе въ чаду запретныхъ удовольствій. Женщинамъ и дѣвушкамъ тоже не было пощады; ихъ подъ угрозой смерти заставляли принимать участіе въ самыхъ возмутительныхъ оргіяхъ и не щадили ни невинности, ни цѣломудрія.

Шайки безчинствовавшихъ состояли большею частью изъ бѣглыхъ крѣпостныхъ, арестантовъ, бродягъ, разбойниковъ и недовольныхъ обѣднѣвшихъ крестьянъ.

Но тяжело было узнать епископу Генриху, что между этими негодяями находилось много ремесленниковъ, работавшихъ у него на постройкахъ и неожиданно оставшихся безъ дѣла, что и довело ихъ сначала до нищеты, а затѣмъ до разбоя. Такимъ образомъ, онъ самъ нечаянно доставилъ значительное подкрѣпленіе скопищамъ безшабашной вольницы, и уже одно это налагало на графа Ротенбурга нравственную

обязанность усмирить безпорядки. Съ пылкимъ усердіемъ, но какъ опытный и осмотрительный воинъ, взялся онъ за эту задачу.

Вюрцбургскій соборъ теперь ежедневно былъ переполненъ молельщиками до послѣдняго уголка и епископъ обратился къ народу съ пламенной проповѣдью, приглашая всѣхъ жителей графства, способныхъ къ военной службѣ, взять оружіе и подняться противъ мятежниковъ. Онъ отдавалъ въ ихъ распоряженіе собственный богатый арсеналъ и собственную стражу подъ предводительствомъ своихъ рыцарей. Постоянные набѣги грабителей на монастыри, села и незащищенныя усадьбы требовали немедленнаго отпора. Нужно было дѣлать постоянные объѣзды по округу, разыскивать разбойничьи скопища, хоронившіяся по лѣсамъ, и разбивать ихъ. Епископъ выставлялъ это дѣло, какъ подвигъ, болѣе угодный Богу, чѣмъ постъ и молитва. Его пламенное краснорѣчіе—„онъ говорилъ, какъ полководецъ, а не какъ попъ“, замѣтилъ Фулько—произвело сильное впечатлѣніе на слушателей. Въ тотъ же часъ, на епископскомъ дворѣ собралось около двухсотъ вооруженныхъ гражданъ и число ихъ все возрастало.

Графъ Ротенбургъ воскресалъ душою послѣ своихъ утомительныхъ пастырскихъ трудовъ—которые зачастую тяготили его—когда ему приходилось выступать противъ разбойниковъ во главѣ вооруженнаго отряда, верхомъ на конѣ и въ боевомъ шлемѣ вмѣсто епископской митры, что̀, конечно, было несовсѣмъ согласно съ каноническимъ уставомъ. Онъ разбилъ и разсѣялъ мятежниковъ, напавшихъ на Ашаффенбургъ на сѣверо-западѣ, на Киццингенъ на сѣверо-востокѣ. Мало того: они осмѣливались буйствовать даже въ самомъ Вальдзассенѣ, близь Вюрцбурга; такъ, отъ нихъ пострадали: Гольцкирхенъ, Гельмштедтъ, Утингенъ, Рёмлингенъ, Фотингенъ, Биркенфельдъ, Гиммельштадтъ, Штейнбахъ и Трифенфельдъ, гдѣ разбойники производили грабежи, безчинства и насилія.

Не одному епископу, но и его приближеннымъ приходилось нести усиленные военные труды. „Мнѣ этого мало!“ ворчалъ однако недовольный Гельмутъ. „Съ такими трусами не стоитъ драться! Они сейчасъ готовы бѣжать. Ахъ, хоть бы еще одна жаркая битва, одно настоящее сраженіе передъ концомъ!“

XXXII.

Не смотря, однако, на всѣ религіозныя волненія и гражданскія смуты послѣднихъ недѣль, время шло своимъ чередомъ и жизнь заявляла свои права и требованія, какъ и въ самыя мірныя эпохи. Люди готовились встрѣтить неизбѣжную смерть, а между тѣмъ не могли заглушить въ себѣ естественныхъ потребностей; бренное тѣло требовало и сна, и пищи для своего подкрѣпленія.

Однажды епископъ Генрихъ, проходя по сѣнямъ нижняго этажа, услышалъ громкую брань своего вѣрнагоЗупфо. Его рѣчь гулко раздавалась подъ каменными сводами погреба, пересыпанная крѣпкими словечками, предназначенными не для епископскаго слуха. Это заставило графа остановиться, чтобъ сдѣлать мимоходомъ выговоръ своему подчашему. Онъ перегнулся черезъ перила каменной лѣстницы, спускавшейся въ подвалъ, и крикнулъ сверху:

— Какъ тебѣ не стыдно, Зупфо! Неужели твоя работа пойдетъ хуже безъ проклятій и сквернословія? только и слышишь на каждомъ шагу: „разрази тебя!“ да „провались ты сквозь землю!“ Съ чего ты вдругъ раскипятился?

— Ахъ, господинъ Гецило!—отвѣчалъ толстякъ, ковыляя вверхъ по лѣстницѣ,—ну, какъ мнѣ не бѣситься? Знаете, что надѣлали эти ослы, мои помощники? Откупорили драгоцѣнный штейнвейнъ. Теперь онъ не продержится долѣе двухъ лѣтъ!

— Но, Зупфо, вѣдь двѣ недѣли спустя все будетъ кончено!

— Да... да... конечно! Однако, все таки!.. Вотъ вы же сами сказали такую отличную проповѣдь вчера за вечерней.— Я такъ часто слышу отъ васъ эти слова, что затвердилъ ихъ наизустъ!—„Возлюбленные о Господѣ! Прежде всего исполняйте вашъ долгъ, какъ въ великомъ, такъ и въ маломъ (а вѣдь мой штейнвейнъ не какая нибудь пустяковина!) точно все идетъ по старому, какъ шло и прежде“.

— Но, „вмѣстѣ съ тѣмъ, житейскія дѣла не должны отвлекать васъ отъ мысли о близкомъ концѣ“, —прибавилъ я.—У тебя же, мой другъ, или слишкомъ спокойная совѣсть, или— по прежнему—черезчуръ большой запасъ легкомыслія.

— То и другое, дорогой господинъ!—откровенно сознался

подчашій, прижимая руку къ кожаному переднику на пограничной области между сердцемъ и желудкомъ.

— А что у тебя тамъ такое?—спросилъ епископъ, нагибаясь черезъ перила и заглядывая въ погребъ. — Вонъ тамъ, въ большомъ ящикѣ, который по твоему приказанію перетаскиваютъ въ боковое отдѣленіе?

— Это?.. Это?.. Этакій маленькій ящичекъ, хотите вы сказать? Да... ничего тамъ... такого особеннаго!

— Да что въ немъ? Церковная утварь, что ли?

— О, нѣтъ, такъ сказать... совсѣмъ напротивъ! Это мѣха съ... съ греческимъ виномъ, пожертвованнымъ императрицей Ѳеофаніей—пошли ей, Господи, милость свою! — вамъ или, точнѣе говоря, св. Бургарду, какъ было сказано въ ея грамотѣ. Но такъ какъ св. Бургардъ уже такъ давно — въ Срѣтенье минуло тому двѣсти сорокъ шесть лѣтъ! — послѣдній разъ отвѣдалъ вина, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, оно предназначалось собственно въ вашу пользу. А ящикъ съ этой посылкой мѣшаетъ при работѣ въ погребѣ; вотъ я и велѣлъ убрать его въ сторонку...

— Совсѣмъ напрасная возня!—замѣтилъ епископъ и вышелъ изъ дому, направляясь въ соборъ, гдѣ его ждали исповѣдники.—Совсѣмъ напрасно!—повторилъ онъ еще дорогой.

— Кто знаетъ? — проворчалъ про себя Зупфо, улыбаясь съ легкой гримасой и задумчиво поглядывая вслѣдъ своему господину.

XXXIII.

Нѣсколько дней спустя, рыцарь Фулько возвращался съ новаго похода противъ разбойниковъ. Было уже темно; онъ оставилъ свой отрядъ въ Песчаномъ предмѣстьѣ, сдалъ великолѣпнаго воронаго коня на руки стремянному, а самъ, погруженный въ глубокую, но не по прежнему пріятную задумчивость, пробирался по узкой улицѣ за городскимъ валомъ, пролегавшей съ востока на западъ къ рѣкѣ; ему хотѣлось по дойти къ обители набожныхъ сестеръ, чтобы хоть издали увидать Миннегарду или быть замѣченнымъ ею. До сихъ поръ ему ни разу еще не удавалось обмануть бдительность благочестивыхъ

женщинъ, которыя зорко стерегли отъ посторонняго глаза довѣренную имъ дѣвушку.

Юноша напѣвалъ пѣсню, создававшуюся подъ вдохновеніемъ минуты:

«Миннегарда, отрада очей,
Я плѣненъ красотою твоей!..»

Вдругъ изъ маленькаго переулка, пересѣкавшаго улицу, по которой онъ шелъ, до слуха юноши донеслось тявканье собаки, прерываемое двумя спорящими голосами и, наконецъ, женскій крикъ о помощи. Рыцарь бросился туда и, не смотря на темноту, успѣлъ еще замѣтить, какъ за угломъ мелькнули двѣ бѣлокурыхъ косы; лохматая собачонка съ сердитымъ лаемъ прикрывала отступленіе бѣглянки.

— А, любезный Бландинъ! Клянусь вашимъ св. Маркомъ! Вы опять принялись дразнить дѣтей и воевать съ собачками?— воскликнулъ Фулько. —Неужели вамъ не терпится, пока эта вишенка созрѣетъ? Она еще кисла — тѣмъ болѣе для васъ. Ахъ, да! Я и забылъ — ожиданіе не имѣетъ больше смысла! Черезъ двѣ недѣли... Но во всякомъ случаѣ оставьте въ покоѣ маленькую толстушку, иначе...

— Чортъ васъ побери! Я люблю это прелестное созданіе и охотно сдѣлалъ бы ее догарессой, еслибъ до тѣхъ поръ вселенная—по какому-то странному недоразумѣнію!—не грозила разсыпаться прахомъ!—воскликнулъ венеціанецъ, круто повернувшись къ Фулько и обнажая узкую шпагу. — Однако, что вамъ за дѣло до меня? Зачѣмъ вы лѣзете туда, гдѣ васъ не спрашиваютъ, провансалецъ? Ни я, ни эта дѣвушка не состоимъ подъ вашей опекой. Ступайте прочь! Ступайте, говорятъ вамъ!

Но Фулько не думалъ трогаться съ мѣста; онъ также успѣлъ обнажить оружіе и ловко отражалъ сыпавшіеся на него удары нападающаго.

— Отлично, отлично!—со смѣхомъ приговаривалъ пѣвецъ.—Вотъ этотъ двойной выпадъ былъ просто прелесть! Однако, полно дурачиться.

Шпага венеціанца взлетѣла на воздухъ. Провансалецъ поднялъ ее съ земли и, граціозно кланяясь, протянулъ богато раззолоченную рукоятку противнику. Обезоруженный Бландинъ въ замѣшательствѣ вложилъ оружіе въ ножны.

— Знаете, что?—добродушно продолжалъ побѣдитель.— Никогда еще не производили вы на меня такого выгоднаго впечатлѣнія, какъ сію минуту. По крайней мѣрѣ, я убѣдился, что вы способны на честный порывъ храбрости или хотя запальчивости, да и фехтуете недурно. Еслибъ хорошенькая Рунель могла видѣть васъ въ эту минуту, вы сильно выиграли бы въ ея глазахъ. Вѣрьте, я желаю вамъ добра, юный левъ св. Марка. Въ васъ есть огонекъ и вы обѣщаете много. Только оставьте—на эти немногіе дни — свое франтовство и важничанье! Сначала сдѣлайтесь мужчиной, а потомъ ужь гоняйтесь за женщинами. Клянусь амуромъ, я браню васъ не за то, что вы влюблены въ виду близкой кончины міра. Съ моей стороны это было бы просто грѣшно! Но все хорошо въ свое время и на своемъ мѣстѣ. Только сильный достоинъ любви красавицъ. Будьте увѣрены, если дѣвушки увидятъ, по вашему обхожденію съ мужчинами, что вы съумѣете постоять за себя, онѣ перестанутъ смѣяться надъ вашимъ ухаживаньемъ да еще сами станутъ въ васъ заискивать. Жаль, что я не успѣю наставить васъ на путь истинный и вамъ некогда послѣдовать моимъ совѣтамъ. Но хорошо будетъ и то, если вы послушаетесь меня хотя на этотъ короткій срокъ. Лучше поздно, чѣмъ никогда. Подумайте только, каково вамъ будетъ въ скоромъ времени предстать передъ Георгіемъ Побѣдоносцемъ, которому подвластны всѣ рыцари! Вѣдь онъ непремѣнно спроситъ васъ: „Рыцарь Бландинъ изъ Венеціи, чѣмъ занимались вы на землѣ? Что вы дѣлали въ продолженіе двадцати лѣтъ, во время своего отрочества и юности?“ Вѣдь вамъ захочется провалиться со стыда сквозь землю (впрочемъ, сама земля провалится въ преисподнюю раньше этого)! Какой отвѣтъ вы будете держать храброму святому? „Я гонялся за дѣвушками, да и то часто безуспѣшно?“ Ну, не позоръ ли это для рыцаря?

— Вы... вы, пожалуй, отчасти правы,—нерѣшительно замѣтилъ Бландинъ, потупляя глаза.—Я приму вашъ совѣтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, и отлично! Завтра же поѣдемте вмѣстѣ воевать съ мятежниками. Ручаюсь вамъ: каждый мужчина научится молодецки ѣздить верхомъ, управлять оружіемъ и пить вино, если будетъ дѣлить военные труды и веселыя похожденія Фулько Ивоннскаго!

XXXIV.

Когда настала ночь, на большую дорогу вдоль Майна выѣхалъ изъ южныхъ воротъ нетерпѣливый всадникъ; онъ, то и дѣло, погонялъ впередъ своего буланаго, хотя лошадь мчалась во всю прыть.

На возвышенностяхъ по направленію къ Рандерсакеру, покрытыхъ въ настоящее время виноградниками, зеленѣлъ въ то время густой лѣсъ. Въ отличіе отъ королевскаго, онъ назывался „графскимъ“, потому что принадлежалъ къ леннымъ владѣніямъ графа, управлявшаго Вальдзассеномъ. На разстояніи часа пути отъ общиннаго луга, вверхъ по теченію Майна, отъ большой дороги начиналась влѣво тропинка, извивавшаяся по лѣснымъ склонамъ до самой вершины горы, покрытой темнымъ первобытнымъ лѣсомъ. На эту узкую тропинку повернулъ ночной путникъ. Вѣроятно, онъ былъ хорошо знакомъ съ мѣстностью, потому что кусты боярышника и бирючины сильно затрудняли здѣсь ѣзду по узкой дорожкѣ. Хотя мѣсяцъ, поднявшійся выше цѣпи холмовъ, обливалъ своимъ фантастическимъ сіяніемъ западные склоны, большую дорогу и серебрилъ волны рѣки, но не унимавшійся вѣтеръ ежеминутно заслонялъ неполный дискъ ночнаго свѣтила, вызывая рѣзкіе переходы отъ полнаго мрака къ слишкомъ яркому свѣту, что̀ приносило больше вреда, чѣмъ пользы, не давая глазу освоиться съ темнотой. Едва тропинка стала круче, всадникъ принужденъ былъ спрыгнуть съ лошади и вести ее въ поводу; не смотря на это, она все таки часто спотыкалась объ угловатые корни деревьевъ, бороздившіе почву.

— Полно бояться, Фалькъ! Иди только осторожнѣй! — уговаривалъ онъ встревоженное животное.—Вотъ видишь: днемъ ты несешь меня, а ночью, въ темнотѣ, я служу тебѣ проводникомъ. Услуга за услугу; вѣрность за вѣрность... Не пугайся, то былъ свѣтлякъ-червячокъ! — Конечно, по ночамъ, въ вѣтвяхъ ели гнѣздится что-то таинственное, способное напугать даже привычнаго лѣснаго охотника. Недаромъ случалось, что тѣ, кто блуждалъ по лѣсу въ ночную пору, возвращались домой не въ своемъ разсудкѣ. Тише, буланый! Зачѣмъ брыкаться? Вѣдь это пролетѣла сова, хлопая

крыльями; а на старомъ пнѣ отливаетъ краснымъ блескомъ не огонь, а свѣтящееся гнилое дерево. Ну же, иди, не бойся! Не на худое отправляемся мы съ тобою.

Послѣ крутаго поворота вправо, на вершинѣ горы въ нѣкоторомъ отдаленіи сталъ виденъ огонекъ.

Дорога вела къ нему.

Вдругъ подкованное переднее копыто лошади, ступавшей до тѣхъ поръ неслышно по лѣсной травѣ, ударилось о камень; этотъ стукъ гулко раздался въ ночной тишинѣ; на него тотчасъ отвѣтилъ сверху громкій яростный лай собаки, и громадное животное большими прыжками бросилось къ человѣку, нарушившему торжественное безмолвіе вѣковаго лѣса. Одинокій путникъ едва успѣлъ отмахнуться древкомъ копья.

— Гиро! Ахъ ты, вѣрный сторожъ! Да развѣ ты меня не узнаешь?—воскликнулъ онъ успокоительнымъ тономъ.

Сердитый песъ остановился, какъ вкопанный, понюхалъ воздухъ и принялся весело подпрыгивать, ласкаясь къ человѣку и лошади.

— Ну, хорошо, хорошо, бдительный другъ! Излишняя осторожность лучше безпечности. Пойдемъ же наверхъ, къ твоему господину.

Вскорѣ всадникъ, съ конемъ въ поводу, добрался до вершины горы. Собака съ веселымъ лаемъ вела его впередъ. На лѣсной прогалинѣ, у подножія громаднаго стараго ясеня горѣлъ маленькій костеръ, распространявшій больше дыму, чѣмъ свѣта.

У огня, прислонившись къ могучему стволу дерева, стоялъ высокій, худой мужчина въ плащѣ изъ волчьихъ шкуръ; въ рукахъ у него былъ громадный шестъ, какимъ угольщики мѣшаютъ уголья въ своихъ ямахъ. Онъ молча смотрѣлъ вверхъ, на мѣсяцъ, сейчасъ появившійся изъ облаковъ, и только легкимъ наклоненіемъ сѣдой головы привѣтствовалъ пришедшаго. Тотъ, между тѣмъ, привязалъ своего буланаго къ молодому буку съ подвѣтряной стороны, чтобъ дымъ отъ костра не безпокоилъ лошадь.

— Ну, Радо, скажи мнѣ: я не опоздалъ?—Въ этомъ вопросѣ звучала тревожная торопливость. —Ты знаешь, вѣдь мнѣ нельзя было тотчасъ отправиться сюда; сумерки еще не сгустились, а епископъ, возвращавшійся со своимъ отря-

домъ въ городъ, каждую минуту могъ на меня наткнуться. Я даже боюсь, что онъ узналъ меня издали, какъ тогда, на вашемъ дворѣ. Мнѣ пришлось еще поколесить, чтобъ скрыть свои слѣды на случай, еслибъ ему вздумалось послать одного изъ своихъ всадниковъ вслѣдъ за мною, а между тѣмъ ты непремѣнно требовалъ, чтобъ я пріѣхалъ сюда къ назначенному времени.

Старикъ, отставивъ въ сторону свой шестъ, утвердительно кивнулъ головою.

Только въ урочное время,
Только на мѣстѣ священномъ
Намъ удается успѣшно
Тайныя чары свершать.

— Такъ гласитъ изреченіе предковъ. Мы еще успѣемъ сдѣлать свое дѣло. Вонъ видите, молодой господинъ Гельмутъ, вправо отъ кроткаго мѣсяца маленькую звѣздочку? „Пряжкою Голлы“ она зовется, и наша дорогая, бѣлоснѣжная фрау Голла носитъ ее на груди. Этой звѣздочкѣ нужно отстоять всего на три ладони отъ мѣсяца. Значитъ, намъ придется еще потерпѣть немного. Спрашивайте у меня теперь о томъ, что̀ вамъ любопытно узнать, потому что:

Когда приступимъ къ дѣлу,
Пустые разговоры прочь!

XXXV.

— Какъ благодарить мнѣ тебя, мой вѣрный Радо? Ты исполняешь мое послѣднее пламенное желаніе. Кромѣ этого, мнѣ ничего больше не надо.

— Благодарить? Да это совсѣмъ лишнее! Вашъ покойный отецъ заранѣе отблагодарилъ меня за все, разъ навсегда. Долгіе годы, пока я, уступленный ему графами Ротенбургскими, состоялъ при немъ стремяннымъ, постоянно сопровождая вашего батюшку во всѣхъ походахъ и на охотѣ, — эти годы были лучшими въ моей жизни. Съ тѣхъ поръ какъ господинъ мой скончался и графъ Генрихъ поступилъ въ попы, а я въ пастухи къ здѣшнимъ горожанамъ, — мало радости приноситъ мнѣ жизнь. Хорошо еще, что я могу бродить по лѣсу, занимаясь охотой и обжиганьемъ угля возлѣ своихъ стадъ; это моя единственная от-

рада. — А знаете, что̀ больше всего нравилось мнѣ въ вашемъ отцѣ? Я любилъ его не за щедрую плату, не за богатые подарки при дѣлежѣ добычи,—нѣтъ, мнѣ было пріятнѣе всего, что онъ охотно слушалъ мои разсказы про то... ну, про старину, вы понимаете!.. Онъ вѣрилъ многому, о чемъ узналъ я отъ своей матери. Мой братъ Вартольдъ и бабушка Ута открещиваются отъ всего этого, а Фульруна слишкомъ молода и рѣзва; у нея въ головѣ однѣ глупости. Но Вартольдъ убѣдится—и очень скоро!—что я говорилъ правду. Вѣдь вотъ и вы, хотя любимый рыцарь епископа, а вѣрите мнѣ тоже...

— Въ нѣкоторыхъ вещахъ, Радо, но не во всемъ! Я добрый христіанинъ и хочу имъ остаться. Изъ твоихъ преданій я вѣрю только...

— Тому, что̀ вамъ нравится,—перебилъ старикъ, нахмурившись.—Вы не раскаетесь, если повѣрите: „щедро вознаграждаетъ Воденъ вѣрную дружбу“,—проворчалъ онъ потихоньку въ сѣдую бороду.—Видите ли,—громко заговорилъ опять пастухъ,—*одно* въ особенности нравилось мнѣ въ васъ за все это время.

— Что же именно?

— Что вы не дѣлали кое-чего и не требовали отъ меня.

— Мнѣ очень интересно знать, о чемъ ты толкуешь?

— О любовныхъ чарахъ.

— Радо!—воскликнулъ юноша, густо покраснѣвъ.

— Я молчу. Но кто видалъ васъ зимою, когда вы отправлялись на охоту съ одной прекрасной дамой—вдвоемъ, съ глазу на глазъ—и видитъ съ нею теперь, тотъ не можетъ не замѣтить большой перемѣны. А все таки вы не просили у меня—какъ дѣлаютъ многіе—любовнаго заговора.

— Ни за что!—съ жаромъ воскликнулъ Гельмутъ.—Лучше умереть три раза сряду, чѣмъ сломить ея цѣломудренное упорство—колдовствомъ.

— Да, я узнаю въ этомъ моего Гельмута, котораго знаю съ дѣтскихъ лѣтъ, милаго юношу съ чистой душою. Она прозрачна, какъ свѣтлый лѣсной источникъ, и нѣтъ въ ней никакого мутнаго пятна. А между тѣмъ вы жестоко страдаете.

— Скоро и моя пытка придетъ къ концу. Но скажи, какъ

это случилось, что ты, такъ мало вѣрившій обыкновенно духовенству, съ такою вѣрой, благоговѣніемъ и радостью принялъ пророчество о близкомъ концѣ міра, задолго до того, когда самъ папа подтвердилъ черезъ своего посланнаго вѣсть о неизбѣжности свѣтопреставленія? То, чего доискались ученѣйшіе и самые благочестивые сыны церкви...

— Гм!—усмѣхнулся старикъ,—а съ какихъ поръ стали они это проповѣдовать?

— Да нѣтъ еще и году.

— Ну, вотъ видите! А мнѣ это извѣстно ужь давненько, зимъ сорокъ тому будетъ. Опять таки покойная мать разсказала мнѣ все насчетъ свѣтопреставленія, въ награду за первую, убитую мной, лисицу.—Молодецъ сынокъ!—сказала она тогда.—Ты нанесъ ущербъ войску Лога. — Какъ это войску Лога?—полюбопытствовалъ я. Тутъ она принялась передавать мнѣ слышанное отъ своей матери, которой передалъ это дѣдъ. Я полагаю, — задумчиво замѣтилъ пастухъ,—что нашему роду было все извѣстно отъ начала міра.

— Но что же, наконецъ, вамъ извѣстно? — нетерпѣливо перебилъ Гельмутъ...—Все прочее меня не интересуетъ: я хочу въ точности узнать только о послѣднихъ тайнахъ, о которыхъ вы всегда боитесь обмолвиться. Скажи мнѣ, когда и гдѣ...

— Ну, этого нельзя пересказать въ немногихъ словахъ. Присядьте лучше, дорогой господинъ, вотъ сюда, на кучку сухихъ ясеневыхъ листьевъ. Да возьмите кожаную фляжку. Вино, которое варитъ Зунна въ нѣдрахъ горъ,—настоящій огонь. А тамъ, въ моей плетеной сумкѣ, лежитъ жареное мясо дикаго кабана. Ну, теперь слушайте.—Онъ отпилъ изъ фляжки большой глотокъ и началъ:—Святые воюютъ съ нечистой силой, учитъ епископъ? Очень можетъ быть! А по нашему—высокіе покровители людскаго рода воюютъ съ великанами. Они ведутъ постоянную войну изъ-за господства надъ міромъ и надъ душами людей: такъ говоритъ епископъ, такъ говорю и я. Міръ долженъ когда нибудь погибнуть, такъ говоримъ мы оба. Но каковъ будетъ его конецъ? Епископъ этого не знаетъ, и папа тоже, и потерявшій разсудокъ Арнъ — жаль мнѣ его! Онъ былъ бы третьимъ въ нашемъ союзѣ, еслибы итальянское солнце не сожгло ему больнаго мозга. Смерть смотритъ изъ его ввалившихся глазъ: не думаю, чтобъ онъ

дожилъ до свѣтопреставленія. Итакъ, Арнъ тоже не знаетъ ничего точнаго о кончинѣ міра, иначе онъ открылъ бы это народу. Намъ же все извѣстно съ незапамятныхъ временъ: міръ погибнетъ — радуйся, мой храбрый Гельмутъ!—среди страшнѣйшей, великолѣпной геройской битвы, какой никогда не бывало еще на землѣ.

Рыцарь вскочилъ въ порывѣ одушевленія.

— Я также приму въ ней участіе!

Глаза старика съ восторгомъ обратились на просвѣтлѣвшее прекрасное лицо юноши, на которое падалъ отблескъ неожиданно вспыхнувшаго костра.

— Да, мой любимецъ, ты будешь сражаться рядомъ со мною. Я возьму тебя въ эту битву боговъ, тебя одного... Прежде я думалъ, что къ намъ присоединится мой дорогой господинъ Гецило, но... ему вздумалось пойти въ попы! Ты непремѣнно долженъ быть участникомъ послѣдней побѣды на землѣ, которую одержатъ духи свѣта, свѣтозарные герои, надъ чудовищами—порожденіями мрака.

— Но когда же это случится? Гдѣ? Какимъ образомъ?

— Постой! Мнѣ нужно еще самому узнать про то сегодня. Поэтому я и призвалъ тебя въ эту ночь—колдовать въ тишинѣ заповѣднаго лѣса. Но пока еще рано. Взгляни на небо: звѣздочка—пряжка Голлы—стоитъ далеко отъ луны въ правую сторону.

— Теперь я вспоминаю кое-что,—задумчиво проговорилъ юноша.—Да, именно! О битвѣ передъ страшнымъ судомъ я слыхалъ отъ одного священника изъ соборнаго духовенства. Но, по его словамъ, праведникамъ предстоитъ сражаться подъ знаменемъ св. Иліи, который долженъ опять прійти на землю.

— Что это за герой? Я никогда не слышалъ о немъ!

— Илія—іудейскій пророкъ. Онъ будетъ воевать, облеченный страшною силою.

Радо, съ оттѣнкомъ недовѣрія, пожалъ могучими плечами подъ плащемъ изъ волчьяго мѣха.

— Ну, я избралъ бы себѣ другаго полководца! Слушай однако старинное сказаніе о великой битвѣ, какъ мнѣ передавала его моя милая мать.

XXXVI.

— Будетъ время, когда все уничтожится, міръ погибнетъ, лишь только проклятые великаны сокрушатъ крѣпкія цѣпи, въ которыя ихъ заковали добрые духи. Тогда дикія чудовища, яростные волки, грозные драконы захотятъ овладѣть душами людей. Въ огнѣ и въ пламени поднимется Бугурдъ, чтобъ спуститься на землю. И придетъ онъ къ намъ на помощь, непобѣдимый и свѣтозарный, подобно звѣздамъ; придетъ помогать героямъ, и всѣ благородные бойцы начнутъ сражаться, пѣшіе и на конѣ. Возгорится смѣлая безпощадная битва, какой еще не видали на свѣтѣ ничьи вѣщія очи.

— Зазвучитъ боевой рогъ, звонкій, золотой, который находится въ рукахъ того, кто сторожитъ путь къ небеснымъ селеніямъ. Изъ преисподней также загремитъ глухой призывъ великановъ, и храбрецы поспѣшатъ соединиться вмѣстѣ. Вотъ выползаетъ исполинская ехидна, ядовитый гадъ изъ моря; она извивается среди высокихъ гребней волнъ, среди пучины, и ползетъ, сверкая чешуей, на крутой скалистый берегъ; ядъ брызжетъ у нея потоками изъ жадной пасти. Плыветъ корабль, черный и страшный; отвратительные духи сидятъ у руля, распускаютъ паруса, взмахиваютъ веслами; цѣлые отряды великановъ высаживаетъ судно на твердую землю. Съ карканьемъ вскрикиваетъ хриплый пѣтухъ преисподней; воетъ песъ, адскій сторожъ. Злой духъ въ видѣ гигантскаго волка вырвался на волю; цѣпи его распались; онъ бѣшено мчится на свободѣ и терзаетъ все, что̀ попадется ему на пути.

— Тутъ содрогаются горы, деревья падаютъ; вырванные съ корнемъ вѣковые дубы и сосны валятся съ оглушительнымъ трескомъ. Стонутъ эльфы, косматые карлики, раздавленные упавшими утесами. Лопается высокое голубое небо, лопается небесный мостъ, разноцвѣтная радуга, по которой гордые небожители спустились на землю. Но, среди оглушительнаго звона и грома, не прекращается натискъ воюющихъ; вселенная расшаталась въ своихъ основахъ, готовъ разсыпаться прахомъ обветшалый міръ, но это не мѣшаетъ могучимъ богатырямъ бросаться на врага; радостно сыплятъ они удары и

не замѣчаютъ, что земля колеблется у нихъ подъ ногами, что обломки падаютъ имъ на головы.

— Радостно сыплютъ они удары и не замѣчаютъ, что земля колеблется...—повторилъ Гельмутъ съ блестящими отъ восторга глазами.

Его рука машинально схватилась за рукоятку меча.

— Скачутъ кони героевъ, увѣнчанныхъ свѣтлыми шлемами; громко ржутъ они, высоко подбрасывая копыта. Копья ломаются въ осколки; раздробленные щиты, разрубленные шлемы, разбитые панцыри покрываютъ обветшалую землю, которая вся обратилась въ сплошное, необозримое поле битвы. Но, ахъ, мало по малу дикія злыя чудовища берутъ верхъ надъ людьми: ряды добрыхъ духовъ, небесныхъ покровителей, колеблются, отступаютъ. Смертные выбились изъ силъ. Страшное опустошеніе производитъ посреди ихъ ослабѣвающей рати мрачный предводитель враговъ, черное чудище, дымный великанъ, весь окутанный дымомъ и сажей. На ворономъ конѣ врѣзывается онъ въ ряды свѣтлыхъ героевъ. Неужели ему предстоитъ побѣда?..

— Нѣтъ,—перебилъ Гельмутъ, скрипя зубами, — нѣтъ, пока я въ силахъ поднять рукою мечъ!

— Тутъ богатыри, жестоко тѣснимые со всѣхъ сторонъ, истекая кровью, взываютъ о помощи: „Приди къ намъ, храбрѣйшій изъ храбрыхъ, вернись снова на землю, державный владыка! Зачѣмъ ты уклоняешься отъ насъ? Что задержало тебя въ лѣсу, скиталецъ? Какія чары скрыли тебя въ нѣдрахъ горы? Побѣдоносный маститый воитель, взгляни на бѣдствіе твоихъ подданныхъ“. Чу! прокатилось гулкое эхо подъ небомъ. Громче звучитъ звонкій рогъ. Въ воздухѣ слышенъ шумъ, какъ будто стая вороновъ машетъ крыльями. Чу! Радостный ликующій кликъ и топотъ быстроногихъ коней! Мчится, какъ буря, славный герой; широкій плащъ развѣвается у него по плечамъ; голова увѣнчана великолѣпнымъ шлемомъ; онъ мчится на громадномъ сѣромъ конѣ, съ острымъ копьемъ на перевѣсъ. Кто это? Императоръ Карлъ Великій; долго спалъ онъ заколдованнымъ сномъ въ пустой пещерѣ, въ нѣдрахъ горы, или рыскалъ по лѣсамъ подъ видомъ проклятаго охотника! Но когда наступила гибель праведныхъ, онъ явился къ нимъ на выручку. Разрушены злыя чары! Вотъ онъ,—гордый и ра-

достный, какъ въ дни своего славнаго царствованія, въ роскошныхъ палатахъ дворца,—ведетъ своихъ къ побѣдѣ, заранѣе сіяя торжествомъ. И побѣда готова увѣнчать тѣхъ изъ его сподвижниковъ, которые заранѣе вступили съ нимъ въ союзъ, въ нерушимый договоръ, и предали ему въ жертву свою душу на вѣки вѣчные! Кто это сдѣлалъ, тотъ одолѣетъ грознаго дракона и поразитъ враговъ, сражаясь рядомъ съ великимъ вождемъ. Свершилось: мы побѣждаемъ! Полчища проклятыхъ духовъ подаются подъ нашимъ натискомъ и, наконецъ, обращаются въ бѣгство. Правда, прежняя земля погибаетъ въ морѣ пламени, но изъ глубокой бездны мрака возникаетъ опять, радостнѣе и краше стараго, другой обновленный міръ, а мы, покрытые сіяньемъ славы, будемъ взяты на небо вмѣстѣ съ другими героями и поселимся тамъ навсегда со всѣми благородными, чистыми душами.

Радо вскочилъ съ мѣста и умолкъ, скорѣе отъ восторга, чѣмъ отъ изнеможенія.

XXXVII.

Гельмутъ хотѣлъ заговорить, но старикъ остановилъ его.

— Молчите! Теперь вы должны смотрѣть, а не слушать. Взгляните на небо, звѣздочка приблизилась къ мѣсяцу. Урочный часъ насталъ!

Онъ наклонился и не безъ усилія приподнялъ глыбу дерна изъ подъ высоко выгнутыхъ корней стараго ясеня. Молодой рыцарь только тутъ замѣтилъ, что дернъ былъ надрѣзанъ ножемъ съ трехъ сторонъ. Старикъ досталъ оттуда какой-то предметъ, тщательно завернутый въ шкурку хомяка. Осторожно развернувъ его, онъ показалъ удивленному юношѣ темный полированный металлическій кружокъ въ такой же рамкѣ искусной работы; рамка изображала свившагося дракона.

— Зеркало?—спросилъ пораженный Гельмутъ.

— Да, но зеркало не тщеславія, а правды,—зеркало будущаго. Оно переходитъ въ нашемъ родѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Все прочее имущество моя дорогая мать передъ смертью раздѣлила поровну между мной и братомъ, но завѣтное зеркало передала мнѣ заранѣе. Она выслала зачѣмъ-то Вартольда изъ дому—вѣдь онъ былъ всегда такой набожный

и любилъ ходить въ церковь! — а меня подозвала къ себѣ и тотчасъ вынула изъ-подъ изголовья это наслѣдственное сокровище. Мать была увѣрена, что я не проболтаюсь о немъ передъ „братьями“.

„— Вотъ такъ и наши предки передавали эту вещь изъ рода въ родъ, — сказала она тогда,—но всегда кому нибудь одному, именно самому надежному изъ семьи. Береги это наслѣдіе сѣдой древности.

— Отъ матери же я узналъ, какъ надо съ нимъ обращаться. Въ прежнее время, это зеркало принадлежало тремъ сестрамъ высокаго происхожденія; онѣ владѣли Карльсбургомъ внизъ по Майну. Говорятъ, будто бы святой Киліанъ лишилъ всѣхъ трехъ дѣвушекъ власти и проклялъ ихъ, заключивъ на вѣчныя времена въ глубокій колодецъ на дворѣ замка. Но одинокому пастуху, проходящему въ сумерки по склону горы со своимъ стадомъ, слышится иногда и теперь глухое пѣніе подъ землею, и человѣкъ, рожденный въ воскресный день, можетъ застать сестеръ, въ самые знойные полуденные часы, въ высокой травѣ, которою заросъ широкій дворъ заброшеннаго замка. Тутъ онѣ расчесываютъ золотымъ гребнемъ золотистые волосы. Одному же изъ нашихъ предковъ посчастливилось найти это зеркало, когда онъ спустился въ колодецъ, привлеченный тихимъ пѣніемъ и всплесками въ его глубинѣ. Кромѣ того, мать утверждала, что кончина міра наступитъ въ день солнцестоянія, называемаго у насъ „послѣдней дымной ночью“, а по церковному—днемъ троихъ волхвовъ; разыграется поутру сильная буря и въ самый полдень молнія ударитъ прямо въ этотъ языческій ясень.

Гельмутъ поблѣднѣлъ.

— Значитъ, свѣтопреставленіе неизбѣжно должно произойти въ этомъ году,—сказалъ онъ.—Въ самый день „троихъ волхвовъ“ налетѣла къ намъ съ сѣвера гроза и ровно въ полдень ударила въ этотъ ясень. Я стоялъ тутъ по близости и все видѣлъ своими глазами, потому что охотился въ то время на волковъ.

— Потому-то я и вѣрю въ близость конца,—подтвердилъ Радо.—А иначе попы не убѣдили бы меня нисколько. „За два часа до полуночи начнется великая битва“, сказала мнѣ мать.

— Хорошо! Теперь часъ мнѣ извѣстенъ. Ну, а мѣсто?

— Это я узнаю сегодня ночью, по расположенію звѣздъ. Теперь дайте мнѣ заняться дѣломъ и молчите.

Снявъ плетеную сандалію съ лѣвой ноги, пастухъ наступилъ обнаженной подошвой на клинокъ охотничьяго ножа, брошеннаго имъ на землю, спустилъ плащъ съ праваго плеча, нарвалъ травы, накопалъ земли изъ-подъ корней заповѣднаго дерева и посыпалъ этимъ свою сѣдую голову, послѣ чего поднялъ къ верху волшебное зеркало, такимъ образомъ, чтобъ лучи мѣсяца падали на него вкось, а металлическая поверхность кружка была видна и самому колдуну, и Гельмуту.

Онъ сталъ медленно поворачиваться кругомъ, сдѣлавъ знакъ Гельмуту слѣдовать за собою. Долго длилось молчаніе Сначала пастухъ повернулъ зеркало къ сѣверу, гдѣ стоялъ городъ; на полированной поверхности металла не отразилось ничего. Потомъ онъ повернулъ кружокъ къ западу, по направленію къ Майну, и долго оставался въ этомъ положеніи. Затѣмъ повернулся къ востоку. Въ зеркалѣ опять ничего не было видно. Наконецъ, Радо обратилъ его къ югу, вверхъ по теченію рѣки, и тотчасъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Видите?—чуть слышно прошептали его губы.—По моей рукѣ пробѣгаетъ дрожь. Значитъ, съ юга, нѣтъ, съ юго-востока прискачутъ они, съ большой столбовой дороги!

Дѣйствительно, порывистый вѣтеръ гналъ въ этомъ направленіи темныя тучи, которыя то заслоняли мѣсяцъ, то опять открывали его въ своемъ полетѣ и, согласно ихъ движенію, зеркало то затемнялось, то тускнѣло.

Тучи клубились, принимая фантастическія, загадочныя очертанія.

— Вотъ видите!—началъ опять Радо, и его сильная рука, державшая зеркало, тряслась отъ волненія.—Впереди всѣхъ мчится черный всадникъ на черномъ конѣ. На него-то и нужно поскорѣе напасть. А за нимъ слѣдомъ — присмотритесь внимательнѣй!—цѣлыя полчища конныхъ и пѣшихъ! Глядите, какъ они тѣснятся, кишатъ! Благодарю тебя, мать моя! Теперь я знаю навѣрное, что̀ будетъ, и не потеряю дорогаго времени. Недаромъ, когда бушевала ночная гроза, я не разъ кричалъ, обращаясь къ тучамъ: „Услышь меня, Воденъ, или заколдованный охотникъ, или императоръ Карлъ, или какъ

бы ты ни назывался, грозный повелитель грома и молніи, гремящій надъ моей головой! Я хочу сражаться въ твоихъ рядахъ въ послѣдней битвѣ исполиновъ. Пошли мнѣ за это счастье на охотѣ и меткія стрѣлы"! Въ отвѣтъ на мой зовъ, въ шумящихъ верхушкахъ деревьевъ перекатывался дикій хохотъ, похожій на крикъ совы, и я слышалъ голосъ, говорившій мнѣ: „Да!" Послѣ того, моя стрѣла не знала промаха. Потому и мнѣ надо сдержать свое слово: явиться на послѣднюю битву.

— И я не отстану отъ тебя,—серьезно произнесъ Гельмутъ.—Помни однако: никому иному, кромѣ царя небеснаго, не предамъ я своей души. Но въ сраженіи съ чудовищами ада буду участвовать наряду съ тобою, старикъ. Вѣдь наши священники также утверждаютъ, что въ ночь на поворотъ солнца возгорится битва на землѣ противъ сатаны и всѣхъ его полчищъ. Мы выѣдемъ съ тобою вмѣстѣ на послѣднюю боевую потѣху, мой вѣрный Радо! Въ урочный часъ я буду ждать тебя подъ горою, гдѣ отъ большой дороги начинается лѣсная тропинка.

И, отойдя отъ пастуха, чтобъ отвязать свою лошадь, молодой рыцарь прибавилъ про себя:

— Величайшимъ счастьемъ было бы для меня умереть въ объятіяхъ Эдели. Судьба отказала мнѣ въ этомъ! Другое счастье — получить побѣдный вѣнокъ за величайшій подвигъ рыцарской храбрости—и я съ честью добуду себѣ эту награду! Пускай Георгій Побѣдоносецъ скажетъ тогда: „нигдѣ еще не видѣлъ я бо́льшей рыцарской отваги въ сраженіи!" Тогда ужь волей-неволей, а Эдели придется вторично увѣнчать меня по ту сторону гроба.

XXXVIII.

Все ближе и ближе подвигался срокъ солнечнаго поворота, приходящійся на Ивановъ день, двадцать четвертаго іюня. Тѣмъ временемъ стали твориться странныя вещи въ домѣ богатаго купца Рената, крупнаго торговца зерновымъ хлѣбомъ. Гнусное вѣроотступничество по разсчету принесло горькіе плоды этому умному человѣку. Онъ принялъ христіанство не по убѣжденію, а изъ лицемѣрнаго себялюбія и трусости.

Въ тѣ времена, ренегатъ не могъ, какъ теперь, отдѣлаться однимъ актомъ крещенія, а потомъ жить, какъ ему угодно. Нѣтъ, онъ былъ обязанъ круглый годъ строго соблюдать всѣ церковные обряды на виду у согражданъ. Ежедневно, гдѣ была церковь, новообращенному вмѣнялось въ обязанность слушать обѣдню, соблюдать всѣ установленные посты, участвовать въ церковныхъ процессіяхъ и, по крайней мѣрѣ, по шести разъ ежегодно ходить на исповѣдь. Духовная администрація несравненно строже слѣдила за перешедшими въ христіанство иновѣрцами, чѣмъ за остальными прихожанами, принадлежавшими къ церкви со дня рожденія. И горе еврею, который подастъ поводъ своимъ нерадѣніемъ къ религіи заподозрить себя въ отступничествѣ отъ христіанства!

Такъ и Ренатъ въ теченіе многихъ лѣтъ исполнялъ всѣ христіанскія правила еще усерднѣе, чѣмъ другіе. Между тѣмъ, отказавшись отъ религіи и обычаевъ іудейства, онъ былъ христіаниномъ только по наружности, да заимствовалъ грубое суевѣріе отъ новыхъ единовѣрцевъ. Предсказаніе о близкомъ концѣ міра навело ужасъ на малодушнаго лицемѣра. Положимъ, сначала онъ колебался, но когда повѣрилъ окончательно, то былъ близокъ къ отчаянію. И чѣмъ ближе подходилъ роковой срокъ, тѣмъ сильнѣе росла въ немъ увѣренность въ неизбѣжности катастрофы, а вмѣстѣ съ нею и непобѣдимый паническій страхъ. Настало утро двадцать третьяго іюня. Ренатъ, вытаращивъ глаза, съ удивленіемъ смотрѣлъ, какъ жители Вюрцбурга и окрестностей стремились въ храмы, съ молитвами, пѣніемъ, плачемъ и воемъ, дрожа при мысли о предстоящихъ ужасахъ свѣтопреставленія или терзаясь упреками совѣсти. Всѣ они были непоколебимо увѣрены въ своей гибели. Богатый купецъ не могъ удалить этихъ людей, когда они собрались на площади передъ его домомъ, гдѣ обыкновенно производился торгъ зерновымъ хлѣбомъ, и пали здѣсь ницъ передъ высокимъ деревяннымъ крестомъ, ударяя себя въ грудь. Въ своемъ изступленіи, несчастные рвали на себѣ волосы, насильно останавливали священниковъ, проходившихъ мимо, требуя, чтобы тѣ еще разъ исповѣдовали ихъ, и при этомъ громко признавались въ такихъ грѣхахъ, о которыхъ прежде даже избѣгали заикаться. Передъ глазами Рената мужчины срывали одежду съ монаховъ и закутывались

въ нее, вѣруя, что смерть не будетъ для нихъ такъ ужасна въ этомъ одѣяніи и они скорѣе избѣгнутъ когтей нечистыхъ духовъ, невидимо носящихся въ воздухѣ, изрыгая пламя и стараясь изловить грѣшниковъ.

Наконецъ, изумленный богачъ увидѣлъ, какъ, подъ вліяніемъ смертельной тоски, богатыя женщины поспѣшно бросали къ подножію креста свои роскошныя одежды кружевные вуали, золотые уборы, ожерелья изъ жемчуговъ, діадемы, цѣпи, пока эти приношенія — дань малодушному страху смерти и адскихъ мукъ — образовали высокую груду. И эта груда драгоцѣнностей, стоимостью въ сотни тысячъ марокъ, тотчасъ-же была безжалостно обращена въ костеръ, едва чей-то голосъ крикнулъ изъ толпы:

— Предать все это огню! Сожжемъ сатанинскіе соблазны!

Работникъ изъ сосѣдней кузницы притащилъ горящую головню. Другіе бросились обрывать солому съ крыши сарая при домѣ Рената, оторвали нѣсколько досокъ отъ его забора и бросили этотъ легко воспламеняющійся матерьялъ на женскія платья, осыпанныя горячими угольями. Вскорѣ отъ костра поднялся высокій столбъ пламени. И вотъ со всѣхъ концовъ города стали сбираться на площадь мужчины и женщины со своими драгоцѣнностями въ рукахъ. Куски сукна, бархата, шолка, парчи, золотая и серебряная утварь, женскіе уборы, мѣшки монетъ, грамоты, денежные документы, векселя,—все это съ крикомъ и воемъ отчаянія бросалось на костеръ, давая новую пищу жадному пламени.

XXXIX.

Ренатъ не выдержалъ. Заразившись общимъ повальнымъ безумiемъ, онъ бросился въ средину неистовой толпы.

Въ рукахъ у него было четыре кожаныхъ мѣшка, туго набитыхъ до самаго верху золотыми солиди, серебряными динаріями, мѣдными пфенигами. Взрѣзавъ мѣшки, онъ началъ сыпать направо и налѣво звонкія блестящія монеты, падавшія металлическимъ дождемъ посреди собравшагося народа. Подъ конецъ, еврей сорвалъ у себя съ шеи полотняный мѣшочекъ, который постоянно носилъ за пазухой де-

сятки лѣтъ, и принялся разсыпать вокругъ себя горстями крупныя жемчужины и драгоцѣнные камни громадной стоимости. Подброшенные на воздухъ, они такъ и сверкали, отливая всѣми цвѣтами радуги при багровомъ заревѣ костра.

— Берите все это, берите, добрые люди,—кричалъ еврей пронзительнымъ голосомъ.—Посмотрите только, какая прелесть! Вотъ золото, вотъ серебро, вотъ смарагды! О, мои прекрасные смарагды изъ Аскалона! Вонъ тотъ, самый крупный, стоилъ мнѣ... Ахъ, нѣтъ, я ужь забылъ, сколько за него заплачено! Я не хочу бросать ихъ въ огонь, какъ дѣлаютъ эти глупыя женщины со своими вещами. Онѣ не понимаютъ, какую пользу для души можно извлечь изъ своего богатства! Я же... взгляни сюда, Іисусъ Назарей, и услышь меня! — я дарю это бѣднымъ, чтобы спастись! Но хорошо ли видно тебѣ, галилеянинъ, съ неба при этомъ страшномъ дымѣ? Вѣдь я не пожалѣлъ ни брилліантовъ, ни рѣдкихъ голубыхъ сафировъ! Это *я* роздалъ такіе богатые дары неимущимъ, рабъ твой Ренатъ; прими благосклонно мою жертву, сынъ божій. Я благотворю бѣднымъ, какъ повелѣлъ ты, равви. Да, не топчите же ногами эти сокровища, добрые люди! Купите на нихъ лучше хлѣба, вина, мяса. Видишь ли ты, сынъ дѣвы Маріи, какъ я питаю голодныхъ! Эй, старикъ, въ какихъ ты лохмотьяхъ! На, возьми вотъ этотъ топазъ и купи себѣ плащъ. Взгляни сюда, звѣзда виѳлеемская, и ты, духъ святой! Видите, какъ я одѣваю нагихъ? Правда, прежде я бралъ свыше шести и двѣнадцати процентовъ... Да иногда даже и больше... Но теперь я вознаграждаю это все сторицею. Моими руками разбросаны сегодня милліоны. А теперь, Іисусе Христе, посмотри сюда. Вѣдь тебя называютъ всевѣдущимъ. Тутъ у меня выписка изъ церковной книги, знаешь, изъ твоего большаго храма въ Майнцѣ?..—Ренатъ выхватилъ листъ пергамента изъ-за пазухи, развернулъ его и поднялъ къ небу на ладоняхъ.—Вотъ тутъ написано собственной рукою твоего епископа, нѣтъ, ошибся—даже архіепископа... Какъ, бишь, его зовутъ? Ну, все равно, Христе, ты самъ долженъ знать это имя. Ахъ, да, его зовутъ Виллигисомъ! Твой благочестивый, великій Виллигисъ самъ крестилъ меня. Я *крещенъ*: этому есть доказательство. И потому я долженъ поль-

зоваться преимуществами крещеныхъ. Я, дѣйствительно, вѣрую въ тебя, о, да! Хотя раньше я не вѣровалъ, но сегодня... теперь... вѣрую; трепещу отъ страха, но вѣрую. Мнѣ лучше хотѣлось бы не вѣровать, однако я не могу иначе.

Еврей снова перевелъ глаза съ неба на толпу.

— Что это значитъ? — вырвался у безумца отчаянный крикъ, и черные, какъ смоль, спутанные курчавые волосы встали у него дыбомъ.—Какъ, никто не хочетъ брать разсыпанныхъ мною сокровищъ?! Люди даже не даютъ себѣ труда наклониться за моими голубыми сафирами? Они продолжаютъ отчаянно кричать и топчутъ ногами—о, Боже!—мои бѣлыя жемчужины, самородные перлы изъ Дамаска! Какъ? Вы отталкиваете меня локтями? Ахъ, вы, неблагодарные! Ну, такъ берите мои драгоцѣнные камни, перекатный жемчугъ, хоть вы, добрые благородные господа, прекрасныя дамы; возьмите ихъ, если не ради себя, то хоть изъ состраданія ко мнѣ, чтобы завтра утромъ я могъ оправдаться въ своемъ маленькомъ лихоимствѣ этой колосальной благотворительностью передъ сыномъ плотника... ахъ, нѣтъ! то есть передъ сыномъ божіимъ, Мессіею! Если я совершилъ во Франкфуртѣ небольшое... мошенничество, то искупилъ его настоящей, безумно щедрой милостыней. О, горе мнѣ! Меня даже не хотятъ выслушать! Они оставляютъ бриллианты и перлы валяться въ грязи! О, Христе, развѣ я виноватъ въ ихъ неразуміи? Вѣдь я хотѣлъ творить добро съ полнымъ усердіемъ!

И Ренатъ безъ чувствъ повалился на землю ницъ лицомъ. Густая пѣна выступила у него на губахъ. Изступленная, кричащая толпа, которой было не до этого сумашедшаго, растоптала бы несчастнаго еврея. Но едва онъ упалъ, изъ воротъ его жилища поспѣшно выбѣжала высокая женщина въ темной одеждѣ. Она бросилась въ самую свалку, безстрашно растолкала неистовствующихъ фанатиковъ, схватила обѣими руками голову безчувственнаго Рената и, такъ какъ онъ былъ слишкомъ для нея тяжелъ, потащила его по землѣ черезъ площадь къ себѣ во дворъ, послѣ чего тщательно заперла за собою ворота. То была почтенная Сара. Бѣдная мать освѣжила сыну холодной водой изъ колодца страшно бившіеся виски. Отлежавшись немного, Ренатъ открылъ глаза.

—Онъ живъ!—съ восторгомъ вымолвила мать.—Онъ живъ,

мой Исаакъ, кровь моего Манассіи! Боже отцовъ моихъ, благодарю тебя! Твоя милость безпредѣльна! Въ какое бѣшенство придетъ завтра утромъ мой сынъ, когда увидитъ, что вселенная, мудрое твореніе Іеговы, не погибла, а онъ напрасно выбросилъ свое золото и множество другихъ сокровищъ на улицу! Я увѣрена, что все останется по старому; древніе свитки св. Писанія пересмотрѣны мною и тамъ ничего не говорится о близости свѣтопреставленія. Я не могу вѣрить, чтобъ оно совершилось въ сегодняшнюю ночь. Да, мой Исаакъ будетъ въ отчаяніи, станетъ проклинать себя и весь свѣтъ, примется богохульствовать въ безсильной ярости, колотить меня и еще какъ жестоко! А между тѣмъ... Но вотъ онъ уснулъ... Какое тяжелое дыханіе!.. Между тѣмъ, не стоитъ тебѣ горевать, мое бѣдное дорогое дитя! Благодари Бога, что твоя старая мать—а еще какъ часто называлъ ты меня глупою!—ни разу не заикнулась передъ тобою о богатѣйшемъ кладѣ, который былъ зарытъ глубоко въ землю твоимъ покойнымъ отцомъ на черный день, подъ старымъ грушевымъ деревомъ въ нашемъ огородѣ! Это сокровище осталось неприкосновеннымъ, и оно утѣшитъ тебя въ горѣ, и ты ласково погладишь подбородокъ своей матери за то, что она спасла тебя отъ нищеты. Завтра ты поймешь ничтожество христіанской религіи, поймешь, что великій епископъ въ Римѣ и нашъ добрый епископъ въ Вюрцбургѣ страшно заблуждались оба, не смотря на свою святость. И ты убѣдишься, что нѣтъ иного бога, кромѣ бога твоихъ отцовъ,—Іегова имя ему. Онъ послалъ тебѣ великое испытаніе, какъ нѣкогда рабу своему Іову, чтобъ просвѣтить тебя. Хотя ты потерялъ много денегъ, но этой цѣною обрѣлъ вторично истинную вѣру, которую исповѣдовалъ раньше. Я знаю, ты примешь совѣтъ старухи-матери: отряхнешь отъ ногъ своихъ прахъ здѣшней страны, гдѣ мы вѣчно будемъ странниками и пришельцами, презрѣнными у людей, отречемся ли отъ своей вѣры, или будемъ ея держаться. Намъ никогда не слиться со здѣшнимъ необузданнымъ народомъ, готовымъ каждую минуту прибѣгнуть къ оружію. Ты послушаешься меня, сынъ мой Исаакъ: возьмешь страннический посохъ и отправишься со мною на берегъ Іордана, гдѣ шумятъ пальмы; тамъ, когда придетъ время,

ты зароешь подъ ихъ священной сѣнью прахъ своей старухи-матери и я почію въ мірѣ въ нѣдрахъ обѣтованной земли!

Вскорѣ послѣ того, Фулько съ Бландиномъ, поступившимъ въ ряды почетной епископской стражи, явились на площадь съ отрядомъ вооруженныхъ всадниковъ. Они разогнали бѣсновавшійся народъ, потушили огонь, успѣвшій уже охватить высокій деревянный крестъ и угрожавшій серьезной опасностью сосѣднимъ строеніямъ. Когда шумъ понемногу утихъ, они услышали въ домѣ еврея тихое заунывное пѣніе. Ставни были закрыты, но голосъ старухи Сары явственно раздавался въ опустѣлыхъ комнатахъ. Молодые люди не понимали еврейскаго текста священнаго гимна, однако незнакомая, своеобразная, торжественная мелодія невольно растрогала ихъ.

Еврейка пѣла съ глубокимъ чувствомъ:

Вѣру отцовъ моихъ я неизмѣнно держу.
Богу Израиля нелицемѣрно служу.
Пусть поруганья язычниковъ мнѣ достаются въ удѣлъ:
Время придетъ—и страданіямъ нашимъ наступитъ предѣлъ.
О, Саваоѳъ, ты твердыня и крѣпость моя!
И не страшусь ничего, ни о чемъ не печалюся я.
Богъ мой великъ; онъ сильнѣе несмѣтныхъ враговъ:
Ждетъ за могилой отрадный покой его вѣрныхъ рабовъ!

XL.

Наступалъ вечеръ роковаго дня. Солнце клонилось къ закату, роскошно золотя вершины буковъ въ Королевскомъ лѣсу.

Покончивъ съ духовными и свѣтскими дѣлами, епископъ Генрихъ въ сильномъ волненіи прохаживался по обширной библіотекѣ. Онъ былъ утомленъ; при безпрерывныхъ хлопотахъ, въ послѣднее время ему приходилось совершенно лишать себя сна по ночамъ. Синеватая струя благовоннаго дыма тянулась черезъ залу и ползла прихотливыми извивами въ отворенное окно: возлѣ письменнаго стола, покрытаго грамотами, на высокомъ металлическомъ подножіи стояла красивая жаровня, гдѣ на раскаленныхъ до красна угольяхъ курился драгоцѣнный ладонъ. Епископъ приказалъ держать его на готовѣ для вечерняго богослуженія. Мѣряя усталыми шагами комнату, графъ Ротенбургъ часто поглядывалъ въ окно на

широкую площадь, на рѣку, на мостъ, на крѣпость, высоко поднимавшуюся за Майномъ, и на цѣпь холмовъ съ западной стороны.

— А все таки, какъ прекрасенъ этотъ міръ, которому завтра суждено погибнуть въ пламени! — произнесъ онъ со вздохомъ и тотчасъ набожно прибавилъ:—но да будетъ воля твоя, Господи!

Вошелъ Зупфо, очевидно съ докладомъ о чьемъ нибудь приходѣ. Епископъ торопливо приблизился къ нему.

— Беренгаръ, не такъ ли?

Но старикъ отрицательно покачалъ головой.

— Или, можетъ быть, нарочный отъ него? Также нѣтъ! Такъ одинъ изъ моихъ гонцовъ? Я послалъ за нимъ ужъ четвертаго!..

— Послѣдній сейчасъ вернулся, но и онъ не нашелъ Беренгара, какъ трое первыхъ. Никто не знаетъ, куда дѣвались венды, къ которымъ вы послали монаха.

— Да теперь это все равно, — произнесъ Ротенбургъ, какъ бы говоря съ самимъ собою. — Я хотѣлъ только извѣстить его, что мой прежній планъ... Но что же тебѣ еще надобно, Зупфо? Ты смотришь такъ серьезно, это даже на тебя не похоже. Неужели ты наконецъ опомнился и начинаешь серьезно думать о страшномъ судѣ? Пора, мой другъ, пора!

Между тѣмъ Зупфо еще сильнѣе замоталъ головою и сказалъ:

— Я пришелъ доложить вамъ объ одномъ посѣтителѣ господинъ Гецило.

— У меня нѣтъ времени для пріемовъ и бесѣдъ.

— Да, кажется, къ вамъ пришли не для бесѣдъ.

— Кто же меня спрашиваетъ?

— Женщина. Проситъ позволенія съ вами переговорить.

— Не могу. Пускай идетъ со своими дѣлами къ другимъ. А еще лучше: пускай отложитъ всякіе переговоры и лучше поразмыслитъ о близкомъ концѣ.

— Объ этомъ-то ей и нужно съ вами потолковать.

— Ахъ, она ищетъ утѣшенія! Пусть придетъ послѣ послушать вечернюю проповѣдь или къ обѣднѣ въ полночь вмѣстѣ съ прочими. Она должна подготовиться духовно къ великому переходу въ вѣчность.

— Этого-то именно ей и нужно. Вы *должны* выслушать бѣдную женщину. Она пришла къ вамъ на исповѣдь.

— На исповѣдь! Ну, тогда, конечно... Введи ее! Она тебѣ знакома?

Подчашій, вѣроятно, не понялъ вопроса, потому что торопливо заковылялъ къ дверямъ, не сказавъ ни слова. Епископъ еще разъ тревожно прошелся между колоннъ.

— Исповѣдовать! Выслушивать чужіе грѣхи... отпускать ихъ кающимся отъ имени Спасителя! А я-то самъ? Кто проститъ мнѣ именемъ Искупителя мои грѣховные помыслы, воспоминанія прошлаго? Я никогда не каялся въ нихъ на духу, не считая ихъ за грѣхъ. Ахъ, зачѣмъ они такъ живучи! И кто проститъ мнѣ то, въ чемъ я не приносилъ покаянія?

Вдругъ епископъ остановился, какъ вкопанный, и умолкъ.

Въ страшномъ испугѣ онъ быстро перекрестился. Ему почудилось что-то слишкомъ хорошо знакомое въ фигурѣ женщины, неслышно переступившей порогъ. Она остановилась у двери и откинула съ лица густыя складки темнаго покрывала.

— Помоги мнѣ, святой Киліанъ!—прошепталъ Генрихъ, между тѣмъ какъ горячая кровь бросилась ему въ голову и залила румянцемъ блѣдныя щоки. — Это навожденіе искусителя!—продолжалъ епископъ.—Ахъ, ему такъ хорошо извѣстна слабость моего сердца... — И онъ, наконецъ, проговорилъ вслухъ:—Нѣтъ, это невозможно!

— Ошибаетесь: возможно. Передъ вами дѣйствительно Гельфрида.

Невыразимо сладкой гармоніей звучалъ этотъ кроткій, милый голосъ, принадлежавшій, какъ будто, существу не отъ міра сего.

Что-то таинственное, загадочное, какъ святыня тщательно оберегаемая отъ нескромныхъ взоровъ, сказывалось въ этой чарующей рѣчи. И таинственъ былъ также взглядъ милыхъ, кроткихъ очей блѣдно-голубаго цвѣта, оттѣненныхъ длинными-длинными бѣлокурыми рѣсницами; онъ не былъ печаленъ, а какъ-то безнадежно спокоенъ, какъ будто душа, отражавшаяся въ немъ, вполнѣ отрѣшилась отъ земли! Въ свѣтлыхъ, слегка вьющихся волосахъ серебрились преждевременныя сѣдины, потому что этой нѣжной, бѣлокурой

женщинѣ нельзя было дать и сорока лѣтъ; ея блѣдныя, мягко закругленныя щеки отличались юношескою свѣжестью, не смотря на отсутствіе румянца, точно у молодой монахини. Брови едва обозначались бѣлокурымъ полукругомъ, но кроткая мягкость этого лица не обнаруживала ни малѣйшаго признака слабости воли; напротивъ, выраженіе маленькаго, тонко очерченнаго, но крѣпко сжатаго рта указывало на твердость характера и выработанное самообладаніе. Пока эта сухощавая, хрупкая женская фигура не выше средняго роста неподвижно стояла у порога, закутанная складками сѣровато-чернаго вуаля, въ длинномъ темно-фіолетовомъ плащѣ, совершенно скрывавшемъ платье, она походила на темное, дивно-прекрасное изваяніе праведницы, навѣвавшее отрадное успокоеніе. Графъ Генрихъ точно окаменѣлъ посреди залы; онъ находился совершенно во власти ея чаръ, этой кротости, молчаливаго самоотреченія, этой тихой прелести не отъ міра сего. Долго, долго смотрѣли они такимъ образомъ другъ на друга, не находя словъ, отъ глубокой ли затаенной печали, или отъ робкаго блаженства.

XLI.

Наконецъ, графъ Ротенбургъ не выдержалъ и сдѣлалъ быстрый шагъ впередъ, желая протянуть посѣтительницѣ руку. Но рука его безсильно опустилась и онъ снова остановился на полдорогѣ.

— Уважаемая графиня! — тихо произнесъ епископъ; его слова звучали холодно, почти враждебно. Непріязненное чувство отразилось и въ возбужденныхъ чертахъ графа Генриха. Его лицо слегка подергивалось; высокій лобъ былъ мрачно нахмуренъ.

Но едва онъ замѣтилъ влажный блескъ въ кроткихъ глазахъ молчаливой, блѣдной женщины, отчего они сдѣлались еще прекраснѣе и еще настойчивѣе просились въ душу, — его гнѣвъ смягчился и Ротенбургъ продолжалъ уже другимъ, печальнымъ тономъ:

— Боже, какъ давно мы съ вами не видались!

Изъ груди у него вырвался невольный вздохъ.

— Со дня нашей послѣдней встрѣчи прошло цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ,—отвѣчала Гельфрида.

— Это очень долгій срокъ.

— Еще бы!! Да это цѣлая жизнь!

Тонъ ея голоса, — живо воскресившій передъ Генрихомъ невозвратную юность,—окончательно обезоружилъ его.

Онъ указалъ графинѣ рукою на возвышенное мѣсто, у стѣны подъ пурпуровымъ балдахиномъ.

Но гостья не двигалась отъ дверей и молчала. Ему пришлось снова заговорить, а это было такъ трудно!

— Что... что привело васъ къ Генриху Ротенбургу?— спросилъ онъ съ усиліемъ и гораздо мягче прежняго.

Она твердо устремила на него глаза и произнесла съ удареніемъ:

— Къ епископу посылаетъ меня мой супругъ.

Графъ Генрихъ быстро подался назадъ.

— Ахъ, вотъ что! Конечно! Мнѣ слѣдовало догадаться объ этомъ раньше,—сухо замѣтилъ онъ.

— Разумѣется! Не могли же вы предполагать, чтобъ я посѣтила васъ безъ вѣдома графа.

— Мнѣ сказали... будто бы вы желаете исповѣдаться.

— Правда. Вамъ, а никому иному, желаю и *должна* я исповѣдаться. Я сказала объ этомъ мужу и онъ послалъ меня сюда.

Епископъ былъ пораженъ, но ни за что не хотѣлъ обнаружить своего замѣшательства и холодно отвѣчалъ, слегка пожимая плечами:

— Онъ поступилъ такимъ образомъ, повинуясь христіанскому долгу.

— Отпустить и даже послать меня къ вамъ, какъ къ духовнику? — Ошибаетесь: никакой долгъ не предписывалъ ему этого.

Епископъ ничего не отвѣчалъ. Онъ только провелъ оборотомъ лѣвой руки по гордымъ бровямъ.

— Такъ начинайте!—беззвучно вымолвилъ Ротенбургъ.

— Начну съ признанія, что я выбрала именно васъ своимъ духовникомъ не только ради себя, но—гораздо болѣе—ради васъ самихъ... Нѣтъ, надо высказать всю правду: только ради васъ выпросилась я сюда у мужа.

Здѣсь епископъ не могъ уже скрыть своего изумленія.

— И это... вы также высказали ему? — спросилъ онъ, запинаясь.

— Конечно.

— А онъ?..

— Онъ отвѣчалъ: „Хорошо. Ступай къ нему. Разскажи ему все, что̀ ты сейчасъ сказала мнѣ. Если что нибудь можетъ принести пользу епископу и спасти его душу...“

— Графу Гервальту слѣдуетъ позаботиться о собственной душѣ!—грозно загремѣлъ епископъ.

Однако Гельфрида спокойно докончила прерванную имъ фразу:

— „То ее спасетъ именно твое признаніе“. Это были слова моего мужа.

— Я не хочу и слышать, что̀ желалъ передать мнѣ графъ Гервальтъ—черезъ васъ.

И Генрихъ въ пылу досады прошелся по залѣ.

Графиня терпѣливо повернула худенькое личико въ его сторону, чтобъ слѣдить глазами за каждымъ движеніемъ разсерженнаго графа.

— Не онъ,—начала она еще мягче,—а моя душа обращается къ вамъ съ его одобренія. Скоро всѣ мы, смертные, предстанемъ передъ престоломъ великаго судіи. Вѣдь вы вѣрите тому и нисколько не сомнѣваетесь? Скажите мнѣ это откровенно, прежде чѣмъ я стану продолжать. Вамъ я повѣрю безусловно насчетъ этого, какъ... вѣрю и во всемъ остальномъ. Послѣ завтра не останется никакихъ недоразумѣній между вашей и моей душою, и потому...—тутъ блѣдныя щоки графини вспыхнули легкимъ румянцемъ—я имѣла достаточно силы, чтобъ заговорить съ вами. Предстанемъ ли мы послѣ завтра передъ Господомъ? Говорите: да или нѣтъ? Если нѣтъ, моя исповѣдь останется неконченной.

— Да. Развѣ вы не видали моихъ приготовленій въ городѣ?

— Я только что успѣла сюда прибыть. О, слава Богу, что вы мнѣ дали утвердительный отвѣтъ!

Гельфрида сложила руки и подняла глаза къ небу.

„Молящійся ангелъ!“ — невольно подумалъ епископъ.— Но почему такъ радостно просвѣтлѣли эти черты?

— Вы... вы какъ будто жаждете смерти?

— Всей душою!

— Давно ли это?

— Съ тѣхъ... поръ... уже много лѣтъ.

— А ужасы міроваго пожара?

— Они меня не пугаютъ. Я ихъ благословляю. Благодаря имъ, я дожила до этой минуты. Сейчасъ будетъ высказано разрѣшающее слово, которое освободитъ не одну меня— я не настолько себялюбива, чтобъ хлопотать объ одной себѣ!— но и васъ отъ мучительныхъ страданій.

Епископъ съ достоинствомъ выпрямился во весь ростъ.

— Кто говоритъ вамъ,—гордо спросилъ онъ,—что я страдаю или страдалъ?

Она хотѣла отвѣтить, не задумываясь, но удержалась и добавила:

— Ну, если не отъ страданій, то отъ горькаго чувства обиды. Развѣ вы отвергаете его?

— Нѣтъ, это значило бы солгать!—со злобнымъ смѣхомъ отвѣчалъ Генрихъ.—Я не архангелъ, а человѣкъ, мужчина, и остался имъ, хотя поступилъ въ духовное званіе и сдѣлался епископомъ.

— Вотъ видите, господинъ епископъ, для того чтобъ вы не предстали передъ всевѣдущимъ судіею съ тяжкимъ грѣхомъ этой непримиримой ненависти на душѣ, я и пришла къ вамъ сегодня. Вѣрьте, что это была единственная цѣль моего прихода.

Онъ мрачно покачалъ головой.

— Это не есть исповѣдь. Развѣ у васъ самихъ нѣтъ никакого грѣха на душѣ?

Но графиня, не обращая вниманія на вопросъ, продолжала съ возрастающимъ жаромъ:

— Эта мучительная забота и страхъ за васъ овладѣли мною съ того дня, когда я услыхала о близкой кончинѣ міра. Съ тѣхъ поръ я не имѣла покоя ни днемъ, ни ночью. Вы, можетъ быть, помните, что я всегда была застѣнчива, господинъ Генрихъ, но тутъ я забыла все и летѣла къ вамъ, какъ на крыльяхъ: до того невыносимо болѣла моя душа за васъ! Исповѣдаться, конечно, я могла бы каждому священнику, послѣ того какъ исповѣдалась мужу, а это—повѣрьте—было очень

не легко. Но моя настоящая исповѣдь должна спасти не душу кающейся, а душу самого духовника. Она должна избавить васъ отъ затаенной ненависти и гнѣва противъ моего мужа, а также и противъ меня.

Гельфрида сдѣлала нѣсколько быстрыхъ шаговъ впередъ и, залившись слезами, опустилась на сидѣнье, предложенное ей раньше епископомъ.

Онъ самъ былъ глубоко, сильно взволнованъ. Благородство этой чистой женской души поколебало его твердость. Приблизившись къ графинѣ, Ротенбургъ пристально взглянулъ на нее и крѣпко сжалъ свои дрожащія руки.

— Ненавидѣть графа Гервальта и питать къ нему вражду я не имѣю права. Въ этомъ я сознаюсь, какъ христіанинъ передъ лицомъ близкой смерти. Мы ссоримся между собою изъ-за таможенной пошлины и платы за проѣздъ черезъ мостъ, за графскую власть и епископское право. Мы оба люди не податливые, что̀ приводитъ насъ порою къ рѣзкимъ столкновеніямъ. Но причемъ тутъ ненависть, вражда? Нѣтъ! каждый изъ насъ считаетъ себя правымъ. Что же касается... давно прошедшаго...

Она тяжело вздохнула и надвинула на глаза темный вуаль.

— Клянусь, я не могу сердиться на него за это! Друзьями мы не были, а только сотоварищами по оружію; забавлялись вмѣстѣ охотой, вмѣстѣ пировали или соперничали другъ съ другомъ въ военной славѣ, блескѣ, въ радостяхъ жизни. Если графъ полюбилъ прелестнѣйшую молодую дѣвушку, какую только мы оба встрѣчали здѣсь и за Альпами, это было вполнѣ естественно съ его стороны. Теперь я спрошу васъ, какъ мужчина, а не какъ епископъ, съ чего мнѣ питать вражду и ненависть къ нему?

— Значитъ, вы ненавидите только меня?

Эти слова вырвались у нея изъ груди, какъ родникъ вырывается изъ нѣдръ утеса, какъ пламя изъ жерла вулкана. Она не могла сдержать ихъ.

Вслѣдъ за ними послышался стонъ раздирающей сердечной боли и Гельфрида приникла лбомъ къ стѣнѣ, охвативъ голову блѣдными, прозрачными руками.

XLII.

Однако, на этотъ разъ ей не удалось смягчить мрачное озлобленіе, назрѣвавшее годами въ сердцѣ оскорбленнаго мужчины. Еще секунду стоялъ онъ противъ нея, крѣпко стиснувъ руки, но потомъ рѣзко повернулся и сталъ ходить быстрыми шагами по залѣ, произнося отрывистыя фразы:

— Подумайте сами: развѣ можетъ быть иначе?.. Вы, конечно, успѣли все забыть... въ эти долгіе годы... возлѣ красиваго мужа. Но я не забылъ ничего. Новая любовь не изгладила во мнѣ воспоминаній, потому что я остался одинокимъ. Я напомню вамъ все, что было... Уличите меня, если въ моихъ словахъ будетъ хоть малѣйшая тѣнь несправедливости къ вамъ. Нѣсколько лѣтъ знали мы другъ друга... при дворѣ регентши. Вы постоянно находились въ свитѣ государыни; я очень рѣдко удалялся отъ двора. Императрица дорожила вами, а также... отчасти... и мною. Только увидалъ я въ первый разъ ваше лицо... но довольно! Вы замѣтили очень скоро—не отрицайте этого!—вы должны были замѣтить, что я... увлекся вами. Цѣлые мѣсяцы вы были окружены моимъ неизмѣннымъ поклоненіемъ и, наконецъ, я не могъ не сознаться самому себѣ... по крайней мѣрѣ, у меня былъ поводъ надѣяться, что... Графиня, скажите откровенно, заблуждался ли я, ослѣпленный тщеславіемъ? Имѣлъ ли я право разсчитывать, что и вы съ своей стороны несовсѣмъ... Ну, какъ мнѣ это вамъ высказать?!

Епископъ снова остановился какъ разъ противъ Гельфриды.

Тогда она медленно отняла отъ лица тонкія руки, повернулась къ нему и устремила на него печальный взглядъ широко раскрытыхъ глазъ.

— Да, вы имѣли поводъ думать, что я люблю васъ. Это такъ и было. Мало того: я не могла и не желала скрывать своей любви.

— Такъ вы сами сознаетесь въ этомъ? Странно! какъ же любовь не помѣшала вамъ измѣнить мнѣ самымъ низкимъ образомъ, вѣроломная женщина?

— О, господинъ Генрихъ!..

— Клянусь гнѣвомъ Господа, который завтра будетъ судить насъ! Развѣ это не вѣроломство? Вы говорите, что любили меня? Но что же это за любовь? Шести недѣль моего отсутствія было для васъ достаточно, чтобъ позабыть любимаго человѣка навсегда.

— Господинъ Генрихъ, кажется, Гельфрида не была легкомысленной дѣвушкой?

— Рѣшительно нѣтъ! Я готовъ былъ подтвердить это съ оружіемъ въ рукахъ противъ тысячи протовниковъ, которые вздумали бы усомниться въ вашемъ постоянствѣ. „Ни одна женщина не была одарена болѣе вѣрнымъ сердцемъ!“ готовъ былъ крикнуть я передъ цѣлымъ свѣтомъ. „На Гельфриду можно положиться вполнѣ.“ Вотъ почему, потерявъ васъ, я пришелъ въ такое отчаяніе. Я лишился не только боготворимой женщины, но утратилъ всякую вѣру въ людей. При вѣсти о вашей свадьбѣ, точно звѣзды попадали съ неба передо мною. А еще такъ недавно я не помнилъ себя отъ счастья. Я говорилъ себѣ: „это дивное созданіе не скрываетъ больше своей любви ко мнѣ!“ И мое сердце ликовало въ блаженствѣ. Наступила пасха. Мнѣ пришлось идти въ походъ противъ вендовъ. Я зналъ заранѣе, что въ случаѣ побѣды буду награжденъ при регенсбургскомъ дворѣ герцогскимъ титуломъ, и хотѣлъ просить руки Гельфриды, только удостоившись этой высокой чести. Къ троицыну дню я дѣйствительно вернулся, увѣнчанный новыми лаврами, но не засталъ уже той, которая была для меня дороже всего на свѣтѣ. Она уѣхала изъ Регенсбурга женою графа Гервальта. О, какой низкій, отвратительный обманъ!

И Ротенбургъ снова заметался по залѣ. Слабымъ, чуть слышнымъ голосомъ заговорила графиня:

— Да, Гельфриды вы не нашли. Она уѣхала прочь женою графа Гервальта. Но знаете ли вы, почему?

У него вырвалось проклятіе.

— Какое издѣвательство въ вашемъ вопросѣ! Графъ Гервальтъ былъ моложе и красивѣе Генриха Ротенбурга. Что-же тутъ удивительнаго, если дѣвушка неожиданно влюбилась въ него до безумія?

И Генрихъ снова остановился противъ Гельфриды. Его

глаза метали молніи. Онъ какъ будто хотѣлъ уничтожить ее своими взглядами.

— Нѣтъ,—съ твердостью отвѣчала та, смѣло взглянувъ въ его грозныя соколиныя очи.—Гельфрида вышла замужъ по волѣ императрицы Ѳеофаніи.

Епископъ отшатнулся, едва держась на ногахъ.

— Какъ? Что я слышу?

— О, Генрихъ!—продолжала графиня съ глубокой нѣжностью, улыбаясь сквозь слезы.—Вы, въ самомъ дѣлѣ, не были нисколько тщеславны и не замѣчали, какой успѣхъ имѣете у женщинъ. Вы равнодушно проходили мимо придворныхъ красавицъ, не догадываясь о томъ, какъ вамъ легко пріобрѣсти благосклонность каждой изъ нихъ. Наконецъ, вы не знали даже самаго главнаго... о чемъ было извѣстно всему двору.

— Но въ чемъ же дѣло? Я все еще не догадываюсь...

— Императрица Ѳеофанія, овдовѣвшая на двадцать шестомъ году, эта роскошная красавица гречанка съ ея лучезарной красотой и горячимъ сердцемъ... она также влюбилась въ васъ со всей страстью своей пылкой натуры.

— Императрица? Не можетъ быть?

— И прекрасная, гордая женщина, — спокойно продолжала Гельфрида,—вскорѣ замѣтила, что блестящій графъ Ротенбургъ, герой, обожаемый столькими красавицами, предпочитаетъ всѣмъ женщинамъ и дѣвушкамъ при дворѣ ничѣмъ не замѣчательную худенькую блондинку, бѣдную сироту, родомъ изъ Вестфаліи. Императрица не могла понять такого предпочтенія и была права. Я сама не понимала, чѣмъ могла понравиться вамъ! Тутъ государынѣ показалось, что только эта необъяснимая прихоть вашего сердца мѣшаетъ вамъ оцѣнить ея собственную ослѣпительную красоту и страстную любовь. Ѳеофанія была моей благодѣтельницей и воспитала меня, когда я лишилась родителей. Она позвала меня къ себѣ и открыла свое сердце. „Ты должна удалиться съ его глазъ, бѣлокурое дитя“!—сказала Ѳеофанія. „Тебѣ слѣдуетъ сдѣлаться для него недоступной. Тогда графъ Ротенбургъ будетъ мой. Ты не будешь настолько себялюбива, чтобъ заградить ему дорогу ко мнѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ величайшему земному блеску и славѣ. Но я не хочу портить твою жизнь. Сохрани Богъ! Графъ Гервальтъ любитъ тебя. Онъ красивый мужчина,

вполнѣ достойный человѣкъ. Ты будешь съ нимъ счастлива. Генрихъ же сдѣлается тѣмъ, чѣмъ ему предназначено быть. Недаромъ провидѣніе одарило его такъ щедро. Онъ сдѣлается регентомъ германскаго и итальянскаго соединенныхъ королевствъ и моимъ супругомъ". Она приказала: Я повиновалась. И простительно ли было бы мнѣ, ничтожному созданію, задерживать могучій полетъ орла къ солнцу?

— Замолчите, ради Бога!—воскликнулъ епископъ, сраженный и уничтоженный.—Такъ вотъ что: она принесла себя въ жертву ради меня!—прибавилъ онъ внѣ себя и въ страстномъ порывѣ бросился на колѣни передъ Гельфридой.

Графиня поспѣшно вскочила съ мѣста и отбѣжала отъ него къ самому порогу.

— Опомнитесь, г-нъ епископъ! Встаньте сію же минуту или я ухожу отсюда.

XLIII.

Ротенбуръ уже успѣлъ оправиться. Онъ стоялъ, выпрямившись во весь ростъ, опустивъ сжатый кулакъ правой руки на столъ и приложивъ лѣвую ладонь къ своему безумно бившемуся сердцу. Горячая краска заливала ему лицо.

— Простите, графиня... Нѣтъ, Гельфрида, прости, что я упалъ передъ тобою на колѣни! Я такъ привыкъ преклоняться передъ святыми, а вѣдь ты—святая! И я, слѣпой, необузданный человѣкъ, въ продолженіе всѣхъ этихъ лѣтъ... ненавидѣлъ тебя, думаешь ты? О, нѣтъ! Этого я не могъ, но я старался презирать тебя за твою измѣну. „Вѣроломная красавица", называлъ я тебя въ безсонныя ночи, а вмѣсто молитвы на сонъ грядущій привыкъ повторять старую поговорку:

Не страшны такъ огонь и ядъ въ крови,
Какъ въ сердцѣ боль обманутой любви.

— О, презрѣніе къ тебѣ приносило мнѣ такое жгучее, мучительное наслажденіе! Прости меня, Гельфрида! Можешь ли ты меня простить?

Она медленно отошла отъ дверей и подвинулась до половины залы.

— Я такъ и думала,—вырвался у нея невольный упрекъ.— Значитъ, вы не знали меня настолько, чтобы вѣрить мнѣ, наперекоръ очевидности. Но я, г-нъ Генрихъ, никогда не усомнилась бы въ васъ.

— Скажи; что ты меня прощаешь!

Графиня печально улыбнулась, что̀ придало ей еще больше очарованія.

— Неужели я стояла бы здѣсь, еслибъ не простила?

— Благодарю!

— Да, наконецъ, что̀ же мнѣ вамъ прощать? Если пылкій мужчина, оскорбленный въ своей гордости женщиной, которая отказалась отъ него добровольно, не ищетъ серьезныхъ поводовъ такому поступку, а прямо приписываетъ его женскому малодушію, это совершенно въ порядкѣ вещей. Но вы не можете себѣ представить, что̀ испытала я, когда, вмѣсто извѣстія о вашей помолвкѣ съ регентшей, получила неожиданную вѣсть, поразившую меня, какъ громомъ, на далекомъ Рейнѣ: „Графъ Генрихъ Ротенбургскій покинулъ свѣтъ и вступилъ въ духовное званіе.“ Чтобы *онъ* могъ рѣшиться на это!

Тутъ усталые голубые глаза Гельфриды въ первый разъ вспыхнули радостной гордостью и она продолжала:

— Одинъ изъ первѣйшихъ героевъ имперіи, а, по моему, первый изо всѣхъ, сдѣлался вдругъ священникомъ! Моя тяжкая жертва оказалась напрасной, мое сердце было разбито безъ пользы для другихъ! Мое самоотреченіе не принесло счастья ни доброй императрицѣ, которой я уступила изъ благодарности, ни тому, передъ кѣмъ я хотѣла открыть дорогу къ царскому блеску. Мысль объ этомъ не давала мнѣ покоя въ долгія безсонныя ночи, и мои волосы преждевременно посѣдѣли среди душевныхъ пытокъ. Да, я много выстрадала, но постоянно повторяла себѣ: „сколько долженъ былъ выстрадать тотъ, кто вздумалъ бѣжать отъ своего горя въ лоно церкви и сложилъ съ себя для этого свой любимый, покрытый славою мечъ!“

— Да, Гельфрида, отказаться отъ своего меча было также нелегко!

— О, тогда простите меня!—воскликнула она съ неожиданнымъ взрывомъ отчаянья.—Я виновата въ томъ, что счи-

тала вашу любовь слабѣе. Теперь вамъ понятно, какъ горько я винила себя, какъ безпокоилась о спасеніи вашей души. Неужели я могла допустить, чтобы мы оба предстали недостойными передъ престоломъ божіимъ: вы со своею несправедливой ненавистью ко мнѣ, а я, не получивъ отъ васъ прощенія въ томъ, что не съумѣла вполнѣ оцѣнить вашей любви? Нѣтъ! я откровенно разсказала все моему добрѣйшему мужу по дорогѣ изъ Италіи сюда, рѣшительно все! И онъ не только разрѣшилъ мнѣ прійти къ вамъ, но даже настаивалъ на этомъ.

— Я благодаренъ графу. Передайте ему это.

Слова епископа звучали благородной искренностью. Они невольно вырвались у него изъ души, но старая вражда еще не умерла, и онъ язвительно прибавилъ:

— Конечно, если графъ Гервальтъ приметъ отъ меня слово благодарности.

— О, г-нъ Генрихъ, вамъ слѣдуетъ поблагодарить его еще за многое!

— Ваша правда, онъ немало причинялъ мнѣ мелкихъ дрязгъ и непріятностей, частенько бѣсилъ меня! Хорошо еще, что ему почти все время приходилось жить за Альпами, съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ правителемъ Вальдзассена. Но сиди онъ безвыѣздно на Маріенбергѣ, не миновать бы намъ кровопролитія. А при теперешнемъ положеніи дѣлъ мнѣ приходилось ссориться только съ его подчиненными. Гдѣ теперь графъ Гервальтъ? Когда послѣдуетъ онъ за вами?

— Сегодня же ночью или завтра раннимъ утромъ. Его задержали дѣла въ другой принадлежащей ему области — въ Рангау.

— Вотъ изъ-за Рангау у насъ также происходили стычки и ссоры,—сердито произнесъ Ротенбургъ.

— Именно ради устраненія всего подобнаго... Но нѣтъ, вы не повѣрите мнѣ. Кромѣ того, пока затѣянное дѣло придетъ къ концу, мы всѣ трое предстанемъ уже передъ престоломъ божіимъ. Итакъ, до свиданія тамъ, г-нъ Генрихъ.

— Гельфрида! Куда?

— Домой... въ замокъ. Мужъ приказалъ мнѣ ожидать его тамъ.

— Хорошо! Повинуйтесь ему. Но у меня къ вамъ еще одна просьба—послѣдняя въ жизни.

— Говорите.

— Когда наступитъ роковой часъ и зазвучатъ архангельскія трубы, призывая людей на страшный судъ, тогда, Гельфрида, мнѣ хотѣлось бы ожидать пришествія Сына Божія вмѣстѣ съ тобою. Въ соборѣ, у главнаго алтаря, подъ охраной всѣхъ церковныхъ святынь, соберу я вокругъ себя задолго до полуночи всю свою паству, насколько храмъ можетъ вмѣстить вѣрующихъ. О, Гельфрида, приходи и ты ожидать конца на этомъ святомъ мѣстѣ, подъ покровомъ святыхъ угодниковъ. Выдь своевременно изъ замка и поспѣши...

— Мой супругъ навѣрно будетъ здѣсь къ тому времени. Онъ охотно приметъ ваше предложеніе. Примиренные, успокоенные, дружные, будемъ мы втроемъ, рука съ рукою, ожидать смерти. А теперь еще, г-нъ епископъ,—ея голосъ слегка дрогнулъ,—прошу пока вашего благословенія.

Графиня смиренно склонила передъ нимъ блѣдное лицо. Но Ротенбургъ сдѣлалъ отрицательный жестъ рукою.

— Кто я такой, чтобы благословить тебя? Грѣшнику не подобаетъ благословлять святую! Тебя благословитъ самъ Богъ изобиліемъ благодати. „Блаженни чистіи сердцемъ, ибо тіи Бога узрятъ“. Царствіе небесное уготовано тебѣ, Гельфрида!

И графъ Ротенбургъ, этотъ человѣкъ съ желѣзной волей, громко рыдая, склонился къ столу.

— Прощай! До свиданья передъ самымъ концомъ, Гецило!

— Гельфрида, твою руку! Только твою руку...

Онъ торопливо вскочилъ въ неудержимомъ порывѣ.

Но ея ужь не было. Епископъ, почти въ безпамятствѣ, снова склонился на письменный столъ.

При этомъ движеніи, его широкій рукавъ задѣлъ одинъ изъ пергаментовъ, который, соскользнувъ со стола, упалъ прямо на жаровню съ углями.

Генрихъ торопливо схватилъ его; рукопись успѣла уже слегка обгорѣть.

— Грамота императора Карла!—воскликнулъ онъ съ испугомъ.—Еще минута, и она... Но, впрочемъ, что за бѣда, еслибъ она и сгорѣла!—прибавилъ епископъ, горько улыбнувшись.—Подумаешь, какими глупцами дѣлаетъ насъ привычка! Вѣдь

послѣ завтра этотъ документъ все равно погибнетъ въ пламени, одновременно съ тѣми благами, которыя укрѣплялъ онъ за мною, т. е. за епископатомъ. О, несчастный пергаментъ! Итальянецъ обольстилъ меня твоими красивенькими буквами; съ ихъ помощью онъ снова подстрекалъ меня къ борьбѣ, всякій разъ, когда я хотѣлъ уступить. Хотя здѣсь дѣло касалось правъ св. Бургарда... но нѣтъ, нѣтъ, все это не правда! Сознайся, наконецъ, чистосердечно, Генрихъ, ради такого дня, какъ нынѣшній, покайся передъ всевѣдущимъ Господомъ, котораго ты не можешь обмануть, какъ обманывалъ самого себя столько времени! Вѣдь ты домогался власти надъ страной и людьми лишь на зло сопернику, изъ желанія его унизить. Злополучная грамота! Лучше бы я никогда не находилъ тебя. Лучше бы ты сгорѣла вмѣстѣ съ остальными, много лѣтъ назадъ!.. Или запылала бы сейчасъ на этихъ угольяхъ, прежде чѣмъ я замѣтилъ это Демонскія письмена! —Епископъ гнѣвно смялъ пергаментъ правой рукой. — Какъ много грѣха принялъ я на душу изъ-за васъ! Я ненавижу васъ, проклинаю! Не послѣ завтра, а тотчасъ должны вы сгорѣть. По моей волѣ! уничтоженныя *моей* рукою! И какъ уничтожаю я эту грамоту, такъ изглаживаю въ своемъ сердцѣ— въ честь той праведницы съ лилейнымъ челомъ!—всякую ненависть противъ Гервальта и... всякое... грѣшное желаніе!

Охваченный лихорадочнымъ возбужденіемъ, не владѣя больше собою, онъ принялся съ усиліемъ рвать обѣими руками крѣпкій пергаментъ надвое, а потомъ бросилъ двѣ длинныхъ узкихъ полосы на горящіе уголья. Высоко взвилось яркое пламя. Со страннымъ удовольствіемъ любовался епископъ, какъ оно пожирало драгоцѣнную рукопись. Потомъ у него потемнѣло въ глазахъ и графъ Генрихъ безъ чувствъ свалился на каменный полъ. Такъ нашелъ его Зупфо, привлеченный въ библіотеку громкимъ стукомъ паденія тяжелаго тѣла.

XLIV.

Страшный день насталъ и прошелъ безъ всякихъ тревожныхъ событій въ городѣ.

При необыкновенно возбужденномъ состояніи умовъ, по-

рядокъ поддерживался только благоразумными мѣрами предосторожности, принятыми епископомъ на это критическое время. При помощи вѣрнаго Зупфо—не пожалѣвшаго здѣсь драгоцѣннаго штейнвейна—епископъ Генрихъ скоро пришелъ въ себя послѣ обморока, вызваннаго душевнымъ потрясеніемъ. Въ положенный часъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, явился въ соборъ служить вечерню. Ночь прошла для него въ молитвѣ и размышленіяхъ. Рано утромъ Ротенбургъ обошелъ городскія улицы во главѣ крестнаго хода, сопровождаемый духовенствомъ въ полномъ составѣ и всѣмъ народомъ, а затѣмъ приступилъ къ торжественной обѣднѣ, чтобъ въ послѣдній разъ вознести благодареніе Творцу, испросить его милости и заступничества святыхъ. Хотя епископу донесли, что шайки возставшей черни даже въ этотъ день показались вблизи города, но онъ поставилъ крѣпкую стражу на городскихъ башняхъ и нападеніе разбойниковъ не могло застать его врасплохъ.

Такъ мирно, торжественно прошелъ этотъ великолѣпный лѣтній день, когда всѣ сердца тревожно бились ожиданіемъ таинственнаго грядущаго. Голубоватый сумракъ уже окутывалъ далекія лѣсистыя возвышенности по верховью рѣки, тогда какъ внутри городскихъ укрѣпленій, на высокихъ башняхъ, пылало багровое пламя зажженныхъ плошекъ.

Одинокіе огоньки вспыхивали то тамъ, то сямъ и въ жилищахъ, разбросанныхъ по обоимъ берегамъ рѣки: очевидно, люди не спали въ ожиданіи роковой полуночи. Какъ весенняя, такъ и лѣтняя ночь въ благословенной майнской долинѣ полны чарующей прелести и нѣги; кто зналъ ихъ здѣсь, навсегда сохранитъ о нихъ сладкое воспоминаніе. Также и эта ночь, которой предстояло въ послѣдній разъ набросить на землю свой воздушный темный покровъ, была упоительно прекрасна. На небѣ свѣтила почти полная луна. Показавшись изъ-за восточныхъ холмовъ, она залила волшебнымъ фосфорическимъ сіяніемъ поверхность рѣки и высокія стѣны крѣпости на западѣ; легкое, почти прозрачное облако съ красновато-желтыми краями набѣгало порою на ясный дискъ мѣсяца и тотчасъ уносилось прочь. Эти переходы отъ яркаго свѣта къ болѣе мягкому освѣщенію придавали общей картинѣ особую таинственную прелесть. Дулъ легкій южный вѣтерокъ и при каж-

домъ его дуновеніи, казавшемся дыханіемъ кроткихъ небесъ, въ воздухѣ проносилась струя аромата, сладко кружившаго голову. То было благоуханіе виноградnаго цвѣта, которымъ въ концѣ іюня осыпаны всѣ виноградники въ долинѣ Майна. Ничто не можетъ сравниться съ его упоительною сладостью! Возбужденныя чувства впиваютъ вмѣстѣ съ нимъ чистую поэзію, дышащую жаркой нѣгой любви, и упоеніе этимъ запахомъ гораздо тоньше, блаженнѣе, чѣмъ то, которое даетъ намъ самый напитокъ изъ виноградnаго сока.

Уже и въ то время, какъ теперь, по правому берегу Майна, подъ городомъ тянулась столбовая дорога съ юга на сѣверъ. Съ востока она примыкала къ возвышенностямъ, поросшимъ виноградниками, а слѣва ее отдѣляли отъ рѣки луга и зарosли кустарниковъ. Здѣсь перепрыгивало съ былинки на былинку, съ вѣтки на вѣтку множество свѣтящихся жучковъ. Ихъ зеленоватое сіяніе еще болѣе увеличивало фантастичность этихъ ночныхъ часовъ, будившихъ въ душѣ неясныя предчувствія, заставлявшихъ звучать сокровенныя струны сердца. Заросль кустарника состояла большею частью изъ дикихъ розъ, которыя такъ прекрасно разростаются и такъ роскошно цвѣтутъ въ залитой солнцемъ майнской долинѣ, какъ, пожалуй, ни въ какой другой мѣстности Германіи. Хотя множество розъ отцвѣло еще въ маѣ, но теплое и вмѣстѣ съ тѣмъ влажное лѣто вызвало вторичное цвѣтеніе на многихъ кустахъ, такъ что медвяный запахъ шиповника перемѣшивался съ болѣе тонкимъ и прянымъ ароматомъ виноградnаго цвѣта. Въ розовыхъ кустахъ нашли себѣ пріютъ голосистые соловьи, заливавшіеся въ эту ночь немолчнымъ пѣніемъ. Такъ громко, такъ страстно лились эти ликующіе звуки, этотъ могучій призывъ любви! Ни въ одну изъ ночей того лѣта не пѣли съ такимъ увлеченіемъ пернатые виртуозы. Разумныя пташки хотя, конечно, не вѣрили въ наступающее свѣтопреставленіе, но предчувствовали, что имъ вскорѣ придется умолкнуть на круглый годъ и какъ будто старались въ послѣдній разъ какъ можно торжественнѣе и пламеннѣе воспѣть восторги любви, оглашая своими трелями тишину голубой, тихо дышащей, ночи.

И все это, вмѣстѣ взятое: серебристое сіяніе луны, и теплый вѣтерокъ, и благоуханіе дикихъ розъ, перемѣшанное

съ ароматомъ виноградаго цвѣта, и горячая задушевная пѣснь соловья наполняли человѣческое сердце тихимъ, блаженнымъ упоеніемъ.

XLV.

Чарующая прелесть лѣтней ночи, очевидно, подѣйствовала и на одинокаго всадника, который выѣхалъ изъ ближайшаго къ рѣкѣ блокгауза въ деревянной оградѣ. Онъ оглядѣлся кругомъ и поскакалъ къ городу. Ему было душно. Молодой человѣкъ снялъ шлемъ, предоставляя ночному вѣтерку, дувшему въ лицо, свободно обвѣвать его темныя кудри, ласкаться къ горячимъ щекамъ. Наконецъ онъ остановилъ воронаго коня и, спрыгнувъ на землю, повелъ его подъ устцы.

— Тише, Орко, ступай совсѣмъ неслышно, а не то мы вспугнемъ благочестивыхъ сестеръ, и тогда все пропало!.. А я не могъ больше выдержать, я долженъ былъ прискакать сюда. Меня влекло такое же неудержимое желаніе, какое заставляетъ вонъ тѣхъ маленькихъ пташекъ надрываться въ сладкой истомѣ. Ахъ, эта ночь! Никогда не видалъ я подобной! Ты должна, Миннегарда, быть моей передъ концомъ, по доброй волѣ или насильно, но ты должна. Да ты и сама этого захочешь, потому что иначе быть не можетъ, потому что ты меня любишь. Какъ бы мнѣ припомнить пѣсню, сочиненную вчера на эту ночь, на этотъ часъ! Ахъ да, вотъ она:

Наступаетъ конецъ нашихъ дней.
Но пока бренный міръ сокрушится,
Я успѣю блаженствомъ упиться
На груди Миннегарды моей!
Вѣдь ревнивая стража твоя
Будетъ въ страхѣ рыдать на колѣняхъ
И забудетъ въ молитвахъ и пеняхъ,
Что стою за оградою я.
Разобьетъ твоей кельи затворы
Смѣлый рыцарь могучей рукой
И тебя увлечетъ за собой...
Потупляй или нѣтъ свои взоры,
Хоть гори отъ стыда и блѣднѣй,
Хоть моли о пощадѣ... Напрасно!

Кровь бушуетъ моя слишкомъ страстно,
И ты будешь, голубка, моей!
Но ужь если удѣлъ нашъ таковъ,—
Безъ борьбы, безъ ненужныхъ проклятій,
Послѣ пламенныхъ ласкъ и объятій,
Я погибнуть съ тобою готовъ!

— Впрочемъ, милосердый Богъ не покараетъ насъ; онъ самъ увидитъ, что я не могъ поступить иначе. Зачѣмъ же природа создала ее такой прекрасной, а меня такимъ пылкимъ? Развѣ я не повелъ бы мою невѣсту къ алтарю, еслибъ... Однако, стой! Что тамъ такое? Кто идетъ ко мнѣ навстрѣчу? Какая-то темная фигура... это женщина... совершенно одна... сегодня! Въ этотъ часъ!.. Вотъ она машетъ рукой. Клянусь святымъ Мартиномъ Турскимъ! Въ самомъ дѣлѣ... это она! Она сама—Миннегарда!

— Фулько!—раздалось въ отвѣтъ.

И онъ бросился впередъ, таща за собою лошадь.

Мѣсяцъ вышелъ изъ-за облаковъ, когда они встрѣтились лицомъ къ лицу.

— Дорогая. Ты—здѣсь? — воскликнулъ онъ, схватывая дѣвушку за руки.

— Кого ты ищешь?

— Тебя! Но какъ тебѣ удалось...

— Я предчувствовала, что ты придешь, что ты долженъ прійти въ послѣдній часъ. Ахъ, я знала это!

— Откуда?

— Мнѣ подсказало о томъ мое сердце и тоска по тебѣ Я слышала, что тебѣ поручено сторожить блокгаузъ на рѣкѣ и тутъ мнѣ стало ясно, что ты постараешься силой или хитростью добраться до меня, проникнуть въ мою комнату у набожныхъ сестеръ. Но я знала также, что твоя попытка не удастся.

— Однако я былъ на пути къ вашей обители и мой мечъ...

— Онъ оказался бы ненужнымъ. Я тебя поджидала и сама отворила бы тебѣ ставню въ окнѣ своей комнаты.

— Въ такомъ случаѣ...

— Мнѣ было все таки необходимо скрыться. Епископъ далъ

знать, что еще въ десятомъ часу меня возьметъ стража во время обхода, чтобъ я могла отправиться въ соборъ подъ ея охраной. Ты не могъ бы вырвать своей Миннегарды у тридцати вооруженныхъ воиновъ. И такъ какъ тебѣ не удалось бы ко мнѣ пробраться, я рѣшила идти сама, мой ненаглядный, хотя мое лицо горѣло отъ стыда! Я летѣла, какъ на крыльяхъ, потому что—узнай это наконецъ!—ты для меня дороже всего на свѣтѣ и моя любовь къ тебѣ не имѣетъ границъ! Я не хотѣла умереть раньше, чѣмъ ты узнаешь о томъ. Я должна излить передъ тобой свое сердце! Я не могу дольше молчать, какъ не можетъ роза не изливать своего благоуханія, а соловей не пѣть. Твоей хочу я быть, твоею нераздѣльно въ вѣчности. И если, какъ говоритъ религія, въ загробномъ мірѣ нѣтъ ни поцѣлуевъ, ни брака, то я хочу цѣловать и ласкать тебя въ послѣдній часъ, пока стоитъ міръ. Если милосердый царь небесный захочетъ покарать меня за это, я приму заслуженную кару. Но я поступаю такъ, какъ мнѣ необходимо поступить. Я пришла сюда, чтобъ быть твоею, ахъ, только передъ смертью! Вмѣсто того чтобъ вмѣстѣ жить, мы вмѣстѣ умремъ. Ты мнѣ безгранично дорогъ, дай прижать тебя къ сердцу, чтобъ ты могъ почувствовать, какъ я люблю тебя!

И Миннегарда широко раскрыла объятія. Фулько въ страстномъ порывѣ бросился къ ней. Онъ цѣловалъ ее такъ крѣпко, что она почти задыхалась.

— Пойдемъ отсюда,—шепнулъ онъ ей потомъ...—Нельзя же намъ оставаться на большой дорогѣ! Тебя хватятся, начнутъ искать...

Легкій прыжокъ черезъ канаву, и они очутились влѣво отъ дороги въ густомъ кустарникѣ. Умный конь прыгнулъ вслѣдъ за ними. Не помня себя отъ радости, рыцарь привязалъ его къ ближайшему дереву.

— Ну, мой вѣрный Орко, сторожи хорошенько и предупреди, если заслышишь кого нибудь.

Воронòй весело заржалъ и мотнулъ головою, какъ будто понялъ приказаніе господина...

Наступила глубокая, непробудная тишина...

Мѣсяцъ только изрѣдка, осторожно выглядывалъ изъ-за дымки облаковъ на мягкую лужайку.

Свѣтящійся жучокъ пролетѣлъ надъ головами влюбленныхъ и опустился на траву, какъ разъ туда, гдѣ раскинулись темныя кудри Миннегарды.

— Нашъ брачный факелъ!—прошепталъ Фулько.

А теплый вѣтерокъ приносилъ имъ волны благоуханій изъ чашечекъ розъ и винограднаго цвѣта.

И громко, восторженно пѣлъ соловей въ ближнемъ кустарникѣ пѣснь торжествующей любви...

Все остальное вокругъ нихъ притихло въ благоговѣйномъ молчаніи. Влюбленные тоже не говорили между собою отъ избытка любви и блаженства.

Но вдругъ двое счастливцевъ были пробуждены отъ сладкаго забытья громкими звуками военнаго сигнала.

Среди жаркихъ ласкъ, расточаемыхъ любимому человѣку, Миннегарда вскочила въ испугѣ, отбросила съ горячихъ висковъ спутавшіеся распущенные волосы и вскричала:

— Послушай! Что это такое? Архангельскія трубы передъ страшнымъ судомъ? Неужели свѣтопреставленіе наступило? Впрочемъ, я не боюсь его теперь. Ты подарилъ мнѣ величайшее блаженство, ты мой навсегда! Не страшенъ мнѣ и грозный судія. Рука объ руку съ тобою мы предстанемъ передъ нимъ и я радостно скажу ему: „да, я люблю Фулько и буду вѣчно любить! Накажи меня, Господи, если это былъ грѣхъ, но я еще разъ поступила бы точно также!“

— Тише, дитя! Дай мнѣ прислушаться. Вѣрно! Я не ошибся. До полуночи еще далеко. Это не архангельскія трубы, а сигналъ тревоги съ башни на мосту. Только онъ созываетъ къ оружію!

Рыцарь освободился изъ объятій Миннегарды.

— Слушай! На первый сигналъ отвѣчаютъ поочередно другія башни. Это призывъ къ оборонѣ противъ врага. И въ самомъ дѣлѣ, взгляни туда: вдалекѣ, у города, за Песчанымъ предмѣстьемъ видно зарево. Разбойники напали на Вюрцбургъ!

— Какъ, въ эту ночь, передъ послѣднимъ концомъ?

— Все равно. Трубятъ „къ оружію!“ Епископъ Генрихъ зоветъ своихъ рыцарей. Фулько долженъ спѣшить на его зовъ. Вставай, моя ненаглядная, мое сокровище, моя безцѣнная собственность! Скорѣе на коня. Вотъ такъ. Держись за гриву.

Вотъ и я усѣлся позади тебя. Еще одинъ поцѣлуй! Еще одинъ и еще... Ну, этотъ ужь послѣдній, на прощанье! Вѣроятно, больше онъ не повторится. Мчись стрѣлой, мой вѣрный конь! Тебѣ выпало на долю перенести Фулько съ Миннегардой отъ блаженства любви къ блаженной смерти.

Съ быстротою стрѣлы помчался вѣрный конь по зеленымъ лугамъ прямо къ городу, отвѣчая задорнымъ ржаньемъ на громкій призывъ трубы.

XLVI.

До полуночи оставалось всего два часа.

Епископъ со своимъ причтомъ отправлялъ торжественное богослуженіе въ соборѣ, до того переполненіемъ молящимися, что тамъ, какъ говорится, яблоку негдѣ было упасть. Въ другихъ церквяхъ и капеллахъ Вюрцбурга происходило то же самое. Ротенбургъ приказалъ священникамъ вездѣ начать ночную службу два часа спустя послѣ конца вечерни. Весь народъ спѣшилъ въ храмы. Дома оставались только тяжко больные, которые не могли сойти съ постели. Нѣкоторые были брошены безъ надзора, другіе находились на попеченіи кого нибудь изъ близкихъ, преимущественно женщинъ. Эти люди ставили свой долгъ—ухаживать за страждущимъ—выше отрадной возможности встрѣтить всѣ ужасы смерти вблизи святаго алтаря. Исключеніе въ этомъ случаѣ, по приказу епископа, составляли только защитники городскихъ укрѣпленій. Поутру начальники стражи, караулившей у воротъ и на земляныхъ валахъ, пришли къ графу Ротенбургу, который взялъ на себя охрану города за отсутствіемъ правителя области, графа Гервельта. Они спросили его, нельзя ли имъ вмѣстѣ со своими подчиненными оставить военные посты въ послѣдній день міра, чтобы присутствовать на ночномъ богослуженіи наравнѣ съ прочими. Такая уважительная просьба вызвала въ душѣ Ротенбурга жестокую борьбу между взглядами епископа и воина. Однако воинъ побѣдилъ. Графъ Генрихъ нахмурилъ лобъ и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, я не могу позволить этого! Мятежники рыщутъ округъ города. Каждый пусть остается на своемъ посту,

чтобъ исполнять до конца. возложенный на него долгъ. Мѣсто епископа передъ алтаремъ, а башенной стражи—на башнѣ. Если Господь посѣтитъ насъ тамъ, то назоветъ своими вѣрными рабами. Итакъ, до послѣдней минуты каждый пусть несетъ свою службу, будь онъ мірянинъ или духовное лицо.

Задолго до того, какъ онъ началъ ночную литургію,—послѣднюю, которую ему предстояло совершить—епископъ увидалъ изъ окна комнаты, гдѣ облачались священники, графиню Гельфриду. Она поднималась со своей женской свитой по каменнымъ ступенямъ собора.

— Пришла! Сдержала слово!—произнесъ тронутый Генрихъ и кивнулъ головой.

Графа Гервальта пока еще не было, точно также, какъ Эдели и Миннегарды. Однако епископъ не сомнѣвался, что молодыя дѣвушки своевременно придутъ, по его распоряженію.

Между тѣмъ литургія кончилась и проповѣдь подходила уже къ концу. Епископъ серьезнымъ тономъ, чтобы не дать себѣ расчувствоваться, увѣщевалъ свою паству мужественно смотрѣть въ лицо неминуемой смерти. Его рѣчь дышала отвагой. Такъ полководецъ ободряетъ солдатъ передъ роковымъ натискомъ врага.

Послѣ проповѣди, своды храма снова огласились пѣніемъ латинскихъ молитвъ, и всѣ, кто могъ, приняли участіе въ этомъ хорѣ.

Густыя облака ѳиміама клубились въ тѣсномъ помѣщеніи деревяннаго собора, состоявшаго изъ одного отдѣленія и скудно освѣщеннаго лампадами и сосновой лучиной въ желѣзныхъ поставцахъ. Только главный алтарь, гдѣ стоялъ въ настоящую минуту епископъ, благословляя народъ, сіялъ, залитый свѣтомъ множества восковыхъ свѣчей. Вдругъ черезъ растворенныя настежъ двери храма—такъ какъ народъ, не нашедшій въ немъ мѣста, толпился на паперти, на ступеняхъ и на самой площади—донесся тотъ же самый призывный звукъ трубы, который вспугнулъ влюбленную парочку, предававшуюся нѣгѣ любви на берегу Майна. И здѣсь первой мыслью присутствовавшихъ, поглощенныхъ ожиданіемъ страшнаго суда, было: „это, вѣрно, архангельскія трубы!“ Трепетъ и ужасъ охватили народъ. Однако епископъ поспѣшилъ

мечъ.—Эти скоты легки на поминѣ!—Самъ чортъ принесъ ихъ сюда.

— Ей-богу, это венды!—глухо простоналъ епископъ.

— И какая ихъ сила!—воскликнулъ провансалецъ.—Ну, теперь, другъ Гельмутъ, будетъ жаркая битва, настоящая!

— Да, слава богу! Давай сражаться, не посрамимъ себя!—отвѣчалъ Гогенгорстъ, сверкая глазами.

— Съ Богомъ!—проговорилъ епископъ.—Пускай въ послѣдній разъ на землѣ прогремятъ боевыя трубы германцевъ. Вскорѣ къ нимъ присоединятся трубы архангельскія, передъ началомъ страшнаго суда.

Однако столкновеніе между непріятельскими силами произошло не сразу. Передовой отрядъ славянскихъ всадниковъ, очевидно, высланный на развѣдки, вернулся обратно съ донесеніемъ своему вождю. Тогда графъ Ротенбургъ велѣлъ своимъ остановиться,—подождать пѣшихъ воиновъ. Внимательно осмотрѣвшись кругомъ, онъ понялъ, что кучка людей, собранныхъ вокругъ него, не могла оказать большаго сопротивленія и подвергалась страшной опасности.

Конному отряду этихъ великолѣпныхъ воиновъ всегда удавалось разбивать шайки мятежниковъ. Если возставшіе крестьяне превосходили своихъ противниковъ численностью, зато были плохо вооружены и сражались исключительно пѣшіе. Но теперь графу Ротенбургу предстояло съ тѣми же силами выступить противъ настоящаго войска, съ отличнымъ, разнообразнымъ вооруженіемъ. Часть дружины Свентибольда была на коняхъ. Отважный предводитель вендовъ пользовался безграничнымъ довѣріемъ своихъ подчиненныхъ. Они слѣпо шли за нимъ, куда угодно, и, кромѣ рѣдкой отваги, отличались достаточнымъ знаніемъ военнаго дѣла, такъ какъ въ послѣднее десятилѣтіе имъ пришлось служить по найму у многихъ государей и воевать на вендской, нѣмецкой, итальянской, византійской землѣ, нерѣдко одерживая блестящія побѣды.

— Вендъ умѣетъ драться, проклятый!—заговорилъ Фулько. Посмотри-ка, Гельмутъ, какъ благоразумно пользуется онъ своимъ численнымъ превосходствомъ. Сколько ихъ, по твоему разсчету?

Гогенгорстъ привсталъ на стременахъ, нагнулъ впередъ

голову, увѣнчанную шлемомъ, и съ минуту присматривался къ происходившему вокругъ.

— Число тѣхъ, которые попрятались въ виноградникахъ и зарослякъ, трудно опредѣлить. Но впереди насъ, на большой дорогѣ, и справа, на полянѣ, будетъ, пожалуй, не меньше четырехсотъ человѣкъ.

— Взгляни — теперь такъ отлично видно при свѣтѣ мѣсяца!—вонъ строятся всадники въ нѣсколько рядовъ въ самой срединѣ войска. Имъ, очевидно, поручено отбить нашъ первый натискъ. По флангамъ разставлена пѣхота.

— Однако венды умѣютъ и обходить непріятеля! Видишь: съ западной стороны большой дороги по полю мчится второй отрядъ всадниковъ, который аттакуетъ насъ съ фланга.

— Но гдѣ же наши горожане? На лугу собралось ихъ очень немного?

— Свою пѣхоту и застрѣльщиковъ,—прибавилъ епископъ,— Свентибольдъ посылаетъ занять виноградники и рощи по склонамъ горъ, чтобъ напасть на нашъ отрядъ слѣва. Оттуда имъ будетъ легко пробраться даже намъ въ тылъ, отрѣзавъ насъ отъ города.

Графъ Генрихъ приказалъ молодымъ рыцарямъ оставаться на мѣстѣ, а самъ медленно поѣхалъ впередъ, выравнять первые ряды своихъ всадниковъ.

— Ну, тѣмъ, которые посланы влѣво, не удастся нанести намъ большаго урона,—замѣтилъ Гельмутъ.—На узкой тропинкѣ подъ горою, между виноградниками имъ придется плохо. Кучки рѣшительныхъ людей вполнѣ достаточно...

— Но почему же это наши милые вюрцбургскіе граждане все еще мѣшкаютъ? Имъ давно слѣдовало бы занять выгодную позицію на высотахъ.

— Пожалуй, ихъ собралось еще слишкомъ мало. Однако будьте внимательны. Вонъ епископъ машетъ мечемъ!

L.

Согласно дѣленію непріятельскихъ силъ на три части, епископу пришлось отдѣлить два крыла и отъ своего малочисленнаго отряда.

Онъ посылалъ одного гонца за другимъ по направленію къ городу поторопить собиравшихся вразбродъ горожанъ. Эти менѣе испытанные воины должны были образовать подкрѣпленіе обоихъ слишкомъ слабыхъ фланговъ.

Какъ опытный полководецъ, графъ Ротенбургъ хотѣлъ прибѣгнуть къ обычной тактикѣ нѣмецкаго военнаго искусства. Она привилась съ тѣхъ поръ, какъ тяжело вооруженная конница получила перевѣсъ (сначала въ венгерскихъ войскахъ) надъ пѣхотой, изъ которой въ прежнее время исключительно состояли германскія войска. Тѣсно сплоченные ряды всадниковъ: рыцарей въ стальныхъ доспѣхахъ и ихъ подчиненныхъ, также на громадныхъ боевыхъ коняхъ, должны были броситься на вендовъ, занимавшихъ большую дорогу, могучимъ натискомъ врѣзаться въ ихъ центръ, произвести замѣшательство въ рядахъ непріятеля и такимъ образомъ сразу рѣшить исходъ битвы.

Со стариннымъ военнымъ кликомъ германцевъ: „Христе! Кириѣ элейсонъ"! размахивая мечемъ, бросился епископъ Генрихъ на своемъ бѣлоснѣжномъ датскомъ конѣ во главѣ отряда конныхъ латниковъ на выстроившихся вендовъ.

Сначала все шло, какъ онъ разсчитывалъ. Болѣе слабая конница славянъ не выдержала молодецкаго натиска нѣмцевъ. Первый рядъ смѣшался, второй также—по крайней мѣрѣ, въ центрѣ—но третій далъ уже отпоръ.

Германскій рыцарскій мечъ и славянская боевая булава скрестились между собою и схватка пріостановилась.

Это было крайне невыгодно для крошечнаго отряда всадниковъ, которые могли одержать побѣду надъ болѣе многочисленнымъ врагомъ, только быстро врѣзавшись въ его центръ и произведя смятеніе въ опрокинутыхъ рядахъ.

Въ ту же минуту Ротенбургъ увидалъ, при свѣтѣ смоляного факела, одного изъ непріятельскихъ вождей въ богатомъ вооруженіи и въ шлемѣ съ опущеннымъ забраломъ. Выбравшись кое-какъ изъ подъ упавшей лошади, послѣ стычки съ Гельмутомъ, онъ вскочилъ на другую, подведенную ему вендомъ.

— Впередъ! — загремѣлъ этотъ всадникъ изъ-подъ забрала.—Долой нѣмцевъ!

И, размахивая дротикомъ, онъ снова выѣхалъ въ первый рядъ.

— Голосъ мнѣ знакомъ!—воскликнулъ епископъ.

Давъ шпоры коню, онъ наскочилъ на всадника, размахнулся мечемъ и нанесъ ему такой страшный ударъ по головѣ, что богато вызолоченный шлемъ со звономъ разлетѣлся пополамъ.

— Беренгаръ! — вырвался громкій возгласъ изъ груди графа Ротенбурга. — Какъ ты смѣлъ меня ослушаться? Противъ моего повелѣнія...

— Приказывай своимъ нѣмецкимъ холопамъ, а не мнѣ!— отвѣчалъ тотъ, цѣлясь въ епископа дротикомъ.

Но тутъ ихъ раздѣлилъ натискъ свѣжаго отряда славянскихъ пѣшихъ воиновъ, которые, повинуясь командѣ невидимаго предводителя, выступили изъ четвертой шеренги строя, чтобы дружно броситься на епископскую стражу съ копьями наперевѣсъ.

Между тѣмъ павшія лошади, человѣческіе трупы, раненые, валявшіеся на землѣ и сражавшіеся по одиночкѣ до того запрудили дорогу, что нѣмецкой конницѣ негдѣ было повернуться и повторить привычный маневръ нападенія на всемъ скаку. Одна лошадь за другою падала подъ защитниками Вюрцбурга, такъ какъ солдаты вендовъ обращали свое оружіе не противъ закованныхъ въ желѣзо всадниковъ, а противъ ихъ коней. Только съ величайшими усиліями удавалось Фулько, старавшемуся вò-время прикрывать собою епископа, отводить отъ него удары копій, во множествѣ направленныхъ въ эту сторону. Тутъ подскакалъ Гельмутъ, которому графъ Генрихъ поручилъ освѣдомиться, что дѣлается на правомъ флангѣ, гдѣ венды, судя по звукамъ ихъ роговъ, заняли много мѣста на луговинѣ.

— Теперь тамъ все пошло на ладъ, — доложилъ онъ Ротенбургу.—Сначала было плохо. Но кучка городскихъ жителей, которую мы съ Герихо, оружейникомъ, направили противъ коннаго отряда вендовъ, схватилась съ врагомъ. Молодой оружейникъ отличается передо всѣми. Только наше лѣвое крыло въ критическомъ положеніи. Тамъ, повидимому...

Гогенгорстъ не успѣлъ договорить.

Какъ разъ оттуда, именно съ востока, прискакалъ Бланъ-

динъ, также посланный на развѣдки къ лѣвому флангу. Онъ потерялъ шлемъ; его лицо было залито кровью изъ зіяющей раны на щекѣ.

— Господинъ епископъ, мы окружены! Непріятельскіе стрѣлки и пѣшіе воины одолѣли малочисленныхъ горожанъ, занявшихъ виноградники. Зодчій Гессо, силачъ и бравый молодецъ, командовавшій ими, убитъ. Я повелъ колебавшихся въ послѣднюю аттаку, но напрасно... меня ранили...

Венеціанецъ покачнулся. Гельмутъ поддержалъ его въ сѣдлѣ. Графъ Генрихъ на минуту закрылъ глаза, пораженный горемъ.

— Что-жъ, вернуться назадъ, обратно въ городъ?—говорилъ онъ.—Нѣтъ, если мы уступимъ одну пядь земли, то все пропало: непріятель ворвется вслѣдъ за нами въ городскія ворота.

— Ни за что!—подтвердилъ Гельмутъ.—Взгляните: вонъ а мъ строится новый, болѣе сильный отрядъ славянской пѣхоты для нападенія на насъ. Предупредимте ихъ. Нападемте сами на нихъ съ отчаянною рѣшимостью, и въ случаѣ нашей гибели никто не скажетъ, по крайней мѣрѣ, что мы обратили непріятелю тылъ.

— Конечно! — подхватилъ Фулько. — Не все ли равно Вѣроятно, скоро полночь и ангелы возьмутъ наши души, а язычниковъ, какъ водится, заберетъ сатана. Скорѣе же, г-нъ Генрихъ! Ударимъ на врага. До свиданья на небѣ, Миннегарда!

Готовый къ смерти, епископъ только что хотѣлъ скомандовать: „въ аттаку!“ Венды не спускали съ него глазъ, слѣдя за каждымъ движеніемъ военачальника. Однако послѣдняя отчаянная попытка со стороны нѣмцевъ не успѣла осуществиться. Вдругъ, точно какимъ-то чудомъ, бой прекратился.

LI.

На правомъ крылѣ вендовъ, съ востока отъ большой дороги, изъ виноградниковъ и рощъ, по склонамъ горъ, неожиданно раздались дикіе, отчаянные крики, заставившіе оцѣпенѣть дерущихся и обратить въ ту сторону зрѣніе и слухъ. Черезъ минуту славянскіе стрѣлки изъ лука и пѣшіе

воины стали выбѣгать изъ густой чащи со всѣми признаками сильнѣйшаго испуга; они спрыгивали, скатывались съ крутизны, бросаясь въ переполохѣ, куда попало. Правый флангъ вендовъ, выстроившихся на большой дорогѣ, былъ немедленно смятъ и опрокинутъ бѣглецами, которые хотѣли укрѣпиться отъ какой-то невѣдомой опасности посреди своихъ. Такимъ образомъ, и въ центрѣ войска произошелъ переполохъ, который неудержимо распространялся дальше. Лѣвый флангъ не могъ выдержать напора. Люди и лошади, тѣснимые съ одной стороны, стали падать съ обрывистаго края дороги на луговину.

— Стойте, клянусь Црнбогомъ! Стойте, братцы!—кричалъ бѣгущимъ стрѣлкамъ чей-то пронзительный голосъ.

И предводитель вендовъ на черномъ конѣ, въ совершенно черной одеждѣ и вооруженіи, бросился имъ на встрѣчу, Первый, на котораго онъ наткнулся, былъ сшибленъ имъ съ ногъ, втораго онъ схватилъ за плечи, принудивъ поневолѣ остановиться.

— Стойте же, говорятъ вамъ!—Куда вы бросаетесь? Вѣдь битва выиграна!

— Стойте, подлые трусы! — крикнулъ въ свою очередь подскочившій Беренгаръ.—Что вы, чорта что ли увидали, что бросились бѣжать, сломя голову?

— Какъ, это ты Кратохвилъ?—воскликнулъ всадникъ на черномъ конѣ.—Ну, тебя я не могу назвать трусомъ. Недаромъ тебѣ было довѣрено начальство надо всѣмъ правымъ крыломъ. Кто погналъ васъ оттуда?

— Сатана!—прохрипѣлъ, задыхаясь, вендъ. — Какъ есть христіанскій чортъ, про котораго толковалъ самъ римскій папа. Мы уже два раза отбили горожанъ и взобрались почти на самый гребень горы, какъ вдругъ изъ темной чащи лѣса бросился съ высоты на нашъ правый флангъ остервенѣлый великанъ; правда, за нимъ было немного воиновъ, но самъ онъ до того ужасенъ! Въ волчьей шкурѣ! Это, навѣрно, сатана! Онъ ничего не боится. Стрѣлы такъ и отскакиваютъ отъ его мѣховаго плаща. Онъ прыгнулъ прямо въ средину нашихъ стрѣлковъ и, не переставая кричать: „помоги, Воденъ! Воденъ, помоги“! началъ сыпать удары вправо и влѣво громадной дубиной, которую держалъ обѣими руками. При

каждомъ взмахѣ, изъ нашихъ рядовъ убывало по одному и по два воина. Тутъ я выхватилъ мой металлическій ножъ — ты знаешь, я никогда не даю промаха!—и бросилъ его съ боку въ голову чудовища. Ножъ вонзился ему въ тѣло, но великанъ не упалъ, а бросился на меня и вотъ—я умираю. Бѣги, Свентибольдъ! Это самъ чортъ!

Кратохвилъ опрокинулся навзничь и испустилъ духъ. Опытный глазъ Свентибольда тотчасъ убѣдился, что ему ничѣмъ не остановить безпорядочнаго бѣгства своего праваго крыла.

Поэтому онъ немедленно скомандовалъ главному корпусу войска подвинуться впередъ, предоставивъ бѣглецамъ полный просторъ.

Затѣмъ, смѣривъ глазами небольшой отрядъ нѣмецкихъ всадниковъ, славянскій вождь нашелъ, что ему нетрудно ихъ опрокинуть даже съ тѣми силами, которыя остались у него въ строю, а потому приказалъ трубить наступленіе.

Только тутъ онъ самъ обнажилъ кривую саблю.

— Вотъ теперь настала очередь и полководцу принять участіе въ битвѣ!— крикнулъ Свентибольдъ Беренгару.—Ну, братцы мои, впередъ! Ударимъ на врага! Насъ до сихъ поръ все таки впятеро больше. Если вы выбьете изъ сѣдла епископа и его двоихъ рыцарей, то богатый городъ будетъ вашъ. Грабьте и жгите его до тла!

Оглушительный вой—точно стаи голодныхъ волковъ—былъ ему отвѣтомъ. Венды бросились впередъ; нѣмцы, замѣтивъ ихъ намѣреніе, сдѣлали тоже, и оба непріятельскихъ отряда сшиблись въ жестокой схваткѣ. Натискъ былъ одинаково силенъ съ обѣихъ сторонъ. Хотя отборная конница и хорошее вооруженіе давали нѣмцамъ значительный перевѣсъ надъ врагами, но венды подавляли ихъ своею численностью. На большой дорогѣ завязался страшный, кровопролитный бой. Съ востока, гдѣ возвышались холмы, не было прохода для лошадей и потому всѣ тѣснились къ срединѣ, а оттуда на западную сторону къ рѣкѣ, причемъ кони, всадники и пѣшіе солдаты вендовъ сваливались съ обрыва, скатываясь на лужайку. Иногда они летѣли туда кубаремъ, какъ жуки, цѣлыми массами, сцѣпившись между собою.

Свентибольдъ замѣтилъ, что на этомъ мѣстѣ нападающіе

терпятъ больше всего урона, и протѣснился къ лѣвому флангу; Беренгаръ слѣдовалъ за нимъ по пятамъ.

Имъ тотчасъ бросился въ глаза высокій воинъ, сражавшійся впереди нѣмецкихъ всадниковъ на бѣломъ конѣ. Онъ неутомимо сыпалъ удары длиннымъ боевымъ мечемъ, который такъ и свистѣлъ въ воздухѣ; пѣшіе венды падали передъ нимъ, точно головки мака подъ косою.

— Епископъ!—крикнули за разъ славянскій князь и архидьяконъ.

Оба немедленно напали на Ротенбурга.

— Смотрите влѣво, господинъ Генрихъ!—крикнулъ Гельмутъ и принялъ на свой щитъ сильный ударъ кривой сабли Свентибольда, между тѣмъ какъ Фулько отпарировалъ мечемъ ударъ дротика, брошеннаго Беренгаромъ; древко разлетѣлось въ куски.

Но тутъ вороной конь провансальца рухнулъ на землю подъ ударомъ копья пѣшаго венда и придавилъ собою всадника.

Беренгаръ, выхвативъ мечъ изъ ноженъ, замахнулся на епископа, но тотъ, предупрежденный во-время, высоко поднялъ свое оружіе и отсѣкъ ему руку у самаго плеча, гдѣ она выходила изъ отверстія брони, такъ ловко, какъ будто ея никогда тутъ и не было.

Зарычавъ отъ боли, ломбардецъ опрокинулся навзничь на крупъ лошади.

Но Свентибольдъ бросился на епископа.

Онъ только что бился съ Гельмутомъ и ему удалось избавиться отъ этого храбраго противника подлымъ ударомъ по переднимъ ногамъ его коня, который тотчасъ же упалъ.

— Сюда, братцы!—кричалъ славянскій князь.—Сбивайтесь въ кучу. На епископа! Бейте его лошадь.

LII.

Епископу Генриху пришлось бы плохо при всей силѣ руки и отвагѣ мужественнаго сердца. Бландинъ хотѣлъ подскочить къ нему, но свалился съ сѣдла, контуженный дротикомъ, брошеннымъ въ упоръ и ударившимъ его въ грудь по

желѣзной бронѣ. Ближайшій изъ епископскихъ всадниковъ, державшій щитъ надъ своимъ господиномъ, былъ раненъ саблей Свентибольда въ лицо. И пока Ротенбургъ съ трудомъ отбивался отъ быстрыхъ двойныхъ ударовъ князя, онъ увидалъ острія копій, обращенныхъ четырьмя пѣшими вендами противъ него самого и его коня, покрытаго множествомъ ранъ. Смерть смотрѣла прямо въ глаза храбрецу.

— О, Гельфрида! — подумалъ онъ, считая себя окончательно погибшимъ.—Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!

Но тутъ раздался слѣва дикій крикъ непріятелей. Епископъ не могъ разобрать ихъ словъ и только увидалъ исполинскую фигуру человѣка, бѣжавшаго подъ гору изъ виноградника огромными скачками. Толстая дубина свиснула въ воздухѣ и ударила по лошади Свентибольда.

— Помоги, Воденъ! — послышалось вблизи графа Ротенбурга, и неожиданный избавитель убилъ вторымъ ударомъ одного изъ пѣшихъ вендовъ, нападавшихъ съ копьями на епископа.

Однако, ихъ оставалось еще трое. Они схватили подъ устцы лошадь графа Генриха и цѣлились въ него дротиками.

Между тѣмъ, одного изъ нихъ съ яростнымъ лаемъ схватилъ за горло громадный сѣрый волкодавъ, а двое другихъ пали подъ мечами Гельмута и Фулько, успѣвшихъ выбраться изъ-подъ своихъ убитыхъ лошадей.

Но и Свентибольдъ стоялъ уже на ногахъ; присѣдая, какъ пантера, онъ готовился въ третій разъ кинуться на епископа.

Только это ему не удалось.

— Стой, черный великанъ! Ты мой! Помоги, Воденъ!— прогремѣло вблизи него, и Радо занесъ надъ нимъ свою страшную дубину, служившую ему вмѣсто кочерги для разгребанья углей.

Однако ловкій вендъ увернулся, отскочилъ назадъ и припалъ къ землѣ, за трупомъ убитой лошади.

— Постой, долговязый! Твоя очередь потомъ. Сначала надо уложить епископа,—злобно прошипѣлъ Свентибольдъ.

Онъ схватилъ саблю въ зубы, вытащилъ изъ-за пояса ножичекъ, длиною въ палецъ, взялъ его за роговую рукоятку только тремя пальцами правой руки и метнулъ тонкій клинокъ въ графа Генриха. Съ рѣзкимъ свистомъ пронизалъ онъ воз-

духъ и попалъ въ цѣль. Острая сталь вонзилась въ шею епископа повыше ключицы, гдѣ было узкое пространство между воротомъ панцыря и отворотомъ шлема. Раненый медленно соскользнулъ съ лошади. Онъ упалъ навзничь, не выпуская изъ рукъ меча. Гельмутъ и Фулько успѣли подхватить его въ минуту паденія. Между тѣмъ, Радо и славянскій князь одновременно наскочили другъ на друга. Ослѣпленные яростью, оба не думали защищать себя отъ ударовъ, а только хотѣли поразить одинъ другаго, пылая мщеніемъ.

И оба достигли цѣли. Острая сабля, пробивъ старику шлемъ изъ тройной волчьей шкуры, глубоко засѣла въ черепѣ, а у славянскаго князя была размозжена, ловкимъ ударомъ дубины, его черная курчавая голова вмѣстѣ съ черной мѣховой шапочкой.

То были почти послѣднія схватки въ этой битвѣ. Смерть ождя произвела переполохъ въ рядахъ вендовъ. Свентибольдъ былъ ихъ кумиромъ; они привыкли слѣпо слѣдовать за нимъ и были не въ силахъ сражаться безъ него. Въ то же время, на ихъ главный корпусъ напали съ восточной стороны—съ высотъ и склоновъ холмовъ—горожане, разбившіе раньше подъ предводительствомъ Радо, правое крыло непріятеля. Они напали съ тылу на враговъ, бившихся еще на лугу, съ запада отъ большой дороги, съ кучкой горожанъ подъ предводительствомъ оружейника Герихо. Послѣ этого, пораженіе вендовъ стало несомнѣннымъ. Остатки ихъ войска обратились въ бѣгство. Язычники бѣжали безпорядочными массами, конные въ перемежку съ пѣшими, вверхъ по теченію Майна. Побѣдители преслѣдовали ихъ. Это успѣлъ еще увидѣть графъ Ротенбургъ, перенесенный своими рыцарями подъ большой дубъ на краю дороги. Глаза у него засверкали отъ радости; онъ сложилъ руки на крестообразной рукояти своего окровавленнаго меча:

— Славимъ тебя, Господи Боже. Побѣда! Городъ св. Бургарда спасенъ. Теперь я умру спокойно. Посмотрите однако, посмотрите, друзья мои: тамъ на востокѣ вспыхнуло багровое пламя. Это посланники Господа на огненныхъ крылахъ: херувимы, спустившіеся съ неба передъ страшнымъ судомъ.

— Нѣтъ!—воскликнулъ Фулько ликующимъ громкимъ голосомъ, указывая на востокъ своимъ мечемъ.—Это солнечный

восходъ! Полночь, должно быть, давно миновала. Мы только не замѣтили этого въ пылу битвы. Страшный день прошелъ и міръ... по прежнему стоитъ незыблемо! Мы были безумцами.—Господи, благодарю тебя отъ глубины души! Нѣтъ, ты не хотѣлъ уничтожить твоего стараго, дорогаго, прекраснаго міра!

Онъ бросился на колѣни и въ блаженномъ экстазѣ поднялъ руки къ небу. Въ эту минуту, первый солнечный лучъ выглянувъ изъ-за горъ, коснулся его лица. И, залившись звонкой трелью, полевой жаворонокъ поднялся съ зеленой луговины къ небу, еще окутанному сѣроватой мглою. Гельмутъ, Бландинъ и всѣ присутствующіе, кто не былъ тяжко раненъ, послѣдовали примѣру провансальца: побросали мечи, дротики, щиты и, упавъ на колѣни, запѣли хоромъ по латыни и по нѣмецки въ перемежку—старинный хвалебный гимнъ:

Ты, благодать, не во времени,
А въ безконечности,
Вѣчно возобновляющаяся!

Господи Боже, благодаримъ тебя,
Господи Боже, славимъ тебя,
Во вѣки вѣковъ, какъ и сегодня!

Nunquam resolvitur,
Nunquam revolvitur
Credens in Te:

Gratias agimus,
Gratias canimus
O, Domine!

LIII.

Побѣдоносно поднялось солнце юнаго дня надъ майнской долиной: небо сіяло безоблачной синевой и сколько глубокаго счастья, восторженной радости видѣло оно сегодня на землѣ со своей недосягаемой высоты! Сотни тысячъ людей, въ трепетѣ и ужасѣ ожидавшихъ роковой полночи, которая должна была принести неслыханныя бѣдствія разрушенія и всеобщей гибели, стояли теперь на колѣняхъ, заливаясь счастливыми слезами, прерывавшимися то блаженной улыбкой, то громкими криками ликованія. На устахъ у всѣхъ была хвала великому, милосердному Творцу, не захотѣвшему лишить своихъ созданій блаженства бытія.

Въ настоящее время, въ Вюрцбургѣ близь моста стоитъ красивой водоемъ, называемый „Четырехсточнымъ“; каждый вечеръ и каждое утро онъ служитъ сборнымъ пунктомъ для

всѣхъ служанокъ города, которыя сходятся сюда съ глиняными кувшинами за плечами и, зачерпнувъ воды, остаются поболтать между собою. Кристальная струя часто хлещетъ черезъ край кувшина, а служанка и не думаетъ уходить, если она еще не наболталась досыта со своей товаркой, сообщающей ей новости — по большей части, не такой хрустальной чистоты, какъ вода родника!—или со своимъ милымъ, который давно уже подстерегалъ ее тутъ.

Въ ту отдаленную эпоху, на этомъ же самомъ мѣстѣ былъ вырытъ глубокій колодецъ, обильно снабжавшій водою городскихъ жителей. Нѣсколько липъ осѣняло его круглое отверстіе, обложенное краснымъ песчаникомъ, и въ вѣтвяхъ одного изъ деревьевъ помѣщалась деревянная, ярко раскрашенная, статуэтка святаго Киліана подъ трехъугольнымъ навѣсомъ. Этотъ колодецъ, съ густою сѣнью липъ и священнымъ изображеніемъ угодника, служилъ любимымъ мѣстомъ сборищъ для жителей Вюрцбурга, которые и въ то время отличались общительностью, постоянно находя ужасно много темъ для пріятельскихъ бесѣдъ. Подъ тѣнью липъ св. Киліана и на ступеняхъ, поднимавшихся къ мосту, обыкновенно толпился народъ. Горожане Вюрцбурга оживленно болтали здѣсь между собою, вѣчно носясь съ какой нибудь новостью дня, хотя, строго говоря, въ благочестивомъ городкѣ, гдѣ такъ сладко пьется вино мѣстнаго производства, повседневная общественная жизнь была далеко не богата происшествіями. Но знаменательный день двадцать пятаго іюня тысячнаго года, конечно, представлялъ исключеніе. И почтенные граждане Вюрцбурга, разумѣется, не упустили благопріятнаго случая обмѣняться мыслями и впечатлѣніями, а воспользовались имъ какъ можно лучше, что̀ они дѣлаютъ и теперь.

Самымъ важнымъ предметомъ ихъ обсужденій было то обстоятельство, что вотъ они, слава Богу, находятся въ живыхъ; добрые люди не уставали возвращаться къ этому отрадному для нихъ факту. Вокругъ колодца и на ступеняхъ моста, и на самомъ мосту кишила несмѣтная взволнованная толпа: мужчины, женщины, дѣти, горожане, духовные, монахи, конная стража епископа перемѣшивались здѣсь между собою безъ различія состояній. Никому не сидѣлось дома, въ уединеніи; каждый спѣшилъ на просторъ отъ избытка чувствъ, искав-

шихъ исхода. Послѣ цѣлыхъ недѣль подавляющей тоски, смертельнаго ужаса послѣднихъ дней и часовъ, переходъ къ безумной радости неожиданнаго избавленія произвелъ на всѣхъ слишкомъ потрясающее дѣйствіе.

Всѣ спѣшили наслаждаться жизнью и не могли наговориться досыта о пережитыхъ волненіяхъ, о битвѣ съ вендами, о радостной увѣренности, что всякая опасность миновала. На майнскомъ мосту тѣснилась густая толпа народа; люди смотрѣли и вверхъ по теченію рѣки, и внизъ, и на высокую крѣпость—жилище графа, правителя Вальдзассена. Они показывали другъ другу на окрестности, гдѣ все было такъ живописно, красиво, такъ мирно и ласкало глазъ красотою линій, нѣжностью красокъ, живымъ разнообразіемъ природы. Высокіе холмы, поросшіе зеленымъ лѣсомъ, картинно выдѣлялись на ясномъ голубомъ небѣ; повитые виноградниками склоны горъ нѣжились въ яркомъ солнечномъ сіяніи, которое обливало золотомъ, осыпало блестками волнистую поверхность милаго стараго Майна! Людямъ казалось, что никогда еще не было у нихъ такъ хорошо на родимой сторонѣ.

— Ну,—промолвилъ молодой горожанинъ, хлопая по плечу стараго трактирщика Беццо,—кому нашествіе вендовъ принесло горе, а вамъ такъ оно пошло въ прокъ: вы стали умнѣе, любезнѣйшій.

— А меня венды сдѣлали счастливымъ человѣкомъ!—воскликнулъ Герихо, обнимая за талію хорошенькую невѣсту.

— Еще бы!—съ улыбкой замѣтила Розберта, прижимаясь къ возлюбленному. — Безъ этихъ разбойниковъ, отецъ никогда бы не понялъ, насколько ты достойнѣе толстяка Шпедило со всѣми его деньгами.

— Это вѣрно!—добродушно подтвердилъ Беццо.—Но какъ могъ я полагать, что мой лучшій другъ—такой болванъ, такая скотина? Мы сражались съ нимъ рядомъ на лугу противъ вендскихъ всадниковъ. При первомъ же натискѣ, они насъ опрокинули. Я очутился подъ убитой лошадью, которая задавила меня до полусмерти. Тутъ, вижу, Шпедило бѣжитъ мимо.

— Домой торопится!—со смѣхомъ перебилъ Герихо.

— Помоги мнѣ, сосѣдушка! — прохрипѣлъ я. Вытащи меня изъ-подъ лошади, я не то я сейчасъ задохнусь. И что

же отвѣчалъ мнѣ негодяй? „Это ничего! Задохнешься, такъ помрешь!“ и побѣжалъ дальше. А вотъ этотъ славный малый—какъ часто я обижалъ его несправедливо!—увидалъ меня издали, проложилъ себѣ оружіемъ дорогу между вендами, вытащилъ меня изъ—подъ лошади, прикрылъ своимъ тѣломъ и спасъ мнѣ жизнь.

— Да, и получилъ при этомъ не одинъ ударъ,—съ нѣжностью прибавила Розберта.

— Ну, что за бѣда! Голова, сердце и обѣ руки остались цѣлы!—перебилъ оружейникъ, радостно улыбаясь.

Въ избыткѣ счастья, онъ обнялъ и крѣпко поцѣловалъ любимую дѣвушку.

— Но скажите, пожалуйста,—спросилъ старикъ,—я до сихъ поръ не понимаю, какъ это случилось, что пастухъ Радо въ самую рѣшительную минуту выскочилъ изъ графскаго лѣса и такъ кстати ударилъ на вендовъ съ праваго крыла? Я стоялъ совсѣмъ на другомъ краю, на открытомъ мѣстѣ у рѣки, и ничего не видѣлъ.

— Да,—отвѣчалъ Герихо,—я самъ понялъ это лишь отчасти, изъ послѣднихъ словъ, которыми обмѣнялся господинъ Гельмутъ—да благословитъ Господь его оружіе! — съ этимъ полусумашедшимъ Радо. Когда они положили г-на епископа на щитъ, рыцарь Гогенгорстъ сталъ на колѣни передъ пастухомъ и хотѣлъ перевязать ему раны. Но тотъ сказалъ: „Оставьте! Я иду къ нему, помощнику брани! Онъ далъ намъ одержать побѣду. Долго, долго поджидалъ я васъ, молодой господинъ, на условленномъ мѣстѣ... вы не явились...“

— Я что-то не понимаю!—замѣтилъ Беццо.

— И я также, но рыцарь понялъ старика, потому что отвѣчалъ: „высшій долгъ заставилъ меня вернуться въ городъ“. Тяжко раненый пастухъ, между тѣмъ, заговорилъ опять:

— Вдругъ внизу, подъ горою, на большой дорогѣ вспыхнулъ огонь, а рядомъ, въ виноградникѣ, вскорѣ завязалась битва. Я увидалъ, какъ мнѣ было предсказано раньше, темныя толпы конныхъ и пѣшихъ воиновъ, надвигавшіяся съ юга на сѣверъ. Они занимали все больше и больше пространства. Тутъ я бросился къ горожанамъ, къ сѣверу отъ того мѣста, гдѣ находился; они кое-какъ держались еще въ виноградникахъ противъ вендовъ. Кучка самыхъ рѣшитель-

ныхъ людей согласилась идти за мною и я повелъ ихъ лѣсомъ по тропинкѣ, извѣстной только дикой рыси, мнѣ да еще одному... Тутъ мы какъ разъ ударили во флангъ и въ тылъ чудовищамъ. Воденъ не отступалъ отъ насъ: онъ сдѣлалъ остальное.

— Воденъ!—въ страхѣ прошептала Розберта и перекрестилась.—Его не слѣдуетъ поминать.

— Мы оба съ господиномъ Гельмутомъ ясно видѣли, что старикъ еле живъ; онъ бредилъ все какимъ-то чудовищемъ, „дымнымъ исполиномъ," котораго ему посчастливилось убить. Между тѣмъ рыцарь Гогенгорстъ исполнилъ послѣднюю просьбу Радо. Всѣхъ раненыхъ въ битвѣ переносили въ городъ, даже непріятелей, какъ распорядился еще самъ епископъ, чтобы лѣчить ихъ или предать погребенію тѣхъ, кто умретъ; но стараго пастуха, по его собственному желанію, четверо горожанъ перенесли на берегъ Майна и положили подъ Вороньимъ ясенемъ. Его сѣрая собака, истекая кровью изъ глубокой раны, не отставала ни на шагъ отъ своего хозяина.

— Смотрите, смотрите!—прервала вдругъ Розберта.—Кто это ѣдетъ вонъ тамъ, къ восточнымъ воротамъ? Видите: въ повозкѣ, обтянутой бѣлымъ холстомъ?

— Это жидъ Исаакъ!—отвѣчалъ Беццо.

— Но вѣдь онъ крестился, отецъ!—напомнила дѣвушка.

— Повидимому, крещенье не пошло ему впрокъ: жидъ жидомъ и остался.

— Какъ же это такъ?—недоумѣвалъ Герихо.—Вѣдь богачъ Ренатъ не пропускалъ ни одной обѣдни въ соборѣ.

— Это вѣрно... Ну, а теперь... развѣ вы не знаете?

— Нѣтъ! А что такое? — спросило за разъ нѣсколько голосовъ.

— Сегодня рано поутру,—принялся разсказывать трактирщикъ,—его мать пришла къ моей Розѣ, къ дочери...

— Славная женщина!—воскликнула Розберта,—она часто замѣняла мнѣ родную матушку, которой я лишилась такъ рано.

— Почтенная Сара сообщила мнѣ, что она съ сыномъ покидаетъ городъ и даже нашу страну, чтобъ переселиться въ Іерусалимъ. Ея сынъ...

— Онъ часто былъ грубъ и непочтителенъ къ матери! — перебила Розберта.

— Но зато теперь сталъ смирнѣе ягненка и оказываетъ старухѣ величайшее почтеніе, слушается ее во всемъ. Сара вручила моей дочери письменный документъ для передачи епископу,—вѣдь вы знаете: къ умирающему владыкѣ не допускаютъ просителей... Въ документѣ сказано, что Ренатъ жертвуетъ свой домъ со всѣмъ, что въ немъ находится, кому бы думали? Не святымъ угодникамъ, не своимъ единовѣрцамъ-христіанамъ,—нѣтъ! Онъ завѣщаетъ епископу продать все свое имущество и вырученныя отъ продажи деньги употребить на основаніе пріюта для поддержки неимущимъ евреямъ въ городѣ и во всемъ епископствѣ. Вонъ видите: старуха въ послѣдній разъ машетъ намъ рукой изъ повозки на прощанье: Благополучнаго вамъ пути до Іерусалима!

— А исполнитъ ли епископъ волю отступника?

— Разумѣется, исполнитъ, если останется въ живыхъ, только врядъ ли!

— Говорятъ, онъ очень плохъ!

— Да! ножъ, ранившій его въ шею, былъ навѣрно отравленъ. Онъ долженъ умереть!

— Ахъ, бѣдный, добрѣйшій графъ! съ сожалѣніемъ воскликнула Розберта.

— Несравненный герой!—подхватилъ Герихо.

— Оба его рыцаря ухаживаютъ за нимъ.

— И господинъ Бландинъ также.

— Ну, нѣтъ, Тотъ самъ лежитъ раненый.

— Гдѣ? Въ епископскомъ домѣ?

— У Вартольда въ хижинѣ, за городскими стѣнами. Когда епископа перенесли домой, венеціанецъ поспѣшилъ къ садовнику. Работникъ Вартольда передалъ это мнѣ; его послали за докторомъ въ общину сѣрыхъ братьевъ.

— Да, да!—улыбалась Розберта.—Молодой рыцарь вѣчно гонялся за толстушкой Рунель.

— Бландинъ поспѣшилъ къ нимъ въ домъ, чтобъ узнать, жива ли она,—продолжалъ оружейникъ,—а когда увидалъ, что Фульруна весела и здорова, то вздохнулъ во всю грудь и упалъ безъ чувствъ. Онъ сражался не хуже другихъ—чего ужь я никакъ отъ него не ожидалъ!—и получилъ много ранъ.

Теперь юноша лежитъ въ домикѣ садовника, а гадкая Рунель ухаживаетъ за нимъ и горько плачетъ. Крупныя слезы такъ и бѣгутъ у нея по толстымъ щекамъ. И какая потѣха: косматая собачонка дѣвушки, Шнуфило, которая прежде терпѣть не могла щеголя-иностранца, теперь лижетъ ему руки. Да, нечего сказать: многое перевернулось у насъ вмѣстѣ съ солицемъ въ сегодняшнюю ночь!

— Но скажите, пожалуйста,—спросилъ Беццо,—какимъ это чудомъ уцѣлѣли люди во дворѣ садовника? Вѣдь разбойники венды...

— Вотъ идетъ самъ старикъ Вартольдъ! — воскликнулъ Герихо.

— И съ большимъ, великолѣпнымъ букетомъ лилій въ рукахъ!—прибавила Розберта. — Подите къ намъ, почтенный Вартольдъ, присядьте, вы устали! Васъ едва носятъ ноги. Вотъ тутъ есть мѣстечко рядомъ съ нами, на краю колодца. Мы потѣснимся немного. Разскажите, что съ вами было. Вы страшно взволнованы чѣмъ-то.

LIV.

— Спасибо вамъ, спасибо, добрые люди!—отвѣчалъ ласковый старикъ съ кроткимъ розовымъ лицомъ, обрамленнымъ волнами сѣдыхъ волосъ.—Взволнованъ я, говорите вы?—Да, любезные сосѣдушки, какъ тутъ оставаться равнодушнымъ, при видѣ неисповѣдимаго Промысла божія? Сегодня ночью лишился я брата и старой бабушки, и все же не могу не благодарить Бога за его богатую милость.

— Разсказывайте, разсказывайте!—приступили къ нему.

— Да, да,—медленно началъ онъ.—Дивныя дѣла совершались въ домикѣ, надъ которымъ носятся голубиныя стаи. Вчера въ сумерки я сказалъ моей старушкѣ: бабушка Ута, позволь мнѣ отлучиться ненадолго съ моей дочерью Фульруной.

— Куда, сынъ мой?—спросила она.—Часъ страшнаго суда приближается. Намъ слѣдуетъ оставаться всѣмъ вмѣстѣ.

— Конечно!—отвѣчалъ я.—Но до полуночи еще далеко, а у меня есть важное дѣло.

— Опомнись, Вартольдъ,—замѣтила добрая старушка.— Пройдетъ еще какихъ нибудь два часа и всякая человѣческая работа станетъ ненужной, а плоды ея никому не пригодятся.

— Только не моя, дорогая матушка!—возразилъ я.—Видишь ли: наши лиліи въ саду всѣ поблекли и погорѣли раньше времени отъ сильной жары. Засуха и пыль съ большой дороги повредили имъ. Я пойду внизъ къ рѣкѣ и принесу свѣжихъ лилій изъ моего новаго сада. Неужели мнѣ украшать чело праведниковъ поблекшими цвѣтами? Для моей Фридлинды только самое прекрасное—достаточно хорошо. Придя вмѣстѣ съ дочерью въ нашъ новый садъ, расположенный далеко отъ дома, я долго не могъ разстаться съ моими цвѣтниками, послѣ того какъ выбралъ и срѣзалъ лучшія лиліи. Но оставшіяся на клумбахъ я еще полилъ водою изъ рѣки—на прощанье! Покончивъ эту работу и собираясь домой, мы съ Фульруной вдругъ увидали вдали, къ югу отъ нашего жилища, багровое зарево на ночномъ небѣ. Вслѣдъ за нимъ, все ближе и ближе къ намъ по направленію большой дороги вспыхнуло пламя въ другомъ и третьемъ мѣстѣ. Пока мы со страхомъ переговаривались между собою, недоумѣвая, что бы это значило, изъ города донеслись сигнальные звуки трубъ со сторожевыхъ башень на укрѣпленіяхъ, а потомъ съ большой дороги послышались шумъ, крики, бряцанье оружія. Съ испугу, я прежде всего спряталъ свою красотку Рунель въ густыхъ садовыхъ кустарникахъ, такъ какъ мнѣ стало очевидно, что городу угрожаетъ непріятель. „Это мятежники крестьяне!“ подумалъ я. „Оборони Богъ отъ такихъ отчаянныхъ людей молоденькую дѣвушку!“ И сердце у меня упало отъ страха за дочь. Такъ мы и остались въ своей засадѣ, пока не утихъ шумъ сраженія. Лишь послѣ этого я рѣшился потихоньку пробраться къ себѣ домой. Наше жилище уцѣлѣло: венды завернули сюда только на короткое время. На песчаной дорожкѣ въ саду остались слѣды нѣсколькихъ лошадей. Старой бабушкѣ разбойники не сдѣлали никакого зла.

— Но бѣда, еслибъ имъ попалась Фульруна!—воскликнулъ Герихо.

— Сосѣдній дворъ, шагахъ въ трехстахъ отъ нашего къ югу, пылалъ, объятый пламенемъ. И какъ мы удивились, уви-

давъ нашу слѣпую! Она стояла на порогѣ, выпрямившись во весь ростъ; ея сѣдые волосы развѣвались по вѣтру. Бабушка указывала правой рукой на красный столбъ огня и говорила:

„— Вернулись ли вы наконецъ? Я такъ давно поджидаю васъ. Видите, видите! Все идетъ такъ, какъ предсказалъ мой Конрадъ. День суда, день господень насталъ. Развѣ вы не слышите звуковъ битвы? А трубы архангельскія? Я слышала, какъ небесные воины пронеслись мимо; слышала бряцанье ихъ оружія: они сражались съ чудовищами преисподней. Дикіе крики злыхъ духовъ достигли до меня—точно также выли нѣкогда гунны. Они были ужь совсѣмъ близко: мнѣ казалось, будто бы я слышу ихъ здѣсь въ саду. Полчища сатаны опрокинуты и обращены въ бѣгство. Но тамъ, тамъ... откуда наноситъ къ намъ дымомъ и гарью пожара, я вижу глазами своей души: посреди яркаго пламени стоитъ мой Куртъ въ бѣлой одеждѣ праведниковъ, а на рукахъ у него наша крошечная дѣвочка, какъ тогда! Онъ пришелъ за мною!.. Дѣлаетъ мнѣ знаки... Зоветъ меня... Я иду... иду! Ты сказалъ правду: въ минуту смерти я снова увижу тебя.

„Съ блаженной улыбкой на устахъ она упала ко мнѣ на руки и умерла.

„Старикъ горько заплакалъ.

— Блаженная кончина!—произнесла рыдающая Розберта, прижимаясь къ жениху и утирая глаза.

— Лучшія изъ моихъ лилій я употребилъ на вѣнокъ вокругъ ея чела, а вотъ эти несу нашему доброму епископу. Ахъ, онѣ предназначались для его собора, но имъ, пожалуй, придется украшать его траурный катафалкъ.

— А что сталось съ вашимъ братомъ?—спросилъ оружейникъ.—Работникъ разсказывалъ... Правда ли это?—будто бы его не нашли подъ Вороньимъ ясенемъ?

— Правда,—утвердительно кивнулъ головою Вартольдъ— Ни Радо, ни его собаки, Гиро, нигдѣ не могли найти! Вы знаете, дерево стоитъ невдалекѣ отъ рѣки. Оттуда какъ будто велъ кровавый слѣдъ по лужайкѣ къ самому берегу. Но напрасно обыскалъ я съ работникомъ и сосѣдями весь берегъ; напрасно майскіе лодочники, — вѣдь имъ хорошо извѣстны всѣ омуты и ямы рѣчнаго дна—обыскали и рѣку. Мнѣ такъ хотѣлось похоронить усопшаго на освященной кладби-

щенской землѣ, однако мы не отыскали ни человѣка, ни собаки. И ужь потомъ... когда наши безполезные поиски были оставлены...

Вартольдъ содрогнулся и сотворилъ крестное знаменіе.

— Ну, что же такое случилось?—пристала къ нему Розберта, волнуясь страхомъ и любопытствомъ.

— Ничего не случилось, милое дитя. Только сосѣди, лодочники и всѣ, которые слышали о томъ, толкуютъ потихоньку...

— Что же они толкуютъ? Скажите поскорѣе!

— Вы знаете, что Вороній ясень считается убѣжищемъ....

— Тому, о комъ не слѣдуетъ упоминать!—предостерегла молодая дѣвушка и снова быстро перекрестилась.

— Ну, вотъ именно ему-то, какъ толкуютъ люди, мой братъ давно отдалъ свою душу. И, говорятъ, будто бы онъ взялъ нашего Радо вмѣстѣ съ его вѣрной собакой, чтобы вѣчно охотиться съ нимъ въ западныхъ лѣсахъ. Одинъ лодочникъ, спрятавшійся отъ вендовъ въ прибрежныхъ камышахъ, утверждаетъ даже, будто бы онъ видѣлъ, какъ передъ самымъ солнечнымъ восходомъ двое вороновъ...

— Какой ужасъ!..—перебила дѣвушка.—Вѣдь это его спутники.

—... Ярко освѣщенныхъ пламенемъ горящихъ крышъ,—продолжалъ Вартольдъ,—летали сперва надъ сражающимися, а потомъ усѣлись на ясень. Поэтому, добрые люди, прошу васъ, молитесь иногда за душу моего бѣднаго брата.

LV.

Отъ лица епископа, Гельмутъ и Фулько сдѣлали всѣ необходимыя распоряженія. Трупы, валявшіеся на полѣ битвы, были преданы землѣ и всѣ слѣды непріятельскаго нашествія по возможности изглажены. Гельмутъ, въ качествѣ герольда, ѣздилъ по улицамъ, предшествуемый трубачемъ, и торжественно возвѣщалъ о послѣднихъ событіяхъ остававшимся въ городѣ, до которыхъ доходили съ мѣста сраженія только сбивчивые, неясные слухи. Онъ предлагалъ всѣмъ горожанамъ съ женами и дѣтьми, слугами и служанками отправиться въ

соборъ или въ другія церкви и капеллы, чтобъ присутствовать на повсемѣстномъ благодарственномъ богослуженіи. Молодой рыцарь увѣщевалъ своихъ слушателей молиться за спасеніе жизни храбраго епископа, который, какъ подобало доброму пастырю, пролилъ кровь свою, защищая паству, и котораго только одно чудо могло спасти отъ смерти.

Всѣ знали, что короткіе метальные ножи вендовъ отравлены, и когда раненаго, истекавшаго кровью, шестеро его всадниковъ принесли на длинномъ стоячемъ щитѣ обратно въ городъ, причемъ графъ Генрихъ лишился сознанія, приближенные считали его погибшимъ. Убійственный клинокъ все еще оставался въ ранѣ: его не рѣшались извлечь оттуда, опасаясь, что епископъ окончательно изойдетъ кровью, которой онъ и такъ потерялъ слишкомъ много. Больнаго помѣстили въ самой обширной и высокой комнатѣ епископскаго дворца, именно въ залѣ библіотеки. Всѣмъ было извѣстно, что здѣсь онъ охотно оставался по цѣлымъ часамъ, если не сидѣлъ въ своемъ арсеналѣ, откуда пожертвовалъ всѣ запасы для вооруженія вюрцбургскихъ гражданъ. И дѣйствительно, это была любимая комната графа. Сколько безсонныхъ ночей провелъ одинокій отшельникъ въ ея стѣнахъ, наблюдая изъ окна за ходомъ небесныхъ свѣтилъ! Тутъ онъ искалъ утѣшенія въ молитвѣ, но воспоминанія прошлаго и вспышки неугасшихъ страстей часто не давали ему покоя. Раненый не вернулся къ полному сознанію даже и послѣ того, какъ былъ осторожно снятъ со щита и уложенъ въ постель. Ему смутно представлялось только, что когда его вносили въ городъ, то подъ аркой южныхъ воротъ надъ ними склонилась прекрасная блѣдная женщина и онъ почувствовалъ легкое прикосновеніе ея губъ. Съ того момента графъ Генрихъ сталъ свободнѣе дышать, но говорилъ себѣ, что это былъ горячечный бредъ.

Долго, долго лежалъ епископъ въ забытьѣ. Покончивъ съ необходимыми житейскими дѣлами и принеся благодарность Творцу за торжественнымъ богослуженіемъ, приближенные къ владыкѣ собрались въ его дворцѣ. Не только въ библіотекѣ, но и въ цѣломъ домѣ водворилась та робкая подавляющая тишина, которая всегда окружаетъ постель тяжко больнаго. Кто разъ испыталъ на душѣ ея томительный гнетъ, у изго-

ловья близкаго, дорогаго существа, тотъ никогда не забудетъ этихъ ужасныхъ часовъ. Въ маленькой залѣ, примыкавшей къ комнатѣ раненаго, сидѣли рука объ руку двѣ влюбленныхъ пары, тихо перешептываясь между собою.

— Какъ грустно!—говорилъ Фулько.—Вотъ всѣ мы радуемся, что Господь не отнялъ у насъ жизни и помиловалъ обреченную на гибель вселенную. Намъ такъ отрадно осмотрѣться вокругъ, какъ будто. Творецъ вторично создалъ для людей эту прекрасную землю! И только онъ, графъ Генрихъ,—лучшій изъ насъ!—не испытываетъ блаженства бытія, не можетъ радоваться избавленію отъ смертельной опасности.

— Да, мой милый Фулько, — прошептала Миннегарда, стыдливо пряча прелестную головку на плечѣ рыцаря,—опасность миновала; свѣтъ остался, какъ былъ, и теперь онъ возстанетъ противъ меня... Мнѣ страшно подумать, что̀ скажутъ люди о моемъ бѣгствѣ изъ обители сестеръ въ глухую ночь! Вѣдь мой поступокъ теперь обнаруженъ... А что̀ было бы еслибъ добрые люди знали еще о другомъ, извѣстномъ только намъ съ тобой да милосердому Богу?

Эдель твердо смотрѣла въ глаза любимому человѣку и повторяла:

— Я разскажу обо всемъ цѣлому свѣту и г-ну епископу, пока онъ еще живъ. Мнѣ вовсе не страшно!

Гельмутъ молча пожалъ ей руку.

— Ну, твое признаніе не требуетъ большой храбрости, моя строгая сестрица,—съ улыбкой возразила темнокудрая плутовка.—Во-первыхъ, г-нъ епископъ никогда не собирался отдать тебя въ монастырь... и не можетъ пожелать тебѣ лучшаго жениха, какъ нашъ достойный рыцарь Гельмутъ, а во-вторыхъ...

Миннегарда запнулась, умолкла и снова прильнула раскраснѣвшимся личикомъ къ плечу провансальца.

— Ну, что же „во-вторыхъ“, моя дорогая?

— О, я не могу сказать!

— Только мнѣ на ухо или, точнѣе говоря, прямо отъ сердца къ сердцу.

— Эдели не въ чемъ признаваться или не въ чемъ раскаиваться про себя. Впрочемъ, нѣтъ!—поправилась дѣвушка и прибавила съ увлеченіемъ:—я хотѣла сказать—не-

раскаиваться, а ей не о чемъ ликовать отъ блаженства въ глубинѣ души!

И Миннегарда крѣпко поцѣловала въ губы счастливаго юношу, охвативъ руками его шею.

LVI.

Послѣ долгаго, долгаго лѣтняго дня, косые лучи вечерняго солнца проникли въ высокое полукруглое окно. Темно-желтая занавѣсь была откинута и золотая полоска свѣта играла на темной обивкѣ изголовья, касаясь восковаго лица неподвижно лежащаго, смертельно-блѣднаго человѣка. Вдругъ онъ неожиданно вздохнулъ съ облегченіемъ полною грудью и широко раскрылъ глаза.

— Гдѣ я?—послышался его слабый голосъ. — Не въ гробу!—Нѣтъ! Свѣтло... И это не загробная жизнь... Вонъ противъ меня... на стѣнѣ... Боже! это мой мечъ! Кругомъ мои книги. Да, да! Міръ стоитъ. Полночь давно миновала. Господи... благодарю тебя! Ты отразилъ язычниковъ отъ нашего города: я видѣлъ ихъ бѣгство! Теперь мнѣ можно спокойно умереть.

— Нѣтъ, господинъ епископъ, не надо умирать. Вы должны и будете жить,—отвѣчалъ ему нѣжный ласкающій голосъ; кроткое, блѣдное лицо склонилось надъ нимъ и двѣ слезы канули ему на щеку.

— Гельфрида! На этотъ разъ я не въ бреду. Такъ мы не умерли съ тобою оба?

Она тихонько проскользнула въ дверь и позвала ожидавшихъ тамъ молодыхъ людей.

— Не умерли? Нѣтъ! Вы спасены, владыка!—радостно вымолвилъ Фулько, цѣлуя руку больнаго.

— Спасены этой прекрасной женщиной! — воскликнула Эдель.

— Это и не женщина,—вмѣшалась Миннегарда,—а святая.

— Ангелъ на землѣ!—прибавилъ Гельмутъ.

— И это былъ не бредъ,—съ улыбкой произнесла молчаливая женщина, стоявшая на колѣняхъ съ лѣвой стороны

постели.—Вы, дѣйствительно, видѣли меня передъ собою нѣсколько часовъ тому назадъ.

Съ этими словами она подала больному цѣлебное питье.

— Мы растерялись, пришли въ отчаяніе, потому что ваша рана...—началъ Фулько.

— Мы боялись дѣйствія яда и знали... Даже монастырскій докторъ... никакой помощи...—безсвязно заговорила жалобнымъ тономъ взволнованная Эдель, перебивая провансальца.

— Между тѣмъ г-жа Гельфрида...—радостно продолжала Миннегарда.

— Богъ знаетъ, какъ это она вдругъ... еще подъ аркой воротъ,—торопился разсказывать пылкій уроженецъ Прованса.

— Графиня тотчасъ, недолго думая, наклонилась надъ вами,—пояснилъ Гельмутъ,—и, не смотря на запрещеніе монастырскаго врача вынимать ножъ, осторожно вытащила его изъ раны. Кровь такъ и хлынула! А потомъ...

— Да, потомъ... представьте себѣ: врачъ предупреждалъ, что бываютъ яды, которые смертельны, если попадутъ не только въ кровь, но и въ желудокъ...

— Графиня между тѣмъ не сказавъ ни слова,—воскликнулъ Фулько,—прижалась губами къ вашей шеѣ и высосала ядъ изъ раны.

Генрихъ Ротенбургъ взглянулъ просвѣтлѣвшимъ взглядомъ на Гельфриду; краска ударила ей въ лицо и она низко опустила длинныя бѣлокурыя рѣсницы. Раненый также закрылъ глаза, но крупныя слезы просочились изъ-подъ вѣкъ: онъ не могъ сдержать ихъ. Его рука искала нѣжной руки графини и она не противилась этому.

— Я также не умру,—заговорила кроткая женщина успокоительнымъ тономъ.—Много часовъ прошло съ тѣхъ поръ, но со мной не сдѣлалось ничего дурнаго; значитъ, ядъ не подѣйствовалъ. Боже, я такъ счастлива за васъ!

— Однако, что же такое было... раньше? Послѣ нашего разговора? Что я такое... тогда... до битвы... Я какъ будто сдѣлалъ что-то очень важное... страшное...

Вдругъ его вопросительный взглядъ, блуждавшій по комнатѣ, остановился на жаровнѣ съ углями. Епископъ вскрикнулъ и вскочилъ съ изголовья, отбросивъ одѣяло. Онъ хо-

тѣлъ было выпрямиться, но въ изнеможеніи снова опрокинулся навзничь.

— Боже мой!—простоналъ больной.—Свѣтъ не погибъ, а я, несчастный? Что я надѣлалъ!! Горе мнѣ! Права св. Бургарда... ихъ доказательство... я уничтожилъ драгоцѣнный документъ! Дарственная грамота... императора Карла... сожжена моими руками!

Онъ судорожно сжалъ кулаки и хотѣлъ ударить ими себя по лицу. Ужасъ напалъ на присутствующихъ, однако двѣ нѣжныхъ руки овладѣли его руками и съ кроткой настойчивостью заставили ихъ опуститься на одѣяло.

— Вы отлично сдѣлали, господинъ Генрихъ, — произнесъ милый голосъ, проникавшій прямо въ душу.—Я только что хотѣла просить васъ объ этомъ. Документъ былъ подложный.

— Какъ, что вы говорите? — воскликнулъ графъ Ротенбургъ. — Не можетъ быть? Тотъ... архидьяконъ Беренгаръ... слишкомъ хорошо зналъ толкъ въ старинныхъ рукописяхъ.

— О, разумѣется!— Потому-то ему было легко и поддѣлывать ихъ.—Согласно вашему распоряженію, измѣнникъ также былъ перенесенъ въ городъ. Я осмотрѣла его рану и была принуждена сказать Беренгару, что онъ умретъ. Тогда, среди терзаній продолжительной агоніи, трепеща передъ муками ада, онъ покаялся мнѣ во всемъ. Ломбардецъ заключилъ союзъ съ княземъ вендовъ, Свентибольдомъ—въ свѣтопреставленіе онъ не вѣрилъ—и обѣщалъ отдать на разграбленіе варварамъ нашъ городъ, если они убьютъ васъ. Умирая, этотъ человѣкъ поручилъ мнѣ передать вамъ его просьбу: онъ хотѣлъ, чтобы вы уничтожили поддѣльную грамоту.

— Пожалуй, вы хотите только меня... Но нѣтъ, это лицо не можетъ лгать!—воскликнулъ епископъ,и облегчающій вздохъ вырвался у него изъ груди, а на лицѣ появилась тихая, блаженная улыбка.

— Дарственная грамота императора Карла была поддѣлана: вы поступали несправедливо противъ моего мужа. Но другой документъ, отъ другаго императора, вполнѣ дѣйствителенъ. Вамъ добыли новую дарственную грамоту, взамѣнъ сожженной, поддѣльной.

— Вы... Вы сами...

— Не я. И не изъ моихъ рукъ должны вы ее получить.

Вамъ приподнесетъ ее другой. —Господинъ Генрихъ, — шепнула ему графиня на ухо, —Создатель помиловалъ васъ, когда вы были въ смертельной опасности...

— Помиловалъ ради самаго свѣтлаго изъ своихъ ангеловъ!..

— Теперь вы не должны питать ненависти въ своемъ сердцѣ...

— Нѣтъ. Я прощаю умершему обманщику.

— Простите также и живымъ. Господинъ Генрихъ, внизу, въ оружейной залѣ, стоитъ мой мужъ. Онъ прибылъ на поле битвы какъ разъ при восходѣ солнца съ войскомъ изъ сосѣднихъ областей. Графъ Гервальтъ услыхалъ заранѣе о походѣ вендовъ на Вюрцбургъ; онъ слѣдовалъ за ними по пятамъ и загналъ бѣглецовъ въ рѣку. Теперь онъ ждетъ вашего позволенія прійти сюда. У него есть къ вамъ порученіе изъ Италіи, отъ императора Оттона. Важное дѣло устроилось, благодаря стараніямъ моего мужа. Онъ хлопоталъ о немъ цѣлыя недѣли и, наконецъ, оно увѣнчалось успѣхомъ. Ему очень хочется поскорѣе передать вамъ радостную вѣсть. Радость вамъ не повредитъ, а, напротивъ, принесетъ пользу. Позвольте же мнѣ позвать графа Гервальта!

Епископъ могъ только молча кивнуть головой.

— Однако, прежде чѣмъ вы займетесь государственными дѣлами,—замѣтила серьезная блѣдная женщина, расцвѣтшая теперь счастливой улыбкой, — вамъ нужно подкрѣпиться. — Скажите мнѣ, храбрые юноши, вамъ извѣстно, гдѣ стоитъ въ епископскомъ погребѣ лучшее вино?

Оба рыцаря были уже у дверей. Графиня съ молодыми дѣвушками послѣдовала за ними.

LVII.

— Зупфо, Зупфо!—принялся звать подчашаго Гельмутъ, такъ что его звонкій голосъ раздался по всему дому.—Гдѣ же нашъ Зупфо? Куда дѣвался толстый плутъ?

— Я догадываюсь! — со смѣхомъ воскликнулъ Фулько и побѣжалъ въ сѣни къ опускной двери, запиравшей лѣстницу въ погребъ.

Но опускная дверь въ ту же минуту распахнулась отъ сильнаго толчка изнутри и на верхней ступени показался Зупфо. Его сильно раскраснѣвшееся лицо, круглое, какъ полная луна, сіяло блаженнѣйшей улыбкой. На лѣвомъ плечѣ подчашаго беззаботно развалилась привѣтливо мурлыкавшая Муція, мудрая пророчица, а въ правой рукѣ старый кутила несъ громадныхъ размѣровъ кувшинъ изъ литой мѣди, изъ котораго распространялся ароматическій запахъ вина.

— Зупфо! Гдѣ это вы пропадали все время, почтеннѣйшій

— Тамъ, гдѣ мое настоящее мѣсто, птенчики любезные.

— Возможно ли это?.. Какъ... во время свѣтопреставленья...

— Котораго не было!

— Но вѣдь оно должно было произойти!

— Вовсе нѣтъ. Вѣдь я жъ говорилъ вамъ толкомъ! Мы оба съ Муціей знали, что ничего не будетъ.

— Но скажите, пожалуйста, когда же это вы спустились въ погребъ?

— Третьяго дня вечеромъ.

— И проспали все время?

— Ну, это клевета. Только вторую половину.

— А сигналы трубъ со всѣхъ башенъ? А страшный конскій топотъ, когда конница поскакала изъ города и возвращалась назадъ? Вы, право, пожалуй, проспали бы и призывъ архангельскихъ трубъ передъ страшнымъ судомъ.

— Еслибъ онѣ трубили. Вы хотите знать, на что я употребилъ первую половину времени? Видите ли: греческое-то винцо—тю-тю!! Тутъ ужь остатки—я сберегъ этотъ кувшинъ для г-на епископа и для васъ. Ну-ка, скажите теперь, кто былъ самымъ благоразумнымъ человѣкомъ въ цѣломъ Вюрцбургѣ?

И толстякъ залился добродушнѣйшимъ смѣхомъ, отъ котораго тряслось его толстое брюшко. Фулько разсказалъ ему, отъ какихъ опасностей и несчастій они только что избавились. Тогда Зупфо съ проворствомъ, какого трудно было отъ него ожидать, заковылялъ на лѣсенку, а потомъ бросился въ библіотеку, къ постели епископа; онъ упалъ на колѣни передъ владыкой, плача навзрыдъ отъ жалости и радостнаго волненія. Пока Гельмутъ ходилъ за графомъ Гервальтомъ въ

оружейную палату, графиня осталась ждать въ прихожей съ обѣими молодыми дѣвушками и Фулько.

Пользуясь благопріятной минутой, Миннегарда приблизилась къ Гельфридѣ и заговорила съ нею вполголоса. Она не смѣла поднять на графиню глазъ, блестѣвшихъ счастьемъ, сознавая, что упоенный любовью взглядъ выдастъ ея тайну, а, между тѣмъ, ей нужно было притвориться робкой, испуганной.

— Что теперь будетъ съ нами,—начала племянница епископа,—со мной и Эделью, и съ нашими рыцарями? Вѣдь мы были увѣрены, что намъ не придется отдавать отчета въ своихъ поступкахъ никому, кромѣ всевидящаго Бога, а теперь насъ, бѣдныхъ дѣвушекъ, ждетъ жестокое осужденіе свѣта. Люди не простятъ намъ того, что мы сдѣлали въ эту ночь или, точнѣе говоря, *чему мы подверглись*,—со вздохомъ присовокупила хорошенькая плутовка,—передъ чѣмъ не оказали болѣе рѣшительнаго сопротивленія. Что было пользы сегодня ночью кричать о помощи, когда насъ похищали влюбленные рыцари? Все равно, никто не пришелъ бы къ намъ на выручку.

Фулько разсмѣялся.

— Мое дорогое... дитя. Желаніе твоей матери, чтобъ ты шла въ монастырь, было дѣйствительно только для стараго міра, который разрушился сегодняшней ночью, но оно вовсе не обязательно для новаго, дарованнаго намъ сегодня поутру Господомъ Богомъ.

— Едва ли епископъ Генрихъ уважитъ вашу ловкую отговорку,—замѣтила графиня, грозя провансальцу бѣлымъ пальчикомъ,—но не смущайтесь однако: графъ Ротенбургъ слишкомъ многимъ обязанъ милосердному небесному Отцу...

— Какъ и вамъ, графиня! — подхватили трое молодыхъ людей.

— ...И ему слѣдуетъ изъ благодарности къ Провидѣнію осчастливить своихъ ближнихъ. Не печальтесь нимало: я беру на себя устроить ваши дѣла.

— Ну, тогда успѣхъ несомнѣненъ!—радостно воскликнула Миннегарда, бросаясь на грудь Гельфриды и порывисто цѣлуя ее.

— Какъ намъ благодарить васъ?—спросила глубоко растроганная Эдель.

— Вы меня достаточно отблагодарите, если будете счастливы. Вѣдь и я была когда-то молода!—Но вотъ и мой мужъ. Пойдемте же къ нему... къ господину Генриху.

У постели Генриха Ротенбурга стоялъ графъ Гервальтъ, статный воинъ съ мужественной осанкой, въ полномъ вооруженіи. Онъ былъ всего года на два моложе епископа, но въ его бѣлокурыхъ волосахъ блестѣло гораздо меньше сѣдины.

Пришедшій взялъ руку больнаго и заговорилъ:

— Вамъ не за что благодарить меня. То, что я сдѣлалъ, сдѣлано не въ угоду вамъ, а въ интересахъ государства. Я пришелъ къ тому заключенію, что, при настоящихъ порядкахъ въ здѣшнемъ городѣ и графствѣ, самые миролюбивые люди на мѣстѣ графа и епископа непремѣнно будутъ имѣть столкновенія между собою на тѣхъ границахъ, гдѣ кончаются права одного и начинаются права другаго. А ужь о такихъ запальчивыхъ рубакахъ, какъ мы съ вами, и говорить нечего. Намъ никогда бы не ужиться мирно! Вотъ почему я представилъ это важное обстоятельство на милостивое благоусмотрѣніе государя съ помощью вашего мудраго брата, г-на канцлера, и мы вдвоемъ выхлопотали у императора Оттона грамоту, которою съ этихъ поръ въ Вюрцбургѣ, Вальдзассенѣ и Рангау вводятся новые порядки. Я дѣйствовалъ такъ, зная навѣрное, что графъ Генрихъ Ротенбургъ будетъ прекраснымъ правителемъ области и ея населенія, а вчерашній день доказалъ еще, кромѣ того, самымъ блистательнымъ образомъ, что епископъ вюрцбургскій съумѣетъ защитить отъ враговъ, съ мечемъ въ рукѣ, ввѣренную ему паству вмѣстѣ съ достояніемъ государства.

Графъ Гервальтъ сдѣлалъ знакъ Гельфридѣ и она подала ему пергаментъ съ большой императорской печатью, который онъ принялся читать вслухъ:

„Во имя святой и нераздѣльной Троицы, Оттонъ Третій, рабъ Господа Іисуса Христа и императоръ римскій, умножитель государства, волею Господа, спасителя и искупителя нашего. То, что будетъ пожертвовано нашимъ величествомъ на возвышеніе божіихъ церквей, послужитъ, какъ мы надѣемся безо всякаго сомнѣнія, къ утвержденію нашего государства,

а намъ во спасеніе въ вѣчной жизни. Посему, да будетъ извѣстно всѣмъ нашимъ настоящимъ и будущимъ вѣрноподданнымъ, что мы, въ уваженіе просьбы достойнаго архіепископа и канцлера нашего государства, господина Гериберта, равно какъ и ко благу имперіи клонящагося донесенія храбраго графа Гервальта, состоявшаго до сихъ поръ правителемъ областей: Рангау и Вальдзассена, а также ради того, чтобы достойно почтить доблестныя заслуги на войнѣ и въ мирѣ господина Генриха, бывшаго графа Ротенбурга на Тауберѣ, нынѣ епископа Вюрцбургскаго, предоставляемъ нашею царскою властію означенному епископу Генриху и всѣмъ будущимъ его преемникамъ, въ честь всемогущаго Бога, дарующаго благодать вселенной, и святѣйшихъ мучениковъ: Киліана, Коломана и Тотнана, владѣть отнынѣ двумя графствами, именуемыми: Вальдзассеномъ, съ принадлежащимъ ему городомъ Вюрцбургомъ и его округомъ, и Рангау, лежащими въ странѣ, называемой восточной Франконіей. Вмѣстѣ съ этими землями, мы на законномъ основаніи передаемъ епископскому престолу въ Вюрцбургѣ всю власть надъ ними, право суда и управленія, всѣ преимущества, связанныя съ владѣніемъ, утвержденныя закономъ или обычаемъ, и всѣ государственные доходы, удѣляя, сверхъ того, отъ нашихъ цезарскихъ правъ и нашего цезарскаго достоинства вышеупомянутому доблестному епископу и его преемникамъ все, что имъ принадлежитъ, какъ властителямъ упомянутыхъ земель. Въ силу этого нашего императорскаго постановленія, достойный епископъ Генрихъ и его преемники будутъ отнынѣ распоряжаться графствами Вальдзассенъ, съ городомъ Вюрцбургомъ и Рангау, по своему произволу и усмотрѣнію, управляя здѣсь сами или назначая, по своему выбору, графовъ съ уступкою имъ ленныхъ правъ, причемъ ни мы, ни наши преемники, и никто иной не будемъ чинить имъ въ томъ препятствія. А для того, чтобы сіе наше императорское пожалованіе оставалось отнынѣ твердо и нерушимо, скрѣпили мы сію грамоту собственноручной подписью съ приложеніемъ императорской печати. Дано мая тридцатаго дня по рождествѣ Господа нашего Іисуса Христа, въ лѣто тысячное, царствованія же нашего на королевскомъ престолѣ шестнадцатое, и на императорскомъ въ пятое. Дано въ Римѣ. Аминь.“

Епископъ протянулъ руку прежнему заклятому врагу. Его глаза искали взгляда графа Гервальта, а взволнованная грудь бурно колыхалась. Прошло довольно времени, прежде чѣмъ онъ былъ въ силахъ заговорить.

— Благодарю васъ... горячо благодарю—съ трудомъ произнесъ больной.—Недаромъ мнѣ было предсказано, что я не умру, пока не одолѣю своего злѣйшаго врага! Я думалъ... что этотъ врагъ...

— Это былъ не я!—воскликнулъ мужъ Гельфриды, проводя рукой по его лбу.

— Нѣтъ! То былъ... другой. Однако, графъ Гервальтъ, что будетъ съ вами?

Гельфрида положила руку на плечо мужа, одѣтое блестящимъ панцыремъ, и отвѣчала съ радостной гордостью во взглядѣ:

— Мой мужъ будетъ маркграфомъ Мейссенскимъ съ герцогскимъ титуломъ и правами. Великій герой, маркграфъ Экгартъ, ужасъ славянскихъ варваровъ, защитникъ нашихъ тамошнихъ границъ, скончался. Мой супругъ заступаетъ его мѣсто. Какъ только вы поправитесь здоровьемъ, мы уѣдемъ отсюда.

Епископъ Генрихъ сочувственно кивнулъ головой и сказалъ:

— Онъ заслужилъ это. Управлять двумя графствами мнѣ не подъ силу. Гельмутъ будетъ въ Рангау... Но гдѣ же Гельмутъ? А, вонъ тамъ! Что я вижу? Объ руку съ Эделью! Ну, теперь мнѣ хотѣлось бы узнать и о многихъ другихъ, объ участи столькихъ душъ, ввѣренныхъ моему попеченію. Какъ подѣйствовало на нихъ все случившееся? Ахъ, что-то сталось съ ними! Однако... вотъ новая неожиданность! Миннегарда... припала къ груди Фулько. Гадкая дѣвочка! Ты стыдишь своего опекуна. Изволь сейчасъ же объясниться!

— Ну, нѣтъ, — съ кроткой настойчивостью вмѣшалась Гельфрида, прикладывая палецъ къ губамъ.—Сегодня вы не получите больше никакихъ объясненій. Довольно было разговоровъ, пожалуй, даже черезчуръ много для опасно раненаго! Вѣдь теперь намъ, слава богу, нечего бояться свѣтопреставленія и завтра настанетъ новый день. Тогда вы узнаете мно-

гое и многому еще подивитесь! Теперь же вы, конечно, не откажетесь исполнить одну мою просьбу, господинь Гецило?

— Исполню всякую, Гельфрида!

— Вотъ въ чемъ дѣло, г-нъ епископъ: извольте прочитать свою молитву на сонъ грядущій. Солнце закатилось. На дворѣ стемнѣло. Я прошу всѣхъ разойтись отсюда. И ты, мой Гервальтъ, также уходи, пожелавъ владыкѣ спокойной ночи. Больному нуженъ покой и сонъ.

— Но нельзя же оставить его одного!—воскликнула Миннегарда.

— Конечно, нѣтъ! Я могу...—съ жаромъ вмѣшалась Эдель.

— Нѣтъ, милое дитя,—возразила кроткая, блѣдная женщина, потрепавъ молодую дѣвушку по щекѣ.—Оставаться здѣсь—*мое* право. Вѣдь я самая старинная пріятельница нашего дорогаго епископа!

Конецъ.

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Угасъ еще одинъ печальный, скорбный день
И гаснутъ вмѣстѣ съ нимъ слабѣющія силы,
А путь мой такъ далекъ, тернистый и унылый,
И такъ темна зловѣщей ночи тѣнь!..
Напрасно въ эту тьму я взоръ вперяю жадно
Заманчивая даль туманна и мрачна,
И голосу молитвъ внимаетъ безотрадно
Могильная, нѣмая тишина.
Кругомъ холодныя, безжизненныя лица,
Борьбой измучены, съ апатіей тупой
Влачатъ свой тяжкій крестъ—и дышетъ міръ живой
Мертвящимъ холодомъ темницы.

•

II.

Скучно, скучно!.. Житейскою тиной
Заглушило надежды въ груди,
И мертвяще-безплодной равниной
Мнѣ раскинулся путь впереди.
Одинокъ я; живу нелюдимомъ;
Жизнь тяну, какъ подгнившую нить...
Тяжело быть никѣмъ не любимымъ,
Тяжелѣй никого не любить!

А. Ѳедоровъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Поѣздка на востокъ Наслѣдника Цесаревича.—Посѣщеніе Вѣны и рѣчь лорда Салисбюри.—Тронная рѣчь Вильгельма II. — Парламентское большинство и императорскія реформы.—Двѣ уступки общественному мнѣнію.—Семейныя и государственныя дѣла Сербіи.—Скупщина и королева Наталія.—Славянское движеніе въ Австріи. — Македонія и Болгарія. — Папа, предлагающій католическому духовенству признать республику. — „Общество друзей Россіи".— Убійство генерала Селиверстова.—Положеніе Италіи.—Волненія въ Бельгіи. — Смерть голландскаго короля. — Либеральное движеніе въ Англіи. — Процессъ Парнелля. — Банкротство банкировъ Берингъ.—Аргентинская республика и русскій кредитный рубль.—Продѣлки русскихъ евреевъ въ Сѣверной Америкѣ и эмиграція.

Наслѣдникъ русскаго престола отправился въ продолжительное плаваніе на дальній востокъ. Это событіе, касающееся собственно Россіи, возбудило сильное движеніе въ политическомъ мірѣ и нескончаемые толки въ европейскихъ органахъ печати. Прежде всего заговорили о предстоящемъ путешествіи французскія газеты: онѣ начали разсматривать вопросъ, какимъ путемъ Цесаревичъ оставитъ отечество. Ѣхать изъ Петербурга Балтійскимъ моремъ вокругъ всей западной Европы—путь слишкомъ далекій; южнымъ путемъ по Черному морю—ближе, не считая, конечно, переѣзда до Одессы, но тогда надобно бы остановиться въ Константинополѣ. Одно время усиленно заговорили о томъ, что султану очень хотѣлось видѣть въ своемъ дворцѣ августѣйшаго посѣтителя и что приглашеніе Абдулъ-Гамида было принято. Турецкія газеты высказали по этому случаю большое удовольствіе и въ Стамбулѣ стали готовиться къ торжественному пріему. Но тутъ во внутренней жизни Оттоманской имперіи произошли случаи, помѣшавшіе готовившемуся посѣщенію: греческій патріархъ сложилъ съ себя управленіе православною восточною церковью и даже приказалъ закрыть греческія церкви, видя въ распоряженіяхъ Порты нарушеніе его каноническихъ правъ. Этотъ религіозный вопросъ, въ связи съ возстаніемъ, возникшимъ въ Арменіи, также изъ-за нежеланія правительства дать армянамъ реформы, обѣщанныя еще на берлинскомъ конгресѣ, дѣлали, конечно, несвоевременнымъ пребываніе высо-

каго гостя въ городѣ, гдѣ закрыто православное богослуженіе. Оставался еще третій путь—черезъ Варшаву и Вѣну, въ Тріестъ къ Адріатическому морю, такъ какъ цесаревичъ хотѣлъ прежде всего посѣтить единовѣрную и родственную Грецію. Но тутъ долгъ учтивости требовалъ остановки въ столицѣ Австріи и дипломатія должна была зондировать почву, въ виду непрекращавшихся толковъ офиціозныхъ органовъ о томъ, что Россія готова проглотить имперію Габсбурговъ и собираетъ на своихъ границахъ съ нею несмѣтныя полчища войскъ. И вдругъ толки эти прекратились, и вся австрійская печать заговорила въ самомъ восторженномъ тонѣ о пріѣздѣ въ Вѣну наслѣдника русскаго престола. Приглашеніе, сдѣланное Францемъ-Іосифомъ, было самое радушное, и пріемъ, оказанный высокому посѣтителю, самый симпатичный и торжественный, хотя онъ на другой же день отправился прямо въ гавань Тріеста. По словамъ всѣхъ вѣнскихъ газетъ, цесаревичъ произвелъ на всѣхъ самое благопріятное впечатлѣніе и, со своей стороны, заявилъ, что уноситъ изъ Вѣны самое пріятное чувство. Особенно довольны остались императоръ Францъ-Іосифъ и эрцгерцогъ Карлъ-Людвигъ, болѣе другихъ Габсбурговъ расположенный къ Россіи. Заговорили уже и о предстоящемъ визитѣ къ намъ этого эрцгерцога. Придворные вѣнскіе чины и лица изъ свиты цесаревича воздерживались, конечно, отъ разговоровъ политическаго характера и только одинъ изъ русскихъ сановниковъ замѣтилъ австрійскому дипломату, что несправедливо относятся къ Россіи, обвиняя ее въ воинственныхъ замыслахъ. Офиціальныя газеты привѣтствовали гостя не только отъ имени Франца-Іосифа, но и отъ имени «народовъ Австріи». Органъ министерства внутреннихъ дѣлъ восхваляетъ миролюбіе русскаго монарха, особенно напирая на то, что дѣло мира много обязано петербургскому двору; а что въ Вѣнѣ господствуютъ также самыя миролюбивыя намѣренія, высокій путешественникъ могъ убѣдиться въ этомъ, посѣтивъ «большія торговыя учрежденія». Но торговыя учрежденія нигдѣ не отличаются воинственнымъ настроеніемъ и органъ Кальноки могъ бы привести какія нибудь болѣе убѣдительныя доказательства австрійскаго миролюбія. Общій тонъ всѣхъ вѣнскихъ газетъ сводится, впрочемъ, къ тому, что дружбу русскаго государя считаютъ въ Вѣнѣ драгоцѣннымъ залогомъ всеобщаго мира. Все это, конечно, пріятно слышать, послѣ недавнихъ толковъ о томъ, что Россія представляетъ постоянную угрозу для мира Европы, только надо же, чтобы не одни слова, но и поступки австрійскаго правительства доказывали его миролюбіе.

Но если вѣнскій визитъ настроилъ офиціозную австрійскую печать на буколическій тонъ, правительственные органы Англіи поразили Европу совершенною перемѣною своего настроенія по отношенію къ Россіи. На обычномъ банкетѣ, даваемомъ лондонскимъ лордъ-мэромъ въ день его водворенія въ Гильдголлѣ, маркизъ Салисбюри произнесъ рѣчь, сдѣлав-

шуюся предметомъ оживленныхъ толковъ европейской печати. Объявивъ о предстоящемъ посѣщеніи Индіи наслѣдникомъ русскаго престола, англійскій премьеръ назвалъ это посѣщеніе, «въ качествѣ гостя королевы и правительства Индіи, счастливымъ предзнаменованіемъ устойчивости европейскаго мира». Событіе это Салисбюри назвалъ «неожиданнымъ, какъ сопоставленіе двухъ идей, которыя выражаются словами: Россія и Индія». Онъ прибавилъ также, что подобное сопоставленіе можетъ принести обоимъ государствамъ только добрыя послѣдствія, обезпечивъ взаимныя мирныя отношенія, которыхъ оба они желаютъ. Подобное извѣстіе является, дѣйствительно, неожиданнымъ, въ сферѣ европейской политики. Русскій цесаревичъ является въ Индіи желаннымъ гостемъ Англіи, и ему готовится самый пышный, торжественный пріемъ. Неужели консервативный англійскій кабинетъ въ самомъ дѣлѣ пересталъ наконецъ думать, что русскій можетъ явиться въ Индію, только съ цѣлью ея завоеванія? Для успокоенія Европы, новая перемѣна въ политическомъ настроеніи была бы весьма желательна, но плохо вѣрится, чтобы она была прочна, когда читаешь англійскіе официозные органы. «Times» все твердитъ, что миролюбіе Россіи притворное, «Standard» говоритъ, что она только на время отложила свои замыслы, потому что теперь безсильна, вслѣдствіе перевооруженія своей арміи. Съ такими представителями общественнаго и въ то же время правительственнаго мнѣнія нельзя разсчитывать на устраненіе недоразумѣній между Лондономъ и Петербургомъ. Дружба между нами и англичанами, какъ нашими сосѣдями въ Азіи, можетъ прекратить волненія въ этой странѣ, но для этого необходимо, чтобы консерваторы, стоящіе во главѣ правленія, оставили свою подозрительность и перестали пугать народъ русскими замыслами на Индію. До сихъ поръ Салисбюри только поддерживалъ эти опасенія и если теперь одумался — тѣмъ лучше для него, для международныхъ сношеній, для общаго спокойствія. Пробывъ съ недѣлю въ Греціи, цесаревичъ отправился въ Египетъ; оттуда по Суэзскому каналу и Красному морю ѣдетъ въ Индію.

Другимъ симптомомъ миролюбиваго настроенія европейскихъ державъ явилась тронная рѣчь Вильгельма II при открытіи прусскаго ландтага, особенно важная и по отношенію къ внутреннему устройству страны. Императоръ объявилъ, что созвалъ ландтагъ раньше обыкновеннаго срока потому, что необходимо безъ промедленія приступить къ обсужденію законовъ въ области финансовъ, школы и общиннаго управленія. Улучшеніе прямыхъ налоговъ давно требуется общественнымъ мнѣніемъ, поэтому вводится подоходный налогъ съ лучшею его организаціей, облагаются налогомъ наслѣдства, вводится налогъ ремесленный. Народная школа устраивается на почвѣ общинныхъ учрежденій, безвозмездное обученіе доводится до конца; одержаніе и пенсіи учителямъ увеличиваются; сельскія общества призываются къ болѣе дѣятельной жизни. Дальнѣйшее реулированіе по-

ложенія рабочихъ составитъ предметъ занятій рейхстага. Рѣчь Вильгельма заключились слѣдующими словами, относящимися къ внѣшней политикѣ: «отъ дружественныхъ отношеній имперіи ко всѣмъ иностраннымъ государствамъ, упрочившихся еще въ теченіе этого года, я могу довѣрчиво ожидать дальнѣйшаго сохраненія мира». Эта возможность ожиданія все таки категоричнѣе и успокоительнѣе рѣчи Салисбюри, говорившаго, что миръ не будетъ нарушенъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе года. Еще утвердительнѣе о своемъ и всѣхъ державъ миролюбіи высказался императоръ, на пріемѣ членовъ бюро прусской палаты, настаивая на томъ, что новый заемъ въ 65 милліоновъ марокъ необходимъ для покрытія расходовъ, увеличившихся вовсе не отъ опасенія войны. Но все это не уничтожитъ сильной оппозиціи всѣмъ реформамъ Вильгельма II въ прусской палатѣ и въ рейхстагѣ. И на этотъ разъ противъ правительства будутъ всѣ консерваторы, аристократы, крупные капиталисты, заводчики, противящіеся всѣмъ льготамъ, какія императоръ хочетъ дать рабочимъ. За него въ парламентѣ будутъ стоять только свободномыслящіе, національ-либералы, соціалисты, не составляющіе большинства. Оно составится только если къ нему примкнетъ католическая партія центра. Но она требуетъ за это такихъ уступокъ въ пользу церкви, на которыя нельзя согласиться, какъ напр., возвращеніе іезуитовъ въ Германію. Такимъ образомъ, распредѣленіе партій въ новомъ парламентѣ будетъ совсѣмъ не то, какъ при Бисмаркѣ, опиравшемся на консервативную и католическую партію.

Общественное мнѣніе—на сторонѣ императора-реформатора, но бороться съ ретроградами консерватизма не легко, и оно на этотъ разъ врядъ ли одержитъ побѣду, какъ въ дѣлѣ открытія докторомъ Кохомъ способа лѣченія чахотки. Когда вѣсть объ этомъ открытіи проникла въ публику, ея нетерпѣніе было такъ велико, что врачъ, три года занимающійся своимъ изслѣдованіемъ, принужденъ былъ обнародовать часть его, далеко не удовлетворившую всеобщимъ ожиданіямъ: составъ лѣкарства не обнародованъ, случаи полнаго излѣченія очень ограничены, методъ лѣченія требуетъ величайшей осторожности—и, не смотря на все это, общество такъ увлеклось этимъ далеко не полнымъ открытіемъ, что прославляетъ Коха, какъ величайшаго генія XIX столѣтія, а Вильгельмъ II даже порадовался, что въ его царствованіе нѣмецъ сдѣлалъ такое открытіе...

Что къ общественному мнѣнію приходится въ наше время прислушиваться чаще, чѣмъ къ дипломатическимъ нотамъ, подтверждаетъ еще одинъ фактъ. Съ лѣта, въ нѣмецкихъ газетахъ явилась волосатая сплетня о казни въ Варшавѣ трехъ невинныхъ лицъ. Это были [illegible] дата, убившіе своего вахмистра; по тщательномъ разсмотрѣніи дѣла, убійцы, по военному положенію, были разстрѣляны—слу[illegible] ный, но возможный по законамъ сохраненія военной дисци[illegible]

тѣмъ, народные толки никакъ не хотѣли признать факта, доказаннаго на судѣ; увѣряли, что несчастные были казнены въ 24 часа, и упорно обвиняли какого-то кузнеца, будто бы сознавшагося въ преступленіи, тогда какъ сами солдаты, не отрицая убійства, только взваливали вину одинъ на другаго. Толки прекратились, когда, для успокоенія общественнаго мнѣнія, опубликовали всю процедуру суда и наказанія. Распространенію сплетни много содѣйствовало недоброжелательство нашихъ сосѣдей: еслибы она была опровергнута раньше, то не достигла бы такихъ размѣровъ.

Безпокойный Миланъ, наконецъ, успокоился хоть на время. Онъ улетучился изъ Бѣлграда, побывалъ въ Вѣнѣ въ Парижѣ и потомъ исчезъ въ какихъ-то трущобахъ, гдѣ онъ привыкъ скрываться, когда не дѣлаетъ своей столицѣ визитовъ, всегда очень дорого стоющихъ сербскому правительству. Козни его на этотъ разъ не увѣнчались успѣхомъ: ему не удалось посѣять раздора въ странѣ и въ управленіи. Скупщина открылась безъ него, и въ ней огромное большинство принадлежитъ господствующей партіи радикаловъ: ихъ въ палатѣ 124, либераловъ избранъ всего десятокъ, а напредняковъ—двое. Министерство дѣйствуетъ согласно съ желаніями народа, и только одно регентство дѣлаетъ всевозможныя уступки развѣнчанному авантюристу, связанное съ нимъ какими-то обѣщаніями и подписками. Привлечь на свою сторону армію—Милану не удалось и онъ напрасно добивался, чтобъ ему поручили командованіе ею. Сторонники его съ негодованіемъ опровергаютъ слухъ, будто его выжили изъ Бѣлграда: уѣхалъ онъ, можетъ быть, и по доброй волѣ, но заполучивъ за это извѣстный кушъ—это несомнѣнно. Безъ него дѣла пошли, конечно, гораздо лучше и министры могли уже объявить скупщинѣ, что вопросъ о пропускѣ сербскаго скота въ Австрію рѣшенъ согласно интересамъ Сербіи. Только семейныя дѣла страны все не могутъ уладиться. Прошли слухи о размолвкѣ королевы Наталіи съ правительствомъ. Одна бѣлградская газета напечатала переписку королевы съ синодомъ по бракоразводному дѣлу. Изъ переписки видно, что синодъ отклонилъ требованіе Милана о разводѣ и рѣшеніе тогдашняго митрополита было противозаконно. На основаніи этого рѣшенія, Наталія хотѣла представить скупщинѣ, какъ представительницѣ народной совѣсти и народнаго суда, меморію о томъ, что разводъ ея противорѣчитъ не только каноническимъ, но и государственнымъ законамъ. Къ скупщинѣ она обращается не какъ королева, а какъ гра[illegible]. Нѣтъ такого закона, который запрещалъ бы [illegible] ребенкомъ, а регенты запрещаютъ это. Она [illegible] королевской власти, не [illegible] своихъ [illegible]

шинство народнаго собранія не хочетъ допустить обсужденія меморіи, чтобы не вносить семейныхъ дрязгъ въ государственныя дѣла. Но нельзя же отказывать въ справедливыхъ требованіяхъ ни королевѣ, ни гражданкѣ изъ боязни скандала. Миланъ до того уже покрылъ скандаломъ свое королевское достоинство, что новыя разоблаченія его самодурства ничего не прибавятъ къ этой печальной исторіи. Регенты придумали мѣру еще хуже: они заставили короля написать своей матери письмо съ просьбою не оглашать семейныхъ раздоровъ; въ противномъ случаѣ, король будетъ принужденъ прервать съ нею всякія сношенія. Королева отвѣтила сожалѣніемъ на то, что ея сынъ рѣшился на такой шагъ, но не ставитъ этого въ упрекъ ему, зная, что онъ не поступилъ бы такъ по собственному побужденію. Далѣе она говоритъ, что въ теченіе 12-ти лѣтъ учила сына—любить и уважать отца и скрывала свое горе. Миланъ не понялъ своей задачи и потому поступилъ не такъ. Въ заключеніе королева пишетъ сыну: «Если ты приведешь въ исполненіе свою угрозу, то утратишь уваженіе не только своей страны, но и всего цивилизованнаго міра. И у короля должно быть сердце, иначе онъ будетъ возбуждать ненависть и презрѣніе. Отъ тебя скрываютъ, что̀ говоритъ народъ, а онъ говоритъ вотъ что: «у короля нѣтъ сердца къ матери, поэтому онъ и насъ не можетъ любить».

Въ Австріи, славянское движеніе развивается все сильнѣе и принимаетъ характеръ упорной борьбы противъ германизма. Партія старочеховъ, когда-то составлявшая съ нѣмцами большинство въ парламентѣ, распадается съ каждымъ днемъ. Дошло до того, что младочехъ Вожатый въ засѣданіи сейма назвалъ стараго Ригера предателемъ. Чехи требуютъ признанія своего языка государственнымъ. На моравскомъ сеймѣ одинъ изъ депутатовъ настаивалъ на томъ, что славянскій языкъ долженъ быть языкомъ австрійской арміи. На далматскомъ сеймѣ хорваты требуютъ употребленія сербо-хорватскаго языка въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Въ Люблянѣ (Лайбахъ) на словенскомъ съѣздѣ заявлено о необходимости соединенія въ одно цѣлое всѣхъ словенскихъ земель: Истріи, Каринтіи, Далмаціи и др. На краинскомъ сеймѣ депутатъ Свѣтецъ потребовалъ установить въ Люблянѣ высшій мѣстный словенскій судъ не для одной Краины, но и для всѣхъ прилежащихъ къ ней славянскихъ земель. Но словенцы не хотятъ единенія съ соплеменными имъ народами Австріи и, на обвиненіе ихъ въ панславизмѣ, говорятъ: «австрійскимъ нѣмцамъ гораздо ближе къ Берлину, чѣмъ словенцамъ къ Петербургу», обвиняя этимъ нѣмцевъ въ стремленіи къ пангерманизму. Францъ-Іосифъ недоволенъ даже галицкими поляками, съ ихъ шляхетскими притязаніями, и собирается дать льготы коренному русскому населенію Галиціи. Племенное броженіе сильнѣе всего проявляется въ Македоніи, гдѣ сербскій и болгарскій элементы враждуютъ между собою. Послѣ убійства

сербскаго консула въ Приштинѣ, въ Орхидѣ зарѣзали сербскаго священника, не признавшаго распоряженій болгарскаго епископа, назначеннаго Портою въ эту страну. Убійца не найденъ и сербы обвиняютъ болгаръ, дѣйствительно волнующихъ Македонію и ведущихъ тамъ постоянно подпольныя интриги, съ цѣлью поднять народъ противъ турецкаго владычества. У себя дома, впрочемъ, стамбуловцы сидятъ теперь смирно, получивъ, вѣроятно, приказаніе изъ Вѣны не дѣлать скандаловъ. Изъ газетъ невозможно получить свѣдѣній о томъ, что дѣлается въ Болгаріи. Иностранные агенты въ краѣ не сообщаютъ ничего корреспондентамъ; писемъ, неблагопріятныхъ правительству, не приходитъ вовсе—стамбуловскій режимъ строго слѣдитъ за всякой сколько нибудь подозрительной перепиской. О болѣзни болгарскаго воротилы и его военнаго министра ровно ничего и не узнали. Было ли сдѣлано покушеніе отравить или застрѣлить ихъ—осталось неразгаданнымъ. Мѣстныя газеты не смѣютъ ни о чемъ говорить, кромѣ какъ о совершенномъ благополучіи страны. Стамбуловъ, говорятъ, выздоровѣлъ, но Муткуровъ долженъ былъ оставить министерскій постъ и ѣхать лѣчиться въ Парижъ, не уповая на искусство болгарскихъ эскулаповъ. Сильный переполохъ въ краѣ возбудило недавнее посѣщеніе его русскимъ писателемъ г. Татищевымъ, подробно описавшимъ потомъ свои бесѣды со Стамбуловымъ и его министрами. Русскій публицистъ, благодушный, какъ большая часть его соотечественниковъ, не вывелъ никакихъ положительныхъ результатовъ изъ своей поѣздки въ Болгарію, но освѣтилъ нѣкоторыя стороны послѣднихъ дней пребыванія въ странѣ г. Каульбарса и русскихъ агентовъ. Сообщеніями его, совершенно правдивыми, хотя и поверхностными, остались недовольны и возражали на нихъ и г. Каульбарсъ, и агенты иностранныхъ державъ, живущіе въ Софіи, и органы Стамбулова—это общая участь всѣхъ, кто рѣшается публично говорить о томъ, что противорѣчитъ установившемуся общественному мнѣнію. А между тѣмъ г. Татищевъ сдѣлалъ только тотъ главный выводъ изъ своей поѣздки, что болгарскій народъ любитъ русскихъ, а Стамбуловъ будетъ считать тотъ день счастливѣйшимъ въ своей жизни, когда Болгарія примирится съ Россіей. Но вѣдь для этого, прежде всего, нужно, чтобы исчезли причины мѣшающія этому примиренію, а одна изъ главныхъ причинъ—самъ Стамбуловъ. Г. Татищевъ можетъ къ нему быть снисходительнымъ, но историкъ не отнесется такъ благодушно ко всему, что въ эти послѣдніе четыре года продѣлывалось въ странѣ, обязанной намъ своимъ возрожденіемъ и политическимъ существованіемъ.

Во Франціи, къ существующей уже 21 годъ формѣ правленія присоединяются не только анархисты, но и духовенство. Парижскій архіепископъ, въ напутственной рѣчи воспитанникамъ католическихъ семинарій, привлеченныхъ новымъ закономъ къ отбыванію воинской по-

винности наравнѣ со всѣми остальными гражданами, публично внушалъ этимъ молодымъ людямъ служить вѣрой и правдой въ рядахъ республиканской арміи и только самыми осторожными оговорками выразилъ свое несочувствіе новой мѣрѣ, вынуждающей будущихъ служителей алтаря носить оружіе, причемъ, въ случаѣ войны, они будутъ поставлены въ необходимость, несовмѣстимую съ духовнымъ званіемъ — проливать кровь. Законъ о зачисленіи семинаристовъ въ новобранцы, съ трудомъ принятый палатою, исполняется, однако же, вездѣ безпрекословно. Но извѣстный кардиналъ Лавижери, глава духовнаго управленія въ Алжиріи, пошелъ еще дальше одобренія этого закона. Онъ далъ обѣдъ офицерамъ французской эскадры Средиземнаго моря и произнесъ на обѣдѣ застольную рѣчь, въ которой прямо объявилъ, что патріотическій долгъ обязываетъ церковь присоединиться безъ всякой задней мысли къ существующей въ странѣ формѣ правленія, потому что форма эта неоднократно утверждалась народомъ, и что отъ согласія всѣхъ французскихъ гражданъ между собою зависитъ спасеніе отечества! Кардиналъ прибавилъ къ этому, что не опасается быть опровергнутымъ чьимъ либо «авторитетнымъ голосомъ» и желаетъ, чтобы все французское католическое духовенство послѣдовало его примѣру. Сверхъ того, при отъѣздѣ своихъ гостей, Лавижери приказалъ играть марсельезу хотя въ текстѣ этого національнаго гимна священники названы «ордою рабовъ и предателей». Ясно, что кардиналъ не могъ устроить такую демонстрацію, не заручившись на нее согласіемъ авторитета папы. Французскіе епископы уже объявляли себя республиканцами въ 1792 и 1848 году, но тогда они дѣлали это изъ боязни, что ихъ покинутъ члены низшаго духовенства, искренно примкнувшіе къ республиканскому движенію тѣхъ годовъ, а теперь, наоборотъ, высшіе чины церкви поощряютъ священниковъ признать республику безъ заднихъ мыслей. Левъ XIII давно уже отдѣлилъ интересы церкви отъ монархическаго принципа и доказалъ это признаніемъ бразильской республики. «Мнѣ пріятнѣе слушать марсельезу, чѣмъ итальянскій королевскій маршъ», сказалъ онъ недавно въ Ватиканѣ. Много толковъ возбудило въ Парижѣ то обстоятельство, что правительство уклонилось отъ офиціальнаго признанія общества «Друзей Россіи». Общество это, основанное нынѣшнимъ лѣтомъ, съ цѣлью развитія между обоими государствами торговыхъ и промышленныхъ сношеній и вообще сближенія франко-русскихъ интересовъ, по закону не нуждается ни въ какомъ утвержденіи, но основатели хотѣли, чтобы дѣятельность общества была признана общеполезною (d'utilité publique), а министерство совершенно основательно нашло это неудобнымъ, такъ какъ оно должно было оказать тогда правительственную поддержку «друзьямъ Италіи, Англіи» и другимъ по-

добнымъ обществамъ. Цѣль «лиги натріотовъ» была тоже полезна и, однако, ее надо было закрыть.

Сильное впечатлѣніе произвело въ Парижѣ убійство русскаго генерала Селиверстова, бывшаго товарища шефа жандармовъ Мезенцева, также, какъ извѣстно, убитаго нигилистами въ Петербургѣ. Убійца Подлевскій пришелъ съ письмомъ отъ русскаго аферіста Бернова въ отель, гдѣ жилъ Сильверстовъ, и убилъ его выстрѣломъ изъ револьвера въ високъ. Странно, что никто въ отелѣ не слыхалъ выстрѣла и убійца могъ спокойно уйти и скрыться. Убійство совершено несомнѣнно съ политическою цѣлью, вѣроятно изъ мести за прежнюю дѣятельность генерала, давно уже вышедшаго въ отставку. Арестованъ варшавскій жидъ-нигилистъ Мендельсонъ, замѣшанный въ недавнемъ процесѣ русскихъ нигилистовъ, которые выдѣлывали въ Парижѣ динамитныя бомбы и съ которыми бѣжавшій Подлевскій былъ въ близкихъ сношеніяхъ. Закрытъ также салонъ Бернова, у котораго Подлевскій служилъ посыльнымъ и куда Берновъ приглашалъ Селиверстова. Старанія поймать убійцу были напрасны.

Итальянскій премьеръ, въ виду поднявшейся на него со всѣхъ сторонъ оппозиціи на выборахъ въ новый парламентъ, прибѣгаетъ ко всевозможнымъ мѣрамъ, чтобы удержать власть въ своихъ рукахъ. Онъ не только произноситъ рѣчи вездѣ, гдѣ можетъ, но для доказательства, что его политику одобряетъ Германія, пригласилъ канцлера Каприви пріѣхать въ Миланъ для важныхъ-то переговоровъ. Каприви, сдѣлавшій уже визитъ въ Петербургъ и Вѣну, чтобы познакомиться съ русскимъ и австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, не могъ отказаться и отъ свиданія съ Криспи, который свезъ его въ Монцу, представить королю Гумбѣрту. Этимъ и кончился визитъ германскаго канцлера, встрѣченный очень равнодушно итальянской печатью, а миланскими газетами—даже неучтиво. Но всего страннѣе, что этимъ свиданіемъ остались недовольны и консерваторы, и ихъ органъ, газета «Perseveranza», совершенно неожиданно высказался противъ тройственнаго союза, заявивъ, что союзъ этотъ—источникъ всѣхъ бѣдствій, претерпѣваемыхъ Европою и Италіею, и, при всемъ томъ, вовсе не служитъ дѣйствительнымъ залогомъ мира, а, напротивъ, постоянно угрожаетъ войною. Миръ держится только благодаря волѣ одного человѣка—русскаго царя, хотя и Россія, вслѣдствіе общихъ вооруженій, вынуждена также готовиться къ войнѣ. Если даже консерваторы выражаютъ такія мнѣнія о политикѣ Криспи—немного защитниковъ найдется у него въ новомъ парламентѣ.

Въ Брюсселѣ была опять народная манифестація, возбудившая опасенія въ правительствѣ. Войскамъ приказано было не отлучаться изъ казармъ. Огромныя толпы рабочихъ залили улицы бельгійской столицы: депутація ихъ подала въ ратушу протестъ, требуя введенія въ бельгій-

каго гостя въ городѣ, гдѣ закрыто православное богослуженіе. Оставался еще третій путь—черезъ Варшаву и Вѣну, въ Тріестъ къ Адріатическому морю, такъ какъ цесаревичъ хотѣлъ прежде всего посѣтить единовѣрную и родственную Грецію. Но тутъ долгъ учтивости требовалъ остановки въ столицѣ Австріи и дипломатія должна была зондировать почву, въ виду непрекращавшихся толковъ официозныхъ органовъ о томъ, что Россія готова проглотить имперію Габсбурговъ и собираетъ на своихъ границахъ съ нею несмѣтныя полчища войскъ. И вдругъ толки эти прекратились, и вся австрійская печать заговорила въ самомъ восторженномъ тонѣ о пріѣздѣ въ Вѣну наслѣдника русскаго престола. Приглашеніе, сдѣланное Францемъ-Іосифомъ, было самое радушное, и пріемъ, оказанный высокому посѣтителю, самый симпатичный и торжественный, хотя онъ на другой же день отправился прямо въ гавань Тріеста. По словамъ всѣхъ вѣнскихъ газетъ, цесаревичъ произвелъ на всѣхъ самое благопріятное впечатлѣніе и, со своей стороны, заявилъ, что уноситъ изъ Вѣны самое пріятное чувство. Особенно довольны остались императоръ Францъ-Іосифъ и эрцгерцогъ Карлъ-Людвигъ, болѣе другихъ Габсбурговъ расположенный къ Россіи. Заговорили уже и о предстоящемъ визитѣ къ намъ этого эрцгерцога. Придворные вѣнскіе чины и лица изъ свиты цесаревича воздерживались, конечно, отъ разговоровъ политическаго характера и только одинъ изъ русскихъ сановниковъ замѣтилъ австрійскому дипломату, что несправедливо относятся къ Россіи, обвиняя ее въ воинственныхъ замыслахъ. Офиціальныя газеты привѣтствовали гостя не только отъ имени Франца-Іосифа, но и отъ имени «народовъ Австріи». Органъ министерства внутреннихъ дѣлъ восхваляетъ миролюбіе русскаго монарха, особенно напирая на то, что дѣло мира много обязано петербургскому двору; а что въ Вѣнѣ господствуютъ также самыя миролюбивыя намѣренія, высокій путешественникъ могъ убѣдиться въ этомъ, посѣтивъ «большія торговыя учрежденія». Но торговыя учрежденія нигдѣ не отличаются воинственнымъ настроеніемъ и органъ Кальноки могъ бы привести какія нибудь болѣе убѣдительныя доказательства австрійскаго миролюбія. Общій тонъ всѣхъ вѣнскихъ газетъ сводится, впрочемъ, къ тому, что дружбу русскаго государя считаютъ въ Вѣнѣ драгоцѣннымъ залогомъ всеобщаго мира. Все это, конечно, пріятно слышать, послѣ недавнихъ толковъ о томъ, что Россія представляетъ постоянную угрозу для мира Европы, только надо же, чтобы не одни слова, но и поступки австрійскаго правительства доказывали его миролюбіе.

Но если вѣнскій визитъ настроилъ официозную австрійскую печать на буколическій тонъ, правительственные органы Англіи поразили Европу совершенною перемѣною своего настроенія по отношенію къ Россіи. На обычномъ банкетѣ, даваемомъ лондонскимъ лордъ-мэромъ въ день его водворенія въ Гильдголлѣ, маркизъ Салисбюри произнесъ рѣчь, сдѣлав-

шуюся предметомъ оживленныхъ толковъ европейской печати. Объявивъ о предстоящемъ посѣщеніи Индіи наслѣдникомъ русскаго престола, англійскій премьеръ назвалъ это посѣщеніе, «въ качествѣ гостя королевы и правительства Индіи, счастливымъ предзнаменованіемъ устойчивости европейскаго мира». Событіе это Салисбюри назвалъ «неожиданнымъ, какъ сопоставленіе двухъ идей, которыя выражаются словами: Россія и Индія». Онъ прибавилъ также, что подобное сопоставленіе можетъ принести обоимъ государствамъ только добрыя послѣдствія, обезпечивъ взаимныя мирныя отношенія, которыхъ оба они желаютъ. Подобное извѣстіе является, дѣйствительно, неожиданнымъ, въ сферѣ европейской политики. Русскій цесаревичъ является въ Индіи желаннымъ гостемъ Англіи, и ему готовится самый пышный, торжественный пріемъ. Неужели консервативный англійскій кабинетъ въ самомъ дѣлѣ пересталъ наконецъ думать, что русскій можетъ явиться въ Индію, только съ цѣлью ея завоеванія? Для успокоенія Европы, новая перемѣна въ политическомъ настроеніи была бы весьма желательна, но плохо вѣрится, чтобы она была прочна, когда читаешь англійскіе офиціозные органы. «Times» все твердитъ, что миролюбіе Россіи притворное, «Standard» говоритъ, что она только на время отложила свои замыслы, потому что теперь безсильна, вслѣдствіе перевооруженія своей арміи. Съ такими представителями общественнаго и въ то же время правительственнаго мнѣнія нельзя разсчитывать на устраненіе недоразумѣній между Лондономъ и Петербургомъ. Дружба между нами и англичанами, какъ нашими сосѣдями въ Азіи, можетъ прекратить волненія въ этой странѣ, но для этого необходимо, чтобы консерваторы, стоящіе во главѣ правленія, оставили свою подозрительность и перестали пугать народъ русскими замыслами на Индію. До сихъ поръ Салисбюри только поддерживалъ эти опасенія и если теперь одумался — тѣмъ лучше для него, для международныхъ сношеній, для общаго спокойствія. Пробывъ съ недѣлю въ Греціи, цесаревичъ отправился въ Египетъ; оттуда по Суэзскому каналу и Красному морю ѣдетъ въ Индію.

Другимъ симптомомъ миролюбиваго настроенія европейскихъ державъ явилась тронная рѣчь Вильгельма II при открытіи прусскаго ландтага, особенно важная и по отношенію къ внутреннему устройству страны. Императоръ объявилъ, что созвалъ ландтагъ раньше обыкновеннаго срока потому, что необходимо безъ промедленія приступить къ обсужденію законовъ въ области финансовъ, школы и общиннаго управленія. Улучшеніе прямыхъ налоговъ давно требуется общественнымъ мнѣніемъ, поэтому вводится подоходный налогъ съ лучшею его организаціей, облагаются налогомъ наслѣдства, вводится налогъ ремесленный. Народная школа устраивается на почвѣ общинныхъ учрежденій, безвозмездное обученіе доводится до конца; одержаніе и пенсіи учителямъ увеличиваются; сельскія общества призываются къ болѣе дѣятельной жизни. Дальнѣйшее реулированіе по-

женія рабочихъ составитъ предметъ занятій рейхстага. Рѣчь Вильгельма заключились слѣдующими словами, относящимися къ внѣшней политикѣ: «отъ дружественныхъ отношеній имперіи ко всѣмъ иностраннымъ государствамъ, упрочившихся еще въ теченіе этого года, я могу довѣрчиво ожидать дальнѣйшаго сохраненія мира». Эта возможность ожиданія все таки категоричнѣе и успокоительнѣе рѣчи Салисбюри, говорившаго, что миръ не будетъ нарушенъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе года. Еще утвердительнѣе о своемъ и всѣхъ державъ миролюбіи высказался императоръ, на пріемѣ членовъ бюро прусской палаты, настаивая на томъ, что новый заемъ въ 65 милліоновъ марокъ необходимъ для покрытія расходовъ, увеличившихся вовсе не отъ опасенія войны. Но все это не уничтожитъ сильной оппозиціи всѣмъ реформамъ Вильгельма II въ прусской палатѣ и въ рейхстагѣ. И на этотъ разъ противъ правительства будутъ всѣ консерваторы, аристократы, крупные капиталисты, заводчики, противящіеся всѣмъ льготамъ, какія императоръ хочетъ дать рабочимъ. За него въ парламентѣ будутъ стоять только свободномыслящіе, національ-либералы, соціалисты, не составляющіе большинства. Оно составится только если къ нему примкнетъ католическая партія центра. Но онъ требуетъ за это такихъ уступокъ въ пользу церкви, на которыя нельзя согласиться, какъ напр., возвращеніе іезуитовъ въ Германію. Такимъ образомъ, распредѣленіе партій въ новомъ парламентѣ будетъ совсѣмъ не то, какъ при Бисмаркѣ, опиравшемся на консервативную и католическую партію.

Общественное мнѣніе—на сторонѣ императора-реформатора, но бороться съ ретроградами консерватизма не легко, и оно на этотъ разъ врядъ ли одержитъ побѣду, какъ въ дѣлѣ открытія докторомъ Кохомъ способа лѣченія чахотки. Когда вѣсть объ этомъ открытіи проникла въ публику, ея нетерпѣніе было такъ велико, что врачъ, три года занимающійся своимъ изслѣдованіемъ, принужденъ былъ обнародовать часть его, далеко не удовлетворившую всеобщимъ ожиданіямъ: составъ лѣкарства не обнародованъ, случаи полнаго излѣченія очень ограничены, методъ лѣченія требуетъ величайшей осторожности—и, не смотря на все это, общество такъ увлеклось этимъ далеко не полнымъ открытіемъ, что прославляетъ Коха, какъ величайшаго генія XIX столѣтія, а Вильгельмъ II даже порадовался, что въ его царствованіе нѣмецъ сдѣлалъ такое открытіе...

Что къ общественному мнѣнію приходится въ наше время прислушиваться чаще, чѣмъ къ дипломатическимъ нотамъ, подтверждаетъ еще одинъ фактъ. Съ лѣта, въ нѣмецкихъ газетахъ явилась колоссальная сплетня о казни въ Варшавѣ трехъ невинныхъ лицъ. Это были три солдата, убившіе своего вахмистра; по тщательномъ разсмотрѣніи этого дѣла, убійцы, по военному положенію, были разстрѣляны—случай печальный, но возможный по законамъ сохраненія военной дисциплины. Между

тѣмъ, народные толки никакъ не хотѣли признать факта, доказаннаго на судѣ; увѣряли, что несчастные были казнены въ 24 часа, и упорно обвиняли какого-то кузнеца, будто бы сознавшагося въ преступленіи, тогда какъ сами солдаты, не отрицая убійства, только взваливали вину одинъ на другаго. Толки прекратились, когда, для успокоенія общественнаго мнѣнія, опубликовали всю процедуру суда и наказанія. Распространенію сплетни много содѣйствовало недоброжелательство нашихъ сосѣдей: еслибы она была опровергнута раньше, то не достигла бы такихъ размѣровъ.

Безпокойный Миланъ, наконецъ, успокоился хоть на время. Онъ улетучился изъ Бѣлграда, побывалъ въ Вѣнѣ въ Парижѣ и потомъ исчезъ въ какихъ-то трущобахъ, гдѣ онъ привыкъ скрываться, когда не дѣлаетъ своей столицѣ визитовъ, всегда очень дорого стоющихъ сербскому правительству. Козни его на этотъ разъ не увѣнчались успѣхомъ: ему не удалось посѣять раздора въ странѣ и въ управленіи. Скупщина открылась безъ него, и въ ней огромное большинство принадлежитъ господствующей партіи радикаловъ: ихъ въ палатѣ 124, либераловъ избранъ всего десятокъ, а напредняковъ—двое. Министерство дѣйствуетъ согласно съ желаніями народа, и только одно регентство дѣлаетъ всевозможныя уступки развѣнчанному авантюристу, связанное съ нимъ какими-то обѣщаніями и подписками. Привлечь на свою сторону армію—Милану не удалось и онъ напрасно добивался, чтобъ ему поручили командованіе ею. Сторонники его съ негодованіемъ опровергаютъ слухъ, будто его выжили изъ Бѣлграда: уѣхалъ онъ, можетъ быть, и по доброй волѣ, но заполучивъ за это извѣстный кушъ—это несомнѣнно. Безъ него дѣла пошли, конечно, гораздо лучше и министры могли уже объявить скупщинѣ, что вопросъ о пропускѣ сербскаго скота въ Австрію рѣшенъ согласно интересамъ Сербіи. Только семейныя дѣла страны все не могутъ уладиться. Прошли слухи о размолвкѣ королевы Наталіи съ правительствомъ. Одна бѣлградская газета напечатала переписку королевы съ синодомъ по бракоразводному дѣлу. Изъ переписки видно, что синодъ отклонилъ требованіе Милана о разводѣ и рѣшеніе тогдашняго митрополита было противозаконно. На основаніи этого рѣшенія, Наталія хотѣла представить скупщинѣ, какъ представительницѣ народной совѣсти и народнаго суда, меморію о томъ, что разводъ ея противорѣчитъ не только каноническимъ, но и государственнымъ законамъ. Къ скупщинѣ она обращается не какъ королева, а какъ гражданка. Нѣтъ такого закона, который запрещалъ бы матери видѣться со своимъ ребенкомъ, а регенты запрещаютъ это. Она можетъ отречься отъ королевской власти, но не отъ своихъ материнскихъ правъ, и даже конституція не предоставляетъ Милану, какъ опекуну короля, не признавать этихъ правъ матери. Въ скупщинѣ есть партія, обѣщавшая королевѣ поддержать ея права, но боль-

шинство народнаго собранія не хочетъ допустить обсужденія меморіи, чтобы не вносить семейныхъ дрязгъ въ государственныя дѣла. Но нельзя же отказывать въ справедливыхъ требованіяхъ ни королевѣ, ни гражданкѣ изъ боязни скандала. Миланъ до того уже покрылъ скандаломъ свое королевское достоинство, что новыя разоблаченія его самодурства ничего не прибавятъ къ этой печальной исторіи. Регенты придумали мѣру еще хуже: они заставили короля написать своей матери письмо съ просьбою не оглашать семейныхъ раздоровъ; въ противномъ случаѣ, король будетъ принужденъ прервать съ нею всякія сношенія. Королева отвѣтила сожалѣніемъ на то, что ея сынъ рѣшился на такой шагъ, но не ставитъ этого въ упрекъ ему, зная, что онъ не поступилъ бы такъ по собственному побужденію. Далѣе она говоритъ, что въ теченіе 12-ти лѣтъ учила сына—любить и уважать отца и скрывала свое горе. Миланъ не понялъ своей задачи и потому поступилъ не такъ. Въ заключеніе королева пишетъ сыну: «Если ты приведешь въ исполненіе свою угрозу, то утратишь уваженіе не только своей страны, но и всего цивилизованнаго міра. И у короля должно быть сердце, иначе онъ будетъ возбуждать ненависть и презрѣніе. Отъ тебя скрываютъ, что говоритъ народъ, а онъ говоритъ вотъ что: «у короля нѣтъ сердца къ матери, поэтому онъ и насъ не можетъ любить».

Въ Австріи, славянское движеніе развивается все сильнѣе и принимаетъ характеръ упорной борьбы противъ германизма. Партія старочеховъ, когда-то составлявшая съ нѣмцами большинство въ парламентѣ, распадается съ каждымъ днемъ. Дошло до того, что младочехъ Вожатый въ засѣданіи сейма назвалъ стараго Ригера предателемъ. Чехи требуютъ признанія своего языка государственнымъ. На моравскомъ сеймѣ одинъ изъ депутатовъ настаивалъ на томъ, что славянскій языкъ долженъ быть языкомъ австрійской арміи. На далматскомъ сеймѣ хорваты требуютъ употребленія сербо-хорватскаго языка въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Въ Люблянѣ (Лайбахъ) на словенскомъ съѣздѣ заявлено о необходимости соединенія въ одно цѣлое всѣхъ словенскихъ земель: Истріи, Каринтіи, Далмаціи и др. На краинскомъ сеймѣ депутатъ Свѣтецъ потребовалъ установить въ Люблянѣ высшій мѣстный словенскій судъ не для одной Краины, но и для всѣхъ прилежащихъ къ ней славянскихъ земель. Но словенцы не хотятъ единенія съ соплеменными имъ народами Австріи и, на обвиненіе ихъ въ панславизмѣ, говорятъ: «австрійскимъ нѣмцамъ гораздо ближе къ Берлину, чѣмъ словенцамъ къ Петербургу», обвиняя этимъ нѣмцевъ въ стремленіи къ пангерманизму. Францъ-Іосифъ недоволенъ даже галицкими поляками, съ ихъ шляхетскими притязаніями, и собирается дать льготы коренному русскому населенію Галиціи. Племенное броженіе сильнѣе всего проявляется въ Македоніи, гдѣ сербскій и болгарскій элементы враждуютъ между собою. Послѣ убійства

сербскаго консула въ Приштинѣ, въ Орхидѣ зарѣзали сербскаго священника, не признавшаго распоряженій болгарскаго епископа, назначеннаго Портою въ эту страну. Убійца не найденъ и сербы обвиняютъ болгаръ, дѣйствительно волнующихъ Македонію и ведущихъ тамъ постоянно подпольныя интриги, съ цѣлью поднять народъ противъ турецкаго владычества. У себя дома, впрочемъ, стамбуловцы сидятъ теперь смирно, получивъ, вѣроятно, приказаніе изъ Вѣны не дѣлать скандаловъ. Изъ газетъ невозможно получить свѣдѣній о томъ, что дѣлается въ Болгаріи. Иностранные агенты въ краѣ не сообщаютъ ничего корреспондентамъ; писемъ, неблагопріятныхъ правительству, не приходитъ вовсе—стамбуловскій режимъ строго слѣдитъ за всякой сколько нибудь подозрительной перепиской. О болѣзни болгарскаго воротилы и его военнаго министра ровно ничего и не узнали. Было ли сдѣлано покушеніе отравить или застрѣлить ихъ—осталось неразгаданнымъ. Мѣстныя газеты не смѣютъ ни о чемъ говорить, кромѣ какъ о совершенномъ благополучіи страны. Стамбуловъ, говорятъ, выздоровѣлъ, но Муткуровъ долженъ былъ оставить министерскій постъ и ѣхать лѣчиться въ Парижъ, не уповая на искусство болгарскихъ эскулаповъ. Сильный переполохъ въ краѣ возбудило недавнее посѣщеніе его русскимъ писателемъ г. Татищевымъ, подробно описавшимъ потомъ свои бесѣды со Стамбуловымъ и его министрами. Русскій публицистъ, благодушный, какъ большая часть его соотечественниковъ, не вывелъ никакихъ положительныхъ результатовъ изъ своей поѣздки въ Болгарію, но освѣтилъ нѣкоторыя стороны послѣднихъ дней пребыванія въ странѣ г. Каульбарса и русскихъ агентовъ. Сообщеніями его, совершенно правдивыми, хотя и поверхностными, остались недовольны и возражали на нихъ и г. Каульбарсъ, и агенты иностранныхъ державъ, живущіе въ Софіи, и органы Стамбулова—это общая участь всѣхъ, кто рѣшается публично говорить о томъ, что противорѣчитъ установившемуся общественному мнѣнію. А между тѣмъ г. Татищевъ сдѣлалъ только тотъ главный выводъ изъ своей поѣздки, что болгарскій народъ любитъ русскихъ, а Стамбуловъ будетъ считать тотъ день счастливѣйшимъ въ своей жизни, когда Болгарія примирится съ Россіей. Но вѣдь для этого, прежде всего, нужно, чтобы исчезли причины мѣшающія этому примиренію, а одна изъ главныхъ причинъ—самъ Стамбуловъ. Г. Татищевъ можетъ къ нему быть снисходительнымъ, но историкъ не отнесется такъ благодушно ко всему, что въ эти послѣдніе четыре года продѣлывалось въ странѣ, обязанной намъ своимъ возрожденіемъ и политическимъ существованіемъ.

Во Франціи, къ существующей уже 21 годъ формѣ правленія присоединяются не только анархисты, но и духовенство. Парижскій архіепископъ, въ напутственной рѣчи воспитанникамъ католическихъ семинарій, привлеченныхъ новымъ закономъ къ отбыванію воинской по-

винности наравнѣ со всѣми остальными гражданами, публично внушалъ этимъ молодымъ людямъ служить вѣрой и правдой въ рядахъ республиканской арміи и только самыми осторожными оговорками выразилъ свое несочувствіе новой мѣрѣ, вынуждающей будущихъ служителей алтаря носить оружіе, причемъ, въ случаѣ войны, они будутъ поставлены въ необходимость, несовмѣстимую съ духовнымъ званіемъ — проливать кровь. Законъ о зачисленіи семинаристовъ въ новобранцы, съ трудомъ принятый палатою, исполняется, однако же, вездѣ безпрекословно. Но извѣстный кардиналъ Лавижери, глава духовнаго управленія въ Алжиріи, пошелъ еще дальше одобренія этого закона. Онъ далъ обѣдъ офицерамъ французской эскадры Средиземнаго моря и произнесъ на обѣдѣ застольную рѣчь, въ которой прямо объявилъ, что патріотическій долгъ обязываетъ церковь присоединиться безъ всякой задней мысли къ существующей въ странѣ формѣ правленія, потому что форма эта неоднократно утверждалась народомъ, и что отъ согласія всѣхъ французскихъ гражданъ между собою зависитъ спасеніе отечества! Кардиналъ прибавилъ къ этому, что не опасается быть опровергнутымъ чьимъ либо «авторитетнымъ голосомъ» и желаетъ, чтобы все французское католическое духовенство послѣдовало его примѣру. Сверхъ того, при отъѣздѣ своихъ гостей, Лавижери приказалъ играть марсельезу хотя въ текстѣ этого національнаго гимна священники названы «ордою рабовъ и предателей». Ясно, что кардиналъ не могъ устроить такую демонстрацію, не заручившись на нее согласіемъ авторитета папы. Французскіе епископы уже объявляли себя республиканцами въ 1792 и 1848 году, но тогда они дѣлали это изъ боязни, что ихъ покинутъ члены низшаго духовенства, искренно примкнувшіе къ республиканскому движенію тѣхъ годовъ, а теперь, наоборотъ, высшіе чины церкви поощряютъ священниковъ признать республику безъ заднихъ мыслей. Левъ XIII давно уже отдѣлилъ интересы церкви отъ монархическаго принципа и доказалъ это признаніемъ бразильской республики. «Мнѣ пріятнѣе слушать марсельезу, чѣмъ итальянскій королевскій маршъ», сказалъ онъ недавно въ Ватиканѣ. Много толковъ возбудило въ Парижѣ то обстоятельство, что правительство уклонилось отъ офиціальнаго признанія общества «Друзей Россіи». Общество это, основанное нынѣшнимъ лѣтомъ, съ цѣлью развитія между обоими государствами торговыхъ и промышленныхъ сношеній и вообще сближенія франко-русскихъ интересовъ, по закону не нуждается ни въ какомъ утвержденіи, но основатели хотѣли, чтобы дѣятельность общества была признана общеполезною (d'utilité publique), а министерство совершенно основательно нашло это неудобнымъ, такъ какъ оно должно было оказать тогда правительственную поддержку «друзьямъ Италіи, Англіи» и другимъ по-

добнымъ обществамъ. Цѣль «лиги натріотовъ» была тоже полезна и, однако, ее надо было закрыть.

Сильное впечатлѣніе произвело въ Парижѣ убійство русскаго генерала Селиверстова, бывшаго товарища шефа жандармовъ Мезенцева, также, какъ извѣстно, убитаго нигилистами въ Петербургѣ. Убійца Подлевскій пришелъ съ письмомъ отъ русскаго аферіста Бернова въ отель, гдѣ жилъ Сильверстовъ, и убилъ его выстрѣломъ изъ револьвера въ високъ. Странно, что никто въ отелѣ не слыхалъ выстрѣла и убійца могъ спокойно уйти и скрыться. Убійство совершено несомнѣнно съ политическою цѣлью, вѣроятно изъ мести за прежнюю дѣятельность генерала, давно уже вышедшаго въ отставку. Арестованъ варшавскій жидъ-нигилистъ Мендельсонъ, замѣшанный въ недавнемъ процессѣ русскихъ нигилистовъ, которые выдѣлывали въ Парижѣ динамитныя бомбы и съ которыми бѣжавшій Подлевскій былъ въ близкихъ сношеніяхъ. Закрытъ также салонъ Бернова, у котораго Подлевскій служилъ посыльнымъ и куда Берновъ приглашалъ Селиверстова. Старанія поймать убійцу были напрасны.

Итальянскій премьеръ, въ виду поднявшейся на него со всѣхъ сторонъ оппозиціи на выборахъ въ новый парламентъ, прибѣгаетъ ко всевозможнымъ мѣрамъ, чтобы удержать власть въ своихъ рукахъ. Онъ не только произноситъ рѣчи вездѣ, гдѣ можетъ, но для доказательства, что его политику одобряетъ Германія, пригласилъ канцлера Каприви пріѣхать въ Миланъ для важныхъ-то переговоровъ. Каприви, сдѣлавшій уже визитъ въ Петербургъ и Вѣну, чтобы познакомиться съ русскимъ и австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, не могъ отказаться и отъ свиданія съ Криспи, который свезъ его въ Монцу, представить королю Гумберту. Этимъ и кончился визитъ германскаго канцлера, встрѣченный очень равнодушно итальянской печатью, а миланскими газетами—даже неучтиво. Но всего страннѣе, что этимъ свиданіемъ остались недовольны и консерваторы, и ихъ органъ, газета «Perseveranza», совершенно неожиданно высказался противъ тройственнаго союза, заявивъ, что союзъ этотъ—источникъ всѣхъ бѣдствій, претерпѣваемыхъ Европою и Италіею, и, при всемъ томъ, вовсе не служитъ дѣйствительнымъ залогомъ мира, а, напротивъ, постоянно угрожаетъ войною. Миръ держится только благодаря волѣ одного человѣка—русскаго царя, хотя и Россія, вслѣдствіе общихъ вооруженій, вынуждена также готовиться къ войнѣ. Если даже консерваторы выражаютъ такія мнѣнія о политикѣ Криспи—немного защитниковъ найдется у него въ новомъ парламентѣ.

Въ Брюсселѣ была опять народная манифестація, возбудившая опасенія въ правительствѣ. Войскамъ приказано было не отлучаться изъ казармъ. Огромныя толпы рабочихъ залили улицы бельгійской столицы: депутація ихъ подала въ ратушу протестъ, требуя введенія въ бельгій-

скую конституцію всеобщей подачи голосовъ. Подобныя демонстраціи не рѣдкость въ Бельгіи, но на этотъ разъ народныя массы особенно энергично высказывали свое недовольство внутреннею и внѣшнею политикою клерикальнаго министерства и поѣздкою короля въ Берлинъ на поклонъ Вильгельму II. Бельгійцы убѣждены, что Леопольдъ II заключилъ тайное соглашеніе съ Германіей, враждебное Франціи. Недавно брюссельское правительство не позволило устроить сочувственную Франціи манифестацію въ годовщину сраженія при Жемаппѣ, а въ то же время разрѣшило анти-французскую демонстрацію на полѣ сраженія при Ватерлоо. На запрещеніе жемаппской демонстраціи бельгійцы, живущіе въ Парижѣ, отвѣтили энергическимъ протестомъ, къ которому присоединились и многіе бельгійскіе города. Нельзя сказать, чтобы бельгійцы чувствовали особенную симпатію къ Франціи, но зато они не скрываютъ своей антипатіи къ нѣмцамъ, и потому германофильская политика Леопольда II осуждается и фламандцами Фландріи, и валлонцами Брабанта.

25 ноября умеръ голландскій король Вильгельмъ III, сынъ нашей великой княгини Анны Павловны, уже болѣе года страдавшій неизлѣчимою болѣзнью, а мѣсяца два назадъ потерявшій уже всякое самосознаніе. Супруга его Эмма была только что назначена регентшею королевства и теперь будетъ управлять имъ до совершеннолѣтія десятилѣтней Вильгельмины, дочери покойнаго короля. Въ голландцахъ слишкомъ развитъ національный и самобытный духъ, чтобы они могли опасаться, что королева Эмма, какъ нѣмка, будетъ править страною въ интересахъ Германіи, но вліяніе ихъ на дѣла Люксембургскаго герцогства совершенно утрачивается со вступленіемъ въ управленіе герцогствомъ Адольфа Нассаускаго, уже чистаго нѣмца, хотя и лишеннаго своихъ владѣній Пруссіею въ 1866 году. Вильгельмъ III умеръ 74 лѣтъ, изъ которыхъ царствовалъ слишкомъ 41 годъ. Адольфу Нассаускому также уже 74 года, но у него есть наслѣдникъ 38 лѣтъ и братъ 58-ми, женатый на дочери Пушкина, Наталіи Александровнѣ, разведенной женѣ Дубельта. О соединеніи коронъ Голландіи и Люксембурга въ нассаусскомъ домѣ сильно хлопотали дипломаты, но бракъ королевы Вильгельмины съ наслѣдникомъ люксембургскаго герцога еще дѣло будущаго — и дѣло весьма сомнительное.

Императоръ Вильгельмъ отпраздновалъ съ особенной торжественностью вступленіе фельдмаршала Мольтке въ его 91-ю годовщину. Прожить болѣе трехъ четвертей столѣтія въ мундирѣ и въ походахъ удается, конечно, немногимъ. Но Мольтке недаромъ прозвали молчаливымъ. Онъ не тратилъ дара слова на рѣчи, на убѣжденія, на литературныя произведенія, и даже въ послѣднее время, до своей отставки, спокойно сидѣлъ въ Берлинѣ, сочиняя, можетъ быть, новые стратегическіе планы для будущей борьбы съ Франціею. Не таковъ его 82-лѣтній сверст-

никъ по годамъ, вождь либеральной партіи въ Англіи, бывшій премьеръ Гладстонъ. Онъ и въ журналахъ печатаетъ статьи о Гомерѣ и библіи, и разъѣзжаетъ по Англіи, произнося вездѣ рѣчи въ защиту своей партіи, на частныхъ избирательныхъ митингахъ въ члены парламента. Недавно въ Мильдкольдерѣ онъ высказалъ цѣлую политическую программу по вопросу объ автономіи Ирландіи. Въ 1886 году Гладстонъ потерялъ власть потому, что отъ него отдѣлились такъ называемые либеральные уніонисты съ Гартингтономъ и Чемберленомъ во главѣ, не желавшіе, чтобы Ирландіи данъ былъ отдѣльный парламентъ, то есть полная политическая самостоятельность. Такого же мнѣнія держалось и большинство въ странѣ — и кабинетъ Гладстона долженъ былъ передать управленіе консерваторамъ и Салисбюри. Теперь, въ рѣчи къ мильдкольдерскимъ избирателямъ, Гладстонъ прямо объявилъ, что онъ и не думаетъ нарушать государственнаго единства, а желаетъ особаго представительнаго собранія для Ирландіи только для того, чтобы эта часть Великобританіи могла на мѣстѣ управлять своими собственными хозяйственными дѣлами, но въ общемъ парламентѣ королевства ирландскіе депутаты должны засѣдать по прежнему, какъ представители своей страны, для обсужденія дѣлъ, касающихся общей политики государства. До сихъ поръ Гладстонъ не высказывался такъ категорически по этому вопросу, вѣроятно, отъ того, что въ теченіе четырехъ послѣднихъ лѣтъ ирландская партія пришла къ убѣжденію въ необходимости требовать автономіи только въ той формѣ, какую предлагаетъ теперь вождь либераловъ. На полную парламентскую автономію Ирландіи большинство англичанъ никогда не согласится. такъ какъ она нарушила бы единство Великобританіи. Сдѣлавъ эту уступку общественному мнѣнію, гладстоніанцы и парнелиты несомнѣнно пріобрѣтутъ большинство въ будущемъ парламентѣ и возьмутъ власть въ свои руки. И теперь уже, на частныхъ выборахъ для замѣщенія выбывающихъ членовъ, они одерживаютъ вездѣ побѣду надъ консерваторами.

Муниципальные выборы поставили почти вездѣ во главѣ городскихъ управленій — либераловъ. Парнелю повредилъ только тенденціозный процессъ, поднятый противъ него съ цѣлью дискредитировать его въ палатѣ и заставить удалиться съ политическаго поприща. Капитанъ О'Ши, одинъ изъ ревностныхъ парнелитовъ, попавшій, по ихъ милости, въ парламентъ, помощникъ и другъ Парнеля, вдругъ обвинилъ его въ связи съ женою его, капитана. Присяжные, участвовавшіе въ бракоразводномъ процессѣ капитана противъ своей жены, нашли, что она виновна въ прелюбодѣйной связи съ Парнелемъ. Повторилась исторія, происходившая недавно съ однимъ изъ выдающихся членовъ либеральной партіи, Чарльсомъ Дилькомъ, заставившая его покинуть политическое поприще, такъ какъ по парламентскимъ обычаямъ общественный дѣятель, опоро-

ченный судомъ, не можетъ быть членомъ палаты. Но ирландскіе націоналисты не хотятъ потерять такого вождя, какъ Парнель, и говорятъ прямо, что имъ дѣла нѣтъ до его частной жизни, что въ парламентѣ онъ предводитель ихъ партіи, а не частное лицо. Къ тому же, капитанъ О'Ши—личность весьма подозрительной нравственности, и легко можетъ быть, что онъ подкупленъ маркизомъ Салисбюри, еще недавно пробовавшимъ погубить Парнеля въ общественномъ мнѣніи помѣщеніемъ въ газетѣ «Times» подложныхъ писемъ его, возбуждавшихъ къ аграрнымъ убійствамъ. Поэтому ирландцы желаютъ, чтобы человѣкъ, оказавшій гораздо болѣе услугъ ихъ дѣлу, чѣмъ О'Коннель въ сороковыхъ годахъ, остался главою ихъ партіи въ парламентѣ и не уступалъ требованіямъ лицемѣрной англійской морали. Гладстонъ потребовалъ, однако, удаленія Парнеля изъ парламента.

Англія едва не подверглась сильному финансовому кризису: въ биржевомъ мірѣ чуть не послѣдовалъ крахъ, который отозвался бы множествомъ мелкихъ банкротствъ и разореній. Одинъ изъ старѣйшихъ банкирскихъ домовъ, братьевъ Беринговъ, пріостановилъ свои платежи и передалъ ликвидацію своихъ дѣлъ англійскому банку. Чтобы отвратить кризисъ и панику, на помощь дому, бывшему долгое время банкиромъ Россіи, пришелъ французскій банкъ, ссудившій Беринговъ 75 мильоновъ франковъ золотомъ, и Россія, прославшая $1^1/_2$ мильона фунтовъ стерлинговъ. Лондонская биржа спасается отъ краха при помощи русскихъ денегъ—фактъ небывалый въ исторіи нашихъ финансовъ, доказывающій наше великодушіе, если припомнить, какія продѣлки употребляла эта биржа въ 1876—77 году съ цѣлью подорвать государственный кредитъ Россіи. Домъ Беринга погибъ, зарвавшись со спекуляціями по займамъ Аргентинской республики, гдѣ нынѣшней осенью произошла революція также изъ-за финансоваго кризиса. Нѣсколько лѣтъ сряду, богатую республику разоряли, съ помощью самаго наглаго мошенничества, подкупа и обмана, президентъ республики Сельманъ и его правительство. Четыре года назадъ, онъ достигъ власти съ помощью войска, отгонявшаго штыками отъ избирательныхъ урнъ всѣхъ, кто вотировалъ не за Сельмана. Захвативъ власть, Сельманъ началъ грабить страну открыто. Государственныя желѣзныя дороги, казенныя земли продавались иностраннымъ компаніямъ и никто не зналъ, куда уходятъ полученныя съ нихъ суммы. Страна наводнилась бумажными деньгами, не имѣвшими никакой стоимости. Друзья президента закладывали въ банки фиктивныя имущества и получали за нихъ огромныя суммы. Правительство гарантировало всѣ подобныя сдѣлки и всѣ банковыя операціи. Грабежъ былъ систематическій и беззастѣнчивый. Братъ президента, губернаторъ Кордобы выпустилъ 15 мильоновъ фальшивыхъ билетовъ. Началась паника. Правительство пустило въ обращеніе мильоны ассигнацій, онѣ упали со ста процентовъ на 30.

Шестьсотъ друзей президента разобрали по рукамъ 160 мильоновъ песо (франковъ) изъ государственнаго банка. Желая заставить замолчать тѣхъ, кто кричалъ слишкомъ громко, Сельманъ задумалъ войну съ Чили или Бразиліей. Но иностранные банкиры перестали давать ему деньги, да онъ и не успѣлъ начать войну. Въ Буэносъ-Айресѣ составили заговоръ. Сельманъ арестовалъ генерала Кампоса, но заговорщики освободили его и поднялись противъ правительства. Три дня на улицахъ столицы продолжалась рѣзня, убитыхъ было больше тысячи. Флотъ, стоявшій въ гавани, принялъ сторону инсургентовъ и бомбардировалъ дворецъ Сельмана. Наконецъ, инсургенты одержали верхъ и заставили выйти въ отставку президента и все правительство. Они удалились, конечно, неохотно и продолжаютъ волновать страну. Англійскіе банкиры, и въ числѣ ихъ Берингъ, потеряли при этомъ нѣсколько мильоновъ, слишкомъ довѣрившись Сельману и, кромѣ того, Уругвайской республикѣ, финансы которой также не въ блестящемъ положеніи, какъ и во всѣхъ республикахъ южной и центральной Америки. Только Бразильская республика понемногу устраиваетъ свои дѣла, хотя и съ большими затрудненіями. Но любопытно, что и за американскіе безпорядки, и за аргентинскую революцію расплачивается нашъ русскій кредитный рубль. За сто рублей даютъ уже не 265 марокъ, какъ было недавно, а 235, франкъ съ 30 коп. поднялся выше 33-хъ, марка стоитъ $41^1/_2$ коп.

Въ Сѣверной Америкѣ неудовольствіе, возбужденное въ публикѣ запретительными таможенными пошлинами, наложенными на всѣ европейскіе товары, смѣнилось негодованіемъ, съ какимъ янки встрѣтили отчетъ начальника пожарной команды города Бостона (по 1-е мая 1890 года). Въ этомъ отчетѣ до восьми процентовъ пожаровъ показаны происходящими отъ поджоговъ, а 54 процента такихъ поджоговъ произведены русскими или польскими жидами. 76 процентовъ изъ всѣхъ лицъ, прибѣгавшихъ къ поджогамъ, чтобы обмануть страховыя компаніи, принадлежатъ къ еврейской національности. Считая въ городѣ 15,000 жидовъ, приходится по одному пожару на 223 жида. Поэтому начальникъ пожарной команды совѣтуетъ страховымъ компаніямъ брать дороже за страховку еврейскихъ имуществъ и назначить особаго инспектора надъ евреями. Но оказывается, что въ послѣдніе два года страховыя компаніи и вовсе не страхуютъ имуществъ такихъ евреевъ, хотя они и американизируютъ свои имена. Возмущенные такимъ жидовскимъ гешефтомъ, американцы требуютъ теперь отъ эмигрантовъ—евреевъ свидѣтельствъ американскихъ консуловъ о благонадежности и запрещаютъ въѣздъ въ Соединенные Штаты тѣмъ, кто не предъявилъ такого свидѣтельства. Мы говорили уже что, послѣ статей газеты «Times», сочиненныхъ жидами, о страшныхъ гоненіяхъ, какимъ они подвергаются въ Россіи, въ англійской печати и въ парламентѣ начали требовать огражденія Великобританіи отъ наплыва

евреевъ,—конечно, не за ихъ добродѣтели. Теперь и Америка прибѣгаетъ къ той же мѣрѣ. Въ этотъ лѣтній сезонъ, во многихъ отеляхъ на морскомъ берегу Америки и въ горахъ вовсе не пускали евреевъ, даже богатыхъ и образованныхъ, потому что у нихъ—отталкивающія привычки и манеры. Въ объявленіяхъ многихъ отелей все чаще являются теперь фразы: «евреевъ не принимаютъ». Безпристрастные органы печати должны были сознаться, что антипатія къ евреямъ существовала гораздо раньше христіанства и къ нимъ относились враждебно и сосѣдніе народы, и древній Римъ. Эту антипатію возбуждали, конечно, спеціфическія качества евреевъ. Они, однако, плотно водворились въ американскихъ штатахъ, и въ Нью-Іоркѣ составилось даже общество: «русско-американская еврейская ассоціація», имѣющая цѣлью поднять нравственный и умственный уровень своихъ соотечественниковъ. Чтобы доказать свое безпристрастіе, асоціація взяла темою своей первой публичной лекціи: «Паршивыя овцы между русскими евреями» и доказывала, что такія овцы у насъ—исключеніе, тогда какъ исключеніе составляетъ, напротивъ, честный и порядочный еврей. Въ послѣднее время, изъ польскихъ и западныхъ провинцій Россіи стало пріѣзжать въ Америку гораздо меньшее число евреевъ, о чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ теперь они подбиваютъ эмигрировать польское населеніе, употребляя для этого всевозможные обманы и мошенничества, обѣщая неразвитымъ крестьянамъ всевозможныя блага за моремъ, эксплуатируя ихъ религіозныя и семейныя стороны, увѣряя, что папа благословляетъ эмиграцію, а «бразильская королева» раздаетъ желающимъ громадные участки плодородной и обработанной земли. Эта эмиграція съ нашей западной границы приняла въ послѣднее время такіе размѣры, что принуждены были силою останавливать несчастныхъ, бросающихъ свою родину и обезпеченное положеніе и дѣлающихся жертвами самой наглой и безчестной спекуляціи, затѣянной и руководимой все тѣми же евреями,—этой паразитной, гангренозной язвой на тѣлѣ Россіи.

НОВЫЯ КНИГИ.

Оскаръ Пешель. **Народовѣдѣніе.** Переводъ подъ редакціею профессора *Петри*, съ 6-го изданія, дополненнаго Кирхгофомъ. Четыре выпуска. Спб. 1890. Изданіе *А. С. Суворина.*

Издательская фирма А. С. Суворина продолжаетъ неутомимо свою въ высшей степени полезную дѣятельность, выпуская въ свѣтъ серьезныя сочиненія, оригинальныя и переводныя, на изданіе которыхъ не рѣ-

шаются другія наши книгопродавческія фирмы. Недавно вышелъ четвертый и послѣдній выпускъ одного изъ такихъ сочиненій, пользующагося большою извѣстностью въ Германіи. Русскому образованному человѣку будетъ пріятно прочесть на своемъ родномъ языкѣ книгу нѣмецкаго ученаго, но—скажемъ прямо и прежде всего—она едва ли заинтересуетъ того, кто не получилъ высшаго образованія. Профессоръ Петри написалъ къ ней предисловіе, но оно помѣщено въ концѣ книги, а въ первомъ выпускѣ не объяснено ни слова ни о цѣли книги, ни о томъ, что̀ за личность ея авторъ. А они заслуживали того, чтобы съ ними познакомить русскую публику, такъ какъ ни въ одномъ изъ русскихъ словарей нѣтъ ни слова о трудахъ Пешеля, да и въ нѣмецкихъ-то «SchriftstellerLexicon» ему отведено строкъ 30. А, между тѣмъ, это была натура въ высшей степени даровитая, отзывавшаяся на всѣ злобы дня. Сынъ дрезденскаго учителя, Оскаръ Пешель началъ свою карьеру въ торговомъ домѣ, но узкій кругъ комерческихъ занятій не могъ удовлетворить его и, сдавъ выпускной гимназическій экзаменъ, онъ поступилъ въ гейдельбергскій университетъ, гдѣ изучилъ юридическія науки, а въ Лейпцигѣ держалъ экзаменъ «pro grahi juridica». Но и область правовѣдѣнія казалась слишкомъ ограниченною сметливому уму молодаго студента и онъ черезъ два мѣсяца представилъ въ іенскій университетъ философско-эстетическую диссертацію: «О понятіи трагическаго въ современной драмѣ. Критика аристотелевской поэтики». Университетъ далъ ему дипломъ доктора философіи, но въ то же время Пешель началъ писать чисто литературные разсказы, имѣвшіе такой успѣхъ, что авторъ думалъ посвятить себя этому поприщу. Но это было въ 1848 году—и 22-лѣтній докторъ, увлекавшійся еще на студенческой скамьѣ теоріями Роберта Блума и Арнольда Руге, сдѣлался демократическимъ публицистомъ. Изъ Берлина онъ прислалъ нѣсколько статей политическаго содержанія въ «Аугсбургскую всеобщую газету» и успѣхъ ихъ былъ такъ великъ, что эта газета, пользовавшаяся тогда большимъ вліяніемъ, пригласила его въ число постоянныхъ сотрудниковъ. Шесть лѣтъ пробылъ онъ въ редакціи этой газеты и въ 1854 году сдѣлался редакторомъ еженедѣльнаго популярнаго естественно-научнаго и географическаго журнала «Ausland», пользовавшагося большою извѣстностью. Это была опять для него новая область знаній, но ей онъ отдался уже всецѣло и остался вѣренъ до конца своей жизни. На этомъ поприщѣ онъ проработалъ 17 лѣтъ, и оставилъ редакцію въ 1871 году, совершенно истощивъ свое здоровье, которое было всегда очень слабымъ, но не мѣшало ему вносить новыя, свѣтлыя идеи въ область географіи, сдѣлавшейся его любимою наукою. Въ 1870 году онъ былъ приглашенъ ординарнымъ профессоромъ въ лейпцигскій университетъ, послѣ изданія имъ трехъ замѣчательныхъ сочиненій: «Исторія вѣка открытій» (1858), «Исторія земле-

вѣдѣнія» (1865) и «Новыя задачи сравнительнаго землевѣдѣнія, какъ опытъ морфологіи земной поверхности» (1869). Убѣжденный дарвинистъ, Пешель ввелъ въ изученіе естественныхъ наукъ въ Германіи теоріи великаго англичанина, но не доводилъ ихъ до крайнихъ предѣловъ. Въ области географіи, послѣдователь Гумбольдта и Карла Риттера, онъ еще болѣе придалъ жизни этой наукѣ, замѣнивъ мертвую номенклатуру собственныхъ именъ философскою исторіей земли. Но Пешель все таки нѣмецъ, а у нѣмцевъ есть страсть—если не создавать новыя науки, то придавать старымъ такіе размѣры, какихъ онѣ не могутъ имѣть по своей цѣли. Такъ, Пешель, увлекаясь физическою географіею, называлъ землевѣдѣніе—описаніемъ природы, потомъ онъ представлялъ себѣ «страны, какъ театръ дѣйствія историческихъ событій». Его «Народовѣдѣніе», по словамъ самого автора—только подготовительная работа къ пропедевтикѣ политической географіи и, въ настоящемъ видѣ, является смѣшеніемъ антропологіи съ этнографіею. Тотъ же г. Петри, который редактировалъ «Народовѣдѣніе» на русскомъ языкѣ, издалъ въ нынѣшнемъ же году первый томъ своей «Антропологіи», трактующій о вопросахъ, которымъ посвящена вся первая половина «Народовѣдѣнія» а, въ слѣдующемъ томѣ своего труда г. Петри обѣщаетъ дать очеркъ отдѣльныхъ народовъ земнаго шара, чѣмъ наполнена вторая половина книги Пешеля. Тогда для чего же было и переводить ее? Не лучше ли было представить подробный разборъ ея и оцѣнку, какъ прежнихъ произведеній Пешеля, такъ и появившихся послѣ его ранней смерти въ 1875 году: «Изслѣдованіе по землевѣдѣнію и народовѣдѣнію» (три тома, 1879), «Физическое землевѣдѣніе» (2 тома, 1886) и «Наука о европейскихъ государствахъ» (1880)? Конечно, это былъ бы отдѣльный, самостоятельный трудъ, но гораздо болѣе полезный для русскихъ читателей, чѣмъ простой переводъ, къ которому г. Петри не сдѣлалъ никакихъ примѣчаній. Зато оставилъ всѣ безчисленныя примѣчанія подлинника, указывающія на такую-то страницу такой-то книги, откуда взятъ приведенный авторомъ фактъ, или упоминающія, что такія-то главы сочиненія являлись въ такихъ-то нѣмецкихъ журналахъ. На что все это знать русскому человѣку? Ему было бы полезнѣе познакомиться хоть съ краткими монографіями и оцѣнками трудовъ выдающихся европейскихъ дѣятелей. На всѣхъ языкахъ есть «словари современниковъ» и у насъ г. Суворинъ затѣвалъ когда-то подобное изданіе, за которое ему наша публика была бы болѣе благодарна, чѣмъ за переводъ ученыхъ сочиненій безъ комментаріевъ и разбора. Для оцѣнки Пешеля, такая монографія не составила бы большаго труда, такъ какъ Гельвальдъ издалъ еще въ 1876 году его обширную біографію, подъ названіемъ: «Оскаръ Пешель, его жизнь и труды». Теперь русскій читатель, на первой же страницѣ перваго выпуска «Народовѣдѣнія», встрѣчаетъ нерѣшенный вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли

отдѣлить родъ человѣческій отъ обезьянъ на цѣлый порядокъ или же только на подпорядокъ; далѣе находитъ ошибочное наблюденіе Оуэна, что у одного только человѣка малый мозгъ прикрывается большимъ, а также свѣдѣніе о томъ что натуралистъ Граціале высказался противъ ученія о послѣдовательной измѣняемости видовъ и что плюсневыя пальцы у гориллы длиннѣе и тоньше человѣческихъ, а большой палецъ болѣе подвижно сочлененъ своей плюсневой кѣстью съ пяткою. Узнавъ объ этихъ второстепенныхъ ничѣмъ необъясненныхъ фактахъ, вѣдь и образованный человѣкъ въ состояніи отложить книгу Пешеля, какъ сочиненіе слишкомъ спеціальное. А, между тѣмъ, въ этой главѣ авторъ правильно опредѣляетъ мѣсто человѣка въ мірозданіи, утверждаетъ далѣе психическое единство человѣческаго рода, его древность и прародину въ Азіи. Слѣдующій отдѣлъ: «Тѣлесные признаки человѣческихъ расъ» принадлежитъ прямо антропологіи, «лингвистическіе признаки» къ лингвистикѣ; «ступени развитія техники, гражданственности и религіи»—къ соціологіи. Вторая половина книги—«Человѣческія расы», превосходно класифицированная, относится къ этнографіи. Во всѣхъ этихъ отдѣлахъ разсѣяно множество интересныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о громадной начитанности автора, но цѣлостнаго впечатлѣнія книга все таки не оставляетъ. Языкъ перевода вполнѣ литературный.

Мое хозяйство въ Черноморскомъ округѣ, въ связи съ другими вопросами. *А. С. Карцова*. Вильна, 1890.

Въ нашей великой и обильной землѣ, по временамъ, вдругъ возникаетъ потребность настоятельнаго развитія въ какой нибудь мѣстности природныхъ богатствъ, раціональной культуры или какихъ нибудь особенныхъ видовъ сельскаго и государственнаго хозяйства. Вопросъ о разработкѣ неисчерпаемыхъ сокровищъ края или «сада Россіи» поднимается обыкновенно въ газетахъ, когда онѣ устаютъ говорить о Бисмаркѣ и тройственномъ союзѣ. Мѣстные свѣдущіе люди являются со своими проэктами, ученыя общества назначаютъ комисіи и засѣданія для обсужденія вопросовъ, составляются обширные доклады, читаются рѣчи и меморіи; иногда возникаетъ полемика, большею частью принимающая личный, а не научный характеръ. Иванъ Ивановичъ такого-то мнѣнія, стало быть, Петру Ивановичу слѣдуетъ держаться мнѣнія противоположнаго. Комисіи не выскажутъ обыкновенно никакого положительнаго сужденія ученые и просто свѣдущіе люди «поспорятъ, пошумятъ и разойдутся»—и вопросъ сдается въ архивъ для замѣны его другимъ, столь же важнымъ и настоятельнымъ. Къ такимъ вопросамъ, какъ обводненіе мургабскаго имѣнія въ нынѣшнемъ году, облѣсеніе Крыма въ прошломъ, принадлежитъ и заселеніе черноморскаго побережья въ 1888 г. Вопросъ этотъ поднялъ А. В. Верещагинъ еще въ началѣ 80-хъ годовъ, потомъ полковникъ Дукмасовъ проводилъ мысль о заселеніи края казаками и

его сильно поддерживала московская печать. Въ Петербургѣ составились соединенныя комисіи обществъ—,вольнаго экономическаго, содѣйствія промышленности и торговли, и торговаго мореходства. Говорили и печатали по этому дѣлу очень много, но мнѣнія мѣстныхъ жителей по обыкновенію не спрашивали, да они и не могли бы высказаться, такъ какъ рѣшеніе экономическаго общества, гдѣ работала особая комисія, состоялось 4 февраля 1888 г., а подробный отчетъ о преніяхъ напечатанъ лишь въ январско-февральской книгѣ «Трудовъ Общества» 1889 г., которая пришла въ черноморскій округъ только въ апрѣлѣ, то есть на 14-ый мѣсяцъ послѣ засѣданія 4 февраля. Слѣдовало, прежде всего, выяснить количество свободныхъ удобныхъ земель въ краѣ, находящихся въ частныхъ рукахъ, и на какихъ условіяхъ владѣльцы согласны на отчужденіе ихъ (свѣдѣнія о такихъ казенныхъ земляхъ, хотя и не подробныя, были собраны въ министерствѣ государственныхъ имуществъ). Но для этого не было произведено никакой даже подготовительной работы, а три мирныя общества экономіи, промышленности и торговаго мореходства храбро рѣшили заселить Черноморье казаками, подчиненными военному министерству, которому одному извѣстны обязанности и внутренній бытъ казаковъ. Одно земледѣльческое отдѣленіе экономическаго общества стояло за населеніе побережья русскими мелкими поселенцами, не исключая казаковъ, только не на казачьемъ основаніи, а на основѣ мирнаго сельскохозяйственнаго труда. Исторію эту, со многими чрезвычайно любопытными подробностями своего поселенія на хуторѣ близь Майкопа, разсказываетъ г. Карцовъ въ своей интересной книгѣ, написанной наскоро, не систематически, наполненной излишними, не идущими къ дѣлу отступленіями, но живо рисующей положеніе хозяйства въ краѣ, гдѣ остаются хоть какія нибудь свободныя земли нашимъ потомкамъ, которымъ, по словамъ автора, мы завѣщаемъ долгосрочные займы. Г. Карцовъ говоритъ и объ иностранномъ хозяйствѣ по поводу своей поѣздки на парижскую прошлогоднюю выставку, куда онъ отправился, избавившись наконецъ отъ своего хутора. Онъ надѣется и на мѣропріятія князя Дондукова-Корсакова относительно способовъ заселенія края. Но теперь нѣтъ уже и князя во главѣ управленія Кавказомъ, и какія будутъ мѣропріятія новаго начальства—мы не знаемъ. Но и начальству, и подчиненнымъ, да и всей читающей публикѣ далеко не мѣшаетъ познакомиться съ книгою г. Карцова: она наведетъ ихъ если не на утѣшительныя, то во всякомъ случаѣ на полезныя мысли.

Американская республика, *Джемса Брайса*, часть II, перевелъ В. Н. Невѣдомскій. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва, 1890.

Третьимъ томомъ оканчивается капитальный трудъ англійскаго историка. Первые томы его, о которыхъ мы говорили въ прошломъ году, во время появленія ихъ въ русскомъ переводѣ, представили самую полную,

подробную и отчетливую картину заатлантической республики, которая невольно запечатлѣвается въ памяти всякаго любознательнаго читателя. Нынѣ вышедшій томъ составляетъ дополненіе къ историческому изложенію развитія Соединенныхъ Штатовъ, рисуетъ внутренній бытъ ихъ, особенности нравовъ сѣверо-американцевъ, строй ихъ общественной жизни. Въ сорока главахъ, обнимающихъ собою до 560 страницъ, читатель можетъ близко ознакомиться съ своеобычнымъ характеромъ народа, котораго ждетъ несомнѣнно—блестящая историческая будущность. Въ первыхъ одиннадцати главахъ, авторъ излагаетъ характеръ общественнаго мнѣнія въ странѣ, его роль въ системѣ управленія, значеніе въ общественномъ быту; говоритъ объ органахъ общественнаго мнѣнія, вліяніи на него народныхъ нравовъ различныхъ классовъ населенія, представляетъ мѣстные типы восточныхъ, западныхъ и южныхъ штатовъ, говоритъ о дѣятельности общественнаго мнѣнія, фанатизмѣ народной массы, тираніи большинства, безсиліи мнѣнія въ нѣкоторыхъ случаяхъ и его успѣхахъ. Понятно, что авторъ изслѣдуетъ особенно подробно главный функціонирующій органъ управленія въ странѣ, гдѣ правители—ничто иное, какъ уполномоченные граждане, и гдѣ воля большинства гражданъ можетъ выражаться во всякое время, безъ посредства народныхъ представителей, и даже безъ подачи голосовъ. Но, называя сѣверо-американцевъ самою образованною націею въ мірѣ и приравнивая ихъ къ швейцарцамъ и нѣкоторой части нѣмцевъ, нельзя ставить въ уровень съ ними шотландцевъ только потому, что Брайсъ—самъ шотландецъ. О русскихъ онъ высказываетъ также не очень лестное мнѣніе, говоря, что одна часть населенія южныхъ штатовъ «способна и образована, а другая также невѣжественна и неопытна въ политикѣ, какъ русскіе». Видя, что теперь дѣлается въ Америкѣ и особенно вспоминая Гранта и его министровъ, нельзя также согласиться съ авторомъ, что «бдительное общественное мнѣніе предохраняетъ отъ изданія нелѣпыхъ законовъ и отъ взяточничества должностныхъ лицъ». Значеніе общественнаго мнѣнія Брайсъ подтверждаетъ примѣрами изъ недавняго прошлаго американцевъ и, въ то же время, высказываетъ свое мнѣніе о различныхъ политическихъ вопросахъ. Онъ не питаетъ, впрочемъ, особаго пристрастія къ американской демократіи и, говоря о ея силѣ, не скрываетъ и ея недостатковъ. Онъ предостерегаетъ также отъ увлеченія американскими принципами и доказываетъ, какъ вредно слѣдовать имъ, не соображаясь съ соціальными и экономическими различіями стараго и новаго свѣта. Вторая половина книги Брайса, относящаяся къ строю общественной жизни, говоритъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ: о судѣ и сословіи юристовъ, о желѣзныхъ дорогахъ, университетахъ, церкви, духовенствѣ, вліяніи религіи, положеніи женщинъ, объ интеллигентномъ классѣ, объ отношеніяхъ къ Европѣ, о нравахъ и особенностяхъ американской жизни, о бу-

дущности политическихъ учрежденій и, вообще, о будущности соціальной и экономической. Говоря о полномъ соціальномъ равенствѣ американцевъ, авторъ не скрываетъ и ихъ «презрѣнія къ европейскимъ рабамъ, унижающимъ себя до названія подданныхъ». Восхваляя положеніе сельскаго населенія въ Соединенныхъ Штатахъ и сравнивая его съ бѣдственнымъ положеніемъ крестьянъ въ Англіи, Франціи, Италіи и другихъ европейскихъ странахъ, авторъ не хочетъ и говорить о Россіи съ ея восьмидесятью милліонами «невѣжественныхъ и бѣдныхъ крестьянъ». — Переводъ книги, вообще очень хорошъ и правиленъ, только въ немногихъ мѣстахъ замѣтно излишнее многословіе. Такія выраженія, какъ «четырехъ угольные квадраты» (какіе же могутъ быть еще квадраты?) составляютъ lapsus calami. Но въ главѣ «о судѣ» слово прокуроръ принимается совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какое ему дается въ Россіи—и это слѣдовало бы оговорить переводчику, чтобы не путать читателей, не имѣющихъ юридическихъ знаній. — Къ книгѣ приложенъ прекрасно составленный указатель.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Толки о „еврейскомъ вопросѣ“ въ нашей печати.—Юдофилы и юдофобы.—Правильно ли поставленъ у насъ еврейскій вопросъ?—„Равенство и братство“ съ людьми, отрицающими въ корнѣ эти принципы.—Справедливо ли мнѣніе объ умиротворяющемъ значеніи еврейской равноправности?—Вопли, идущіе изъ странъ, въ которыхъ евреямъ открыты всѣ пути дѣятельности.—Непріятное изумленіе Франциска Сарсэ.—Публичная лекція Анріё.—Антиеврейское движеніе въ Лондонѣ.—Завоеваніе евреями Померанін, Галиціи, Венгріи и Румыніи.—Своевременно ли поднимать въ Россіи шлагбаумъ передъ еврейскимъ натискомъ?

Въ послѣднее время, такъ называемому «еврейскому вопросу» очень посчастливилось въ русской печати. Объявились у насъ двѣ воинствующія партіи: *юдофиловъ* и *юдофобовъ* и, во всеоружіи полемической брани, осыпаютъ другъ друга самыми непрезентабельными кличками, попреками и намеками, очевидно памятуя завѣтъ народной мудрости: «лѣзть въ драку—не жалѣть волосъ». Юдофилы, бія себя въ перси и восклицая: «гевалтъ!» съ азартомъ лѣзутъ на штурмъ той цитадели, что́ зовется у насъ «чертою еврейской осѣдлости», и готовы разнести ее до послѣдняго камешка. Враги еврейства, по мнѣнію этого кагала, проповѣдуютъ средневѣковую *религіозную* нетерпимость, *національную* вражду, варварскія преслѣдованія, и если не предлагаютъ возобновленія костровъ, то только потому, что въ наши благословенные дни мѣра эта практи-

куется лишь въ отношеніи усопшихъ, а не живыхъ людей. Но тутъ происходитъ большое недоразумѣніе, или съ умысломъ пускается въ ходъ полемическій вольтъ-фасъ, совсѣмъ неумѣстный въ серьезномъ спорѣ. Юдофилы должны отлично знать, что въ числѣ самыхъ убѣжденныхъ и опасныхъ враговъ еврейства находятся нынѣ такіе публицисты и государственные люди, къ которымъ всего менѣе приложимы упреки въ конфессіональной исключительности и національныхъ предразсудкахъ. Они ведутъ войну съ возрастающей еврейской эксплуатаціей совсѣмъ не на средневѣковой почвѣ, а во имя здраво-понятыхъ соціально-экономическихъ началъ, во имя искренней любви къ массѣ народа, снова обращаемой въ крѣпостное состояніе компактной толпою опасныхъ паразитовъ,—этою «націей» безъ территоріи и даже безъ любви къ мѣсту жительства; этимъ особаго рода цыганствомъ, возросшимъ на экономической почвѣ; этой своеобычной «религіозной сектой», прикрывающей божественнымъ авторитетомъ свои чисто мірскіе, корыстные инстинкты. Люди этого толка предоставляютъ евреямъ, — вѣрующимъ, строго говоря, только въ раввинскую непогрѣшимость,—исповѣдовать какую имъ угодно религію, приносить какія имъ нравятся жертвы (разумѣется, кромѣ человѣческихъ) Молоху, Ягве или Буддѣ; совершать какіе требуются конфессіональные обряды, не нарушающіе законовъ общежитія и публичной нравственности; они не питаютъ никакой антипатіи и къ странной «національности» евреевъ, такъ какъ не вооружаются, напр., противъ караимовъ, принадлежащихъ къ той же семитической расѣ, но отрицающихъ талмудъ, это дѣйствительно варварское наслѣдіе, несовмѣстимое съ условіями современной цивилизаціи. Да и въ талмудѣ, опять таки, сторонники мѣръ предосторожности противъ большинства еврейства видятъ не религіозный катехизисъ, установляющій тѣ или другія вѣроисповѣдныя правила, а весьма практическій кодексъ житейской морали и соціальныхъ отношеній,—кодексъ, обставленный карами чисто свѣтскаго, уголовнаго характера. Первое и послѣднее слово этого кодекса—ничѣмъ неутолимая, адски-мстительная злоба къ *гою*, т. е. къ христіанину, къ его «скотскому сѣмени»; этотъ христіанинъ отдается буквально на растерзаніе сынамъ якобы-гонимаго племени, которые могутъ, по мѣрѣ своей изобрѣтательности, и надувать его, и грабить, и безчестить, и даже убивать подъ шумокъ, не боясь изобличенія со стороны своихъ единоплеменниковъ (не трудно подтвердить все это подлинными цитатами изъ талмуда). Не ясно ли, что «гонимое племя» требуетъ для себя равенства и братства отъ христіанскихъ обществъ вовсе не для того, чтобы отвѣчать имъ взаимностью, но съ нескрываемою цѣлью — скорѣе и

надежнѣе обратить ихъ въ «рабовъ Израиля». Волкъ надѣваетъ «красную шапочку», чтобы вѣрнѣе прибрать къ своимъ зубамъ простодушную бабушкину любимицу...

Съ другой стороны, и болѣе правые, въ сущности, наши юдофобы нерѣдко попадаютъ въ просакъ, не умѣя опредѣлить ни почвы, ни границъ начатой тяжбы, отдѣлываясь рѣзкими словами вмѣсто фактическихъ доводовъ, привлекая къ себѣ очень сомнительныхъ союзниковъ (въ родѣ московскаго именитаго купечества) готовыхъ сейчасъ же перейти въ еврейскій станъ, и игнорируя при этомъ главнаго обыгранаго—трудящійся, производительный классъ народа, у котораго превосходно сплоченная и пронырливая шайка паразитовъ отнимаетъ помаленьку и плоды, и орудія производства. Юдофилы пользуются, конечно, каждымъ промахомъ, каждой обмолвкой противной партіи, причемъ, для вящаго торжества израильскаго дѣла, звонятъ *русскими* именами своихъ оруженосцевъ, забывая однако, что эти прихлебатели еще вчера обзывали ихъ «презрѣнными жидами» и то же самое могутъ повторить завтра: такова сила ихъ убѣжденій и послѣдовательности!

Однимъ изъ главныхъ аргументовъ юдофильской партіи, въ пользу предоставленія евреямъ полной гражданской равноправности, было всегда указаніе на то, что въ Европѣ эта равноправность *разрѣшила окончательно еврейскій вопросъ* и обострившіяся отношенія между «гоями» и «избраннымъ племенемъ» умиротворились навсегда естественнымъ образомъ. Такъ ли это, однако, на самомъ дѣлѣ? А вотъ посмотримъ.

Не очень давно, въ парижской газетѣ «XIX Siècle», извѣстный театральный критикъ и публицистъ Франциск Сарсэ передавалъ любопытныя подробности приключившагося съ нимъ литературнаго казуса. Дѣло происходило такъ. Сарсэ написалъ юдофильскую статью, вполнѣ увѣренный,—по его выраженію,—что она «найдетъ среди читателей обычный благосклонный пріемъ». Но каково же было удивленіе какъ самого критика, такъ и опростоволосившагося собственника газеты, когда на другой же день въ редакцію стали поступать цѣлые *тюки писемъ*, въ которыхъ подписчики спѣшили «выразить свое негодованіе по поводу его жидовскихъ симпатій». Въ теченіе цѣлой недѣли, рабочій столъ сконфуженнаго публициста былъ буквально заваленъ этими письмами, иногда ругательными и дерзкими, иногда же очень сдержанными, умѣренными и убѣдительными. Корреспондентами газеты, — по признанію самого юдофильствующаго автора,—оказались въ данномъ случаѣ «не какіе нибудь отщепенцы, а *весь цвѣтъ французской провинціальной интеллигенціи*, — учителя, профессора, студенты, духовныя лица,

женщины хорошаго общества». Нѣкоторые болѣе раздражительные подписчики пригрозили даже автору, что совсѣмъ не будутъ читать его «жидовскихъ статей» да и перестанутъ подписываться на газету, ихъ печатающую. Бѣдный юдофилъ былъ положительно ошеломленъ всѣмъ этимъ. «Я никогда не воображалъ—простодушно говоритъ онъ, не желая скрывать фактовъ,—что *у насъ во Франціи существуетъ теперь такая общая ненависть къ семитамъ*: что противъ нихъ до такой степени возбуждено все общественное и народное мнѣніе». «Правда—добавляетъ онъ—я замѣчалъ и ранѣе нѣкоторое несочувствіе къ евреямъ въ средѣ высшей парижской буржуазіи и, въ особенности, среди парижанокъ, но я *никогда не подозрѣвалъ подобной силы этого общаго антисемитскаго движенія* и понялъ его только теперь». Въ результатѣ, Сарсэ имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ собственникомъ газеты, который тоже успѣлъ достаточно насладиться чтеніемъ рѣзкихъ жалобъ на «противное юдофильское направленіе газеты» и теперь, по коммерческимъ соображеніямъ, считалъ нужнымъ умѣрить свой пылъ.

Не менѣе Сарсэ удивился этому «инциденту» и зашедшій въ редакцію Дрейфюсъ,—французскій писатель еврейскаго происхожденія. Онъ зашелъ собственно затѣмъ, чтобы поблагодарить своего коллегу за его «прекрасную защиту» семитическаго племени, хотя и добавилъ не безъ еврейскаго высокомѣрія, что высказанныя истины настолько-де стары и непреложны, что во Франціи онѣ уже «давно стали достояніемъ націи». Когда же злосчастный авторъ «прекрасной защиты» подѣлился съ Дрейфюсомъ коллекціей писемъ отъ своихъ читателей, то и на его собесѣдника нашелъ сначала легкій столбнякъ. Далѣе завязался между ними споръ, послѣ котораго Сарсэ остался однако при убѣжденіи, что «мощные протесты противъ евреевъ *исходятъ отъ людей убѣжденныхъ и честныхъ*, и что они *свидѣтельствуютъ о неоспоримомъ настроеніи общественнаго мнѣнія всей Франціи*, крайне озлобленнаго противъ семитизма».

«Какой, съ божіею помощью, оборотъ!» Давно ли, подъ гулъ французской революціи, подъ защитою легендарнаго флага съ надписью: «свобода, равенство и братство», евреи успѣли провезти во Францію свой контробандный талмудическій грузъ, въ которомъ не имѣется ни одного золотника свободы и братства, а идея равенства между гоемъ и израилемъ считается прямо законопреступною; давно ли предоставленіе гражданскихъ правъ евреямъ считалось даромъ небесъ и входило въ «умственное достояніе націи»,—какъ вдругъ «весь цвѣтъ французской интеллигенціи»,—учителя, профессора, студенты, женщины образованнаго обще-

ства,—словно стакнулись въ общемъ антисемитскомъ движеніи. въ «общей ненависти» къ пришельцамъ, злоупотребляющимъ правилами гостепріимства. Нужно ли говорить. что безъ серьезныхъ и глубокихъ причинъ подобное движеніе не могло бы и возникнуть въ такой цивилизованной странѣ, какъ Франція, а тѣмъ болѣе принять угрожающіе размѣры? Замѣчательно еще, что такую ненависть съумѣли возбудить къ себѣ *300,000* евреевъ, проникнувшихъ на французскую территорію.—ничтожная горсть, сравнительно съ *нѣсколькими милліонами* русскихъ семитовъ. пожирающихъ благосостояніе нашихъ окраинъ. До какого «бѣлаго каленія» могла бы дойти эта ненависть и проявилъ ли бы французскій народъ тѣ же качества добродушія и терпимости, что́ выразилъ народъ русскій, еслибы вся эта масса піявокъ была припущена къ его тѣлу?—эти вопросы не требуютъ даже и отвѣта. Можно представить себѣ, сколько горькихъ пилюль глотаютъ отъ своихъ читателей наши «самыя большія и распространенныя (между еврействомъ) газеты», не имѣющія только мужества и честности сознаться въ этомъ афронтѣ.

Въ томъ же самомъ Парижѣ, гдѣ Сарсэ сдѣлалъ доблестное признаніе о народной и общественной ненависти къ евреямъ, извѣстный политическій дѣятель Андріе (бывшій префектъ парижской полиціи, хорошо знакомый и съ закулисной стороной «семитической культуры») прочелъ предъ многочисленнымъ обществомъ лекцію объ антисемитизмѣ во Франціи. Лекторъ объявилъ прежде всего, что онъ будетъ вполнѣ безпристрастенъ, что онъ вовсе не раздѣляетъ крайнихъ мнѣній Дрюмона и его единомышленниковъ, но *все таки не можетъ отрицать фактовъ*,—а факты эти краснорѣчиво свидѣтельствуютъ. что антисемитизмъ во Франціи замѣтно усиливается, и въ этомъ, конечно, *виноваты сами евреи*. Многіе слои общества, которые прежде не питали никакихъ непріятныхъ чувствъ къ евреямъ, теперь относятся къ нимъ враждебно, потому что евреи все болѣе и болѣе стремятся играть въ государствѣ неподобающую роль. Люди религіозные считаютъ ихъ не безъ основанія одними изъ главныхъ виновниковъ гоненія на христіанскую религію; люди свободномыслящіе возмущаются и серьезно встревожены тѣмъ, что евреи, которыхъ не особенно много во Франціи, занимаютъ съ каждымъ годомъ все больше и больше мѣстъ въ администраціи (хороша, должно быть, эта еврейская администрація!) Теперь въ администраціи евреи являются чуть ли не преобладающимъ элементомъ, и за послѣднія пятнадцать лѣтъ не было министерства, въ которомъ не отводилось бы портфелей евреямъ. Это обусловливается преимущественно тѣмъ, что *правительство находится*

почти въ полной зависимости отъ банкировъ. При такихъ условіяхъ понятно, что евреи не могутъ быть особенно популярны во Франціи, тѣмъ болѣе, что, *не смотря на дарованную имъ равноправность, они продолжаютъ составлять въ государствѣ нѣчто въ родѣ тайнаго общества.*

Не лучше обстоитъ это дѣло и въ Лондонѣ. Въ Англіи, собственно говоря, «еврейскій вопросъ» явился сравнительно, очень недавно и своимъ офиціальнымъ появленіемъ обязанъ комисіи, нѣсколько лѣтъ назадъ спеціально учрежденной при министерствѣ торговли, для всесторонняго изученія причинъ торгово-промышленнаго кризиса въ Англіи и для изысканія средствъ къ его устраненію. Комисія эта, окончивъ въ 1884 г. возложенное на нее порученіе, въ докладѣ своемъ министру, указываетъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ экономическаго упадка страны, особенно среди городскаго населенія—на *тяжесть гнета быстро развивающейся еврейской эксплуатаціи населенія* и приводитъ по этому поводу цѣлый рядъ вѣскихъ и весьма убѣдительныхъ аргументовъ. Тогдашній министръ торговли, соглашаясь съ мнѣніемъ комисіи о вредѣ, причиняемомъ евреями, тѣмъ не менѣе считалъ невозможнымъ принять какія нибудь рѣшительныя мѣры къ пресѣченію зла, такъ какъ это противорѣчило бы, съ одной стороны, традиціонной свободѣ поселенія и торговли, а съ другой—безусловной для всѣхъ равноправности. Между тѣмъ, условія экономическаго быта англійскаго населенія съ того времени не только не улучшились подъ эгидою либеральнаго завѣта:. «laissez faire, laissez passer», но, прогрессивно ухудшаясь, вызвали въ Лондонѣ цѣлую серію погромовъ, подобныхъ кіевскимъ. Тутъ уже, помимо офиціальнаго вѣдомства, заговорило и все англійское общество, причемъ значительная часть прессы, свободная отъ давленія еврейскихъ капиталовъ, энергически взяла сторону обираемаго народа. Первый шагъ на этомъ пути сдѣланъ былъ извѣстною въ Англіи газетою «Daily Telegraph»,—органомъ вовсе не юдофобскаго лагеря. Послѣ грандіознаго побоища на улицахъ Вестъ-Энда, лучшаго квартала въ Лондонѣ, (10 февраля 1886 г.) газета эта заговорила весьма рѣзко объ евреяхъ и, разбирая причины, вызвавшія самоуправство разъяренной черни, прямо указала *на еврейскую эксплуатацію, какъ на главную причину обнищанія большинства лондонскаго населенія*, особенно же бѣдныхъ кварталовъ. Тутъ же, въ доказательство, газета привела длиннѣйшій списокъ, съ обозначеніемъ еврейскихъ лавокъ и домовъ на главныхъ улицахъ восточной части столицы, изъ котораго явствуетъ, что во многихъ кварталахъ этой части *торговля во всѣхъ ея видахъ и всѣ ремесла сосредо-*

точились исключительно въ еврейскихъ рукахъ. Правдивая статья эта взбудоражила евреевъ не только Лондона, но и другихъ странъ, и жидовская пресса, конечно, стала надрываться въ усиліяхъ—замять какъ нибудь эту непріятную исторію. Антисемитское движеніе въ Англіи, однако, не остановилось на этомъ. За «Daily Telegraph» послѣдовалъ другой вліятельный органъ печати—«S-t Games Gazette»—и въ одномъ изъ апрѣльскихъ нумеровъ 1886 года посвятилъ этому предмету обширную статью подъ названіемъ: «Евреи въ Лондонѣ», въ которой, безъ всякихъ околичностей, рекомендуетъ правительству—освободить лондонское населеніе изъ страшныхъ путъ еврейства, *хотя бы цѣною нарушенія принциповъ свободы и равноправности*. «Приливъ евреевъ въ Англію, и особенно въ Лондонъ—говоритъ, между прочимъ, эта газета—былъ всегда значителенъ и это давно уже давало чувствовать себя населенію... но въ послѣдніе годы, *благодаря погромамъ въ Россіи, изгнанію русско-польскихъ евреевъ изъ Германіи, американскому закону о невпускѣ на американскую территорію эмигрантовъ безъ средствъ, а также благодаря исключительнымъ для евреевъ законоположеніямъ, стѣсняющимъ ихъ эксплуататорскую дѣятельность въ Румыніи и славянскихъ земляхъ*,—наплывъ *этихъ ужасныхъ паразитовъ* въ нашъ гостепріимный Лондонъ принялъ чудовищные размѣры, и теперь нѣтъ въ немъ ни одного уголка, свободнаго отъ нихъ, а нѣкоторые вестъ-эндскіе кварталы буквально переполнены ими... *Страшно подумать, что будетъ дальше, если приливъ къ намъ этихъ совершенно нежелательныхъ гостей не остановится* или, по крайней мѣрѣ, не сократится!»

Распространенное въ Лондонѣ, вечернее «Echo» еще энергичнѣе наступаетъ на правительство, обвиняя его въ бездѣйствіи, результатомъ котораго является все возрастающая нищета огромной части лондонскаго населенія. «Евреи—восклицаетъ газета—окончательно запутали насъ своими сѣтями, сѣли намъ на шею, сдавили клещами своей адской жадности! А правительство, къ которому мы обращаемся съ протестомъ, развязно заявляетъ намъ, что такого порядка измѣнить нельзя, такъ какъ въ противномъ случаѣ пришлось бы нарушить основной государственный законъ о равноправности, что немыслимо въ свободномъ и цивилизованномъ государствѣ. *Да развѣ какое нибудь правительство въ мірѣ позволитъ себѣ поддерживать въ своей странѣ цивилизацію путемъ ежедневныхъ смертей своихъ согражданъ?!*»

Теперь становится совершенно понятнымъ тотъ фарисейскій походъ англійскаго «Times'a» въ защиту еврейскихъ правъ въ Россіи, на который съ особенной помпою указывали жидовскія «Но-

вости», какъ на высшій актъ европейскаго правосудія. Дѣло, очевидно, заключается въ томъ, что англичане сами не знаютъ, какъ избавиться отъ своихъ жидовъ,—этихъ «ужасныхъ паразитовъ», этихъ «нежелательныхъ гостей»,—а тутъ еще русскіе евреи угрожаютъ имъ спастись бѣгствомъ въ благодатный Альбіонъ отъ какихъ-то ожесточенныхъ гоненій въ Россіи. Натурально, органъ лондонскаго Сити и сталъ хлопотать о томъ, чтобы евреямъ жилось какъ можно лучше у сѣверныхъ варваровъ, чтобы они, — чего Боже упаси! — не вздумали, въ самомъ дѣлѣ, осчастливить Лондонъ своимъ прибытіемъ: объ этомъ, вѣдь, «страшно и подумать»...

О процвѣтаніи прусской Помераніи подъ сѣнью «еврейской культуры» мы имѣемъ, начиная еще съ 40-хъ годовъ, такія же точно прискорбныя свѣдѣнія, какъ и о цивилизаторской миссіи евреевъ въ Англіи и Франціи. Въ прусскомъ ландтагѣ 1847 года, Бисмаркъ говорилъ съ негодованіемъ: «Я знаю страну, гдѣ еврейское населеніе многочисленно въ деревняхъ, гдѣ есть масса крестьянъ, которые ничего не смѣютъ назвать своею собственностью, на всемъ уголкѣ занимаемой ими земли. Начиная съ постели и до кухонныхъ щипцовъ, все ихъ движимое имущество принадлежитъ жиду. Скотина въ стойлахъ есть собственность жида и онъ по фунтикамъ продаетъ крестьянину зерновой хлѣбъ, нужный для его пропитанія, для обсѣмененія полей и для корма скоту». «Самые компетентные люди—писалъ въ то же время Мейнгольдъ—единодушно признаютъ, что Померанія,—одна изъ лучшихъ, по богатству почвы, прусскихъ провинцій,—обременена нынче страшными долгами *единственно вслѣдствіе притисненій и ростовщичества жидовъ*. Они не удовлетворяются процентомъ: 10 и 12 со 100; я могъ бы перечислить множество примѣровъ, когда еврей, при самыхъ надежныхъ гарантіяхъ въ возвратѣ долга, бралъ сто на сто, чтобы только выручить человѣка изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Жидъ здѣсь—все: онъ всѣмъ торгуетъ, всѣмъ промышляетъ, начиная отъ найма прислуги и продажи земель, и кончая сватовствомъ при устройствѣ браковъ». Тогда же прусскій министръ юстиціи, докладывая свои выводы изъ тщательно собранныхъ и провѣренныхъ статистическихъ данныхъ, заявилъ, что цифра преступности между прусскими евреями *вдвое больше*, чѣмъ между христіанами, и что бо̀льшая часть этихъ преступленій совершется ими по корыстолюбію и жадности къ наживѣ. Такое же точно отношеніе цифръ преступности замѣчается и во Франціи.

Положеніе евреевъ въ Галиціи и Венгріи и благо, принесенное ими культурному развитію этихъ странъ, во многомъ напоминаютъ ихъ роль въ нашихъ сѣверозападныхъ и югозападныхъ губерніяхъ

Еврейскіе подвиги въ австро-венгерской монархіи и огульныя побоища, которымъ подвергалъ ихъ разсвирѣпѣвшій народъ, заносились своевременно въ политическую хронику нашего журнала. Но гдѣ еврейская эксплуатація достигла уже, что называется, геркулесовыхъ столбовъ,—такъ это въ несчастной Румыніи, въ которой невѣжество населенія служитъ самою благодарною почвою для гешефтовъ и надувательствъ всякаго рода. Французскій профессоръ Дежарденъ, въ своей спеціальной брошюрѣ, открылъ глаза Европѣ на варварскую эксплуатацію, чинимую жидами надъ массой румынскаго народа, и его брошюра нашла себѣ блестящее и авторитетное подтвержденіе въ офиціальномъ докладѣ, внесенномъ въ румынскую палату депутатовъ. «Наводненіе жидовъ въ Румыніи— говорится въ этомъ докладѣ — приняло въ послѣдніе годы такіе угрожающіе размѣры, что оно запугало румынское населеніе, которое видитъ, что въ его среду врывается раса, враждебная интересамъ страны. Индиферентность, которую обнаруживало до сихъ поръ наше правительство при видѣ этого *глухаго завоеванія* нашей страны, произвела въ экономическомъ быту государства глубокія потрясенія. Жиды образуютъ нынче цѣлое кочевое населеніе въ 500,000 душъ, на которое не оказываетъ никакого вліянія соціальная среда, его окружающая. И это происходитъ оттого, что жиды отличаются отъ румынъ и своимъ происхожденіемъ, и нравами, и языкомъ, и традиціями, и религіею. Въ румынской средѣ жиды устроили себѣ чудовищную монополію, которая поглотила окончательно торговлю и мелкіе промыслы, до такой степени, что жиды сдѣлались нынѣ неограниченными господами рынка. Народный трудъ, при этихъ условіяхъ, не приноситъ своихъ плодотворныхъ результатовъ... Владѣя огромными суммами и по природѣ склонные къ эксплуатированію чуждыхъ расъ, движимые господствующимъ инстинктомъ наживы, жиды, безъ всякихъ стѣсненій, ударились въ ростовщичество, разоривъ и доведя до нищеты тысячи зажиточныхъ семействъ. *Ростовщичество сдѣлалось въ Румыніи страшной язвой*, которая поражаетъ весь національный организмъ и изсушаетъ въ корнѣ всѣ жизненныя силы страны. Эта монополизація капиталовъ есть самая существенная причина монетнаго кризиса, нынѣ тяготѣющаго надъ страною. «Господа положенія» (т. е. жиды) не имѣя предъ собою никакихъ преградъ, не чувствуя никакой оппозиціи, создаютъ съ умысломъ затрудненія и кризисы, и ухищряются находить въ самой нищетѣ народа источникъ средствъ для удовлетворенія своей ненасытной жадности, ибо *нищета весьма производительна для тѣхъ, кто имѣетъ подлость ее эксплуатировать*. (Такую же точно мысль о производи-

тельности нищеты для тѣхъ, кто умѣетъ ею пользоваться, высказываетъ и ростовщикъ въ разсказѣ: «Откровенный», напечатанномъ въ этой книгѣ нашего журнала. Но то, что служитъ въ русскомъ обществѣ предметомъ омерзенія, у жидовъ считается заслугой передъ кагаломъ и даетъ право на уваженіе соплеменниковъ). Прогрессъ этой жидовской коалиціи дошелъ до того, что евреи *захватили исключительно въ свои руки торговлю напитками и съѣстными припасами.* Трудящійся классъ наиболѣе страдаетъ при этомъ отъ жадности монополистовъ, такъ какъ они пускаютъ въ ходъ разные способы фальсификаціи, вредные для общественнаго здоровья. Исторія неопровержимо доказываетъ намъ, что юдаизмъ характеризуется самою строгою исключительностью. *По нуждѣ, жиды подчиняются государственной власти не-евреевъ, но никогда они не согласятся сдѣлаться составною частью государства, въ которомъ живутъ.* Они не могутъ изгладить изъ своей памяти идею *еврейскаго царства*, — идею, которая просвѣчиваетъ во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ. Вотъ почему жидъ испанскій, англійскій, французскій или польскій никогда не сдѣлается ни полякомъ, ни французомъ, ни англичаниномъ, ни испанцемъ: онъ останется всегда евреемъ, какъ его предки библейскихъ временъ. Въ какомъ количествѣ и куда бы ихъ ни пересадили, жиды всюду вносятъ, самымъ фактомъ своего появленія, сѣмена упадка и разрушенія, такъ какъ ихъ основная тенденція заключается въ томъ, чтобы строить свое благополучіе на несчастіи и разореніи другихъ. Они не связаны благодарностью съ тѣми народами, которые оказали имъ свое гостепріимство, *потому что смотрятъ на нихъ, какъ на узурпаторовъ.* Поэтому же они употребляютъ всѣ средства, чтобы добыть себѣ преобладающее положеніе во вселенной, — то положеніе, которое, по ихъ вѣрѣ, принадлежитъ имъ въ силу ветхозавѣтнаго договора съ самимъ божествомъ. *Жиды тѣмъ менѣе могутъ требовать къ себѣ терпимости, что ихъ религія есть наиболѣе исключительная и утѣснительная въ мірѣ*, ибо юдаизмъ никого не принимаетъ въ свою религіозную среду, но предаетъ ненависти и вѣчному преслѣдованію тѣхъ, кто не принадлежитъ къ израильской расѣ; вообще онъ находится въ вѣчной войнѣ противъ всѣхъ высшихъ моральныхъ идей, проникающихъ собою европейскія учрежденія и составляющихъ основу современнаго соціальнаго строя».

Послѣ этого правдиваго, документальнаго доклада румынской палатѣ, едва ли покажется преувеличенной и общая характеристика европейскаго, уже «полноправнаго» жида, сдѣланная меткимъ перомъ Дрюмона: «Что составляетъ господствующую черту еврея—

это ненависть и презрѣніе къ *гою*, иностранцу, не-жиду, «скотскому сѣменн», а также увѣренность, что *еврей принадлежитъ къ привилегированной расѣ, предназначенной обратить въ рабство себѣ всѣ другіе народы, заставить ихъ работать на израиля.* Противъ гоя, *который не считается даже человѣкомъ*, всѣ средства позволительны: клятва, если она касается этого гоя, ни къ чему не обязываетъ жида, который, напротивъ, долженъ всячески на судѣ топить христіанина, даже тогда, когда этотъ несчастный имѣетъ всю правду за себя. Вооруженный такимъ образомъ, помазанный свыше на свою миссію, освобожденный предписаніями своей религіи отъ всякихъ нравственныхъ стѣсненій, — жидъ устремляется всецѣло на добываніе капиталовъ. Теперь онъ—торжествующій биржевикъ, вліятельный журналистъ; это — Эжень Майеръ, Артуръ Майеръ, Жакъ Майеръ, Альмайеръ; словомъ, онъ—Все-Майеръ и, къ какому бы вопросу вы ни прикоснулись, вездѣ найдете въ подкладкѣ какого нибудь Майера!!».

Католическія симпатіи Дрюмона пусть останутся при немъ («безгрѣшный папа» стоитъ безгрѣшнаго раввина!) но очеркъ нравственной физіономіи современнаго еврея сдѣланъ имъ безпристрастно, и матеріаломъ для этого послужили подлинныя изреченія талмуда, въ переводѣ пражскаго профессора Ролинга, котораго австрійскіе жиды чуть не подвергли распятію за этотъ изобличительный переводъ [1]). По мнѣнію Дрюмона, современнымъ евреямъ нѣтъ даже надобности изучать въ подлинникѣ книги своего вѣроученія. «Талмудъ—говоритъ онъ — уже запечатлѣнъ въ ихъ мозгу по закону наслѣдственности; онъ есть умственное наслѣдіе, завѣщанное безчисленнымъ множествомъ поколѣній, которыя сохли и блѣднѣли надъ изученіемъ этихъ правилъ и успѣли воплотить ихъ въ себѣ. Евреи проникнуты, пресыщены своимъ талмудомъ; они обязаны ему не только идеей о превосходствѣ своемъ надъ всѣмъ человѣчествомъ,—что дѣлаетъ ихъ столь сильными,—но также тѣмъ полнѣйшимъ отсутствіемъ всякаго моральнаго чувства, всякаго различенія добра отъ зла, которое почти обезоруживаетъ васъ: до такой степени оно прирожденно и непосредственно у еврея».

По слѣдамъ западной Европы пошла и сѣверная Америка. Неудержимое гешефтмахерство «полноправнаго еврейства», его вѣчное, какъ бы физіологически предначертанное въ мозгу, стремленіе къ легкой наживѣ и отвращеніе къ тяжелому производительному труду (въ особенности земледѣльческому); его сектант-

---

[1]) См. *Auguste Rohling*: „Le Juif selon le Talmud. "Edition française. Paris, 1889.

ская нетерпимость къ остальному человѣчеству—все это проявило уже себя такими крупными и несомнительными штрихами, что свободолюбивые янки, не опасаясь упрековъ со стороны либерально-жидовской журналистики, порѣшили въ послѣднее время совсѣмъ не пускать на свою территорію этихъ «ужасныхъ паразитовъ», какъ ихъ называютъ въ Англіи, этихъ animaux malfaisants, какъ ихъ титулуютъ во Франціи.

Таковы результаты «еврейской полноправности» на обоихъ полушаріяхъ нашей планеты. Евреи, очевидно, ничему не научились и ничего не забыли, съ тѣхъ поръ какъ историческія обстоятельства сомкнули ихъ въ какую-то злобную, остервенѣлую, человѣконенавистническую секту. Теперь ихъ никто не гонитъ въ западной Европѣ; даже въ Россіи ихъ культурнымъ подвигамъ открыта огромная территорія (безъ права только проникать за «черту осѣдлости»); но и въ Европѣ, какъ въ Россіи, упорные семиты сохраняютъ все свое средневѣковое обличіе и шепчутъ старыя угрозы по адресу *гоевъ*, уже призрѣвшихъ ихъ въ своей семьѣ. Мудрено ли, что «умные и убѣжденные» (по выраженію Сарсэ) мыслители въ Европѣ пришли въ недоумѣніе: не поторопились ли они наградить полноправіемъ *вредное сообщество*, прежде чѣмъ обезвредить его и привести въ рамки, терпимыя законами цивилизованныхъ странъ? Не промахнулись ли они, принявъ ястреба за кукушку?

Послѣ опыта, извѣданнаго Европой и Америкой, позволительно и Россіи—не торопиться съ упраздненіемъ черты еврейской осѣдлости. «Черта» эта и безъ того слишкомъ обширна для плодотворной культурной дѣятельности; но она, разумѣется, тѣсна для ненасытной наживы и пѣнкоснимательства. А каковы являются культурныя насажденія семитовъ въ отмежеванныхъ имъ на добычу губерніяхъ—мы поговоримъ въ слѣдующій разъ, и также не голословно, но съ документами въ рукахъ.

ФОНОГРАФЪ.

(фельетонъ «Наблюдателя»).

ОПРАВДАННЫЙ РЕДАКТОРЪ *).

Ликуетъ доблестный редакторъ,
Ликуютъ сонмища жидовъ:
Занѣ ихъ прихвостень и факторъ
Второй ужь банкъ «сорвать» готовъ—
Сорвать во славу Полякова,
Въ честь Вильны и во благо Шклова!

Ефимъ Простосердовъ.

БОЛОТНЫЙ ПАТРІОТИЗМЪ.

Сколозуба встрѣтишь
Нынче въ кои вѣки:
Измельчали люди,
Обмелѣли рѣки.
Осушаться стали
Пинскія болота;
Но вотъ тутъ и грянулъ
Голосъ патріота: *)

*) Г. Нотовичъ, обвиненный здѣшнимъ окружнымъ судомъ въ клеветѣ на членовъ правленія петербургско-тульскаго банка, оправданъ, какъ извѣстно, судебною палатою. Побѣда была тѣмъ легче для издателя еврейской газеты, что *противная сторона отсутствовала на судѣ*: ее предусмотрительно выслали за двери въ самомъ началѣ «судоговоренія»...

Е. И.

*) См. „Моск. Вѣд.“

«Стойте, якобинцы,
«Стойте, изувѣры;
«Дѣтища измѣны,
«Стойте, инженеры!!
«Русь лишить хотите
«Крѣпкой вы защиты;
«Лучшей обороны
«Нѣтъ—и не ищите.
«Тамъ завязнетъ нѣмецъ
«Конный, какъ и пѣшій;
«Наши два патрона—
«Водяной да лѣшій.
«Какъ затянетъ нѣмцевъ
«Пинскою трясиной,
«Мы тогда ихъ встрѣтимъ
«Съ храбростію львиной.
«Затрепещетъ нѣмругъ
«Грозныхъ нашихъ взоровъ:
«Вѣдь недаромъ предокъ
«Нашъ—герой Суворовъ!»
Изъ Москвы несется
Гласъ сей громче пушекъ,
А ему съ болота
Вторитъ хоръ лягушекъ.

Л. Балалайкинъ.

АНГЛІЙСКІЕ ПЛУГИ.

(Правдивая сценка изъ сельско-хозяйственнаго быта съ «раціональнымъ» направленіемъ).

Знатный тотемскій лэндъ-лордъ
Въ грузномъ шарабанѣ
Въ Монрепо свое въѣзжалъ
Съ закладной въ карманѣ.

Въѣхавъ, онъ повеселѣлъ,
Лишней нѣтъ заботы:
Видитъ: въ полѣ у него
Кончены работы;
«Какъ прекрасно, что купилъ
«Англійскихъ плуговъ я,
«Не послушалъ глупыхъ словъ
«Старика Прокофья».
Ѣдетъ дальше. На виду,
Влѣво отъ сарая,
Плугъ, какъ новенькій, стоитъ,
Издали сверкая.
«Посмотрѣли бъ у меня
«Энгельгардтъ, Совѣтовъ,
«Какъ орудья берегутъ
«И безъ ихъ совѣтовъ».
На крыльцо бѣжитъ жена,
Дѣти сыплютъ градомъ;
Управляющій спѣшитъ
Къ барину съ докладомъ.
Поданъ завтракъ.—Что, Procope,
Все вспахали, други?
Что, узнали, каковы
Англійскіе плуги?—
—Свѣтъ увидѣли при нихъ;
Хороши ужь больно;
Только много... одного
Было бы довольно.
—Неужели жъ ты однимъ
Все вспахалъ, Прокофій?—
Нашъ хозяинъ вопросилъ,
Отодвинувъ кофій.
—Баринъ, я признаюсь вамъ,
Не пахалъ плугами,
А одинъ поставилъ тамъ
Передъ воротами.
У меня, кто опоздалъ,
Я ему: «дружочекъ,
Хочешь, я тебѣ впрягу
Аглицкій плужочекъ»?
Такъ повѣрите ль, ей-ей,
Чуть дуракъ не плачетъ—

На другой день раньше всѣхъ
Въ поле-то прискачетъ.

Бомаршэ изъ Тотьмы.

ВСЛУХЪ И ПРО СЕБЯ.

Должникъ любезно говоритъ,
Предъ кредитòромъ хмурымъ стоя:
«Я, право, на себя сердитъ
За то, что долженъ вамъ давно я.
Повѣрьте, черезъ два-три дня
Я расплачусь навѣрно съ вами»...
(Свой долгъ получишь ты съ меня
Въ загробной жизни... угольками...)
Солидный докторъ цѣлый часъ
Больнаго пульсъ считаетъ важно:
«Поставимъ на ноги мы васъ»,
Вретъ эскулапъ ему отважно:
«Болѣзнь скорехонько пройдетъ,
Здоровымъ встанете вы завтра-съ»...
(Пожалуй, завтра безъ заботъ
Переселишься ты ad patres...)
Поживѣ крупной очень радъ,
Передъ довѣрчивымъ кліентомъ
Юлитъ вертлявый адвокатъ:
«Съ рубля доволенъ я процентомъ...
За дѣло взявшись сгоряча,
Его я выиграю смѣло»...
(Впередъ задатокъ получа,
Предамъ я волѣ божьей дѣло...)
На весь сезонъ набрать спѣшитъ
Антрепренеръ себѣ артистовъ,
Имъ горы золота сулитъ,
И рѣчи тонъ его неистовъ:
«Да! Ваша будущность свѣтла:
Довольны будете вы мною...»
(Вы мнѣ поправите дѣла,
А я... я васъ пущу съ сумою...)
Лакей о гостѣ доложилъ,
Гостинной двери растворяя;

Хозяинъ такъ любезенъ, милъ,
Его привѣтливо встрѣчая:
«Садитесь! Чѣмъ васъ угощать?
Визитъ вашъ каждый—мнѣ отрада!»..
(Ословъ подобныхъ не пускать
Впередъ велѣть Семену надо...)
Клянется пылко джентльменъ
Передъ богатою вдовою:
«Мое вы сердце взяли въ плѣнъ...
Горю я страстью огневою!
Вы пожалѣть меня должны!
Какъ это жаль, что вы богаты»...
(Мнѣ деньги лишь твои нужны,
Сама, понятно, не нужна ты...)
Передъ «особой» вопіетъ
Зѣло приниженный проситель:
«Вы—мой единственный оплотъ,
Моя надежда, мой спаситель!»..
—Гм!.. Чѣмъ могу, служить готовъ...
Впадать въ сомнѣнье вы могли такъ?!—
(Глупецъ, не трать напрасно словъ,
Коль въ просьбѣ нѣтъ пучка кредитокъ...)

СОНЪ ДѢЛЬЦА.

Пообѣдавъ плотно,
Съ тонкою сигарой
Дремлетъ беззаботно
Тузъ солидный, старый.
Въ окна кабинета
Солнце не сіяетъ;
Сумракъ полусвѣта
Къ сну располагаетъ.
Зритъ во снѣ видѣнья
Тузъ, заснувши въ креслѣ.
Ярко впечатлѣнья
Дней былыхъ воскресли,—
Какъ терпѣлъ онъ муку
Въ пору дѣтства злаго,
Какъ смѣнилъ науку
На тельца златаго;

Какъ носилъ съ нахальствомъ
Честности личину,
Какъ передъ начальствомъ
Гнулъ онъ низко спину;
Какъ стопой побѣдной
Онъ ступалъ свободно—
Отъ мансарды бѣдной
До квартиры модной,
Какъ съумѣлъ въ столицѣ
Стать ногою прочной,
Какъ успѣлъ добиться
Славы безупречной;
Какъ баронства кстати
Былъ онъ удостоенъ...
Спитъ онъ. Какъ дитяти,
Сонъ его спокоенъ...

Старый Капралъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на еженедѣльный иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни

XXII г. НИВА 1891 г.

со многими безплатными приложеніями и преміями.

„НИВА“ въ 1891 году **будетъ преобразована** какъ по **количеству матеріала для чтенія**, такъ и **по характеру главной художественной преміи**. Еженедѣльные №№ „НИВЫ“ (52 №№ въ годъ) останутся въ прежнемъ составѣ, какъ литературномъ, такъ и художественномъ; **но, кромѣ того**, всѣ подписчики „НИВЫ“ **получатъ безплатно:**

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ БОЛЬШИХЪ КНИГЪ.

состоящихъ изъ романовъ, повѣстей, разсказовъ и популярныхъ научныхъ статей и проч.—лучшихъ современныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей,—въ числѣ этихъ книгъ (по истеченіи 50-лѣтняго срока авторской собственности (15 іюля 1891 г.) 3 тома будутъ заключать въ себѣ, **какъ самостоятельное изданіе,**

полное собраніе сочиненій М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

подъ редакціею **А. И. Введенскаго,**

съ портретомъ и автографомъ автора, гравиров. на стали. Что касается **главной преміи**, то гг. подписчики „НИВЫ“ получатъ безплатно:

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ СЪ 10-Ю АКВАРЕЛЯМИ,

исполнен. по картинамъ: **Айвазовскаго, Александровскаго, Васильковскаго, Волкова, Зичи, Каразина, Кившенко, Клевера, Премацци и Сверчкова.** Размѣръ каждой картины **10 верш.** длины и $7^1/_2$ **верш.** ширины. Альбомъ будетъ разосланъ **въ красивой палкѣ, украшенной акварелью худ. А. Зенцова.**

Альбомъ былъ встрѣченъ со стороны печати и художниковъ весьма лестными отзывами. **Видѣть его можно у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.**

По прежнему, къ „НИВѢ“ будутъ прилагаться **ежемѣсячно „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“**, 12 №№ въ годъ, содержащихъ до 500 модныхъ гравюръ, 350 рисунковъ **рукодѣльныхъ и вышивныхъ** работъ, 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину и проч.—словомъ: **„полный журналъ модъ и рукодѣлій“.**

При 1-мъ № „НИВЫ“ будетъ разосланъ **изящный „СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1891 годъ**, исполненный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе «НИВЫ» со всѣми вышепоименованными приложеніями и преміями:

Безъ достав. въ С.-Петебр. 5 р. —

Съ доставкою въ С.-Петер. 6 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ (въ конт. Н. Н. Печковской) . . . . . **6 р.**

Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи. . . . . **7 р.**

ЗА ГРАНИЦУ. . . . . **10 р.**

Требованія просятъ адресовать: **въ С.-Петербургъ, въ главную контору журнала „НИВА“ (А. Ф. МАРКСУ)**. Невскій просп., № 6.

Въ книжныхъ магазинахъ: »Новаго Времени», Стасюлевича, Вольфа, Цинзерлинга, Карбасникова, Фену и Попова продается

НОВАЯ КНИГА:

ВОСТОЧНЫЕ МОТИВЫ,

Стихотворенія **В. Л. Величко.**

I. **Восточные мотивы:** оригинальныя стихотворенія и переводы съ персидскаго, арабскаго, турецкаго, грузинскаго и татарскаго языковъ. (Между прочимъ, стихотворенія: „**Ахметъ на Минаретѣ**“, „**Легенда о суфи Халаджѣ**“, „**На вершинахъ Ислама**“, „**Неудачливый одноженецъ**“, „**Горойская башня**“, „**Тридцать шесть халатовъ**“, поэмы: „**Слѣпецъ**“ и „**Амру**“ и восточная сказка: „**Ханъ, свинья и 3 ученыхъ**“).

II. **Лирическія стихотворенія**, эскизы и т. д.

III. **Шутки.**

Всего 118 №№ на 245 страницахъ.

Книга украшена виньеткой **Н. Н. КАРАЗИНА**, заставками и culs de lampe изъ **Вѣстника изящныхъ искусствъ**“.

Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 75 к.

1891 — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1891

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

Газета общественная, политическая и литературная

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“. V. Послѣднія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края“. VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ). IX. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный- Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библіографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты. XVIII. Сторонніе сообщенія. XIX. Объявленія. Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ южной Россіи. Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногороднимъ . .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей. Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

Редакторъ-издатель **А. А. Іозефовичъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1891 — ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ — 1891

12 книгъ съ портретами, цѣна ДЕВЯТЬ рублей съ пересылкою.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ изд. 1891 года будутъ, между прочимъ, напечатаны: „Записки А. М. Тургенева“,—„Дневникъ академика А. В. Никитенко (1860—1873 гг.),—„Записки профессора Н. В. Берга“ († 1884 г.), „Записки Н. А. Огаревой-Тучковой (1856—1878 гг.);—Очерки и воспоминанія: „Ген.-отъ-инф. князя Н. С. Голицына; ген.-отъ-инф. А. А. Одинцова; Н. В. Веригина; М. А. Бестужева, В. К. Кюхельбекера, князя Яшвиля, Барановича, архимандрита Терлецкаго, профес. Д. И. Ростиславова, Мохнацкаго (о событіяхъ 1831 г.). Разсказъ служившаго при К. Ѳ. Рылѣевѣ Агапа Иванова, записки полковника Гагерна—„Изслѣдованіе о царствованіи Александра I“, Н. К. Шильдера,—и многіе другіе.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1891 г. принимается для иногородныхъ въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, по Бол. Подъяческой, д. № 7.

Городскіе подписчики въ Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Цинзерлинга (Невскій проспектъ, д. № 20).

Подписчики на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1891 года получаютъ за ОДИНЪ рубль съ пересылкою: ПЯТОЕ СОБРАНІЕ ПОРТРЕТОВЪ, превосходно выполненныхъ весьма точные снимки геліогравюры съ лучшихъ старинныхъ гравюръ на металлѣ.

Изд.-Ред. „Русской Старины“ М. И. СЕМЕВСКІЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

27-й годъ изданія. БУДИЛЬНИКЪ въ 1891 году.

Премія „БУДИЛЬНИКА“: полный текстъ поэмы **А. С. ПУШКИНА,**

РУСЛАНЪ и ЛЮДМИЛА,

съ 8-ью художественно-исполненными фототипіями, работы художника-фотографа Р. Ю. ТИЛЕ. Опера „Русланъ и Людмила“ теперь богато поставлена на сценѣ московскаго Императорскаго Большаго театра. Восемь картинъ нашей преміи представляютъ собою снимки съ самыхъ живописныхъ сценъ оперы. Новый способъ художника-фотографа Р. Ю. Тиле далъ возможность моментально снять, прямо со сцены, самыя сложныя картины, напр., волшебный садъ колдуна, бой Черномора съ Русланомъ и пр. Въ группахъ участвовали первые персонажи московской оперы при полномъ составѣ хора и статистовъ. Премія будетъ издана въ видѣ книги, съ изящной виньеткой, украшенной портретами А. С. Пушкина и М. И. Глинки. Редакція смѣетъ думать, что ея изданіе достойно почтитъ память двухъ русскихъ геніевъ.

Въ вопросѣ о преміи мы безусловно и безповоротно серьезны. Во всемъ остальномъ свободно допускаемъ шутку и шалость. Мы все критикуемъ и надъ всѣмъ посмѣиваемся, хотя иногда и не прочь, шутя, похвалить за хорошее. Наши сотрудники—народъ веселый!.. Сами вдоволь насмѣются и другихъ насмѣшатъ. Особенно достается отъ нашихъ сотрудниковъ провинціи: они ей спуску не даютъ. Если вы, къ удивленію нашему, еще не состоите подписчикомъ на „БУДИЛЬНИКЪ“, то подпишитесь.

Подписка великодушно принимается на слѣдующихъ условіяхъ: Безъ преміи съ пересылкою во всѣ города: на годъ 9 руб., полгода 5 руб. Съ преміей „Русланъ и Людмила“ съ пересылкою во всѣ города, на годъ 10 руб. (Полугодовые подписчики преміи не получаютъ).

Адресъ Редакціи и Главной Конторы: Москва, Тверская, д. Гинцбурга.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ XI. **„ОСКОЛКИ“** XI ГОДЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И ПРИ ПОСТОЯННОМЪ УЧАСТІИ **Н. А. ЛЕЙКИНА.**

Еженедѣльный (52 нумера въ годъ), иллюстрированный юмористическій журналъ „Осколки“ съ карикатурами, вступая въ одиннадцатый годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1891 году подъ той же редакціей, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ 1890 году.

Журналъ „Осколки“ издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій, помѣщая на своихъ страницахъ въ теченіе года до 800 юмористическихъ и карикатурныхъ, художественно выполненныхъ рисунковъ, какъ въ краскахъ, такъ и черныхъ, и до 1,300 юмористическихъ и сатирическихъ статей, въ стихахъ и въ прозѣ, и именно: легкихъ фельетонныхъ набросковъ изъ текущей жизни, разсказовъ, сценъ, шаржей, пародій, очерковъ, анекдотовъ, шутокъ, изреченій, каламбуровъ, шарадъ, загадокъ и пр.

Время отъ времени, редакція предлагаетъ ребусы, шарады и загадки НА ПРЕМІЮ. Текстъ журнала вполнѣ оригинальный: переводныя статьи не помѣщаются.

Всѣ ГОДОВЫЕ подписчики получатъ въ концѣ 1891 года безплатную премію подъ названіемъ:

„ПЕРОМЪ И КАРАНДАШЕМЪ“

изящно изданный альбомъ, заключающій въ себѣ автографическіе наброски пера и карандаша русскихъ писателей, художниковъ, музыкантовъ, пѣвцовъ, актеровъ и пр.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:		БЕЗЪ ДОСТАВКИ И ПЕРЕСЫЛКИ:	
На годъ съ безплатн. преміей .	9 р.	На годъ съ безплатн. преміей	8 р. — к.
На полгода безъ преміи . . .	5 „	На полгода безъ преміи . .	4 „ 50 „
На три мѣсяца безъ преміи . .	3 „	На три мѣсяца безъ преміи	3 „ 50 „
За границу	10 „		

За пересылку преміи приплаты не полагается. Допускается разсрочка подписной платы черезъ господъ казначеевъ или по личному соглашенію подписчика съ **Главной Конторой** журнала „Осколки“. Подписавшіеся съ разсрочкой получатъ премію лишь по уплатѣ всей подписной суммы.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ журнала „Осколки“, въ С.-Петербургѣ (Троицкая улица, д. № 18).

Редакторы-издатели: **Н. Лейкинъ и Р. Голике.**

КУРСКІЙ ЛИСТОКЪ

на 1891 годъ (13-й годъ изданія).

Выходитъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, а въ остальные дни—отдѣльныя телеграммы съ объявленіями. УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: съ пересылкою и доставкою: за 12 мѣс.—5 р., 6 м. — 2 р. 50 к., 3 м.—1 р. 25 к., 2 м. — 1 р., 1 м. — 60 к. Безъ доставки: на 12 мѣс. 4 р., на 6 м.—2 р., 3 м.—1 р. Отдѣльные №№ «Курскаго Листка»—5 к. приложеніе—3 к. Подписка принимается съ 1 чис. каждаго мѣсяца: КУРСКЪ, Можайская улица, домъ Фесенко, а также въ отдѣленіяхъ конторы въ уѣздныхъ городахъ Курской губерніи.

СЪ 1-го НОЯБРЯ ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ

НА ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

КРЫМЪ

ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ СИМФЕРОПОЛѢ (ГОДЪ ИЗДАНІЯ ДЕВЯТЫЙ)

Цѣль изданія газеты „КРЫМЪ"—служить интересамъ Таврической и сосѣднихъ съ нею губерній. Въ виду этого, въ газетѣ, кромѣ статей редакціонныхъ, касающихся всѣхъ сторонъ жизни нашего края, какъ въ экономическомъ, такъ и въ общественно-бытовомъ отношеніяхъ, редакція удѣляетъ широкое мѣсто на страницахъ газеты отдѣлу корреспонденцій, почему она озаботилась пріобрѣтеніемъ корреспондентовъ, не только въ главныхъ городахъ юга Россіи (Одесса, Екатеринославъ, Херсонъ, Харьковъ и друг.) и во всѣхъ городахъ Таврической губерніи, но и въ болѣе крупныхъ сельскихъ пунктахъ нашей и сосѣднихъ губерній. Помимо этого, желая доставить своимъ читателямъ возможно скорыя и вѣрныя свѣдѣнія, редакція постаралась организовать телеграфную агентуру отъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ Россіи: Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ, Вильнѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ, Одессѣ, Херсонѣ, Николаевѣ, Тифлисѣ, Таганрогѣ, Ростовѣ-на-Дону и Кишиневѣ. Такимъ образомъ, газета „КРЫМЪ" является единственной на всемъ югѣ Россіи, помѣщающей въ каждомъ № телеграммы своихъ собственныхъ корреспондентовъ. Кромѣ чисто редакціонныхъ силъ и корреспондентовъ изъ вышеупомянутыхъ пунктовъ, редакція обѣщала свое сотрудничество нѣсколько выдающихся русскихъ публицистовъ, статьи коихъ будутъ время отъ времени украшать страницы газеты „КРЫМЪ". Что же касается хозяйственно-технической части изданія, то положеніе, пріобрѣтенное газетой въ краѣ, позволяетъ намъ, не смотря на крупныя матеріальныя пожертвованія, помимо организаціи вышеупомянутой агентуры телеграфной корреспонденціи, значительно увеличить также форматъ газеты, что послѣдуетъ не далѣе конца текущаго ноября. Это увеличеніе формата газеты, при очень мелкомъ шрифтѣ, употребляемомъ въ газетѣ „КРЫМЪ", дастъ читателю матеріалъ, нисколько не уступающій, по своему количеству, самымъ большимъ провинціальнымъ повременнымъ изданіямъ. Не смотря на всѣ эти, а равно и на другія, предположенныя редакціей, улучшенія въ газетѣ, находимъ вполнѣ возможнымъ оставить подписную цѣну въ прежнемъ размѣрѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

(Съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста Россіи). На 12 мѣсяцевъ 6 рублей. На 6 мѣсяцевъ 4 рубля. На 1 мѣсяцъ 80 копѣекъ. Разсрочка допускается лишь для народныхъ учителей, сельскихъ священниковъ, фельдшеровъ и сельскихъ писарей. За перемѣну адреса высылается 40 коп. почтовыми 7 коп. марками. Подписка принимается въ главной конторѣ, въ г. Симферополѣ, и въ ея отдѣленіяхъ въ городахъ: Севастополѣ, Керчи, Ѳеодосіи, Евпаторіи и Бердянскѣ. Адреса отдѣленій въ заголовкѣ каждаго №.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ НА

САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ

ВЪ 1891 ГОДУ (29-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Вступая въ двадцать девятый годъ изданія, „САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ" остается при той же программѣ и при томъ же, извѣстномъ читателямъ, составѣ редакціи и сотрудниковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкою въ Саратовѣ: на годъ 7 р., на полгода 4 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к. Съ пересылкою въ другіе города: на годъ 8 р., на полгода 4 р. 50 к., на 3 мѣс. 3 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Нѣмецкая, домъ Онезорге. Объявленія принимаются: на 1-й страницѣ первые три раза 20 к. за строку, въ слѣдующіе разы по 15 к.; на 3-й и 4-й—первые три раза по 7 к., на послѣдующіе разы по 5 к. Годовыя объявленія пользуются особой уступкой. Розничная продажа газеты по 5 к. за экземпляръ.

Редакторъ-издатель П. О. ЛЕБЕДЕВЪ.

Издатель И. П. ГОРИЗОНТОВЪ.

1891—ГОДЪ ИЗДАНІЯ СЕМЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ—1891

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

съ еженедѣльными и ежемѣсячными иллюстрирован. приложеніями и книжками

„РОМАНЫ и ПОВѢСТИ“

Газета съ переходомъ къ НЫНѢШНЕМУ ИЗДАТЕЛЮ и при НОВОМЪ СОСТАВѢ РЕДАКЦІИ совершенно реформирована и выходитъ (безъ повышенія подписной платы) въ форматѣ

БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ

Ежедневно помѣщаются статьи по современнымъ общественнымъ вопросамъ, политическія, экономическія, финансовыя и научныя. Беллетристика: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и проч. Выдающіяся событія изъ придворнаго и военнаго міра сообщаются спеціальными корреспондентами. Вообще-же новости дня столичной, внутренней и иностранной жизни печатаются одновременно съ другими изданіями, а потому газета „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“ вполнѣ можетъ замѣнить собою

ДОРОГУЮ ПО ПОДПИСНОЙ ЦѢНѢ ГАЗЕТУ и ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, подписчикъ получаетъ:

1) По воскресеньямъ особое иллюстрированное приложеніе, отпечатанное на веленевой и глазированной бумагѣ въ видѣ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА,

гдѣ помѣщаются: историческіе и современные романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія (оригинальные и переводные). Въ годъ болѣе 300 рисунковъ.

2) КНИЖКИ «РОМАНЫ и ПОВѢСТИ». Каждая книжка содержитъ отъ 160 до 200 страницъ, что въ теченіе года, въ общемъ, составитъ цѣнную „ДОМАШНЮЮ БИБЛІОТЕКУ“ литературныхъ произведеній.

3) «МОДЫ и РУКОДѢЛЬЯ» (двѣнадцать нумеровъ), приспособленныя къ домашнему производству и замѣняющія собою для семействъ дорогой спеціальный дамскій модный журналъ (образцы узоровъ для вышиванія, вязанія, мѣтокъ, выпиловочныхъ работъ и проч.

4) «РОСКОШНЫЙ СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ», отпечатанный въ ТРИ краски.

Гг. ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ, выславшіе сполна подписную сумму, имѣютъ право получить ОДНО изъ ТРЕХЪ художественныхъ приложеній:

1) Большую картину художника С. И. ВЕРЕЩАГИНА:

„БОЙ КУПЦА КАЛАШНИКОВА СЪ КИРИБѢЕВИЧЕМЪ“

(Размѣръ: длина 20 вершковъ, вышина 14 вершковъ).

Картина эта отпечатана въ ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ красокъ.

Интересный историческій сюжетъ ея заимствованъ изъ безсмертной пѣсни М. Ю. Лермонтова и переданъ художникомъ съ тою исторической и этнографической правдой, которая, въ связи съ колоритностью его кисти, дѣлаетъ это новое произведеніе талантливаго художника самою вѣрною и краснорѣчивою иллюстраціей къ популярному творенію нашего поэта.

(См. на оборотѣ).

2) Большую гравюру съ знаменитой картины М. МУНКАЧИ

„ІИСУСЪ ХРИСТОСЪ НА КРЕСТѢ“

(Размѣръ гравюры: длина 18 вершк., вышина 12½ вершк.)

Картина эта, изображающая Господа нашего Іисуса Христа, распятаго на Крестѣ, представляетъ тотъ моментъ, когда Божественный Искупитель міра, въ предсмертныхъ страданіяхъ, взываетъ къ Богу. На лѣвомъ планѣ картины: убѣгающій Іуда и удаляющіеся книжники и фарисеи во главѣ съ тысяченачальникомъ. Распятый Спаситель окруженъ Богоматерью, Маріею Клеоповою, Маріею Магдалиною и ученикомъ Своимъ Іоанномъ. На первомъ планѣ, въ центрѣ сотникъ, увѣровавшій въ Христа. Глубокое знаніе эпохи, психологическая правда, трогательная простота и величіе, съ которыми передано потрясающее міровое событіе распятія Господня, придаютъ этой картинѣ неоспоримое значеніе образцоваго произведенія въ циклѣ знаменитыхъ шедевровъ христіанскаго творчества. Картина эта славится наравнѣ съ произведеніями Рафаэля, Мурильо, Рубенса и прочихъ корифеевъ религіозно-исторической живописи.

---

3) ГАЛЛЕРЕЯ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ

состоящая изъ десяти, лучшихъ ихъ произведеній.

Картины эти отпечатаны въ 17 — 25 красокъ.

Форматъ каждой картины: длина 15 дюйм., шир. 11 дюйм. Галлерея этихъ картинъ можетъ служить какъ настольнымъ, такъ и стѣннымъ украшеніемъ. Для храненія картинъ выдается БЕЗПЛАТНО изящная папка.

Обращаемъ вниманіе любителей и знатоковъ картинъ на это небывалое и цѣнное художественное изданіе, такъ какъ до сихъ поръ ни одна редакція не выдавала ничего подобнаго въ видѣ художественныхъ приложеній.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ежедневной газеты „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

съ еженедѣльными, ежемѣсячными иллюстрированными приложеніями и книжками «РОМАНЫ и ПОВѢСТИ.»

Съ доставкою и пересылкою по Россіи: На годъ 8 рублей. На 6 мѣс. 4 руб. За границу 14 руб.

Гг. годовые подписчики, желающіе получить на выборъ одно изъ трехъ предлагаемыхъ на 1891 годъ художественныхъ приложеній, высылаютъ на пересылку одного выбраннаго ими художественнаго приложенія ОДИНЪ рубль. Желающіе имѣть и остальныя, сверхъ одного выбраннаго, доплачиваютъ по ДВА рубля за каждый экземпляръ.

Мелкія суммы могутъ быть высылаемы почтовыми двухкопѣечнаго достоинства марками, проложенными бумагою, во избѣжаніе порчи. Гербовыя марки и купоны въ уплату НЕ ПРИНИМАЮТСЯ.

Годовые подписчики газеты „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“ могутъ получать и прежнія художественныя приложенія, оставшіяся въ ограниченномъ количествѣ: 1) Альбомъ—Сто картинъ „Жанръ и Пейзажъ“. Цѣна 1 р. 50 к.; 2) Альбомъ „Сорокъ картинъ изъ русской исторіи“. Ц. 1 р. 50 к.; Большія олеографическ. картины: 3) „Смерть Ивана Сусанина“ 1 р.; 4) „Іоаннъ III разрываетъ ханскую грамоту“ 1 р.; 5) „Проводы новобранца на службу“ 1 р.; 6) „Крещеніе Кіевлянъ“ 1 р. (Цѣны показаны съ пересылкою).

Разсрочка допускается, но исключительно чрезъ Главную Контору.

Адресъ Главной Конторы: Спб., Невскій просп., у Аничкина моста, д. 68—40.

Подробное объявленіе съ образцами художественныхъ приложеній, контора высылаетъ по требованію безплатно.

За редактора М. Куплетскій. Издатель С. Добродѣевъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ДЕНЬ.

(360 вып. въ годъ). На годъ 5 р., на 8 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—3 р., на 4 мѣс.—2 р., на 2 мѣс.—1 р., на 1 мѣс,—60 коп. За границу на годъ 10 р. Объявленія по 0 к. за строку. Адресъ: С.-Петербургъ, Преображенская, № 4.

Редакторъ И. В. СКВОРЦОВЪ.
Издатель А. А. ГРЕВЕ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ НА

НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Газету политическую, экономическую и литературную (Годъ двадцать второй). «НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ» будетъ выходить ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

Главныя литературныя силы газеты нашей остаются въ томъ же составѣ, какъ и въ прежнее время. Изъ столичныхъ литературныхъ дѣятелей примутъ участіе: извѣстный петербургскій фельетонистъ Буква (И. Ѳ. Василевскій), П. П. Гнѣдичъ, А. Е. Степановъ, А. И. Молчановъ, Н. Н. Лендеръ, В. С. Садовскій и другіе. Изъ мѣстныхъ литературныхъ силъ, по прежнему, примутъ участіе: профессоръ В. И. Шерцль, М. В. Неручевъ, П. А. Сергѣенко (Бѣдный Іорикъ), Зео и О. Е. Накко (белетристическій отдѣлъ), И. П. Желиховскій, Г. Липинскій (Печоринъ). Альфредъ (псевдонимъ) и др. Обзоръ иностранной литературы ведется доцентомъ всеобщей литературы Л. Ю. Пепелевичемъ.

Въ будущемъ году редакція будетъ, по прежнему, помѣщать рисунки, касающіеся современныхъ событій, и портреты выдающихся дѣятелей и пользоваться услугами своихъ столичныхъ корреспондентовъ, ежедневно доставляющихъ намъ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ (законодательнымъ, административнымъ, экономическимъ, финансовымъ и проч.). Сообщенія столичныхъ корреспондентовъ получаются нами и печатаются въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ“ 1—2 днями раньше обыкновеннаго появленія ихъ въ другихъ газетахъ. „Новороссійскій Телеграфъ“ имѣетъ въ своей программѣ отдѣлъ „Юридической хроники“, предоставляющій редакціи право разбора и обсужденія судебныхъ рѣшеній; кромѣ того, редакція пользуется правомъ помѣщать рефераты судебныхъ засѣданій военно-окружнаго суда. Это право имѣютъ не всѣ мѣстныя газеты. ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Либмана, и въ отдѣленіяхъ газеты: при типографіи, Новая улица, домъ Озмидова, и на Молдаванкѣ, Петропавловская ул., домъ Озмидова. Кромѣ того, подписка принимается въ Кишиневѣ, въ библіотекѣ А. Т. Гришенко (Губернская улица, домъ Шилькреда) и въ книжномъ магазинѣ М. О. Шаха. Въ Николаевѣ, въ книжномъ магазинѣ г. Шаха.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Безъ доставки и пересылки: на мѣс. 1 р. 30 к., на 2 м. 2 р. 50 к., на 3 м. 3 р. 50 к., на 4 м. 4 р. 50 к., на 5 м. 5 р. 50 к., на 6 м. 6 р. 50 к., на 7 м. 7 р. 50 к., на 8 м. 8 р. 50 к., на 9 м. 9 р. 50 к., на 10 м. 10 р. 50 к., на 11 м. 11 р., на 12 м. 12 р. Съ доставкой и пересылкой: на 1 м. 1 р. 50 к., на 2 м. 2 р. 75 к., на 3 м. 4 р., на 4 м. 5 р. 50 к., на 5 м. 6 р. 50 к., на 6 м. 7 р. 50 к., на 7 м. 9 р., на 8 м. 10 р., на 9 м. 11 р., на 10 м. 12 р., на 11 м. 13 р., на 12 м. 14 р.

За границу къ стоимости экземпляровъ въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 60 к., въ годъ 7 р. 20 к. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полуторовые (по 7 р. къ 1 января и къ 1 іюня), или по четвертямъ года (по 3 р. 50 к. къ 1 января, 1 марта, 1 іюня и 1 сентября), т. е. всегда за мѣсяцъ впередъ до наступленія срока разсрочки. Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка въ кредитъ, по письменнымъ официальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіе первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1891 года.

Редакторъ-издатель М. ОЗМИДОВЪ.

1891—Большой семейный иллюстрированный журналъ—1891
(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЯТЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЙ).

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ВЫДАЕТЪ ПОДПИСЧИКАМЪ:
ПЯТЬДЕСЯТЪ ДВА НУМЕРА, ВЫХОДЯЩИХЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО, ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ, СОСТОЯЩИХЪ ИЗЪ 2½—3 ЛИСТОВЪ БОЛЬШАГО ФОРМАТА, ОТПЕЧАТАННЫХЪ НА ВЕЛЕНЕВОЙ БУМАГѢ, СЪ 7—10 РИСУНКАМИ БОЛЬШАГО АЛЬБОМНАГО РАЗМѢРА. КАЖДЫЙ НУМЕРЪ, РАДИ СОХРАНЕНІЯ РИСУНКОВЪ, РАЗСЫЛАЕТСЯ ВЪ ОСОБОЙ ОБЛОЖКѢ.

Кромѣ еженедѣльныхъ нумеровъ журнала годовые подписчики получатъ

ДЕВЯНОСТО БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ:

I. Двѣнадцать книгъ „романовъ, повѣстей, разсказовъ и стихотвореній“ (нѣкоторыя съ иллюстрац.), выходящихъ ежемѣсячно, въ размѣрѣ отъ 12 до 15 листовъ, въ форматѣ изящныхъ заграничныхъ изданій.

II. Двадцать четыре нумера „новѣйшихъ парижскихъ модъ“ (костюмы, платье, бѣлье и прически), выходящихъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ.

III. Двадцать пять листовъ образцовъ разныхъ изящныхъ дамскихъ и художественныхъ работъ. Выкройки, рисунки для вышивки, вязаній крючкомъ на спицахъ, русскаго шва (крестиками), монограммы, образцы выпиловочн. работъ и пр.

IV. Двѣнадцать гравюръ въ два тона съ картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, отпечатанныхъ на эстампной роскошной бумагѣ.

V. Двѣнадцать новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ русскихъ и иностранныхъ композиторовъ для пѣнія и фортепіано (романсы, танцы и солонныя пьесы).

VI. Большой стѣнной справочный календарь съ роскошнымъ орнаментомъ въ византійскомъ стилѣ, отпечатанный золотомъ и въ нѣсколько красокъ.

= НОВОСТЬ =

ЧЕТЫРЕ АКВАРЕЛЬНЫЯ КАРТИНЫ
„ВЕСНА“, „ЛѢТО“, ОСЕНЬ“ и „ЗИМА“,
отпечатанныя въ 15—20 красокъ, предназначаемыя спеціально для изящнаго украшенія оконъ будуаровъ, кабинетовъ и гостиныхъ. Картины эти будутъ разосланы одновременно и безъ сгиба, при чемъ дано будетъ печатное объясненіе, какъ ими воспользоваться.

Въ числѣ безплатныхъ литературныхъ приложеній, по истеченіи 50-ти лѣтняго срока авторской собственности (15-го іюля 1891 года), годовые подписчики получатъ изящное изданіе:

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
МИХАИЛА ЮРЬЕВИЧА ЛЕРМОНТОВА

Въ ДВУХЪ томахъ, съ портретами, факсимиле, снимками съ неизданныхъ его рукописей, рисунками выдающихся сценъ и виньетками въ текстѣ.

Изданіе это явится въ свѣтъ не простою перепечаткою существующихъ изданій, за вновь исправленнымъ и провѣреннымъ по манускриптамъ поэта, съ помѣщеніемъ новыхъ неизданныхъ до сихъ поръ сочиненій, съ біографіею, написанною по новымъ источникамъ, и примѣчаніями подъ редакціею П. В. БЫКОВА.

(*См. продолженіе*).

ГЛАВНАЯ ПРЕМІЯ:

ГАЛЛЕРЕЯ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ,

состоящая изъ ДЕСЯТИ, лучшихъ ихъ произведеній.

Картины эти отпечатаны въ 17—25 красокъ.

Въ составъ галлереи вошли слѣдующія картины: 1) „Самозванецъ и Ксенія“ (историч. жанръ). **Н. В. Неврева.** 2) „Меньшиковъ въ ссылкѣ“(историч. жанръ). **В. И. Сурикова.** 3) „Варка варенья“ (жанръ). **В. Г. Маковскаго.** 4) „Жестокій романсъ (жанръ). **И. М. Прянишникова.** 5) „Стадо коровъ“ **Н. А. Эллерта.** 6) „Стряпчій“ (жанръ), **В. Г. Маковскаго.** 7) „Сватовство“ (жанръ), **Н. В. Неврева.** 8) „Возвращеніе изъ школы“. **Г. Ѳ. Рыбакова.** 9) „Разлучница“ (жанръ). **К. Трутовскаго.** 10) Хуторъ зимою“ **П. Н. Дубовскаго.** Форматъ картины: длина 15 д. шир. 11 д.

Галлерея этихъ картинъ можетъ служить какъ настольнымъ, такъ и стѣннымъ украшеніемъ. Для храненія картинъ выдается **БЕЗПЛАТНО** изящная папка.

Обращаемъ вниманіе любителей и знатоковъ картинъ на это небывалое цѣнное и художественное изданіе, такъ какъ до сихъ поръ ни одна редакція не выдавала ничего подобнаго въ видѣ премій.

Любители большихъ гравюръ религіознаго содержанія или художественныхъ картинъ изъ Русской исторіи могутъ получить **ВЗАМѢНЪ** главной преміи „Галлерея извѣстнѣйшихъ русскихъ художниковъ“, на выборъ, **ЛЮБОЕ** изъ нижеслѣдующихъ **ДВУХЪ** художественныхъ приложеній.

1) Большую гравюру съ знаменитой картины **М. МУНКАЧИ:**

„ІИСУСЪ ХРИСТОСЪ НА КРЕСТѢ“

Картина эта произвела сенсацію въ художественномъ мірѣ на Всемірной Парижской выставкѣ 1889 года. Предлагаемая гравюра (размѣръ: вышина 12½ вершк., длина 18 вершковъ безъ полей) предназначается въ панданъ къ гравюрѣ „Шествіе Іисуса Христа на Голгоѳу“, выданной нами въ 1890 году.

2) Большую олеографію съ картины художника **С. И. ВЕРЕЩАГИНА:**

„БОЙ КУПЦА КАЛАШНИКОВА СЪ КИРИБѢЕВИЧЕМЪ“

Картина эта отпечатана въ 28 красокъ (Размѣръ: длина 20 верш., выш. 14 верш.).

ВСѢ ПРЕМІИ журнала выдаются при подпискѣ НЕМЕДЛЕННО.

Образцы главной преміи „ГАЛЛЕРЕЯ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ“ можно видѣть во всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ, принимающихъ подписку на наши изданія. Образцы другихъ премій выставлены въ Главной Конторѣ журнала (Спб., Невскій, 68 — 40), и въ Москвѣ въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ **Н. ЛИДЕРТЪ** (Б. Постъ), Неглинный проѣздъ, домъ Петровскихъ линій, №№ 21—24.

ГОДОВАЯ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ:

Въ Спб. (безъ доставки) 6 р. 60 к. Въ Москвѣ (безъ доставки) 7 руб. Съ доставкою и пересылкою по Россіи 8 руб. За границу 14 руб.

Годовой экземпляръ журнала, печатающійся для любителей на слоновой бумагѣ, съ пересылкою БЕЗЪ СГИБА—15 руб.

Разсрочка взносовъ допускается, но только чрезъ Главную Контору.

За пересылку **ОДНОЙ** выбранной преміи, уплачивается **ОДИНЪ** рубль, а при требованіи остальныхъ, кромѣ выбранной, за каждый экземпляръ по **ДВА** рубля.

ТРЕБОВАНІЯ И ПОДПИСКУ ПРОСИМЪ АДРЕСОВАТЬ:

Въ Главную Контору журнала «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ», Спб., Невскій пр., у Аничкова моста, д. № 68—40.

Подробное объявленіе съ образцами премій, контора высылаетъ по требованію **безплатно.**

За Редактора-Издатель С. Добродѣевъ.

1891 — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1891

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовая цѣна безъ пересылки и доставки . . .	12 р.	— к.
Съ доставкой въ Петербургѣ.	12 „	50 „
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи.	13 „	50 „
На полгода.	7 „	50 „
„ четверть года	4 „	— „
За границу	15 „	— „

Для иногородныхъ, подписывающихся чрезъ Главную Контору, разсрочка допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ—4 р., къ 1-му апрѣля—4 р., къ 1-му іюля—3 р. и къ 1-му октября 2 р. 50 к. Учащимся, духовенству, учителямъ и учительницамъ журналъ по-прежнему высылается на льготныхъ условіяхъ; т. е. со скидкою 2 р. съ годовой цѣны и съ разсрочкою: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля—3 р., къ 1-му іюля—3 р. и къ 1-му октября 2 р. 50 к.

Цѣна 12 книгамъ 1889, 1888, 1887, 1886 г.—8 р. и 1885—5 р.

Съ октября мѣсяца настоящаго года веденіе „Сѣвернаго Вѣстника“ перешло въ руки новой редакціи. Слѣдующія лица обѣщали „Сѣверному Вѣстнику“ свое участіе: М. Н. Альбовъ, А. А. Андреева, проф. Д. Н. Анучинъ, Н. М. Астыревъ, К. С. Баранцевичъ, Ю. И. Безродная, П. Д. Боборыкинъ, И. М. Болдаковъ, В. И. Бородаевская, В. В., проф. Александръ Н. Веселовскій, проф. Алексѣй Н. Веселовскій, А. А. Веселовская, П. И. Вейнбергъ, А. А. Винницкая, А. Л. Волынскій, Ѳ. Ѳ. Воропоновъ, З. Н. Гиппіусъ, Б. Б. Глинскій, А. А. Головачевъ, В. А. Гольцевъ, проф. Н. Я. Гротъ, Л. Я. Гуревичъ, Г. А. Джаншіевъ, А. М. Евреинова, А. В. Елисѣевъ, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Ив. Ив. Ивановъ, проф. И. И. Иванюковъ, проф. А. А. Исаевъ, Н. А. Каблуковъ, М. К. Горбунова, М. С. Корелинъ, проф. Н. И. Кирѣевъ, проф. С. В. Ковалевская, М. В. Крестовская, С. И. Ламанскій, проф. П. Ф. Лесгафтъ, проф. В. А. Лебедевъ, проф. И. Л. Лянниченко, Е. І. Лихачева, К. Н. Льдовъ, М. А. Лозинскій, М. В. Лучицкая, Е. П. Лѣткова, В. И. Макъ-Гаханъ, проф. Д. И. Менделѣевъ, Д. С. Мережковскій, Н. М. Минскій, А. К. Михайловъ (Шеллеръ), В. П. Михайловъ (Мартовъ), Д. Л. Мордовцевъ, проф. С. А. Муромцевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, А. Н. Паевская, А. Н. Плещеевъ, Я. П. Полонскій, И. Н. Потапенко, Н. А. Рубакинъ, М. И. Свѣшниковъ, А. М. Скабичевскій, В. Ю. Скалонъ, Вл. С. Соловьевъ, П. А. Соколовскій, В. Д. Спасовичъ, В. В. Стасовъ, проф. И. А. Стебутъ, проф. Н. И. Стороженко, проф. К. А. Тимирязевъ, В. Т., В. А. Фаусекъ, проф. И. Я. Фойницкій, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, С. Г. Фругъ, проф. Л. В. Ходскій, Н. Л. Холодковскій, А. П. Чеховъ, Ѳ. А. Червинскій, проф. В. М. Шимкевичъ, И. Л. Щегловъ (Леонтьевъ), проф. И. И. Янжулъ, Е. Н. Янжулъ, проф. Ю. Э. Янсонъ, проф. В. Г. Ярошкій и др.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ С.-Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала, Троицкая улица, д. 9, и въ отдѣленіяхъ Конторы—въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, въ С.-Петербургѣ—Литейная, д. 46, Москва—Моховая, д. Кохъ; Варшава—Новый Свѣтъ, д. 67; а также въ книжномъ магазинѣ И. А. Розова: въ Кіевѣ—Крещатикъ, д. Марръ; въ Одессѣ—Дерибасовская ул.; въ Казани въ книжномъ магазинѣ А. А. Дубровина—Гостиный дворъ, № 1.—Книгопродавцамъ уступка 50 коп. съ годовой цѣны экземпляра. Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ главную контору журнала. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

Главная Контора открыта ежедневно отъ 11-ти до 4-хъ час., исключая праздниковъ. Личныя объясненія по вторникамъ и четвергамъ отъ 2—4 часовъ.

0. 3—2. Редакторъ-Издатель Б. Глинскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

первый въ Россіи еженедѣльный иллюстрированный журналъ для религіозно-нравственнаго чтенія, въ 1891 году. Вступая въ седьмой годъ изданія, „Русскій Паломникъ“ въ 1891 году дастъ своимъ читателямъ: 52 еженедѣльныхъ №№ по два листа каждый съ рисунками (болѣе 250 въ годъ); 12 книжекъ ежемѣсячныхъ приложеній по шести листовъ въ каждой; Безплатную премію: написанный художникомъ Н. А. Тронинымъ и отпечатанный красками **портретъ отца Іоанна Кронштадтскаго.** Помимо разнообразнаго матеріала, имѣющагося въ редакціи по всѣмъ отдѣламъ программы, въ „Русскомъ Паломникѣ“ за 1891 годъ, между прочимъ, будетъ напечатанъ: **Дневникъ отца Іоанна Кронштадтскаго** вмѣстѣ съ его біографіей и выдержками изъ другихъ его сочиненій. Въ книжкахъ „Русскаго Паломника“ въ наступающемъ году главное мѣсто займетъ: **Жизнь Господа нашего Іисуса Христа,** только что явившееся въ свѣтъ обширное сочиненіе знаменитаго французскаго проповѣдника Дидона. Это сочиненіе, плодъ самыхъ тщательныхъ изысканій благочестиваго автора, совершившаго два долговременныхъ путешествія на мѣста евангелическихъ событій, все основанное на евангельскихъ сказаніяхъ, проникнутое глубокою вѣрою и написанное съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, составитъ, не менѣе знаменитаго произведенія Фаррара, эпоху въ христіанской историко-богословской литературѣ. Главная задача автора при написаніи этого сочиненія состояла въ томъ, чтобы отразить богохульныя нападки такъ называемыхъ свободныхъ мыслителей на божественную личность Христа Спасителя и всю вообще евангельскую исторію. „**Русскій Паломникъ**“ представляетъ собою первый въ Россіи опытъ иллюстрированнаго изданія религіозно-нравственнаго содержанія. Издаваясь съ сентября 1885 года еженедѣльными выпусками, онъ содержитъ въ себѣ описаніе святынь Россіи и православнаго Востока, историческіе и біографическіе очерки изъ жизни церкви и многочисленныхъ церковныхъ дѣятелей ея во всѣ времена существованія Церкви Божіей на землѣ, житія святыхъ угодниковъ божіихъ, повѣствованія изъ церковно-религіозной области, путешествіи ко святымъ мѣстамъ и обителямъ, объясненія праздниковъ и богослужебныхъ дѣйствій, назидательныя размышленія, текущую хронику событій и проч., и проч. Все это иллюстрируется художественно-исполненными рисунками и портретами. Въ книжки журнала выдѣляются такого же рода статьи, но болѣе обширнаго размѣра. Ежегодно при журналѣ выдаются художественныя приложенія. **Подписная цѣна ШЕСТЬ РУБЛЕЙ** въ годъ, съ правомъ разсрочки платежа подписной суммы.

Адресъ редакціи „РУССКАГО ПАЛОМНИКА“ С.-Петербургъ, Владимірскій проспектъ, 13.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ, политическую и торговую газету

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

въ 1891 году

съ доставкой въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города: на годъ 7 руб., одиннадцать мѣс. 6 р. 50 к., десять мѣс. 6 р., девять мѣс. 5 р. 50 к., восемь мѣс. 5 р., семь мѣс. 4 р. 50 к., шесть мѣс. 4 р., пять мѣс. 3 р. 50 к., четыре мѣс. 3 р., три мѣс. 2 р. 40 к., два мѣс. 1 р. 70 к., одинъ мѣс. 90 к., полмѣсяца 50 к. Разсрочка допускается—если уплачивается при подпискѣ треть платы на всѣ сроки, исключая четырехъ послѣднихъ. Плата за объявленія: за каждую строку въ одинъ столбецъ въ первый разъ по 10 коп. и по 5 коп. со строки на слѣдующіе разы. На первой страницѣ—плата вдвое. Контора редакціи и типографіи помѣщается въ Орлѣ, на Зиновьевской ул., д. 2, близъ собора и кадетскаго корпуса. Отдѣленіе конторы, книжный магазинъ и библіотека „Орловскаго Вѣстника“ помѣщаются по Болховской ул., д. 17.

Девятнадцатый годъ изданія. Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Орловской губерніи редакція имѣетъ своихъ корреспондентовъ. Въ газетѣ печатаются обстоятельныя торговыя свѣдѣнія орловскаго, елецкаго и другихъ ближайшихъ къ Орлу рынковъ и мѣстностей, сельско-хозяйственныя статьи, обозрѣнія и замѣтки.

Редакторъ-издательница **Н. А. Семенова.**

СОДЕРЖАНІЕ № 12-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

		Стран.
I.	Откровенный. Очеркъ. І. І. Ясинскаго.	5
II.	Въ болгарской тюрьмѣ. Стихотвореніе А. В. Круглова.	20
III.	Будущее переселеніе народовъ. П. В. Безобразова. .	21
IV.	Сѣдая старина. (Оригинальный романъ изъ древне-египетской жизни). А. А. Быкова. (*Окончаніе*)	55
V.	Сонъ. Стихотвореніе Л. Медвѣдева	112
VI.	Кавказскія преданія и легенды. В. Свѣтлова	114
VII.	Докторъ Круповъ и его теорія. В. В. Чуйко.	137
VIII.	Игрушечка. Повѣсть Н. Сѣверова.	158
IX.	Восточные мотивы. Стихотвореніе В. Л. Величко. . .	226
X.	Свѣтопреставленіе. Историческій романъ изъ эпохи тысячнаго года по Р. Х. (*Окончаніе.*) Феликса Дана. . . .	228
XI.	Два стихотворенія А. Ѳедорова	390

Современное обозрѣніе.

XII.	Политическая хроника	1
XIII.	Новыя книги	14
XIV.	Наши внутреннія дѣла	20
XV.	Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). Стихотворенія: Ефима Простосердова, Л. Балалайкина, Бомаршэ изъ Тотьмы и Стараго Капрала.	32

Stanford University Libraries
3 6105 004 943 697

AP
50
N33
v. 9:12

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD AUXILIARY LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-9201
All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

28D APR 28 1994

JUN 04 1994